МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт
Кафедра истории России

К 100-летию со дня рождения
профессора В. П. Невской

История народов Кавказа: диалог культур, языков и религий

Материалы международной
научно-практической конференции

1–2 ноября 2019 г.

Ставрополь
2019

УДК 94(470.6):23/29:31 (082)
ББК 63.3(235.7):86.2/3:60.5 я43
И 90

Составители:
М. Е. Колесникова, И. В. Крючков,
Т. А. Колосовская, О. И. Шафранова, И. В. Зозуля

И 90 **История народов Кавказа: диалог культур, языков и религий (К 100-летию со дня рождения профессора В. П. Невской):** материалы международной научно-практической конференции (г. Ставрополь, 1–2 ноября 2019 г.) / Северо-Кавказский федеральный университет. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019. – 290 с.

ISBN 978-5-9296-1020-2

Представленный сборник включил материалы международной научно-практической конференции «История народов Кавказа: диалог культур, языков и религий», посвященной 100-летию со дня рождения профессора В. П. Невской.

Издание предназначено для специалистов в области истории, археологии, этнографии, политологии и международных отношений, а также для студентов гуманитарных вузов.

Публикуется в авторской редакции.

УДК 94(470.6):23/29:31 (082)
ББК 63.3(235.7):86.2/3:60.5 я43

ISBN 978-5-9296-1020-2

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2019

Содержание

Колесникова М. Е. Служение науке: к 100-летию со дня рождения профессора Валентины Павловны Невской 8

Библиография научных трудов профессора Валентины Павловны Невской (составитель Колесникова М. Е.) 14

Литература о профессоре В. П. Невской (составитель Колесникова М. Е.) 19

Секция 1

НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА В. П. НЕВСКОЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ангелова М. И. Востоковедение и ориентализм – курдоведение в России в XIX и XX вв. . 22

Аникеев А. А. Подготовка историков в вузах Северного Кавказа в 60–80-х гг. XX в. и творческое наследие профессора Невской В. П. 24

Ашуба А. Е., Шафранова О. И. Абхазские просветители в XIX – начале XX вв. 27

Барабанова А. В. Вклад немецких исследователей в развитие российского кавказоведения 29

Бугай Н. Ф. Валентина Павловна Невская – познание общества России: исторический смысл 32

Еремеева А. Н. Развитие кавказоведения в годы Первой мировой войны 35

Ермоленко Л. П., Медвенский Н. И. О некоторых аспектах развития католицизма в Абхазском княжестве в 40–50-х гг. XIX в. 37

Ерохин А. М. Этнополитические и коммуникационные процессы на Кавказе: исторический ракурс 40

Зверева Л. А. Изучение становления советской власти на Ставрополье в трудах отечественных историков XX века 43

Кононирова Н. А. Библиотека Северо-Кавказского краевого горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С. М. Кирова (1926–1937) в фонде научной библиотеки СКФУ 46

Кузьминов П. А. Проблема социальных преобразований у народов Карачаево-Черкесии в 60-х годах XIX в. на Северном Кавказе в творчестве В. П. Невской 50

Маловичко С. И. «Опыт» в структуре исторического знания России второй половины XVIII века 52

Матвеев О. В. Из истории отечественного кавказоведения: М. В. Мохир 56

Муратова Е. Г. Проблема горской общины в отечественной историографии 62

Назарова И. М. Вклад В. П. Невской в отечественное кавказоведение 64

Ноздринов В. В. Историческая наука на Ставрополье и В. П. Невская 1971–2009 гг. 66

Покотилова Т. Е. Слово об учителе 69

Ристовска-Йосифовска Б. Никола Незлобинский у истоков македонского музееведения и учреждения здравоохранения: передача знаний через миграцию 70

Салакая С. Ш., Зозуля И. В. Литература о научной и общественной деятельности историка-кавказоведа Г. А. Дзидзария 72

Тахушева И. С. Либерально-демократическая печать России XIX в. как исторический источник по истории народов Северного Кавказа (на материалах «Отечественных записок») 75
Утина Я. Д. Вклад Валентины Павловны Невской в историческую науку 79

Секция 2

ВКЛАД В. П. НЕВСКОЙ В ИЗУЧЕНИЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ

Акобян А. А. Перспективы развития торгово-экономических отношений между Арменией и Ираном 81
Антошук Д. В. Формирование массовой индустрии развлечений на морских курортах Великобритании в конце XIX – начале XX в. 83
Айриян Р. С. Сенаторы – "изгои" в послевоенном Конгрессе США (1945–1952) 85
Балаян А. В. Политика Великобритании в палестино-израильском конфликте в 2007–2010 гг. 87
Беликов А. П. В. П. Невская как историк-антиковед 89
Бобрышев М. С. Начало иконоборческого движения в Византийской империи и Иоанн Дамаскин 92
Захарченко О. Н. Образ жизни парижской богемы в последней трети XIX – начале XX в. 94
Зивенко А. А. Отражение войны во Вьетнаме в американском кинематографе 96
Игонина Е. А. Политика «мягкой силы» России на Кавказе 99
Коробкина И. А. Политика «мягкой силы» ЕС на Южном Кавказе 101
Кривцов А. С. Европейский союз и грузино-абхазский конфликт 103
Крючков И. В. Сотрудничество ЕС с государствами Южного Кавказа в сфере образования 105
Лукин В. А. Роль Боспорского царства в торговых отношениях с балканской Грецией . . . 108
Муха Е. Ю. Проблема определения города как социокультурного пространства 109
Олейникова Е. В. Отношение к женщине в XIV–XV вв. через призму «Новелл» Франко Саккетти 112
Пантюхина Т. В., Волковая В. Е. Публичная дипломатия Евросоюза в республике Армения: успехи и просчеты 114
Петрова А. П. Историческая память португальцев о периоде правления Антонио Салазара 116
Птицын А. Н. Чешские колонисты на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в.: проблемы адаптации 119
Садченко В. Н. Стратегия балансирования Азербайджана в отношении региональных и глобальных акторов 121
Тельменко Е. П. Апология Савонаролы в «Послании некоему другу» (1495 г.) 124
Тонян А. А. Буддийская дипломатия Индии 127
Уклеин О. В. Внешнеполитические интересы Казахстана на Южном Кавказе 129
Черкасов А. И. Ранняя римская конница в системе куриатного ополчения 131

Секция 3

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА НА КАВКАЗЕ

Бабенко В. А. Сведения о золотоордынских памятниках Среднего Прикумья в трудах С. Г. Гмелина, И.-А. Гильденштедта, П. С. Палласа и Ю. Клапрота (конец XVIII – начало XIX в.) 133

Базиева Г. Д. Этнические традиции и современные инновации в искусстве Кабардино-Балкарии 135

Васильева Н. Е. Традиции воспитания детей у народов Северного Кавказа в XIX в. 138

Газданова А. В. Принципы изучения народного костюма Е. Н. Студенецкой и перспективы исследования одежды осетин XX–XXI вв. 140

Гимбатова М. Б. Отражение гендерных отношений в религиозных верованиях нижнетерских казаков (XIX – начало XX в.) 142

Джумаев Д. И. Традиционные нормы в современном быту рутульцев 144

Дударев С. Л., Бережная В. А., Колкова С. П. Новые находки мечей меотского и сарматского типа в Закубанье 147

Казаров С. С. Развитие салотопного промысла у донских армян в начале XX в. 151

Краковская М. М. Об изучении проблемы этногенеза осетинского народа 154

Кудрявцев А. А. Памятники мировой фортификации в истории народов средневекового Кавказа 156

Ломонов А. И. Распространение христианства на Северном Кавказе в условиях полиэтнических групп 159

Матвеев В. А. Российская идентичность мусульман Северного Кавказа: исторические особенности формирования 161

Махота М. Ю., Рыкун Г. Н. Архитектурное наследие Северного Кавказа 164

Немашкалов П. Г. Образование и деятельность женских монастырей Российской империи в середине XIX в. (на примере Иоанно-Мариинской женской общины) 167

Прокопенко Ю. А. О находках в Центральном Предкавказье фибул римского провинциального производства 170

Пчелинцева Н. Д., Соловьева Л. Т. Религиозный фактор и обрядность детского цикла у мусульманских народов Кавказа 172

Тхамокова И. Х. Казаки-мусульмане в составе Терского казачьего войска 174

Шавлаева Т. М. Духовенство исторической области Чечни – Чеберлой: Жабраил Нахчкелоевский 177

Шафранова О. И., Головашева Л. А. Женские образы в фольклоре народов Кавказа в трудах абхазских исследователей 180

Щербаков В. Ю. Потомки выходцев с Северного Кавказа в политической жизни современной Германии: Джем Ождемир 183

Секция 4

ИНТЕГРАЦИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ СИСТЕМУ В XVIII–XIX в.

М. Ш. Абаева Сравнительный анализ освобождения зависимых сословий в Балкарии и Карачае 186

Беликова Т. В. Становление института податного инспектора на Ставрополье 189
Васькина Д. С. Калмыки в составе Терского казачьего войска во второй половине XIX – нач. XX в. 192
Дрей А. В. Формирование образа Екатерины II в мемуарах и эпистолярном наследии императрицы 194
Запорожцева О. А. Деятельность А. Ф. Реброва в развитии шелководства на Северном Кавказе в первой половине XIX в. 169
Исмаилова А. М. Интеграция экономики Западной Грузии в общероссийский рынок на рубеже XIX–XX вв. 200
Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. Польские инсургенты среди горцев Северного Кавказа 203
Книгина Е. С. Театральная критика во второй половине XIX – начале XX в. на страницах северокавказской печати 207
Колосовская Т. А. Об участниках военно-разведывательного направления в изучении Северного Кавказа периода Кавказской войны: поручик А. П. Щербачев 210
Колобова А. А. Досуговая культура ставропольчан в начале XX в. 213
Любушкина Е. Ю. Благотворительность на Ставрополье во второй полов. XIX – нач. XX в. 215
Перетятько А. Ю. Земледелие и скотоводство будут процветать»: Д. А. Милютин о будущем Кавказа в 1840 г. 218
Пятунина А. А. Местное самоуправление горских обществ во второй половине XIX в. 220
Судавцов Н. Д. Михаил Николаевич Романов – наместник на Кавказе 222
Ткаченко Д. С. Эволюция представлений английских путешественников и авантюристов о Кавказе и кавказской политики России в XIX в. 226
Хаширов А. В. Эльбрусская научная экспедиция 1829 г. 229
Цвижба Л. И. Вопросы коммуникации Кавказа в XIX в. 231

Секция 5

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА В XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Абдулвахабова Б. Б.-А. Народы Северного Кавказа до и после распада Советского Союза: дезинтеграционные и интеграционные процессы 237
Булыгина Т. А. Союз горцев и его роль в политических процессах 1917–1919 гг. 239
Гегия Е. Г. Общественно-политические процессы в Абхазии в 1945–1953 гг. по материалам газеты «Советская Абхазия» 242
Гречкина Ж. В. «Диалог народов и культур Северного Кавказа»: серия методических материалов Ставропольской краевой библиотеки для слепых и слабовидящих им. В. Маяковского для людей с ОВЗ и инвалидностью 244
Гуренко Е. Н. Вклад В. Р. Ясинова в дело сохранения, изучения и популяризации культурного наследия первопоселенцев Левокумского района 247
Гурин А. Г. Положение православного монашества, служившего на территории современной Карачаево-Черкесии в годы гонений советской власти в период с 1918–1938 гг. 249
Ильичева М. В. Фронтовая и повседневная жизнь населения Северного Кавказа в годы Гражданской войны на страницах региональной прессы 251
Карташев А. В. Советская авиация в боях за освобождение Ставрополья в январе 1943 г. 254

Карташев И. В. Великая Отечественная война в судьбе профессора П. М. Ковалевского . 257
Кругов А. И. Личности в истории Ставропольского края: профессор Иоанн Баумгольц . 259
Оборский Е. Ю. Народы Северного Кавказа в российской революции 1917 г. 262
Панарин А. А. Участие кооперации в повышении образовательного и культурного уровня сельского населения Северного Кавказа в 1925–1927 гг. 265
Пимичева А. А. Повседневная жизнь казачества Юга России в эмиграции в 1920–1930-е годы (по материалам периодики) 267
Пискова М. А. Кино Закавказья 1920–1930-х гг.: между экранным отображением Востока и советскими киномифами 269
Пономарева М. А. Национальные конфликты в 1990-е гг. (по материалам Государственного архива Российской Федерации) 272
Романова Н. В. Ставропольский союз советских писателей: новации эпохи «оттепели» . . 275
Состин Д. И. Феномен общественного устройства горцев Кавказа в период кризиса российской государственности начала XX в. 278
Стрекалова Е. Н. Социокультурная роль интеллигенции Северного Кавказа в 1920е годы XX в. 281
Танцевова А. В., Власов М. А. «Железные люди железных дорог»: миитовцы в битве за Кавказ 283

Сведения об авторах 286

Невская
Валентина Павловна

1919–2009

М. Е. Колесникова
(г. Ставрополь)

СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА ВАЛЕНТИНЫ ПАВЛОВНЫ НЕВСКОЙ*

В 2019 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося отечественного кавказоведа, историка, профессора Валентины Павловны Невской (01.08.1919, Самара – 29.01.2009, Ставрополь). У всех, кто имел возможность учиться у Валентины Павловны, или работать с ней, или просто общаться, воспоминания о ней, несомненно, связаны с чувством глубокого уважения к ней и как к ученому и как к человеку. Ее по праву можно причислить к плеяде ученых, заслуживших почетное звание просветителей. Ее жизнь и научное творчество не остались обойденными вниманием в отечественной историографии [4, с. 483–484]. Вклад профессора В. П. Невской в историческую науку был оценен на мировом уровне. Дважды, в 1993 г. и 1995 г., за выдающиеся заслуги в развитии исторической науки она была объявлена Женщиной года по версии Кембриджского международного биографического центра и награждена «Медалью века». Имя профессора В. П. Невской было внесено в ежегодник «Кто есть кто?», издаваемый Кембриджским центром [14, с. 463].

Вся жизнь В. П. Невской – это пример служения науке. Судьба ее непростая, в ней как в зеркале отразилась история страны XX века, испытания, которые выпали на долю людей и ее саму. Все это не просто отразилось на внешних обстоятельствах жизни ученого, а произвело в его научном творчестве существенные изменения, своеобразную трансформацию научных интересов, что стало началом нового научного поиска, масштабных научных исследований в области кавказоведения.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНА в рамках научного проекта № 19-59-40001.

Родилась Валентина Павловна Невская (в девичестве – Скворцова) 1 августа 1919 г. в г. Самара, в семье командира IV Красной Армии. В 1927 г. поступила в школу в г. Хабаровске, где в то время прожила семья. Ее отец, Павел Михайлович Скворцов, служил во Внешторге и поэтому свое детство маленькая Валя провела в разных городах и странах, так как семья часто переезжала по месту службы отца. В начале 1920-е гг. два года семья жила в Персии (Иране), позже, когда отца перевели на Дальний Восток – во Владивостоке. Отец Валентины Павловны работал в «Дальгосторге», часто бывал в командировках в Японии, куда однажды взял с собой и восьмилетнюю дочь. Два года, с 1930 по 1932 г., семья проживала в Германии, в Берлине и в Лейпциге. В этих поездках зародился интерес к истории, а знание немецкого языка пригодилось в последующей научно-исследовательской работе [1, с. 109]. По возвращению в страну семья проживала в Москве, отец Валентины Павловны занимал пост заместителя Наркомрыбпрома СССР.

В 1937 г. Валентина Павловна с отличием закончила школу и поступила на отделение германской филологии Московского института иностранных языков, но интерес к истории предопределил выбор профессии. После первого курса она забрала документы и поступила на исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Учеба была прервана чередой трагических событий. В 1938 г. по обвинению в шпионаже арестовали отца Валентины Павловны и маму как жену «врага народа», семью выселили из квартиры. В том же году отца расстреляли, реабилитирован он был лишь в 1953 г. Валентина Павловна, чудом уцелев от репрессий, вынуждена была перевесить на заочное отделение, устроилась работать библиотекарем в научно-техническую библиотеку Наркомпищепрома, позже в 1939–1941 г. она заведовала детской библиотекой им. Н. В. Гоголя в г. Москва.

В 1941 г. Валентина Павловна с маленьким сыном Володей эвакуировалась в Ташкент, где проживали родственники матери. Там она устроилась на хлопковый завод, работала на плантациях, в швейном цеху. В 1942 г. вернулась в родной город, который уже назывался Куйбышев (Самара), работала на заготовке дров, трудилась в Райпромкомбинате, была заместителем начальника цеха, в 1943 г. заведовала базой в артели им. Парижской коммуны.

В 1943 г. Валентина Павловна вернулась в Москву, продолжила обучение на историческом факультете. В этот период она увлеклась историей древнего мира, участвовала в экспедиции известного ученого-археолога А. М. Славина по изучению греческой колонии Ольвии в Бугско-Днепровском лимане. В эти годы вышла ее первая научная публикация. Она была посвящена Боспорскому царству и опубликована в Малой Советской энциклопедии [3, с. 1106–1107]. Все это предопределило ее дальнейшую судьбу. После окончания института, в 1947 г. Валентину Павловну пригласили в аспирантуру Московского городского педагогического института имени Потемкина, к профессору В. Н. Дьяконову, который заведовал кафедрой истории древнего мира.

В аспирантуре она работала над сложной и малоизученной в тот период в мировой исторической науке темой «Византий в классическую и эллинистическую эпохи». Это был напряженный период жизни Валентины Павловны, родился второй сын Николай, забот требовала семья. Но она справилась. После блестящей защиты 1 июля 1950 г. кандидатской диссертации перед молодым ученым открывались большие перспективы. Научный руководитель предложил ей задуматься о докторантуре и даже определил тему будущей докторской диссертации «Византий в римскую эпоху». Валентина Павловна отказывается от научной карьеры в столице и попросит распределить ее в учительский институт в провинциальный г. Муром. В этот период из Казахстана, где она проживала после выхода из лагеря, вернулась ее мама - Татьяна Васильевна. Проживать в Москве она не могла («без права проживания в столице») и Валентина Павловна выбрала возможность быть вместе с родным человеком. Новое место, новый коллектив, новая работа – старший преподаватель Муромского учительского института. Преподавание, как и наука станет призванием Валентины Павловны. Здесь она продолжила заниматься античной историей, подготовила к печати монографию по теме кандидатской диссертации.

Монография «Византий в классический и эллинистический периоды» стала научным событием. Она была опубликована в 1953 г. в издательстве Академии наук СССР в серии «Причерноморье в античную эпоху» (четвертый выпуск серии) и была высоко оценена специалистами [6]. В 1955 г. монография была переведена на немецкий язык и издана в Лейпциге [15]. Отзывы на монографию В. П. Невской были опубликованы в австрийском, французском, болгарском научных исторических изданиях. В Японии в историческом журнале «Шихо» вышла развернутая рецензия на монографию [16].

Монография вышла в свет, когда Валентина Павловна в очередной раз, в силу сложившихся обстоятельств, резко поменяла все в своей жизни. Она была вынуждена уволиться «по собственному желанию» из учительского института, где ей в отделе кадров, указав на анкету из личного дела, напомнили, что ее родители были репрессированы и предупредили, что «тучи сгущаются над ней». Это был период последних репрессий начала 1950-х гг. В отделе образования, куда она обратилась, ей предложили работу в Черкесске. В 1951 г. вместе с сыновьями она переезжает на Северный Кавказ.

Начинается новый период в жизни и научном творчестве Валентины Павловны, связанный с Карачаево-Черкесией. Здесь она в 1952 г. выйдет замуж за Александра Петровича Невского, доцента педагогического института. В этом браке родится дочь Татьяна, ставшая в будущем известным этнографом, историком-кавказоведом – профессором Северо-Кавказского федерального университета Т. А. Невской. Первоначально в г. Черкесске В. П. Невская преподавала древнюю историю в учительском институте. Здесь она получила ученое звание доцента по кафедре истории (курс всеобщей истории). После перевода института в другой город, в 1953 г. перешла на работу в Черкесский НИИ экономики, истории, языка и культуры, где стала заведовать сектором истории.

В Черкесском НИИ она познакомилась с известным исследователем, археологом и этнографом Е. П. Алексеевой, впоследствии доктором исторических наук, ставшей личным другом Валентины Павловны. Их трудами были заложены основы научного познания исторического прошлого народов Северного Кавказа, их материальной и духовной культуры. Все это определило и новую тематику исследований Валентины Павловны – история народов Северного Кавказа и, прежде всего, народов Карачаево-Черкесии, входившей в то время в состав Ставропольского края. Особое внимание в своих исследованиях В. П. Невская уделяла рассмотрению социально-экономических отношений народов региона, степени развития горских обществ в XIX – начале XX в. Этой теме посвящена ее монография «Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия» [7].

С именем В. П. Невской связано изучение истории и культуры карачаевского народа, которому она посвятила не один десяток лет. Интенсивные исследования истории Карачая начались после 1957 г., когда на родину были возвращены депортированные в Среднюю Азию карачаевцы [8]. Письменные источники дополнял обширный этнографический материал, собранный ею лично в многочисленных и многолетних экспедициях по горным аулам Карачаево-Черкесии. Благодаря этим экспедициям в научный оборот был введен обширный фактический материал по истории карачаевцев и черкесов, который и сегодня служит кавказоведам источниковой базой. На основе полученных материалов были написаны научные труды, обогатившие отечественную историческую науку: «Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (Дореформенный период)» [9]; «Карачай в пореформенный период» [10], «Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма» [11]. Итогом стала докторская диссертация «Карачай в XIX в. Эволюция аграрного строя и сельской общины», которую В. П. Невская успешно защитила в 1966 г. в Ростовском государственном университете. При ее непосредственном участии был подготовлен и обобщающий труд «Очерки истории Карачаево-Черкессии», первый том которого она редактировала совместно с профессором В.А. Романовским [12].

В. П. Невская вела большую общественно-политическую работу, являлась внештатным лектором обкома КПССС, лектором общества «Знание», членом президиума областного общества охраны памятников истории и культуры. Авторитет и внимание к людям, их проблемам снискали В. П. Невской любовь и уважение. В период 1963–1965 гг. она избиралась депутатом горсовета Черкесска. Много сделала В. П. Невская для подготовки национальных кадров в Карачаево-Черкессии. Она всегда с любовью вспоминала этот период своей жизни. Она любила свой Карачай, любила приезжать к друзьям и коллегам, где ее всегда встречали с огромным уважением, любила повторять: «Горжусь, когда меня называют дочерью Карачая…». Историю же Карачаево-Черкесии сегодня просто невозможно представить без трудов В. П. Невской. В последующие годы, в ежегодных статистических карточках учета докторов наук, в разделе важнейших научных монографий она всегда указывала две свои работы – «Византий в классическую и эллинистическую эпохи» и «Карачай в пореформенный период».

С 1971 г. начинается ставропольский период в жизни и творчестве В. П. Невской. С семьей она переезжает в г. Ставрополь и начинает работать в Ставропольском государственном педагогическом институте (позже Ставропольский государственный педагогический университет, Ставро-

польский государственный университет, ныне – Северо-Кавказский федеральный университет). Первоначально она была избрана по конкурсу на вакантную должность профессора по специальности история древнего мира кафедры истории, которую в те годы возглавлял П. А. Шацкий. С ним В. П. Невскую будут связывать годы дружбы и совместной работы. На этой кафедре в 1973 г. она получила ученое звание профессора. В пединституте В. П. Невская вела большую общественную работу, руководила факультетским научно-методическим семинаром, активно работала в краевом совете Общества охраны памятников истории и культуры, принимала активное участие в работе научно-методического центра на базе Шпаковского РОНО. Не прерывала она и связи с Карачаево-Черкессией, продолжала работу в Карачаево-Черкесском НИИ на полставки старшего научного сотрудника.

В 1976 г. после разделения кафедры истории В. П. Невская возглавила кафедру всеобщей истории, которой руководила до октября 1982 г. Она много занималась организаторской работой, совершенствованием учебного процесса, важное значение уделяла развитию самостоятельной работы студентов. В течение многих лет профессор В. П. Невская читала курс по истории древнего мира. Она подняла преподавание этой дисциплины на качественно новый, университетский уровень. На семинарских занятиях В. П. Невская учила студентов работать с источниками, читать и анализировать их, осваивать метод сравнительно-исторического исследования. После открытия в 1993 г. на историческом факультете, тогда уже Ставропольского государственного педагогического университета, магистратуры Валентина Павловна стала читать курс сравнительной истории мировых цивилизаций. Выйдя на пенсию, она еще долго продолжала читать лекции на первом курсе по истории древнего мира, которые очень любили студенты.

Даже сухие строки партийной характеристики из личного дела В. П. Невской передают мощь и величие ученого В. П. Невской: «Лекции читает на высоком уровне, научно содержательны, проникновенный пафос изложения сочетается с научными принципами методики преподавания, высокой гражданственностью. Практические занятия проводит в соответствии с самыми высокими требованиями учебно-исследовательской работы в вузе, студенты получают знакомство с теорией и практикой научного исследования. Широко эта работа ведется в руководимом профессором В. П. Невской студенческом кружке. Члены кружка выступают с докладами и сообщениями на зональных и республиканских научных студенческих конференциях. На практических занятиях по курсу, в научном кружке и путем индивидуальной работы прививает студентам навыки научного исследования».

Научная деятельность профессора В. П. Невской в эти годы была посвящена продолжению исследований по истории Карачая в дореволюционный период. В 1980-х она принимала участие в подготовке фундаментального академического издания «История народов Северного Кавказа», вышедшего в 1988 г. под редакцией А. Л. Нарочницкого [5]. При непосредственном участии и редактировании В. П. Невской вышел первый том обобщающего труда по истории Ставрополья «Очерки истории Ставропольского края» [13]. В 1990-е гг. она входила в состав авторского коллектива по подготовке рукописи «Истории городов и сел Ставрополь» (Ставрополь, 2002.702 с.)

После реорганизации в 1997 г. кафедры всеобщей истории и образования в Ставропольском государственном университете кафедры истории древнего мира и средних веков В. П. Невская продолжила работу на данной кафедре, в 1999 г. перешла на должность профессора-консультанта. Она продолжала руководить работой студенческого исторического кружка, читала лекции в Малой академии наук Дворца детского творчества г. Ставрополя, проводила научные консультации, осуществляла координацию исследований в области ряда проблем северокавказской истории, редактировала научные издания, являлась членом диссертационного совета по историческим наукам, работающего на базе университета.

Ее демократизм сказывался в общении со всеми людьми, которые ее окружали. Она одинаково доброжелательно, уважительно ровно относилась к профессору, доценту, старшему преподавателю и к студенту, вникая в вопрос или проблему, помогая советом, литературой. Ее по праву можно назвать ученым-просветителем, подвижником. Она любила студентов, молодежь, щедро делилась с ними знаниями и жизненным опытом, и ученики платили ей тем же. Разрабатываемые по ее руководством темы курсовых и дипломных работ зачастую на долгие годы определяли направления научных исследований молодых людей, становились стартом для пути в большую науку, завершались написанием кандидатских и докторских диссертаций. Когда-то давно на засе-

даниях студенческого научного кружка под руководством Валентины Павловны родилась и тема моих научных исследований – история изучения Северного Кавказа в дореволюционный период.

Для студентов всегда была открыта ее богатейшая домашняя научная библиотека, книги из которой можно было взять для работы с собой. Но студенты, заходившие к профессору за книгой домой, так любили остаться на чай, послушать Валентину Павловну, ее мнение по той или иной исторической проблеме. Такие «посиделки», напоминающие по форме работу научного кружка, во многом влияли на формирование взглядов и мировоззрение молодых историков. Обладая великолепной памятью, Валентина Павловна до последних дней жизни следила за успехами своих учеников.

За большие заслуги и вклад в развитие Ставропольского государственного университета в 1997 г. профессору В. П. Невской Ученым советом университета было присвоено почетное звание «Заслуженный профессор Ставропольского государственного университета». Она – Заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесии, кавалер ордена Трудового Красного Знамени (1978), награждена медалями «За трудовую доблесть» (1957), «В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970), «За доблестный труд», «За долголетний добросовестный труд», «Ветеран труда», нагрудным знаком «Отличник просвещения СССР», другими знаками отличия, почётными грамотами, в том числе министерства народного образования РСФСР (1990), правительства Ставропольского края (1997) за заслуги в содействии проведению социальной политики края, многолетнюю плодотворную работу по подготовке высококвалифицированных специалистов и научных кадров.

Трудно переоценить вклад профессора В. П. Невской в науку, в развитие всеобщей истории, отечественного кавказоведения, в воспитание многих поколений северокавказской интеллигенции. Валентина Павловна Невская обладала удивительным качеством притягивать к себе людей, прежде всего своей увлеченностью наукой, потрясающей работоспособностью, целеустремленностью и такими человеческими качествами как доброта, жизнелюбие, честность, порядочность. Она была принципиальным ученым, непримирима к любым проявлениям научной недобросовестности или нечестности.

Профессор В. П. Невская – это целый мир, в котором люди, общавшиеся с ней, получали знания, накапливали опыт, учились мастерству историка. Коллеги и ученики Валентины Павловны хранят чувства искреннего уважения и большой благодарности к ее личности, ее огромному вкладу в отечественную историческую науку. Профессор В. П. Невская, ее деятельность, ее имя – это уже история. В истории науки останутся ее классические труды по истории Византия и истории народов Северного Кавказа [2, с. 477–482]. И все же ее главный след в науке – это ее ученики. Быть учеником подлинного Учителя не только редкое счастье и привилегия, это и большая ответственность, и долг, рассказать об Учителе, передать молодому поколению исследователей те впечатления, мысли, идеи, которые были почерпнуты в общении с ним – в этом и состоит сохранение научной традиции, традиции научной школы кавказоведения, которая сложилась в стенах Ставропольского государственного педагогического института, ныне продолжает развиваться в Северо-Кавказском федеральном университете, в ней бессмертие ученого.

Источники и литература

1. Беликов А. П. Человек науки (К 90-летию со дня рождения Валентины Павловны Невской) // Ставропольский хронограф на 2009 год. – Ставрополь, 2009. – С. 109–114.

2. Библиография научных трудов профессора Валентины Павловны Невской [Составитель М.Е. Колесникова] // Кавказоведение: опыт. Проблемы и перспективы. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской / отв. ред. П. И. Абайханова (Магаяева) (г. Карачаевск, 18–19 октября 2019 г.). – Карачаевск, 2019. – 486 с.

3. Боспорское царство // Малая советская энциклопедия: В 11 т. – 2-е изд. / под ред. Н. Л. Мещерякова. – М.: Советская энциклопедия, 1936–1947. – Т. 1.

4. Литература о профессоре В. П. Невской [Составитель М.Е. Колесникова] // Кавказоведение: опыт. Проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской / отв. ред. П. И. Абайханова (Магаяева) (г. Карачаевск, 18–19 октября 2019 г.). – Карачаевск, 2019. – 486 с.

5. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.) / отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий; АН СССР. Ин-т истории СССР и др. – М.: Наука, 1988. – 659 с.

6. Невская В. П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи / под ред. В. Н. Дьяконова. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 159 с.

7. Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия / под ред. П. А. Брюханова. – Черкесск: Кн. изд-во, 1956. – 168 с.

8. Невская В. П. Карачаевцы // Народы Карачаево-Черкесии (историко-этнографические очерки) / ред.: П. И. Балтин, М. М. Сикиев. – Ставрополь, 1957. – С. 15–53.

9. Невская В. П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (Дореформенный период) / под ред. Х. О. Лайпанова. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1960. – 159 с.

10. Невская В. П. Карачай в пореформенный период / Карачаево-Черкесский НИИ истории, экономики и языка; под ред. А. В. Фадеева. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1964. – 224 с.

11. Невская В. П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отд., 1972. – 216 с.

12. Очерки истории Карачаево-Черкесии [в 2 т.] / Карачаево-Черкесский науч.-исслед. ин-т экономики, истории, яз. и лит. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1967. – Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / отв. ред. В. П. Невская. – 600 с.

13. Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. Т. 1: С древнейших времен до 1917 г. / науч. ред. В. П. Невская. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. – 464 с.

14. Nevskaya Valentina Pavlovna // Dictionary of international Biography including Who Will Who in 21st Century. |A Biographical Record of Contemporary Achievement. – Twenty Third Edition, 1995.

15. Newskaja, W. P. Byzanz in der klassischen und hellenistischen Epoche / Übers. aus dem Russ. Dr. Hans Bruschwitz. – Leipzig: Koehler Amelang, 1955. – 170 p.

16. Yasuda K. Byzantij v Klassicheskyu i Ellenisticheskyu Epokhi // Shicho: (The Journal of History). – Tokio, 1955. – № 55. – P. 36–51.

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА ВАЛЕНТИНЫ ПАВЛОВНЫ НЕВСКОЙ

1. [Невская, В. П.] Боспорское царство / В. П. Невская // Малая советская энциклопедия: В 11 т. – 2-ое изд. / Под ред. Н. Л. Мещерякова. – М.: Советская энциклопедия, 1936–1947. – Т. 1. – С. 1106–1107.

2. Невская, В. П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи / В. П. Невская; Под ред. В. Н. Дьяконова. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 159 с., с карт.: 2 л. ил. [*Рец.*: Yasuda, K. Byzantij v Klassicheskyu i Ellenisticheskyu Epokhi / K. Yasuda // Shicho: (The Journal of History). – Tokio, 1955. – № 55. – P. 36-51].

3. Newskaja, W. P. Byzanz in der klassischen und hellenistischen Epoche / W. P. Newskaja; Übers. aus dem Russ. Dr. Hans Bruschwitz. – Leipzig : Koehler Amelang, 1955. – 170 p. :2 л. ил.

4. Невская, В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия / Под ред. канд. ист. наук П. А. Брюханова. – Черкесск: Кн. изд-во, 1956. – 168 с., 2 л. карт.

5. [Невская, В. П.] Добровольное присоединение Черкесии к России: (К 400-летнему юбилею) / Е. П. Алексеева, И. Х. Калмыков, В. П. Невская; Под ред. Э. А. Джанибекова; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы. – Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1957. – 92 с.: ил.

6. Невская, В. П. Карачаевцы / В. П. Невская // Народы Карачаево-Черкесии: (Историко-этнографические очерки) / Ред. П.И. Балтин, М.М. Сикиев; Карачаево-Черкес. НИИ истории, яз. и лит. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1957. – С. 15–53.

7. Невская, В. П. Колониальная политика царизма в Черкесии и Карачае в аграрном вопросе / В. П. Невская // Сборник трудов Карачаево-черкесского госпединститута. – Вып. 1. – Нальчик, 1958. – С. 225–247.

8. Невская, В. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии / В. П. Невская // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Вып. III. Серия историческая. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1959. – С. 84–207.

9. Невская, В. П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке: (дореформенный период) / В. П. Невская; Под ред. канд. ист. наук Х. О. Лайпанова; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1960. – 159 с., 1 л. карт.: ил.

10. Невская, В. П. Природа и население / В. П. Невская // 40 лет автономии Карачаево-Черкесии. [1922–1962]: Сборник статей / Под ред. Ш. И. Гашокова и И. М. Аджиева. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1962. – С. 19–41.

11. Невская, В. П. Страницы истории / В. П. Невская // 40 лет автономии Карачаево-Черкесии. [1922–1962]: Сборник статей / Под ред. Ш. И. Гашокова и И. М. Аджиева. – Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1962. – С. 84–208.

12. Невская, В. П. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX в. / В. П. Невская // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Вып. IV. Серия история. – Ставрополь, 1964. – С. 76–137.

13. Невская, В. П. Карачай в пореформенный период / В. П. Невская; Под ред. д-ра ист. наук А. В. Фадеева; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1964. – 224 с., 1 л. карт. ил.

14. Невская, В. П. Карачаево-Черкесия в советской исторической науке (критико-библиографический обзор) / В. П. Невская // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Черкесск, 1965. – Вып. V. – С. 275–309.

15. Невская, В. П. Могучий поток / В. Невская, Г. Кубанов. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1965. – 56 с.

16. Невская, В. П. Карачай в XIX веке: Эволюция аграрного строя и сельской общины: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Черкесск, 1966. – 54 с. [защищена в Ростовском государственном университете].

17. *Ред.*: Очерки истории Карачаево-Черкесии / Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т экономики, истории, яз. и литературы. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1967–1972. [в 2 т.]. – Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / [Отв. ред. д-р ист. наук В. П. Невская]. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1967. – 600 с., 1 л. схем.: ил.

Из содерж.: *Невская В. П.* Введение. – С. 5–13; *Невская В. П.* Территория и расселение. – С. 15–16; *Невская В. П.* Гл. VIII. Социально-экономическое развитие Карачая и Черкесии в первой половине XIX века. – С. 310–333; *Невская В. П.* Гл. X. Реформы 60–70-х годов XIX века. Предпосылки реформ. – С. 407–435; *Невская В. П.* Гл. XI. Пореформенный период. – С. 436–475; *Невская В. П., Шацкий П. А.* Гл. XI. Пореформенный период. Раздел VII. Классовая борьба. – С. 468–475; *Невская В. П.* Гл. XIII. Период реакции и нового революционного подъема 1907–1914. – С. 496–527.

18. Невская, В. П. Международное значение опыта СССР в решении национального вопроса / В. П. Невская // Под ленинским знаменем национальной политики. – Черкесск, 1969. – С. 137–149.

19. Невская, В. П. На пути к Октябрю / В. П. Невская // По ленинским заветам: Сборник статей / Отв. ред. К. И. Чомаев. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1970. – С. 7–55.

20. Невская, В. П. Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX в. / В. П. Невская // Из истории Карачаево-Черкесии: Сборник статей / Ред. коллегия: Р. Х. Джанибекова (отв. ред.) и др. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1970. – С. 174–225. (Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы. Серия историческая. Вып. VI).

21. Невская, В. П. Преображенное село / В. П. Невская // Карачаево-Черкесия за полвека. 1922–1972 / Ред. коллегия: У. Е. Темиров (отв. ред.) [и др.]. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1972. – С. 43-81.

22. Невская, В. П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма / В. П. Невская; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т экономики, истории, яз. и литературы. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1972. – 216 с. [*Рец.*: Чекменев С.А. Интересное исследование // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – Ростов-на-Дону. – 1973. – № 2. – 87–88].

23. [Невская, В. П.] Карачаево-Черкесская Автономная область / В. П. Невская, Е. П. Алексеева, Р. А. Бураева // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / Глав. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1969–1978. – Т. 11. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – С. 398–401.

24. Невская, В. П. Истоки дружбы, экономических и культурных связей России и народов Карачаево-Черкессии / В. П. Невская // Использование памятников истории и культуры в интернациональном воспитании трудящихся: Материалы краев. науч.-метод. конференция, 28–30 сент. 1972 г. / Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т экономики, истории, языка и литературы. Совет Ставропольск. краев. отд-ния Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. – Черкесск, 1974. – С. 16–25.

25. [Невская, В. П.] Татьяна Максимовна Минаева. 1896–1973 [Некролог] / Е. П. Алексеева, В. П. Невская // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы. – Вып. VII. Серия историческая. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1974. – С. 343–345.

26. Невская, В. П. Рецензия на кн.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. пер., введ. и вступ. статьи к текстам В. К. Гарданова; Кабард.-Балкар. науч.-исслед. ин-т при Совете Министров КБАССР. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.: черт. / В. П. Невская // Советская этнография. – 1977. – № 3. – С. 168–170.

27. *Ред.*: История горских и кочевых народов Северного Кавказа / Ред. коллегия: проф. В. П. Невская (отв. ред.) и др.; М-во просвещения РСФСР. Ставроп. гос. пед. ин-т. – Ставрополь, 1975–1978. [в 3 ч.]. – Вып. 1. – 1975. – 137 с.; – Вып. 2. –1976. – 129 с.; – Вып. 3. – 1978. – 113 с.

28. Невская, В. П. Первые аграрные преобразования в Карачаево-Черкессии (1920–1928 гг.) / В. П. Невская, Ф. П. Тройно // История горских и кочевых народов Северного Кавказа / Ред. коллегия: проф. В. П. Невская (отв. ред.) и др.; М-во просвещения РСФСР. Ставроп. гос. пед. ин-т. – Ставрополь, 1975–1978. [в 3 ч.]. – Вып. 1. – Ставрополь, 1975. – С. 3–25.

29. Невская, В. П. Материалы Абрамовской земельной комиссии как источник по аграрной истории Карачая / В. П. Невская // История горских и кочевых народов Северного Кавказа / Ред. коллегия: проф. В. П. Невская (отв. ред.) и др.; М-во просвещения РСФСР. Ставроп. гос. пед. ин-т. – Ставрополь, 1975-1978. [в 3 ч.]. – Вып. 2. –Ставрополь, 1976. – С. 50–69.

30. [Невская, В. П.] Карачаевцы: Ист.-этногр. очерк / В. П. Невская, И. М. Шаманов, Е. П. Алексеева и др.; Отв. ред. д-р ист. наук Л. И. Лавров. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Чер-

кес. отд-ние, 1978. – 335 с. [*Рец.*: Азаматов К. Г. Ценный труд по истории и этнологии карачаевцев // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии: Сб. статей / Кабард.-Балкар. ин-т истории, филологии и экономики; Редкол.: С. Х. Мафедзев (гл. ред.) и др. – Нальчик, 1981. – С. 166–172; *Рец.*: Тройно Ф. П. Рецензия // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – 1979. – № 3. – С. 100–101].

Из *содерж.*: *Невская В. П., Шаманов И. М.* Введение. – С. 4–15; *Невская В. П., Алексеева Е. П., Шаманов И. М.* Гл. 1. Исторический очерк: происхождение и дореволюционное прошлое карачаевцев. – С. 16–58; *Невская В. П., Шаманов И. М.* Гл. 2. Хозяйство. Традиционные виды занятий. – С. 59–129; *Невская В. П., Студенецкая Е. Н., Шаманов И. М.* Гл. 4. Общественный быт. – С. 197–226; *Невская В. П., Шаманов И. М.* Гл. 5. Семья и семейный быт. – С. 227–271; *Невская В. П., Студенецкая Е. Н., Шаманов И. М.* Гл. 6. Просвещение и духовная культура. Религиозные представления и борьба с ними. – С. 272–299.

31. Невская, В. П. Сельская община у карачаевцев в XIX в. / В. П. Невская, Т. А. Невская // Социальные отношения народов Северного Кавказа: Межвуз. сб. статей / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова; Редкол.: Магометов А.Х. (отв. ред.) и др. – Орджоникидзе: СОГУ, 1978. – С. 21–46.

32. Невская, В. П. Умар Алиев и Ислам Тамбиев – первые историки-марксисты Карачая / В. П. Невская // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. – Грозный: Чеч.-Инг. ин-т истории, социол. и филологии, 1978. – Вып. 1. – С. 31–39.

33. Ред.: Проблемы аграрной истории народов Северного Кавказа в дореволюционный период: Сб. статей / Ставроп. гос. пед. ин-т; Редкол.: В. П. Невская (отв. ред.) и др. – Ставрополь: СГПИ, 1981. – 124 с.

34. Невская, В. П. Перемены в общественном строе горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX века / В. П. Невская // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX века): Материалы Всерос. науч. конф. (2–3 окт. 1979 г., г. Грозный) / Редкол.: А. Л. Нарочницкий (отв. ред.) и др. – Грозный: Чеч.-Ингуш. кн. изд-во, 1982. – С. 323–330.

35. *Ред.*: Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа: Сб. ст. / Ставроп. гос. пед. ин-т; Редкол.: В. П. Невская (отв. ред.) и др. – Ставрополь: СГПИ, 1983. – 161 с.

36. *Ред.*: Очерки истории Ставропольского края: в 2-х т. / редкол.: А. А. Коробейников (отв. ред.) и др. – Т. 1: С древнейших времен до 1917 года / В. П. Невская (науч. ред.), А. В. Найденко и др. – Ставрополь: Книжное изд-во, 1984. – 381 с.: ил.

Из *содерж.*: *Невская В. П., Чекменев С. А.* Введение. – С. 3–10; *Невская В. П.* Гл. 9. Буржуазные реформы 60–70-х годов. Предпосылки и особенности реформ на Северном Кавказе. – С. 197–217; *Невская В. П., Ерохин Н. Т.* Гл. 14. Годы реакции и нового революционного подъема (1907–1914 гг.). – С. 304–325; *Невская В. П., Шацкий П. А., Шацкая С. П.* Гл. 17. Культура и просвещение (1861–1816 гг.). – С. 361–374.

37. [Невская, В. П.] Указатель произведений В. И. Ленина и документов КПСС. В помощь учителю истории. 2-е изд. / Сост.: В. П. Невская, П. А. Шацкий, Т. И. Беликов. – Ставрополь, 1984. – 146 с.

38.Невская, В. П. Проблемы сельской общины у горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении / В. П. Невская // Известия Северо-Кавказского центра высшей школы. Общественные науки. – 1985. – № 1. – С. 41–47.

39. [Невская, В. П.] Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917): Сб. документов / Гос. арх. Ставроп. края и др.; Сост. В. П. Невская, И. М. Шаманов, С. И. Несмачная. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1985. – 287 с.: ил.

Из *содерж.*: *Невская В. П.* Предисловие. – С. 3–18.

40. *Ред.*: Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Сб. науч. трудов. – Ставрополь: Ставропольский госпединститут, 1985. – 184 с.

Из *содерж.*: *Невская В. П.* Сельская община у горских народов Северного Кавказа (конец XVIII – начало XX в.). – С. 22–43.

41. *Ред.*: Очерки истории Ставропольского края: В 2 т.; 2-е изд. – Т. 1: С древнейших времен до 1917 г. / Науч. ред. В. П. Невская. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. – 462 с.; ил. [*Рец.*: Алавердов Э. Г., Лубский А. В. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 1989. – № 1. – С. 147–148.]

Из *содерж.*: *Невская В. П., Чекменев С. А.* Введение. – С. 3–12; *Невская В. П.* Гл. 9. Буржуазные реформы 60–70-х гг. – С. 211–234; *Невская В. П., Ерохин Н. Т.* Гл. 14. Годы реакции и нового революционного подъема (1907–1914 гг.). – С. 324–348; *Невская В. П., Шацкий П. А., Шацкая С. П.* Гл. 17. Культура и просвещение (1861–-1816 гг.). – С. 385–401.

42. [Невская, В. П.] История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.) / Отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий; Зам. отв. ред. В. П. Невская; АН СССР. Ин-т истории СССР и др. – М.: Наука, 1988. – 659 с.; ил.

Из *содерж.*: *Невская В. П., Гаджиев В. Г., Чекменев С. А.* и др. Гл. 2. Экономическое развитие народов Северного Кавказа в дореформенный период. – С. 55–92; *Невская В. П., Магомедов Р. М., Азаматов К. Г.* и др. Гл. 3. Общественный строй и политическое устройство народов Северного Кавказа в первой половине XVIII века. – С. 93–130; *Невская В. П., Нарочницкий А. Л., Калоев Б. А.* и др. Гл. 6. Культура народов Северного Кавказа в дореформенный период (до 1861 г.). – С. 219–256; *Невская В. П., Шигабудинов М. Ш., Колосов Л. Н.* Гл. 13. Северный Кавказ в период реакции и нового революционного подъема. – С. 471–492; *Невская В. П., Мамбетов Г. Х., Абдуллаев М. А.* Гл. 14. Культура народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века. – С. 493–533.

43. Невская, В. П. Кавказовед, аграрник П. А. Шацкий (1908–1983) / В. П. Невская // Материалы для изучения Ставропольского края. – Вып. 15–16. – Ставрополь, 1988. – С. 406–413.

44. Невская, В. П. Сельская община и процесс феодализации горских обществ Северного Кавказа / В. П. Невская // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа: Материалы конф. (11–12 июля 1980 г., г. Махачкала) / Редкол.: В. Г. Гаджиев (отв. ред.) и др. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1988. – С. 53–60.

45. Невская, В. П. Историография истории Карачаево-Черкесии (часть первая) / В. П. Невская, Е. П. Алексеева // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии: Сборник научных трудов. – Черкесск, 1989. – С. 138–167.

46. [Невская, В. П.] Методические рекомендации по написанию «Истории городов и сел Ставропольского края» / Сост.: В. П. Невская, Н. Д. Судавцов. – Ставрополь: Ставроп. госпединститут, 1989. – 38 с.

47. [Невская, В. П.] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма / [Анфимов А. М., Джимов Б. М., Золотов В. А. и др.]; Отв. ред. А. М. Анфимов; Сев.-Кавк. науч. центр высш. шк. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1990. – 256 с.

Из *содерж.*: *Невская В. П., Невская Т. А.* Гл. 2. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в пореформенный период (1861–1895). – С. 44–98; *Невская В. П., Невская Т. А., Ратушняк В. Н.* Г. 4. Аграрная политика царизма и крестьянское движение на Северном Кавказе и Дону (1907–1917 гг.) С. 166–289.

48. *Ред.*: Проблемы социально-экономического и политического развития Северного Кавказе перед Октябрем. Межвузовский сб. науч. трудов / Под ред. В. П. Невской. – Ставрополь: Ставроп. госпединститут, 1990. – 112 с.

Из *содерж.*: *Невская В. П.* Крестьянский вопрос в Карачаево-Черкесии перед Октябрем. – С. 16–31.

49. Невская, В. П. Историография истории Карачаево-Черкесии (часть вторая) / В. П. Невская, Е. П. Алексеева // Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1991. – С. 132–158.

50. *Ред.*: Аникеев А. А. Банкротство аграрной политики фашистской Германии: (пособие по специальному курсу) / Науч. ред. В. П. Невская. – Ставрополь: СГПИ, 1991. – 100 с.

51. Невская, В. П. Мир варваров / В. П. Невская // На пути к современной цивилизации. – Ставрополь: Ставроп. госпединститут, 1993. – С. 33–46.

52. [Невская, В. П.] Памятники архитектуры и народного зодчества / В. П. Невская. – Ставрополь: ВООПИК, 1993.

53. Невская, В. П. [К обсуждению] / В. П. Невская, И. А. Краснова // К обсуждению методического материала В. Б. Виноградова, С. Л. Дударева, Е. И. Нарожного «Основные этапы всемирной истории» (Армавир, 1993. 19 с.): Сборник отзывов. – Армавир: АГПИ, 1994. – С. 16–17.

54. Невская, В. П. Развитие школьного образования на Ставрополье в XIX – начале XX века / В. П. Невская // Вестник Ставропольского государственного педагогического университета. – 1995. – № 1. – С. 85–91.

55. Невская, В. П. Духовная жизнь и просвещение народов Ставрополья в XIX – начале XX веков / В. П. Невская // Ставропольская земля в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции (октябрь, 1994 г., г. Ставрополь): в 2-х ч. – Ч. 1. – Ставрополь: СГПУ, 1995. – С. 85–96.

56. Невская, В. П. Историк и археолог Евгения Павловна Алексеева / В. П. Невская // Алексеева Евгения Павловна (1921–1994): биобиблиографический очерк. – Армавир, 1995. – С. 6–9. – (Российские исследователи Кавказа. Серия истории, археологии, этнографии. Вып. 7).

57. Невская, В. П. Шацкий Петр Александрович (1908-1982): Био-библиографический очерк / В. П. Невская. – Армавир-Ставрополь, 1996. – 11 с. – (Российские исследователи Кавказа. Серия истории, археологии, этнографии. Вып. 14).

58. *Ред.*: История Ставропольского края с древнейших времен до 1917 года: регион. учеб. для общеобразоват. шк. / [А. В. Найденко, И. М. Ноцарова и др.]; Под ред. В. П. Невской. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. краев. ин-та повышения квалификации работников образования, 1996. – 303 с.: ил.

59. [Невская, В. П.] Северокавказская цивилизация: проблемы типологии / А. А. Аникеев, В. П. Крикунов, В. П. Невская // Актуальные проблемы историографии и методологии истории. – Ставрополь, 1997. – С. 3–11.

60. [Невская, В. П.] Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до Октября 1917 года / Науч. ред. Б. А. Трехбратов. – Краснодар, 1997. – 557 с.

Из содерж.: *Невская В. П.* Абазины. – С. 5–6; *Невская В. П.* Азаты. – С. 10; *Невская В. П.* Анхаю. – С. 23; *Невская В. П.* Аха и Маршани. – С. 34; *Невская В. П.* Батал-Паша. – С. 41–42; *Невская В. П.* Баталпашинская. – С. 42; *Невская В. П.* Башсыз Кул. – С. 45; *Невская В. П.* Бии, или Таубии. – С. 58; *Невская В. П.* Карачаевцы. – С. 198; *Невская В. П.* Кириченко Н. И. – С. 205; *Невская В. П.* Крымшамхалов. – С. 229; *Невская В. П.* Лыги. – С. 255; *Невская В. П.* Мурзы. – С. 286; *Невская В. П.* Ногайцы. – С. 306; *Невская В. П.* Оги. – С. 313; *Невская В. П.* Петрусевич Н. Г. – С. 337; *Невская В. П.* Пши. – С. 367–368; *Невская В. П.* Пшитли. – С. 368; *Невская В. П.* Тфокотли. – С. 481; *Невская В. П.* Уздени. – С. 483; *Невская В. П.* Унауты. – С. 485; *Невская В. П.* Уорки. – С. 485; *Невская В. П.* Юльгюлю кулы. – С. 555.

61. Невская, В. П. Зарождение национальной интеллигенции у народов Карачая и Черкесии / В. П. Невская // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы межрегиональной научной конференции (10–11 апреля 1998 г., г. Ставрополь): в 2 ч. / Отв. ред. Н. Д. Судавцов. – Ч. 1. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. – С. 122–125.

62. *Ред.*: Край наш Ставрополье: очерки истории / Под ред. Д. В. Кочура, В. П. Невской. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – 528 с.

63. *Ред.*: Виноградов В. Б. Пушкинская Кубань: Историко-литературные этюды / Под ред. В. П. Невской. – 71 с. – (Практические опыты исторического регионовебдения. Вып. 20).

64. *Ред.*: Виноградов А. В., Виноградов В. Б. Лермонтов и Мартынов: кавказские контуры трагедии: историко-литературный очерк / Под ред. В. П. Невской. – Армавир: АГПИ, 2000. – 19 с. – (Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 23).

65. Невская, В. П. Несколько слов о главном / В. П. Невская // Кавказоведческая школа В. Б. Виноградова: становление, современность, перспективы (материалы к заседанию «круглого стола» в честь 10-летия деятельности в Армавирском госпединституте). Основная часть. – Армавир: АГПИ, 2002. – С. 57–58.

66. Невская, В. П. Карачай в XIX в. / В. П. Невская // Ас-Алан: ежеквартальный массовый журнал, освещающий историю и сегодняшнюю жизнь карачаево-балкарского и других народов Российской Федерации / гл. ред.: Билал Лайпанов. – М.: Мир дому твоему, 2002. – № 1(6). – С. 130–474.

67. *Ред.*: История городов и сел Ставрополья: краткие очерки / Науч. ред.: Д. В. Кочура, А. А. Кудрявцев; Редколлегия: [В. П. Невская и др. 68.]. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2002. – 702 с., ил.

Составитель **М. Е. Колесникова**

ЛИТЕРАТУРА О ПРОФЕССОРЕ В. П. НЕВСКОЙ

1. Беликов, А. П. Не такая, как все: [о В. П. Невской, почетном профессоре СГУ] / А. П. Беликов // Ставропольская правда. – 1997. – 5 авг. – С. 3.

2. Беликов, А. П. Валентина Павловна Невская – античник и кавказовед / А. П. Беликов // Политическая история и историография от античности до современности: Сборник научных статей / Редкол.: Т.Г. Тюнь (отв. ред.) и др. – Вып. 3. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2000. – С. 229–242.

3. Беликов, А. П. От Византия до Карачая. Научные пути профессора В. П. Невской / А.П. Беликов // Земля Ставропольская. Иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – М., 2002. – С. 185. – (Памятники Отечества. № 48).

4. Беликов, А. П. Валентина Павловна Невская (1919–2009) / А. П. Беликов // Вестник древней истории. – 2009. – № 3. – С. 206–208.

5. Беликов, А. П. Человек науки (К 90-летию со дня рождения Валентины Павловны Невской) / А. П. Беликов // Ставропольский хронограф на 2009 год: краевед. сб. / СГК УНБ им. М. Ю. Лермонтова: Отд. краевед. лит. и библиографии. – Ставрополь, 2009. – С. 109–114. [Библиографический список. Труды В. П. Невской. – С. 114; Литература о В. П. Невской. С. 114–115].

6. Беликов, А. П. К 90-летию Валентины Павловны Невской / А. П. Беликов, Т. А. Невская // Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально-политических трансформаций. – Краснодар: КГУКИ, 2009. – С. 3–13.

7. Беликов, А. П. Судьба историка: Валентина Павловна Невская (01.08.1919 – 29.01.2009) / А. П. Беликов // Историческая наука и образование в начале XXI века: проблемы и перспективы развития (к 70-летию факультета истории, философии и искусств): сборник научных статей. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 194–199.

8. Быкова, Н. Летописцы Ставрополья и Кавказа / Н. Быкова // Ставропольская правда. – 2012. – 19 мая. [в т.ч. о В.П. Невской]

9. Гаджиев, В. Г. CONSORTIUM VITAS (Содружество на всю жизнь – лат.) / В. Г. Гаджиев // Мастера отечественного кавказоведения. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2005. – С. 461–480.

10. «Для меня важнее признание своего народа»: [беседа с В. П. Невской, д-ром ист. наук, профессором СГПИ, избранной Международным биографическими центром в Кембридже «Женщиной – 1993»; записала Л. Денежная] // Вечерний Ставрополь. – 1994. – 10 февраля.

11. Есть женщины!: [решением Кембриджского международного биографического центра «Женщиной 1993 года» избрана д-р ист. наук, профессор СГПИ В. П. Невская] // Ставропольские губернские ведомости. – 1994. – 29 янв.

12. Кавказоведение: опыт. Проблемы и перспективы. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской / отв. ред. П. И. Абайханова (Магаяева) (г. Карачаевск, 18–19 октября 2019 г.). – Карачаевск, 2019. – 486 с.

Из *содерж.*: *Абайханова (Магаяева) П. И.* Проблемы социально-экономического развития Карачая в XIX веке в трудах В. П. Невской. – С. 13–17; *Байрамкулова А. А.* Научная деятельность В. П. Невской в стенах Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института (1953–1917 гг.). – С. 18–20; *Карданова А. Х.* Валентина Павловна Невская: путь человека и ученого. – С. 24–29; *Колесникова М. Е.* Вклад профессора В. П. Невской в отечественное кавказоведение. – С. 29–34; *Кузьминов П. А.* Вклад В.П. Невской в изучение либеральных реформ 50–70-х годов XIX века в Карачае и Черкесии. – С. 35–39; *Булыгина Т. А.* Опыт работы над книгой «История народов Северного Кавказа». – С. 62–65; *Текеева З. Х.* Ремесленное производство карачаевцев в трудах В. П. Невской. – С. 346–350; Библиография научных трудов профессора Валентины Павловны Невской [сост. М. Е. Колесникова]. – С. 477–482; Литература о профессоре В. П. Невской [сост. М. Е. Колесникова]. – С. 48–484.

13. Коркина, Т. Высота профессора Невской / Т. Коркина // Кавказский край. – 1994. – № 14.

14. Къагылланы, Назифа. Халкъыбызны джакъчысы (Нужный народу человек) / Н. Къагылланы // Карачай. – 1993. – 23 июля. [о В. П. Невской]

15. Михайлова, О. «Чтоб мы как должно ценное ценили...» / О. Михайлова // День Республики. Главная газета Карачаево-Черкесии. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.denresp.ru/kultura/5248-chtob-mi-kak-dolghno-zhennoe-zhenili.html (Дата обращения 25.01.2019). [о В. П. Невской]

16. На болгарском языке: [о решении издать на болгарском языке монографию В.П. Невской «Карачаевцы»] // Ставропольская правда. – 1983. – 27 января.

17. Назарова, И. М. Выдающийся исследователь Кавказа / И. М. Назарова // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир: Сб. науч. ст. / Ставроп. гос. ун-т; [Редкол.: А. А. Кудрявцев (отв. ред.) и др.]. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 1999. – 241 с.

18. Назарова, И. М. Памяти учителя, ученого и необыкновенного человека (к 100-летию со дня рождения В. П. Невской) / И. М. Назарова // Прозрителевские чтения: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. – Вып. 10 (научное издание). – Ставрополь: Бюро новостей, 2019. – С. 117–124.

19. Найденко, А. В. Наследие и наследники: страницы родословной В. П. Невской / А. В. Найденко // Гордимся нашей родословной. – Ставрополь, 2008. – С. 18–25.

20. Невская В. – доктор наук: [о защите докторской диссертации на тему «Карачай в XIX веке»] // Ставропольская правда. – 1966. – 13 июня.

21. Невская Валентина Павловна: Био-библиографический очерк / сост. Е. И. Нарожный; под ред. С. Л. Дударева. –Армавир: АГПИ, 1994. – 15 с.

22. Невская Валентина Павловна – Исторический Черкесск // Cherkessk.SU. Информационно-развлекательный ресурс, города Черкесска. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.cherkessk.su/groups/group/14/wiki. (Дата обращения 25.01.2019).

23. Невская Валентина Павловна (01.08.1919–21.01.2009) – исследователь истории черкесов, абазин, ногайцев, казаков // Хранители памяти. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.vossta.ru/hraniteli-pamyati.html?page=10. Дата обращения 25.01.2019.

24. Негасимый пламень: [беседа с В. П. Невской. Записал В. В. Госданкер] // Ставропольская правда. – 1972. – 8 марта.

25. О награждении нагрудным почетным знаком «За отличные успехи в области высшего образования СССР»: приказ от 13 ноября 1980 г. № 235/4-1: [по Ставропольскому краю почетным знаком «За отличные успехи в области высшего образования СССР» награждены сотрудники СГПИ, в т.ч. В. П. Невская – зав. кафедрой, профессор, д-р ист. наук] // Бюллетень высшего и среднего специального образования СССР. – 1981. – № 1. – С. 32–35.

26. Памяти Валентины Павловны Невской: [некролог] // Ставропольская правда. – 2009. – 3 февраля. – С. 4., фото.

27. Памяти Валентины Павловны Невской: [некролог] // Вечерний Ставрополь. – 2009. – 3 февраля. – С. 8., фото.

28. Пухальская, Г. «Есть женщины, их имена…»: [о В. П. Невской] / Г. Пухальская // Ставропольские губернские ведомости. – 1996. – 7 марта, фото.

29.Сакиев, Э. Творчество судьбы – это очень хорошее занятие…[о русских историках, этнографах, географах и лингвистах: в т.ч. о В. П. Невской] / Э. Сакиев // Известия. – 2004. – 11 июня. – С. 7.

30. Тебуев, Р. В. П. Невская: «Горжусь, когда меня называют дочерью Карачая…» / Р. Тебуев // Elbrusoid (Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид») [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.elbrusoid.org/articles/neighbours/359374/. Дата обращения 29.01.2019.

31.Узденов, Р. Человек науки во все эпохи: [об историке, этнографе, педагоге В. П. Невской] / Р. Узденов // Московский комсомолец. Северный Кавказ. – 2004. – 15–22 сентября. – С. 21.

32. Хасьминский, Г. Кембридж признал ее «Женщиной года». Дважды!: [о докторе ист. наук, профессоре СГУ, крупном ученом-кавказоведе В. П. Невской] / Г. Хасьминский // Ставропольские губернские ведомости. – 1999. – 11 августа. – С. 6, фото.

33. Хасьминский, Г. Кембридж признал ее «Женщиной года». Дважды!: [о докторе ист. наук, профессоре СГУ, крупном ученом-кавказоведе В.П. Невской] / Г. Хасьминский // Хасьминский Г. На перекрестках встреч. – Кн. 3: Ставрополь – город замечательных людей: избранное. – Ставрополь, 2007. – С. 15–19.

34. Хатуев, Р. Пример для современников: [к 75-летию историка, этнографа, педагога В. П. Невской] / Р. Хатуев // Северный Кавказ. – 2004. – № 33, август. – С. 17.

35. Чечулина, Н. Дар не случайный, не напрасный: биография в стиле истории: [В. П. Невской] / Н. Чечулина // Ставропольская правда. – 1994. – 6 марта.

36. Nevskaya Valentina Pavlovna // Dictionary of international Biography including Who Will Who in 21st Century. |A Biographical Record of Contemporary Achievement. – Twenty Third Edition, 1995. – P. 463.

37. Валентина Павловна Невская: библиогр. указ. / сост. С. В. Синицина; Ставроп. гос. пед. ин-т. – Ставрополь: СГПИ, 1992. – 25 с, фото.

Составитель **М. Е. Колесникова**

Секция 1

Наследие профессора В. П. Невской в контексте современных гуманитарных исследований

М. И. Ангелова
(г. Благоевград)

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И ОРИЕНТАЛИЗМ – КУРДОВЕДЕНИЕ В РОССИИ XIX–XX вв.*

Начало исследований курдов *(Kurdish studies)*, которое известно в российской академической традиции как *курдоведение*, началось еще в конце XVIII века. В Европе эти исследования развиваются на грани науки и политики. [10, с. 711–716]. В Западной Европе научная ориенталистика возникала в государствах с колониями, отражая политическую и социально-экономическую специфику. Схожие проблемы испытывала и Россия по отношению к Кавказу в XIX веке в связи с расширением границ империй. В конце XVIII века «Восток» был одним из приоритетов внешней политики России. 26 февраля 1797 году в структуре Министерства иностранных дел был создан специальный Департамент азиатских дел. Еще в первой половине XIX века регионы с курдами стали частью Российской империи, а часть территории курдов осталась в соседних государствах – в Персии и Османской империи [6, с .99].

В основе научной дисциплины курдоведения положен тезис, что курдский язык не является персидским диалектом, а это специальная ветвь индо-иранских языков. Впервые этот тезис аргументировали немецкие ученые Эмиль Рёдигер и Август-Фридрих Потт [8]. На основе этой языковой специфики утвердилось мнение, что курды являются отдельным народом – в романтичном смысле слова. Начали приписывать им этнические и расовые особенности – собственный фольклор и обычаи, которые отличают их как от мусульманских, так и от христианских соседних общностей.

В России курдоведение начало развиваться как ветвь академических ориентальных исследований в результате деятельности ученых, среди которых В. Диттель, В. А. Жуковский, В. В. Бартольд, В. В. Велиаминов-Зернов, П. Лерх, А. Жаба, а позднее и – В. Ф. Минорский, В. П. Никитин и др. Геополитические стремления России к наследию Османской империи стали движущей силой процесса наращивания интереса к исследованиям курдов. Эту ситуацию наилучше представил Петр Лерх в «Исследованиях», опубликованных в майе 1858 г. в *„Journal des savants“: ввиду своей позиции, Россия должна дать новый толчок нескольким из ветвей востоковедения“* [9, с. 38]. Однако, несколько лет раньше публикации Лерха этот новый импульс был уже частью академического проекта Бориса Андреевича Дорна. С 1842 года Дорн был директором Азиатского музея и руководителем секции «Востоковедение» в Императорской публичной библиотеке. Именно он поручил Лерху в качестве выдающегося специалиста по восточным языкам, начать научное исследование курдов. П. Лерх является первым исследователем в России, который начал записывать «курдский фольклорный материал». Сам он не посещал курдские районы, но после 1856 года записывал свидетельства курдских военнопленных в тюрьме в Рославль (Смоленской губернии). Второй том его трудов „Исследование об иранских курдах и их предках, северных халдеях“ опубликован в 1857 г. в Санкт Петербурге [12]. Российская академия наук поддерживала эго исследования. Он записывал преимущественно наречия «курманджи» и частично «заза» курдов, происходящие из Мардина, Дерсима, Муша, Диярбакыра, Урфы, Харпута, Эрзурума и т.д. Он транскрибировал курдские тексты, пользуюсь «алфавита Лепсиуса»[1] и сопровождал их переводом на русский язык. Немножко позднее Лерха, в 1860 году в Петербурге, консул Август Жаба опубликовал второй сборник с курдскими текстами – в арабской транскрипции на французском языке [4].

[1] Алфавит на основе латиницы, разработанный Карлом Рихардом Лепсиусом. Использовался для транскрипции египетских иероглифов и был расширен для записи африканских языков (Lepsius 1855).

До середины XIX века ориентальные исследования в России осуществлялись преимущественно в Казанском университете, несмотря на то, что и в Санкт-Петербурге были кафедры персидского и арабских языков (с 1818 г.), а также и в Университете в Харькове [1, с. 78]. Но после того, как Николай I (1825–55) приказал в 1854 г. перевести большую часть факультетов, студентов и библиотек из Казани в Санкт-Петербург, центром русского востоковедения стал именно Санкт-Петербург. В официально открытом факультете Восточных языков (27 августа 1855 г.) концентрировалось преподавание по востоковедению в рамках пяти отделов с 14 преподавателеми [9, с. 33]. Следует отметить, что в России недооценивали роль Лазаревского института восточных языков (Московский институт востоковедения с 1921 года), который был закрыт в 1954 году [10, с. 713].

Новые политические границы в Кавказском регионе после Первой мировой войны, а также режим большевиков привели к изменению идеологических рамок политики в регионе. Судьба курдских исследований (а также и курдского населения) в созданном Советском союзе изменялись в соответствии с переменами в советской национальной политике и с борьбой за власть как в Кремле, так и в местных административных центрах. В начале 1920 гг. была признана «национальность» курд в СССР в результате политики «коррenизации» в советском государстве [5; 11]. Следует отметить, однако, что не признавалось право на административную автономию, а только «признавались» курдский язык и курдский алфавит. В 1922 году сделана попытка адаптации армянского алфавита к курдскому языку, но она не получила широкого распространения. Более влиятельным оказался алфавит, который разработали в 1927 г. Айзор Маргулов и Араб Шамилов на основе латинского алфавита. Несмотря на религиозные и языковые различия, а также пренебрегая самоидентификационными маркерами между отдельными курдоязычными группами в государстве, началось построение «курдской нации». Представительными для советской политики в отношении курдов являлись армянские езиды, которые политически рассматривались весь период как «курды» и реже как «курды-езиды». Начали открываться школы на «курдском языке», издавалась газета «Riya Taze» (Новый путь), а также публиковалась курдская художественная литература. Езиды превратились в своеобразную витрину советских курдов. И хотя «советские курды» рассматривались как монолитное целое со стороны советской власти, к ним применялись дифференцированные подходы в политике во время существования Советского союза. Влияние сталинской политики на ограничения «коренизации» в 1930-1940 гг., а также на академическую курдологию все еще дискутируются, но без сомнения их последствия на Кавказе были драматические.

В 1923 г. советская власть создала административную единицу «Красный Курдистан», целью которой, по всей вероятности, была экспорт будущей революции. В 1930 г. автономный курдский уезд, в котором входили районы около Лачин и Келбаджар в Нагорном Карабахе, был преобразован в округ, а в 1936 г. ликвидирован. Год позже, в 1937 году большая часть курдов (преимущественно мусульмане) были депортированы из Армении и Азербайджана в Центральную Азию как «спецпоселенцы» [7]. В 1944 г. курды из Грузии вместе с другими «кавказскими народами» разделили такую же судьбу. Только после смерти Сталина некоторые из них получили возможность вернуться обратно. [3, с. 139–143]. Интерес представляет то обстоятельство, что подобным репрессиям не подвергались «курды-езиды» из Армении. Из кругов езидской общности в Армении формировалась «курдская академическая интеллигенция», как было принято говорить в традициях советского востоковедения. [10, с. 716]. В советское время исследования курдов осуществляли кроме ученых Института азиатских народов СССР, также и ученые из Института этнографии и Института Востоковедения в Ленинграде. В Москве научные исследования культуры курдов проводились в Институтах филологии, этнологии и Востоковедения АН СССР и в Московском государственном университете, в котором работал лингвист Б. Миллер [2]. Курдология в рамках иранистики в СССР была также в Ереване и Баку (1959).

Применяемые в течение десятилетий направления политики для построения «общекурдской идентичности» в рамках Российской империи и еще более в рамках Советского союза, имеют свои результаты, которые касаются и современных битв памяти и идентичности в постсоветском пространстве и в частности в Кавказском регионе.

Источники и литература

1. Alsancakli S. The Early History of Kurdish Studies (1787–1901) – Die Welt des Islams, 56, 2016, 55–88.
2. Goujon A. Anthropologie et gestion des nationalités en Russie – Raisons politiques, 22, 2006, 73–94.

3. Hassanpour A. Nationalism and Language in Kurdistan, 1918–1985, San Francisco: Mellen Research University Press,1992.

4. Jaba A. Recueil de notices et de récits kourdes, St-Pétersbourg,1860.

5. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939, Ithaca: Cornell University Press, 2001.

6. O'Shea M. Trapped Between the Map and Reality. Geography and Perceptions of Kurdistan, Routledge, 2004.

7. Pohl J. O. Kurds in the USSR, 1917–1956 – Kurdish Studies, vol. 5, 2, 2017, 157–171.

8. Rödiger E., Pott A. Kurdische Studien – Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes 3, 1840, 1–63.

9. Schimmelpenninck van der Oye D. The Imperial Roots of Soviet Orientology – In: Kemper, M., S. Conermann (eds.), The Heritage of Soviet Oriental Studies, Oxon: Routledge, 2011, 29–46.

10. Ангелова М. Руският ориентализъм и зараждането на кюрдологията: дипломатът като учен – Август Жаба (1801–1894). Knowledge. International Journal 3, 2018, 711–716.

11. Баберовски Й. Враг есть везде: Сталинизм на Кавказе, Москва: РОССПЭН, 2010.

12. Лерх П. Исследование об иранских курдах и их предках, северных халдеях, т. 1–3, СПб, 1856, 1857, 1858.

*Настоящий текст разработан в рамках проекта: 'Knowledge Exchange and Academic Cultures in the Humanities: Europe and the Black Sea Region, Late 18th – 21st Centuries'(KEAC-BSR), funded by the European Commission, project number: MSCA-RISE 734645

А. А. Аникеев
(г. Ставрополь)

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 60–80-е гг. XX в. И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В. П. НЕВСКОЙ

«Оттепель» 50–60-х гг. принесла на Северный Кавказ важные перемены. Были возвращены в места своего проживания ингуши, карачаевцы, балкарцы. Соответственно были восстановлены Чечено-Ингушская автономная республика, Кабардинская АССР преобразована в Кабардино-Балкарскую автономную республику, а Черкесская автономная область - в Карачаево-Черкесскую автономную область [1].

Перед ранее репрессированными народами стали сложные проблемы восстановления своей государственности, экономики, школ и институтов. К началу 60-гг. был восстановлен суверенитет национальных и автономных республик и областей, советское гражданство народов, восстановлены закрытие ранее учебные заведения, в частности Карачаевский педагогический институт, а Кабардинский госпединститут был вновь преобразован в Кабардино-Балкарский.

В 60–80-е гг. на Северном Кавказе было открыто 5 новых учебных заведений, а общее число их увеличилось с 39 в 1958/1959 уч. году до 44 в 1986/1987 уч. году. Одновременно многие педагогические институты были преобразованы в университеты, а число студентов в регионе увеличилось на 43,5 процентов [2].

Развитие исторической науки в республиках Северного Кавказа в 60–80-е гг., как и в других районах, характеризовалось появлением новой тематики и проблематики исследований, а также переосмыслением уже относительно разработанных тем.

Безусловным достижением исторический науки региона данного периода следует считать исследование социально- экономической истории республик в XVIII – начале XIX вв. с постановкой проблем специфики становления развития феодальных отношений, особенности экономической и социальной эволюции на пути капиталистического развития, ряд вопросов крестьянского движения, а также формирования рабочего класса.

В 60–80-е гг. квалифицированные историки сформировались в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, а также в Карачаево-Черкессии. Крупными знатоками истории Кавказа себя зарекомендовали в Дагестане: Р. М. Магомедов, Г.-А. Д. Даниялов, В. Г. Гад-

жиев, М. Гасанов, Х. Х. Рамазанов; в Кабардино-Балкарии – Т. Х. Кумыков, Р. Х. Гугов, Х. Т. Медалиев, Г. Х. Мамбетов; в Чечено-Ингушетии – В. П. Крикунов, Н. П. Гриценко, А. И. Хазбулатов, Я. З. Ахматов, В. Б. Виноградов; в Северной Осетии – М. С. Тутоев, А. Х. Магометов, М. М. Блиев, В. А. Кузнецов; в Карачаево-Черкессии – М. М. Бекижев, Ч. С. Кулаев и, конечно, В. П. Невская [3].

Валентина Павловна Невская заинтересовалось историей и культурой кавказских народов с 1951 года, когда с семьей переехала в Карачаево-Черкессию. Проштудировав огромное число специальной и общей кавказоведческой литературы, а также архивные фонды, она подготовила монографию «Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия», которая была издана в Черкесске в 1956 г. В этой книге был дан новый, более объективный взгляд на сложный процесс вхождения народов Кавказа в состав России. Преодолевая концепцию «Краткого курса» о России как «тюрьме народов», Невская показала положительное влияние этого процесса в исторической перспективе [4].

Впоследствии Валентина Павловна чуть ли не каждый год издавала работы по истории и этнографии карачаевского народа. На основе интенсивных архивных изысканий и материалов, собранных в многочисленных экспедициях, она написала несколько книг и издала сборники документов по истории народов в Карачаево-Черкессии. В 1966 году в единственном тогда диссертационном совете на юге России при Ростовском госуниверстиете прошла блестящая защита докторской диссертации В. П. Невской «Карачай в XIX веке. Эволюция аграрного строя и сельской общины».

Как отметил позже академик В. Б. Виноградов, «когда около 30 лет назад на защите докторской диссертации В. П. Невской один из авторитетных оппонентов сказал: «Это не только научный, но и духовный подвиг: суметь так глубоко вникнуть в жизнь другого народа», я мысленно аплодировал справедливости данной оценки» [5].

Неслучайно этой русской женщине позже присвоят почетное звание «дочь Карачая». Очевидцы рассказывают, что как-то древний аксакал попросил ее привезти книгу Невской, чтобы ссылаться при спорах с земляками. Когда Валентина Павловна пообещала подарить свою книгу, он ответил: «Девочка, мне не нужна твоя книга, мне нужна книга самой Невской»

Благодаря участию в крупных общесоюзных научно-исследовательских проектах и в большинстве северокавказских изданий, В. П. Невская стала широко известным кавказоведом. Не только высоким интеллектом, но и исключительной деликатностью, скромностью и чуткостью она притягивала людей.

В. П. Невская принимала участия в Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, в XXV Международном конгрессе востоковедов. Современные карачаевские историки Р. С. Тебуев и Р. Т. Хатуев так пишут о Валентине Павловне: «Из историков – карачаевцев, пожалуй, только ее имя остается выше каких-либо сомнений, и только ее мнение, безусловно, авторитетно для всех» [6].

В 1971 г. В. П. Невская переехала в г. Ставрополь, где стала работать профессором кафедры истории. С 1976 г., когда кафедра была разделена, она возглавила кафедру всеобщей истории. При этом сказались ее знания по истории «Византия в классический и эллинистический периоды». Это тема ее кандидаткой диссертации, защищенной в 1950 г. в МГПИ им. В. П. Потемкина.

Работая в Ставрополе, Невская продолжила исследования Северного Кавказа с ее участием вышло ряд крупных трудов по истории Ставрополья, крестьянства Северного Кавказа. Она была автором ряда глав и заместителем ответственного редактора академика А. Л. Нарочницкого в подготовке и издании масштабного труда - «Истории народов Северного Кавказа» [7]. К сожалению, вышли в свет только первые 2 тома. Полагаю, что наша задача – доработать и издать 3 и 4 тома, посвященные XX веку.

Не утратили своего научного значения и сборники статей по истории горских и кочевых народов Северного Кавказа, подготовленные под редакцией Валентины Павловны, которые пользовались спросом не только наших библиотек, но и зарубежных. Вспоминаю, как в 1989 г. после выхода очередного сборника вдруг приходит запрос из библиотеки конгресса США – одного из крупных мировых книгохранилищ. Пришлось срочно искать оставшийся экземпляр сборника и отправлять его в Америку [8].

Валентина Павловна много сил и времени отдала подготовке будущих историков: в начале доцентом Черкесского учительского института, а затем профессором Ставропольского педагоги-

ческого института и университета . Работать с ней было одно удовольствие. Она подкупала коллег по кафедре не только добротой и отзывчивостью, но и желанием прийти на помощь независимо от того, кто пред ней стоял: преподаватель или студент. Вот что вспоминает о ней выпускница факультета Л.Свечникова: «Ее лекции были настолько интересны, что мы часто забывали обо всем на свете, слушая их, чем вызывали недоумение Валентины Павловны, которая удивлялась, почему мы их не записываем. Кстати, лекции она не читала, а рассказывала, без бумажки» [9].

Не меньший вклад в развитие исторического образования Валентина Павловна внесла своим научно-образовательным кружком, на котором она делилась своим богатым опытом научно-исследовательской работы, раскрывая студентам «тайны исторической науки». Среди ее слушателей были: Ю. Н. Литвиненко, Д. С. Ткаченко, М. Е. Колесникова, К. А. Ушмаева и десятки других студентов. Многие из них в силу жизненных обстоятельств сменили темы своих диссертаций. Но от Валентины Павловны они получили главное – умение видеть научные проблемы, ставить исследовательские задачи, обобщать исторические факты, формулировать собственные концепции. Эти компетенции – главное формирование творческих способностей студентов.

И в заключение несколько слов из интервью собкора «Кавказского края» Тамары Коркиной с Валентиной Павловной:

«– Вы всю жизнь с молодежью работаете. Есть ли у нее та духовная сила, которая помогла бы справиться с нынешними проблемами?

– Я думаю, – отвечает Валентина Павловна, – что молодежь должна справиться. Молодежь во все времена остается молодежью. И проблемы остаются те же самые. И любовь. И возвышенное состояние души. И светлое, романтическое восприятие жизни. Это было всегда» [10].

Думаю, что наш гражданский и профессиональных долг – сохранять и развивать лучшие традиции в изучении истории и подготовке выпускников, опираясь на богатый опыт Виктора Александровича Романовского, Петра Александровича Шацкого, Валентины Павловны Невской и других корифеев нашего университета.

Источники и литература

1. См.: Проблемы суверенитета в Российской Федерации. М. 1994. – С. 76.

2. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М. 1987. – С. 544.

3. Берекетов Х. Г. Историческая наука на Северном Кавказе. Нальчик. 1964; Ушмаева К. А. Историки и власть на Юге России (1917–2000 гг.). Ставрополь. 2006. – С. 179.

4. Невская В. П. Присоединение Черкессии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск. – 1956.

5. Невская Валентина Павловна. Армавир. 1994. – С. 3.

6. Цит. по: Ставропольская правда №31 (196), 7 августа 2019 г.

7. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.

8. История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып. I –IV. Ставрополь. 1975–1988.

9. Ставропольская правда № 31(196). 7 августа 2019 г.

10. Кавказский край. № 14. 8–14 апреля. 1994.

А. Е. Ашуба
(г. Сухум, Республика Абхазия),
О. И. Шафранова (г. Ставрополь)

АБХАЗСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ В XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ *

Интеллектуальное сообщество, складывавшееся на имперских национальных окраинах во второй половине XIX – начале XX столетия, традиционно рассматривается как особый социокультурный феномен, существенно отличающийся по качественным характеристикам от аналогичной общественной группы, представляющей титульный этнос. Однако в российской историографии до настоящего времени отсутствует единое представление об объективном содержании самого понятия «российская интеллигенция», которое различные авторы ассоциируют с определенным образом повседневной жизнедеятельности, профессиональной принадлежностью или политическими убеждениями [3, 4, 5, 6, 7, 8]. Подобная неопределенность может быть интерпретирована как следствие методологического плюрализма, доминирующего в современной исторической науке, а потому в каждом конкретном исследовании необходимо выделять авторское представление об изучаемом феномене, опирающееся на имеющиеся достижения предшествующей историографической традиции. Применительно же к проблеме генезиса этнической интеллигенции следует признать, что объективные диспропорции в социально-экономическом, политическом и культурном развитии инкорпорированных регионов детерминировали различные сценарии последовательного формирования местных интеллектуальных сообществ.

В абхазском случае рассматриваемый процесс существенно осложнялся целым рядом значимых факторов, среди которых необходимо выделить достаточно позднее появление национальной письменности, объективное несовершенство складывавшейся системы начального образования, перманентное вооруженное противостояние между горскими социумами и имперской администрацией. В результате полноценное формирование национальной интеллигенции в Абхазии началось лишь в последней четверти XIX столетия, что связано с окончательной инкорпорацией прежнего владетельного княжества в состав Российской империи и относительной стабилизацией образовательной политики местной администрации. До указанного периода следует говорить лишь об отдельных личностях, которые соответствуют обобщенному образу этнического интеллигента. Как представляется, подобный индивид должен не только обладать достаточно высоким уровнем личной образованности, но и внести значимый вклад в комплексное развитие общероссийской или региональной культурной традиции, занимать активную гражданскую позицию и участвовать в реальной жизнедеятельности родного этноса.

Важнейшим фактором, существенно ускорившим последовательное формирование интеллигентского сообщества в избранном регионе, стало издание литографированной грамматики абхазского языка в 1862 году, осуществленное на основе бзыбского диалекта П. К. Усларом. По мнению выдающегося абхазского писателя и общественного деятеля Д. И. Гулиа, указанное учебное пособие «сохранило речь абхазского народа и сделал ее доступной ученому миру» [1, с. 3]. В том же 1862 году особая комиссия в составе председательствующего И. А. Бартоломея (руководитель «Общества восстановления православного христианства на Кавказе»), Д. П. Пурцадзе (чиновник по особым поручениям при наместнике Кавказа и заведующий делопроизводством «Общества восстановления православного христианства на Кавказе») и В. Г. Трирогова при содействии И. Гегия, Г. Курцикидзе и С. Эшба на основе буквенных начертаний П. К. Услара с небольшими изменениями составила «Абхазский букварь» с параллельным переводом на русский и грузинский язык, который был издан в Тифлисе в 1865 году [2, с. 57]. Параллельно с качественным улучшением методической основы языковой подготовки в пореформенный период в Абхазии появляется широкий слой местных учительских кадров, подготовленных в специализированных учебных заведениях (в частности, в Тифлисской Александровской учительской школы в трехгодичным сроком обучения). Отдельные учителя не ограничивали собственную деятельность образовательными практиками, активно участвовали в общественной жизни и занимались научно-исследовательскими проектами, что привело к последовательному появлению новой генерации абхазских интеллигентов.

В пореформенный период появляются новые представители регионального интеллектуального сообщества, не связанные с военной службой или учительской деятельностью. Ярким

примером этнического интеллигента подобной формации можно считать молочного брата Г. М. Шервашидзе Давида Зурабовича Чхотуа (1849 – 1929), который учился в Кутаисскую гимназию, а затем в Петербургском университетах. Первоначально он был студентом физико-математического факультета по отделению естественных наук по специальности геология и минералогия, а с 1875 года продолжил обучение на юридическом факультете. Однако в том же году по семейным обстоятельствам Д. З. Чхотуа оставил учебу и согласился управлять имениями молочного брата в Восточной Грузии. В 1876 году он был ложно обвинен в убийстве и приговорен к 20 годам каторжных работ и пожизненной ссылке (вернулся на Родину только в 1906 году) [2, с. 94–95].

Д. З. Чхотуа был не только энциклопедически образованным человеком, но и одаренным публицистом и литературным критиком, сотрудничавшим в грузинских газетах «Иверия», «Дроэба», «Сасопло газети», «Кребули». Он является автором таких любопытных публицистических статей, как «Два обычая в Абхазии», «Влияние языка на развитие мышления народа», «Ян Гус», «История земли или геология», «Герои поэмы Руставели, их мировоззрение» [2, с. 96].

Следует выделить также и то существенное обстоятельство, что именно в рассматриваемый период начинается самостоятельная деятельность выдающегося абхазского гражданина, писателя и общественного деятеля Дмитрия Иосифовича Гулиа, ставшего основоположником абхазской художественной литературы и литературного языка. Лично переживший страшную трагедию махаджирства и вернувшись на историческую Родину, он окончил Сухумскую горскую школу, а затем экстерном сдал экзамены на звание учителя народных школ [2, с. 112]. Учительская деятельность не помешала талантливому молодому человеку проявить серьезный интерес к историческому прошлому и современному развитию Абхазии, что проявилось в систематических поездках в отдаленные районы для тщательного сбора фольклорного материала и детального изучения памятников материальной культуры. Накопленные впечатления и собранный эмпирический материала легли в основу многочисленных произведений Д. И. Гулиа, которые впоследствии приобрели мировую известность.

Источники и литература

1. Гулиа Д. И. Материалы по абхазской грамматике. – Сухум: Типо-литография ВСНХ'а имени Ленина, 1927. – 40 с.

2. Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми: «Алашара», 1979. – 344 с.

3. Кемпинский Э. В. К происхождению понятия «интеллигенция» (Петр Дмитриевич Боборыкин) // Российская интеллигенция: история и судьбы [Текст] : (региональное северо-кавказское исследование) / Кемпинский, Э. В. – Москва : Соц.-полит. мысль, 2005. – 270.

4. Колоницкий Б. И. Идентификация российской интеллигенции и интеллигентофобия (конец XIX – начало XX века). // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. – М., 2001. https://narusin.ru/kolonitsky-b-i-identification/ Дата обращения 09.09.2019.

5. Самарцева Е. И. Особенности семантической эволюции термина «интеллигенция» в отечественной историографии XX века // Клио. СПб., 1997. № 1. С. 49–56.

6. Смирнов Н. Н. Российская интеллигенция: К вопросу о дефинициях // Историк и революция : Сборник статей к 70-летию со дня рождения О. Н. Знаменского / Ин-т рос. истории РАН. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 241 с.

7. Соколов К. Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность. // Русская интеллигенция: История и судьба / Рос. акад. наук. Науч. совет по истории мировой культуры; [Редкол.: Д. С. Лихачев (предс., отв. ред.). – М.: Наука, 1999. – 422 с.

8. Шмидт С. О. Этапы «биографии» слова «интеллигенция» // Судьба российской интеллигенции: Материалы научной дискуссии. – СПб., 1996. https://intelligentsia1.livejournal.com/665036.html. Дата обращения 09.09.2019.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНА в рамках научного проекта № 19-59-40001

А. В. Барабанова
(г. Ставрополь)

ВКЛАД НЕМЕЦКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

Немецкие ученые сыграли решающую роль в становлении российского кавказоведения, так как, начиная с первого шага в оформлении как самостоятельного научного направления, оно было связано с представителями немецкой науки. В 1728 году в специальном издании недавно созданной к тому времени Российской Академии наук «Commentarii» была опубликована работа Готлиба (Теофила) Зигфрида Байера (Bayer) «О стене кавказской». Эта работа, подготовленная еще в 1726 году, сначала была на латинском языке и называлась «De muro Caucaseo» (дословный перевод с латинского «Что касается стены Кавказских гор»), но затем Байер подготовил ее перевод на русский язык с адаптированным названием [12]. Ценность работы заключалась в том, что это было собрание и первичная интерпретация всех имевшихся нарративов, некогда составленных античными и арабскими авторами о Кавказе.

На тот момент территория Кавказа вместе с населявшими ее народами не входила полностью в состав Российской империи. Хотя по итогам Каспийского похода Петра Первого (1722–1723) Россия укрепилась на Каспийском побережье и обустраивала необходимые форпосты для поддержания торговой деятельности на этом направлении. Поэтому со стороны российского государства непременно должен был возникнуть и существовать определенный заказ на изучение этого региона и получение исчерпывающих сведений о самой местности, ее ресурсах, а также этносах и уровне развития государственности у кавказских народов. Но после публикации работы Байера прошло почти 40 лет, прежде чем был разработан план большой научной экспедиции, куда было включено и изучение Кавказа.

Екатерина Вторая, осуществившая свою мечту стать «русской царицей», была заинтересована в изучении своей империи и выступила с идеей комплексного исследования страны. По ее распоряжению и с ее участием была разработана программа обширных научных исследований. Эта программа включала в себя организацию и финансирование так называемых «астрономических» и «физических» отрядов. «Астрономические» отряды должны были заняться астрономическими исследованиями, используя возможности различных географических территорий; тогда как комплекс задач, поставленных перед «физическими» отрядами был намного шире и гораздо сложнее – исследовать ресурсы и народонаселение нескольких регионов в составе Российской империи.

В состав этих отрядов русская императрица немецкого происхождения пригласила довольно молодых исследователей, не скупясь на награды и пожалования должностей. Предпочтение, отданное более молодым исследователям, отчасти можно объяснить тем, что экспедиции проходили в крайне сложных природно-климатических и военно-политических условиях и от участников потребовалось хорошее физическое здоровье. Начало исследования Кавказа связано с именами 26-летнего Петера Симона Палласа (Pallas), 23-трехлетних Самуила Готлиба Гмелина (Gmelin) и Иоганна Антона Гюльденштедта (Güldenstädt). Сначала они приняли участие в разработке программы экспедиции, а затем участвовали в ее реализации.

Разработанная программа масштабных исследований конца 1760-х и 1770-х годов содержала четкую инструкцию, которая предписывала всем ее участникам: «Исследовать свойства вод, почв, способы обработки земли, состояние земледелия, распространённые болезни людей и животных и изыскать средства к их лечению и предупреждению, исследовать пчеловодство, шелководство, скотоводство, особенно овцеводство. Затем обратить внимание на минеральные богатства и минеральные воды, на искусства, ремёсла, промыслы каждой провинции, на растения, животных, на форму и внутренность гор и, наконец, на все отрасли естественной истории… Заняться географическими и метеорологическими наблюдениями, астрономически определять положение главных местностей и собрать всё, касающееся нравов, обычаев, верований, преданий, памятников и разных древностей» [5, с. 43].

Если говорить о территории Кавказа, то здесь необходимо было руководствоваться еще и тем обстоятельством, что только небольшая часть в основном северокавказских владетелей привели свои народы в состав России. Поэтому появление российских экспедиций на территориях, напри-

мер, грузинских государств, могло спровоцировать определенные эксцессы. По этой причине от руководителей экспедиционных групп требовались еще и дипломатические способности, умение установить контакты с влиятельной местной знатью.

Самые первые комплексные кавказские исследования, осуществленные приглашенными немецкими учеными, по своей сути были подробными описаниями так называемых «трех царств природы» (под царством понимали иерархическую ступень научной классификации биологических видов - живые организмы делили на два царства: царство животных (лат. Regnum Animale) и царство растений (лат. Regnum Vegetabile) и при этом выделяли царство минералов (лат. Regnum Lapideum) и таких сфер жизнедеятельности кавказских социумов, как хозяйственная, социокультурная, конфессиональная [2,с. 24].

Первыми исследователями Кавказа стали Георг Самуил Гмелин (время пребывание на Кавказе 1770–1774), Иоганн Антон Гюльденштедт (время пребывания на Кавказе 1769–1773), Якоб Рейнеггс (настоящее имя Кристиан Рудольф Элих; время пребывание на Кавказе 1781–1783) Петер Симон Паллас (время пребывание на Кавказе 1793–1794), Юлиус Генрих Клапрот (Klaproth; время пребывание на Кавказе 1807–1808) [5, 16, 18, 20, 23]. Основные результаты их экспедиций были систематизированы и представлены в виде отчетов в Академию Наук, а также опубликованы в «Commentarii». Основная часть этих экспедиционных материалов была написана на немецком языке и издана не в России, а в Германии. Можно предположить, что это было связано с уровнем развития полиграфической базы и обусловлено сложностями ручного набора на немецком языке.

Так материалы Самуила Гмелина, ставшего аманатом и погибшего в плену у кайтагского уцмия, были систематизированы при участии Иоганна Гюльденштедта и Петера Палласа и изданы в Санкт-Петербурге в виде сочинения в четырех частях под названием «Reise durch Russland zur Untersuchung d. drei Naturreiche». Только две последних части были посвящены Закавказью и Северному Кавказу (описание этой территории осталось только в дневниковых записях) [2]. Таким образом, коллеги и друзья Гмелина постарались сохранить результаты его исследований, тем самым почтив память погибшего.

Выступив организатором этих исследований, государство поставило довольно трудные задачи перед исследователями. И главная трудность состояла в комплексном междисциплинарном исследовании. Так, естественникам Гмелину и Гюльденштедту пришлось собирать и систематизировать сведения не только о природно-ресурсном потенциале региона, но и заниматься этнографическими описаниями и лингвистическими исследованиями. Клапроту было немного проще, так как он специализировался в области лингвистики, но ему пришлось собрать информацию по этнографии и археологии, чтобы уточнить сведения об этносах региона, представленные в путевых записках Гмелина, Гюльденштедта, Рейнеггса.

Общепризнанно, что ценность первых исследований по Кавказу, которую не оспаривают и современное российское научное сообщество, заключалась в том, что они содержат огромное количество эмпирического материала по истории, этнографии, лингвистике и многим другим научным дисциплинам. Они выступают единственным источником XVIII века, позволяющим фиксировать расселение тех или иных этносов на Северном Кавказе и в Закавказье, топонимику Кабарды, Осетии, Ингушетии, Чечни, Грузии, Дагестана, а также аккумулировали уникальные лингвистические сведения, на основе которых были составлены словари десятков языков и диалектов народов Кавказа, выполнена их классификация.

Уже в последней четверти XVIII века список исследователей Кавказа стал пополняться за счет немецких офицеров, состоявших на службе в российской армии. Одним из первых военных, создавшим уникальный нарратив о Кавказе того времени, был подполковник Леонтий Штедер (Steder). В 1781 году он возглавил экспедицию, целью которой было создание военно-топографической карты и проведение геологической разведки. Но в «Дневнике путешествий» Штедером были зафиксированы важные сведения о межэтнических отношениях и о развитии отношений северокавказских народов с российским государством. [24]

На протяжении XIX века число исследователей Кавказа постоянно увеличивалось. Такие исследователи, как О. фон Абих (Abich) [10, 11], Г. Радде (Radde) [22], Р. фон Эркерт (Erckert) [15], И.фон Паррот (Parrot) [21], М. фон Энгельгард (Engelhardt) [21], А. Шифнер (Schiefner) [6], А. фон Гакстгаузен (Haxthausen) [17], А. Зиссерман (Sissermann) [3], П. фон Услар (Uslar) [7, 8, 9], Г. Мерцбахер (Merzbacher) [19], А.Дирр (Dirr) [13, 14], В. Миллер (Mueller) [4], К. фон Ган (Hahn) [1] и многие другие заложили остов российского кавказоведения, охватив практически все его

направления, а именно, этнографию, лингвистику, топонимику, фольклористику, археологию, географию, историю. Начиная со второй трети XIX века отрывки из путевых заметок, расширенные отчеты, статьи этих исследователей начали широко публиковать на русском языке в самых разнообразных периодических изданиях, как с целью популяризации сведений о кавказском регионе (газеты и журналы Русский Вестник, Вестник Европы, Кавказ, Кавказский Вестник и другие), так и в научных целях в специализированных научных изданиях (Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества, Труды Этнографического отдела, Русская мысль, Журнал Министерства народного просвещения, Этнографическое обозрение, Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа и другие).

Труды этих исследователей были положены в основу многочисленных классических изысканий по Кавказу на протяжении XIX–XX вв. и остаются востребованными и в XXI веке.

Источники и литература

1. Ган К. фон. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. В 3-х частях. – Тифлис, 1890. – 285 с.

2. Гмелин С. Путешествие по России для исследования трех царств природы: Перевод с немецкого. В 4-х частях. - СПб: Императорская Академия наук, 1783. 361 с.

3. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. 1842–1867: в 2-х частях. – СПб., 1879. – 189 с.

4. Миллер В. Ф. Осетинские этюды// Ученые записки императорского Московского университета. – В. I – 1881 г., В. II – 1882 г., В. III – 1887 г.

5. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства / Пер. с нем.; Отв. ред. Б. В. Левшин; Сост. Н. К. Ткачёва. – М.: Наука, 1999. – 246 с.

6. Шифнер А. Осетинские тексты/ Репринтное издание. – М.: Книга по требованию, 2011. – 106 с.

7. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык, Тифлис, 1887. – XV с. + 193 с. + 120 с. (Переизд.: Сухум, 2002).

8. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык, Тифлис, 1888. – 52 с. + 246 с. + 117 с.

9. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык, Тифлис, 1889. – 242 с. + 275 с. + 20 с.

10. Abich, O. von. Beitrage zur geol. Kenntniss der Thermalquellen in Kaukasischen Landern – Tiflis, 1865. – 595 S.

11. Abich, O. von. Zur Geologie des Sudostlichen Kaukasus - Tiflis, 1866. – 432 S.

12. Bayer Th. S. De muro Caucaseo // CAP, t. I (ad a. 1726), 1728, p. 425–463 = Opuscula, p. 94–125 (Рус. пер. в: Краткое описание Комментариев Академии наук, ч. I, с. 167–207).

13. Dirr A. Die Sprache der Ubychen: Grammatische Skizzen. Leipzig, 1928. – 134 S. (Рус. пер.: Язык убыхов А. Дирра // Пер. и комм. Габуниа З. М., Сакиевой Р. Х. Нальчик, 1996. – 108 с.)

14. Dirr A. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928. – X + 380 S.

15. Erckert R. von. Der Kaukasus und seine Völker.- Leipzig, P. Frohberg, 1887.

16. Güldenstädt J.A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge / Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P. S. Pallas. St. Petersburg: Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd 1. – 1787; Bd 2. – 1791.

17. Haxthausen-Abbenburg A. von. Transkaukasia: Reiseerinnerungen u. ges. Notizen. Leipzig, Brockhaus, 1856. – 387 S.

18. Klaproth, J. von. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808 : auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg, enthaltend eine vollständige Beschreibung der kaukasischen Länder und ihrer Bewohner / Halle: Buchh. des Hallischen Waisenhauses, 1812, Bd. 1–2 u. Anh.

19. Merzbacher, G. Aus den hochregionen des Kaukasus : wanderungen, erlebnisse, beobachtungen/Репринтное издание. – М.: Книга по требованию, 2012. – 248 с.

20. Pallas P., von. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Rußischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. – Leipzig, 1799. – 145 S.

21. Parrot J. von; Engelhardt M. von. Reise in die Krim und den Kaukasus. Berlin: In der Realschulbuchhandlung, 1815.

22. Radde G. Berichte uber die biolog.-geogrph. Untersuch. in den Kaukasuslandern (нем.); Die Chewsuren und ihr land (ein monographisher versuch) untersucht im Sommer 1876. – Cassel, 1878. – 355 с.

23. Reineggs, Jacob. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Aus dessen nachgelassenen papieren gesammelt UHRSG. V. F. E. Schroeder. – СПб., 1796–1797.

24. Steder L Tagebuch einer Reise die im Jahr 1781 von der Granzfestung Mosdok nach dem innern Caucasus unternommen worden. - Leipzig : Johann Zacharias Logan, 1797. – 142 с.

Н. Ф. Бугай
(г. Москва)

ВАЛЕНТИНА ПАВЛОВНА НЕВСКАЯ – ПОЗНАНИЕ СООБЩЕСТВА НАРОДОВ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ

Валентина Павловна Невская – доктор исторических наук, профессор, истинный представитель Кавказской школы ученых и остается олицетворением ее с научной стороны. В исторической науке Валентина Павловна известна как высококвалифицированный ученый, посвятивший свою жизнь изучению социальной истории Северного Кавказа в досоветский период.

Ее вклад в науку, особенно в национальных государственных образованиях на Северном Кавказе неоценим. Она заслуженный профессор Ставропольского государственного университета, заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской Республики, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, награждена медалями «За трудовую доблесть» и др.

Труды ее по периоду российской истории XVIII–XIX веков можно оценивать как образец истинного научного творчества, итог бесконечного поиска нового и неизвестного в науке [6–12]. Такое отношение к изучению исторической науки было неотъемлемой чертой ее характера как ученого требовательного к самой себе. Сегодня это во многом утрачено, не становится главным требованием каждого представителя науки. Она же отличалась глубокими знаниями источниковой базы изучаемой проблемы, придерживалась последовательности в изложении материалов, четкого освещения событий, вытекавших из ситуации в стране, регионе, оттачивала формулировки и научные выводы в исследовании.

Все это формировало и менталитет ученого, его авторитет, содействовало заметному приумножению опыта как исследователя, так и обогащению жизненного опыта, каждую ее концепцию по тому или иному рассматриваемому вопросу или явлению в жизни народов Северного Кавказа, делало стабильной.

Этот труд составил основу и для формирования основы мнений об ученом. Уровень притяжения к ней как к ученому заметно возрастал. Она пользовалась непременным авторитетном. Это ощущалось особенно среди молодых ученых, уделявших особое внимание к ее научным исследованиям, проявлявшим стремление к более широкому познанию социальных процессов. Было понятным, что она вкладывала в эту работу всю свою душевность, уделяя ей много времени и сил.

Знакомились с ее творчеством не только ее последователи, те ученые, которые изучали досоветский период истории, но и те, кто изучал историю государства после 1917 года. Ее научные труды помогали познать суть происходивших событий, перемен накануне революционных свершений в государстве. В них анализировались причины вызревания совершенно новой ситуации в России начала XX века, последующего ее развития в целом, как и её составляющих, в частности Северного Кавказа, отличавшегося своей специфичностью – многосословность, многонациональность, многообразие культур народов как самого ценного духовного наследия многих поколений этнических общностей на разных периодах развития российской государственности.

Конечно, занимаясь главным образом историей с 1917 года, в том числе и народов Северного Кавказа, вряд ли можно было пройти мимо научных исследований профессора Валентины Павловны Невской. Но, вероятно, было суждено и познакомиться воочию, на практике. А связано это было с принятым решением руководством страны и Президиумом АН СССР о подготовке научными коллективами Москвы, Ленинграда, местных научных центров Северного Кавказа – «Истории народов Северного Кавказа» в 4-х томах. Уже сама идея получила признание в среде ученых и ее реализация на практике заметно сплотила коллективы ученых историков.

Общее руководство подготовкой томов оставалось за директором Института истории СССР АН ССР академиком Алексеем Леонтьевичем Нарочницким и зам. ответредактора Юрием Андреевичем Ждановым. Ответственным секретарем общего издания был назначен я [2].

За подготовительный период была проделана огромная работа, решены многие организационные вопросы, состоялись в субъектах многие совещания ученых, входивших в состав авторских коллективов, которых было более 50 человек. Они представляли научные центры Москвы, Ленинграда, Краснодарского и Ставропольского краев, Адыгейской, Карачаево-Черкесской автономных областей, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской и Дагестанской республик.

В работе всех проходивших форумов ученых принимала участие и Валентина Павловна, активно участвуя во всех дискуссиях ученых по актуальным вопросам истории региона. Состоялось и частичное апробирование дискуссионных положений в местных краевых и республиканских средствах массовой информации. Общественности было известно, над какой проблемой работали ученые Юга страны.

Первые два тома были посвящены конкретно истории народов Северного Кавказа с древнейших времен и до конца XVIII века, а также истории народов Северного Кавказа конца XVIII в. – 1917 год. Следует отметить, что эти два крупнейших блока удалось подготовить и издать. В 1988 году Издательство «Наука» представило читателю оба тома.

Значительный объем работы особенно по второму тому издания был выполнен В. П. Невской. Более того, как глубокий знаток историографии научных проблем этого периода истории России, и в частности Северного Кавказа, она участвовала и в подготовке, проведению научно-вспомогательной работы. Большая работа ею была выполнена по проверке и подготовленных специалистами эскизов карт по истории региона, событий, вносились ею и соответствующие коррективы, уточнения в иллюстративный материал по второй книге. Это был объемный анализ как общих закономерностей, так и особенностей истории народов Северного Кавказа в изучаемый период.

Окончательная подготовка пяти глав книги поручалась В. П. Невской как признанному специалисту периода истории государства и народов Северного Кавказа. Это неоднократно подчеркивал и академик А. Л. Нарочницкий.

Значительное место в разделах, готовившихся с участием профессора В. П. Невской, отводилось анализу экономического развития народов Северного Кавказа в дореволюционный период, в котором давалась общая характеристика территории региона, расселению, развитию земледелия, и сельского хозяйства у народов, населяющих Предкавказье, а также зарождение садоводства и огородничества, охоты, рыболовства. Был анализирован процесс возникновения первых очагов промышленности (шерстообрабатывающие промысла, изготовление домашней утвари, кузнечное дело и др.), горнодобывающая и обрабатывающая промышленность. Обращалось внимание и на развитие торговых отношений, строительство городов, в которых как раз и сосредоточивались промышленные предприятия. Уделено внимание взаимоотношениям между русским и украинским населением и горскими народами, а отсюда и решение таких вопросов как переплетение культур народов, их взаимствование, взаимовлияние. Обстоятельно представлены авторским коллективом с участием В. П. Невской и общественный строй. Характеризуются также политическое устройство народов Северного Кавказа, земельно-правовые отношения, формы земледелия (общинное и частновладельческое). В связи с этим обстоятельно раскрыта и социальная структура горских народов. Показан процесс вызревания противоречий в обществе, их обострение в обществе, выявлены типы политических организаций. Обращено внимание на отношение между народами – русским и украинским (крестьянство и население казачьих станиц), расслоение в казачьих общинах.

В. П. Невская, известный этнограф, со своими коллегами-специалистами (Кумыков Т. Х., Саидов И. М. Мамбетов Г. Х., Шортанов А. Т., Меретуков А. М., Цибиров Г.И. и др.) выполняла и большую работу по изложению истории культуры народов Северного Кавказа. Ими была подготовлена глава по культуре народов Северного Кавказа (до 1861 г.). Всесторонне с привлечением архивных материалов раскрыто взаимовлияние культур русской и народов Северного Кавказа, что складывалось исторически и в рассматриваемый период, обретало глубокий исторический смысл.

Были широко представлены богатая материальная и духовная культура горских народов, кухня, искусство, костюм. Показан семейный и общественный быт дана оценка таким специфическим позитивным общественным явлениям как аталычество (передача детей на воспитание в семьи «первоставленных» узденей), оценка гостеприимства и куначества. Широко раскрыто содержание фольклора, язык и литература, роль русских писателей и установление их отношений, знакомство с просветителями Ш. Б. Ногмов (кабардинец), Султан Казы-Гирей (адыг).

Отражен и процесс зарождения науки в регионе. Многие из названных вопросов были в центре внимания изданных трудов В. П. Невской. Исследование вопросов развития культуры был также в центре внимания в разделе культура многонационального Северного Кавказа в 14-й главе второй книги, автором которой была и В. П. Невская. Содержание этого раздела позволяет сделать вывод, что культура как составная часть жизни общества на Северном Кавказе не может

оставаться в застойном состоянии. Это была бурно развивающаяся сторона жизнедеятельности общества. За прошедший период она отличалась коренными изменениями. В первую очередь она имела распространение среди других народов, появлялись более широкие возможности для возникновения новых ее форм и направлений.

Улучшение материального состояния позволяло приобщению к культуре более широких слов трудового народа. Происходит заметное изменение в одежде. Изменялся семейный уклад, наблюдалось расшатывание патриархальных устоев семей. Появлялись культурно-просветительные учреждения, театр, оформилось здравоохранение. Получало широкое распространение устное народное творчество, развивалась общественно-политическая мысль.

Одним словом, подготовкой второго тома издания создавалась прочная база для дальнейшего изучения истории народов Северного Кавказа по многим направлениям его жизнедеятельности. Тем не менее события второй половины 1980-х – начала 1990-х годов не позволили в ту пору решать эту задачу. Требовалась совершенно новая трактовка, да и пересмотр концепций, изложенных в 2 томах.

Тот вклад, который был сделан В. П. Невской в подготовку тома, не пропал даром. Книга обобщенного плана представлена новым поколениям историков. Заложенные идеи, выводы получают развитие и в их научных трудах, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на автора. Выводы ее доступны широкой аудитории.

Те ученые, которые трудились над воплощением в реальность появления многотомной истории народов Северного Кавказа, воздвигли себе нерукотворный памятник, и он будет вечным, как и память о его создателях, преданных науке, новым поискам. Именно такой остается в нашей памяти образ ученого, профессора Валентины Павловны Невской.

Для подтверждения своего обобщающего вывода я обратился к известному ученому России. Это истинный исследователь истории казачества – доктор исторических наук, профессор, представитель Кавказской школы ученых историков, залуженный деятель науки Кубани Валерий Николаевич Ратушняк – с вопросом: как Вы оцениваете ученого кавказоведа, Вашего коллегу по перу, если можно так выразиться, влюбленного в народы Северного Кавказа, профессора Валентину Павловну Невскую? Общественность отмечает ее столетие со дня рождения? В. Н. Ратушняк констатировал: «Она прекрасной души человек, очень трепетно относилась прежде всего к молодежи. К ней тянулось все молодое поколение ученых, и она отвечала им тем же. С ее стороны молодые ученые историки чувствовали постоянную заботу. Она истинный учитель тех, кто стремился к познанию истории. Она передавала им свою теплоту, и богатый жизненный опыт как ученого. Она всегда была с открытым сердцем к людям. Она человечна, никогда не кичилась своим положением, знаниями, воспринимала все как должное, передавая свои знания ученикам, делилась своим опытом. И в то же время оставалась талантливым ученым, отличалась возвышенным чувством к народам Карачаево-Черкесской автономии [3, 13], и заслуженно носила титул – «посланник мира», постоянно проявляя чисто человеческие качества. И не скрою того, что она была и моим оппонентом по защите диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Я остаюсь искренне ей благодарным. Ее будут помнить долго, и особенно те историки, кто с ней трудился».

Источники и литература

1. Беликов А. П. Человек науки // Ставропольский хронограф на 2009 год. – Ставрополь, 2009. – С. 121–127.

2. В год формирования проспектов готовящихся к изданию томов, обязанности ученого секретаря издания исполнял к.и.н. Г. Е. Трапезников.

3. Гребенькова Н. Владимир Сухов: «Молодежь Северного Кавказа должна видеть друг в друге друзей и партнеров» // https://kavkaz.mk.ru/articles/2017/04/19/vladimir-sukhov-molodezh-severnogo-kavkaza-dolzhna-videt-drug-v-druge-druzey-i-partnerov.html (дата обращения: 21 сентября 2019 г.).

4. История нардов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М. : Наука, 1988. 544 с.

5. История народов Северного Кавказа конец XVIII – 1917 г. Т. 2. М.: Наука, 1988. – 659 с.

6. Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956. 168 с.

7. Невская, В. П. Пётр Алексеевич Шацкий – ученый, человек / В. П. Невская // Проблема аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь, 1999. – С. 102–104 и др.

8. Невская, В. П. Видный историк-кавказовед П. А. Шацкий : [90 лет со дня рождения П. А. Шацкого, доктора исторических наук, известного краеведа, которому принадлежит ряд исторических работ по исто-

рии Северного Кавказа и Ставропольского края] / В. П. Невская // Ставропольский хронограф на 1998 : краев. сб. / СГКУНБ им. М. Ю. Лермонтова. – Ставрополь, 1998. – С. 173–178.

9. Невская, В. П. Крестьянский вопрос в Карачаево-Черкесии перед Октябрем / В. П. Невская // Проблемы социально-экономического и политического развития Северного Кавказа перед Октябрем : межвуз. Сб. науч. трудов. – Ставрополь, 1990. – С. 16–31.

10. Невская, В. П. Развитие школьного образования на Ставрополье в XIX – начале XX века / В. П. Невская // Вестник Ставроп. гос. пед. ун-та. – 1995. – № 1. – С. 85–91.

11. Невская, В. П. Развитие школьного образования на Ставрополье в XIX – начале XX века / В. П. Невская // Вестник Ставроп. гос. пед. ун-та. – 1995. – № 1. – С. 85–91.

12. Невская, В. П. Шацкий Петр Александрович (1908–1982) : био-библиогр. очерк / В. П. Невская. – Армавир : Ставрополь : АГПИ, 1996. – 10 с. – (Российские исследователи Кавказа. Серия истории, археологии, этнографии. Вып. 14).

13. Они отвечают также своей признательностью. Об этом свидетельствует тот факт, что Валентине Павловне Невской как ученому, внесшему заметный вклад в науку о народах Северного Кавказа, развитие культурных связей в Карачаевске установлен бюст ученого, историка. И молодежь должна знать и помнить ее имя.

А. Н. Еремеева
(г. Краснодар)

РАЗВИТИЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Начало Первой мировой войны стимулировало осознание важности экономической и научно-технической независимости, в первую очередь от Германии – бывшего основного партнера, укрепления общероссийской идентичности в полиэтничной стране, включенности всех и каждого в достижение победы над противником.

Государство и ученые были единодушны в плане необходимости активизации использования отечественных природных ресурсов. В Академии наук была создана Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) под руководством В. И. Вернадского. Одной из интенсивно исследуемых в научном отношении территорией в годы Первой мировой войны стал Кавказ.

Многочисленные экспедиции с целью поиска растений, которые обеспечивали бы кожевенные заводы местными дубильными веществами, направлялись в район Центрального Кавказа, Закавказья, в Терскую область, Ставропольскую губернию, на Черноморское побережье Кавказа. Завод дубильных экстрактов в короткие сроки был построен в Майкопе.

Учитывая жесткий дефицит лекарств и поставленную на государственном уровне задачу максимально использовать для их производства отечественное растительное сырье, были проведены мероприятия по обеспечению сбора дикорастущих лекарственных растений и организации плановых посадок наиболее перспективных из них. Питомники лекарственных растений появлялись во всех ботанических садах и опытных станциях Кавказа.

На I Всероссийском съезде по улучшению отечественных лечебных местностей (январь 1915 г.) было высказано немало предложений относительно курортного строительства на Кавказе. В мае 1915 г. возникло Кавказское общество содействия развитию лечебных мест. Его печатным органом стал журнал «Целебный Кавказ».

Было организовало детальное описание минеральных вод и лечебных местностей Кавказа. Для исследования радиоактивности источников в Кубанской и Терской областях была приглашена экспедиция под началом заведующего радиологической лабораторией Новороссийского университета Е. С. Бурксера. Он же изучал грязевые озера у подножий Эльбруса. Интересно, что супруга ученого – Василиса Бурксер в рамках экспедиции уделяла особое внимание природе местности, истории, хозяйственным занятиям, поселениям, религиозным представлениям карачаевцев. Результаты своих наблюдений и услышанные от местных жителей легенды она изложила в опубликованном по «горячим следам» в «Записках Крымско-Кавказского горного клуба» очерке «В стране карачаевцев» [1].

Адъюнкт-геолог Геологического комитета, будущий основатель и многолетний директор пятигорского Бальнеологического института, А. Н. Огильви в 1915 г. руководил на Псекупских минеральных водах работами по улучшению каптажа источников, по приглашению А. С. Ермолова ездил для консультации на Гиик-Салганский минеральный источник в Дагестанской области, в 1916 г. по поручению Общества Владикавказской железной дороги занимался изучением минеральных источников на реках Кубань и Теберда, продолжал работы на Кавказских Минеральных Водах, а в 1917 г. по поручению Общества Черноморской железной дороги вел геологические и гидрологические исследования на Мацестинских и Агурских источниках в Черноморской губернии [2, 3–3 об.]. Имя А. Н. Огильви, незаконно репрессированного, на долгое время было предано забвению. В 2011 г. в Пятигорском государственном НИИ курортологии установлен бюст А. Н. Огильви работы С. И. Аваковой.

Продолжались исследования горного инженера и гидролога Н. Н. Славянова на склонах Железной горы. Один из источников был назван в его честь. Ныне на здании бювета «Славяновский» в парке Железноводска имеется мемориальная доска. Экспозиция местного музея, снабженная редкими фотографиями, знакомит посетителей с профессиональной деятельностью Н. Н. Славянова, много сделавшего для процветания курорта.

Коллектив московских ученых под руководством профессора Г. В. Вульфа в 1915 г. проводил физико-химические исследования соленых озер Ставропольской губернии (Сенгилеевского, Вшивого, Лушниковского и др.) для выяснения их пригодности для грязелечения. По многим критериям была выявлена особенная значимость Лушниковского озера. Обращалось внимание на рекреационный потенциал Сенгилеевского озера, в те годы мало популярного из-за отсутствия инфраструктуры.

Как и до войны, на Кавказе интенсивно проводились поиски полезных ископаемых. Экспедиции КЕПС и других учреждений уделяли особое внимание нефтеносной территории в районе Майкопа, Таманскому полуострову (на предмет добычи там бора, йода, серы), использования грязевых вулканов в лечебных целях [см. 3].

В формирующейся концепции заповедных зон в России Кавказ занимал важное место. Было разработано положение о Кавказском государственном заповеднике. В записке В. Семенова-Тян-Шанского «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков» (октябрь 1917 г.) обосновывалась необходимость не менее 4-х заповедников на Кавказе [6, л. 14–20].

Достопримечательные места и курорты Кавказа широко рекламировались. Из новейшей, изданной в годы Первой мировой войны литературы особенной полнотой отличались 22-е, существенно дополненное, издание книги Г. Г. Москвича «Кавказ. Иллюстрированный практический путеводитель» (Пг., 1915), его же «Черноморское побережье. Иллюстрированный практический путеводитель» (Пг., 1916) и справочная книга, составленная Ф. П. Доброхотоввм, под редакцией Н. И. Воробьева «Черноморское побережье Кавказа» (Пг., 1916). Последняя, объемом более пятисот страниц, с подробным предисловием А..С. Ермолова, включала статьи видных знатоков истории, географии, климата, флоры региона. Справочные издания включали разнообразные сведения о памятниках природы Кавказа, в том числе связанных с религиозными верованиями местных жителей (горы, священные леса, деревья). В разделах «памятники археологии» давалась информация о дольменах, руинах крепостей, древних храмов, надгробиях. Подробно описывались культовые сооружения, особенно старинные, а также популярные среди православных паломников монастыри. Отмечалось конфессиональное и национальное многообразие региона; туристам предлагалось посещение адыгских, эстонских, чешских, греческих, молдавских, грузинских, армянских, старообрядческих поселений. Привлекалось внимание к немногочисленным в то время музейным учреждениями, памятникам русским воинам, прославляющим их храбрость в русско-турецких войнах (крест в честь подвига Архипа Осипова) и в период покорения Кавказа.

Исследование истории и природы Кавказа продолжало осуществляться в рамках местных краеведческих организаций, статистических комитетов, ученых архивных комиссий [см. 4]. В 1915 г. было учреждено Терское общество защиты и сохранения памятников старины под покровительством Наместника российского императора на Кавказе графа И. И. Воронцова-Дашкова. Уже на первом собрании Общества (29 марта 1915 г.) под председательством атамана Терского казачьего войска была отмечена важность охраны памятников, предотвращения вывоза ценностей за границу, общность судеб русского народа и народов Кавказа [5].

В процесс изучения региона вовлекались ученые эвакуированного в Ростов-на-Дону Варшавского университета. Уже летом 1916 г. они выезжали в экспедиции на Северный Кавказ и Черноморское побережье.

Вскоре после Февральской революции возникло специализированное научное учреждение общероссийского масштаба – Кавказский историко-археологический институт, идея создания которого появилась еще до войны. Как подчеркивал академик С. Ф. Ольденбург в апреле 1917 г. на заседании комиссии по ученым учреждениям и предприятиям Министерства народного просвещения, «само учреждение проектируемого Института явится скромным, но открывающим широкие в будущем перспективы, началом делового сотрудничества научных сил края без различия национальности и веры, первым фактическим призывом к общему культурному делу». Востребованность Института определялась необходимостью «особо бдительного научного внимания на Кавказе к судьбе беспризорных памятников древности и лингвистически-неоценимых этнографических единиц, вовлекаемых в водоворот политической жизни» [7, л. 45 об.]. Директором Института был назначен Н. Я. Марр.

Итак, годы Первой мировой войны стали важным этапом в исследовании Кавказа, природные богатства которого, в случае их рационального использования, способствовали решению разнообразных проблем воюющей страны – от обеспечения стратегическим сырьем до реабилитации раненых (что было актуально ввиду непосредственной близости Кавказского фронта). Охрана природного и культурного наследия, этнографические исследования, меры по повышению туристической привлекательности региона являлись важными составляющими дальнейшей интеграции Кавказа в геополитическое и культурное пространство России.

Источники и литература

1. Бурксер В. В стране карачаевцев // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. 1915. 3–4. С. 27–43.
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р 229. Оп 1. Д. 408. Л. 3–3 об.
3. Еремеева А. Н. Исследование и охрана природных ресурсов Юга России в годы Первой мировой войны // Былые годы. 2015. №1 (35). С. 159–166.
4. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. 2-е изд., доп. Ставрополь, 2011. Гл. 4.
5. Кубанские ведомости. 1915. №72. 4 апр. С. 3.
6. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 156. Д. 392.
7. РГИА. Ф. 733 Оп. 156. Д. 388.

Л. П. Ермоленко
(г. Ставрополь)
Н. И. Медвенский
(г. Сухум, Республика Абхазия)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ КАТОЛИЦИЗМА В АБХАЗСКОМ КНЯЖЕСТВЕ В 40–50-х гг. XIX в.*

В исторической ретроспективе фрагментарное проникновение католической церкви в абхазскую жизнь традиционно соотносят с генуэзской колонизацией (XIII–XV вв.), а также с деятельностью католических просветителей сухумской общины в конце XIX – начале XX вв. В статье выделены важнейшие аспекты практической деятельности польских клировых служителей, внесших особый вклад в системную организацию конфессионального функционирования католической паствы, оказавшейся по сложному стечению исторических обстоятельств в Абхазии.

В конце XVIII столетия Речь Посполитая перестала существовать в качестве независимого государства, а ее земли были разделены между Пруссией, Австро-Венгрией и Россией. Однако польское национально-освободительное движение предпринимало неоднократные попытки возродить утраченную государственность. В 1830–1831 гг. на польских землях, входящих в состав

Российской империи, вспыхнуло очередное восстание, подавлением которого руководил наместник на Кавказе, генерал-фельдмаршал Иван Паскевич. После окончания боевых действий была ликвидирована автономия и сейм Королевства Польского, конституция заменена так называемым Органическим Статусом, а польская армия включена в состав российской. Конфискация земельных участков, затронувшая польских и частично литовских землевладельцев, коснулась 10 % территории бывшего Королевства Польского. Амнистия, объявленная 1 ноября 1831 г. императором Николаем I, не касалась местных инсургентов, а специальная Комиссия по определению вины участников восстания только в период с 31 июля до 31 декабря 1831 г. и только в г. Вильно вынесла до 4 000 смертных приговоров. По неполным данным, после поражения Ноябрьского восстания в Сибирь и на Кавказ были сосланы около 25 000 бывших солдат и офицеров польской повстанческой армии, а также до 20 000 гражданских лиц – членов семей, восставших или подозреваемых в сочувствии к повстанцам.

Польские и литовские католики, активно участвовавшие в Ноябрьском восстании и оказавшиеся в длительной кавказской ссылке, составляли весомую часть солдатского контингента и офицерского корпуса Черноморской Береговой Линии (далее – ЧБЛ), созданной имперскими властями в 1830-х гг. По справедливому замечанию известного военного мемуариста, генерала Г. И. Филипсона, лично пребывавшего в рассматриваемом регионе в 30–40-е гг. XIX в. на Кавказе было более 10 % поляков (офицеров и солдат), в разных войсках Береговой Линии [6, с. 215]. Архивные документы, свидетельствуют о том, что в 1843 г. общее число католических адептов на ЧБЛ составляло 1895 чел.: в первом отделении – 873, во втором – 306, в третьем – 474 (из чего 17 штаб- и обер-офицеров, 443 «нижних чина и разного звания людей», а также 14 «жен и детей обоего пола»), в четвертом – 242 [4, л. 81].

В Абхазском княжестве католическая конфессия распределялась следующим образом: Бомборы – 146 чел., Сухум – 104 чел., Пицунда – 67 чел., Мрамба – 48 чел., Гагра – 41 чел., Илор – 14 чел., Дранда – 6 чел. [4, л. 45–48, 53–56, 59–62, 65–66]. К указанному количеству необходимо добавить еще от 1500 до 2000 католических адептов, появившихся на рассматриваемой территории в исторической перспективе.

В означенный период Абхазия и вообще Черноморское побережье Кавказа считались одними из самых суровых и опасных районов края. Декабрист А. Бестужев-Марлинский писал, что в русских укреплениях на абхазском побережье нет зеленных насаждений, опасно выходить за пределы крепости, да и в самой крепости находиться небезопасно, офицерский и рядовой состав постоянно болеет цингой и лихорадками, люди не живут более двух лет [1, с. 10–11]. Поэтому нередки были случаи побегов солдат-поляков в оставшиеся еще неподвластными российской военной администрации горные районы, заселенные «вольными» абхазскими обществами, фактически не признававшими и власть владетельного князя Абхазии. Так, например, после возведения в 1840 г. в Цебельде генералом Н. Раевским укрепления Мрамба, вокруг него начали обосновываться люди, в числе которых было 70 беглых солдат, из них 13 поляков. По словам К. Мачавариани можно было наблюдать такую картину: «…глава семьи – Станислав Янковский, жена – Гугу, сын – Тухи, дочь – Фатьма и т.п.» [2, с. 260].

Несмотря на тяжелые условия жизни, служившие на ЧБЛ католические адепты сохраняли собственную конфессиональную идентичность и исполняли традиционную культовую обрядность. Подобная ситуация поставила перед российскими властями сложную проблему, связанную с практическим отсутствием в расквартированных подразделениях необходимых служителей культа, способных проводить обрядные и литургические действия для католиков. В большинстве российских укрепленных пунктов офицерский и рядовой состав католического вероисповедания был лишен традиционных таинств исповеди и причастия. Армейские католические адепты постоянно обращались к местному командованию с просьбой командировать хотя бы одного гарнизонного капеллана [4, л. 1, 5, 8–8 об., 15–16 об., 21]. В частности, в 1840 г. с подобными предложениями к генералу Н. Раевскому обращались капитан Назимов и начальник 2-го отделения ЧБЛ, находившейся административно в Сухуме, генерал-майор Марцелин Ольшевский, поляк по этническому происхождению и католик по конфессиональной принадлежности.

Раевский Н. адекватно воспринимал служебные прошения подчиненных офицеров и посылал необходимые запросы в административные органы, осуществлявшие общее руководство кавказскими вопросами. Однако качественное решение обозначенной проблемы растянулось на длительный период. Имперские властные структуры не без весомых оснований полагали, что мо-

ральное влияние и личный пример католических священников могут оказать невыгодное влияние на польских офицеров и солдат, состоящих на русской службе [4, л. 6]. Только 6 февраля 1841 г. особым приказом Николая I в Управление ЧБЛ были назначены капеллан с причетником из польских нижних чинов. Однако, только к октябрю указанного года имперские властные структуры смогли определиться с кандидатурой католического капеллана для ЧБЛ. Им стал иеромонах Слонимского монастыря Бернардинского ордена Петр Пурвиньский, который прибыл 27 марта 1842 г. в Управление ЧБЛ. Католический священнослужитель находился в ведении военного ведомства и лично подчинялся командующему ЧБЛ И. Р. Анрепа (1841–1843 гг.), а также деятельность капеллана находилась под постоянным контролем вышестоящего католического прелата – визитатора римско-католических церквей Новороссии с резиденцией в Одессе, который в свою очередь подчинялся главе Римско-католической церкви в России, архиепископу Могилевскому [5, с. 49]. Ксендз Петр Пурвиньский получал жалование, соответствующее особому табелю, по специальному усиленному окладу в 396 руб. серебром в год. Пастырские поездки капеллана по основным укреплениям ЧБЛ происходили «на казенных пароходах и азовских лодках» [5, с. 49]. Ксендз Петр Пурвиньский в 1842 г. объехал Новороссийск, Вельяминовское, Гагры, Пицунду, Бомборы и Сухум. Это стало крупным событием в социальной и конфессиональной жизни местных католиков. В рассматриваемый период в Абхазии священник исполнял свои прямые обязанности, возложенные на него вышестоящим начальством. Он совершал утраченные таинства исповеди, причастия, крещения, а также проводил торжественные и будничные службы. Следует отметить, что ксендзу было строго запрещено вести проповедь среди местного населения и общаться с абхазскими дворянами. Царская администрация, рассматривая удовлетворение религиозных потребностей католиков как вынужденную меру, одновременно усиливала присутствие Русской Православной Церкви. Таким образом, упрочняла свое влияние в Абхазии.

Несмотря на положительный отклик со стороны католического населения, вызванный долгожданным посещением Пурвиньским укрепленных позиций ЧБЛ, региональные католические адепты осознавали, что единственный ксендз не может адекватно исполнять собственные служительские обязанности на значительной и труднодоступной территории. В сентябре 1842 г. российский адмирал Л. М. Серебряков написал пространный рапорт командующему ЧБЛ, предлагая изыскать возможность и отправить в линейные части еще одного греко-католического священника [4, л. 31–32].

Генерал Анреп И. Р. согласился с адмиралом Серебряковым Л. М. и направил командующему Отдельным Кавказским Корпусом Нейдгарту А. специальную записку, содержащую личную просьбу о рассмотрении увеличения общего числа ксендзов в линейных частях. К январю 1843 г. стало известно, что Петр Пурвиньский по состоянию здоровья не может исполнять лежащих на нем обязанностей и поэтому необходимо назначить новых ксендзов из польских уроженцев [3, с. 96]. После долгой переписки военное министерство решило перевести Петра Пурвиньского в Слонимский монастырь, а его место назначить уроженца Виленской губернии, иеромонаха Бернардинского ордена Сперата Томкевич, который прибыл на ЧБЛ в мае 1843 года.

Анализ источников позволяет выявить те сложности, с которыми столкнулся в процессе исполнения своих обязанностей С. Томкевич, среди которых, безусловно, и значительная протяженность береговой Линии, и значительное количество паствы. Назначение 27.09.1843 г. императором Николаем I в помощь капеллану С. Томкевич еще одного: патера Зенона Калиновского из «немецкой колонии Розенталь (Таврической губернии)» с «причетниками и переводчиками», позволило решить данную проблему [3, с. 96]. Калиновский З. исполнял свои обязанности в войсковых частях ЧБЛ по 1-му и 2-му отделениям ЧБЛ, местом его базового пребывания являлся Новороссийск, С. Томкевич находился в Бомборах и исполнял «требы» по 3-му и 4-му отделениям ЧБЛ [4, л. 112–113, 131, 143 об.].

Трудности возникли и с наличием подходящего здания для осуществления богослужения и религиозных таинств: свободных помещений не оказалось. И несмотря на то, что для постоянного пребывания С. Томкевича выделили отдельный дом, местному католическому служителю и клиру все же приходилось разъезжать по основным укреплениям 3-го и 4-го отделений ЧБЛ, в т.ч. и по Абхазии, затрачивая длительное время (по несколько недель) в каждом из укреплений: Анапа, Новороссийск, Геленджик, Новотроицкое, Тенгинское, Вельяминовское, Св. Духа, Гагры, Пицунда, Бомборы, Сухум, Дранда, Редут-кале, в фортах Лазарев, Головинский, Навагинский [5, с. 59].

Таким образом, вклад польских священнослужителей и причетников в организацию конфессиональной жизни тысяч католиков, проходивших военную службу на территории Абхазского княжества, был весомым. Своей практической деятельностью они способствовали сохранению этноконфессиональной идентичности. Однако, вследствие целенаправленных ограничений со стороны российских властей, практически не оказала существенного влияния на духовное и социально-культурное развитие абхазского народа.

Источники и литература

1. Абхазия в русской литературе / сост. И. И. Квициния; ред. Т. Л. Аршба. – Сухум: АЛАШАРА, 1982. – 363 с.

2. Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу с историко-этнографическим очерком Абхазии / К. Д. Мачавариани; подготовка к изданию, предисловие и примечания А. С. Агумаа, П. К. Квициния, ред. Л. С. Пачулиа. – Сухум: ООО «Нар», 2009. – 371 с.

3. Медвенский Н. И. Из истории католицизма в Абхазии (40–50-е гг. XIX в.) / Н. И. Медвенский // Абхазоведение: Археология. История. Этнология / Ред. О. Х. Бгажба. – Сухум: АбИГИ, 2013. – С. 93–98.

4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 188.

5. Селецкий А. И. Поляки на Кубани: исторические очерки / А. И. Селецкий. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2008. – 176 с.: ил.

6. Филипсон Г. И. Воспоминания. – Москва: Унив.тип. (М. Катков и К), 1885. – 243 с.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНА в рамках научного проекта № 19-59-40001.

А. М. Ерохин
(г. Ставрополь)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА КАВКАЗЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС *

На сегодняшний день пространство бывшего Советского Союза становится объектом усиливающейся экспансии мировых цивилизаций – западной, мусульманской, китайской. Это явление, которое все чаще называют проявлением «конфликта цивилизаций», происходит в силу присущей современным странам постсоветского пространства внутренней слабости, а она, в свою очередь, вызвана комплексом взаимосвязанных причин – от социальной розни до демографических проблем и идеологических коллизий. Социально-политические, экономические потрясения последних лет, произошедшие на этом пространстве, привели к значительной миграции, смешению этносов, столкновению культур, что делает сегодня необыкновенно острым вопрос о формировании культуры межэтнической коммуникации.

Эффективность управления полиэтничным государством в современный период во многом зависит от того, насколько полноценно осуществляется коммуникация между властными структурами и проживающими на территории страны этническими и конфессиональными общностями. За последнее десятилетие в разных странах постсоветского пространства приняты документы, отражающие информационную политику, регулирующую деятельность средств массовой информации в попытках организации информационного пространства. В обеспечении такого информационного порядка важным фактором является государственная информационная политика, реализуемая по целому ряду направлений, важнейшим из которых для нас представляется государственная информационная политика в сфере межэтнической коммуникации.

Государственная информационная политика в сфере межэтнической коммуникации выступает как метод регуляции социальных отношений, связанных с воспроизводством и распространением информации, удовлетворяющей интересы всех этносов государства и направленной на обеспечение творческого, конструктивного диалога между их представителями, следовательно, и на формирование культуры межэтнической коммуникации. Глобализация и глобальные про-

блемы способствуют диалогу культур. Для взаимопонимания и ведения межкультурной коммуникации особенно в Кавказском макрорегионе недостаточно одной доброй воли, необходима кросс-культурная грамотность (понимание культур других народов), которая включает в себя: осознание различий в идеях, обычаях, культурных традиций, присущих разным народам, способность увидеть общее и различное между разнообразными культурами и взглянуть на культуру собственного сообщества глазами других народов.

В ноябре 2019 года проводился уже VIII Петербургский международный культурный форум. В этом году на многочисленных площадках форума собралось более 35 000 участников из 96 стран. Дискуссии прошли по 14 основным направлениям, внимание зрителей и экспертов привлекли более 350 событий за три дня. На полях форума подписано более 90 соглашений культурного сотрудничества. Из этого факта видно, что в нашей культурной политике уделяется большое внимание событийному воздействию на общественное сознание, в том числе молодежи. Изучению этого канала воздействия на молодежь наша социология, политология и социальная психология уделяют достаточное внимание. В этой области накоплен значительный культурно-цивилизационный опыт.

Однако остается без внимания воздействие электронной культуры на личность. Мы наблюдаем чрезмерную погруженность подростков в Интернет. Это порой приводит к возникновению трудностей в развитии навыков обычного непосредственного общения. Спонтанно под влиянием электронной культуры возникает угроза способностей подростков разговаривать и общаться друг с другом. Иногда возникает эффект «совместного одиночества».

Электронная культура вызывает доминирование не происходящего, а виртуального – «мысленно возможного». Точнее сказать, возникает доминирование виртуальной коммуникативной культуры как способа сетевого общения. На первый взгляд, удивляться нечему: еще во времени А. С. Пушкина язык символов тоже существовал. Однако, феномен доминирования образов, перетекающих друг в друга, из языка в язык другой культуры, пока еще мало изучен и лингвистами, и социальными психологами. Иногда языки, условно говоря, английской, французской, русской и немецкой культур превращаются из культурного диалога, служащего обмену смыслами, во взаимную блокировку доступности истин. Здесь предстоит и философам, и социологам подключаться к изучению смыслового поля культуры и межкультурной коммуникации.

Накоплен богатый теоретический и практический материал о межкультурной и межэтнической коммуникации в современном обществе, позволяющий построить представление о сегодняшнем положении дел в этой сфере, о желаемом, «идеальном» состоянии, к которому следует стремиться, о целях и задачах, которые необходимо решать в ближайшее и отдаленное время, о путях и средствах решения насущных проблем.

Так, проблема межкультурной коммуникации в этнической сфере и попытка определения критериев культуры межэтнического общения находят отражение в работах Л. М. Дробижевой, Г. У. Солдатовой, Т. М. Смирновой, Т. Ю. Бурмистровой. Особенности культуры межэтнической коммуникации изучали также С. Арутюнов, И. Серова, Е. Фрадлин, Б. Х. Золотова, заложившие теоретическую основу дальнейшего научного осмысления проблемы, исследователи выявили сущность, признаки и функции культуры межэтнического общения. Выводы, сделанные в работах С. Рубинштейна, А. Леонтьева, С. Шермухамедова, позволяют трактовать межкультурную коммуникацию как условие позитивного межэтнического взаимодействия в различных сферах общественной жизни. Это взаимодействие происходит с помощью обмена, заимствования лучших образцов культуры, стереотипов поведения и характеризуется стремлением к распространению своего опыта в другие этнические общности с целью их обогащения.

Проблема управления коммуникациями, изучается российскими философами и социологами как проблема совершенствования социальных, политических, культурных аспектов развития культуры межэтнической коммуникации и трансформационных процессов в постсоветский период, совершенствования механизмов политико-правового регулирования межэтнической коммуникации, создания равноправных условий для сохранения национально-культурной самобытности народов России в новых общественно-политических условиях. Основоположником изучения таких аспектов является А. В. Авксеньтьев, а также его последователи В. А. Авксеньтьев, М. А. Аствацатурова, С. Ю. Иванова и другие. Их выводы о том, что необходимо выделять специфику воздействия экономики, политики и информационного факторов в межкультурной коммуникации, несомненно, являются существенным достижением в изучении культурно-цивилизационного уровня.

В начале 2020 года (19 января) исполняется 10 лет со дня образования Северо-Кавказского федерального округа. Его создание расценивается, как попытка федерального центра локализовать сложный комплекс этнополитических и религиозных проблем в макроуровневую территориально-управленческую единицу, объединившую 7 субъектов Российской Федерации. Стержневой программой, по мнению экспертов, является «Стратегия государственной национальной политики Российской федерации на период до 2025 года». Экспертное сообщество, созданное в рамках научного проекта Распределенного научного центра межнациональных и межрегиональных проблем Министерства образования и науки, два раза в году, по полугодиям, начиная с 2013–2015 годов, номинирует экспертные доклады, в аспекте обеспечения стабильности и безопасности России в Ставропольском крае и в Северо-Кавказском федеральном округе. Проект осуществляется в трех федеральных округах (еще в Южном и Приволжском) под руководством академика В. А. Тишкова. В январе 2015 года пройден пятилетний рубеж существования СКФО [1].

В экспертном докладе М. А. Аствацатурова и С. Ю. Иванова выделяют два основных направления в межэтнических и межконфессиональных отношениях: 1) укрепление общероссийского гражданского патриотизма и гражданско-патриотического единства, упрочнение российской гражданской идентичности; 2) сохранение существенных вызовов и рисков, которые дестабилизируют, как общественно-политическую ситуацию, так и социально-экономическую ситуации в макрорегионе. При этом главным фактором, серьезно влияющим на их состояние, остается деятельность экстремистских национально-религиозных элементов и ячеек, вылазки незаконных вооруженных формирований, деятельность криминальных и коррупционных структур. Они проявляют себя в Дагестане, в Кабардино-Балкарии, а также и в Чечне, и в Ставропольском крае. Кроме этого главного фактора, называются еще три значимых фактора: 1) фактор усиления политико-административного управления; 2) фактор *собственно* межэтнических отношений (проявляется в дифференциации развития субъектов РФ СКФО по этнотерриториальному принципу); 3) фактор *собственно* конфессиональных отношений (выражается этноконфессиональной архаизаций, которая имеет социальную и политическую детерминацию, и которая проявляется, прежде всего, в Дагестане, Ингушетии, Чечне).

Исследования российских ученых свидетельствуют, что последние несколько лет этнополитические процессы на Кавказе характеризовались относительной стабильностью и низким уровнем конфликтности. Социальное самочувствие молодежи характеризуется наличием рисков конфликтности гражданской, этнической и конфессиональной идентичности, продолжают существовать межнациональная напряженность и ксенофобия. Основными причинами являются эндогенные социально-экономические факторы. Экзогенным фактором этнополитической конфликтности в регионе является снижающееся влияние международного терроризма, носящего религиозный характер. Важным фактором конфликтности этнополитических процессов в Кавказском макрорегионе продолжают оставаться нерешенные этнотерриториальные споры и конфликты.

Исследования российских ученых о содержании, характере и направленности этнополитических процессов в Кавказском макрорегионе, в целом, коррелируют с результатами научного исследования по проекту «Этнополитические процессы на Кавказе в оценках и представлениях современной молодёжи», проведенного в 2019 году при поддержке гранта РФФИ и АНО ЭИСИ (руководитель А. М. Ерохин).

Студенты, участвовавшие в социологическом исследовании, отвечая на открытые вопросы, отмечали, что важность территориальной целостности своей республики обусловлена такими факторами как: любовь к своей малой Родине, региональный патриотизм, желание сохранить целостность территории проживания своего народа, значимость сохранения исторической памяти и этнокультурной преемственности. В Кавказском макрорегионе, по мнению студенческой молодежи, продолжают сохраняться этнотерриториальные споры и конфликты, связанные с уточнением административно-территориальных границ таких северокавказских республик, как Дагестан, Чечня, Ингушетия и РСО – Алания, а также земельные споры, особенно в приграничных районах субъектов СКФО РФ. По-прежнему остаются неразрешенными осетино-ингушский, грузино-югоосетинский и карабахский конфликты, имеющие давние историко-культурные корни и обострявшиеся в недавнем прошлом.

Проблема в общении и взаимодействии людей разных национальностей и религий, по мнению большинства опрошенных студентов, существует, но она далеко не главная. При этом проблемы в общении людей разных национальностей в большей степени отмечают студенты

Республики Дагестан, Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики, а также Чеченской Республики. В целом эта проблема более актуальная для студентов Северного Кавказа. Причиной проблем в общении людей разных национальностей является национальная принадлежность как на Северном Кавказе (39 %), так и на Южном Кавказе (43 %) и национальный радикализм (27 % на Северном Кавказе и 26 % на Южном Кавказе). В меньшей степени для большинства студентов Кавказского макрорегиона является проблемой в общении религиозная принадлежность.

Данное социологическое исследование, подтверждает гипотезу о том, что спектр основных этнополитических проблем, которые беспокоят молодежь Кавказского макрорегиона, во многом идентичен для Северного Кавказа и Южного Кавказа. Острота этих проблем зависит от исторически неразрешенных этнотерриториальных конфликтов, этнополитических противоречий, заложенных в государственно-политическом устройстве республик Кавказа, а также от социального самочувствия, материальных условий жизни и уровня безработицы среди молодежи, сложной криминогенной обстановки. Эти и другие факторы в обязательном порядке должны учитываться в развитии коммуникационных процессов на Кавказе.

Источники и литература

1. Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской ситуации Северо-Кавказского федерального округа. 2015 год. Экспертный доклад / Под общей редакцией академика В. А. Тишкова: научное издание. – Москва – Пятигорск – Ставрополь, 2016. – 91 с.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31300.

Л. А. Зверева
(г. Ставрополь)

ИЗУЧЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА СТАВРОПОЛЬЕ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ XX в.

Изучение местной истории, региональных аспектов общероссийских проблем являются актуальной задачей современной исторической науки. Интерес к истории Северного Кавказа у меня появился благодаря общению с Валентиной Павловной Невской – замечательному ученому, прекрасному педагогу, лекции которого мне посчастливилось слушать. Именно она на своем примере показала, как можно сочетать научные исследования с преподавательской деятельностью. Валентина Павловна учила, что в науке не бывает «мелких» тем, бывают слабые исследования, она показала, как надо работать с архивными документами, как важно в исследованиях не описывать документ, а изучать на его основании проблему.

***

Вопросы власти, ее становления, укрепления и эволюции в России и регионах в советский период были и остаются в центре внимания историков, политологов, социологов. В советской историографии выделяется несколько этапов научной разработки истории развития государства от октября 1917 г. до конца 1920-х годов. В зависимости от изучаемых аспектов этой проблемы ученые по-разному определяют их хронологические рамки. Разработка избранной темы зависела от идейно-политической обстановки в стране и на местах в разное время, а также от доступности для исследователей источниковой базы. Поэтому эти этапы освещались неодинаково.

Представляется правомерным отечественную историческую литературу по теме исследования разделить на четыре периода:

20-е годы XX в.;

30-е – середина 50-х годов XX в;

вторая половина 50-х – до конца 80-х годов XX в;

90-е годы XX в. – 2000-е. гг.

Такое разделение обосновывается изменением методологии исторической науки, ее роли в жизни общества, а также появлением новых источников, установлением господствующих концепций и другими факторами.

В 1920-е годы, в начальном периоде развития советской историографии, историки проявили интерес к революционным событиям, проходившим на юге страны. В это время историческая литература, в основном, создавалась непосредственными участниками революции. Во многом она носила характер воспоминаний. Первые историки Ф. М. Головенченко, Ф. Емельянов и др. занимались анализом вопросов социально-экономического положения, революционного движения, организации советской власти в губернии, хода гражданской войны [4].

Противоположную большевистской точке зрения на установление советской власти высказывал писатель И. Д. Сургучев, ставший очевидцем смены власти в Ставропольской губернии. Его свидетельства чрезвычайно эмоциональны и субъективны, но зато раскрывают те стороны процесса установления советской власти, о которых не упоминали советские историки [16]. В эти годы шел процесс сбора документов и воспоминаний по свежим следам. В 1924 г. работала комиссия истпарта (истории партии) в Донской, Кубанской областях и Ставропольской губернии, организовавшая запись воспоминаний активных участников революции. Изданных работ было немного, и они, главным образом, имели популярный, пропагандистский характер, хотя появились и первые научные исследования. Истпарт имел свою рубрику и регулярно публиковал материалы в журнале «Ставрополье». В основном почти вся историческая литература была написана с позиций большевизма.

Вторая стадия развития историографии – 1930-е – середина 1950-х годов – характеризуется складыванием сталинской исторической концепции, полностью державшей науку под контролем политического режима. В этот период мало публиковалось архивных материалов, мемуаров, что не могло не сказаться на состоянии исторической науки. История писалась без показа роли конкретных личностей, не упоминались имена многих людей, создававших первые советские органы власти на Ставрополье, так как большинство из них стали «врагами народа». Как и в предыдущем периоде, сохранялась идеологизация истории, повышенное внимание уделялось классовой борьбе. В этот период не было опубликовано ни одной сколько-нибудь значительной работы, которая бы освещала проблему властных институтов на Юге страны. Изучение истории органов управления не продвинулось вперед. В литературе тех лет чаще всего встречались второстепенные сюжеты исследования. Нередко тенденциозно подбирался и фактический материал. Вышедшие в свет работы И. Разгона, И. Краснова,

А. Суслова, посвящались видным работникам партии, хронологии революционных событий и общественного движения [8, 15, 17].

С середины 1950-х годов начался новый период в изучении истории Октябрьской революции, «военного коммунизма» и нэпа. С наступлением «оттепели» были смягчены жесткие политизированные установки, расширились исследовательские возможности историков в связи с изданием областных сборников документов и допуском исследователей к архивным материалам. В некоторой степени были сняты ограничения в использовании ранее засекреченных фондов. Таким образом, значительно расширилась источниковая база исследования.

К 40-летию Октября 1917 г. вышли монографии Н. И. Иванько, Д. В. Кочуры и сборники статей, раскрывающие борьбу трудящихся за власть Советов [3, 5, 6, 18]. В исторической науке в качестве основополагающей продолжала существовать марксистско-ленинская методология. Историки переключились на усиленное изучение ленинского идейного наследия, в частности, теоретических работ о государственном строительстве.

В 1960–1980-е годы положено начало серьезному научному анализу документов и материалов из ранее недоступных для исследователей архивных фондов, глубокой разработке кардинальных вопросов социально-экономической и политической истории Ставрополья. Заметным стало обращение историков к фактам, определявшим формы власти в регионе. Работы посвящались деятельности революционных комитетов, в них рассматривались порядок их формирования, структура, а также полномочия [2, 11, 14].

В связи с перестройкой социально-экономической и духовной жизни общества и изменением представлений о властных структурах как специфическом объекте ценностей, с середи-

ны 1980-х годов проблемам власти и ее демократизации стала отводиться первостепенная роль. В целом предпочтение все еще отдавалось изучению Октябрьской революции, но уже значительно больше и глубже рассматривалось взаимоотношение органов власти. В монографии Т. П. Коржихиной сделан подробный анализ становления и развития центральных государственных учреждений на протяжении всего советского периода нашей страны, в них рассматриваются причины, приведшие к снижению роли Советов и установлению командно-административной системы. Следует отметить выход в 1986 году «Очерка истории Ставропольского края», членом редакционной коллегии которого была В. П. Невская. [9,13].

В последнее десятилетие XX века положение резко изменилось. Расширилась тематика исследований, обогатилась источниковая база за счет новых сборников документов и материалов, использовался накопленный исследовательский опыт. В 1990-е годы в историографии был явно заметен отход от традиционной методологии, применялись новые методы исследования научных проблем. Вышла в свет монография

А. В. Баранова, которая посвящена исследованию социального и политического развития Северного Кавказа в условиях нэпа [1]. На основе разнообразных источников обоснована дискуссионная трактовка сущности и особенностей нэпа. Изучается становление тоталитарного режима и его исторические последствия. Безусловно, заслуживают большого внимания труды северокавказских ученых: А. И. Кругова, Е. Е. Некрасова [10, 12]. Эти исследователи в своих трудах касаются вопросов власти на территории Северного Кавказа.

Большим событием стал выход в свет коллективного труда по истории края – «Край наш Ставрополье», редактором и автором ряда глав которого была В. П. Невская [7]. В нем нашли отражение основные этапы, важнейшие события отечественной истории в их конкретном преломлении на земле Центрального Предкавказья.

Таким образом, вопросы установления советской власти, ее сущностные черты и характер становления методов управления, несмотря на обилие работ, нельзя считать окончательно изученными.

Источники и литература

1. Баранов А. С. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики 1921–1929 гг. – СПб. : Нестор, 1996. – 353 с.

2. Бугай Н. Ф. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа (1919–1921). – М.: Наука, 1979. – 235 с.

3. Боевые годы : Воспоминания участников Великой Октябрьской соц. революции и гражданской войны на Ставрополье. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1957. – 159 с.

4. Головенченко Ф, Емельянов Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии (1918–1920 гг.). – Ставрополь, 1928. – 223 с.

5. Иванько Н. И. За власть Советов. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1957. – 164 с.

6.Кочура Д. В. Активные участники борьбы за власть Советов на Ставрополье. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1957. – 164 с.

7. Край наш Ставрополье: Очерки истории // Научные редакторы проф. Д. В. Кочура и проф. В. П. Невская. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – 528 с. + 96 с. илл.

8. Краснов Г. Ставрополь на Кавказе. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1953. – 192 с.

9. Коржихина Т. П. История государственных учреждений СССР. – М., 1986. – 400 с.

10. Кругов А. И. Ставропольский край в истории России : (Конец XVIII–XX в.) : Регион. учеб. для ст. классов общеобразоват. учеб. заведений. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2001. – 351 с.

11. Незабываемые годы : Воспоминания участников революционных событий и гражд. войны на Ставрополье / [Ред. коллегия: А. Ф. Дегтярев (пред.) и др.]. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1960. – 208 с.

12. Некрасов Е. Е. Местная власть в России: историко-правовой анализ. – М., 1998. – 439 с.

13. Очерки истории Ставропольского края, т.2. – Ставрополь: Кн. Изд-во, 1986. – 607 с.

14. Очерки истории Ставропольской организации КПСС / [Ред. коллегия: Д. В. Кочура (отв. ред.) и др.]. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1970. – 632 с.

15. Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. – М., 1941. – 331 с.

16. Сургучев И. Д. Большевики в Ставрополе. – Ростов н/Д, 1919. – 16 с.

17. Суслов М. А. 20 лет освобождения от белых. – Пятигорск : Орджоникидз. кр. изд., 1940. – 96 с.

18. Ставрополье за 40 лет Советской власти. 1917–1957 : [Сборник статей]. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1957. – 218 с.; 23 см. – (Материалы по изучению Ставропольского края; Вып. 9).

Н. А. Кононирова
(г. Ставрополь)

БИБЛИОТЕКА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЕВОГО ГОРСКОГО ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. С. М. КИРОВА В ФОНДЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ СКФУ

Первые сведения о библиотеке Северо-Кавказского краевого горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С. М. Кирова (1926–1937 гг.) (далее – Институт) оставил в своих записях старейший сотрудник нашей библиотеки А.К. Комаровский. В записях говорится о том, что в 1937 году в библиотеку Ворошиловского (Ставропольского) педагогического института (ныне СКФУ) поступила библиотека ликвидированного Института, названы некоторые книги из этой библиотеки и упомянут Государственный архив Ставропольского края, в котором хранятся документы Института [12, 13]. Институт за время своего существования несколько раз переезжал (Владикавказа – Ростов-на-Дону – Пятигорск) и несколько раз менял свое название.

Институт был создан для изучения проблем народов Северного Кавказа: «По переписи населения 1926 года в пределах Северо-Кавказского края проживало около миллиона горских племен, которые были объединены в семи автономиях. Многочисленность горских племен, их различное социально-экономическое, культурное состояние требовало серьезного изучения их особенностей и наиболее существенных отличий для правильного определения пути дальнейшего развития. Именно это было одной из главных причин организации института» [1, с. 622]. Институт организовывал многочисленные экспедиции, в ходе которых изучались естественно-производительные силы, социально-демографические и бытовые особенности коренного населения. Так, в одной из экспедиций в Карачай был выяснен вопрос о происхождении карачаевцев [1, с. 623]. История, этнография, антропология, право, языки, фольклор, эпос, песенное творчество народов Северного Кавказа и многое другое требовало пристального внимания. Для выполнения таких грандиозных задач необходимы были специалисты. В разные годы в Институте работали экономист и статистик А. И. Гозулов (1892–1981), филолог Х. Д. Ошаев (1898–1977), специалист по горским языкам Г. П. Сердюченко (1904–1965), историк и кавказовед Н.И. Покровский (1897–1946), историк и краевед А. Н. Дьячков-Тарасов (1867–1943) и др. Среди внештатных сотрудников Института нельзя не назвать академика Н. Я. Марра (1864–1934), лингвиста Н. Ф. Яковлева (1898–1974), немецкого языковеда и этнографа А. М. Дирра (1867–1930), историка, лингвиста и этнографа А. Н. Генко (1896–1941), передавшего в 1932 году в Институт свою рукопись «Абазинский язык», одного из ведущих в стране анатомов-антропологов К. З. Яцуту (1876–1938) и др. К сожалению, в 1929–1930-е годы коллектив Института пострадал. В это время по всей стране прошли аресты краеведов. Комиссия крайкома ВКП(б) обнаружила, что сотрудники Института – это «старые краеведы, совершенно чуждые по своей идеологии и методологическим установкам от насущных задач социалистического строительства» [1, с. 625]. Был уволен, а затем репрессирован первый директор Института Умар Алиев (1889-1938).

К середине 1930-х годов Институт обладал огромным научным потенциалом, он стал флагманом кавказоведения на Северном Кавказе и начал выходить за рамки научно-исследовательского учреждения. В стенах Института появился документ – «Докладная записка Северо-Кавказского краевого горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С. М. Кирова крайкому ВКП(б) и крайисполкому о необходимости организации Центрального института кавказоведения [сентябрь 1936 г.]». В докладной записки говорилось о необходимости организации изучения Кавказа как «чрезвычайно богатого и сложного этнического и языкового мира»: «Эта задача огромной теоретической важности не может быть разрешена в рамках, существующих до сих пор мелких областных и краевых научно-исследовательских институтов, частичных по своим задачам, она настоятельно требует того, чтобы языки и история народов Кавказа изучались в их взаимной связи, так как многие из народов Кавказа переходят границы существующих административных делений и так как многие теоретические и практические вопросы, связанные с этим изучением и вытекающие из него, могут быть правильно разрешены только на основе изучения кавказского этнического и лингвистического мира в целом» [1, с. 631]. К докладной записке были приложены примерные штаты и смета будущего Института кавказоведения.

Дальнейшие события в Институте складывались следующим образом. В начале января 1937 года был «разоблачен как скрытый троцкист и буржуазный националист» директор Института Х. Д. Ошаев. 5 сентября 1937 года вышло постановление крайисполкома о ликвидации Института «в связи с организацией национальных республик на основании Сталинской Конституции». Библиотеку Института передали Ворошиловскому (Ставропольскому) педагогическому институту.

Институт уделял большое внимание своей библиотеке, ее работа отражалась в производственных планах и отчетах, актах и договорах по соцсоревнованию. Особое внимание уделялось книжному фонду библиотеки. Так, в производственный план института на 1930 год был включен отдельный пункт по комплектованию и приложена «Смета на приобретение кавказоведческой литературы для законченного пополнения библиотеки СКГНИИ на 1929–1933 гг. (пятилетний план):

1. Записки Кавказского отдела Русского географического о-ва – 26 т.; 2. Известия Кавказского отдела Русского технического о-ва – 25 т.; 3. СМОМПК – 12 т.; 4. Кавказский календарь за 14 лет; 5. Материалы по археологии Кавказа – 11 т.; 6. Материалы по геологии Кавказа – 17 т.; 7. Кавказский сборник – 6 т.; 8. АКАКИ – 7 т.; 9. Кубанские сборники, календари и памятные книжки – 50 т.; 10. Терские сборники. Календари и памятные книжки – 50 т.; 11. Отчеты начальников обл.: Кубанской, Терской, Дагестанской и отчеты наместников на Кавказе – 150 т.; 12. Труды «Вестник Тифлисского бот. Сада» – полностью; 13. Известия Кавказского музея; 14. Материалы для флоры Кавказа – Н. Кузнецова, Н. Буша, Фомина – 40 т.; 15. Труды, сборники, записки, отчеты Кавказского общества с.-х.; 16. Труды Кавказского медицинского общества; 17. Труды Сочинской и Сухумской опытных станций; 18. Иностранная литература о высокогорном Кавказе (Деши, Мерубахр, Фрешфильд, Фишер и др.); 19. Русская литература о высокогорном Кавказе – Ежегодники Русского и Кавказского горного общества; 20. Иностранная этнографическая и историческая литература о горских народах (Труды Белля, Боденштедта, Лапинского, Зичи, Гагарина (альбом); 21. Военно-историческая литература: Труды Дубровина, Потто и др.; 22. Истории полков: Эриванского, 44 Нижегородского, Драгунского, Куринского, Кабардинского, Тенгинского, Дагестанского, Самурского и др.; 23. Отдельные труды и монографии о природе, производительных силах Кавказа и по вопросам горских культур дореволюционного и послереволюционного периода по особому списку.

Периодика (газетная и журнальная): газета «Кавказ» за 70 лет (с 1846 г.), «Кубанские областные ведомости» (с 1863 г.), «Терские областные ведомости» (с 1868 г.). Все газеты Северного Кавказа за советский период (краевая и ауловая); Кавказский вестник с 1900–1903 г., Известия ОЛИКО. Все журналы за советский период.

Всего на 15 тыс. руб.» [5, л. 122].

Руководство института направило письмо и в валютное управление Наркомфина СССР и Главнауку: «За время своего существования ГНИИ доказал свои способности и оправдал призвание свое к научно-исследовательской работе. В настоящее время ГНИИ встречает необходимость приобрести ряд заграничных научных трудов, касающихся исключительно кавказоведения, в частности горских народов Северного Кавказа. Составляя впервые историю горских народов, Северо-Кавказский Краевой Горский НИИ не может обойтись без приобретения ряда произведений, вышедших заграницей и касающихся истории, языка и прочей жизни горских народов» [6, л. 152].

Библиотека вела обширную переписку. Список адресатов библиотеки говорит о том, что изыскивалась любая возможность для формирования и расширения фонда. Письма с предложениями книгообмена, просьбой выслать то или иное издание, труды по библиографии, письма с «горячими благодарностями» за уже высланные книги рассылались по всей стране. Была установлена связь почти с двумястами научно-исследовательскими и краеведческими организациями, областными, краевыми и центральными вузами. За период с 1929 по 1936 гг. книжный фонд библиотеки вырос с 3004 до 16384 экземпляров.

Ни в одном документе фонда Р-1260 не сказано, каким образом в институт попали ценнейшие издания по истории Кавказа (за исключением томов АКАК, полученных в 1929 году из Института Дагестанской культуры). Ответ на этот вопрос и интересные документы по истории библиотеки содержатся в фонде Северо-Кавказского краевого музея горских народов им. большевика Муссы Кундихова (ГАСК. Ф.Р.-1077). Как оказалась, Институт и названный музей находились в Ростове-на-Дону в одном здании. Сотрудники Института не могли не обратить внимание на богатейшую музейную библиотеку, в которую в 1926 году поступили книги из Государственного книжного фонда и из Гатчинского дворца (653 книги из библиотеки князя Г. Д. Шервашидзе).

Сами музейные работники находили «целесообразным и необходимым» слияние двух библиотек [9, л. 110 об.]. В отчете о деятельности Института за 1927 год дана научная оценка этих библиотек: «Библиотека института состоит из библиотеки князя Шервашидзе и библиотеки Краевого музея:

1. Библиотека, принадлежащая князю Шервашидзе и составляющая в настоящее время основной книжный фонд Института применительно к интересам общего Кавказоведения: Здесь имеются ценные «Акты Кавказской Археографической комиссии», «Кавказский Сборник», сочинения по горскому праву Леонтовича, Ковалевского и др., иностранные сочинения о Кавказе.

2. Библиотека Краевого музея – в ней собраны ценные издания по Северному Кавказу, преимущественно по бывшей Кубанской области и Ставропольской губернии: кроме того, в этой библиотеке имеются «Труды Археологической Комиссии», «Труды Московского Археологического Общества» и др. Для начинающего ученого, аспиранта в этой библиотеке найдем новейшее сочинение по истории культуры, искусству, по истории Кавказа и южной России. Таким образом, соединенные, эти библиотеки настолько дополняют друг друга, что представляют цельный научно-вспомогательный момент в работах научных сотрудников Института и его аспирантов» [2, л. 25]. Но на протяжении девяти лет этот вопрос так и не был решен: «…ценная историческая библиотека (из фондов кн. Шервашидзе) свыше 2500 т. захвачена Краевым Горским Историко-Лингвистическим Институтом и увезена им в Пятигорск» [3, л. 11]. Это сведения из отчета музея за 1936 год.

В статье В. А. Семенова «Книжные собрания Гатчинского дворца» говорится, что 1920-е годы в библиотеку дворца поступили книги из библиотеки князя Г. Д. Шервашидзе и барона Н. А. Николаи [14].

Георгий Дмитриевич Шервашидзе (1846–1918) губернатор города Тифлиса в звании камергера двора его величества, действительный статский советник, князь. Г.Д. Шервашидзе был женат на баронессе Марии Александровне Николаи (1859–1879). С 1899 года Г. Д. Шервашидзе состоял при особе вдовствующей императрицы, стал обергофмейстером ее двора, в 1905–1918 году заведовал канцелярией императрицы. В библиотеке Института были обнаружены книги с авторскими дарственными записями и подносные фотоальбомы, подаренные князю Г. Д. Шервашидзе. Часть книг из библиотеки института принадлежала Александру Павловичу Николаи (1821–1899) – известному государственному деятелю Российской империи, барону, камергеру, статс-секретарю, действительному тайному советнику, члену Государственного Совета, министру народного просвещения. Барон Николаи был тесно связан с Кавказом, в разные годы он был директором походной канцелярии М. С. Воронцова, членом совета Главного управления Закавказского края, попечителем Кавказского учебного округа, начальником управления сельского хозяйства и промышленности, председателем Закавказского центрального комитета об устройстве быта помещичьих крестьян, начальником Главного управления Кавказского наместника и, наконец, тестем Г. Д. Шервашидзе. Как мы видим, книги из разных библиотек оказались в одном месте. Объяснение этому может быть такое: в 1899 году в Тифлисе скончался А. П. Николаи, в этом же году Г. Д. Шервашидзе уезжает в Санкт-Петербург. Можно допустить, что часть библиотеки тестя Г. Д. Шервашидзе взял с собой. С твердым убеждением можно сказать, что эти богатейшие книжные собрания находились под постоянным вниманием личного библиотекаря Г. Д. Шервашидзе. Многие из книг одинаково обработаны, на верхнюю часть корешка наклеены одинаковые библиотечные марки с зазубренными краями и синими линейными рамками. В эти рамки записывались порядковые номера книг, а если марок по каким-то причинам не было, то номера записывались на длинных полосках бумаги и вкладывались в книгу. Этот библиотекарь собирал из газет, журналов, сборников, календарей и энциклопедий материалы по истории Кавказа, аккуратно вырезал страницы и одевал их в цветные обложки, из статей газеты «Кавказ» и «Энциклопедического лексикона» Плюшара сделал маленькие книжечки и переплел их в красивую декоративную бумагу. Хронологические рамки этих вырезок – 1790–1897 гг., более ста лет!

Сотрудники музея и Института характеризовали библиотеку Г. Д. Шервашидзе как богатую, прекрасную, ценнейшую, известную, библиотека была необходима им для научной и исследовательской работы. Но существует еще одна интересная особенность у этих книг. Как известно, многие русские писатели в XIX веке интересовались событиями на Кавказе, и некоторые издания, хранящиеся в библиотеке, были им известны.

Так, А. С. Пушкин во время создания «Путешествия в Арзрум» пользовался книгой И. А. Гюльденштедта (1745–1781) «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа» (СПб.,1809).

В 1846 году В. Г. Белинский написал рецензию на «Сборник газеты «Кавказ», в которой сетовал на малый тираж издания «только в числе 50-ти экземпляров, и то не для продажи».

При написании рассказа «Кавказский пленник» и повести «Хаджи Мурат» Л. Н. Толстой переписывался с писателями Е. А. Вердеревским (1825 – после 1867) и Е. Г. Вейденбаумом (1845–1918), военными историками С. С. Эсадзе (1870–1927) и В. А. Потто (1836–1911). В 1896 году недалеко от Ясной Поляны поселился вернувшийся с Кавказа А. Л. Зиссерман (1824–1897). Толстой ездил к соседу за недостающими книгами и получил в подарок томик «25 лет на Кавказе» (СПб., 1879) с автографом автора. В это же время Толстой познакомился и со «Сборником сведений о кавказских горцах». В одном из писем к А. А. Фету он писал: «Читал я в это время книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я упивался. Это сборник сведений о кавказских горцах, изданный в Тифлисе. Там предания и поэзия горцев и сокровища поэтические необычайные. Хотелось бы вам послать. Мне, читая, беспрестанно вспоминались вы…» [15].

В 1937 году библиотека нашего вуза пополнилась уникальным собранием книг, в котором особо ценными были издания по кавказоведению и краеведению.

В настоящее время библиотека Северо-Кавказского краевого горского историко-лингвистического научно-исследовательского института выделена в отдельную коллекцию. Экземпляры из библиотеки Института это экземпляры уровня: библиографическая редкость; библиофильский экземпляр; памятник полиграфического искусства; экземпляр, имеющий историческое и культурное значение; подносной экземпляр; малотиражный экземпляр; экземпляр, поставленный на вечное хранение; самая дорогая книга России; издание, запрещенное вывозу с территории Российской Федерации. Некоторые книги одновременно сочетают в себе несколько вышеназванных характеристик. Наблюдается постоянный рост культурно-исторического значения и уникальности этих изданий. Библиотека Института составляет основу раздела Кавказоведение и Краеведение. Книги из этих разделов постоянно востребованы нашими читателями.

Источники и литература

1. Белоконь В. В. К истории кавказоведения 1920–1930-х годов // Принципы и методы исследования в филологии XX века: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». – СПб.; Ставрополь: изд-во СГУ, 2001. – Вып. 6. – С. 622–631.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р – 1077. Д. 13. Л. 25.
3. ГАСК. Ф. Р. – 1077. Д. 18. Л. 11.
4. ГАСК. Ф. Р. – 1260. Д. 8. Л. 122.
5. ГАСК. Ф. Р. – 1260. Д. 8. Л. 152.
6. ГАСК. Ф. Р. – 1260. Д. 14. Л. 110 об.
7. Комаровский А.К. Библиотека ВУЗА // Орджоникидзевская правда. – 1940. – 13 ноября. – С. 2.
8. Комаровский А. К. [История библиотеки Ставропольского государственного педагогического института. – 1966. – 6 с.] – Записи А.К. Комаровского (хранятся в отделе редких книг НБ СКФУ).
9. Семенов В. А. Книжные собрания Гатчинского дворца // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. – 1992. – №4. – С. 90–94.
10. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. – М., 1984. – Т. 18. – С. 773–775.

П. А. Кузьминов
(г. Нальчик)

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ У НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ В 60-х ГОДАХ XIX в. В ТВОРЧЕСТВЕ В. П. НЕВСКОЙ

С трудами Валентины Павловны я познакомился в 1979 году, когда в «Ленинке» и «Историчке» г. Москвы собирал материал по теме: «Историография крестьянской реформы на Северном Кавказе». Просмотренные работы по истории народов Северного Кавказа XIX века дали возможность выявить достижения каждой республики в изучение прошлого своего региона. Уже тогда я открыл для себя «боевую когорту» ученых-кавказоведов, которые были лидерами в исследовании дореволюционного прошлого. Это В. Г. Гаджиев, С. Ш. Гаджиева, Б. М. Джимов, Г. А. Кокиев, Т. Х. Кумыков, Е. Дж. Налоева, В. П. Невская, Х. Х. Рамазанов, Б. В. Скитский, М. С. Тотоев и др. Каждый из них – сегодня Легенда, Маяк, на который равняются, с которых берут пример тысячи молодых исследователей. Но первой из них, на мой взгляд, была В. П. Невская. Вернувшись из Москвы, я спросил у своего руководителя – профессора Т. Х. Кумыкова, кто это так хорошо пишет о социальных преобразованиях в Карачаево-Черкесии? Подумав, он сказал: «Она лучшая из нас»! Он хорошо знал Валентину Павловну по совместной многолетней работе в авторском коллективе, готовившим к изданию «Историю народов Северного Кавказа», встречался на многих конференциях, переписывался, дружил.

Реформы 50–70-х годов XIX века стали одной из ключевых проблем кавказоведения, которой Валентина Павловна посвятила жизнь. Почему именно реформам? Ответ очевиден. Переломный этап истории горских народов, перефразируя известное высказывание Ю. А. Жданова, своеобразное «солнечное сплетение» XIX века, аккумулировал в себе достижения предшествующего традиционного развития горского социума и проецировал сложности пореформенного развития народов Кавказа. Понять историю горцев без детального анализа аграрно-социальных преобразований 50–70-х гг. XIX в. было просто невозможно.

Прекрасная теоретическая и методологическая подготовка В. П. Невской, тщательная работа в архивохранилищах Москвы и Ленинграда, Ставрополя и Черкесска, Орджоникидзе и Нальчика позволили ей уже через несколько лет опубликовать первую монографию [3], посвященную социально-экономическим последствиям присоединения Черкесии к России, в которой был поставлен вопрос о крестьянской реформе в Закубанье.

Первую фазу реформы исследовательница связала с предписанием А. И. Барятинского от 5 января 1859 г. об освобождении крестьян тех владельцев, которые не признавали русского подданства или же переселялись в Турцию. К сожалению, предписание наместника Кавказа кавказоведы обошли вниманием. До сегодняшнего дня – это единственное утверждение о начале реформ на Северном Кавказе. Вторая фаза реформы на территории Северо-Западного Кавказа – 1868 г., когда более 17 630 человек: 14 295 пшитлей, 3172 унаута и 163 ога [4, с. 107] – были освобождены от различных форм зависимости.

Анализируя процесс подготовки преобразований, В.П. Невская осветила работу Кубанского областного комитета по подготовке реформы. Узнав о предполагаемых условиях освобождения, зависимые крестьяне, – акцентирует внимание читателя В.П. Невская, – резко активизировали борьбу против владельцев. «Волнения приняли такие размеры, что для их подавления были вызваны значительные военные силы: шесть пехотных батальонов, два дивизиона артиллерийской батареи и десять сотен казаков» [4, с. 161]. Другой формой борьбы крестьян с владельцами был повсеместный отказ заключать добровольные соглашения с владельцами. Проанализировав тысячи «выкупных свидетельств, подписанных зависимыми с владельцами», Валентина Павловна пишет, что значительная часть крестьян в Черкесии была освобождена на основе «правил», подготовленных комитетом, которые были несколько легче норм обычного права.

Возвращение карачаевцев из депортации, дало возможность историкам исследовать сложную историю карачаевского этноса. Фактически первой в советской историографии, Валентина Павловна осветила все стороны крестьянской реформы в Карачае. «Всего в Карачае, – отметила автор, – было освобождено по одним данным – 2462, по другим – 2806 человек. Расхождение в цифрах начальник Эльбрусского округа Н. Г. Петрусевич объясняет тем, что часть крестьян и владельцев, заключавших добровольные сделки, позже расторгли их и заключили новые при помощи

мирового посредника» [5, с. 30]. На Северном Кавказе только в Кубанской области имели место случаи перезаключения выкупных сделок; ни в Терской, ни в Дагестанской области историки не выявили таких фактов. Валентина Павловна обратила внимание и на выдающуюся роль Петрусевича в подготовке и реализации реформы. Именно он выхлопотал денежные пособия для беднейших крестьян и добился того, чтобы освобожденным крестьянам выделили земли для поселения.

Вместе с тем, она отметила, что «… текст «Правил об освобождении зависимых сословий» не был переведен местной администрацией на национальные языки и не был разъяснен населению» [5, с. 29]. Эта мысль противоречит высказанной ранее о том, что крестьяне, узнав условия освобождения, резко активизировали борьбу против феодалов и, как следствие этой борьбы, – перезаключение выкупных сделок с феодалами. Да и сами письменные свидетельства, как свидетельствуют архивные документы об освобождении крестьян, были написаны на двух языках – русском и арабском.

Исследуя освобождение зависимых сословий в Карачае и Черкесии, В. П. Невская выявила причину, по которой в Карачае было освобождено крестьян по добровольным соглашениям больше, чем в Черкесии. «В этом сказалась специфика скотоводческого хозяйства, для которого требовалось меньше рабочих рук, чем для земледелия» [7, с. 427].

Анализ огромного корпуса документальных материалов, дал возможность исследовательнице выделить два этапа в разработке аграрной реформы: 1861–1862 и 1864–1869 гг., а также принципы наделения землей, характерные для всех плоскостных районов Северного Кавказа. Расшифровывая их содержание, она подчеркнула, что землю в частную собственность получали только князья и уорки первой и второй степени, в аульное же пользование – крестьяне, при этом все тяготы межевого дела ложились на плечи народных масс. «Стоимость натуральной повинности по землемерным работам оценивалась от 6 до 9 тыс. рублей в месяц» [4, с. 138].

Аграрная политика правительства в горных районах Кубанской и Терской областей, по мнению Невской, имела определенные особенности, поскольку «царизм, – отмечает исследовательница, – не нуждался в скудных землях карачаевских ущелий». Администрация ограничилась «дарованием» собственно карачаевских земель всему народу (всего 267 тыс. дес.). «… это дарование, – считает исследовательница, – не только не прирезывало карачаевцам ни десятины земли, но даже отрезало у них значительную часть территории» [6, с. 91].

Мы отмечали сложность земельных отношений в Карачае, которые характеризовались исследователями диаметрально. Так, глубокий знаток карачаевского народа Н. Г. Петрусевич считал, что у карачаевцев никогда не было общинного землевладения, а об общинном праве они даже «не имели понятия» [1, л. 9]. Дореволюционные исследователи М. В. Орлов и Ф. А. Щербина были убеждены, что в Карачае частной земельной собственности не было, и она даже невозможна там [2, с. 252].

Изучив корпус архивных материалов, В. П. Невская пришла к выводу, что здесь сложилось три формы земельной собственности: общинная, подворно-наследственная и крупная земельная собственность, основанная на узурпации общинных земель [6, с. 79]. В общинной собственности находились все летние пастбища – джайлыки, леса и очень небольшая часть зимних пастбищ – кышлыков. Семейно-индивидуальная собственность на землю возникла в Карачае в результате трудовой заимки и индивидуального труда семьи по ежегодной очистке участков в лесу или горах. Это были сабаны – небольшие участки пахотной земли, расположенные как в самом ауле, так и на его окраинах, и биченлики – поливные сенокосы. Их можно было продавать, дарить, отдавать в калым и за кровь, закладывать в бессрочный залог – бегенду.

В отличие от земледельческих обществ, где в феодальную собственность, прежде всего, переходили пахотные земли, а пастбища еще долго оставались в общинном владении, у карачаевцев, по мнению исследовательницы, раньше всего феодальной собственностью стали именно сенокосы и зимние пастбища – кышлыки – основные средства производства скотоводческого хозяйства, которые в середине XIX в. принадлежали Крымшамхаловым – 2850 дес., Дудовым – 1420 дес., Карабашевым – более 600 дес. Эта земельная собственность давала им возможность не только содержать огромные стада скота, овец и табуны лошадей, но и эксплуатировать юридически не закрепощенное крестьянство – узденей, которые попадали в поземельную зависимость от биев [6, с. 82].

Другой особенностью землевладения была фамильная земельная собственность, что делало процесс отчуждения земли почти невозможным. Так, земля (780 дес.), принадлежавшая фамилии Байрамуковых, была в пользовании 78 семей, Чотчаевых (600 дес.) – 51 семья, Алиевых (1800 дес.) – 24 семьи. Даже бийские земли находились в нераздельном владении одной фамилии [6, с. 83].

Были в Карачае и совершенно безземельные крестьяне – 294 семьи, 451 семьи крепостных – юльгюлюкулов, и не менее 150 дворов башсызкулов [6, с. 85].

Приведенный материал свидетельствует о пределах советской историографии в изучении либеральных реформ, даже у ее лучших представителей. Это: единая методология анализа преобразований у горских народов, эмпиризм, акцент на негативных моментах реформ, их незавершенности, экспроприации земель, недостаточном наделе земли, выделяемом крестьянам, обособлении участков феодальной знати и т.д.

Вместе с тем, изучение научного наследия В. П. Невской отражает существенные успехи кавказоведения того времени в исследовании сложной исторической проблемы. Она разработала концепцию и методику изучения реформы на основе марксистско-ленинской методологии во всех областях и республиках Северного Кавказа, выявила общие и особенные черты преобразований во всех округах Кубанской области, собрала и обобщила огромный комплекс архивной документации.

Источники и литература

1. ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 130. Л. 9.

2. Кузьминов П. А. Эпоха преобразований 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2011. – 536 с.

3. Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия / Под ред. канд. ист. наук П. А. Брюханова. – Черкесск: Кн. изд-во, 1956. – 168 с., 2 л. карт.

4. Невская В. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Вып. III. Серия историческая. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1959. – С. 84-207.

5. Невская В. П. Карачай в пореформенный период / Под ред. д-ра ист. наук А.В. Фадеева; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1964. – 224 с., 1 л. карт. ил.

6. Невская В. П. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX в. // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Вып. IV. Серия история. – Ставрополь, 1964. – С. 76–137.

7. Очерки истории Карачаево-Черкесии. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1967–1972. В 2 Т. – Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Отв. ред. д-р ист. наук В. П. Невская. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1967. – 600 с., 1 л. схем.: ил.

С. И. Маловичко
(г. Москва)

"ОПЫТ" И ОЧЕРКОВАЯ ФОРМА НАРРАЦИИ В СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА*

Автору этой статьи посчастливилось слушать курс лекций по истории древнего мира, который студентам-историкам 1 курса читала Валентина Павловна Невская (1919–2009) в СГПИ. Их высокий академизм и научность во многом способствовали тому, что автор в дальнейшем стал профессиональным историком. В. П. Невской было написано много научных работ, она выступила научным редактором некоторых научных изданий, в том числе тех, в самоназвании которых имелось указание на их принадлежность к определенному виду исторических произведений, – это «очерки» (Очерки истории Ставропольского края: в 2 т.: Т. 1: С древнейших времен до 1917 года / науч. ред. В. П. Невская (1986)., Край наш Ставрополье: Очерки истории / науч. ред. проф. Д. В. Кочура и проф. В. П. Невская (1999)). Формированию очерковой формы историописания в XVIII в. автор и решил посвятить эту статью.

Историческая культура XVIII в., если использовать терминологию Ф. Артога о режимах историчности, воспринимала исторический процесс в виде временных рамок, в которых «случались» те или иные события [с. 13–23]. Князь М. М. Щербатов, зависимую от временных «рамок» модель историописания берет у Д. Юма, отмечая, что это «великая цепь событий», в которую скрупулезно вставляются случившиеся во времени явления («коснуться каждого звена оныя») [21, т. I, с. XV]. В режиме историчности, в котором работали историописатели XVIII в., доминирует представле-

ние о возможности получения из знания о прошлом поучительных примеров для настоящего, как писал И. П. Елагин, история – кладезь примеров, помогающая «открывать добродетель к подражанию и порок к отвращению» [См.: 6, с. IX].

В XVIII веке в России, как и во всей Европе начинает формироваться современная структура исторического знания, которая будет трансформироваться в исторических культурах XIX и XX вв. Специалисты в области истории истории привыкли изучать историографию XVIII в. 1) посредством канонических фигур, писавших о национальной истории, 2) с точки зрения их вклада в формирующийся национальный исторический мастер-нарратив, но при этом не обращая внимания на форму историописания, оперируя понятиями: «работа», «труд» «произведение» [см., напр.: 18, ч. 2, с. 199, 220, 61, 320], «Werk» [см., напр.: 26, s. 308, 342] «work» [см., напр.: 30, vol. II, p. 25, 123]. Исследователи используют и понятие «жанр» [см., напр.: 16, с. 10], «genre» [см., напр.: 27, p. 373, 493, 307, 320; 28]. Однако жанровый подход к систематизации исторических произведений оказывается очень не конкретизированным. Историки употребляют понятие «жанр»: 1) к темам исторических произведений, 2) к практикам историописания, 3) к формам исторического письма, не задумываясь, что форма и содержание историописания – разные вещи.

Мне представляется важным обратить внимание на нарратологическую проблему, связанную формами историописания. Интерес представляет рефлексия авторов о выбранной форме повествования, их обращение к невидимому читателю, обнаружение нарративных «меток», с помощью которых позиционировался вид произведения. Манифестируемая автором XVIII в. цель историописания, а также экспликация исторического контекста позволяют в предметном поле *источниковедения историографии* проводить процедуру классификации историографических источников, свойственных исторической культуре второй половины XVIII века, выявлять трансформацию видов историографических источников в изменяющейся исторической культуре.

Сегодня мало кто усомнится, что, изучая практику историописания того или иного историка, необходимо учитывать в произведении какой видовой принадлежности она была выражена – большой (полной) национальной истории, очерках по истории, научной статье, учебной книге по истории (я специально не привожу присущие историографии XIX–XXI вв. виды: монографии, диссертации и т.д.).

Каждый продукт человеческого интеллекта структурирован своей целью. Поэтому произведения авторов историй функциональны, они несут в себе обозначение своей функции в системе исторического знания, т.к. цели, ставившиеся историописателями при написании больших (полных) национальных историй, учебных книг по истории и т.д., не могли быть одинаковыми.

В структуре европейского исторического знания XVIII в. появляются научные статьи и другие формы исторических работ (исторические описания, материалы историографических дискуссий), формируется большой национальный нарратив («полная история»), представленный многотомными произведениями Д. Юма, У. Робертсона, В. Н. Татищева, Ф. А. Эмина, М. М. Щербатова и др. [см.: 10, с. 471–476], начинает формироваться группа видов, которую мы назвали «учебная книга» (руководства, книги для чтения, учебник) [см.: 11, с. 282–299]. Однако этим видовой состав исторических произведений не ограничивался.

Как уже приходилось писать [12, с.: 343–344], происхождение «опыта» как вида наррации в европейской культуре следует связать с «Опытами» (“Les Essays”, 1580) М. де Монтеня и «Опытами, или Наставлениями нравственными и политическими» (“Essays, or Counsels Civil and Moral”, 1597) Ф. Бэкона. В первых «опытах» появились черты, которые станут маркирующими для авторов, пожелавших позиционировать свое знание в подобном виде произведений: наличие своей (авторской) субъективности – собственного *«испытания»* выбранных вопросов [15, кн. 1, с. 7], краткость, популярность и недостаточность нарративной отделки [3, т. 2, с. 352]. Такая практика наррации в последующем становится вполне узнаваемой читателями.

Переводчики «Опытов» Бэкона на русский язык, как само собой разумеющееся, в качестве синонима «опытам» предложили слово «очерки» [3, т. 2, с. 352]. В принципе, это уже превратилось в один из топосов российской письменной культуры. Ранее, мы с М. Ф. Румянцевой сделали предположение, что для историографических культур XIX и XX вв. «опыт» можно рассматривать как разновидность такого вида историописания, как «очерк» [12, с. 344]. Это предположение я решил распространить и на XVIII в., но уточнив важные дополнительные детали. Одно из них я отмечу сразу – в отличие от историографической культуры XIX в. «опыты» в предшествующем веке имели большую популярность, чем собственно «очерк» («начертание»).

В XVIII в. вид наррации под названием «опыт» занял важное место среди ученой литературы и стал одним из видов историописания. Этой формой организации исторического материала воспользовался Ф.-М. А. Вольтер при написании «Опыта по всеобщей истории» (в 8 т., 1761–1763) [см.: 31]. Выбор мыслителем такого вида историописания был совершенно не случайным. Вольтер постарался представить собственное *испытание*, в котором пересматривается уже складывающаяся европейская модель всеобщей истории. Этот вид наррации использовался и в британской историко-политической литературе, в качестве известного примера можно привести «Опыт истории гражданского общества» (1767) шотландского просветителя А. Фергюсона [23]. Мысли, обращенные к читателю, о форме, выбранной наррации, имеются в «Опыте» («Versuch») (о происхождении россиян от араратцев) немецкого исследователя И. Г. Дрюмеля (1744), писавшего, что он постарался противопоставить истину заблуждениям [22, s. 5 (ненумер.)].

Российские историописатели XVIII в. обозначали выбор этой формы изложения материала читателю такими же как их западноевропейские коллеги вполне узнаваемыми маркерами. Г. Ф. Миллер (1761) и П.И. Рычков (1767) актуализировали мысль о том, что это первая попытка связно расположить исторический материал – его нужно «апробировать» [14, с. 158, 163], что изучаемый объект «не имеет еще обстоятельной своей истории» [19, с. 5–11 (ненумер.)]. Н. И. Новиков также отметил эту черту, но этим не ограничился, он пространно описал «погрешности» произведения, после чего заключил: «сие то принудило меня в заглавии сея книги написать Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772) [17, с. 10–11 (ненумер.)]. Другой автор «Опыта» М. И. Ильинский, изучавший происхождение г. Москвы (1795), обращаясь с «предварительным сведением» к читателю обратил внимание на то, что многие вопросы «остались закрыты и неизъяснены». Поэтому по примеру некоторых других русских историков «не осмелился я сие сочинение назвать инако, как только опытом исторического описания» [7, с. I–II]. Авторы опытов указывали и на ограниченность своих возможностей при сборе материала: «предлагаю, сколько можно было собрать» [20, с. V], на поучительность их содержания для читателя [9, с. 5].

В коротком «Приношении премудрости» божественной Софии (а не авторитетам режима) известный масон И. П. Елагин в начале своего «Опыта» (1790) указал на то, что если читающими будет замечено его усердие в писании, то значит можно «занять пользою праздное их время» [6, с. 4 (ненумер.)]. В пространном «Преуведомлении читателю» автор пояснил, что ранее историки, восхваляя государей, «жития героев наших», ввели тех «во храм незабвенной памяти». Но его история отличается от других, тем, что в ней можно не найти «славные описания Государей» и небрежное описание народа. Нельзя, по его мнению, изображать одними красками Владимира Первого и Ивана Грозного, нельзя одинаково осуждать «мятежного Хованского» и «поборствующего по новгородской вольности Борецкого» [6, с. VII]. В конце «Преуведомления» он словно бы в извинительной форме актуализировал указанную мысль: «да не сочтут меня не привыкшие к такому роду сочинений язвителем бывших государей, которых по закоренелому может быть страху и предубеждению, великими Отцами отечества почитаются, а повествования справедливость инако их описует» [6, с. LVI]. Елагин решил *испытать* иную модель истории строительства России, вот почему он выбрал форму исторической наррации в виде опыта.

В немецкой и российской книжности в XVIII в. близкой к форме опыта выступала еще одна практика изложения не только исследовательского, но и учебного материала ««Abriss» («Umriss»), «очерк». Она основывалась на стремлении выделить в поле литературной деятельности форму наррации, в которой очерчивается нечто важное. По мнению филологов И. В. Ягича и В. В. Виноградова, такая практика письма могла возникнуть в результате перевода на русский язык немецких слов «Abriß» и «Umriß» (русск. – контур, очертание, начертание, очерк), которые первоначально проникли в среду русских рисовальщиков в XVII в. [4, с. 434–435]

В российской очерковой практике историописания второй половины XVIII – 40-х гг. XIX в. в самоназвании книг очерку предшествовало слово «начертание». Так, произведение известного немецкого ученого Г. Ахенваля «*Abriß* [выделено мной – *С.М.*] der neuen Staatswissenschaft der vornehmen Europäischen Reiche und Republiken» (1749) в России было издано под названием «*Начертание* [выделено мной – *С.М.*] истории нынешних знатнейших европейских государств» [2]. Авторы таких произведений манифестировали некоторые признаки *начертания*: 1) краткое (но достаточное для усвоения) собственное изложение [2, с. IV–V], 2) пересмотр некоторых выводов иных авторов и ограниченность рассмотренного вопроса («служить может… дополнением») [8, с. IV–V].

В российской книжной культуре во второй половине XVIII в. стало появляться не мало произведений, которые в своем названии имели слово «записки». Среди исторических произведений это в первую очередь издание Екатерины II «Записки касательно российской истории» (в 6 ч., 1787–1794), предназначенные автором для молодого читателя. С одной стороны, «Записки» имеют признаки большого нарратива (полной истории) и учебной книги (книги для чтения), но, с другой стороны, присутствующее в названии слово «записки» делает это историческое произведение близким по своей форме к опытам / очеркам, кроме того оно представлено дробной микроструктурой. Представляется важным учесть, что четвертая часть произведения императрицы имеет еще одно самоназвание – «Опыт. Знаменитые происшествия второй эпохи российской истории от 862 года по 1224» [5, ч. 4].

Авторы «записок» / «заметок» не всегда, но рефлексируют выбранную форму презентации материала для читателя. Немецкий автор А. Ф. фон Нольде (1807) сообщает о наличии определенной неполноты при раскрытии сюжетов, фрагментарности изложения материала [25, s. XVI]. Философ и будущий президент США Т. Джефферсон в своих «Заметках» (1787) предупредил читателя об особой композиции рассматриваемых сюжетов, их несовершенстве из-за недостатка информации [24, p. 3 (ненумер.)]. Похожую мысль о форме своих «Записок» (1798) для читателя высказал Я.М. Маркович: «Невозможно, кажется, и требовать, чтобы сей первый опыт трудов моих был без всяких погрешностей и недостатков» [13, с. 5–8 (ненумер.)]. Как можно заметить, исторические записки обладают соответствующими форме ограниченностью источниковой базы, композиционной дробностью (из записок), декларируемой незавершенностью проведенного исследования, изложением от первого лица. Указанные черты присущи очерковой форме историописания.

Таким образом, в структуре исторического знания России второй половины XVIII в. формируется очерковая форма историописания, которая была представлена логически близкими по видовым характеристикам разновидностями: «опыт», «начертание» и «записки». Дефинирующими признаками этого вида стали авторская позиция (испытание) и несовершенство / ограниченность наррации.

Источники и литература

1. Артог Ф. Мировое время, история и написание истории // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У. Н. Сідарцоў і інш. – Мінск: БДУ, 2007. – С. 13–23.

2. Ахенваль Г. Начертание истории нынешних знатнейших европейских государств / пер. с нем. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1779. – 353 с.

3. Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1977–1978.

4. Виноградов В. В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык»; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 1138 с.

5. Екатерина II. Записки касательно российской истории: в 6 ч.– СПб.: Имп. тип., 1787–1794.

6. Елагин И. П. Опыт повествования о России: сочинение Ивана Елагина, начатое на 65-м году от его рождения, лета от Р.Х. 1790, Двора его императорского величества обер-гофмейстера. – Кн. 1. М.: Универ. тип., 1803. – 532 с.

7. Ильинский М.[И.]. Опыт исторического описания о начале города Москвы, как и по каким причинам она основалась, кем и когда престол великокняжеский туда перенесен. – М.: Тип. А. Решетникова, 1795. – 98 с.

8. Крестинин В.[В.] Начертание истории города Холмогор. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1790. – 52 с.

9. Крестинин В.[В.] Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1785. – 55 с.

10. Маловичко С.И. Национально-государственный нарратив в структуре исторического знания XIX – начала XX века // Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века / Под общ. ред. Л. П. Репиной. – М.: Аквилон, 2018. – С. 464–505.

11. Маловичко С. И., Марухин В. Ф. Учебная книга по русской истории в системе презентации национально-государственной истории российской империи конца XVIII – 40 гг. XIX века // Преподаватель XXI век. – 2017. – № 4. – Ч. 2.– С. 282–299.

12. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Монография и очерк: опыт сравнительного источниковедческого анализа историографических источников // Профессия – историк (к юбилею Л. П. Репиной) / отв. ред. О. В. Воробьева. – М.: Аквилон, 2017. – С. 337–354

13. Маркович Я.[М.] Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях.– СПб.: При Губ. Правлении, 1798. – Ч. 1. – 114 с.

14. Миллер Г. Ф. Опыт новейшей истории России // Миллер Г.Ф. Избранные труды; сост., ст., примеч. С. С. Илизаров. – М.: Моск. учебн. и картолитогр., Янус-К, 2007. – С. 158–209.

15. Монтень М. Опыты: в 3 кн. / пер. с фр. А. С. Бобович. – М.; Л.: АН СССР, 1954–1960.

16. Нечкина М. В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. – М.: Наука, 1965. – С. 6–26.

17. Новиков Н.[И.]. Опыт исторического словаря о российских писателях. – СПб.: Тип. Акад. наук, 1772. – 276 с.

18. Пештич С.Л. Русская историография XVIII века: в 3 ч. – Л.: ЛГУ, 1961–1971.

19. Рычков П.[И.] Опыт Казанской истории древних и средних времян. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1767. – 246 с.

20. [Соковкин С.П.] Опыт исторического словаря всех в истинной православной греко-российской вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах. – М.: Тип. И. Лопухина, 1784. – 276 с.

21. Щербатов М.[М.] История российская с древнейших времен: в VII т. [15 ч.]. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1770–1791.

22. Drümel J. H. Versuch einer critisch-historischen Ausführung, wie die Russen von den Araratensern, als dem ersten Volcke nach der Sündfluth herstammen. – Nürnberg, 1744. – 32 s.

23. Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society / by Adam Ferguson. – Edinburgh: Printed for A. Millar & T. Caddel, MDCCLXVII [1767]. – 445 p.

24. Jefferson T. Notes on the State of Virginia. – London: Burlington-House, Piccadilly, 1787. – 395 p.

25. Nolde A.F., von. Notizen zur Kultur – Geschichte der Geburtshülfe im dem Herzogthum Braunschweig. – Erfurt: Henningeschen, 1807. – 383 s.

26. Ritter M., von. Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft an den Führenden Werken Betrachtet. – München; Berlin: Verlag von R. Oldenbourg, 1919. – 474 s.

27. The Oxford History of Historical Writing: in 5 vols. Vol.3: 1400–1800 / eds by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. – N.Y.: Oxford Univer. Press, 2012. – 750 p.

28. Phillips M.S. Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820. – Princeton: Princeton Univer. Press, 2000. – 569 p.

30. Thompson J.W., Holm B.J. A History of Historical Writing: in 2 vols. – N.Y.: The MacMillan Co, 1942.

31. Voltaire F.-M.A. Essay sur l'histoire générale, et sur les moeurs et l'esprit des Nations, depuis Charlemagne jusqu'à nos jours: 8 vol. – Genève: Cramer, 1761–1763.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.).

О. В. Матвеев
(г. Краснодар)

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ: М. В. МОХИР

В историю дореволюционного отечественного кавказоведения яркие страницы вписаны преподавателями начальных и средних учебных заведений, работавшими по специальной программе Управления Кавказского учебного округа. Учительские работы, выполненные по этим программам, предлагалось отправлять для публикации в редакцию «Сборника материалов для написания местностей и племён Кавказа».

Среди сотрудников этого замечательного издания, 46 выпусков которого внесли значительный вклад в развитие отечественного кавказоведения, был преподаватель, имя которого сегодня мало известно – Митрофан Васильевич Мохир. Лишь в 1963 г. М. О. Косвен посвятил ему несколько строк в своём обзоре этнографического изучения Кавказа в русской науке [1, с. 211], да тюркологи время от времени вспоминают кумыкско-русский словарь, созданный М. В. Мохиром [2, с. 131].

Между тем, в Государственном архиве Краснодарского края отложился формулярный список М. В. Мохира, позволяющий проследить этапы его служебной карьеры и общественной деятельности до начала 1913 г. Согласно этому документу, Митрофан Васильевич Мохир происходил из мещан города Нежина Черниговской губернии православного вероисповедания, родился 22 ноября 1855 г. [3, л. 1 об.].

Семья сумела помочь М. В. Мохиру получить высшее образование: в 1882 г. ему удалось окончить «на своем содержании» физико-математический факультет Императорского университета Св. Владимира [3, л. 1 об.]. Приказом попечителя Кавказского учебного округа от 31 августа 1882 г. выпускник в звании действительного студента был назначен преподавателем Хонской учительской семинарии [4, с. 373]. Это было среднее специальное учебное заведение, готовившее учителей начальных школ, которое располагалось в селении Хони Кутаисского уезда Кутаисской губернии. Здесь М.В. Мохир преподавал естественную историю и географию [5, с. 50–51].

За успешную службу в декабре 1885 г. он был награжден орденом Св. Станислава III ст., а в апреле 1887 г. чином коллежского асессора [3, л. 1 об.]. В июле 1887 г. М.В. Мохира назначили инспектором народных училищ Терской области, и он со своей семьёй переехал во Владикавказ. Инспектора народных училищ ценят: 22 декабря 1889 г. он был награжден орденом Св. Анны III ст. «за отлично усердную службу», в феврале 1888 г. произведен в надворные советники, в январе 1892 г. – в коллежские советники, в мае этого же года – в статские советники [3, л. 1 об. – 2].

Должность инспектора предполагала инспекционные поездки по казачьим станицам и горским селениям Терской области, где Митрофан Васильевич имел возможность наблюдать особенности быта, хозяйственной и культурной жизни местного населения. Он общается с казаками, осетинами, чеченцами, кумыками, интересуется их языком и нравами, доверяет свои впечатления бумаге. В 1893 г. 15-м выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» выходит его небольшая статья «Станица Наурская, Грозненского округа». М. В. Мохир описал географическое положение станицы, представил краткие исторические сведения о ней. Автор статьи рассказал о переселении в 1770 г. 517 семей волгских казаков и об основании пяти станиц по левому течению Терека, среди которых была и Наурская. Привел М. В. Мохир и современные ему статистические сведения о станице, отметив, что в ней проживает 4869 жителей (2418 мужчин и 2451 женщин), в том числе 4729 православных, 101 староверов, 27 армяно-григориан и 12 представителей других вероисповеданий (мусульман, иудеев и др.) [6, с. 144] Автор представил данные о земельных наделах станицы, отметил, что «главное занятие жителей – хлебопашество и виноградарство», назвал численность голов скота, перечислил торгово-промышленные заведения, упомянул о базаре по четвергам, «на который съезжаются жители ближайших станиц и аулов» [6, с. 144].

После статьи М. В. Мохира были выполнены более обстоятельные исследования Наурской, выполненные учителями В. Н. Пятирублевым и П. А. Востриковым, однако очерк Мохира был первым шагом в изучении этой замечательной станицы, а первым всегда труднее.

Инспектирование народных училищ привело М. В. Мохира в кумыкское селение Аксай или, как называли его сами жители – Ташкичу, что в переводе с кумыкского языка означало «Каменный брод». Это было глухой, но вместе с тем весьма примечательный горский аул. Во-первых, именно отсюда была родом Бэла, героиня драматической лермонтовской повести. Литературоведов долго вводила в заблуждение фраза одного из героев произведения Максима Максимовича. На вопрос «А вы долго были в Чечне?», штабс-капитан отвечал: «Да, я лет десять стоял там, в крепости с ротою, у Каменного Брода…». Не принимая во внимания конец фразы, многие уцепились за её начало: «стоял там» – следовательно в Чечне! На самом деле, как показал выдающийся лермонтовед Б.С. Виноградов, Максим Максимович «стоял с ротой» рядом в Дагестане, но не отделял службу в крепости от событий, происходивших в Чечне [7, с. 114]. К тому же, если бы Бэла была чеченкой, то откуда тогда в повести указание на её княжеское происхождение? Между тем, князья были у кумыков – соседей чеченцев. Князя в повести «Бэла» окружают уздени, несшие при нем службу. У чеченцев в XIXв. не было ни князей, ни узденей, которые были истреблены в ходе антифеодальной борьбы. Даже в вайнахских пословицах указывалось: «Пусть у волка из норы не вылезет волчок, пусть у князя из колыбели не вырастит князек» [8, с. 59].

У чеченцев немыслимо было, чтобы девушка сама подходила к мужчине, тем более – к русскому офицеру, и заводила с ним разговор. У кумыков же была распространена игра *сарын*, которая позволяла девушке обращаться к мужчине нараспев [9, с. 292].

Наконец, Печорин, чтобы разговаривать с Бэлой, нанял «духанщицу, которая «знает по-татарски». И сам «между тем учился по-татарски» – т.е. по-кумыкски. Всё это свидетельствует в пользу того, что Печорин и Максим Максимыч служили в крепости, в окрестностях которой находился аул Ташкичу, и были в гостях у местного князя.

Во-вторых, Ташкичу был примечателен тем, что здесь, во время инспекции М. В. Мохира учительствовал Андрей (Налык) Цаллагов – осетинский публицист, этнограф, общественный деятель,

который занимался просветительской деятельностью, собирательством фольклора, старался пробудить у горцев интерес к своей истории и культуре [10, с. 2]. Знакомство, по-видимому, переросло в доверительное общение, поддерживаемое содержательной перепиской. А. Цаллагов прислал Митрофану Васильевичу записи своих наблюдений над традиционной культурой аксайцев. М. В. Мохир по согласованию с учителем литературно обработал записи, дополнил, по-видимому, своими впечатлениями и опубликовал в виде статистико-этнографического очерка в XVI выпуске «Сборника материалов для описания и племен Кавказа». В этом же выпуске был опубликован очерк А. Цаллагова об осетинском селении Гизель. Его публикации, очевидно, также содействовал М. В. Мохир.

Очерк «Аксай (или Ташкичу) начинается с кратких исторических сведений. «До 1825 г. (по другим до 1823) Аксай (так называемый старый Аксай) был расположен над отрогами главного Кавказского хребта, при выходе из них реки Аксая (немного южнее бывшего укрепления Герзель-аульского, что на почтовом тракте из г. Грозного в Хасав-Юрт), но около 1825 г. аксаевцы, за убийство (как говорят старики) какого-то русского полковника или генерала, были выселены с гор и поселены на плоскости рядом с небольшим аулом Ташкичу. С течением времени население обоих аулов увеличилось новыми переселенцами, они (аулы) от этого значительно разрослись и наконец, слившись в один аул, получили общее название Аксая», – сообщалось в очерке [11, с. 30].

Автор привел данные о географическом расположении аула, реке Аксай, климатических условиях местности, почвах, животном и растительном мире, описал традиционные занятия и некоторые аспекты материальной культуры аксайцев. В этом описании примечательны хозяйственные постройки, которые М. В. Мохир называет корзинами. Сами кумыки подобные сооружения называли «алачык» (от двух тюркских слов «алды» и «ачик», что дословно означает «открытое впереди»). Исследование этого типа сооружений, считала видный исследователь кумыкской этнографии С. Ш. Гаджиева, «имеет большое значение для исследования этногенеза кумыкской народности» [12, с. 205]. Поэтому описание построек аксайцев, выполненное в очерке, пусть поверхностное, обзорное, непрофессиональное, все же позволяет внести небольшие штрихи в картографию и динамику эволюции форм алачыка с времен раннего средневековья.

Весьма поверхностно авторы сообщают о традиционной системе питания кумыков Ташкичу: «В пище аксаевцы прихотливы. Супы, борщи и другие подобные блюда у них неупотребительны. Главными пищевыми веществами служат: пшеничный (местный) хлеб, рис (в виде плова), молоко пресное и кислое; сыр, масло, баранина (шашлык и кябаб) и различные огородные овощи. Из горячительных напитков употребляют водку – *джапу* или *мусулес* и *бузу*. Пьют в общем много, если иметь в виду, что употребление горячительных напитков мусульманам воспрещается» [11, с. 36].

В это описание необходимо внести некоторые уточнения. Во-первых, традиционная кумыкская кухня, конечно же, богаче и разнообразнее, чем это показано в очерке. Странным выглядит указание на отсутствие супов: известно, что у кумыков широко была распространена «шорпа» с фасолью, рисом, лапшой, с мелкими кусочками теста, с пшеничной крупой, из кислого молока и др. Одним из повседневных блюд кумыкской бедноты был суп «гьаливахудур» из муки, масла и лука – самый простой по способу приготовления и весьма архаичный [12, с. 244]. Во-вторых, плов (пилав) употреблялся в качестве праздничного блюда и только состоятельными кумыками [12, с. 245]. В-третьих, джапа – скорее не водка, а кипяченый виноградный сок не крепече сухого вина, как и муселес, употребляемый в качестве легкого сладкого напитка [12, с. 248].

Достаточно закрытой осталась для авторов очерка и соционормативная культура кумыков Ташкичу, элементы которой они описали не без некоторого следования устоявшимся стереотипам и предубеждениям: «Аксаевцы народ довольно мирный, но воровство и убийства явления довольно частые; убийства, впрочем, вызываются исключительно кровной местью, да бывают еще иногда тайные убийства с целью воспользоваться наследством нераздельно. Характера аксаевцы скрытного и коварного; но сколько они заискивают и раболепствуют пред людьми сильными, настолько горды и жестоки со слабыми и подчиненными. Отец в семействе пользуется большим почетом; в его присутствии все домочадцы должны стоять; отец исполняет в семье все тяжелые работы. Жена de jure находится у мужа в полном подчинении; она исполняет главным образом домашние работы, но участвует также и в работах полевых и садовых. В заботах по дому матери помогают дочери, которые привлекаются к работам уже лет с 5–6» [11, с. 35].

Здесь необходимы некоторые оговорки. В адатах кумыков, собранных и систематизированных в 1865 г. в Кумыкском округе, убийство за убийство уже не предусматривалось, а имела место наряду с выселением убийцы «канлы» целая система выкупов и примирения [13, с. 300–301].

Канлы должен был покинуть селение на определенный срок от 3 до 10 лет, а его родственники по истечении месяца после совершения преступления должны были просить общество организовать примирение с родом убитого. Коварство, заискивание и раболепство зависят от личных качеств конкретных людей у любого народа, и вряд ли инспектору народных училищ стоило свои личные эпизодические впечатления распространять на всех аксайцев.

Явно несправедлив автор очерка в отношении характеристики обычая гостеприимства, когда отмечает, что последний имеет место «не столько от сердечной доброты, сколько из корыстных видов». «Мне раз пять, – сообщал М. В. Мохир, – приходилось присутствовать на угощении начальства, и ни одно такое угощение не прошло без того, чтобы хозяин не обратился с просьбой к угощаемому о предоставлении кому-либо из родственников такой или иной должности: переводчика, писаря и т.п.» [11, с. 35–36]. Вполне очевидно, что автор распространяет ситуативные моменты, связанные с решением социальных вопросов, на весь институт гостеприимства. Между тем в традиционной культуре кумыков имелось немало свидетельств тому, как отдельные семьи, принимая гостей, скрывали от них постигшие хозяина дома несчастья, устраивали богатое угощение даже в том случае, если в другой половине дома шло оплакивание умершего [12, с. 291].

В целом же очерк «Аксай (или Ташкичу)» страдает любительством, поверхностным взглядом и эпизодичностью, отсутствием вдумчивого отношения к культуре целого кумыкского селения. Однако несовершенство и очевидные даже для современников недостатки подобных работ будили кавказоведческую мысль, давали направление поиска для заполнения пробелов, акцентировали внимание на конкретных «местностях и племенах Кавказа».

Возможно, и сам Митрофан Васильевич чувствовал отсутствие глубины своих представлений о мире горцев Терской области, среди которых ему пришлось служить. Для расширения своих взглядов необходимо было преодоление языкового барьера, поэтому инспектор народных училищ решил взяться всерьез за изучение кумыкского (татарского) языка, который ещё во времена М. Ю. Лермонтова, был необходим на Кавказе «как французский в Европе» [14, с. 404]. По-видимому, работу М. В. Мохира в этом направлении направлял редактор «Сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа», выдающийся лингвист и литературовед Л. Г. Лопатинский, который успешно совмещал издательскую деятельность со службой окружного инспектора Кавказского учебного округа [15, с. 50]. Беседуя с горцами, инспектор стал набрасывать словарь кумыкских слов. К 1893 г. была собрана значительная рукопись, которую М. В. Мохир передал редактору «Сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа». Л. Г. Лопатинский опубликовал кумыкско-русский словарь М. В. Мохира в III-м разделе 17-го выпуска вместе с русско-кумыкским словарем, составленным заведующим Костековским училищем М. Г. Афанасьевым, а также с оригинальными кумыкскими текстами и своими заметками. «Хотя эти словари, – писал в предисловии Л. Г. Лопатинский, – по числу слов (около 2500) не могут считаться полными, он все-таки, как первый опыт в этом роде, принесут свою долю пользы. Слова пополнены из кумыкских текстов и проверены, под моим наблюдением, природными кумыками Сатваловым и Кичикбековым; позаимствованные же слова из арабского и персидского языков указаны магометанскими вероучителями Алиева и Омарова закона Закавказской учительской семинарии, Моллой-Абдуссалам-Ахунд-Заде и Абдул-Кадыр-Махмуд-Эфенди-Заде» [16, с. XII–XIII].

Словарь М. В. Мохира составил 45 страниц кумыкской лексики с русскими толкованиями. В словаре хорошо представлена система родства кумыков, которая отражает почтительное уважение к родственникам и людям старшего возраста: *анасыны-анасы* – бабушка по матери; *анасыны-атасы* – дедушка по матери; *анасыны-кыз-кардаши* – тётка по матери; *анасыны-улан-кардаши* – дядя по матери и др. [17, с. 51].

Словарь предоставил возможность познакомиться с особенностями социально устройства кумыков: *бii* – князь; *бiilемек* – завладеть, владычество; *бiiley* – владение; *бiiлiк* – княжество [17, с. 55]; *каршы-турмак* – восставать [17, с. 72]; *кыjiн-етмек* – притеснять; *казак* – работник, слуга; *казак-катын* – служанка; *цанка* – дворянин (первая степень дворянства), *сала* – дворянин (младшая степень дворянства); *сутчу* – судья, *зулму* – иго, бремя и др. Немало в словаре М. В. Мохира военной лексики, связанной с вооружением, военными действиями и военной службой.

Хорошо отражен в словаре быт кумыков, материальная культура и традиционные занятия: *уiлук* – хозяйство, домашность; *уi-mole* – избушка, землянка [19, с. 91]; *чалчi* – косарь; *чалы* – плетень; *чарлак* – чердак; *четен* – корзина; *чапхыр* – вино [17, с. 93]; *е'пмек* – хлеб; *кендыр-маi* – масло

постное; *тігмек* – строить дом; *калкы* – крыша; *опрак* – одежда, платье; *саздан* – глиняный; *хінкал* – лепешка, галушки; *хаба* – кувшин; *ханур* – тесто; *чуіјулук* – полотенце, утиральник, *будаі-тармак* – толочь и др.

Словарь дает немало примеров заимствований из монгольского, иранских, северокавказских языков, обогативших лексический состав кумыкского языка и свидетельствующий о его богатстве и духовном взаимодействии с земляками и соседями. Поэтому он представляет огромный интерес как для истории кумыкского языка, так и для истории кумыковедения и тюркологии в России в целом.

Высоко оценил словари М. Г. Афанасьева и М. В. Мохира видный кавказовед, этнограф и фольклорист В. Ф. Миллер. В своей обстоятельной рецензии Миллер отметил: «Несомненно, что специалисты по тюркским языкам оценят по достоинству новые и тщательно изданные материалы по одному из наименее исследованных языков этой семьи <...>. Не могу не отметить отрадного факта в кавказском языкознании: с тех пор, как управление Кавказского учебного округа <...> стало помещать в «Сборнике» в значительном количестве тексты на разных языках Кавказа, словари и исследования, – в кавказской лингвистике начинается новый период, который, можно надеяться, разъяснит многие темные вопросы касательно классификации этих языков и их истории. Особенно отрадно то, что на Кавказе, где нет ни академии, ни университета, нашлись в достаточном числе деятели из туземцев и русских, которые добросовестно собирая материалы и обрабатывая их по мере сил, содействуют заметному оживлению в изучении языков этого многонационального края» [18, с. 207]

С конца 1893 г. Митрофана Васильевича назначают на руководящие должности, и ему все труднее удается совмещать службу с учеными занятиями. 13 ноября 1893 г. Попечитель Кавказского учебного округа командирует М. В. Мохира для исправления должности директора учительской семинарии в Кутаисской губернии [3, л. 2 об.]. 10 лет он руководил этим учебным заведением, не щадя сил для подготовки народных учителей. За немалые заслуги на ниве народного просвещения он награждался чинами, денежными пожалованиями, орденами: 5 марта 1894 г. пожалован орденом Св. Станислава II ст., 1 января 1896 г. «за отлично усердную службу» – орденом Св. Анны II ст., 26 февраля 1896 г. – серебряной медалью на Александровской ленте «В память царствования императора Александра III», 1 января 1898 г. «за отличие произведен в Действительные Тайные Советники», 1 января 1901 г. награжден орденом Св. Равноапостольного князя Владимира III ст., 1 января 1904 г. – орденом Св. Станислава I ст. [3, л. 2–6 об.] …

Помимо прямых обязанностей в эти годы он не раз выполняет ответственные поручения Попечителя Кавказского учебного округа: возглавляет строительную комиссию по постройке здания для школы ремесленных учеников в 1898 г., командируется в селение Кулаши Кутаисской губернии для председательствования в комиссии по приемке здания Кулашисского нормального училища в ноябре 1898 г. В августе 1900 г. ему поручено помимо семинарии заведовать Хонской школой ремесленных учеников «как лицу, близко знакомому по устройству и открытию этой школы» [3, л. 3 об.]. Директор учительской семинарии является активным сторонником привития будущим учителям навыков владения ремеслом, которые можно будет в дальнейшем передавать детям.

Высочайшим приказом М. В. Мохир был назначен директором Владикавказского реального училища [3, л. 4 об.]. Это было известное учебное заведение, основанное еще в середине 70-х годов XIX века. Митрофан Васильевич отдавал все свои силы для воспитания и образования реалистов. Он добился возведения нового здания училища на собственном участке, которое было завершено накануне Первой мировой войны. Уровень преподавания в училище был поставлен высоко. Достаточно назвать выдающихся учеников М. В. Мохира, среди которых были будущий маршал инженерных войск М. П. Воробьев, ингушский просветитель и общественный деятель, экономист-аграрник В.-Г. Джабагиев, его брат Магомед Джабагиев – автор «Ингушо-чеченской азбуки» и главный агроном Терской области, выдающийся советский геодезист и картограф, изобретатель фотограмметрических приборов Ф.В. Дробышев, летчик-ас Первой мировой войны В. Н. Ртищев, один из первых чеченских писателей, этнограф и фольклорист Ибрагим-Бек Саракев и др.

При этом М. В. Мохир продолжал выполнять ответственные поручения Попечителя Кавказского учебного округа, приложив руку к открытию Грозненского реального училища, был членом Попечительского совета Владикавказской второй женской гимназии, командировывался в г. Ставрополь для участия в испытаниях учеников 5–7 классов мужской гимназии. Несколько

раз Мировым съездом Владикавказского мирового округа Митрофан Васильевич избирался Почетным мировым судьей, Председателем избирательных съездов по выборам в Государственную Думу [3, л. 4 об.–6 об.].

Свой земной жизненный путь М. В. Мохир завершил в разгар Гражданской войны, в 1919 г. [1, с. 211] Его кавказоведческое наследие невелико, гораздо больше он сделал на педагогическом поприще. Однако из подобных учительских краеведческих опытов создавалось пространство взаимопознания наших народов, возводился фундамент большого здания российского кавказоведения, отличавшегося системным междисциплинарным характером и высоким гуманизмом.

Источники и литература

1.Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Часть III // Кавказский этнографический сборник. – Вып. 3 / отв. ред. Л. И. Лавров. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1962. – С. 158–288.

2. Благова Г. Ф. История тюркологии в России (вторая половина XIX – начало XX в.): в 2 ч. – М.: Вост. лит., 2012. – 310 с.

3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 470. – Оп. 2. – Д. 5059.

4. Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом (ЦУКУО). – Тифлис, 1882. – № 9.

5. Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1885 год. – Тифлис, 1886. – Прил. III. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1886 года.

6. Мохир М. Станица Наурская, Грозненского округа // СМОМПК. – Тифлис, 1893. – Вып. 15. – Отд. I. – С. 141–144.

7. «Венок памяти» предтечам: к 100-летию Б. С. Виноградова (1910–1980) и А. И. Леоновой (1910–1991) / Сост. А. В. Виноградов, Б. В. Виноградов. – Грозный-Армавир, 2010. – 136 с.

8. Великая Н. Н., Виноградов В. Б., Хасбулатова А. И., Чахкиев Д. Ю. Очерки этнографии, чеченцев и ингушей (дореволюционный период). Учебное пособие. – Грозный: ЧИГУ им. Л. Н. Толстого, 1989. – 96 с.

9. Кумыки. Их игры, песни и обычаи / Из записок П. И. Головинского // Сборник сведений о Терской области. – Владикавказ, 1878. – Вып. 1. – С. 290–297.

10. Гостиева Л. К., Сокаева Д. В. Этнографическое изучение осетин в 90-е годы XIX века: Андрей Цаллагов // Современные проблемы науки и образования. – М., 2014. – № 4. – С. 1–7.

11. Аксай (или Ташкичу) / Описание составлено по данным, доставленным учит. Цаллаговым, инспектором народных училищ Терской области, Митр. Мохиром // СМОМПК. – Тифлис, 1893. – Вып. 16. – Отд. I. – С. 30–36.

12. Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 388 с.

13. Сборник адатов жителей Кумыкского округа. 1865 год. // Кавказ: Адаты горских народов. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. – Вып. IV. – С. 295–310.

14. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Издание 2-е, испр. и дополн. – Л.: Наука, 1981 – Т. 4. Проза. Письма. – 591 с.

15. Бекоева Т. А., Кусова Л. Б. Просветительская деятельность Л. Г. Лопатинского в Северо-Кавказском регионе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левоновича Хетагурова. – Владикавказ, 2010. – № 4. – С. 49–53.

16. Лопатинский Л. Г. Предисловие // СМОМПК. – Тифлис, 1893. – Вып. XVII. – С. I–XVI.

17. Мохир М. В. Кумыкско-русский словарь // СМОМПК. – Тифлис, 1893. – Вып. XVII. – Отд. III. – С. 49–95.

18. Миллер Всев. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск XV, XVI и XVII. Тифлис, 1893 // Журнал министерства народного просвещения. –СПб., 1894. – Ч. CCXCI. – Январь. – С. 185–207.

Е. Г. Муратова
(г. Нальчик)

ПРОБЛЕМА ГОРСКОЙ ОБЩИНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В отечественной историографии исследование горской общины началось в XIX в. и тесно связано с возникновением многочисленных общинных теорий. Общественно-политические взгляды того времени потребовали исторического обоснования происхождения сельской общины, изучения ее взаимоотношений с государственной властью, определения роли и значения общины в жизни крестьян. Сначала эти вопросы ставились и решались исключительно на русском материале. Так, своего рода толчком к дискуссии между западниками и славянофилами послужили исследования А. Гакстгаузена, который, как говорили, «открыл» крестьянскую общину в России. В 1857 г. в книге «Закавказский край» он описал и кавказскую общину, определил ее роль в землевладении и землепользовании, показал мирское самоуправление и фискальный характер этой организации [3, с. 68, 71].

Новый виток в исследовании горской общины отмечается в 80-х гг. XIX в. Так, С. А. Егиазаров, отмечая, что русская земельная община изучена довольно обстоятельно, задался целью изучить сельскую организацию в Закавказье. Он рассмотрел генезис общинной организации, ее сословный характер, органы суда и управления, а также проследил изменения, которые имели место в общине в пореформенный период. С. А. Егиазаров одним из первых указал, что кавказская сельская община состояла из разнородных общественных элементов, и это придавало ей всесословный характер [4].

После включения Северного Кавказа в состав Российской империи перед властями стала задача административного управления краем, что привело к интенсивному изучению обычного права горцев. Занимаясь этой проблемой, профессор Одесского университета Ф. И. Леонтович в 1882 пришел к выводу, что в 40-х гг. XIX в. горская община представляла собой «переходную форму от кочевого быта к организованной территориальной общине» и, что современная ему община не сделала большой прогресс: «Она оставалась в существенных чертах такою же, какою была назад тому четыре десятилетия» [7, с. 408]. Этот взгляд был воспринят многими последующими авторами, придерживающимися теории родового быта горцев Северного Кавказа.

Пожалуй, очерк Ф. Щербины, опубликованный в «Северном вестнике» в 1886 году, - единственная в дореволюционной историографии работа обобщающего характера об общинной организации горцев. Ф. Щербина, как и большинство исследователей того времени, несколько архаизировал общественные отношения северокавказских народов и определял соседскую, территориальную общину горцев как родовую. Важно, что он рассматривает развитие кавказской общины в универсально-историческом плане: «между кавказскою общиною и общинами других народов не существует никакого различия. Отличие ее заключается, прежде всего, в известной стадии развития и затем в тех особенностях, которые были следствием местных естественных и исторических условий» [12, с. 131, 162].

Основные положения о горской общине, сформулированные учеными XIX в., получили свое развитие в современном отечественном кавказоведении. Положил начало этому направлению еще М. О. Косвен. Одним из первых он пришел к мысли о том, что глубокое исследование традиционных общественных институтов, прежде всего общины и ее структурных составляющих, позволит правильно оценить уровень социально-экономического развития северокавказских народов и специфику феодализма на Кавказе. По его мнению, в период военной демократии, на базе складывавшихся экономических отношений определенных групп населения, возникали общества, социальные интересы которых требовали создания органов управления, выделения территории и установления определенных законов на основе соответствующих норм общежития. Особое место принадлежит М. О. Косвену в разработке традиционных общественных институтов, большой семьи, патронимии и других структурных элементов общины [5].

В 1960–1970-е гг. определенные успехи были достигнуты в области теоретической разработки процессов становления и развития феодального строя на Северном Кавказе. Исследователи фокусировались на выявлении особенностей процесса феодализации у горцев Северного Кавказа, а также изучении сельской общины с точки зрения так называемого «горского феодализма». При этом оформились различные концептуальные подходы. Одни ученые (А. И. Робакидзе, Г. А. Ме-

ликишвили, В. Б. Виноградов и др.) были склонны рассматривать уровень развития феодальных отношений северокавказских обществ в рамках «горского феодализма» как «раннефеодальный», точнее даже как «дофеодальный» или «протофеодальный», социально-политической основой которого являлась «община без первобытности», а также без сколько-нибудь оформленных признаков классовых различий и соответствующих форм политической власти. Характерными чертами «горского феодализма» были названы: сохранение личной свободы основной массой крестьянства и их права на землю; управленческий характер власти господствующего сословия; отсутствие у феодалов в большинстве случаев наследственной собственности на средства производства и на личность производителя. Большинство кавказоведов в то время не поддержало этих теоретических построений, хотя они, безусловно, придали импульс дальнейшим исследованиям.

Другое направление в советской историографии 1960–80-х гг. по проблемам горского общества вело исследование социально-экономических вопросов строго в рамках феодальной формации и стремилось вывести своеобразие феодальных отношений у северокавказских горцев из естественно-географических и исторических особенностей. Именно в этом теоретическом русле осуществлялась разработка, например, основных проблем истории Балкарии XVII–XIX вв. Так, Т. Х. Кумыков полагал, что в первой половине XIX века феодализм в Балкарии «продолжал развиваться вглубь и вширь за счет общинных земель», при этом он рассматривает балкарскую общину как общину феодальную, сохранившую некоторые специфические черты патриархально-родового быта, наполнившиеся новым содержанием. По сравнению с Кабардой исследователь отмечает «смягченный характер» феодализма в Балкарии, подчеркивая, что общественные отношения не достигли там уровня крепостничества [6, с. 144, 160]. При этом сельская община балкарцев зачастую рассматривалась как пережиточная форма первобытнообщинных отношений, как неуклонно разлагающийся институт [1, с. 36]. Или же исследователи исходили из схемы, что сельская община народов Северного Кавказа складывалась по образцу германской марки и в сравнительно короткий срок переродилась в феодальную [9, с. 136]. А. И. Мусукаев в своих трудах постоянно обращался к этой теме. Определяя место общины в социально-политическом аспекте, он считает, «что на Северном Кавказе в связи со спецификой социально-экономических и военно-политических условий в XIX в. так и не сложилась государственность. Примитивными предшественницами непрочных государственных объединений, что соответствовало уровню феодальных форм хозяйства, были сельские общины» [9, с. 131].

Неслучайно в это время внимание кавказоведов концентрировалось на проблемах горской общины, являвшейся основной формой самоорганизации общественных единиц как в традиционную эпоху, так и в период включения в административно-правовое пространство Российской империи. В дальнейшем общинная проблематика займет одно из центральных мест в формировании концепции «горской цивилизации».

В результате к концу 1980-х гг. были составлены достаточно полные историко-этнографические описания общины практически всех народов Северного Кавказа. Р. Л. Харадзе исследовала сельско-общинный быт горных ингушей; А. Х. Магометов – сельскую общину у осетин; Э. Л. Коджесау и В. Х. Кажаров – у адыгов; В. П. Невская и Т. А. Невская – у карачаевцев; З. И. Хасбулатова – у чеченцев; Е. Н. Данилова – у абазин; Ю. Ю. Карпов – у горных чеченцев и ингушей; Б. Р. Рагимова – у самурских лезгин; М. А. Агларов – сельскую общину в нагорном Дагестане. Изучение локальных моделей северокавказской общины велось в широком теоретическом контексте, а также на фоне серьезных исследований по истории русской общины и многочисленных историографических обобщений по этой проблеме. Был получен обширный сравнительный материал, что позволило В. П. Невской наметить основные типы горской общины, показать специфику и общие закономерности ее развития в феодализирующихся горских обществах Северного Кавказа [10], а также определить основные направления в изучении этого института, среди них - генезис сельской общины, ее экономическая основа, социальная стратификация, землевладение и землепользование, трансформация общины под воздействием развития феодальных отношений, перемены в общинном строе в пореформенный период [11]. В наших работах были предприняты попытки решить поставленные задачи на материале балкарской общины XIX в. [2, 8].

При этом следует подчеркнуть, что вклад Валентины Павловны Невской в изучение этой многоаспектной проблемы трудно переоценить, на основе ее серьезных обобщений продолжается исследование северокавказской общины и в настоящее время.

Источники и литература

1. Азаматов К. Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1968. – 108 с.

2. Битова Е. Г. Социальная история Балкарии XIX века. (сельская община). – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 176 с.

3. Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями: В 2 ч. – СПб., 1857. – Ч.1. – 215 с.

4. Егиазаров С. А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. – Ч.1: Сельская община. – Казань: Типогр. Импер. ун-та, 1889. – 336 с.

5. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. – М.: Вост. лит., 1961. – 259 с.

6. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. – 420 с.

7. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Вып.1. – Одесса, 1882. – 439 с.

8. Муратова Е. Г. Историографические итоги изучения истории Балкарии XVII-XIX веков // Кавказский сборник. – Т.6 (38). – М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. – С. 147–156.

9. Мусукаев А. И. Об обычаях и законах горцев. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 152 с.

10. Невская В. П. Сельская община и феодализация горских обществ Северного Кавказа // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1980. – 90 с.

11. Невская В. П. Проблемы сельской общины у горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы: Обществ. науки. – 1985. – №1. – С. 41–47.

12. Щербина Ф. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. – 1886. – №1. – С. 124–165.

И. М. Назарова
(г. Ставрополь)

ВКЛАД В. П. НЕВСКОЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ

Валентина Павловна Невская – удивительный человек, о котором писать очень трудно, так как она была признанным ученым уже при жизни. О ней написана масса статей и брошюр, в которых Валентина Павловна предстает как исследователь, открывший миру историю и культуру карачаевского народа; ученый, который отредактировал массу статей и книг; профессор, воспитавший десятки студентов и аспирантов; человек – удостоенный звания Женщина года (1993 г.) [2, с. 6].

Автору этих строк посчастливилось быть студенткой и аспиранткой профессора Невской, поэтому я знаю Валентину Павловну как прекрасного педагога и научного руководителя.

Валентина Павловна всегда была образцом для своих учеников во всех смыслах: безукоризненно знала и излагала научные факты, очень корректно подавала сложный дискуссионный материал, который требовал доработки, всегда тщательно исследовала исторические источники, для этого бесконечно много времени проводила в архивах. И самое главное – она буквально «заражала» своим отношением к работе. Хотелось ей подражать, следовать за ней, быть достойным ее дружбы.

Безусловно, Валентина Павловна казалась нам, студентам, неким небожителем научной сферы, человеком недосягаемым и по уровню интеллекта, и по уровню образованности. Но она сама, вероятно, таковой себя не считала. Валентина Павловна часто говорила: «Никакого особого таланта у меня нет, просто я усидчивая! Захожу в библиотеку или архив, а там столько интересного!».

Именно благодаря Валентине Павловне многие мои однокурсники стали учеными, именно она привила нам любовь к анализу архивных документов, сравнению и сопоставлению исторических фактов.

Сама Валентина Павловна была необыкновенной труженицей. Об этом свидетельствует её биография. Начав свою научную карьеру как исследователь истории Византии, она, в силу ряда

причин, переориентировалась на изучение истории и культуры народов Северного Кавказа, и сделала это блестяще!

Вторая половина 1950-х гг. вошла в историю нашей страны как время реабилитации безвинно пострадавших от сталинских репрессий людей и даже целых народов. Когда в 1957 г. получили право вернуться на историческую родину карачаевцы, Валентина Павловна обратила внимание на то, что история этого народа очень плохо изучена и освещена. Молодой ученый поставила перед собой задачу: исправить эту ситуацию! Кстати, в то время В.П. Невская была единственным в Карачаево-Черкесском НИИ сотрудником, имевшим степень кандидата исторических наук.

Имея научную интуицию и немалый опыт работы в архивах и библиотеках, Валентина Павловна стала планомерно изучать имеющиеся там документы, карты и описания, посвященные карачаевскому народу. Статьи дореволюционных отечественных исследователей содержали богатый фактический материал, но не раскрывали полностью всю панораму жизни народа. Поэтому В. П. Невская приступила к планомерной и хорошо продуманной экспедиционной работе. В течение многих лет она регулярно объезжала горные аулы, в которых беседовала со старожилами и своим аккуратным мелким почерком все ими рассказанное заносила в походные блокноты и тетради.

В начале 2019 г. целая стопа этих экспедиционных дневников разных лет была передана дочерью Валентины Павловны Татьяной на хранение в архив Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (СГМЗ) [11].

Собранный полевой материал был дополнен архивными данными, и это стало базой для научного обобщения. В числе первых публикаций по изучаемой проблематике стали книги и статьи, в которых В. П. Невская освещала вопросы социально-экономического развития Карачая, а также аспекты материальной и духовной культуры народа [4; 5; 8].

Чтобы основательно изучить этническую историю народа, Валентина Павловна стала прорабатывать и анализировать археологические изыскания, которые проливали свет на ранние этапы исторического пути карачаевцев.

Итогом многолетней работы в экспедициях, библиотеках страны и архивах стали монографии Валентины Павловны, принесшие ей научную славу, а также уважение и любовь карачаевского народа [1; 3; 6].

Собранный материал лег в основу докторской диссертации В. П. Невской, а она стала, по сути дела, основателем нового научного направления в кавказоведении – комплексное изучение этнической истории, хозяйства и культуры карачаевцев [7].

На протяжении своей долгой и плодотворной научной деятельности Валентина Павловна неоднократно принимала участие в различных конференциях и конгрессах. Зная её, как человека, блестяще владеющего научным стилем изложения материала, Валентине Павловне часто доверяли нелёгкую задачу: редактировать статьи в научных сборниках и коллективных кавказоведческих трудах [9; 10].

Всё, за что бы ни бралась Валентина Павловна, она делала великолепно, достойно, высокопрофессионально. Именно поэтому она навсегда останется в памяти своих учеников и коллег, как образец трудолюбия, научной пунктуальности, корректности и невероятной интеллигентности, а для многих поколений благодарных читателей – как автор умных, интересных, открывающих новый мир книг.

Источники и литература

1. Невская В. П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск: Карачаево-черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1972. – 216 с.

2. Невская Валентина Павловна. Био-библиографический очерк / Сост. Б. И. Нарожный / Под ред. С. Л. Дударева. Вып. 5. Армавир, 1994. – 16 с.

3. Невская В. П. Введение, главы 1, 2, 4, 5, 6 // Карачаевцы: историко-этнографический очерк. Черкесск: Карачаево-черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1978. – 336 с.

4. Невская В. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Труды карачаево-черкесского НИИ. Черкесск: Книжное издательство, 1959. Вып. 3. С. 84-207. (Серия историческая). – 240 с.

5. Невская В. П. Карачаевцы // Народы Карачаево-Черкесии: историко-этнографический очерк. Ставрополь, 1957. С. 15–57. – 222 с.

6. Невская В. П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь: Книжное издательство, 1964. – 224 с.

7. Невская В. П. Карачай в XIX веке. Эволюция аграрного строя и сельской общины. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Черкесск, 1966. – 54 с.

8. Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск: Книжное издательство, 1956. – 168 с.

9. Невская В. П. Развитие края в пореформенный период. Культура края во второй половине XIX – начале XX веков // Край наш Ставрополье: очерки истории / Науч. ред. Кочура Д.В., Невская В. П. Ставрополь: Шат-гора, 1999. С. 130–186. – 528 с.

10. Невская В.П. Эпоха великих реформ. Культура городов края и просвещение во второй половине XIX – начале XX века // История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 года: региональный учебник. Ставрополь: СКИПКРО, 1996. С. 158–172, 236–261. – 304 с.

11. СГМЗ. Оф. М.д. (Невская В. П.) 1814.

В. В. Ноздринов
(г. Ставрополь)

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА НА СТАВРОПОЛЬЕ И В. П. НЕВСКАЯ

К началу 1970-х. годов историческая наука на Ставрополье была представлена коллективом талантливых историков, подготовленных предыдущим периодом. Основную роль в продвижении исторического образования и науки играл Ставропольский педагогический институт и кафедра истории. На 1970 год кафедра истории СГПИ представляла из себя следующий коллектив: профессор, д.и.н. В. А. Романовский, доценты: д.и.н. П. А. Шацкий, к.и.н. Т. М. Минаева, к.и.н. Н. В. Василенко, к.и.н. В. М. Тупикин, к.и.н. Н. И. Иванько, к.и.н. Л. Н. Савельева, к.и.н. Т. И. Беликов, к.и.н. Ф. П. Тройно, старший преподаватель М. П. Заикин, ассистенты З. Я. Манина и Л. Д. Смольнякова [4, л. 113]. По отношению к предыдущим годам кафедра заметно увеличила свой объём научной работы. В отчёте по научной работе за 1970 год было указано: П. А. Шацкий защитил докторскую диссертацию [3]; Т. М. Минаева написала монографию об истории Алан [17]; кафедра писала отзывы на фундаментальные труды по различным периодам и проблемам истории СССР и других стран, упоминания заслуживает отзыв на макет учебного пособия академии наук: «Новейшая история стран Западной Европы и Америки (1945–1967)» написанный под руководством В. А. Романовского [3, л. 65]; кафедра создавала собственные хрестоматии по различным проблемам (археологии, методике истории) [3, л. 113], опубликовала хрестоматию работ В. И. Ленина [3, л. 58]; члены кафедры ездили на ежегодные всесоюзные симпозиумы по аграрной истории Восточной Европы организованные академией наук. На рижской сессии во вступительном слове оргкомитета было отмечено, что: «Из числа педагогических институтов выделялись Смоленский и Ставропольский, где уже сложились научные центры по разработке истории своего края» [10, с. 4].

После смерти В. А. Романовского 16 февраля 1971 года временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой был назначен доцент П. А. Шацкий, 24 сентября окончательно избран по конкурсу [7, л. 1]. По кафедре истории СГПИ образовалась вакантная должность профессора, также на историко-филологическом факультете давно назрела необходимость создания кафедры всеобщей истории, которая наряду с кафедрой методики историки работала до объединения в 1955 году.

Валентина Павловна Невская – доктор исторических наук, профессор, кавказовед, заведующая сектором истории Карачаево-Черкесского НИИ, один из известнейших историков своего времени. Летом 1971 года она переехала в Ставрополь, оставаясь старшим научным сотрудником Черкесского НИИ занимая половину ставки. 17 августа она была назначена доцентом по кафедре истории СГПИ, а 28 сентября В.П. Невская была утверждена в должности профессора, доктора по специальности истории древнего мира [4, л. 19].

Кафедра истории в лице профессора В. П. Невской значительно обогатила поле своих научных изысканий. С её приходом были сформулированы новые научные проблемы: история античности и народов Северного Кавказа. Несмотря на наличие отдельных работ по истории кочевых

и горских народов Предкавказья, написанных преподавателями СГПИ в предыдущие годы, академическая разработка данных вопросов началась только в начале 1970-х. годов на базе новой кафедры.

В Ставрополе В. П. Невская, будучи авторитетным учёным, была избрана кандидатом в члены Ставропольского горкома КПСС, членом парткома КПСС, числилась одним из членов краевого совета общества по охране памятников истории и культуры, консультировала и оказывала методическую помощь молодым преподавателям вузов и учителям города и края [4 л. 33].

В. П. Невской было поручено чтение лекций по истории древнего мира. Учёная, долгое время занимавшаяся в НИИ лишь наукой с удовольствием взялась за обучение студентов истории древнего востока, античности, древней мифологии и культуры. История древнего мира всегда вызывает широкий интерес у студентов, однако Валентина Павловна – представительница московской школы антиковедов, известный (в том числе за рубежом) специалист по истории византийского полиса (Константинополя) в классический период, смогла по-настоящему увлечь студентов древней историей, преподавание которой с её приходом было поставлено на совершенно новый уровень. Огромное значение в её преподавательской деятельности было уделено работе с источниками. Студенты изучали «Законы Хаммурапи», «Законы XII таблиц», анализировали и пытались вдумчиво комментировать источники. Валентина Павловна считала, что история – это не только заучивание дат, персоналий и событий, а в первую очередь анализ и понимание, поиск связей, причин и возможных вариантов [18 с. 11]. Валентина Павловна вела и была вдохновителем создания нескольких студенческих кружков по истории народов Кавказа, античности, средневековья, которые существовали десятилетиями и руководство которыми приняли ученики В. П. Невской.

Стоит отметить, что В. П. Невская плохо относилась к формуле «История не имеет сослагательного наклонения», «Будущее всегда вариативно, оно очень не любит» эту фразу, она «для людей ленивых и не любящих думать» [18 с. 11]. Эта идея плохо коррелируется с задачами, поставленными перед новой кафедрой всеобщей истории, в создании которой В. П. Невская сыграла решающую роль. Среди этих задач: подготовка студентов к работе по ленинской тематике; социально-экономическое развитие Северного Кавказа, прогрессивное значение его присоединения к России и раскрытие соответствующих закономерностей; совершенствование учебного процесса в школе.

В апреле 1976 года была образована кафедра всеобщей истории в составе 5 преподавателей: заведующая кафедрой, профессор В. П Невская, доценты Ф. П. Тройно, Н. В. Василенко, старшие преподаватели Л. Н. Савельева, И. П. Заикин [9 л. 29]. Первое время разделение кафедр истории СССР и всеобщей истории было лишь формальностью, даже заседания кафедр проходили совместно [8 л. 95]. Через 2 года в СГПИ был воссоздан исторический факультет, что положительно сказалось на образовательном, научном процессе, выросла материально техническая база [6]. В том же году по инициативе В. П. Невской была создана аспирантура по кафедре всеобщей истории с лимитом 2 места в год. Таким образом В. П. Невская в Ставрополе поспособствовала созданию школы кадров высшей категории в области зарубежной истории [5].

В Ставрополе Валентина Павловна продолжала заниматься историей Северного Кавказа. Ежегодно кафедрой издавался важный сборник статей «История горских и кочевых народов Северного Кавказа» [12]. Она приняла участие в написании крупного труда «Карачаевцы» [14]. Валентина Павловна сыграла важную роль в подготовке многотомной истории народов Северного Кавказа – фундаментальное издание АН СССР. В. П. Невская была одним из инициаторов создания труда, проделала огромную работу убеждая научное сообщество в необходимости и возможности реализации такого проекта. В подготовке этого издания принимали участие научно-исследовательские институты кавказских автономий, профильные центральные институты АН, а также Северо-Кавказский научный центр [3 с. 6]. В. П. Невская входила в число авторов и кураторов глав, была заместителем ответственного редактора 2 тома академика А.Л. Нарочницкого. Её перу принадлежат 5 глав книги из 16 [18 с. 10]. Ещё одним важным трудом «ставропольского» периода творчества В. П. Невской является сборник документов «Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Карачаево-Черкесии (1790–1917)» – плод многолетней работы архивах [18].

Не осталась без внимания профессора и история Ставрополья. Валентина Павловна выступала соавтором и редактировала важный труд П. А. Шацкого – школьный учебник «История

Ставропольского края с древнейших времён до 1917 г.» [13]. В. П. Невская принимала активное участие в публикации «Энциклопедического словаря по истории Кубани», в котором было опубликовано 23 статьи учёной [20]. В. П. Невская также являлась научным редактором и одним из авторов важного коллективного труда «Край наш Ставрополье. Очерки истории.» [15] и двухтомных «Очерков истории Ставропольского края» [19]. В конце 1980-х. В. П. Невская приняла участие в создании «Истории городов и сёл Ставропольского края» [11], а также подготовке «Истории крестьянства Северного Кавказа» [16].

Валентина Павловна Невская значительно обогатила сложившееся в предыдущие годы сообщество историков Ставрополья, заложила основы изучения всеобщей истории на совершенно ином по отношению к предыдущему периоду уровне.

Источники и литература

1. Архив Северо-Кавказского федерального университета. Ф. 264. Д. 1607.
2. Виноградов В.Б. Невская Валентина Павловна. Био-библиографический очерк. Российские исследователи Кавказа. Серия истории, археологии, этнографии. Вып. 5. Армавирский государственный педагогический институт. Армавир. 1994.
3. ГАСК Ф. 1871 Оп. 1. Д. 637.
4. ГАСК Ф. 1872 Оп. 1. Д. 673.
5. ГАСК Ф. 1872 Оп. 1. Д. 896.
6. ГАСК Ф. 1872. Оп. 1. Д. 108.
7. ГАСК Ф. 1872. Ofп. 1. Д. 751.
8. ГАСК Ф. 1872. Оп. 1. Д. 978.
9. ГАСК Ф. 1872. Оп. 1. Д. 999.
10. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 год. Рига. 1962.
11. История городов и сел Ставрополья: краткие очерки (науч. ред. А.А. Кудрявцев, Д.В. Кочура). 2002. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. 702 с.
12. История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып. 1–4. Ставрополь. 1974–1980.
13. История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 года. учебник для общеобразоват. Школ / В. П. Невская – Ставрополь: СКИПКРО, -1996. -304 с.
14. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / Под ред. Лаврова Л. И. – Черкесск, 1978.
15. Край наш Ставрополье Очерки истории / В. П. Кочура, В. П. Невская. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – 528 с.
16. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Ростов-на-Дону, 1990.
17. Минаева Т. М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь. 1971. – 246 с.
18. Невская Т. А. Беликов А. П. К 90-летию Валентины Павловны Невской. // Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально-политических трансформаций XX века / Отв. ред. А. Н. Еремеева. – Краснодар: изд. «Кубанькино», 2009.
19. Очерки истории Ставропольского края: [в 2-х т. / редкол.: А. А. Коробейников (отв. ред.) и др.]. – Ставрополь: Книжное изд-во, 1984.
20. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года / Адм. Краснод. края; [сост., науч. ред. и рук. авт. коллектива Б. А. Трехбратов]. – Краснодар: Эдви, 1997. – 560 с.

Т. Е. Покотилова
(г. Ставрополь)

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Жизнь, при всей насыщенности ее, особенно в России, событиями, скоротечна. Конечно, начинаешь это понимать со временем, проживая ее. И очень многое в том, как рано ты это поймешь и какие выводы для себя сделаешь, определяется, в числе многих других факторов, тем, есть ли у тебя хорошие проводники по жизни – родители, наставники, учителя. Я в этом плане – счастливый человек.

Валентина Павловна Невская – одна из таких важных для меня людей. И счастье, что встреча с ней в неизведанном ранее для меня качестве – студентки, состоялась буквально в начале студенческой жизни. Уже в первом семестре студентам первого курса факультета истории и английского языка Ставропольского государственного пединститута Валентина Павловна читала «Историю древнего мира». Стройная, уместно и со вкусом одетая, эмоционально стабильная, в совершенстве владеющая предметом и умением донести его содержание до аудитории так, чтобы та захотела погружаться в него все глубже, – этого уже более, чем достаточно для того, чтобы говорить о человеке, как о настоящем преподавателе-профессионале. Но для меня не менее важным было непреходящее и постоянно реализуемое Валентиной Павловной стремление через транслируемые ею знания приобщать нас к жизни, что называется социализовать. Казалось бы, знакомясь с историей древности, ты мог воспринимать материал отстраненно, в лучшем случае, как яркую сказку со многими научными подробностями. Нет, подача материала Валентиной Павловной заставляла, зачастую, как минимум, сопереживать, и многому учиться, приобщаясь к историческому опыту тех, кто жил значительно раньше тебя и в совсем иных условиях, создавал или разрушал цивилизации, приобщался к новым религиям и иным судьбоносным идеям и т.д., оставаясь при этом людьми, проживавшими, как и ты, жизнь со всеми ее атрибутами, сопровождающими ее плюсами и минусами, бонусами и потерями. Думаю, это во многом укрепило меня в постоянном стремлении учиться социальному опыту не только через практику собственной жизни, а и знакомясь с опытом жизни предыдущих поколений через изучение истории. И сейчас, когда я в качестве профессора кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета прихожу к студентам-историкам с предметом «История культуры России», я не только говорю им об их уникальной возможности изучать опыт всего человечества, но и через материал своей дисциплины помогаю им понять, как строить свою жизнь в России – уникальной многонациональной стране «загадочных русских душ» со своим многовековым опытом как создания, так и преодоления проблем, не имеющим аналогов в мировой истории. Надо только видеть глаза парней и девчонок, рассказывающих на отдельном занятии об истории своей семьи, до самых доступных в источниках ее колен, в контексте истории нашей страны и ее культуры. Уверена, что, придя в школу, уже в качестве учителей, мои студенты смогут стать настоящими проводниками в жизни для новых поколений, научив их уважать опыт собственного и других народов и обращаться к нему в своей жизни. Спасибо, Валентина Павловна, за науку.

А, если говорить о настоящей российской науке, и о вкладе В. П. Невской в ее развитие, то здесь тоже есть чему у нее учиться. Учиться отношению к самой науке: добросовестности и честности в научной работе, стремлению исследовать то, новое знание о чем принесет пользу не только в науке, но и на практике, уважению к достижениям предшественников, постоянному стремлению приобщить к научным технологиям как можно больше студентов.

Первый мой опыт создания научного труда в виде доклада на всесоюзной научной студенческой конференции связан с патронажем со стороны Валентины Павловны, это было исследование по истории древнего Причерноморья. Как работать с источником, как писать историографический очерк, как работать с научным аппаратом, - знание об этом, полученное от нее, очень пригодилось в развитии собственной научной карьеры.

Стараюсь следовать правилу Валентины Павловны и в уважительном отношении к предмету научного исследования. У нее представление об этом правиле распространялось и на стремление организовать презентацию выявленного научного результата в максимально корректной форме, не искажающей при этом добытую научную истину. Ведь история – это чья-то жизнь в прошлом,

и новое научное знание о ней не должно излагаться провокационно. Когда в 2000-е годы я работала председателем ГАК в Карачаево-Черкесском госуниверситете на историческом факультете, имела возможность убедиться в продуктивности такого подхода. Известно, что Валентина Павловна в своей докторской диссертации изучала Карачай в XIX веке и смогла на широчайшем круге источников не только всесторонне представить историю дореформенного и пореформенного Карачая, но и сделать это максимально корректно в ситуации проведения исторических сравнений и параллелей. И я увидела непреходящую благодарность и уважение со стороны разных поколений представителей карачаевского народа к профессору Невской не только за ее профессиональный интерес к своей истории, но и за то, как уважительно она это делала. Думаю, что на первом году моей работы в Карачаевске именно статус ученицы Валентины Павловны стал определяющим в выстраивании деловых и личных отношений. И как приятно осознавать, что твое отношение к Учителю разделяют и люди, далекие от истории как науки, – среды плеяды известных в Республике людей, запечатленных в камне на центральной площади г. Карачаевска, – фигура Валентины Павловны Невской, доктора исторических наук, профессора, блестящего преподавателя-историка и настоящего человека.

Б. Ристовска-Йосифовска
(г. Скопье, Македония)

НИКОЛАЙ НЕЗЛОБИНСКИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВЫХ МАКЕДОНСКИХ МУЗЕЕВ И ОРГАНИЗАЦИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПЕРЕДАЧА ЗНАНИЙ ЧЕРЕЗ МИГРАЦИЮ *

Обмен и передача знаний являются важными движущими силами исторических процессов. Географические регионы как Кавказа, так и Балкан, всегда были ареной движений, перекрестков экономических и культурных движений, а их связь становится понятной если принять во внимание миграционные движения как важную часть их истории. В этом случае мы концентрируем внимание на влияние миграций для передачи знаний в процессе формирования македонских музеев и организаций здравоохранения.

В связи с этим в данной статье основное внимание мы уделяем деятельности доктора Николая Незлобинского (1885–1942), который был родом из Пятигорска – старейшего бальнеологического и грязевого курорта Кавказских Минеральных Вод. Впоследствии в результате Первой мировой войны он переехал в Македонию (на территорию сегодняшнего македонского государства)[1]. Николай Незлобинский сыграл важную роль в истории создания первых македонских учреждений культуры. Он был врачом, который эмигрировал из России вместе со своей женой, и поселился в городе Струга (исторически значимый македонский культурный центр, расположенный на Охридском озере).

Он родился в 1885 году в семье Антона Незлобинского (1847–1899) – лесного инженера, одного из первых и самых известных российских инженеров [3, с. 343–399], изобретателей и исследователей минеральных источников района Кавказских Минеральных Вод [4, с. 331][2]. Антон Незлобинский отличился своими заслугами инженера, геолога и минералога на Кавказе и в Закавказском крае, поэтому в 1885 году российский император Александр III наградил его орденом «Святого Станислава» третьей степени, а в 1895 году император Николай II ч наградил его орденом «Святой Анны» третьей степени [9, с. 9]. Он оставил большой след в истории развития

[1] Этнографическая целостность Македонии (которая была в течение пяти веков под Османской империей) во время Балканских войн (1912-1913) была раздельена между соседними странами. Тогда территория современного македонского государства была передана Сербии и, таким образом, потом стала частью Корольевства Сербов, Хорватов и Словенцев (далее Корольевство СХС).

[2] Один из источников был устроен в 1871 году в родниковой бане, названной *Михайловским источником*, в честь великого князя Михаила Романова, но с 1927 года источник был назван *Незлобинский*, в честь Антона Незлобинского [2, с. 109; 5, с. 53–54].

региона [6, с. 44; 7, с. 4], поэтому даже его семейный дом в Пятигорске остается местом памяти по сей день [8, с. 8; 10, с. 3].

Никола Незлобинский после окончания Екатерининского реального училища в 1907 году стал студентом Императорской военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге и получал стипендию военного министерства. Будучи студентом, он был отмечен благодаря своей научной работе, о чем свидетельствует награда - Золотой медаль. Закончил академию Незлобинский в 1912 году и стал работать врачом на Черноморской флоте в Одессе. Именно в это время он сталкивается с проблемами малярии в Одессе и Крыму. Во время Первой мировой войны он был врачом Черноморского флота России, но после победы Октябрьской революции доктор Незлобинский был вынужден покинуть Россию и вместе со своей женой Софией (музыкальный педагог) прибыл в тогдашнее Королевство СХС. Он входил в первую группу русских иммигрантов, которые прибыли в Константинополь в 1919 году. До конца 1920 года он практиковал в качестве врача в сербском городе Ниша, а с 1921 по 1924 год работал муниципальным врачом в македонском городе Кривой Паланке. Летом 1924 года он с женой путешествовал по Италии, Швейцарии, Франции, Абиссинии, Джибути и Эфиопии и в августе они поселились в городе Струга, где он был назначен главой малярийной станции [9, с. 10–20].

В то время Струга была маленьким городом с плохими гигиеническими условиями жизни. Доктор Незлобинский начал мониторинг и изучение санитарно-гигиенических условий. На основании полученных данных выяснилось, что от малярии страдает до 50% населения города Струги и его окрестностей. По этой причине доктор Незлобинский предпринял конкретные меры для улучшения гигиенических привычек населения. Он начал организовать рытье дренажных каналов к реке Црни Дрим, чтобы уменьшить количество комаров и инициировал меры по рытью колодцев с чистой водой. Кроме того, заслуга Незлобинского заключается в открытии первой городской бани в Струге, а также первой прачечной, в которой граждане могли купаться и стирать свою одежду с использованием чистой водой и мыла. Он также сформировал Противомалярийный диспансер и, открыв больницу в нем, он стал основателем первого медицинского учреждения в Струге. Затем это учреждение было переименовано в Центр общественного здравоохранения Струга. За результаты, достигнутые в борьбе с малярией, Незлобинский в 1929 году был награжден орденом «Святого Саввы» четвертой степени и был объявлен почетным гражданином Струги [9, с. 23–32].

Доктор Незлобинский способствовал научному и культурному развитию региона. Он является автором важных исследования по гельминтологии [9, с. 34–45]. На самом деле он был великим любителем природы. Также он участвовал в сборе и подготовке образцов растений и животных и в 1927 году в одном из бараков, в которых он жил, Незлобинский организовал первую выставку экспонатов. Затем его коллекция была вскоре обогащена новыми образцами и поэтому в 1928 году доктор Незлобинский в одной из казарм больницы организовал постоянную музейную экспозицию, которая была официально признана в 1937 году как Музей естествознания. Таким образом, можно сказать, что он был одним из основателей музейной деятельности в Македонии. В 1938 году доктор Незлобинский выступил с инициативой построить специальное здание музея, для которого он сам подготовил планы, а также подготовил внутреннее решение для музейной экспозиции. В знак благодарности музей в Струге получил имя Национального музея «Др. Никола Незлобинский», который является действующем до сей день. В годы Второй мировой войны музей не работал, а помещение использовалось итальянскими оккупантами. Но доктор Незлобинский вместе с некоторыми жителями Струги упаковал экспонаты в коробки и их спрятали в соседних домах, а музей вновь открылся только в 1950 году [9, с. 46–52].

Доктор Незлобинский способствовал развитию региона, работая со многими сотрудниками, также эмигрантами, которые внесли большой вклад в развитие города. Среди них были Георгий Руднев (биолог), Михаил Макаров (электромеханик), Андрей Лукин (судья), Борис Боде (бывший офицер императорской гвардии), Владимир Давиденко (музыкант), и т.д. Следует отметить общее участие Незлобинского в социальной и культурной жизни Струги. А именно, в 1924 году по его инициативе был создан оркестр тамбурицыс 20 музыкантами под руководством дирижера Давиденко. Кроме того, вместе с группой видных жителей Струги в 1930 году, он выступил с инициативой построить культурно-воспитательный дом (Соколана). Очень важным для документирования исторических событий является и интерес Незлобинского к фотографии [9, с. 55–59]. На самом деле, он привез фотоаппарат в Струге и с помощью этой техники смог оставить свидетельства о процессе своих научных исследований, фотографии болот, природных ландшафтов, а

также фотографии повседневной жизни людей в Струге и окрестностях, показывающие местный фольклор и традиции.

Он внезапно умер, вероятно, вследствие сердечного приступа на 17 мая 1942 года [1, л. 73–74], а его могила почетного гражданина находится в ряду уважаемых жителей городского кладбища в Струге. Своей работой доктор Николай Незлобинский оставил значительные следы и свидетельства исторического и биологического развития Струги с прилегающей территорией. Вклад Незлобинского из русского города Пятигорска на Кавказе был бесспорными и, в контексте нашей статьи, ему удалось передать и применить свои знания в нескольких сегментах жизни в маленьком македонском городке Струга на Балканах.

Источники и литература

1. Архив на град Охрид, ф. Матична книга на умрените.

2. Боглачев С. В. Архитектура старого Железноводска, Пятигорск: Снег, 2010.

3. Вазагов В. М. Сидоренко Ф. Ф. Первооткрыватели кавказских минеральных вод (научно-популярные биографии). К 2000-летию КМВ, Пятигорск: Пятигорский институт экономики и управления центр кавказоведения. ‑ 2003.

4. Водолажская В. По проекту Незлобинского // Ставропольская правда, 16 июня 1979. ‑ С. 331.

5. Савощенко И. С. Курорт Железноводск (историческое, гидрогеологическое и медицинское описание). Москва: Государственное издательство медицинской литературы Медгиз, 1949.

6. Польская Е. Розенфельд Б. Горный инженер Незлобинский // Кавказская здравница, 20 февраля 1980. – С. 44.

7. Сидоренко Ф. Эпоха Незлобина // Кавказская здравница, 10 октября 2003. – С. 4.

8. Хачиков В. Дом с мезанином // Пятигорская правда, 26 февраля 2015. ‑ С. 8.

9. Цветковски С. Јосеска Л. Никола и Софија Незлобински. Струга: НУ Музеј „Д-р Никола Незлобински“. ‑ 2012.

10. Шевченко А. Тайна дома с балконом // Ставропольская правда, 17 октября 1996. ‑ С. 3.

* Статья является результатом работы в рамках проекта“Knowledge Exchange and Academic Cultures in the Humanities: Europe and the Black Sea Region, Late 18th – 21st Centuries” (“This project has received funding from the European Union’s Horizon 2020 research and innovation programme under grant agreement No 734645”).

С. Ш. Салакая
(г. Сухум)
И. В. Зозуля
(г. Ставрополь)

ЛИТЕРАТУРА О НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИКА-КАВКАЗОВЕДА Г. А. ДЗИДЗАРИЯ *

Имя профессора, историка-кавказоведа, педагога и общественного деятеля Георгия (Шоты) Алексеевича Дзидзария (1914–1988 гг.) хорошо известно в научном мире, а заслуги на научном поприще достойно оценены мировым научным сообществом. Такие качества Георгия Алексеевича как редкая трудоспособность, организованность и настойчивость в достижении цели определили его профессиональную судьбу историка. Без его яркой личности и вклада как ученого трудно представить путь становления и развития абхазоведения. Он занимался исследованием социально-экономических и политических процессов в истории Абхазии XIX века, вопросами формирования абхазской интеллигенции, проблемами революционного движения в Абхазии и культурного строительства в Абхазской АССР. При этом исследователь стремился показать события, происходившие в Абхазии, в сравнении с аналогичными событиями в соседних регионах, искал не только конкретные факты, но и общие закономерности.

Является Г. А. Дзидзария автором более 200 научных работ, в том числе 23 монографий, учебного пособия для высших учебных заведений по истории Абхазии, составителем 10 сборников

документов и т.д. В золотой фонд абхазоведения вошли его фундаментальные работы по истории Абхазии: «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века» [4], «Восстание 1866 года в Абхазии» [5], «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.)» [8], «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение» [10], «Очерки истории Абхазии. 1910–1921» [9], «Декабристы в Абхазии» [6], «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» [3], «Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы» [12], «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции» [13], «Киараз» [7] и другие. Своей научно-исследовательской деятельностью он внес огромный вклад и в создание обобщающих коллективных трудов, став инициатором, соавтором и главным редактором очерков по истории Абхазии [20], коллективной монографии, посвященной преобразованиям в общественно-политической, экономической, социальной и культурной жизни Абхазии в 1920–1930 годы [14].

Г. А. Дзидзария выступал и как краевед-историк, принимал активное участие в краеведческой работе: разрабатывая экспозиции Абхазского государственного музея, Дома-музея Д. И. Гулиа, Мемориального музея Н. А. Лакоба; устраивая выездные конференции, исторические чтения, встречи с читателями для популяризации и просвещения населения Абхазии по различным аспектам абхазской истории. Георгий Алексеевич внес значительный вклад и в сбор исторических источников по истории, источниковедению, историографии, культуре, просвещению Абхазии конца XVIII–XIX вв., как ранее неизвестных науке, так и опубликованных в различных сборниках документов, являющихся библиографической редкостью и недоступных исследователю.

В основе его многочисленных трудов – архивные источники, которые впервые им были введены в научный оборот, обогатив тем самым историческую науку. Профессор Г. А. Дзидзария считал, что главное в науке – это исследование, главными составляющими которого являются историзм и научная объективность. Тщательность в исследованиях, опора на архивные источники, использование конкретно-исторического материала, суждения и оценки – вот те основы, которым он всегда учил молодых историков. Георгий Алексеевич очень активно и плодотворно работал с молодежью по формированию исторических знаний, научного поиска, гражданской позиции и патриотизма. Он обладал редким для научного руководителя даром: не только давал шанс своим ученикам, но и помогал на протяжении всей работы, проявлял завидное терпение, умение направить и вселить уверенность в то, что всё получится.

Научная, педагогическая и общественная деятельности Георгия Алексеевича была многогранна. Его биография – это пример добросовестного служения Абхазии. Своим жизненным примером и трудом он формировал историческое самосознание абхазского народа. Как ученый определил основные научные направления абхазоведения, как педагог заложил основы преподавания истории Абхазии, немало воспитал и подготовил видных ученых, заслуженных педагогов, как общественник работал на благо абхазского народа и укреплял традиционное для абхазского феномена чувство дружбы с другими народами Кавказа.

На всех этапах жизни и занимаемых общественных и государственных постах Г. А. Дзидзария добивался значительных результатов, проявляя себя как неутомимый организатор значимых социально-экономических и социально-политических проектов в Абхазии. В 1957–1959 гг. он занимал пост заместителя Председателя Верховного Совета Абхазской АССР, с 1975 г. являлся Председателем Верховного Совета Абхазской АССР, в разные годы был депутатом Верховного Совета СССР, Грузинской ССР, Абхазской АССР, председателем Абхазского отделения общества «Знания» и Абхазского отделения Исторического общества.

Его научно-исследовательская, государственная и общественная деятельность были заслуженно оценены. Георгий Алексеевич был награжден почетными грамотами и медалями «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946 г.), «За трудовую доблесть» (1954 г.) и др., орденом «Знак почета» (1960 г.), орденом Трудового Красного Знамени (1966 г., 1976 г.), орденом Дружбы народов (1984 г.); присвоено ученое звание профессора (1960 г.), звание Заслуженного деятеля науки Грузинской ССР (1961 г.), звание Заслуженного деятеля науки Абхазской АССР (1964 г.); удостоен Государственной премии ГССР (1979 г.) и Государственной премии Абхазской АССР (1980 г.) [15, с. 237–245].

Почетные звания и награды, присвоенные Геогргию Алексеевичу Дзидзария, несомненно, отражают тот вклад, который он внес в изучение историко-культурного наследия Абхазии и России в целом. Но самая высокая, заслуженная им награда – признательность, благодарность и уважение окружающих его людей, друзей, коллег, учеников.

Накопленный годами жизненный и научный опыт, широта мысли, общекультурная эрудиция, прекрасные человеческие качества Георгия Алексеевича были по достоинству оценены его учениками и коллегами. Еще при жизни, его вкладу в науку, педагогической и общественной деятельности, неутомимому трудолюбию были посвящены выступления коллег на конференциях и научных сессиях, публикации на страницах газет «Советская Абхазия», «Заря Востока», «Литературная газета», «Апсны капш» и «Сабчота Абхазети», рецензии в научных журналах на его статьи и монографии [15, с. 249–288]. Жизни и деятельности Г. А. Дзидзария посвящены монографии известного абхазского историка, д.и.н., профессора, академика Академии наук Абхазии А. Э. Куправа. Особой полнотой отличается последняя работа, изданная в Сухуме в 2014 г. Автор не только обстоятельно описал биографию Г. А. Дзидзария, составил библиографию его трудов, но и включил воспоминания коллег и учеников о научной и общественно-политической деятельности ученого, отзывы и аннотации его работ, полевые записи и т.д. [15].

Также можно отметить рецензии на работы Г. А. Дзидзария, помещенные в различных научных изданиях. Это рецензии докторов исторических наук В. И. Адамия и А. Э. Куправа на монографию «Махаджирство…» в «Вопросах истории» [1] и И. Г. Антелава в «Мацне» [2], в которых дается высокая оценка труда. Особое место в исследовании научного наследия Г. А. Дзидзария принадлежит А. Э. Куправа. Помимо указанных монографий о жизни и научном творчестве Г. А. Дзидзария его перу принадлежат обстоятельные рецензии на монографии «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение» [18, с. 436–440], «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» [16, с. 85–89] и т.д. Кроме того, А. Э. Куправа написал ряд историографических статей, посвященных творчеству Г. А. Дзидзария [17, с. 57–64; 15, с. 112–118, 144–145]. Уже в независимой Абхазии по инициативе А. Э. Куправа были изданы ранее не опубликованные работы Г. А. Дзидзария [11], изданы документы из личного архива ученого [19], началось переиздание научных трудов Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа.

Немало сделано для сохранения и популяризации работ Г. А. Дзидзария и одним из авторов данной статьи – С. Ш. Салакая. Им написан ряд статей, посвященных жизни и научному творчеству Георгия Алексеевича, его вкладу в историю изучения Абхазии, дан подробный историографический анализ его трудов по истории Абхазии XIX – начала XX века [21; 22; 23; 24; 25].

О выдающемся ученом и прекрасном человеке Георгии Алексеевиче Дзидзария написано немало. Однако, невозможно полно раскрыть его многогранную и плодотворную деятельность, насыщенную научными, общественными, педагогическими и творческими достижениями. Г. А. Дзидзария создал научную школу абхазоведения в исторической науке, вооружив ее представителей прекрасной исследовательской методикой работы с историческими источниками, научив поиску архивных документов и, главное, ремеслу историка.

Источники и литература

1. Адамия В. И., Куправа А. Э. Г. А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми, 1975. // Вопросы истории. – 1978. – №3. – С. 139–141.

2. Антелава И. Г. К истории абхазского махаджирства // Известия Академии наук Грузинской ССР. История, археология, этнография и история искусств. – 1977. – № 1. – С. 162–166.

3. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми: Алашара, 1975. – 526 с.: ил.

4. Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. – Сухуми: АбГИЗ, 1940. – 32 с.

5. Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. – Сухуми: Абгосиздат, 1955. – 227 с.

6. Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. – Сухуми: Алашара, 1970. – 117 с.: ил.

7. Дзидзария Г. А. Киараз. – Сухуми: Алашара, 1981. – 83 с.

8. Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в.: (до крестьянской реформы 1870 г.). – Сухуми: Абгосиздат, 1958. – 512 с.

9. Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии. 1910–1921. – Тбилиси: Сабчато Сакартвело, 1963. – 405 с.

10. Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сухуми: Абгосиздат, 1960. – 272 с.

11. Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. – Сухум, 2006. – 567 с.

12. Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. – М.: Наука, 1976. – 130 с.

13. Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми: Алашара, 1979. – 354 с.: ил.

14. История Абхазской АССР (1917–1937) / Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа, А. А. Абшилава и др. – Сухуми: Алашара, 1983. – 390 с.: ил.

15. Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария: к 100-летию со дня рождения. – Сухум: АбИГИ-АГУ, 2014. – 304 с.

16. Куправа А. Э. Махаджирство и проблемы истории Абхазии // Алашара. – 1976. – №8. – С. 85–89 (на абх. яз.).

17. Куправа А. Э. Проблемы истории Абхазии XIX века в трудах Г. Дзидзария // Труды АГУ. Т. VI. – Сухуми, 1988. – С. 57–64.

18. Куправа А. Э. Ценное исследование по истории Абхазии // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. XXXIII–XXXIV. – Сухуми, 1963. – С. 436–440.

19. Материалы по истории Абхазии XIX века. Т. I – III. Сухум. 2008 – 2012.

20. Очерки истории Абхазской АССР. Ч.1-2. – Сухуми, 1960–1964.

21. Салакая С. Ш. Георгий Алексеевич Дзидзария (к столетию со дня рождения) // Кавказский сборник. – Т. № 9 (41). – М., 2015. – С. 294–309.

22. Салакая С. Ш. Георгий Алексеевич Дзидзария // Кавказ на исторических переломах XIX–XX столетий: проблемы политической, социальной и интеллектуальной истории. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Георгия Алексеевича Дзидзария. – Сухум: АбИГИ, 2016. – С. 8–17.

23. Салакая С. Ш. Присоединение Абхазии к России в абхазской историографии // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 18. – М., 2012. – С. 178–-183.

24. Салакая С. Ш. Вопросы истории Абхазии XIX – начала XX века в абхазской советской историографии. –Сухум. 2009. – 123 с.

25. Салакая С. Ш. Выдающийся деятель абхазской науки // Вестник АНА. – 2011. – № 3. – С. 117–136.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНА в рамках научного проекта № 19-59-40001.

И. С. Тахушева
(г. Пятигорск)

ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ РОССИИ XIX в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (НА МАТЕРИАЛАХ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»)

«Отечественные записки» (1818–1884) П. П. Свиньина и А. А. Краевского многое сделали для ознакомления русской читающей публики с Кавказским регионом. В поле зрения журнала попали проблемы русско-кавказских отношений, события социо-культурной жизни Кавказа, исследования в области кавказоведения и, наконец, художественные произведения об этом крае. Почему же столичный журнал, один из лучших «толстых» периодических изданий России XIX в. обратился к провинциальной истории, истории горских народов Кавказа?!

В 1820 г. «надворный советник, служащий при Государственной коллегии иностранных дел П. П. Свиньин подал в Санкт-Петербургский цензурный комитет прошение о намерении издавать журнал под названием «Отечественные записки»» [24, л. 1 об.–2]. Цензурный комитет дал согласие, так как, судя по программе, журнал должен был отличаться от существовавших в то время периодических изданий [24, л. 9–9 об.]. Изучив послужной список чиновника Свиньина и объявление об издании журнала, министр народного просвещения А.Н. Голицын одобрил решение Санкт-Петербургского отделения цензуры [24, л. 12]. Таким образом, Свиньин начал реализовывать свою давнюю мечту о знакомстве столичного общества с малоизученными регионами России, с Отечеством в целом, с необыкновенными талантами и новыми открытиями, подвигами русских офицеров и солдат. Свой выбор издатель объяснял тем, что он, как и многие его друзья и родственники, плохо знал Россию. Отсюда цель: изучить ее бескрайние просторы с помощью ежегодных путешествий, причем, посещая не только обжитые края, но и самые отдаленные, зачастую,

опасные для жизни уголки. Примечательно, что Свиньин понимал и ставил задачу исследования далекого Кавказского региона [26, с. 395–398].

Анализ публикаций в «Отечественных записках» позволяет констатировать, что деятельность редакции в 1820-е гг. способствовала не только сбору, изучению и трансляции актуальной информации о населении Северного Кавказа, но и способствовала сохранению исторических источников. Читатель первой половины XIX в. находил много интересного об образе жизни, обычаях и традициях кавказских народов, их нравственном облике и национальном характере. «Отечественные записки», публикуя профессиональные, научные и публицистические работы, делали доступными для широких читателей сведения о климатических особенностях, флоре и фауне региона, целительных свойствах КМВ. В журнале были напечатаны труды О. Л. Дебу [5], И. Т. Радожицкого [19], А. П. Нелюбина [14] и др., ставшие сегодня бесценными источниками для реконструкции социально-политических отношений горцев, их повседневного быта [18, с. 41–47].

Однако публикации о народах Кавказа в журнале П. П. Свиньина, человека прото-славянофильских убеждений, истинного патриота, государственного служащего[1], носили только ознакомительный и информационный характер. «Отечественные записки» не касались причин длительного военного конфликта населения Кавказа и российской власти, не заостряли внимание читателей на последствиях противостояния, тем более, не давали оценок действиям российской администрации и методам покорения Кавказа. Тот факт, что журнал выписывала императрица Елизавета Алексеевна [23, л. 622], позволяет утверждать, что в 1820-е гг. «Отечественные записки» были полностью проправительственными, они защищали реакционно-монархические идеи. Обращение к провинциальной жизни может быть объяснено лишь стремлением журнала сообщить читателям фактический материал о противнике России в далеком регионе.

В 1831 г. издание «Отечественных записок» было приостановлено. Новая глава в истории журнала начинается с 1839 г., когда право на его издание приобрел способный организатор А. А. Краевский [6, с. 7]. Продувной делец, неутомимый «пролаза», по отзывам современников, Краевский был примечательной фигурой в русском издательском деле и журналистике. Это был энергичный предприниматель, жаждавший от печатного слова только личного обогащения и глубоко равнодушный ко всем остальным сторонам своей действительности [4, с. 28]. Многие советские и современные исследователи также утверждают, что для Краевского на первом месте стоял вопрос коммерческой выгоды [31]. У него в 1840-х гг. был целый концерн, куда входили «Отечественные записки», «Литературная газета» и «Русский инвалид». По данным В. И. Кулешова, от редактирования этих периодических изданий Краевский получал не менее 80 тыс. руб. в год [10, с. 212].

Первая книжка преобразованных «Отечественных записок» превосходила прежние и существующие журналы универсальностью содержания и разнообразием постоянных отделов, и объемом (42 печатных листа), и впечатляющим списком объявленных сотрудников (126 имен известных писателей, ученых, публицистов) [6, с. 9]. «Отечественные записки» были, по ироничному замечанию А.В. Кольцова, чересчур «жирны», поистине «чего хочешь, того просишь» [10, с. 277]. Действительно, журнал был ориентирован на все возрасты, на все сословия, на самые различные типы читателей. Нам кажется, именно поэтому Краевский продолжил печатать разнообразные материалы о горцах Кавказа.

Журнал, с привлечением в 1839 г. в редакцию В. Г. Белинского, делал теперь главный упор на художественную литературу и критику. Как пишет В. И. Кулешов, энциклопедизм обязывал Белинского анализировать решительно все книги и книжонки, вынуждал сказать хоть что-нибудь даже о книжке, которая была бездарна или посвящена вопросам, далеким от интересов критика [10, с. 279]. Так, великим критиком и его учениками и последователями в журнале был прорецензирован огромный комплекс материалов о народах Кавказа: 1. *Справочные издания, словари, исторические материалы* (например, труды М. С. Селезнева [27], Н. Я. Данилевского [3], Е. Д. Фелицына [17] и др.); 2. *Местные и столичные периодические издания* (газета «Кавказ» [25], первый грузинский литературный журнал «Цискари» («Заря») [29], периодический сборник «Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе» [28] и др.); 3. *Литературно-художественные произведения* (труды М. И. Воскресенского [2], Е. Гончаровского [8], Е. П. Лачиновой [9], Н. И. Зряхова [7] и др.). Как видим, кавказская тематика входила в перечень приоритетных тем

[1] Брат Свиньина сенатор Петр Петрович Свиньин был женат на сестре могущественного П. А. Клейнмихеля. Клейнмихель – протеже А. А. Аракчеева и беспрекословный исполнитель воли императора Николая I. В 1842–1855 годах он был главноуправляющим путей сообщения и публичных зданий. – Авт.

для изучения в периодическом издании. Естественно, все эти произведения получили неоднозначные отзывы. Сам Белинский иногда называл свою работу «побиением книжонок».

Другим важным направлением деятельности «Отечественных записок» была перепечатка опубликованных царских указов. И здесь нами выявлено множество законодательных актов, указов, распоряжений по делам Кавказа. В журнале широко освещалось вовлечение народов Кавказа в правовое поле России. Например, указы о создании наместничества на Кавказе (1844 г.), прав и обязанностей наместника (М. С. Воронцов), приведения им законов в действие в Кавказской области и Закавказском крае и др. были размещены в 45 томе «Отечественных записок» за 1846 г. [15, с. 9–10].

Журнал старался периодически публиковать сведения о религиозных воззрениях кавказцев. Российской общественности интересно было узнать об основах исламской религии [32, с. 99–100], основных положениях Корана [11, с. 216–217], раскольничьих сектах на Кавказе [12, с. 333–353, 168-174]. «Отечественные записки» также фокусировали внимание читателей на политике России в области образования и цензуры на Кавказе [16, с. 40–41, 10], давали высокую оценку воспитанникам Ставропольской гимназии из горских народностей [13, с. 21–24].

Сам Краевский активно следил за ходом событий в регионе, привлекал кавказских корреспондентов, интересовался отзывами провинциальных периодических изданий о публикациях в своих журналах. В его собрании газет и журналов обнаружен один номер «Терских ведомостей» за 1876 г., откуда он вырезал заметку из приказа по Терскому казачьему войску [20]. В личном фонде журналиста имеется его переписка с русским офицером Л. Екельном, находившемся в плену у чеченцев, который предлагал опубликовать свои воспоминания о нахождении на Кавказе в «Отечественных записках», что с радостью было встречено Краевским [21]. Сам Краевский приглашал для участия в журнале горского национального просветителя, офицера российской службы Султана Казы-Гирея [22], знаменитый труд которого «Долина Ажитугай» был опубликован еще в пушкинском «Современнике» [30, с. 155–169]. Он также получал много писем с Кавказа от пребывавших там журналистов и корреспондентов, сведения которых печатались в «Отечественных записках» и газете «Голос».

Таким образом, с уверенностью можем сказать, что журнал Свиньина и Краевского дает целостную картину жизни народов Кавказа, он помогает сориентироваться в проблемах Кавказской войны, образе жизни горцев, их быте и повседневности, социально-политическом устройстве, особенностях экономической и духовной сферы кавказского общества. Тем самым, в нашем распоряжении имеется огромный комплекс источникового материала по истории народов Северного Кавказа.

Смеем предположить, что это являлось следствием объявленного Краевским энциклопедизма журнала и стремлением привлечь как можно больше подписчиков, так как одной из актуальных и животрепещущих тем в XIX в. была война с горцами Кавказа.

Источники и литература

1. Бурцев И. Г. Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами в 1810 г. // Отечественные записки. 1820. Ч. 2. С. 18–26; Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ивановича Германа 1790 года от 22 сентября по 30 число // Отечественные записки. 1825. Ч. 24. С. 352–382; Глинка Ф. Н. Подвиги русских за Кубанью // Отечественные записки. 1821. Ч. 5. С. 25–39, 141–150; Горчаков П. Д. Руководство для проезжающих Кавказские горы // Отечественные записки. 1822. Ч. 12. С. 212–222; Ейхфельд И. Кавказская дорога // Отечественные записки. 1821. Ч. 6. С. 270–294; Свиньин П. П. О праздновании Байрама в черкесском ауле // Отечественные записки. 1825. Ч. 23. С. 241–250; Свиньин П. П. Список посетителей и посетительниц Кавказских вод в 1825 г. // Отечественные записки. 1825. Ч. 23. С. 250–281.

2. Воскресенский М. И. Черкес: роман. В 4 ч. М., 1839 // Отечественные записки. 1840. Т. 8. С. 5–7.

3. Данилевский Н. Я. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. С объяснением истории, религии, языка, облика, одежды, строений, воспитания, правления, законов, коренных обычаев, нравов, образа жизни, пищи, образования и торговли хищных Горцев Кавказа (с шестью рисунками). М., 1846 // Отечественные записки. 1846. Т. 48. С. 96–97.

4. Дацюк Б. Д. Журналы «Отечественные записки» и «Современник». Журнально-публицистическая деятельность В. Г. Белинского. М.: Высшая партийная школа при ЦК КПСС, 1957. – 63 с.

5. Дебу О. Л. Разные исторические замечания о Кавказских народах // Отечественные записки. 1821. Ч. 8. С. 86–104; 1822. Ч. 9. С. 245–264, 354–381; Дебу О. Л. Разные исторические замечания относительно

народов, соседственных Кавказской линии // Отечественные записки. 1822. Ч. 10. С. 50-59; Замечания генерал-майора Дебу о состоянии Черномории и Черноморских козаков // Отечественные записки. 1823. Ч. 15. С. 195–223, 315–342; Дебу О. Л. О начальном установлении и распространении Кавказской линии, с означением поселенных козачьих полков, оную охраняющих и их происхождении // Отечественные записки. 1823. Ч. 16. С. 234–248; 1824. Ч. 18. С. 268–293; 1824. Ч. 19. С. 48–74.

6. Емельянов Н. «Отечественные записки» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина (1868–1884). Л.: Худож. лит-ра, 1986. 336 с.

7. Зряхов Н. И. Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга. Русская повесть, в двух частях. С военными маршами и хорами певчих. Издание первое. М., 1840 // Отечественные записки. 1840. Т. 12. С. 29–31.

8. Кудрявцев П. Н. Москва и Кавказ, повествовательный рассказ. Стихотворение Е. Гончаровского. М., 1844 // Отечественные записки. 1844. Т. 36. С. 16; Галахов А. Д. Москва и Кавказ, повествовательный рассказ. Стихотворение Е. Гончаровского. М., 1848 // Отечественные записки. 1848. Т. 59. С. 94.

9. Кудрявцев П. Н. Проделки на Кавказе. Соч. Е. Хамар-Дабанова. СПб., 1844 // Отечественные записки. 1844. Т. 34. С. 67–72.

10. Кулешов В. И. «Отечественные записки» и литература 40-х гг. XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 402 с.

11. Магомет и коран; вместо введения рассуждение о взаимных обязанностях философии и религии. Соч. Ж. Бартелеми Сент-Илера. Париж, 1865 // Отечественные записки. 1865. Т. 161. С. 216–217.

12. Максимов С. В. За Кавказом (из дорожных заметок): Субботники // Отечественные записки. 1867. Т. 172. С. 333–353; Толстой В. С. О великороссийских безпоповских расколах в Закавказье // Отечественные записки. 1865. Т. 159. С. 168–174.

13. Неверов Я. М. Еще об образовании кавказских горцев. Известие об успехах в русском языке и словесности обучающихся в Ставропольской гимназии горцев // Кавказ. 1859. № 39. С. 207–208; Современная хроника России: Учебные заведения // Отечественные записки. 1859. Т. 125. С. 21–24.

14. Нелюбин А. П. Краткое историческое известие о Кавказских минеральных водах в Пятигории // Отечественные записки. 1825. Ч. 21. С. 188–222.

15. Обозрение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за февраль 1846 г. // Отечественные записки. 1846. Т. 45. С. 9–10.

16. Обозрение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за июнь 1848 г. // Отечественные записки. 1848. Т. 59. С. 40–41; Обозрение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за ноябрь 1849 г. // Отечественные записки. 1850. Т. 68. С. 10.

17. Памятная книжка Кубанской области. Составил Е. Д. Фелицын. Издание Кубанского статистического комитета. Екатеринодар, 1881 // Отечественные записки. 1882. Т. 290. С. 83–85.

18. Подробнее: Кузьминов П. А., Тахушева И. С. П. П. Свиньин и трансляция истории народов Северного Кавказа в «Отечественных записках» (1818–1838) // Научная мысль Кавказа. 2018. № 2. С. 41–47.

19. Радожицкий И. Т. Прогулка к Кавказским минеральным водам // Отечественные записки. 1824. Ч. 17. С. 218–225; Радожицкий И. Т. Историческое известие о походе Российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под командою Графа В. А. Зубова // Отечественные записки. 1827. Ч. 31. С. 127–168, 266–314; Радожицкий И. Т. Список особ, посетивших Кавказские минеральные воды // Отечественные записки. 1826. Ч. 28. С. 104–140; Радожицкий И. Т. О новостях на горячих и кислых водах в 1827 г. // Отечественные записки. 1828. Ч. 34. С. 150–158.

20. Российская национальная библиотка (далее – РНБ). Ф. 391. Ед. хр. 130. Собрание газет и газетных вырезок. С пометами и отчерками А.А. Краевского. 1831–1862.

21. РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 353. Екельн Л. Письма А. А. Краевскому. Миргород, 1843.

22. РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 404. Казы-Гирей. Письмо А.А. Краевскому. Тифлис, 1836.

23. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 535. Оп. 1. Д. 17.

24. РГИА. Ф. 734. Оп. 1. Д. 133.

25. Сборник газеты «Кавказ», издаваемый О. И. Константиновым. Второе полугодие 1846 г. Тифлис, 1847 // Отечественные записки. 1847. Т. 53. С. 18; Сборник газеты «Кавказ», издаваемый О.И. Константиновым. Второе полугодие 1847 г. Тифлис, 1848 // Отечественные записки. 1848. Т. 57. С. 78–79; Сборник газеты «Кавказ», издаваемый О.И. Константиновым. Первое полугодие 1847 г. Тифлис, 1847 // Отечественные записки. 1847. Т. 54. С. 95–99.

26. Свиньин П. П. Объявление о продолжении издания «Отечественных записок» на 1822 год // Отечественные записки. 1821. Ч. 7. С. 395–398.

27. Селезнев М. С. Руководство к познанию Кавказа: В 3-х кн. Кн. 1. СПб., 1847 // Отечественные записки. 1847. Т. 52. С. 44-49; Селезнев М. С. Руководство к познанию Кавказа: В 3-х кн. Кн. 2. СПб., 1847 // Отечественные записки. 1847. Т. 55. С. 75–78.

28. Современная хроника России: Новое периодическое издание: «Кавказцы, или подвиги и жизнь замечательных людей, действовавших на Кавказе» // Отечественные записки. 1857. Т. 113. С. 65.

29. Современная хроника России: Новые периодические издания: «Журнал для воспитания», грузинский журнал «Заря» и «Галерея киевских достопримечательностей» // Отечественные записки. 1857. Т. 111. С. 36.

30. Султан Казы-Гирей. Долина Ажитугай // Современник. 1836. Т. 1. С. 155–169.

31. Теплинский М. В. «Отечественные записки» (1868–1884). История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск: Хабаровский государственный педагогический институт, 1966. 400 с.; Заславский Д. И. Демократический журнал «Отечественные записки». М.: Высшая партийная школа при ЦК КПСС, 1956. 63 с.; Дацюк Б. Д. Журналы «Отечественные записки» и «Современник». Журнально-публицистическая деятельность В. Г. Белинского. М.: Высшая партийная школа при ЦК КПСС, 1957. 63 с.; Кулешов В. И. «Отечественные записки» и литература 40-х гг. XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 402 с.; Емельянов Н. «Отечественные записки» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина (1868–1884). Л.: Худож. лит-ра, 1986. 336 с.

32. Шпренгер А. Жизнь и учение Магомета // Отечественные записки. 1865. Т. 159. С. 99–100.

Я. А. Утина
(г. Ставрополь)

ВКЛАД ПРОФЕССОРА ВАЛЕНТИНЫ ПАВЛОВНЫ НЕВСКОЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ

В фондах музея и архива Северо-Кавказского федерального университета хранятся документы и материалы о жизни и деятельности профессора Валентины Павловны Невской (01.08.2019–29.01.2009), историка-кавказоведа, Заслуженного деятеля науки Карачаево-Черкесии, Заслуженного профессора Ставропольского государственного университета. Вместе с материалами личного фонда профессора В. П. Невской, который хранится в Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве, они позволяют воссоздать страницы удивительной судьбы Ученого, Учителя и Человека [3]. Сегодня невозможно представить историю народов Северного Кавказа и Ставрополья без имени великого историка – В. П. Невской. Талантливая, по истине, неутомимая в научном поиске женщина-ученый, чье имя известно не только в нашей стране, но и за рубежом Личность, внесшая неоспоримый вклад в изучение кавказоведения.

Молодая, интеллигентная, полная энергии и любви к истории, женщина с прекрасным столичным образованием волею судьбы покидает столицу и всецело окунается в мир Кавказа. В 1951 г. она переезжает в г. Черкесск и спустя два года возглавляет сектор истории в возобновившем свою работу Черкесском научно-исследовательском институте (ныне – Карачаево-Черкесский НИИ истории, экономики и языка). Здесь ею и ее коллегами по институту было начато планомерное и углубленное изучение истории народов Карачаево-Черкессии с древнейших времен до второй половины XX в. В центре ее внимания находилась проблема этнической истории народов региона. Валентина Павловна заинтересовалась историей социально-экономических отношений народов Черкесской автономной области: черкесов, абазин, ногайцев, казаков и др. Занималась изучением развития горских обществ в XIX – начале XX в. Первым результатом была ее монография «Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия» (Черкесск, 1956).

После возвращения из депортации карачаевцев в 1957 г. В. П. Невская начала изучать историю и этнографию карачаевского народа. Более четверти века она посвятила изучению его истории, поиску документов в различных архивах страны, изучению рапортов и донесений офицеров и чиновников, жалоб крестьян, переписки должностных лиц, статистических отсчетов. Объездив многие карачаевские аулы, в ходе этнографических экспедиций, она вместе со своими коллегами, этнографом Е. Н. Студенецкой, языковедами Х. И. Суюнчевым и Р. Т. Алиевым собирала материал, записывала предания и рассказы аксакалов, используя методы устной истории. По крупицам собирала бесценную информацию о быте, традициях, фольклоре карачаевского народа, по сути,

восстанавливая и сохраняя историю народа. Вместе с известным археологом Е. П. Алексеевной создавала научные основы изучения истории народов Карачаево-Черкессии, восстанавливая картину материальной культуры населения горного края. Под редакцией В. П. Невской вышла монография Е. П. Алексеевой «Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв.» (Черкесск, 1957).

Погрузившись в мир Кавказа, В. П. Невская все свое время, да и деньги тратила на поездки в различные населенные пункты Карачаево-Черкесии, в разные города страны, в поисках архивных документов и источников по истории карачаевского народа. Это стало неотъемлемой частью жизни историка. За многие годы усердной исследовательской работы В. П. Невская издала несколько фундаментальных монографий о Карачае [4, 5, 6]. В них В. П. Невская решила ряд важнейших проблем социально-экономической истории народов Карачаево-Черкессии, рассмотрела земельные отношения в Карачае во второй половине XIX в., эволюцию аграрного строя и сельской общины, посвятив этой теме и свою докторскую диссертацию, которую защитила в Ростовском государственном университете в 1967 г.

Интересоваться историей народов Карачаево-Черкессии В. П. Невская не переслала и после того, как в 1971 г. вместе с семьей переехала в г. Ставрополь и стала работать в Ставропольском государственном педагогическом институте. Здесь она получила звание профессора, снискала любовь и уважение многих поколений студентов, которые слушали ее блестящие лекции по истории древнего мира и истории народов Северного Кавказа.

В. П. Невская принимала деятельное участие во многих региональных, всероссийских и международных конгрессах историков и этнографов: XXV Международный конгресс востоковедов (август 1960 г), антропология и этнография XIV Международный конгресс, XIII Международный конгресс историков (1970 г) и др. Выступала с лекциями, докладами в городах и селениях Карачаево-Черкесии, которые вызывали огромный интерес. Она часами могла рассказывать о своем любимом Карачае. Благодаря Валентине Павловне история карачаевцев, черкесов, абазин, ногайцев нашла достойное отражение в многотомной «История народов Северного Кавказа» [2].

В общей сложности Валентина Павловна Невская опубликовала более 120 научных работ. Монографии историка не потеряли научной значимости, по сей день являются настольной книгой кавказоведов. Современные карачаевские историки Р. С. Тебуев и Р. Т. Хатуев отмечают, что «из историков карачаевцев, пожалуй только ее имя останется выше каких-либо сомнений и только ее мнение, безусловное, авторитетное для всех» [1, с. 4].

Профессор Валентина Павловна Невская благодаря своим трудам стала признанным специалистом по истории не только карачаевцев, но и истории народов Северного Кавказа. Написанные ею монографии, учебники, подготовленные сборники документов создали научную базу для дальнейшего изучения истории народов Северного Кавказа.

За выдающиеся заслуги и вклад в развитие мирового кавказоведения Кембриджский международный биографический центр дважды, в 1993 г. и в 1995 г. присваивал профессору В. П. Невской почетное звание «Женщина года» [7, с. 463]. Но сегодня, мы смело можем ее назвать «Женщиной столетия».

Источники и литература

1. Ее имя останется в памяти [О профессоре В. П. Невской]// Ставропольские ведомости. – 2019. № 31 (196). – 6 августа.

2. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.) / отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий; АН СССР. Ин-т истории СССР и др. – М.: Наука, 1988. – 659 с.; ил.

3. Назарова И. М. Памяти учителя, ученого и необыкновенного человека (к 100-летию со дня рождения В. П. Невской) // Прозрителевские чтения: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Вып. 10 (научное издание). – Ставрополь: Бюро новостей, 2019. – С. 117–124.

4. Невская В. П. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX в. // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Вып. IV. Серия история. – Ставрополь, 1964. – С. 76–137.

5. Невская В. П. Карачай в пореформенный период / Карачаево-Черкесский НИИ истории, экономики и языка; под ред. А. В. Фадеева. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1964. – 224 с.

6. Невская В. П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отд., 1972. – 216 с.

7. Nevskaya Valentina Pavlovna // Dictionary of international Biography including Who Will Who in 21st Century. |A Biographical Record of Contemporary Achievement. – Twenty Third Edition, 1995.

Секция 2

Вклад В. П. Невской в изучение всемирной истории и современные проблемы зарубежной истории

А. А. Акобян
(г. Ставрополь)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И ИРАНОМ

Торгово-экономические связи Армении и Ирана берут свое начало с 1991 г., когда Армения стала независимым государством и перспективным рынком для иранских товаров и инвестиций. Однако на протяжении долгого времени лбъем торговых операций между странами, а также размеры инвестиционных проектов были невелики, что обуславливалось сложным экономическим положением Республики Армения и не менее сложным внешнеполитическим положением Исламской республики Иран. Состояние двусторонней торговли начало улучшаться с началом нового тысячелетия и заключения между сторонами взаимовыгодных транзитных и финансовых контрактов. Ситуация в корне изменилась после вступления Армении в Евразийский экономический союз, которое произошло 2 января 2015 г. Республика Армения стала привлекательна для иранских партнеров в контексте будущего расширения торговли Ирана с ЕАЭС [6, с. 196]. Для реализации этих целей Иран стал вкладывать более значимые инвестиции в развитие инфраструктуры в Армении и на армяно-иранской границе.

Но, несмотря на взаимную заинтересованность двух стран в обоюдовыгодной торговле, объемы экспорта и импорта между странами остаются нестабильными. В некотором смысле на эту тенденцию влияют сложные процедуры сертификации продуктов и высокие пошлины (табл. 1). Однако, как видно из таблицы товарооборот между странами неуклонно растет вместе с объемами импорта иранских товаров.

Таблица 1

Изменения товарооборота Армении и Ирана за первые полугодия 2015-2019 гг. [3]

год	экспорт (тыс. долл.)	импорт (тыс. долл.)	товарооборот (тыс. долл.)
2015	42 173	93 624	135 797
2016	38 243	75 681	113 924
2017	34 554	75 217	109 771
2018	48 067	106 441	154 508
2019	35 096	137 238	172 334

Торгово-экономические связи между странами могут измениться уже в ближайшее время, т.к. в конце августа 2019 г. завершились процедуры ратификации Временного соглашения между Евразийским союзом и Ираном, которое приведет в конечном итоге к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Исламской республикой [3]. Именно Ереван выступает активным переговорщиком между сторонами, предполагая перспективы развития торговых отношений с государствами ЕАЭС, а также расширение транзитной торговли через территорию Армении.

Немаловажным фактором в региональной политике и экономике является проблема Нагорного Карабаха. Здесь переплетаются армяно-иранские и ирано-азербайджанские политические и экономические интересы. Иран долгое время проводил политику умиротворения сторон, для ее реализации у Тегерана есть несколько причин. Первая причина заключается в заинтересованности Ирана в торговле, как с Арменией, так и с Азербайджаном, поэтому явная поддержка одной из сторон для иранцев не выгодна с экономической точки зрения. Вторая причина заключается в стремлении Ирана укрепить свое положение в качестве региональной державы посредством решения важного не только для данного региона, но и для всего мирового сообщества, конфликта в

Закавказье. Именно с этой целью еще в 1992 г. министр иностранных дел Ирана Али Акбар Велаяти предпринимал активные шаги к установлению мира между сторонами [2]. Однако тогда иранская инициатива не имела успеха. Но на протяжении десятилетий Иран продолжал предлагать свои услуги в качестве посредника в решении нагорнокарабахского конфликта [5]. На сегодняшний день у иранской дипломатии в отношении опасного очага напряженности в регионе существует две точки зрения, являющиеся наиболее приемлемыми – сохранение статуса-кво, либо мирное урегулирование конфликта. Лавируя между сторонами, иранские дипломаты удачно сохраняют стабильные торгово-экономические связи с обеими соседними республиками, при этом пытаясь сохранить мир на своей северо-восточной границе, что очень важно ввиду напряженности в Персидском заливе.

Еще одним дестабилизирующим фактором в отношениях между Тегераном и Ереваном является жесткая позиция США по отношению к Исламской республике. После прихода к власти президента Д. Трампа ситуация вокруг Ирана ухудшилась: были введены новые экономические санкции и стала нарастать напряженность в регионе. Это обстоятельство повлияло на торгово-экономические отношения Армении и Ирана, так как оно ослабило иранскую экономику, экспортную способность страны и возможность инвестирования в армянскую экономику.

Несмотря на существование американских санкций, направленных против Ирана, Армения никогда их не поддерживала. Естественно, что ослабление экономики Ирана косвенно влияло на Армению, но не мешало развитию двусторонних отношений. После прихода к власти в Армении Н. Пашиняна политика в отношении Ирана также не изменилась. Правительство нового премьера продолжает проводить добрососедскую, взаимовыгодную политику в отношении своего партнера.

В дополнение ко всему выше сказанному Армения на международном уровне добивается смягчения санкций в отношении Ирана и признания законности своих контактов в экономической сфере с Тегераном. 1 сентября 2019 г. премьер-министр Н. Пашинян в интервью армянскому журналу Франции, заявил: «Не хочу делать громогласных заявлений, но нашим дипломатам удалось добиться важной победы в этом плане. Кажется, наши американские партнеры хорошо осознали этот вопрос. Они начали понимать, что для Вашингтона Иран – это одно, а для нас – совсем другое» [1]. Таким образом, Ереван смог на международном уровне доказать необходимость своих тесных контактов с Иранской республикой и косвенно способствует урегулированию конфликта вокруг Исламской республики.

В заключении хотелось бы отметить еще один перспективный пункт армяно-иранских отношений – туризм. За последние десятилетия Армения стала притягивать с каждым годом все больше и больше иранских туристов. В начале 2000-х Армению посещало ежегодно семь-восемь тысяч иранцев, в 2015 году их число превысило 140 тысяч, а в январе-сентябре 2016 года, достигло 160 тысяч [4]. В последние годы из-за наложенных санкций иранцам становится труднее выезжать за границу, но Армения все равно остается привлекательной туристической страной для них.

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на существование проблем, связанных с нестабильностью в регионе, санкциями США и экономическими трудностями, торгово-экономические отношения Армении и Ирана имеют огромный потенциал и с каждым годом развиваются и расширяются. Если учесть развитие двусторонних отношений в рамках ЕАЭС, то они имеют огромные перспективы, причем не только в области торговли и транзита, но в области межгосударственных культурных и туристических контактов.

Источники и литература

1. Армянским дипломатам удалось добиться большой победы в вопросе антииранских санкций // Sputnik. URL:https://ru.armeniasputnik.am/politics/20190901/20248414/Premer-v-SShA-osoznali-chto-Iran-dlya-Armenii--eto-sovsem-drugaya-istoriya.html (дата обращения: 25.09.2019).

2. Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Ереван: Гитутюн НАН РА, 1994.

3. Дунамалян Н. Зона свободной торговли ЕАЭС с Ираном: выиграет ли Армения? // Евразия Эксперт URL: https://eurasia.expert/zst-eaes-s-iranom-vyigraet-li-armeniya/ (дата обращения: 25.09.2019).

4. Зачем иранцам Армения? // JAMnews. URL: https://jam-news.net/?lang=ru (дата обращения: 25.09.2019).

5. Иран и карабахский конфликт: статус-кво предпочтителен // EADaily. URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/09/08/iran-v-karabahskiy-konflikt-status-kvo-predpochtitelen (дата обращения: 25.09.2019).

6. Саргсян Л. Н. Перспективы развития торгово-экономических отношений между Арменией и Ираном // Региональные проблемы преобразования экономики. №9. 2018. С. 195–202.

Д. В. Антошук
(г. Ставрополь)

ФОРМИРОВАНИЕ МАССОВОЙ ИНДУСТРИИ РАЗВЛЕЧЕНИЙ НА МОРСКИХ КУРОРТАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Зарождение массовой индустрии развлечений в западном обществе связано с процессами демократизации, развитием капиталистических отношений и достижениями в научно-технической сфере. Ранее всего данные процессы проявились в США и Великобритании, именно здесь в конце XIX – начале XX вв. наблюдался генезис массовой культуры и массовой индустрии отдыха.

Особое место в процессе формирования массовой индустрии развлечений занимают морские курорты Великобритании. В последней четверти XIX в. многие курорты наряду с респектабельной состоятельной публикой стали принимать возрастающие потоки экскурсантов и туристов из рабочих классов, становясь, тем самым, своеобразными плавильными котлами, в которых смешивались люди разного социального положения и разных культурных предпочтений. Безусловно, соседство различных групп населения имело место во всех населенных пунктах страны, однако они не смешивались, и проводили свободное время на максимальной дистанции друг от друга. Досуг имел очень важное значение для определения места человека в обществе и в этой сфере выстраивались более высокие, чем в других областях, социальные барьеры. На приморских курортах механизмы охраны социальных границ оказывались менее эффективными, чем в других городах, в силу того, что отдых концентрировался на общих открытых пространствах – набережной, пляже, море, ограничить доступ к которым было сложно [3, с. 299; 8, с. 23; 11, с. 35]. Это принципиально отличало морские курорты от спа-курортов и других мест отдыха. Пространственная близость, с одной стороны, обостряла конфликты и напряжение, а, с другой стороны, ускоряла процессы сближения групп и культур.

Индустрия развлечений в некоторой степени стала синтезом культурных представлений о досуге, но наиболее заметны в ней были предпочтения массовой аудитории, прежде всего рабочих. Карнавальная, ярмарочная культура, унаследованная рабочими из доиндустриального периода, возрождалась и развивалась индустриальными методами. Зрелищная составляющая культуры карнавала на морском побережье выживала в разных формах: уличные интермедии Панча и Джуди, цирковые представления, фрик-шоу, выступления трупп странствующих музыкантов (негров-менестрелей, а немного позже трупп Пьеро), мюзик-холлы, танцевальные площадки – это те элементы, которые позволяли исследователям характеризовать курорты как новые «зоны карнавала», «места гедонизма, посвященные веселью и развлечениям» [1; 10, с. 197; 12, с. 31].

Яркие, фантастические шоу, музыкальные представления, механические аттракционы давали возможность широким слоям населения почувствовать праздник и волшебство, очарование сверхъестественным, ощутить изобилие после многих месяцев ограничений. В отличие от высокого искусства, восприятие которого требовало творческих способностей и интеллекта, образования и усилий для оценки, популярная культура была проста и доступна для каждого [6, с. 131]. Рациональный досуг среднего класса оказывал определенное влияние на организацию массовых развлечений в конце XIX в, и дидактический элемент присутствовал, однако он становился менее значимым, чем развлечения или удовольствия.

Формирование индустрии отдыха сопровождалось использованием достижений науки и техники. Чаще всего использовались американские технологии. Фактически на всех курортах, становившихся массовыми, имелись залы с игровыми автоматами, ярмарки с механическими аттракционами: рельсовыми «американскими горками», колесами обозрений, летательными машинами Хирама Максима. В начале XX в. появился первый парк развлечений – «Плэжер-Бич» в Блэкпуле. Синематограф был одним из наиболее ярких символов применения новых технологий и электричества для развлечений. Первые фильмы в Блэкпуле были показаны в ноябре 1896 г., через год после изобретения и через месяц после демонстрации в Лондоне [5, с. 139–140; 7, с. 57].

Индустрия отдыха являлась коммерческим предприятием, в котором сосуществовали разные формы бизнеса. Антрепренеры занимались организацией пляжных шоу, местный бизнес финансировал более масштабные предприятия в виде концертных залов, мюзик-холлов, зимних садов. Тенденцией рубежа XIX – начала XX веков стало привлечение крупного бизнеса из других городов.

Мелкие предприниматели постепенно поглощались и вытеснялись более крупными, множились независимые компании с ограниченной ответственностью, акционерные общества, некоторые из которых имели акционерный капитал, доходивший до десятков тысяч фунтов [9, с. 22].

Коммерциализация развлечений в конце XIX в. достигла апогея в создании высококапитализированных центров развлечений. Масштабные досуговые комплексы, требующие специально выстроенных помещений, в большом количестве открывались в 1890-гг., первоначально на курортах северо-западного побережья. Развлекательные центры имели разные наименования на разных курортах, наиболее распространенным было «дворец развлечений» (Pleasure palace). На рубеже веков во дворцах развлечений можно было найти рестораны, концертные залы, танцевальные площадки, цирк, зимние сады, зверинцы, здесь проводились выставки, показывающие жизнь в заморских странах, лекции на модные темы месмеризма и т.д.

Ни в одном приморском городе коммерциализация досуговой индустрии не достигла такого размаха, как в Блэкпуле. Он получил известность как первый «пролетарский курорт» в мире, целевой аудиторией которого были рабочие фабрик Ланкашира и Йоркшира. Блэкпул приобрел прочный статус ведущего национального курорта развлечений. Плэжер-бич с аттракционами, Большое колесо, Блэкпул-Тауэр, Альгамбра, Опера, Три пирса, несколько театров, зимние сады, бесплатная библиотека составляли комплекс коммерческих развлечений, к которым не мог даже приблизиться ни один британский курорт [4, с. 203–204]. Другие ведущие популярные курорты, такие как Рил, Нью Брайтон, Моркам, Скарборо, Бридлингтон, Грейт Ярмут, Саутенд, Маргейт и даже Брайтон могли предоставить один или два пирса развлечений, один или два дворца развлечений, претендующих на соперничество с развлекательными комплексами Блэкпула; но преобладание Блэкпула на рынке массовой индустрии отдыха было неоспоримым.

Формирование массовой индустрии развлечений существенно воздействовало на облик всех курортов, затронув даже элитарные Торки, Сидмут, Борнмут и Истборн. Повышение привлекательности коммерческих развлечений в средних классах было заметным. Средние классы никогда не были однородной группой, и вкусы их представителей отличались очень сильно даже в рамках общей культурной конструкции. Достаточно многочисленным был сегмент, которому строгость нравов была не по вкусу и более привлекательными казались веселые и шумные развлечения. В этой группе особенно много было молодых и неженатых мужчин из Лондона и других крупных городов, стремившихся сбежать от ограничений узкой евангелически определяемой респектабельности. Неоднородность вкусов стала заметнее на рубеже веков [2, с. 296–298]. Кроме того, на курортах присутствовали значительные количества низших средних классов, культура которых была связующим звеном между средними классами и рабочими. Курортный отдых средних классов был семейным, при этом дети явно тяготели к привлекающим внимание шоу и аттракционам, и родители становились потребителями массовой досуговой индустрии. Коммерчески организованная индустрия развлечений, таким образом, становилась точкой сближения различных социальных групп

В целом, можно говорить о том, что во второй половине XIX – начале XX вв. на провинциальных морских курортах происходили процессы национального масштаба. На их примере можно проследить, как в стране с самой жесткой системой социальной иерархии создавались предпосылки для зарождения массовой культуры.

Источники и литература

1. Chapman A., Light D. Working with the Carnivalesque at the Seaside: Transgression and Misbehaviour in a Tourism Workplace // Tourist Studies. – URL: http://tou.sagepub.com/content/early/2016/08/30/1468797616665768.full.pdf+html (дата обращения 17.08.2019).

2. Girouard M. The English Town. A History of Urban Life. New Haven – London: Yale University Press, 1990. – 330 p.

3. Hall C.M., Page S.J. The Geography of Tourism and Recreation: Environment, Place and Space. – London – New York: Routledge, 2014. – 457 p.

4. Hobsbaum E. Workers: Worlds of Labour. New-York: Pantheon Books, 1984. – 369 p.

5. Horn P. Pleasures & Pastimes in Victorian Britain. Stroud: Sutton Publishing Ltd., 1999. – 280 p.

6. Hughes H.L., Allen D. Entertainment and its Significance in the Holiday Experience at UK Seaside Resorts // Tourism Recreation Research. – 2008. – Vol.32. – Is. 2. – P. 131–141.

7. Rothwell C. Bright and Breezy… Blackpool. A Pictorial Journey through Blackpool`s Past. Tottington: Printwise Publications Ltd., 1991. – 72 p.

8. Sweet R. The English Town, 1680–1840: government, society and culture. Singapore: Addison Wesley Longman Singapore Ltd., 1999. – 287 p.

9. Urry J. The Tourist Gaze. – London: SAGE Publications, 2002. – 183 p.

10. Walton J.K. The re-making of a Popular resort: Blackpool Tower and the boom of the 1890s // The Local Historian. – 1994. – Vol. 24. – Is. 4. – P. 194–205.

11. Ward S.V. Selling Places: The Marketing and Promotion of Towns and Cities, 1850–2000. London – New York: Routledge, 1998. – 269 p.

12. Williams S. Tourism and recreation. Harlow: Pearson Education Ltd., 2003. – 217 p.

Р. С. Айриян
(г. Ростов-на-Дону)

СЕНАТОРЫ – «ИЗГОИ» В ПОСЛЕВОЕННОМ КОНГРЕССЕ США (1945–1952)

Послевоенный Конгресс США отличался от своего предшественника в первую очередь тем, что он был менее изоляционистским. Ещё в период предвыборной компании в Конгресс журнал «Time» характеризовал в 1943 г. настроение американских избирателей следующим образом: «…ни один изоляционист не чувствует себя спокойно. Избиратели настроены в пользу международного сотрудничества» [11, p.19]. Муниципальная газета «The Wilmington morning star» (Северная Каролина) вторила центральному изданию: «Не очень популярно сегодня именоваться изоляционистом, как это было ранее» [7].

Выборы периода Второй мировой войны нанесли серьезный удар изоляционистам в Конгрессе США. Сенатор Джордж Норрис, который представлял штат Небраска в Сенате с 1913 г., потерпел сокрушительное поражение на выборах в 1942 г. Выборы 1944 г. стали выборами повсеместного поражения сторонников изоляционизма, включая сенатора Джона Донахэра из Коннектикута, сенатора Джеральда Ная из Северной Дакоты и сенатора Беннета Кларка из Миссури.

Многолетняя служба в Конгрессе и отстаивание интересов жителей штатов не помогли им переизбраться. Их избиратели, не будучи политиками, лучше понимали те новые условия, в которых оказались Соединённые Штаты, и те перспективы, которые открывались стране на излёте войны.

Ещё в 1943 г., следуя настроениям а обществе, республиканцы приняли резолюцию, согласно которой они высказывались за ответственное участие Соединённых Штатов в работе послевоенных международных организаций по предотвращению агрессий в будущем [3, p. 7649–7650]. Тем самым республиканцы фиксировали, что изоляционизм перестал определять внешнеполитическую линию партии. Сенатор Уоррен Остин, представляющий штат Виргиния, отмечал, что с 1943 г. стержнем дискуссии в республиканской партии стал не вопрос быть или не быть сотрудничеству США с другими странами, а вопрос, в какой форме оно будет осуществляться [2, с.140].

В период предвыборной гонки тяжело приходилось не только республиканцам, но и демократам. Так, сенатор Дэвид Уолш (Массачусетс), известный сторонник политики изоляционизма, вынужден был вступить в заочный спор с сенатором и кандидатом в вице-президенты Гарри Трумэном, который назвал его изоляционистом. Дэвид Уолш оправдывал свою позицию, ссылаясь на то, что до Пёрл-Харбора он как и 80 процентов американцев не хотели участия США в войне и это нежелание не делает его и всех их изоляционистами. Особо Уолш подчеркнул, что изоляционистами на его взгляд являются Черчилль и Сталин, которые «…всегда делают всё возможное, чтобы защитить и в тоже время расширить свои империалистические державы» [12].

Атаку на изоляционистов продолжил и президент Франклин Рузвельт. В речи, посвященной внешней политики США, он призывал сограждан помнить, что сенатор Хайрам Джонсон, представляющий штат Калифорния, был одним из «…ведущих изоляционистов, который убил международное сотрудничество в 1920 г. …и в случае победы республиканцев… сенатор Джонсон станет председателем комитета сената по внешней политике» [8, p. A-18]. Сенатор Хайрам Джонсон был одним из немногих, кого в Сенате опасался президент Рузвельт.

Нападки на изоляционистов со стороны журналистов и политических оппонентов возымели определённый эффект. Некоторые сенаторы не желали голосовать против нарождающейся новой международной организации безопасности, опасаясь ярлыка «изоляционист». Так, сенаторы Бертон Уиллер (Монтана) и сенатор Хайрам Джонсон (Калифорния) выступали против ратификации при обсуждении в палате, но первый в итоге оказался в числе 89 сенаторов, поддержавших ратификацию Устава ООН, а второй и вовсе не пришёл в Сенат в день голосования.

Это было тяжёлое решение для сенаторов Бартона и Джонсона. Первый являл собой в глазах коллег и сторонников новым лидером изоляционистского крыла демократической партии. Ещё в январе 1945 г. ведущим изоляционистом в Конгрессе США журналисты называли именно демократа Уиллера [9, p. A-9], чья речь от 15 января стала своеобразным ответом на знаменитую речь экс-изоляциониста республиканца Артура Ванденберга, призывавшего к активному вовлечению США в международные отношения и разрешению международных проблем. В тоже время и Хайрам Джонсон, считавшийся непримиримым и бескомпромиссным изоляционистом [6], удивил своих избирателей и однопартийцев. Так, 30 июня 1945 г. газета «The Key West citizen» отметила, что «даже сенатор Хайрам Джонсон из Калифорнии, знаменитый изоляционист в Сенате, сказал сегодня, что он может проголосовать за Устав (ООН- Р.А.)» [10]. Подобного рода демарши можно объяснить не желанием сенаторов терять свои должности из-за их личного отношения к ООН в предстоящих перевыборах в Сенат в 1946 г. Но сенатору Хайраму Джонсону не суждено было дожить до них: 6 августа 1945 г. он умер на посту сенатора от штата Калифорния.

Поэтому немногие члены Конгресса в первые послевоенные годы были последовательны в своём нежелании вовлекать Соединённые Штаты в мировые дела. Среди них в Сенате можно выделить сенаторов-республиканцев Хенрика Шипстеда (Миннесота) и Уильяма Лангера (Северная Дакота), которые себя к изоляционистам также не относили. Только они двое не побоялись проголосовать против ратификации Устава ООН в Сенате США [4, p. 8190]. А Хенрик Шипстед сделал это фактически дважды – он также проголосовал против ещё на стадии обсуждения Устава в сенатском комитете по иностранным делам [4, p. 7951].

Позиция сенатора Шипстеда относительно всех шагов администрации Рузвельта-Трумэна была предсказуема, так как находясь в Сенате с 1923 года он неизменно голосовал против какого-либо участия США в мировых делах (против вхождения США в Лигу Наций, обременения Германии репарациями, и выступал за акты о нейтралитете США в 1930-е гг.). Будучи американцем норвежского происхождения, его заботила судьба малых государств Европы, которые, по его мнению, окажутся под влиянием крупнейших держав, обладающих правом вето в ООН [1, с. 58–59]. Его голос «против» стал актом политического самоубийства: в 1946 г. на партийных праймериз в Миннесоте он проиграл республиканцу-интернационалисту Эдварду Джону Таю.

По-другому сложилась судьба сенатора Лангера, которого за его непримиримость зачастую прозывали «Диким Биллом». Сенатор Уильям Лангер проголосовал против Устава ООН. И это несмотря на то, что в более чем 90 % писем, направленных ему из Северной Дакоты, его электорат выступал за участие США в новой международной организации. Уильям Лангер критиковал и выступал против «доктрины Трумэна», плана Маршалла, резолюции Ванденберга и ратификации Североатлантического Договора [5, p. 9915–9916]. Но при этом он неизменно одерживал победы на выборах в Сенат: вплоть до дня своей смерти в 1959 г. он представлял Северную Дакоту в верхней палате Конгресса.

Таким образом к концу президентства Гарри Трумэна в Сенате оставалось лишь двое изоляционистов – Уильям Лангер, который не отступал от своих принципов ни разу, и Бартон Уиллер, шедший на компромисс раи политической целесообразности. Послевоенное время требовало новых людей с новыми идеями и воззрениями, этого требовал и американский народ, от выборов к выборам «изгонявший» из Сената изоляционистов.

Источники и литература

1. Айриян Р. С. Конгресс США и американская внешняя политика (1945–1952 гг.). – Ростов-на-Дону: Издательство АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 200 с.

2. Маныкин А. С. «Эра демократов»: партийная перегруппировка в США 1933-1952. – М.: Издательство Московского университета, 1990. – 262 с.

3. Congressional Record. Proceedings and debates of the 78th Congress. Vol.89. Pt.6. – Wash.: GPO, 1943. – 8608 p.

4. Congressional Record. Proceedings and debates of the 79th Congress. Vol.91. Pt.6. – Wash.: GPO, 1945. – 8466 p.

5. Congressional Record. Proceedings and debates of the 81st Congress. Vol.95. Pt.8. –Wash.: GPO, 1949. – 11287 p.

6. Hachey Thomas E. American profiles on Capitol Hill: A confidential study for the British Foreign Office in 1943// The Wisconsin Magazine of History. 1973–1974. Vol. 57. № 2. Pp. 141-153. URL: http://www.jstor.org/stable/4634869 (дата обращения: 24.09.2019)

7. Inside Washington//The Wilmington morning star. April 01, 1943.

8. Text of President Roosevelt's Foreign Policy Address. Strikes out strongly at republican isolationist leaders and warns nation to take lesson from events after last war// Evening star. October 22, 1944.

9. The Great Game of Politics Vandenberg's speech jarred complacency of New' Deal Insiders //Evening star. January 17, 1945.

10. Truman prepares his message on Nations Charter//The Key West citizen. 30 June 1945. https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83016244/1945-06-30/ed-1/seq-1/ (дата обращения: 24.09.2019)

11. US at War// Time. November 13, 1944.

12. Walsh is not an isolationist like "Churchill, Stalin"// The Wilmington morning star. November 01, 1944.

А. В. Балаян
(г. Ставрополь)

ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОМ КОНФЛИКТЕ 2007–2010 гг.

Израиль относился к числу важнейших союзников Соединенного Королевства на Ближнем Востоке. Пришедшие к власти лейбористы в 1997 г. во главе с Э. Блэром стремились сформировать собственную политику в данном направлении. Э. Блэр пришлось пытаться некоторый компромисс между политикой ЕС в отношении конфликта, поскольку Великобритания входила в состав Европейского Союза и политикой США, с которыми у Лондона были «особые отношения». Великобритания не смогла, несмотря на усилия Э.Блэра играть в палестино-израильском конфликте самостоятельную роль и тем более найти компромисс между политикой США и ЕС. США в большей степени ориентировались на Израиль, а значительная часть государств ЕС требовала признания независимой Палестины в границах 1967 г. Следует признать отсутствие в рядах ЕС единой позиции в урегулировании палестино-израильского конфликта, что не могло не привести к противоречивости и британской политики. ЕС не признает оккупация Израилем Восточного Иерусалима и Голанских высот. Одновременно Франции и государства Скандинавии активно выступают за развитие Палестинской автономии вплоть до создания независимого государства. Данная группа стран резко осуждает строительство еврейских поселений на оккупированных территориях. Великобритания, Германия и ряд других стран более лояльно относятся к Израилю [5, с. 164]. Великобритания в большей степени дрейфовала в сторону поддержки позиции США.

В 2007 г. после ухода в отставку Э. Блэра, новое лейбористское правительство возглавил Г. Браун, не считавшийся в отличии от Э. Блэра знатоком Ближнего Востока и в большей степени сосредоточившегося на решении внутренних проблем, вызванных мировым экономическим кризисом 2008 г. Г. Браун полностью делегировал ближневосточное направление внешней политики министру иностранных дел Д. Милибэнду. Д. Милибэнд последовательно отстаивал необходимость создания независимого палестинского государства в границах 1967 г. [7]. Хотя Лондон допускал возможность определенной корректировки границ.

В ЕС неоднократно критиковали Великобританию за непоследовательность его политики в палестино-израильском конфликте, за полную поддержку действий Израиля. В самом Соединенном Королевстве многие общественные организации осуждали политику Израиля на оккупированных территориях, предлагая ввести бойкот израильских товаров и требуя от правительства оказания давления на Тель-Авив [6, p. 8]. В некоторых городах королевства организовывался бой-

кот товаров, произведенных в Израиле по инициативе общественных организаций, особенно эти действия поддерживала многочисленная мусульманская община.

Серьезным успехом Великобритании на Ближнем Востоке становится назначение, ушедшего в отставку Э. Блэра в июне 2007 г. спецпредставителем квартета по ближневосточному урегулированию. В 2007–2010 гг. отношения между ЕС и Израилем выходят на новый качественный уровень. В июне 2008 г. ЕС повышает статус своих отношений с Тель-Авивом. В ноябре 2009 г. подписывается соглашение о сотрудничестве в области сельского хозяйства ЕС с Израилем. Данные направления сотрудничества полностью поддерживаются Великобританией.

Г. Браун попытался скорректировать политику Великобритании на Ближнем Востоке. Он в отличие от своего предшественника не собирался проводить активную политику в Израиле и Палестине, понимая, что у Лондона нет для этого необходимых ресурсов. Премьер-министр понимал, что Великобритания, как и при Э. Блэре, должна была либо идти в фарватере политики США в области урегулирования палестино-израильского конфликта, либо попытаться партнерами по ЕС выстроить общую европейскую политику в данной области. Поэтому премьер-министр хотел сосредоточиться на реализации экономических проектов в Палестине, координируя действия с другими государствами ЕС. Именно ЕС выступает в качестве основного донора Палестинской автономии. Чтобы успокоить Израиль Г. Браун назначил своим советником по международным вопросам бывшего посла Великобритании в Тель-Авиве С. Макдональда, считавшегося одним из лидеров произраильского лобби в Великобритании [4].

В июле 2008 г. Г. Браун посетил Израиль и Палестинскую автономию, где попытался до участников конфликта донести свое видение урегулирования конфликта. Встречаясь с президентом Израиля Ш. Пересом, британский премьер призвал обе стороны к достижению мира и созданию жизнеспособного палестинского государства. Особое внимание Г. Браун уделил экономическому развитию региона и намерению британских компаний вложить значительные средства в развитие Израиля и Палестины и поддержке всех экономических инициатив правительством Соединенного Королевства. Г.Браун подтвердил незыблемость суверенитета и независимости Израиля в границах признанных мировым сообществом.

Одновременно премьер-министр осудил строительство стены, разделяющей Израиль от Палестины, так как оно не способствует диалогу между сторонами конфликта. Во время встречи с главой Палестинской автономии М. Аббасом Г. Браун заявил: «Стена безопасности является живым доказательством того, как необходимо восстановление справедливости для палестинского народа, прекращение оккупации и создание жизнеспособного Палестинского государства» [3]. Британский премьер обещал М. Аббасу как минимум 60 млн. долларов на развитие экономики Палестины, а всего в течении трех лет Великобритания планировала выделить автономии 500 млн долларов и реализовать проект по подготовке палестинских полицейских [1]. Лондон понимал, что бедственное положение населения в Палестине является питательной почвой для развития радикализма и международного терроризма. Повышение уровня жизни палестинцев являлось основой для налаживания сотрудничества с Израилем.

21 июля 2008 г. Г. Браун становится первым премьер-министром Великобритании, выступившим в Кнессете Израиля. Он заявил о полной поддержке независимости Израиля, осудил проявления антисемитизма в мире. Отдельной темой его выступления становится осуждение иранской ядерной программы. Г. Браун призвал израильтян и палестинцев к мирному разрешению конфликта. Одним из способов его решения он считал налаживание экономического сотрудничества между израильскими и палестинскими предпринимателями [2]. Г. Браун затронул и болезненную тему строительства израильских поселений на оккупированных территориях. Он призвал Израиль отказаться от данной практики, поскольку она обостряет отношения между палестинцами и Израилем.

Следовательно, правительство Г. Брауна в большей степени, в сравнении с правительством Э. Блэра смешает акценты в палестино-израильском конфликте в сторону поддержки позиции большинства государств ЕС, отказываясь от роли «локомотива» в данном процессе. В тоже время, в Лондоне понимали невозможность разрешения конфликта в Палестине без активной позиции США, так как возможности ЕС, тем более Великобритании были весьма ограничены.

Источники и литература

1. Гордон Браун встретился с израильским премьером (20 июля 2008). [Электронный ресурс]// http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_7516000/7516442.stm (дата обращения 15.07.2019)

2. Гордон Браун осудил антиизраильские выпады президента Ирана (21 июля 2008). [Электронный ресурс]// https://www.svoboda.org/a/457224.html(дата обращения 15.07.2019)

3. Гордон Браун пообещал Палестинской автономии помощь (20 июля 2008). [Электронный ресурс]// https://www.svoboda.org/a/457088.html (дата обращения 15.07.2019)

4. Какой будет внешняя политика Британии при Брауне (26 июня 2007). [Электронный ресурс]// http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_6242000/6242630.stm (дата обращения 18.07.2019)

5. Крылов А. В. Противодействие стран Евросоюза переселенческой политике Израиля: мифы и реальность//Вестник МГИМО-университета. – 2014. – №6. – С. 161-173.

6. EU Trade with Israeli Settlements//The Middle East Conflict. Briefing Paper. – February 2012. – 14 p.

7. Underhill W. A look at David Miliband's foreign policy//Newsweek. – 9.12.2008.

А. П. Беликов
(г. Ставрополь)

В. П. НЕВСКАЯ КАК ИСТОРИК-АНТИКОВЕД

Валентина Павловна Невская (01.08.1919–29.01.2009) заслуженно приобрела широкую известность и международное признание, как выдающийся специалист по истории и культуре Северного Кавказа, в частности, особенно много она сделала для изучения самобытности карачаевцев. Она внесла огромный вклад в развитие отечественного кавказоведения. И сейчас любая современная работа кавказоведов не может обойтись без ссылок на труды В. П. Невской.

При этом меньше внимания уделяют тому очевидному факту, что начинала она свою научную деятельность как историк античности, и здесь у неё тоже есть весомые заслуги перед наукой.

Интерес к далёкому прошлому сформировался у Валентины Павловны ещё в детстве, и особенно – к древней Элладе. Потому она и поступила на исторический факультет Московского государственного педагогического института имени Ленина. Учёба полностью увлекла её, она стала одной из лучших студенток факультета, но в 1938 году была отчислена из института в связи с арестом отца – реабилитированного только через 15 лет.

В. П. Невская не сломилась, устроилась работать в библиотеке, что позволяло ей продолжать набирать материал о мегарской колонии Византий, основанной в VII веке до н.э. на побережье Босфора. Она не оставляла надежды стать профессиональным историком. Мечта эта осуществилась не скоро, во время войны она оказалась в эвакуации, и ей довелось работать и на хлопковых полях Узбекистана, и на заготовке дров в Поволжье.

Только в 1944 году она опять смогла стать студенткой, блестяще училась, и после получения диплома в 1947 перспективную молодую специалистку сразу пригласили в аспирантуру. В 1950 году, уже будучи матерью двух детей, она защитила кандидатскую диссертацию. Притом по теме, которая тогда была практически не разработана не только в отечественной, но и в мировой историографии – «Византий в классическую и эллинистическую эпохи».

Она могла остаться преподавателем в МГПИ, но попросила распределения в учительский институт маленького провинциального города, неподалёку от столицы, где оказалась её мама, лишённая права проживать в Москве, как жена «врага народа». Однако о ней и её диссертации не забыли, и предложили подготовить монографию, чем она и занималась без отрыва от насыщенной преподавательской работы.

В 1953 году книга была опубликована [1, с. 23], и её высоко оценили коллеги. Вскоре, учитывая явный недостаток серьёзной литературы по Византию, она была издана в Лейпциге на немецком языке [2]. В 1955 году японский исторический журнале «Шихо» в № 5 опубликовал очень подробную рецензию на монографию, скорее, даже развёрнутый конспект – случай уникально редкий даже для современности, не говоря уже о 50-х годах XX века.

Одобрительные рецензии на книгу появились во французском и австрийском исторических журналах. Валентина Павловна с улыбкой вспоминает, что австрийский рецензент, высоко оценив работу, сделал замечание: в ней зачем-то упоминается какой-то «анонимный Краткий курс

истории ВКП(б)». Зарубежные коллеги очень слабо представляли себе, в каких условиях тогда трудились наши антиковеды.

Решив продолжить избранную тему хронологически, Валентина Павловна стала собирать материал для новой монографии, теперь уже об исторических судьбах города Византий в составе римской державы. К сожалению, задуманная работа так и не смогла состояться.

Последняя волна сталинских репрессий вынудила её уехать ещё дальше от Москвы – в Карачаево-Черкесию. Здесь не было условий для продолжения работы над античными сюжетами, и Валентина Павловна занялась изучением истории Северного Кавказа, что и стало делом всей её последующей жизни. С 1972 года она преподаёт историю древнего мира в Ставрополе, продолжая заниматься кавказоведением. Это не помешало ей подготовить высококлассного специалиста по античности, Юрия Николаевича Литвиненко, к сожалению, трагически рано ушедшего из жизни.

Прошло 62 года со времени издания монографии В. П. Невской о Византии в классическую и эллинистическую эпохи, но книга не устарела и нисколько не утратила своего научного значения.

И не только потому, что «Византий являлся ключом к черноморским проливам, и был крупным хозяйственным центром и передаточным пунктом между различными областями Эгейского бассейна и Черноморского побережья. Город играл первостепенную роль в экономической и политической жизни не только Причерноморья, но и материковой Греции» [1, с. 3]. Именно высокое качество научного исследования сделало эту монографию востребованной и в наши дни не только у отечественных учёных, но и за рубежом. Не случайно в 2007 году оцифрованный текст книги выложен на сайте библиотеки Мичиганского университета в США. Полный текст монографии В.П. Невской доступен и в сети Интернет [3]. Интернет даёт огромное количество ссылок, как на биографию Валентины Павловны, так и на это её исследование, в том числе – иногда встречающиеся объявления о продаже этой книги за весьма немалые деньги.

Работа состоит из Введения (с. 3–12), и шести глав. В первой главе «Основание Византия. Природные условия» (с. 13–29) тщательно анализируются первые шаги становления города и те природно-климатические условия, благодаря которым стало возможно процветание мегарской колонии, основанной в 660 г. до н.э.

Вторая глава «Социально-экономический и политический строй Византия в классическую эпоху» (с. 30–58) последовательно раскрывает такие важные вопросы, как земельные отношения и земледелие, ремёсла и промыслы, монетная система и финансы, социальный состав населения, политическое устройство Византия. Подчёркивая демократический характер византийского полиса, В.П. Невская отмечает, что, несмотря на непрерывные войны с фракийцами, требующие огромных денежных трат, в обязательном порядке проводилось благоустройство города – часть средств расходовалась на постройку храмов, стадионов, гимнасиев [1, с. 51].

Третья глава «Византий и Первый Афинский морской союз» (с. 59–92) посвящена нелёгкой судьбе города, в период греко-персидских войн оказавшегося под властью персов. Однако важность Византия как опорного пункта персов в Европе, а главное, ущерб, который несла Греция из-за потери проливов и прекращения поставок хлеба из Северного Причерноморья привела к походу эллинов, освободивших город [1, с. 65]. Хорошо показано противостояние Афин и Спарты за влияние в проливах [1, с. 66–71], но, в конечном счёте, Византий оказался в афинском морском союзе и вынужден был выплачивать в союзную казну значительный форос, что тяжким бременем ложилось на финансовое состояние города. Несмотря на это, для византийцев «в политическом отношении это были, по-видимому, годы торжества демократии» [1, с. 71], поскольку аристократы, запятнавшие себя сотрудничеством с персами, были окончательно отстранены от политической деятельности, и реальным носителем власти стал только демос.

В четвёртой главе «Византий в IV в. до н.э.» (с. 93–121) подробно рассматривается ситуация в городе в период Пелопоннесской войны. Сама ожесточённая борьба двух сильнейших полисов Эллады за власть над Византием показывает, насколько важен был этот торговый порт для всей Балканской Греции. Поэтому сохранить полную независимость он не мог – он был «слишком лакомым куском для всех претендентов на господство в греческом мире» [1, с. 100]. Положение осложнялось не только военным противостоянием Афин и Спарты, но и внутренней борьбой в городе между демосом и олигархами, пытающимися получить поддержку спартанских войск в борьбе против собственных сограждан.

После поражения Афин в Пелопоннесской войне в Византии установилась спартанская гегемония, более тяжкая, нежели афинская. Поэтому борьба против Спарты слилась с борьбой против

олигархов [1, с. 95], поскольку «кучка богачей ставила свои интересы выше интересов родного города» [1, с. 96].

Затем Византий опять оказался под властью Афин, и освободился от неё только в 355 г. до н.э. – что способствовало «расцвету города как в экономическом, так и в политическом отношении» [1, с. 108]. Уже в 340 г. до н.э. ему пришлось отстаивать свою независимость в тяжёлой войне с македонским царём Филиппом II [1, с. 112–121]. Победа византийцев над считавшимся непобедимым царём произвела сильнейшее впечатление на современников. Выйдя из непрерывных войн IV в. до н.э. только окрепшим, Византий получил такую славу, что – «В течении нескольких веков, вплоть до Септимия Севера, никто не решался на осаду города» [1, с. 121].

Пятая глава «Византий в эпоху эллинизма» (с. 122–146) рассматривает экономику и политическую жизнь города в III в. до н.э. Ему удалось остаться независимым и не войти в Эллинский союз Александра Македонского. Затем он отстоял свою свободу от попыток Лисимаха и Антиоха II навязать ему своё господство. Византийцы установили дружеские отношения с Птолемеями, выстояли в войнах против фракийцев и Вифинии.

В эпоху нового усиления Македонии при правлении Филиппа V, Византий пытался сохранять нейтралитет, выступал в качестве посредника в мирных переговорах во время войн на Балканах и в Эгеиде. Проявляя прозорливость, византийские политики, были решительно против привлечения римлян в греческие дела [1, с. 145], не без оснований опасаясь, что Рим не удовлетворится только ослаблением Македонии, а попытается подчинить себе и всех эллинов.

Однако агрессивная политика Филиппа V поставила под угрозу и сам Византий. Византийцы вынуждены были примкнуть к анти македонской коалиции, и прежде так горячо ратовавшие против допущения римлян в Элладу, тем самым стали союзниками Рима.

«Вся дальнейшая история Византия, который к началу II в. до н.э. превратился в один из крупнейших торговых городов греческого мира, связана с проникновением на Восток римлян. Основным моментом во внешнеполитическом жизни Византия, как и других греческих городов, с этого времени стали взаимоотношения с Римом, изучение которых может составить предмет специального исследования» [1, с. 146]. Бесконечно жаль, что В. П. Невской не удалось написать такое исследование.

Завершающая, шестая глава монографии «Культура» (с. 147–152) кратко, но ёмко показывает особенности и достижения богатой культурной жизни Византия. Слава Афин, как культурного и научного центра Эллады, стала общим местом в историографии, и несколько затенила ту действительно важную роль, которую византийцы сыграли не только в политике, экономике и торговле Греции, но и в её культурном развитии. Очевидно, именно поэтому В. П. Невская акцентирует внимание читателей на том, что «В городе было много высокообразованных людей, учившихся у крупнейших философов своего времени» [1, с. 146]. В том числе – Леон Византийский, участник войны с македонским царём Филиппом, написавший несколько исторических сочинений.

В «Заключении» (с. 153–158) подводятся итоги всего исследования. «На примере истории Византия можно видеть, как маленькая греческая колония , используя богатства припонтийских стран, превратилась в сильную торговую республику, с которой вынуждены были считаться даже правители эллинистических царств» [1, с. 153].

На последней, 159 странице книги, содержится список сокращений.

Даже этот крайне краткий анализ основных положений монографии В. П. Невской показывает весомость достигнутых ею научных результатов и её вклад в изучение одного из самых интересных полисов эллинского мира.

Её научный труд продолжает свою жизнь, как и сохраняется память о Валентине Павловне Невской, ярком учёном и замечательном человеке, все, кому посчастливилось общаться с ней, никогда не забудут её.

И ещё один важный вывод - Книга вызывает интерес не только потому, что она представляет собой высококлассное научное исследование, к тому же написанное прекрасным русским языком, который, к сожалению, сейчас не так часто встречается в научных работах наших современников.

Но ещё и по той причине, что главным её содержанием являются два ключевых момента жизни: экономика и демократия. В книге, написанной в 1953 году, автор показывает, как важна демократия для нормального развития государства, и какие несчастья постигали Византий, когда в силу тех или иных причин демократия в нём терпела бедствия.

Источники и литература

1. Невская В. П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М.: Издательство АН СССР. – 1953. – 156 с.
2. Newskaja W. P. Byzanz in der klassischen und hellenistischen Epoche. Leipzig: Koehler & Amelang. – 1955. – 170 s.
3. Невская В. П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. – М.: Издательство АН СССР. – 1953//http://www.sno.pro1.ru/lib/nevskaya_vizantiy_v_klassicheskuju_epokhu/ (дата обращения 01.09.2019).

М. С. Бобрышев
(г. Ставрополь)

НАЧАЛО ИКОНОБОРЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ИОАНН ДАМАСКИН

Время правления Льва III Исавра (717–741 гг.) связано с началом иконоборчества в Византийской империи. Поддержка императором этого движения, имеющего как политическую, так и религиозную направленность, вызвала негативную реакцию со стороны ряда представителей духовенства, в том числе – римского папы Григория II и константинопольского патриарха Германа. Среди тех, кто выступил в защиту почитания икон, был и известный богослов, полемист, проповедник и поэт того времени – Иоанн Дамаскин (2 пол. VII в. – 754 г.), написавший «Три защитительных слова против порицающих святые иконы».

Первый полемический трактат этого сочинения был составлен вскоре после обнародования иконоборческого эдикта Льва III Исавра в январе 730 г. [1, с. 37]. В начале труда Иоанн обращается к императору, заявляя о своей решимости «говорить, не ставя величия царей выше истины» [2, с. 347], а после – к общине константинопольских христиан и патриарху Герману, смиренно прося их «принять мое слово с благосклонностию» и «взвесить силу моих мыслей», поскольку цель свою он видит в том, чтобы «не победить, но протянуть руку подвергающейся нападению истине» [2, с. 348].

Далее Дамаскин сосредоточивается на значимом для апологии икон разъяснении понятий «первообраз» и «образ». Вопрос возможности иконописания этот полемист прежде всего связывает с темой явления и откровения: отношение между видимым и невидимым изменяется с пришествием Христа. Если в ветхозаветные времена Моисей, «ради избежания идолослужения» запрещал «писание изображений», ибо «невозможно, чтобы был изображаем бесколичественный, и неописуемый, и невидимый Бог» [2, с. 350], то «когда невидимый, облекшись в плоть, становится видимым», когда тот, кто «“будучи образом Божиим”, “принял образ раба”, “через это сделался ограниченным” в количественном и качественном отношениях и облекся в телесный образ, тогда начертывай на досках и выставляй для созерцания Восхотевшего явиться», «тогда изображай подобие Явившегося» [2, с. 350]. Ветхозаветный запрет на изображения, на который ссылались иконоборцы, согласно Иоанну, ставил целью пресечь склонность иудеев к идолопоклонству, теперь же, «по миновании детского возраста», не весь Закон сохраняет силу [2, с. 350].

В том, что касается изображения Христа, то автор «Первого защитительного слова» явно следует решениям Пято-Шестого (Трулльского) собора (692 г.), установившего в 82 правиле основные принципы иконописания. Основной смысл этого положения, согласно Г. Флоровскому, состоял в том, что в нем был закреплен «уже установившийся в иконописи священно-исторический реализм» и отменялся «архаический символизм ветхозаветных “символов” и “типов”» [4, с. 317]. Так, правило гласило: «Почитая древние образы и сени, как знамения и предначертания истины, преданные Церкви, мы предпочитаем благодать и истину, приемля оную как исполнение закона. Сего ради, дабы и в изображениях очам всех представляемо было совершенное, повелеваем отныне на иконах, вместо ветхого агнца, представлять по человеческому виду Агнца, вземлющего грехи мира, Христа Бога нашего, дабы через уничижение усмотреть высоту Бога Слова и приводиться к воспоминанию жития Его во плоти, Его страдания и спасительной смерти» [3, с. 93]. Аналогичная мысль имеется и у Дамаскина: «Начертывай неизреченное Его снисхождение,

рождение от Девы, крещение во Иордане, преображение на Фаворе, страдания, освободившие нас от "страстей", смерть, чудеса – признаки божественной Его природы, совершаемые божественною силою при посредстве деятельности плоти, спасительный крест, погребение, воскресение, восшествие на небеса; все рисуй и словом, и красками. Не бойся, не опасайся!» [2, с. 350].

Еще одна важная проблема, которой касается Иоанн в связи с иконопочитанием, связана с раскрытием понятий «поклонение», «служение» и «служебное поклонение». Дамаскин выделяет различные виды «поклонений» [2, с. 350, 353], но «поклонение», связанное со «служением», относит только к Богу: «… одна цель, чтобы мы не служили твари "вместо Создателя" и, кроме одного только Творца, [никому] не воздавали служебного поклонения» [2, с. 350]; «первое поклонение – служебное, воздаваемое нами Богу, Который один только по Своей природе достоин поклонения» [2, с. 353].

Возвращаясь к теме «образа», Дамаскин отмечает, что «изображение есть напоминание: и чем является книга для тех, которые помнят чтение и письмо, тем же для неграмотных служит изображение; и что для слуха – слово, это же для зрения – изображение; при помощи же ума мы вступаем в единение с ним» [2, с. 355]. Таким образом, если Писание – словесное изображение невидимого, то икона – книга для неграмотных, заменяющая речь и слово. Здесь автор трактата обращается к примеру устройства Скинии, указав, что такие предметы, как «скрижали, и жезл, и "стамна златая", имеющая манну» служили «для напоминания о случившемся и – предъизображения будущего», и были расположены «перед лицом всего народа, на что взирая воздавались поклонение и служение Богу, действовавшему при их посредстве», и что люди «служили им не как им, но, посредством их приводимые к припоминанию чудес, воздавали поклонение Виновнику чудес – Богу», поскольку «образы были положены для напоминания, не как боги, но как приводившие к напоминанию о божественной деятельности» [2, с. 355]. Соответственно, «изображение» трактуется здесь как образ, восходящий к первообразу, средство, при помощи которого осуществляется поклонение и служение Господу. В подтверждение означенной мысли автор в конце трактата ссылается на мнение Василия Великого: «Ибо говорит божественный Василий – воздаваемая изображению честь переходит на первообраз» [2, с. 357]. В дальнейшем это положение найдет свое воплощение в определении Седьмого Вселенского Собора (787 г.), утвердившего догмат иконопочитания.

В «Первом защитительном слове» Дамаскин уделяет внимание и апологии культа святых: «Но, говорят, делай изображение Христа и удовольствуйся, или Матери Его – Богородицы. О нелепость! Ты ясно признал себя врагом святых. Ибо если ты делаешь изображение Христа, а святых – никоим образом, то ясно, что ты запрещаешь не изображение, но чествование святых». Согласно этому богослову, почитание святых также связано с почитанием Бога, «ибо святые и при жизни были исполнены Святого Духа, также и по смерти их благодать Святого Духа неистощимо пребывает и в душах, и в телах, лежащих во гробах, и в их чертах, и в святых их изображениях не по причине их сущности, а вследствие благодати и [божественного] действия» [2, с. 356].

Следует обратить внимание и на то, что Иоанн Дамаскин критикует своих оппонентов за своеобразное отношение к источникам для аргументации – предпочтение, отдаваемое отдельным текстам Писания, и избирательный подход к Св. Преданию [2, с. 359–360].

Основные доводы «Первого защитительного слова» Иоанн Дамаскин развил в двух последующих трактатах. Как отметил Г. Флоровский, касаясь этого наследия полемиста, «не все у него ясно вполне», но «позднейшие писатели шли именно за ним» и «основные начала учения об иконах выражены были уже Дамаскиным» [4, с. 324]. Умер Дамаскин, не дожив до Иконоборческого Собора 754 г., где его подвергли анафеме, но VII Вселенский Собор 787 г. признал верность его учения.

Источники и литература

1. Иоанн Дамаскин // Православная энциклопедия. Т. XXIV. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. С. 27–66.

2. Иоанн Дамаскин. Три защитительных слова против отвергающих святые иконы // Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина / Пер. с греч. Т. 1. СПб.: Имп. С.-Петерб. духов. акад., 1913. С. 347–441.

3. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. Переславль: Издательство Братства во имя св. блгв. Князя Александра Невского, 1997. – 656 с.

4. Флоровский Г. Византийские отцы V–VIII веков. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2006. – 335 с.

О. Н. Захарченко
(г. Ставрополь)

ОБРАЗ ЖИЗНИ ПАРИЖСКОЙ БОГЕМЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Художники и поэты Парижа в последней трети XIX – начале XX вв. обладали разным социальным и имущественным статусом, происхождением, уровнем доходов, мировоззрением. В то же время, богема являлась коллективным образ жизни, а не индивидуальным опытом. Её характерным атрибутом, подчеркиваемым в многочисленных воспоминаниях современников, было чувство общности и товарищества, что нашло выражение в формировании определенных богемных локаций в городе, изучение которых позволяет выделить некоторые общие характеристики материально-бытового существования парижской богемы в рассматриваемый период. Как правило, до начала 1900–1910-х гг. богема предпочитала проживание в относительно недорогом районе города – на Монмартре, а перед Первой мировой войной переместилась на другой парижский холм – Монпарнас.

В последней трети XIX в. художники предпочитали XVIII муниципальный округ Парижа – Монмартр. До 1859 г. Монмартр являлся пригородом, но даже после того, как официально он стал его частью, долгое время сохранял свой провинциальный облик. Квартал привлекал художников на всём протяжении XIX в., в первую очередь, дешевизной на жилье, а также живописным деревенским видом, с изобилием кустарников, диких цветов, разнообразных деревьев. Другим его достоинством являлось наличие дешёвого вина. Кабаки и кафе, находившиеся за официальными границами Парижа, освобождались от налогов вплоть до присоединения к городу, что стимулировало создание многочисленных развлекательных заведений разного рода.

Монмартр в последней трети XIX – начале XX в. сочетал одновременно и городские и сельские черты. Его можно условно разделить на два района. Сельский Монмартр – это небольшая территория, располагавшаяся между улицами Абесс, Коленкур, Клиньянкур и проспектом Жюно. Совсем другое зрелище представляло собой подножие холма – праздничный Монмартр. На бульварах Рошешуар и Клиши, на площади Пигаль располагалось великое множество увеселительных заведений: знаменитые пристанища импрессионистов – кафе «Гербуа» и «Новые Афины», танцевальный зал «Мулен-де-ла-Галетт» и кабаре «Мулен Руж», цирк Фернандо, позже переименованный в цирк Медрано [3, С. 79]. Художники и завсегдатаи дешёвых ресторанов группировались вокруг площади Терт, являющейся центром художественной жизни Монмартра [9, P. 337].

С другой стороны, Монмартр можно разделить на северный и южный. Южный имел более городской и модернизированный облик. На вершине холма в XVIII – XIX вв. находилось много мельниц, часть которых сохранилась в начале XX в. В них, в частности, располагались танцевальный зал «Мулен-де-ла-Галетт» и кабаре «Мулен Руж», что дало повод называть Монмартр «мельничным холмом» [6, P. 13–15].

Художники часто предпочитали работать вместе, снимая жилье и мастерские в одних домах, или селясь поблизости. Это объяснялось, с одной стороны, возможностью в складчину заплатить натурщице за сеанс. С другой стороны, существовали и причины «психологического свойства», например, желание находиться в кругу единомышленников, получая дружескую поддержку и возможность приятного времяпрепровождения в веселой компании. Художница Маревна вспоминала, что А. Модильяни, М. Кислинг и Х. Сутин нередко работали вместе, а закончив сеанс живописи, оставались выпить и перекусить, обсудить различные вопросы. К ним присоединялись другие художники, и дискуссии затягивались до позднего вечера [2, 33]. Подобные встречи часто проходили в таких популярных художественных фаланстерах начала XX в., как «Бато Лавуар» (Bateau Lavoir) на Монмартре и «Улей» (La Ruche) на Монпарнасе.

Мастерские художников не отличались роскошью и порядком, но каждая носила печать индивидуальности, имела свои экстравагантные детали, характеризующие творческую личность её обитателя. А. Модильяни не расставался со своей знаменитой оцинкованной посудой для утренних туалетов, сопровождавшей его во всех переездах. В «Бато Лавуар» у него стояло пианино без струн, с наброшенной на него большой шалью [1, С. 154]. Когда А. Модильяни жил в мастерской у Х. Сутина, ему приходилось поливать водой полы, чтобы спастись от множества клопов, блох, тараканов и вшей [4, С. 147].

В целом, характерной чертой монмартского существования художников и поэтов являлась бедность и невозможность обеспечить себе достойного существования, занимаясь творчеством. Описание постоянных перемещений из одного жилья в другое, преследования кредиторов, угощение друг друга обедами часто встречается у Ф. Карко в книге воспоминаний «От Монмартра до Латинского квартала». Так он описывал жилище поэта Макса Жакоба: «он жил в номере девятом на улице Равиньян, во дворе, в сарае, где единственным украшением служили знаки зодиака, зелёным и розовым мелом намалёванные на стенах и занимавшие, как загадочный ребус, посетителей этих мест» [2, С. 16]. Ф. Карко описывал и случай, произошедший лично с ним, когда ему пришлось спешно покинуть квартиру из-за неуплаты счетов, оставив хозяину стихи, костюм и туфли и, стуча зубами от холода, без пальто, без шляпы (а на дворе стояла зима) спешно «удирать» в кабачок на площади Пигаль [4, С. 70]. Подобных историй можно встретить великое множество в воспоминаниях практически каждого богемного художника или поэта рубежа XIX–XX вв.

В начале XX в. богемная слава постепенно покидает Монмартр и его заведения. Как вспоминал английский журналист и писатель Артур Рэнсом, известный «Кабачок мучеников» умер от того, что десятью годами ранее обеспечивало его популярность: богемная жизнь привлекала толпы туристов, вытесневших его художественную и журналистскую постоянную клиентуру. В 1907 г. А. Рэнсом предпочёл более аутентичную лондонскую сцену, ссылаясь на то, что богема Лондона в эти дни казалось более настоящей, чем в Париже, в Латинском квартале, слишком разрекламированном и даже ставшем модным [8, P. 7].

Постепенно богемная слава начала переходить к Монпарнасу — району на юге Парижа, на левом берегу Сены. Он вошел в состав города 1 января 1860 г. и получил название 43 квартала, являвшегося частью XIV парижского округа.

Весной 1909 г. А. Модильяни поселился на Монпарнасе. Он занял мастерскую в «Ситэ-Фальгьер» (Cite Falguere) – именуемой также Розовой Виллой из-за цвета стен в главном здании, построенном ещё в 1861 г. скульптором Ж.-Э. Буалло. «Ситэ-Фальгьер» состоял из четырех застеклённых мастерских и маленького домика у дороги, с фахверковыми крышами, с деревянными, зачастую просевшими дверями, с застеклёнными стенами, нередко выходящими на север и потому зимой сумрачными. Чаще жилье там арендовали скульпторы [7]. Не менее знаменитым фаланстером художников на Монпарнасе являлся так называемый «Улей», расположенный по адресу бульвар Распай, 216. Именно этому зданию посвятила свои воспоминания художница Маревна. В конце 1900 г. меценат и скульптор-любитель Альфред Буше приобрел на юго-западной окраине Парижа, в тупике Данциг, вблизи остатков городских укреплений, участок в 0, 5 га. Там он установил трехэтажную ротонду — купленный им павильон с распродажи имущества Всемирной выставки 1900 г. Восьмиугольная, с крышей в виде китайской шапки, делавшей её похожей на улей, ротонда представляла собой образец металлических архитектурных конструкций, очень модных в ту эпоху, когда ещё не использовался железобетон. Изготовленная по чертежам Ж. Эйфеля, она представляла собой любопытный образец архитектуры, символизируя собой стиль, увековеченный создателем знаменитой башни. В 1902 г. А. Буше открыл комплекс «Улей» (La ruche) из 140 ателье-студий, сдаваемых в аренду за символическую плату в 50 франков в год начинающим художникам и литераторам. Сам А. Буше построил на его территории маленький домик, где он жил вплоть до своей смерти в 1934 г [6, P. 100].

Основными жильцами «Улья» являлись художники. Их идеалом, не считая независимых приверженцев кубизма П. Пикассо и Ж. Брака, был экспрессионизм. Это объяснялось, во многом, тем, что там обосновались многочисленные выходцы из России и Польши. Маревна так вспоминает это место: «Улей» был похож на большой котел, в котором бурлила жизненная энергия. Здесь русские, поляки, итальянцы и испанцы жили вместе. Место было чудесное, я была очарована, но жить там мне не хотелось. В «Улье» жили в основном мужчины, и я их побаивалась» [2, С. 28–29]. Основной причиной популярности этого жилища выступали его дешевизна и богемная слава. Фаланстер послужил пристанищем М. Шагалу, О. Цадкину, А. Архипенко, Ж. Липшницу, М. Кикоину и целой когорте художников с Востока [5, С. 97].

Постепенное передвижение богемы с Монмартра на Монпарнас активно происходит в последние предвоенные годы. Первая мировая война оказалась для многих неожиданной, разрушив бурное и плодотворное течение культурной жизни. Некоторые художественные проекты пришлось закрыть в связи с началом боевых действий. Многонациональная творческая среда Парижа распалась, так никогда и не собравшись в прежнем составе.

Таким образом, большинство художников, ведущих богемный образ жизни, в последней трети XIX – начале XX века проживало преимущественно в двух районах Парижа – Монмартр и Монпарнас. Выбор данных кварталов диктовался несколькими причинами. Монмартр, вошедший в состав Парижа в 1860 г., привлекал художников и поэтов доступным жильем, живописным пейзажем и многочисленными увеселительными заведениями с относительно дешевыми алкогольными напитками. К началу XX в. богемная слава прочно закрепилась за XVIII округом Парижа, что привело к привлечению большого количества туристов и, как следствие, перемещению богемы в другое место – Монпарнас. В воспоминаниях современников, Монпарнас скорее ассоциировался с послевоенным Парижем, с эпохой джаза, авангардом, сюрреализмом и наплывом американцев.

Источники и литература

1. Амедео Модильяни в воспоминаниях дочери и современников. – М.: Галларт, 1995. – 143 с.

2. Воробьева-Стебельская М. Моя жизнь с художниками «Улья». – М.: Искусство XXI в., 2004. – 292 с., илл.

3. Герман М. Парижская школа. – М.: Слово, 2003. – 272 с.

4. Карко Ф. От Монмартра до Латинского квартала. Пер. с франц. М. Е. Абкиной. Послесл. И. Соболевой. – Б. м.: Salamandra P. V. V. , 2011. – 173 с., илл. PDF.

5. Креспель Ж. П. Повседневная жизнь Монпарнаса в великую эпоху: 1905–1930. –М.: Молодая гвардия, 2001. – 208 с.

6. Bonnefoy E. Montmartre, Village Urbain, Quartier Rural/ E. Bonnefoy // Le Vieux Monmartre. Société d'Histoire et d'Archéologie des IXe et XVIIIe arrondissements. – 1992. – № 55. – P. 13–15.

7. Mauve J., Debonne M. A L'ombre de Pasteur, La Cite Falguiere. [электронный ресурс]/ J. Mauve, M. Debonne // Société d'Histoire et d'Archéologie des IXe et XVIIIe arrondissements. URL: http://www.paris15histoire.com/falguere.html (дата обращения 02. 07. 2017)

8. Ransome A. Bohemia in London. – NY: Dodd, Mead & company, 1907. – 349 p.

9. Seigel J.Bohemian Paris: culture, politics and the boundaries of bourgeous life, 1830–1930. – NY: Johns Hopkins Paperbacks edition, 1999. – 453 p.

А. А. Зивенко
(г. Ставрополь)

ОТРАЖЕНИЕ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ В АМЕРИКАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Война во Вьетнаме, без преувеличений, одна из нелицеприятных страниц в истории США, свидетельство беспомощности в ведении своих интересов во внешней политике, а такие случай, когда правительство терпит крах и не выполняет поставленные перед собой задачи, пытается забыть и выдать их за страшный сон, превратившийся в явь. Впрочем, это не помогло, потому что эта война вызвала большой резонанс в обществе, и неизбежно – в искусстве. Кинематограф, как самое из массовых искусств, породил целый поток фильмов, так или иначе затрагивавших войну во Вьетнаме. Но сначала немного исторических фактов: 60-е годы – время правления президента Л. Джонсона, который провозгласил новый курс внешней политики с явным душком милитаризма – в это время численность вооружённых сил и доля военных расходов в ВНП выросли в первом случае – с 2,5 млн до 3,6 млн человек, а во втором – с 8 до 10 % [2, с. 218]. Джонсон призывал западные державы не сюсюкаться с СССР и странами социалистического лагеря, и прекратил дипломатическую переписку с советским лидером, которая была налажена при Дж. Кеннеди, что означало обострение «холодной войны» – противостояние двух полюсов здесь получило своё логическое продолжение, а помимо Вьетнама это столкновение фактически охватывало большую часть цивилизованного мира. 1 февраля 1964 года программа секретных военных операций против Вьетнама была введена в действие под названием Оперативный план 34 А. Не останавливаясь на ходе боевых действий, следует заметить, что в мае 1968 года в Париже начались переговоры между представителями Вьетнама и США, а 31 декабря того же года американский президент объявил, что с 1 ноября 1968 года прекращаются бомбардировки и артобстрел территории Вьетнама, и лишь

8 марта 1973 года был завершён вывод войск США из Южного Вьетнама. Затем Генри Киссинджер с горечью констатировал, что это был полный провал американской политики на Востоке, а также то, что американское правительство явно переоценило свои возможности, и что все эти события показали предел могущества супердержавы [2, с. 219]. Таким образом, Вьетнамский конфликт растянулся почти на 10 лет в общей сложности, но в кино он просуществовал значительно дольше.

А теперь - о том самом, пресловутом «отражении»: на самом деле, когда этак кампания только начиналась, в стране уже господствовали антивоенные настроения, а чувство вины за эту войну охватило круги прогрессивных и либерально настроенных американцев, образуя комплекс негативных эмоций, известный под названием «вьетнамский синдром». Своеобразным апогеем этих чувств стал получивший в 1975 году «Оскара" документальный фильм Питера Дэвиса и Берта Шнейдера «Сердца и умы» [8, p. 1075–1081]. Построенный на интервью с теми, кто эту войну готовил, и с теми, кто в ней участвовал, насыщенный жуткими свидетельствами варварского характера этой войны, фильм потрясал не только позицией авторов, но и общим достаточно жёстким настроем по отношению к американскому правительству. Он дал обобщающий образ подавленного политикой своего правительства американца.

В художественном кинематографе этот американец обнаруживает себя в психиатрической клинике. До такой степени нервного расстройства доводит его собственный вьетнамский опыт в ленте Джереми Пола Кагана «Герои» (1977). Хэл Эшби и актёры яркого гражданского темперамента Джейн Фонда и Джон Войт в 1978 году после долгих мытарств выпускают задуманную ещё в 1974 году картину «Возвращение домой» [3, с. 150–169], действие которой тоже происходит в госпитале для ветеранов, полном страданий не столько физических, сколько психических (один из героев, молодой солдат, навсегда избавляется от них, вгоняя себе в вену шприц, полный воздуха). В итоге лента была высоко оценена критиками. Джон Войт получил «Оскара» за лучшую мужскую роль. Кинолента была признана одним из самых серьезных критических фильмов о войне во Вьетнаме. Обозреватель «New-York Times" писал тогда: "Америка уходит из Вьетнама после самого продолжительного и самого разобщающего конфликта со времени гражданской войны. Однако Вьетнам не уходит из Америки, ибо влияние этой войны, вероятно, будет сказываться на американской жизни ещё в течение многих лет…» [9, p. 4–5].

Ярким свидетельством "вьетнамского синдрома" стала замечательная драма Мартина Скорсезе, ныне матёрого киномагната, а тогда – «махрового новичка», – «Таксист». Режиссёр обратился к теме бывших вьетнамских вояк – один из них, Трэвис Бикл, работает шофёром такси в Нью-Йорке, но тяжело приспосабливается к нормальной жизни… Только нормальной ли? Его окружает несправедливость, кровь, насилие, продажные политики, а до ручки его доводит знакомство с двенадцатилетней Джоди Фостер, и тогда он берёт в руки свой пистолет «Магнум» и направляет его дуло на носителей зла – будь то банда сутенёров или политический деятель. Сценарий Пола Шредера совершенен во всём и содержит в себе не банальный сюжет о мстителе, а более глубокую, тонкую и нюансированную историю - истинную человеческую драму героя, выброшенного на обочину жизни и от отчаяния, бросившего вызов обществу и системе. Следуя традициям более трезвых и горьких лент 70-х годов об «изгоях Америки», режиссёр заканчивает картину обманчивым хэппи-эндом. Трэвис возвращается из больницы и вновь становится таксистом в ночном Нью-Йорке. Новый круг ада? Фильм получил Гран При на кинофестивале в Канне. Интересно следующее: уже через почти что 10 лет, в 1982 году выйдет первая картина из цикла о Рэмбо [4, с. 356–357], также ветеране Вьетнама, оказавшемся в схожей ситуации - первоначально ленту не заметили, но в 1985 году выходит вторая часть, где вдруг «вьетнамский синдром" получает лечение – правительство вновь вербует вояк, дабы дать им заняться тем, что получается у них лучше всего – убивать людей во имя своей Родины. Получается, что подобная линия развития огрубила и фактически убила наработки и идеи более талантливых кинематографистов, высказавшихся по этому поводу. К счастью, через год вышел «Взвод», который завершил долгую эпопею про Вьетнам на американском экране, и не в пример более талантливым образом, чем в «Рембо – 2».

Конец 70-х годов XX столетия ознаменовался выходом в свет двух важнейших картин о Вьетнаме – «Апокалипсис сегодня» (1979) Ф. Ф. Копполы и «Охотник на оленей» М. Чимино (1978) [10], но и достаточно противоречиво принятых во всём мире. «Первой ласточкой» стал «Охотник на оленей» – лента Майкла Чимино, оставшаяся его главным творением и по сей день. По поводу этой ленты в СССР разразился настоящий скандал, вплоть до того, что на кинофестивале в тогда

ещё в Западном Берлине советская делегация в знак протеста против представления этой картины на конкурс покинула зал. Поводом для такого отношения оказалось и то, что некоторые из персонажей являлись детьми эмигрантов из России, а также и то, что во Вьетнаме над американскими военнопленными «вьетконговцы» издевались, играя в «русскую рулетку». Примерно похожую позицию занял известный публицист Лесли Гэлб. В статье «Отражают ли фильмы общественное настроение?» [7], он назвал фильм «первой попыткой примирить ад вьетнамской войны с честным патриотизмом». Война, как замечает Гэлб, трактовалась как бессмысленная жестокость, но вот американские парни все поголовно изображены «хорошими парнями» и патриотами, а вьетнамцы … примерно на том, же уровне, на каком у нас изображались нацистов. И всё же картина стала одним из первых фильмов, говоривших о всеамериканском позоре и стыде. В год выхода лента при внушительной продолжительности (183 минуты) заработала в прокате более 30 млн долларов, а также стала главным фаворитом на церемонии вручения премии «Оскар» – лучший фильм, режиссёр, а из великолепного состава исполнителей – Роберт Де Ниро, Джон Сэвидж, Мэрил Стрип, Кристофер Уокен – лишь последний получил золотую статуэтку за лучшую мужскую роль второго плана. Остался без награды замечательный оператор В. Жигмонд. Ложку дёгтя добавило и то, что «Оскар» за лучший фильм вручал не кто иной, как Джон Уэйн – знаменитый "ястреб», кичившийся своими консервативными взглядами, что негативно отразилось на оценке картины как «призыва к покаянию» [5, с. 388–392].

"Ласточка № 2" - "Апокалипсис сегодня» - суперэпопея Френсиса Форды Копполы о Вьетнаме, которая должна была стать первым всеобъемлющим фильмом на эту тему, но его опередил М. Чимино со своим "Охотником…», однако лента Копполы брала своё размахом, масштабностью, эпичностью и высочайшим техническим уровнем, - одна замечательная сцена вертолётной атаки под музыку «Полёта валькирий» из вагнеровской оперы о Нибелунгах чего стоит! В связи с чем была отмечена удивительная операторская работа Витторио Стораро (премия «Оскар"), приглашённого после его успеха в «Двадцатом веке» Бертолуччи. Лента вольно пересказывает мотивы романа Джозефа Конрада «Сердце тьмы» – в сценаристы помимо Копполы был приглашён Джон Милиус, протеже режиссёра, прославившийся уже тогда своими ультраконсервативными взглядами - этакий американский вариант Лени Рифеншталь, что в дальнейшем негативно отразилось на оценке фильма. Кроме всего прочего Коппола вышел из рамок бюджета, съёмки шли очень тяжело, и по меткому замечанию американской критики, Коппола настолько был одержим этой темой, что в конце концов, подобно Наполеону в России, увяз в ней и оказался одержимым собственной одержимостью. Всё это не помешало ленте всё-таки получить ещё и «Золотую Пальмовую Ветвь» на Каннском кинофестивале.

Завершающей лентой о Вьетнаме послужила драма Оливера Стоуна «Взвод» [4, с. 156–157], став одной из крупнейших постановок на эту тему. Удивительным видели успех у зрителя этой ленты кинокритики, ведь до этого горькую правду о "грязной войне» видели и в «Охотнике на оленей», и в «Апокалипсисе сегодня», а о психологических травмах, – в «Таксисте» и «Возвращении домой». Возможно, секрет успеха кроется в том, что О. Стоун сам участвовал в той войне – сценарий был им написан ещё в 1976 году. В середине 80-х годов война во Вьетнаме уже была лишь поводом для создания «лихих боевиков», и вот тогда заявили о себе непосредственно участники тех событий. Их личные рассказы, свидетельства, взгляд на войну изнутри, рассказы о действиях отдельных солдат, взводов, небольших подразделений, так называемая «окопная правда» стали новым откровением и потрясением для зрителей. Плюс сюжет о юном добровольце в исполнении Чарли Шина, бегущем на войну от рутинного существования, который не только выжил, но и «создал себя» в джунглях Вьетнама, выстоял, самоутвердился, смог вернуться потрясённым, но не сломленным – именно это привлекло зрителей и критиков. Лента, отмеченная премиями «Оскар» за фильм, режиссуру, монтаж и звук [1, с. 456–513], породила новую волну (и моду) картин о войне, но по сути стала завершающим словом в рассказе – долгом, как вечность, – о Вьетнамской войне и её последствиях.

Источники и литература

1. Будько А. И. Весь мир в цифрах и фактах: универсальный справочник. – М.: Рипол-классик, 2001. – 640 с.

2. Иванян Э. А. История США. – М.: Дрофа, 2004. – 576 с.

3. Кокарев И. А. США на пороге 80-х: Голливуд и политика. – М.: Искусство, 1987. – 256 с.

4. Кудрявцев О. А. 500 фильмов: авторский каталог видеофильмов. – М.: ИКПА, 1991. – 378 с.
5. Мусский И. А. 100 великих режиссёров. – М.: Вече, 2004. – 480 с.
6. An American History. New-York: Meredith Corporation, 1976.
7. Gelb Lesley, Movie is the mirror of soscietiful patience? // New-York times, 1984. P. 7–9.
8. Gruver Rebecca. An American History. New-York: Meredith Corporation, 1976. – 1081 p.
9. Reston George, Homecoming: the first truth about Vietnam // New-York times. 1978. – P. 4–5.
10. Total Film. 2007. № 07(42). July.

Е. А. Игонина
(г. Ставрополь)

ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ НА КАВКАЗЕ

Сегодня понятием «мягкая сила» оперируют применительно к самым разным регионам мира, в т.ч. и к Кавказу – эксперты рассуждают о потенциале российской «мягкой силы», сопоставляют его с возможностями американской, китайской, турецкой «soft power», кроме того в государствах бывшего СССР действуют институции, призванные продвигать российскую «мягкую силу» (Россотрудничество, Фонд «Русский мир», Фонд Горчакова) [3, с. 5–6].

Прежде чем обозначить роль влияния «мягкой силы» на взаимоотношения России со странами, расположенными на территории Кавказа, следует, с одной стороны, понять, насколько то, что мы подразумеваем под российской «мягкой силой», соответствует хрестоматийному определению Дж. Ная, иначе говоря, есть ли вообще у России ресурсы, которые могут быть классифицированы как «мягкие»; с другой стороны, если мы исходим из того, что такие ресурсы все-таки есть, могут ли они быть эффективно использованы в отношении стран Кавказа.

У российской «мягкой силы» существуют свои отличия от классического представления Джозефа Ная. По мнению американского политолога, «мягкая сила» – это возможность добиваться целей во внешней политике, используя привлекательность своей страны, которая, в свою очередь, основывается на притяжении культуры (как высокой, так и массовой), политических идеалов и ценностей, а также на легитимных в глазах других государств действиях во внешней политике [5, с. 94].

Применяя эту триаду к современной России, мы можем отметить отсутствие в ней, по крайней мере, одного элемента – транслируемых вовне ценностей и идеалов. У США есть это мощное идеологическое основание их внешней политики – представление о себе как о «граде на холме», который призван нести всему миру ценности свободы. Был этот идеологический ресурс и у Советского Союза – можно вспомнить, что еще в 1920–30-е гг. многие на Западе видели в советской модели жизнеспособную альтернативу капитализму, а в «третьем мире» симпатии к СССР основывались на его антиимпериалистической риторике и поддержке процессов деколонизации. Но Российская Федерация, сразу после распада СССР, подобно другим бывшим союзным республикам, заявляла о своей приверженности ценностям демократии, свободы, рыночной экономики, т.е. тем ценностям, которые ассоциируются, прежде всего, с Западом. В последние годы российской элитой предпринимаются попытки выдвинуть некоторую альтернативу – скажем, все чаще говорят о России как защитнице «традиционных ценностей», однако нельзя сказать, что это выглядит сильно убедительно, в т.ч. для государств Кавказа, хотя бы потому что определенная их часть апеллирует к своей собственной исламской традиции.

Второе ограничение связано со спецификой политических режимов, которые установились в части стран, расположенных на территории Кавказа. Дело в том, что классические концепции «мягкой силы» предполагают, прежде всего, воздействие на гражданское общество, на общественное мнение той или иной страны, на работу с различными группами среди политических, интеллектуальных и деловых элит. Скажем, один из аргументов Дж. Ная в пользу важности использования американской «мягкой силы» состоит в том, что привлекательность Соединенных Штатов среди европейского, японского или турецкого электората делает эти страны более надежными союзниками США [6, с. 260]. Но существуют ситуации, когда гражданское общество крайне слабо,

а парламент играет малую роль при сильной президентской власти, и в таких странах нет ничего похожего на западную public policy.

И существует третий очень важный момент – специфика взаимоотношений России с государствами Кавказа, так как она определяется, прежде всего, общим историческим прошлым, а главное – тем фактом, что РСФСР воспринималась до 1991 г. как ядро советской «империи». Соответственно, нынешняя Россия рассматривается в первую очередь, как наследница бывшей «метрополии». Таким образом, создается некая напряженность между государствами Кавказа, входившими в бывший Советский Союз и собственно Россией, вследствие чего постимперская ситуация содержит в себе немало сложностей для реализации «мягкой силы» [3, с. 19–25].

В принятой в 2013 г. Концепции внешней политики РФ[4] о «мягкой силе» впервые говорится как о неотъемлемой части современных международных отношений; еще ранее был создан ряд институций, призванных обеспечивать реализацию российской «мягкой силы» – прежде всего, это федеральное агентство Россотрудничество, Фонд им. А. М. Горчакова и фонд «Русский мир»; активная проработка концепта «мягкой силы» идет также на уровне российского академического и экспертного сообщества.

Проблема, однако, состоит в том, что российская «мягкая сила» основана почти целиком на ресурсе прошлого, а не на достижениях настоящего: широкое распространение русского языка в регионе, уважительное отношение к русской культуре, привычка населения ориентироваться на Россию как на бывшую «метрополию» в своих миграционных и образовательных стратегиях – все эти факторы, создающие потенциал российской «мягкой силы» сегодня, родом из советской эпохи, а значит, они имеют инерционный, остаточный характер.

Кроме того, проблема состоит в том, что в России по-прежнему нет систематической и комплексной работы со своей «мягкой силой», отсутствует долгосрочная стратегия ее развития. Возможно, одна из причин этого - двойственное отношение к «мягкой силе» среди российского истеблишмента. Хотя лица, принимающие решения, включая президента и главу МИД, активно оперируют этим понятием и государство стремится использовать преимущества «мягкой силы», нанимая пиарщиков для улучшения имиджа России или создавая телекомпанию Russia Today, все же в российском официальном дискурсе сохраняется весьма настороженное отношение к инструментарию «soft power», которая нередко сводится к «манипулированию общественным мнением и сознанием» и лицемерному использованию «правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства», что прямо говорится в Концепции внешней политики РФ [2].

Необходимо отметить, что проблема российской мягкой силы изучается за рубежом довольно пристально. Над ней работают видные ученые и целые организации. На Западе выходит существенно больше работ, посвященных этой проблематике, чем в самой России [1, с. 18].

По мнению иностранных исследователей, влияние России в ближнем зарубежье может проявляться благодаря многим факторам, например, через использование русского языка в ближнем зарубежье. Но для выработки целенаправленной политики в этом направлении России следует проделать большую подготовительную работу. Необходимо проанализировать это влияние и составить итог присутствия России в ближнем зарубежье, как оно проявляется, какова политика поддержки этого присутствия.

Сегодня такая работа российскими авторами еще не проделана. Используя ряд критериев – культуру, СМИ, русский язык и религию - следует обобщить все то, что можно считать мягкой силой России, если исходить из того, что она все-таки существует [1, с. 19].

Итак, можно констатировать, что наряду с традиционной силой у России располагает обширными источниками мягкой силы. Однако в связи с тем, что ее политика ориентирована в большей степени на соотечественников за рубежом, мы не можем говорить о наличии у России мягкой силы в ее классическом понимании.

Источники и литература

1. Барановски Ж. Мягкая сила России: взгляд извне / Мягкая сила в глобальной политике. Часть II. Региональное и функциональное измерения. Вестник РУДН, серия Политология, 2013, № 2. // CYBERLENINKA. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-v-globalnoy-politike-chast-ii-regionalnoe-i-funktsionalnoe-izmereniya-materialy-kruglogo-stola-sotrudnikov-rossiyskogo (Дата обращения: 27.09.2019).

2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (Дата обращение 27.09.2019).

3. Летняков Д. Э. Россия в постсоветском пространстве: ресурсы и инструменты политики «мягкой силы». М., 2017.

4. План деятельности Министерства иностранных дел Российской Федерации на период до 2018 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/102086 (Дата обращение 27.09.2019).

5. Nye J. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 616, Mar., 2008.

6. Nye J. Jr. Soft Power and American Foreign Policy // Political Science Quarterly. Vol. 119, № 2 (Summer, 2004).

И. А. Коробкина
(г. Ставрополь)

ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» ЕС НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

В 2003–2004 гг. Еврокомиссия разработала новое направление внешней политики ЕС: Европейская политика соседства (ЕПС). Стратегия и концепция ЕПС структурированы по нескольким направлениям: социально-экономическая политика и торговля, безопасность, энергетика и транспорт и миграция. В рамках ЕПС в 2009 г. ЕС выдвинул инициативу «Восточного партнерства» (ВП), цель которой – углубление политических и социально-экономических взаимоотношений с Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Молдовой и Украиной. Для укрепления двусторонних связей между ЕС и каждым из государств-участников партнёрства предусматривалось заключение Соглашений об ассоциации.

Включение государств Южного Кавказа в программы ЕПС и ВП отражали стремление ЕС, используя механизмы политики «мягкой силы», распространить свое политическое и экономическое влияние на южнокавказский регион, который традиционно входил в сферу особых интересов Российской Федерации. Привлекая все имеющиеся в распоряжении рычаги «мягкой силы», ЕС пытался «втянуть» государства Южного Кавказа в сферу своего влияния и вытеснить Россию из этого региона. Поэтому можно говорить о политике «Восточного партнёрства» как о «проекте проецирования «мягкой силы» ЕС на ближайших соседей России, направленном на постепенный вывод этих стран из-под влияния России» [1].

13–14 мая 2019 г. на юбилейном саммите в Брюсселе были подведены итоги десятилетия программы ВП ЕС. К достижениям программы ВП можно отнести: увеличение торговых связей между ЕС и государствами Южного Кавказа, снятие визовых ограничений (Грузия), участие граждан этих стран в образовательных инициативах ЕС, реформы децентрализации, государственной службы, антикоррупционные реформы, поддержка малого и среднего бизнеса.

27 июня 2014 г. было подписано Соглашение об ассоциации между Грузией и ЕС. Согласно ст. 431 Соглашения об ассоциации Грузии с ЕС с 1 сентября 2014 г. в силу вступили практически 80% всех положений, содержащихся в документе. До 31 августа 2016 г. Грузия действовала в торговом режиме GSP+ [9]. Соглашение об ассоциации вместе с DCFTA предусматривает политическое сотрудничество и экономическую интеграцию Грузии и ЕС. Предварительное применение части Соглашения, касающейся зоны свободной торговли, началось 1 сентября 2014 г. Соглашение об ассоциации в полном объёме вступило силу в июле 2016 г. ЕС и Грузия также заключили также Соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (УВЗСТ, DCFTA) [11]. С 2017 г. граждане Грузии получили возможность безвизовых поездок в Шенгенскую зону. ЕС стал крупнейшим торговым партнером Грузии. С 2009 г. финансовая помощь ЕС Грузии составила более 711 млн евро [4].

Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве (CEPA) между Арменией и ЕС было подписано 24 ноября 2017 г. Однако, из Соглашения были исключены все положения, ко-

торые противоречили обязательствам Армении перед ЕАЭС. В настоящее время действует около 80 % положений СЕРА. Фактически Армения стала первым государством-членом ЕАЭС и ОДКБ, которое подписала подобный документ с Евросоюзом. Соглашение включает в себя политическое, экономическое и отраслевое двухстороннее сотрудничество и затрагивает такие сферы, как правосудие, безопасность, экономика, сельское хозяйство, окружающая среда, социальная политика, здравоохранение, вопросы миграции, образования и науки. В настоящее время ЕС является одним из основных торговых партнеров Армении. На ЕС приходится более 30 % экспорта. ЕС один из ее крупнейших доноров Армении (в среднем 1 млн. евро в неделю на различные государственные и грантовые программы) [6]. ЕС является самым крупным экспортным рынком для Армении. Среди экспортируемых товаров лидируют металлы и алмазы. На долю ЕС приходится около 22 % всей торговли Армении. ЕС предоставляет армянским компаниям финансирование, возможности пройти обучение и поддержку в выходе на новые рынки посредством инициативы EU4Business. С 2009 г. ЕС выделил компаниям 473 млн евро, поддержал 25000 предприятий, создал 900 новых рабочих мест [8]. С 2014 г. финансовая помощь ЕС Армении составила более 120 млн евро [5]. По словам посла ЕС, в Армении П. Свитальского, объёмы финансовой помощи Армении существенно повысились и превысили объёмы финансирования Грузии [10]. В настоящее время в числе приоритетов для руководства Армении – либерализация визового режима. ЕС также поддерживает реформы укрепляющие демократические формы правления, верховенство закона, борьбу с дискриминацией, продвижение и защиту прав и фундаментальных свобод человека. Программа поддержки статей госбюджета Армении, направленных на укрепление прав человека является единственной в своем роде и во всем мире программой. Средства по ней выделяются на строжайших условиях. ЕС выделил 7,5 млн евро правительству Армении на усовершенствование избирательного законодательства. 14,8 млн. евро было ЕС выделил на реализацию правительственной антикоррупционной стратегии и реформ управления таможенной и пограничной службами. ЕС поддерживает реформы в сфере правосудия. В Армении было построено или реконструировано 12 зданий суда [8].

Отношения ЕС с Азербайджаном основаны на СПС 1999 г. ЕС является основным торговым партнёром Азербайджана (36,2 %). За последние 10 лет объемы торговли ЕС с Азербайджаном выросли на 28 %. Страны ЕС выступают в качестве ведущих инвесторов государства. Азербайджан является стратегическим энергетическим партнером для ЕС, он играет ключевую роль в снабжении рынка ЕС энергетическими ресурсами Каспийского бассейна. Азербайджан обеспечивает 5 % спроса ЕС на нефть [7]. В 2016 г. ЕС запустил новую региональную программу EU4Energy по энергетической политике и повышении энергоэффективности, которая распространяется и на Азербайджан. За 10 лет ЕС предоставил 11 000 азербайджанских компаний около 210 млн. евро в виде кредитов. Свыше 20 министерств и государственных учреждений Азербайджана приняли участие в почти 50 проектах Twinning, адаптируя таким способом азербайджанское законодательство стандартам ЕС. Вместе с тем, по мнению Мамедова З. «Азербайджан, в отличие от некоторых стран Восточного партнерства, не видит себя членом ЕС. В политических моментах между ЕС и Азербайджаном есть какие-то расхождения, что связано с двойными стандартами Запада, о которых мы слышим время от времени. Баку считает эти заявления необъективными. Азербайджан не собирается становится членом НАТО или ЕС. Отношения Баку с Евросоюзом и Советом Европы такие же многоходовые, как отношения последних с Россией» [3].

Таким образом, за десять лет политики «Восточного партнёрства», по данным ЕС, были подписаны новые двусторонние политические и экономические соглашения (Грузия подписала соглашение об ассоциации с ЕС). Выросли инвестиции с 2015 г. (Грузии на 35 %). Увеличился товарооборот: на 12 % с Арменией, на 28 % с Азербайджаном. ЕС предоставил МСП свыше 125 тыс. кредитов, из которых более 50 % были выделены в местной валюте [2]. Между ЕС и Грузией установлен безвизовый режим. ЕС заключил соглашения об упрощении визового режима и реадмиссии с Арменией и Азербайджаном. В соответствии с образовательными инициативами ЕС состоялось более 80 000 молодежных обменов (до 2020 г.), в том числе в рамках программы ERASMUS+ [2]. Главные проблемы политики «Восточного партнёрства» на Южном Кавказе: масштабное финансовое обеспечение, специфика отношений государств-участников партнёрства с Россией и друг с другом, перспективы вступления в ЕС, территориальные проблемы и конфликты в регионе, ограничение взаимоотношений ЕС и России в контексте санкционной политики.

Источники и литература

1. «Восточное партнерство»: проблемы реализации и возможные последствия Материалы заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств 19 ноября 2009 года [Электронный ресурс]: URL: http:// http://council.gov.ru/media/files/41d44f243fdc22b87385.pdf
2. 10 главных достижений Восточного партнерства за последние 10 лет [Электронный ресурс]: URL:// https:// https://eeas.europa.eu/ru/euinformationrussian/62360/10%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BD%D%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B5-10-%D0%BB%D0%B5%D1%82_ru
3. 10 лет Восточному партнерству ЕС: итоги для Азербайджана [Электронный ресурс]: URL:// https://mirperemen.net/2019/05/10-let-vostochnomu-partnerstvu-es-itogi-dlya-azerbajdzhana/
4. Европейская перспектива Грузии через «Восточное партнёрство» [Электронный ресурс]: URL:// http://russia-rating.ru/info/15820.html
5. ЕС увеличивает финансовую помощь Армении [Электронный ресурс]: URL:// https://jam-news.net/%D0%B5%D1%81%D1%83%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%B5%D1%82%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%83%D8%E%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%89%D1%8C%D0%B0D1%80%D0%BC/?lang=ru
6. Матевосян Б.10 лет Восточному партнерству ЕС: итоги для Армении [Электронный ресурс]: URL:// https://eurasia.expert/
7. Отношения ЕС-Азербайджан в фактах и цифрах [Электронный ресурс]: URL:// https://www.euneighbours.eu/ru/east/stay-informed/publications/otnosheniya-es-azerbaydzhan-v-faktakh-i-cifrakh
8. Отношения ЕС-Армения в фактах и цифрах [Электронный ресурс]:URL: //https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eap_summit_factsheet_armenia_ru_print.pdf
9. Политика Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции [Электронный ресурс]: URL:http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/politika_jevrosojuza_v_otnoshenii_stran_postsovetskogo_prostranstva_v_kontekste_jevrazijskoj_integracii_2015-07-08.htm
10. Соглашение Армения-Евросоюз вступает в фазу реализации. Посол ЕС [Электронный ресурс]: URL:// https:// https://armtimes.com/ru/article/166779
11. EU-GEORGIA TRADE DEEP AND COMPREHENSIVE FREE TRADE AREA (DCFTA) [Электронный ресурс]: URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/may/tradoc_153435.pdf

А. С. Кривцов
(г. Ставрополь)

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЙ КОНФЛИКТ

Распад Советского Союза, окончание холодной войны и появление ряда новых государств способствовали смене курса мировой истории: от биполярного мира, в котором доминируют две сверхдержавы, к совершенно новой ситуации, которая характеризуется существенным повышением значимости внутренних региональных проблем, в том числе региональных конфликтов.

Так, на Кавказе возник серьезный очаг международной напряженности. Распространение националистических движений и межэтнических противоречий привело к открытым вооруженным конфликтам на территории Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии, Чечни.

Трагическую историю имеет грузино-абхазский конфликт, который длится с 1988 года по настоящее время.

Напряженность между различными этническими группами, проживающими в Абхазии, на побережье Черного моря, переросла в насильственный конфликт в 1992–1993 годах. В основе конфликта, вспыхнувшего наряду с целым рядом других конфликтов после распада Советского Союза, лежит противоречие между принципами территориальной целостности и права наций на самоопределение. Эта напряженность была сосредоточена вокруг конкурирующих исторических притязаний грузин и абхазов на территорию Абхазии. Требования абхазцев к большей автономии

возросли, когда Советский Союз распался. Национализм распространялся, напряженность росла, и в 1992 году началась 13-месячная война.

Грузино-абхазский вооруженный конфликт 1992–1993 годов привел к печальным последствиям для постсоветского пространства: были заблокированы транспортные магистрали, что затрудняло сообщение между Россией и Закавказьем; стал серьезным барьером для российско-грузинских отношений; был причиной бегства массы жителей Абхазии.

Абхазия оказалась в своеобразной ситуации. Это самоуправляемая территория, де-факто государство, которое относительно стабильно и, безусловно, не находится на грани краха. Тем не менее, она интернационально изолирована, и её основной путь в мир проходит через Россию.

Женевские международные дискуссии под сопредседательством ЕС, ООН, ОБСЕ, на которые ежеквартально приглашаются представители Грузии, Абхазии, Южной Осетии, России и США, являются единственной официальной платформой для обсуждения конфликтов. До настоящего времени прогресс в достижении конкретных результатов был очень слабым, и обычные люди продолжают страдать от последствий неразрешенного конфликта.

ЕС значительно активизировал свою деятельность на Южном Кавказе в 2003–2005 годах. В 2003 году он учредил пост специального представителя ЕС на Южном Кавказе. Ему было поручено налаживать связь между Европейским союзом и тремя странами Южного Кавказа, поощрять региональное сотрудничество и поддерживать разрешение конфликтов [2].

Участие ЕС в грузино-абхазском конфликте и вокруг него лучше всего описать как посредничество в переговорах. В условиях переговоров стороны несут единоличную ответственность за исход переговоров. При посредничестве третья сторона работает над тем, чтобы облегчить или продвинуть переговоры, если они зашли в тупик, направляя процесс и помогая сторонам прийти к взаимовыгодному решению [4]. В Инициативе по миростроительству (IfP) термин «международное посредничество в мире» используется для обозначения «участия как в межгосударственных, так и во внутригосударственных конфликтах со стороны стороннего субъекта», но только в качестве одного из участников «мирного процесса, который включает в себя механизмы для разрешения конфликтов, направленные на сохранение и поддержание мира после насилия» [2, с. 12]. Сила Европейского союза заключается в его многочисленных ролях, мандатах и взаимодействии на разных уровнях – хотя ЕС не всегда мог извлечь из этого выгоду.

Сильный уклон Европейского союза в пользу территориальной целостности Грузии делает его действующим лицом, которому ни абхазы, ни осетины не доверяют и не принимают, когда речь идет о некоторых потенциальных миротворческих ролях, которые он может сыграть. ЕС должен попытаться укрепить свой авторитет и стать беспристрастным участником в решении данного вопроса. Способствовать этому может взаимодействие с избирателями в Абхазии и Южной Осетии, чтобы обеспечить альтернативу их все более быстрой смене курса в сторону России.

Отстаивая территориальную целостность Грузии, Европейский Союз лояльно относился ко всем грузинским правительствам. Так, из-за безразличия к проблемам этнических меньшинств они не видят другого пути, кроме как насильственным способом отстаивать свои права и защищать свои интересы.

Влиятельные международные организации, такие как Европейский союз и ООН должны не только защищать интересы признанных правительств, но и отстаивать права и свободы народов, управляемых этими правительствами, а иногда и угнетаемых ими, – они должны стать в большей степени организациями для народов, чем для правительств. Этническим меньшинствам следует предоставлять слово в структурах ООН и ЕС, чтобы их голоса были услышаны при принятии важных решений или резолюций, которые непосредственно затрагивают их интересы [5].

Во всех резолюциях Совета Безопасности ООН по Грузии и Абхазии, печально известных своей односторонней прогрузинской позицией и резкими осуждениями Абхазии и требованием об уважении территориальной целостности и суверенитета Республики Грузия, отсутствует одна очень важная деталь. Ни одно слово в этих резолюциях не затрагивает озабоченность абхазской стороны конфликта или законное и неотъемлемое право абхазского народа на самоопределение.

Так, в одной из своих резолюций Европейский парламент назвал правительство Абхазии «бандитско-террористическим движением» [1, с. 54]. Этот и многие другие примеры показывают исключительно проправительственную политику крупных международных объединений и их безразличие к интересам кого-либо, кроме признанных правительств. Такой подход необходимо

изменить в решении вопросов межэтнических противоречий и принимать во внимание интересы этнических меньшинств, их право на самоопределение, особенно, когда уже был опыт открытого вооруженного столкновения и есть риск, что подобное может повториться в любой момент.

Источники и литература

1. Авидзба А. Ф. Становление независимого Абхазского государства и Российская Федерация (1993–2008 гг.) // Учёные записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН. Т. 1. Абхазия. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 54.

2. A. Herrberg with C. Gündüz and L. Davis (2009). Engaging the EU in mediation and dialogue, Synthesis paper, Initiative for Peacebuilding, p. 12.

3. German T., Corridor of Power: The Caucasus and Energy Security, Caucasian Review of International Affairs, 2(2), Spring 2008, pp. 64–72.

4. AW Abkhaz World: «The Georgian-Abkhazian Conflict: In Search of Ways out, by Viacheslav A. Chirikba» [Электронный ресурс]: URL: https://abkhazworld.com/aw/conflict/731-the-georgian-abkhazian-conflict-chirikba (дата обращения 01.09.19).

5. International Dispute Settlement. By J. G. Merrills. 3rd Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

И. В. Крючков
(г. Ставрополь)

СОТРУДНИЧЕСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА С ГОСУДАРСТВАМИ ЮЖНОГО КАВКАЗА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Европейский Союз уделяет большое внимание развитию отношений с государствами Южного Кавказа. Интерес к региону объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, Южный Кавказ представляет зону нестабильности на восточных границах Союза, что дестабилизирует систему европейской безопасности. Во-вторых, ЕС заинтересован в получении энергоносителей из Азербайджана и обеспечении их транзита из Казахстана и Средней Азии. Поэтому стабилизации ситуации на Южном Кавказе становится стратегической задачей ЕС. В Брюсселе понимают сложность в проведении собственной политики в регионе, поскольку к нему проявляют значительный интерес Россия, США, Китай, Турция и Иран. Конфликты в Нагарном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии показали неэффективность политических методов их урегулирования. У ЕС нет необходимых ресурсов и желания для проведения политики либерального интервенционизма. К тому же российский фактор изначально обесценивает любые силовые акции в регионе, со стороны третьих сил. ЕС традиционно делает ставку на проведение политики публичной дипломатии в конфликтных регионах, в том числе опираясь на инструменты культурной дипломатии. Культурная дипломатия показала свою эффективность, поэтому интерес к ее реализации проявляют все основные акторы мировой политики [5].

ЕС стремится всеми способами развивать гражданское общество в государствах Южного Кавказа, укрепляя в них демократические институты, полагая, что гражданскому обществу и демократическим государствам будет легче урегулировать острые конфликты, в том числе в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. В этой связи ЕС отводит огромную роль проведению культурной дипломатии на Южном Кавказе и прежде всего в области образования. Молодежь в меньшей степени затронута традиционными ценностями, в том числе, развивающими конфликтные ситуации в регионе. Поэтому развитие в молодежной среде Южного Кавказа ценностей гражданского общества, толерантности, межкультурного диалога становится приоритетной задачей ЕС. В Брюсселе понимают, что эффект от данной политики требует значительного времени и усилий. Однако в долгосрочной перспективе, она обеспечивает, с одной стороны европейское влияние в регионе, а с другой стороны, стабилизирует ситуации на Южном Кавказе.

Большую работу в данном направлении проводит Европейский фонд образования. Только в 2017-2019 г. на различные образовательные программы в Азербайджане он выдели более 19 млн

евро. 25-26 июня 2019 г. в Тбилиси Европейская комиссия провела международную конференцию Восточного партнерства, посвященную реализации общих ценностей в сфере культуры и образования. На конференции много говорилось о расширении сотрудничества ЕК с государствами Восточного партнерства, в том числе Южного Кавказа на основе реализации в образовательных и культурных программах общих ценностей. Прежде всего, на основе развития в этих государствах гражданского общества, медийной грамотности, межкультурного диалога и инклюзивности. В работе конференции приняли участие политики, эксперты, представители гражданского общества, занятые в сферу культуры и образования.

Реализация культурной дипломатии в сфере образования первоначально основывалась на поддержке приоритетных проектов в сфере высшего образования. Все ведущие университеты Азербайджана, Грузии и Армении принимают участие в программах академических обменов студентов и преподавателей, включая Эразмус +. В Азербайджане, Армении и Грузии в 2018 г. Эразмус + открывает региональные Информационные центры. В университетах поощряется внедрение новых образовательных стандартов и технологий, ориентированных на развитие демократических ценностей. Не редко ЕС оказывает содействие структурам, не созданным непосредственно Союзом, но в принципе решающим аналогичные задачи. В Тбилиси и Ереване при поддержке ЕС успешно действуют Европейские университеты [3]. С 2002 г. в Ереване успешно работает Кавказский институт СМИ, с 2008 г. Института Кавказа, ориентированный на подготовку новой плеяды журналистов в регионе, способных транслировать ценности гражданского общества. Особую роль ЕС отводит дистанционному образованию, открывающему дорогу для получения высшего образования на расстоянии, и прежде всего в вопросах повышения квалификации. В 2017 г. Полицейская академия в Тбилиси и Главный офис Совета Европы в Грузии подписали соглашение о дистанционном образовании сотрудников изоляторов временного содержания. Данная программа финансируется и поддерживается в рамках Европейской политики Восточного соседства.

В последующем ЕС предпринимает усилия для оказания содействия в развитии средней школы в государствах Южного Кавказа, в том числе предоставляя помощь в профессиональной переподготовке учителей. Помимо содействия образовательным программам, реализуемым на территории государств Южного Кавказа, ЕС финансирует стажировки и обучающие экскурсии учителей региона в государства в ЕС. В феврале 2019 г. 20 учителей государственных школ, расположенных в Панкисском ущелье посетили Бельгию, где они ознакомились с работой бельгийских школ.

Кроме этого, в последние годы ЕС стремится сформировать новый качественный уровень среднего образования на Южном Кавказе. Примером развития новых образовательных институтов на Южном Кавказе становится создание в Тбилиси «Новой школы», где обучаются учащиеся старших классов из стран, вошедших в Восточное партнерство на трех бакалаврских программах [6]. Учащиеся проходят обучение по линии ЕС в рамках экспериментальной стипендиальной программы для учеников 16–17 лет из Армении, Азербайджана, Грузии, Беларуси, Украины, Молдовы [2]. Ученики получат возможность перейти на индивидуальную образовательную программу, ориентированную на европейские образовательные стандарты. Образовательная программа в школе основана на использовании лучших достижений европейских стран и Грузии в сфере образования. Большое внимание в школе уделяться преподаванию идей мультикультурализма и толерантности. 16 сентября 2019 г. ЕС и правительство Грузии подписали проект о строительстве недалеко от Тбилиси нового здания для школы, его строительство должны завершиться в 2023 г.

Отдельным направлением реализации европейских проектов в государствах Южного Кавказа является развитие в регионе инклюзивного образования, в том числе в начальных и средних школах. Летом 2019 г. около 300 учителей прошли обучающий семинар в Азербайджане.

Одной из задач культурной политики ЕС на Южном Кавказе становится интеграция национальных меньшинств в общественную жизнь и снижение межнациональных трений. В частности, при поддержке ЕС создаются учебники для детских садов Грузии, облегчающие обучение грузинскому языку армян, азербайджанцев, русских. Следует признать, что ЕС большое внимание уделяет подготовки учебников на Южном Кавказе, стремясь оказывать содействие при подготовке школьных и вузовских учебников.

Еще одним направлением образовательной политики ЕС на Южном Кавказе является привлечение молодежи к образовательным программам за рамками официальных образовательных программ, особенно это касается молодежи, проживающей в отдаленных и депрессивных райо-

нах, не имеющих доступа к качественному образованию и что ограничивает ее перспективы на рынке труда и формирует в ее среде конфликтную ситуацию.

31 января 2019 г. ЕС запустил образовательную онлайн платформу «Хан Академия Армении», где размещено более 2 тыс. образовательных видеороликов на армянском языке, ориентированных на молодежь. Платформа будет постоянно пополняться новыми образовательными курсами [4]. Данный проект был осуществлен в рамках Европейской политики соседства. Отдельный проект, запущенный весной 2019 г. направлен на обучение армянской молодежи IT и английскому языку. В результате при поддержке одной из программ реализуемой в рамках политики Восточного соседства 56 студенты колледжей, молодежных клубов и сельскохозяйственных техникумов в Арарате, Алаверди, Гаваре, Степанаване поступили на курсы английского языка и 58 зачисляются на компьютерные курсы. Данная программа направлена на повышение конкурентоспособности армянской молодежи на рынке труда.

Продолжением предыдущего направления становится популяризация среди кавказской молодежи технического образования и обучения в «профессионально-промышленных училищах». В чем ЕС видит один из факторов экономического развития региона и решения проблемы трудоустройства молодежи. Так, например, в июле 2019 г. в Ганжде при содействии ЕС открывается Региональный промышленный центр компетенций и профессионального образования. В будущем планируется открытие такого центра в Джалилабаде.

Отдельной проблемой является сотрудничество ЕС с Абхазией в рамках политики непризнания и взаимодействия. Образовательные проекты для молодежи в Абхазии оказалось сложно реализовать. Для обучения за границей необходимы загранпаспорта, идея с «нейтральным паспортом» провалилась. Уровень преподавания в Абхазском государственном университете у ЕС вызывает большие сомнения, как и уровень знания, абхазской молодежью английского языка [1]. Поэтому перед Европейской комиссией ставится задача по оказанию помощи образовательным учреждениям на территории самой Абхазии, но здесь возникают политические и правовые проблемы. ЕС поддержал программу правительства Грузии «Шаг к лучшему будущему», предполагающую обучение молодежи из Абазии и Южной Осетии в школах и университетах Грузии.

Таким образом, ЕС стремится проводить активную образовательную политику на Южном Кавказе. Местные политические элиты в целом лояльно относятся к данному направлению сотрудничества с ЕС. Наибольших успехов оно достигло в Грузии, ставшей эталоном реализации европейских образовательных стандартов на Южном Кавказе. Существенный прорыв в этом направлении осуществила Армения. В Азербайджане не все цели и инструменты реализации образовательных проектов ЕС находят поддержку среди официальных структур, тем не менее, Азербайджан также продвинулся в области развития сотрудничества с ЕС в области образования. Абхазия и Южная Осети в силу политических и правовых причин оказались на периферии образовательной политики ЕС на Южном Кавказе.

Источники и литература

1. Ваал де Т. ЕС и сепаратистские территории: как улучшить взаимодействие/ Московский центр Карнеги// https://carnegie.ru/2017/04/12/ru-pub-68650 (Дата обращения 27 сентября 2019)

2. Европейская школа Восточного партнерства в Грузии: Кто здесь может учиться? как подаваться? и какие существуют преимущества для молодежи из региона Восточного соседства?// https://www.euneighbours.eu/ru/east/stay-informed/news/evropeyskaya-shkola-vostochnogo-partnerstva-v-gruzii-kto-zdes-mozhet (Дата обращения 28 сентября 2019)

3. Европейский университет в Тбилиси/https://europeanuniversity.in/(Дата обращения 28 сентября 2019)

4. Проект ЕС, ориентированный на молодежь, представляет новую образовательную платформу// https://www.euneighbours.eu/ru/east/stay-informed/news/proekt-es-orientirovannyy-na-molodezh-predstavlyaet-novuyu-obrazovatelnuyu (Дата обращения 29 сентября 2019)

5. Cultural Diplomacy, Political Influence, and Integrated Strategy // Strategic Influence: Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare. Ed. Michael J. Waller. Washington, Institute of World Politics Press, 2009. P. 82–87.

6. New school//http://newschoolgeorgia.com/ (Дата обращения 29 сентября 2019).

В. А. Лукин
(г. Ставрополь)

РОЛЬ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА В ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ С БАЛКАНСКОЙ ГРЕЦИЕЙ

Боспорское царство, самый отдалённый форпост греческой цивилизации на побережье Черного и Азовских морей, всегда являлось одним из важнейших центров распространения греческой культуры в данном регионе. Колонизация Северного Причерноморья особенно активно развивалась в последние десятилетия VII в. до н.э. Именно в это время, здесь начинают основываться небольшие в первое время апойкии, основой экономики которых с самого начала стали не только земледелие и рыболовство, но и оживлённая торговля с местным населением, охотно приобретавшим высококачественные эллинские товары.

Благодаря плодородию местных земель и выгодному товарообмену с аборигенами,эти поселения начинают быстро превращаться уже в большие и влиятельные полисы. Очень осмотрительно относясь к природно-климатическим особенностям каждого региона Северного Причерноморья, греки, как правило, основывали свои колонии вблизи устьев рек, которые «изобиловали превосходной рыбой, отсюда же открывались отличные торговые пути в глубь страны. Весьма заманчивым в этом отношении должен был представляться район Керченского пролива, который в античную эпоху носил наименование Боспора Киммерийского. К проливу с одной стороны выходили плодородные территории восточной части Крыма, с другой – Таманского полуострова. Кроме того, отсюда открывались торговые пути первостепенного значения» [1, с. 26].

Самыми значимыми городами Боспора были Пантикапей, Порфмий и Парфений. Таким образом, предпосылками образования Боспорского царства стали несколько факторов: появление на этой территории нескольких процветающих полисов, их потребность объединить свой экономический потенциал и вооружённые силы для защиты от местных племён, и – для территориальной экспансии.

Самым главным и быстроразвивающимся полисом в Северном Причерноморье можно считать Пантикапей, который и стал столицей нового государства. «Пантикапей был очень выгодно расположен на берегу обширной бухты, что позволило грекам создать здесь благоустроенную торговую гавань» [1, с. 42].

В VI веке до н.э., в городе начали производить чеканку собственных монет, что свидетельствует не только об уже высокоразвитых товарно-денежных отношениях, но и о его экономической мощи. В конце V в. до н.э.свои монеты выпускались также в Нимфее и Феодосии, но вскоре,по мере создания и укрепления Боспорского царства, утвердилась монополия столицы на изготовление денег.

Поскольку Пантикапей был экономически более развит, именно он и стал и политическим центром нового государства.

В период правления Археанактидов начало V в., до. н.э., торговые сношения Боспора с Грецией и Малой Азией продолжали постепенно развиваться, приобретая все более широкий характер.

Золотым временем Боспора, и его наиболее сильного экономического влияния в Причерноморье стало правление династии Спартокидов в 438–109 до н. э., Важнейшим торговым партнёром стали Афины. После окончания Пелопонесской войны разорённая ею Аттика в огромной степени нуждались в привозных продуктах питания, особенно хлебе, и в рынках сбыта своих ремесленных изделий. О роли Боспора как важного поставщика зерна есть свидетельство в речи Демосфена. В ней он говорил о действительно колоссальных цифрах – 400000 медимнов хлеба из Боспора, и том что, учитывая значимость такого партнёра, Афины даже установили с ним беспошлинную торговлю [2, с. 235], хотя обычно предоставляли такие права крайне редко. Так же из «Географии» Страбона можно узнать, что еще одним ценным товаром, который поставлял Боспорское царство, были рабы, дёшево скупаемые боспорцами у варваров Афины, со своей стороны, поставляли различные керамические изделия [3, с. 263]. А также оливковое масло, которое в самом царстве не производилось [1, с. 87], и не только покрывало потребность в нём Боспора, но и с большой выгодой перепродавалось уже варварским племенам. Большим спросом у варваров пользовалось и вино из Эллады, что позволяло Пантикапею в огромных количествах завозить его на свои рынки и по завышенным ценам сбывать представителям туземной аристократии.

Боспорское царство поддерживало торговые отношения и с другими греческими колониями Причерноморья, особенно с Ольвией и Херсонесом Таврическими, но они были менее важными и не приносили такой прибыли, как торговля с Балканской Грецией.

Таким образом, на протяжении всей своей независимости с 480–108 год до н.э. Боспорское царство, хоть и было периферией греческого мира, играло чрезвычайно важную роль в снабжении Эллады хлебом, солёной рыбой, рабами, кожами и шерстью. По сути, оно было житницей Аттики и некоторых других балканских полисов. Импортные товары из Греции, такие как оливковое масло, вино, ткани, оружие, ювелирные изделия, не только позволяли обогащаться боспорским купцам, но и способствовали приобщению местных варваров к материальной культуре эллинов и к их образу жизни.

Источники и литература

1. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. – М.: Академия наук, 1949. – 579 с.
2. Демосфен. XX. Речь против Лептина о беспошлинности // Речи. В трех томах. Отв. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. Т. 1. – М.: Памятник исторической мысли. 1994. – 608 с.
3. Страбон. География. – М.: Ладомир. – 1994. – 772 с.

Е. Ю. Муха
(г. Ставрополь)

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГОРОДА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Город представляет собой сложную, многоплановую культурную среду. В связи с тем, что объект изучения сложен, данная проблематика не потеряла своей актуальности. Изучением города и городского пространства занимаются географы, социологи, политологи, историки и т.д.

Первой сложностью, с которой сталкивается исследователь – определение понятия «город». Понятие «город» не принадлежит к числу точных научных терминов. Существует множество точек зрения на определение данного понятия. Одни авторы исходили из численности и состава населения, другие акцентировали внимание на занятиях жителей, третьи заостряли внимание на городском образе жизни. Четвертые на первый план выдвигали место застройки и характер сооружений,

Например, Большая Советская Энциклопедия определяет город как «крупный населенный пункт, жители которого заняты главным образом в промышленности и торговле, а также в сферах обслуживания, управления, науки и культуры... обычно административный и культурный центр окружающего района» [1].

Михаил Строганов определяет город как совокупность людей, его население, которое живет уже не в обязательно огороженном, а то и вовсе в неогороженном пространстве [6].

Сванидзе А. А. считает, что город – это наиболее концентрированное воплощение и отражение процесса всеобщего разделения труда, функций и статусов на каждой стадии развития цивилизации, в каждую ее эпоху [5].

По мнению М. Г. Рабиновича, город – местный экономический и культурный центр, относительно крупное поселение, с более сложным, чем у сельских поселений, социальным и этническим составом жителей, большинство которых занято в производстве для обмена и в обмене, что порождает совокупность особенностей домашнего и общественного быта, отличающих городской образ жизни [4].

Сегодня, все чаще, наряду с понятием «город» используются более широкие понятия, которые включают кроме собственно города еще и другие населенные пункты, тесно с ним связанные и от него зависимые. Такому городу присваивают название «агломерация» или урбанизированная зона (метрополитенская зона) [2].

Город как специфический организм выполняет свои определенные функции.

Города являются центрами – промышленными и торговыми, военными и административными, культурными и религиозными. При этом едва ли не главным нам представляется значение города как местного центра. Это понятие не исчерпывается определением города как центра местного рынка. Оно значительно шире, хотя экономические функции обычно преобладают над военно-административными и культурно-конфессиональными.

Шмельков А. В. выделяет следующие функции города:

Расселенческая функция. Являясь территориально концентрированной формой расселения людей, город особым образом структурирует природное пространство. Это проявляется в концентрации населения на ограниченной территории.

Экологическая функция города проявляется в формировании экологического порядка, который регулирует территориальную организацию городского населения, расположение предприятий, коммуникаций и пр.

Экономическая функция. Город является местом, где происходит воспроизводство рабочей силы, производство, распределение и потребление товаров и услуг.

Социокультурная функция. Она проявляется в формировании традиций, установок, норм поведения, регулирующих поведение социальных субъектов. Через эту функцию реализуется творческая активность индивидов. Кроме того, реализуя эту функцию, город интенсифицирует «nervous stimulus» - психологические воздействия на человека (Г. Зиммель). В конечном счете, изменения в восприятии, по мнению Зиммеля, приводят к формированию большей рациональности и расчетливости горожан по сравнению с жителями деревни [7].

И конечно, нельзя забывать о коммуникативной функции города. Город – как площадка для различных культурных, социальных связей между представителями антагонических классов и этносов.

Вряд ли кто сегодня будет оспаривать мнение, что человечество, цивилизация, культура начались с городов. Эволюция города (и его градообразующей основы), как и любого другого живого организма, происходит как под влиянием внешней среды, так и под влиянием внутренних закономерностей развития самого города. Представляет определенный интерес историческая ретроспектива влияния внешней среды на эволюцию города.

Для того чтобы можно было оценить роль города в истории человечества, его влияние на становление и развитие цивилизации, необходимо понять, что приводит в движение историю, выявить механизмы «главных» исторических процессов (и, вообще говоря, понять, что же в истории является главным). Вероятно, единственное, что может претендовать на роль движущей пружины истории, – это рост численности человечества. Иными словами, нет никаких других явных претендентов на роль ключевой переменной в истории, то есть достоверно измеряемой величины, которая могла бы быть значимой на всем ее протяжении. Это обстоятельство служит объяснением необходимости привлечения особого внимания к данной тенденции общественного развития: город, как особый социокультурный организм и пространственная организация людей, может возникнуть только при достижении определенного уровня роста его субстратных, в данном случае личностных носителей.

Рассматривая эволюцию города, можно обнаружить, что в период развития внешняя среда в той или иной форме как бы «поставляет» городу его первооснову – население. Возникновение города обусловливается тенденцией разрастания человечества, ростом его численности. Малочисленные племена на заре человечества (как и в нашу эпоху) не образуют такого типа поселений, как города. Город возникает тогда, когда человечество стало достаточно большим в числовом выражении, когда смогло обеспечить себе так называемые жизнесберегающие технологии [3].

Со времен промышленной революции характерным стал не просто рост городов и населения в них, а рост больших городов. Процесс урбанизации происходит во всем мире: если еще в 1800 году не было ни одного города с населением в миллион человек, то в середине 80-х годов XX века их было уже 160.

Не подлежит сомнению, что именно города создают основу социально-экономического развития страны. Вряд ли стоит доказывать, что именно город та значимая точка, которая определяет возможность исторического перехода страны к своему новому состоянию. Город – это своеобразная «визитная карточка» государства, показатель положения страны в целом. Города, как нам представляется, привлекают потоки населения не только возможностью трудиться и полу-

чать средства к существованию, на чем настаивают экономисты, утверждающие, что основным фактором урбомиграционных процессов и количественного роста являются имеющиеся и создаваемые в города рабочие места. Нельзя забывать, что помимо витальных потребностей у человека есть потребность в личностном росте и самореализации, в индивидуально-личностной среде, в социально-психологическом комфорте, другие социально-личностные и метафизические потребности. Для их реализации города предоставляют больше возможностей. Условия, в которых человек трудится, удовлетворяет свои потребности (в еде, жилье, образовании, культуре и т.д.), определяют меру возможностей в конкретном месте поселения – это реальные условия, детерминированные профилем поселения, его численностью, административным статусом. Город, как непосредственная среда жизнедеятельности человека, в большей степени, чем деревня реализует важнейшую интегрирующую функцию – функцию социального развития человека, населения в целом. Об этом убедительно свидетельствуют статистические и эмпирические данные, полученные в ходе прикладных социологических исследований.

Таким образом, становится понятно, что городская среда является искусственной средой, созданной самим человеком. Это многосторонний и смешанный социокультурный организм. Город, как непосредственная среда жизнедеятельности человека, в большей степени, чем деревня реализует важнейшую интегрирующую функцию – функцию социального развития человека, населения в целом. Сам же город сумел создать все необходимые и достаточные условия, чтобы обеспечить расширенное социальное воспроизводство своего существования, более того, в ходе собственного развития сформировал некое новое качество, которое способствовало социальной эволюции. Именно город обозначил переход к исторически новому обществу - к цивилизации. Наиболее ясно все этапы эволюции города можно проследить в столицах, т.к. они являются центрами политической, экономической жизни страны.

Источники и литература

1. Большая Советская Энциклопедия. Т. 7. – М., 1972.

2. Вагин В. В. Социология города. – М., 2001.

3. Малинецкий Г. Г. Выбор стратегии // Компьютерра. № 38. – М., 2003.

4. Рабинович М. Г. К определению понятия «город»: (В целях этнографического изучения) // СЭ. № 3. – М., 1984.

5. Сванидзе А. А. Город в цивилизации: к вопросу определения // Город как социокультурное явление исторического процесса. Под ред. Глазычева В. Л. – М., 1995.

6. Строганов М. В. // Антропологический форум. № 12. – М., 2010.

7. Шмельков А. В. Социальное пространство города // Урбанизация в условиях трансформации социально экономической структуры общества. Материалы научно-практической конференции, посвященной 200-летию В. П. Андросова. – М., 2003.

Е. В. Олейникова
(г. Ставрополь)

ОТНОШЕНИЕ К ЖЕНЩИНЕ В XIV–XV вв. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ «НОВЕЛЛ» ФРАНКО САККЕТТИ

Культура средневековья занимает важное место в формировании представлений о женщине и женской природе. В период средних веков в интеллектуальной мысли западноевропейской цивилизации были сформированы и закреплены основные представления о женской природе, в больше степени негативные. Однако в XIV–XV вв., в связи со значительными преобразованиями в экономической жизни, развитием идей гуманизма, первым видимым подъёмом женского самосознания, данные негативные представления стали постепенно изменять свой вектор в более благосклонную сторону.

К гендерной проблематике эпохи средневековья обращались такие зарубежные и отечественные исследователи, как Ф. и Дж. Гис [1], Ж. Дюби [3], Ж. Ле Гофф [5], Л. П. Репина [6], И. А. Краснова [4], Ю. Л. Бессмертный [2], Т. Б. Рябова [7] и др.

Одной из наиболее ярких групп источников, традиционно привлекаемой для исследования гендерных отношений в средние века, является городская литература. Однако, если такие произведения XIV–XV вв. как анонимный французский трактат «Пятнадцать радостей брака», «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, «Ворон или Лабиринт Любви» Дж. Боккаччо известны исследователям гендера сравнительно давно, то такой исторический источник как «Новеллы» Франко Саккетти [8] ранее не привлекался для специальных исследований, посвящённых истории женщин.

Новелла (в переводе с итальянского «novella» – новость) представляет собой литературный жанр малой повествовательной прозы, зародившийся в Италии в XIV в. Новелла характеризуется краткостью, остросюжетностью и неожиданной развязкой. В центре новеллы находится одно событие, которое раскрывается автором с разных ракурсов. Источниками для новелл являются exempla – «примеры», басни, сказки, различные истории.

Создателем классического типа итальянской новеллы является итальянец Джованни Боккаччо (1313–1375 гг.). В дальнейшем новелла как жанр литературы развивалась в творчестве итальянского писателя Франко Саккетти (1332–1400 гг.).

Распутство, хитрость и коварство женщин, когда они пытаются обхитрить мужей, является одной из самых излюбленных тем новеллистов. В «Новеллах» Ф. Саккетти мы обнаруживаем примеры одновременного порицания женского блуда и удивления женской находчивости.

Сюжет 15 новеллы сборника новелл Саккетти таков: сестра маркиза Аццо, вышедшая замуж за галлурского судью, через пять лет, овдовев, возвращается домой. Брат не хочет видеть её, потому что, заключая брак, он рассчитывал поправить материальное положение семьи, но сестре и судье так и не удалось завести детей. Сестра решает успокоить удручённого брата острым словцом: «Клянусь тебе верой в бога, что я, дабы исполнить твою волю, не пропустила ни одного слуги, пажа или повара, или кого другого, чтобы не попытать с ним счастья; но раз это было неугодно богу, то я ничего другого сделать не смогла» [8, С. 36]. Брата устроил ответ сестры, и он восхитился её коварностью и безупречностью. Также данная новелла подтверждает коммерческий характер брачных отношений в средние века.

В 84 новелле [8, С. 130–134] жена живописца скрыла от мужа своего любовника, повелев ему лечь голым телом на изображение человеческого распятия, написанного самим мужем и находящимся в его мастерской.

В противовес женской находчивости, Ф. Саккетти также приводит примеры отъявленной женской глупости. 112 новелла [8, С. 166–168] содержит в себе сюжет о том, как женщина, озабоченная худобой своего мужа, услышала шутку чужого мужчины, в которой он говорит, что толстеет от сношений со своей женой. Доверчивая дама восприняла подобный «опыт» других людей всерьёз и решила усиленно заниматься половой жизнью со своим мужчиной, а последний, в свою очередь, по естественным причинам, только худел. Так и не добившись успеха в данном деле, женщина отчаялась и решила, что её муж – «плохой породы».

Также Ф. Саккетти устами своих героев обличает женское стремление к излишнему украшательству, которое порицали и древние авторы и которое объективно присуще множеству женщин во все времена.

В 99 новелле сборника речь ведётся о женщине со смуглой кожей, усердно отшелушивающей лицо, чтобы придать ему более светлый оттенок. Но, по замечаниям её супруга, этими действиями она только ухудшает свой цвет лица. Сентенция Ф. Саккетти по данному вопросу такова: «Из тщеславия женщина часто обманывается насчёт самой себя. Чем больше уродства она видит в зеркале, тем меньше она согласна признать, что подурнела. Всяческими необычными способами старается она приукрасить себя, не оставляя в покое ни лица, ни какой либо другой части тела, созданной богом» [8, С. 151].

Особенно ярко женское мастерство в деле изменения своей внешности демонстрируется в новелле 136 [8, С. 198–199]. Согласно сюжету новеллы, в загородной местности Флоренции собралась группа живописцев, между которыми развязался спор о том, кто же является лучшим живописцем после Джотто.

Самый остроязычный и находчивый ответ на этот вопрос дал некий маэстро по имени Альберто. Маэстро заявил, что самими лучшими художниками по своей природе являются флорентийские женщины, поскольку девицу, похожую от рождения на жука, они способны превратить в прекрасного лебедя, женщину, являющуюся бледной и жёлтой с помощью красок они способны превратить в розу. По словам Альберто, женщины настолько владеют кистью и резцом, что способны исправить любые недостатки своей внешности: глаза на выкате превратить в глаза соколиные, выразительные; мигом сделать кривой нос прямым; исправить «ослиную» челюсть; при помощи ваты придать пропорциональность неровным плечам и полноту скудным формам. С данным обоснованием живописца согласились все участвующие в споре.

Одним их главных способов «исправления» недостатков женского характера в исследуемый период являлись побои. 85 и 86 новеллы Ф. Саккетти повествуют о том, как мужья «учили жён уму разуму» палкой, кулаком и издевательствами. Фра Микелле Порчелло, с целью вразумить свою новую жену донну Дзоанну, ранее известную своей строптивостью, омывал её ноги кипятком и отвечал на её крики о пощаде следующим образом: «Сказано: бери жену, чтобы она варила, и я взял тебя, чтобы сварить тебя, пока ты не сваришь меня» [8, С. 137].

Подобные средства, по словам Саккетти, имели непревзойдённый успех, жены переставали быть капризными и распутными, становились благочестивыми и разумными. Однако новеллист полагает, что постоянное и безразборное битьё жён мужьями не является ключом к смягчению и усмирению женского характера: «И хотя пословица говорит, что палка нужна как для плохой женщины, так и для хорошей, я принадлежу к тем, кто считает, что для хорошей женщины в ней нужды нет…когда хороших лошадей бьют и изводят, они становятся упрямыми» [8, С. 139]. Также автор добавляет, что «всё почти зависит от мужей: от них хорошие и дурные жёны» [8, С. 139].

Данные сентенции новеллиста позволяют сделать вывод о том, что в интеллектуальной мысли средневековья к XIV в. появились зачатки гуманного отношения к женщине.

Подтверждением этому является и то, что Ф. Саккетти приводит примеры позитивной сообразительности жён в отношении мужей. Таковой является 130 новелла [8, С. 190–191] сборника, в которой жена очень находчивым образом спасает своего мужа от прямой угрозы его здоровью и достоинству. Во время жарки дроздов к ужину некий Берто Фольки подвергся нападению кошки, которая вцепилась ему в причинное место. Жена догадалась, что отрывать кошку руками от мужа – занятие бесполезное. Она решила привлечь внимание животного вертелом с дроздами, что и заимело успех. И с той поры супруг считал себя обязанным жизнью своей доблестной супруге.

Итак, в «Новеллах» как литературном источнике перед нами предстаёт целая палитра женских образов. Поскольку новеллисты, в том числе и Франко Саккетти, творили под влиянием идей раннего Возрождения, их творчество отчасти было выведено за рамки классических христианских догматов. В своих новеллах Ф. Саккетти открыто рассуждал обо всех аспектах человеческой жизни, точно так же с разных сторон он рассматривал и женскую природу. В сборнике новелл Саккетти женщина утрачивает классический «образ врага» для мужчины. Более того, самим мужчинам от автора «достаётся» не меньше женского. Новеллист не стесняется писать о том, что некоторые пороки, традиционно приписываемые только женскому полу, на самом деле не меньше присущи и полу мужскому. Особое внимание писатель уделяет мужской склочности. В целом же, новеллист, обличая «традиционные» женские пороки, параллельно восхищается изобретательностью и находчивостью женщин.

Источники и литература

1. Gies F., Gies J. Marriage and the Family in the Middle Ages. – New York: Harper & Row, 1987. – 372 p.
2. Бессмертный Ю. Л. Брак, семья и любовь в средневековой Франции // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков / Под. ред. Ю. Л. Бессмертного. – М.: Наука, 1991. – 318 с.
3. Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1990. – С. 90–96.
4. Краснова И. А. Горожанки Флоренции между семьей и монастырем: индивидуальный выбор, брачные стратегии и социальное принуждение // Диалог со временем. 2010. № 31. С. 125–153.
5. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века / пер. с франц. Е. Лебедевой. – М.: Текст, 2008. – 189 с.
6. Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. – М.: РОССПЭН, 2002. – 352 с.
7. Рябова Т.Б. Женщина в истории Западноевропейского средневековья. – Иваново: Юнона,1999. – 212 с.
8. Саккетти Ф. Новеллы / Пер с ит. В. Ф. Шишмарева. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1962. – 392 с.

Пантюхина Т. В.
(г. Ставрополь)
Волковая В. Е.
(г. Ставрополь)

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЕВРОСОЮЗА В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ: УСПЕХИ И ПРОСЧЕТЫ

Для Европейского Союза и пост-советских республик 2019 год отмечен десятилетней годовщиной с момента основания Восточного партнерства. 13–14 мая 2019 г. в Брюсселе прошел саммит, в котором участвовали лидеры практически всех стран-партнеров. Сотрудничество между Арменией и ЕС началось еще до создания Восточного партнерства – в 1996 г. Оно подкреплено «Соглашением о партнерстве и сотрудничестве» от 24 ноября 2017 г., которое заложило основы дальнейшего развития диалога между странами в экономической, политической и культурных сферах.

На сегодняшний день публичная дипломатия является одним из инструментов так называемой «мягкой силы», которую Европейский союз использует для укрепления своей позиции в странах, с которыми активно сотрудничает в рамках программы Восточного партнерства. В первую очередь следует разграничивать эти два термина, так как мягкая сила – понятие более широкое, а публичная дипломатия – ее составляющая – это «комплекс мер, используемых официальной дипломатией, направленных на изучение и информирование зарубежной массовой аудитории, а также влияние на общественное мнение за рубежом с учетом собственных государственных интересов» [2, с. 15].

Проблема такого метода ведения политики заключается в том, что лишь средствами публичной дипломатии, а именно переговорами и ведением диалога, сложно добиться крепких и долговременных отношений с другими странами. Преимущество же в том, что он помогает скорректировать мнения по острым вопросам, а также наладить диалог и найти точки соприкосновения на международной арене.

На сегодняшний день Республика Армения продолжает налаживать все более благоприятные отношения с Европейским Союзом, поддерживая сотрудничество в политической, экономической, культурных сферах. В ноябре 2017 г. произошло подписание Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнёрстве между Республикой Армения и Европейским союзом, а в феврале 2018 г. был принят документ «Приоритеты партнерства Армения-ЕС», который определил дальнейшую стратегию сотрудничества [3].

Важным показателем успешности публичной дипломатии Евросоюза является его авторитет. В рамках проекта «EU NEIGHBOURS east» с февраля по апрель 2019 г. был проведен опрос в шести

странах «Восточного партнерства», по данным которого 62 % населения Армении относится к ЕС положительно, что на 14 % больше, чем в 2018 году. 72 % опрошенных считают финансовую поддержку эффективной [4]. Только в 2015 г. общий объем средств, направленных Еврокомиссией на развитие Армении составил более 98 миллионов евро на реализацию 38 проектов.

Применяя инструменты «мягкой силы», Евросоюз действует по отношению к Республике Армения по трем приоритетным направлениям:

1) реформы государственного управления;
2) развитие частного сектора;
3) реформы в сфере правосудия.

Что касается частного сектора, по Программе финансовой и консультативной поддержки малого и среднего бизнеса (МСБ), в рамках инициативы EU4Business 2016–2020 гг. Европейский союз инвестирует на его развитие 30 миллионов евро. Реализуя этот проект, европейские инвесторы хотят добиться следующих положительных результатов:

– увеличение рабочих мест;
– увеличение внешних и внутренних инвестиций;
– повышение уровня прозрачности операций;
– развитие рынка капитала;
– диверсификация экономической деятельности [1].

Особенно интересным является новый проект, реализуемый Европейским Союзом в Армении «EU4Digital», рассчитанный на 2019–2022 гг., с бюджетом в 11 млн евро. Эта программа будет реализоваться в сфере Единого цифрового рынка Европейского Союза среди стран «Восточного партнерства». Европейская комиссия ставит перед собой следующие задачи:

– оказание поддержки в снижении тарифов на роуминг;
– развитие высокоскоростного широкополосного доступа для стимулирования экономики и расширения электронных услуг;
– гармонизация цифровых структур в обществе в сфере логистики для здравоохранения, создания кибербезопасности, развития навыков;
– создание новых рабочих мест в цифровой индустрии;
– усиление организационной и финансовой независимости национальных регулирующих органов для электронных коммуникаций.

Задачи будут реализовываться по нескольким направлениям деятельности: создание общего роумингового пространства между странами Восточного партнерства, развитие служб доверия в цифровой экономике и кибербезопасти, упрощение процедур торговли в рамках электронной коммерции, развитие исследований в области информационно-коммуникационных технологий, реализация стратегий в области цифровых навыков [6].

Помимо этого, в последнее время ЕС с интересом относится к проблемам молодежи в странах, входящих в сферу его влияния. В частности, сюда входит проект модернизации образования в Армении в рамках программы Erasmus +(Эразмус Плюс), рассчитанной на 2014–2020 гг. с бюджетом 14,7 млрд евро. Программа включает в себя следующие задачи:

– сокращение уровня безработицы, особенно среди молодежи;
– развитие образования для взрослых, в особенности в области получения новых навыков, а также навыков, востребованных на рынке труда;
– вовлечение молодежи в европейские демократические процессы;
– поддержка инноваций, сотрудничества и реформ;
сокращение процента молодежи, оставившей школу без получения аттестата о школьном образовании;
– развитие сотрудничества с партнерами ЕС [7].

Также Евросоюз активно поддерживает развитие инновационных и информационных технологий в Республике Армения. При поддержке ЕС Институт информатики и проблем автоматизации Национальной академии наук Армении принимает участие в Международной сети информационных и коммуникационных технологий (TheICTNCPNetwork). Большой объем инвестиций выделен на проекты по энергоэффективности и поиску возобновляемых источников энергии [5, с. 120].

Кроме того, Армения с 2016 г. участвует в инновационном проекте ЕС «Горизонт – 2020», благодаря чему армянские исследовательские институты получат финансирование самых совре-

менных проектов и технологий. Бюджет «Горизонта – 2020» составляет 80 млрд евро, что характеризует эту программу как довольно масштабное мероприятие [8].

Подводя итог, следует подчеркнуть значимость отношений с Евросоюзом для Армении. В Стратегии Национальной безопасности Республики Армения Европейский Союз определен как один из её главных внешнеполитических партнеров (после России и США). Только за последние 10 лет в рамках «Восточного партнерства» Евросоюз профинансировал огромное количество проектов в Республике Армения, затратив на это более 100 млрд евро. С каждым годом сферы сотрудничества между ЕС и Республикой Армения только расширяются.

Источники и литература

1. Армения: ЕС выделяет 30 млн. евро на поддержку развития частного сектора. – Режим доступа: https://www.euneighbours.eu/ru/east/stay-informed/news/armenia-es-vydelaet-30-mln-evro-na-podderzku-razvitia-castnogo-sektora (Дата обращения 8.09.2019).

2. Барышников Д. Н., Костюк Р. В., Ткаченко С. Л. Эффективность дипломатии. СПб.: ВВМ, 2009. 164 с.

3. Ереван успешно совмещает ЕАЭС и сотрудничество с ЕС. – Режим доступа: https://ria.ru/-20171124/1509518208.html (Дата обращения 8.09.2019).

4. Рейтинг Евросоюза среди населения Армении растет – Режим доступа: https://newsarmenia.am/news/society/reyting-evrosoyuza-sredi-naseleniya-armenii-rastaet-opros/ (Дата обращения 8.09.2019).

5. Тасиц К.И. Западные гуманитарные фонды в Армении как инструмент «мягкой силы» // Проблемы национальной стратегии. М., РИСИ, 2017. №5. 228 с.

6. EU4Digital: Поддержка цифровой экономики и общества в регионе Восточного партнерства. – Режим доступа: https://www.euneighbours.eu/ru/east/stay-informed/projects/eu4digital-podderzhka-cifrovoy-ekonomiki-i-obschestva-v-regione (Дата обращения 8.09.2019).

7. What is Erasmus+ ? – Режим доступа: https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/about_en (Дата обращения 11.09.2019).

8. What is Horizon 2020? – Режим доступа: https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/what-horizon-2020 (Дата обращения 11.09.2019).

А. П. Петрова
(г. Ставрополь)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ПОРТУГАЛЬЦЕВ О ПЕРИОДЕ ПРАВЛЕНИЯ АНТОНИО САЛАЗАРА

Прежде чем перейти к рассмотрению исторической памяти португальцев об эпохе салазаризма, необходимо охарактеризовать само понятие «историческая память» более подробно.

Неотъемлемой частью исторической науки является историческая память, так как знания о минувших днях способствуют передаче идейных и моральных ценностей, а также помогают ориентироваться в социальном пространстве и историческом времени. Историческое сознание в состоянии оказывать серьезное влияние на общественную жизнь, именно поэтому очень значимо. Немаловажным также является вопрос о значении изучения исторической памяти, так как человеческому мозгу свойственно запечатлеть именно ту информацию, которая актуальна в той или иной ситуации. И что особенно важно отметить, что у каждого она своя и при сборе информации можно опросить несколько человек, и каждый выскажет свою точку зрения по одному вопросу. Полученная информация будет характеризовать одно событие, но с разных сторон и в результате получится более полная версия события.

Под исторической памятью принято понимать способность общественных субъектов сохранять и передавать из поколения в поколение знания об исторических событиях прошлого, об исторических деталях ушедших эпох, о национальных героях и вероотступниках, о традициях и коллективном опыте освоения социального и природного мира, об исторических этапах, касающихся того или иного народа на пути их развития [5, с. 15]. Также необходимо понимать, что историческая память служит основой для формирования национально-гражданской идентичности, а также преемственности поколений.

Что же касается процесса формирования исторической памяти, то можно говорить о его неоднозначности и сложности. Г. Б. Могильницкий говорил о сущности её функциональной составляющей и указывал на то, что она «меняет свое содержание на различных этапах развития исторической науки не только вследствие избирательного характера подхода к явлениям прошлого, но и в меньшей степени в силу их оценки… Одни и те же явления прошлого нередко получают в различных системах исторических представлений диаметрально противоположную оценку, что определяет их неодинаковое звучание в памяти социальных классов» [4, с. 156–157]. Процесс формирования исторической памяти в умах португальцев очень сложен по своей структуре, так как у каждого человека сложилось свое собственное отношение к событиям, происходящим в период правления Антониу Салазара.

К факторам, оказывающим влияние на формирование исторической памяти можно отнести: социально-экономические условия развития португальского общества; уровень образования, а также отношение к истории и исторической науке; идеологические установки; работу средств массовой информации [1, с. 17].

Затрагивая вопрос, касающийся исторической памяти португальского общества, несомненно, можно утверждать, что все вышеперечисленные факторы в той или иной степени присутствовали и оказывали активное воздействие на сознание людей. В истории XX века упоминается не так уж мало политических деятелей, вызывающих множество спорных вопросов, и жизнь которых была по большей части являлась тайной для всех. По результатам опроса общественного мнения в истории Португалии таковым является Антониу де Оливейра Салазар. Неоднозначная оценка его деятельности, прежде всего, связана с социальным положением, занимаемым в обществе, а также с трудностями, выпавшими на долю каждого португальца. Вызвано это, прежде всего, ностальгией по «твердой руке» и обеспечиваемому ей «порядку».

Немногие государственные деятели вели такую скрытную жизнь, как Салазар. По существу, его личная жизнь являлась государственной тайной и прессе, довольно таки проблематично было зафиксировать факты из его биографии. На публике диктатор появлялся крайне редко, так как не любил публичных выступлений. Чаще всего, Антонио Салазар вел переписку или же общался по телефону со своими министрами, все документы были засекречены Необходимо отметить, что в Португалии свобода прессы была ограничена вплоть до 1974 года, и не было возможности публикации мемуаров государственных и общественных деятелей.

Для большей части людей, находящихся вне Португалии Салазар всегда является чаще всего символом, нежели человеком. Немногие смогут узнать его по фотографии. Одни считают его символом спасения Португалии, то есть как человека, восстановившего статус страны. Другие напротив, представляют его как диктатора, правившего железной рукой 40 лет и проводившего жестокую политику террора и репрессий в метрополии и колониях.

«Новое государство» (порт. Estado Novo) – политический режим, установившийся в Португалии вследствие военного переворота 28 мая 1926 года.

Анализируя политику режима «Нового государства» в Португалии можно выделить следующие характеристики правления, которые непосредственно оказывают влияния на формирование исторической памяти людей.

Первый фактор касается экономической области жизни страны, в результате деятельности Салазара были заложены основы для будущей мобилизации всех ресурсов страны, с целью ликвидации дефицита бюджета, а также создание рабочих мест и строительство дорог, что позиционирует правителя с положительной стороны в глазах людей.

Второй фактор касается образовательной сферы, необходимо отметить, что с 1952 г. Салазар приступил к выполнению плана народного образования, в целях реализации создавались условия для полной ликвидации неграмотности населения в Португалии.

Третий фактор касается внутриполитических преобразований: в 1933 г. была введена Конституция, в ней Португалия провозглашалась «корпоративной республикой, основанной на равенстве граждан перед законом, а также на свободном доступе всех классов к благам цивилизации и на участии всех конструктивных элементов нации в административной жизни и разработке законов» [3, с. 35]. Благодаря грамотной политической риторике была завуалирована сущность салазаровского государства.

Четвертый фактор касается средств массовой информации можно говорить о сложности работы их в тот период, так как до 1974 свободной прессы как таковой не существовало и большинство фактов, характеризующих события того периода были скрыты.

К вопросу об отношении португальцев к прошлому можно с уверенностью отметить, что присутствует ностальгия по империи, созданной Салазаром, нежели по режиму Салазара. Нет политической партии, которая бы представляла данный период с положительной стороны. Но, тем не менее, примерно 15 % граждан поддерживают ценности, которые ассоциируются с авторитарным режимом, к примеру, традиционный католицизм. Это выражается прежде всего в тоске по моральным ценностям, а не в сочувствии репрессиям. Существует движение против абортов, потому что диктатура была очень консервативной в отношении ценностей. Переход к демократии был весьма беспощаден, если говорить о наследии диктатуры, но сравнительно мягок, если говорить о наследии колониализма. Большинство португальцев до сих пор убеждены, что их колониальная система была намного лучше прочих, отсутствовал расизм, не применялись репрессии и т. д. А также немаловажным является отсутствие какого-либо процесса осуждения колониализма в Португалии [2, с. 45].

Нельзя не отметить тот факт, что в Португалии 26 июля 2007 года была подписана петиция о сохранении коллективной памяти. И в связи с этим решили преобразовать здание бывшей политической тюрьмы Алджубе, располагающегося в центе Лиссабона в музей. Сам процесс создания музея, посвященного заключенным, очень сильно затянулся. Были привлечены к работе художники и дизайнеры, которые занимались инсталляцией, созданием макетов и муляжей, и само собой внешнего облика, путем подбора замков и решеток того времени [2, с. 46].

Для жителей Португалии вопрос диктатуры является крайне болезненным, так как период салазаризма представлен реакционной диктатурой. Многие португальцы помнят о репрессиях 30–40-х годов XX века и на себе испытали «все прелести» концлагеря Таррафал, который располагается на островах Кабо-Верде. Как известно, смертная казнь отсутствовала, но при этом миллионы людей стали жертвами жестоких пыток. Также по личному указанию Салазара действовала тайная полиция, которая учиняла расправу над оппонентами Салазара, очень много людей погибло от болезней или были просто замучены до смерти в стенах тюрьмы. Этот факт непременно оставил негативный след в памяти португальцев и очернил Салазара в глазах людей.

Необходимо остановиться более подробно на тех, кто в основном стал жертвами репрессий. Одними из первых, кого можно отметить это коммунисты. Немаловажным является также и то, что у репрессий была социальная подоплека, это выражалось, прежде всего, в принадлежности к политическому лагерю. То есть, если вы придерживались демократической оппозиции, то срок тюремного заключения был около двух лет, по отношению к коммунистам предпринимались более жесткие меры, срок заключения мог быть равен двенадцати годам и сопровождаться различными пытками, разница очевидна [2, с. 49].

Самый пик репрессий приходится на 1970-е годы, именно тогда предпринимались самые жестокие меры, и в связи с этим, у Португалии выделяется два слоя репрессивного населения, к первым относятся жертвы внутренних репрессий, ко вторым жертвы колониальной войны [2, с. 49].

Тем не менее, вспоминая о прошлых заслугах страны, говорят «Великая Португалия», в этом моменте мнение левых и правых схоже и они встают с места в знак признания, потому что гордятся своей историей. Диктатура была страшна, но в народе живо чувство справедливости.

Португальский историк Жозе Эрману Сарайва в своей книге «История Португалии» описывал историю своей страны до 1974 года, остальные события после дописывались схематично. И, возможно, он прав, так как для полноценной оценки народом прошлого, выявления положительных и отрицательных сторон должно пройти какое-то время.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующий вывод о том что, на формирование исторической памяти оказывает влияние большое количество факторов окружающей действительности, а именно положение человека в обществе, его доход, состояние здоровья, политика, принадлежность к политическому лагерю, а также уровень образования. И для того, чтобы сформировать целостное представление о периоде правления Антониуо Салазара необходимо в первую очередь объективно проанализировать все события, происходившие на тот момент и их влияние на умы людей.

Источники и литература

1. Ахметшина А. В. Понятие «Историческая память» и ее значение в современном российском обществе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XXXVIII междунар. науч.-практ. конф. № 6 (38). – Новосибирск: СибАК, 2014.: сайт [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://sibac.info/conf/social/xxxviii/38675 (дата обращения: 9.02.2018).

2. Круглый стол «Жертвы Салазара. Отношение к жертвам и палачам в демократической Португалии», 8 июля 2014. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://urokiistorii.ru/article/52138 (дата обращения: 9.02.2018)

3. Конституции буржуазных государств Европы. – М., 1957. – 748 с.

4. Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. – М.: Высшая школа, 1989. – 175 с.

5. Путянина Т. П. Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества: Автореф. дис. канд. социол. наук. – М., 2007. – 23 с.

А. Н. Птицын
(г. Ставрополь)

ЧЕШСКИЕ КОЛОНИСТЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

В конце XIX – начале XX в. доля иностранцев среди всего населения на Кавказе была самой высокой, по сравнению с другими регионами России. Одним из народов, появившихся на этнической карте Северокавказского региона в данный период, стали переселенцы из Габсбургской монархии – чехи. Их переселение на Кавказ было частью мощного миграционного потока, направленного в рассматриваемый период из чешских земель в Российскую империю. Массовая эмиграция чехов была вызвана, главным образом, социально-экономическими причинами – перенаселенностью, малоземельем, безработицей, бедностью и т.д.

После завершения Кавказской войны началась колонизация обширного Черноморского побережья Кавказа, откуда по военно-стратегическим соображениям было выселено местное адыгское население. Согласно принятому в 1866 г. закону «О заселении Черноморского округа и управлении оным», разрешалось свободное переселение на побережье «лиц всех сословий и национальностей», в том числе иностранцев. При этом поселенцы бесплатно получали земельные наделы (до 30 десятин на семью), на первое время им предоставлялись денежные пособия и продовольствие, на 15 лет они освобождались от налогов. Эти условия выглядели достаточно привлекательными. На побережье появились села армян и греков, переселившихся из Турции, колонии немцев, чехов и эстонцев [7, с. 12–13].

Информация об условиях переселения на Кавказ распространялась в чешских землях частными переселенческими компаниями, которые за комиссионные помогали эмигрантам перебраться на новое место жительства. Маршрут следования чешских колонистов на Кавказ был таким: по железной дороге через Вену и Будапешт они добирались до венгерского порта Базиаш на Дунае, а дальнейший путь проделывали на пароходах по Дунаю и Черному морю, с пересадками в Галаце и Одессе. Среди чешских переселенцев преобладал «беднейший класс»: безземельные и малоземельные крестьяне, сельскохозяйственные рабочие, ремесленники из перенаселенных аграрных районов Богемии [9, s. 63]. В пути переселенцы зачастую терпели различные лишения. Так, чешские колонисты, которых Российской общество пароходства и торговли перевозило в конце 1860-х гг. из Одессы в Новороссийск, нуждались до такой степени, что руководство этого общества было вынуждено организовать для них бесплатные обеды [3, л. 1].

Первая группа чешских колонистов (30 семей) прибыла в Черноморский округ в сентябре 1868 г. и была поселена на реке Джубге. В 1873 г. в этом поселке насчитывалось 113 жителей (54 мужчины и 59 женщин) [1, с. 127; 4, с. 176]. В 1869–1870 гг. отмечался наибольший прилив переселенцев, в эти годы возникло около десятка чешских колоний. В октябре 1870 г. на Черноморском побережье проживало уже около 150 чешских семей (примерно 700 человек) [2, с. 15].

В горных районах к северу и западу от Новороссийска в 1869-1870 гг. возникли 4 чешских поселения: Кирилловка, Мефодиевка, Владимировка и Глебовка. В 1873 г. численность жителей там составляла: в Кирилловке – 181 человек, в Мефодиевке – 91, во Владимировке – 108 и в Глебовке – 132. Возле Анапы в 1870 г. возникли чешские колонии Варваровка и Павловка. По данным 1873 г., в Варваровке было 165 жителей, в Павловке – 94. Еще одна группа чехов была поселена в горном

районе в 25 км от Туапсе, на реке Псынахо. Там чехи основали пять хуторов, которые с 1872 г. получили общее название – Чешские Георгиевские хутора (позднее они соединились в одно поселение – Анастасиевку), первоначально там насчитывалось 113 жителей. Примерно на полпути между Туапсе и Геленджиком возникли колонии Текос и Тешебс. Первую из них основали в 1869 г. 15 чешских и польских семей, переселившихся из Австрии. Наконец, в 1880 г., вдали от побережья, в Майкопском отделе, выходцами из первых чешских колоний был основан хутор Мамацев. Отдельные чешские семьи селились также в русских селах [1, с. 127; 7, с. 32–35].

Чешское переселение на черноморское побережье Кавказа, в меньших масштабах, продолжалось на протяжении 1870–1890-х гг. При этом часть переселенцев прибывала на Кавказ не непосредственно с родины, а из других российских регионов, главным образом из Крыма, где чехи поселились еще в первой половине 1860-х гг. В 1897 г. был издан закон о том, что дальнейшая колонизация Черноморского побережья должна вестись исключительно русскими, в связи, с чем иммиграция чехов туда прекратилась [7, с. 20].

В первое время чехи-колонисты, поселившиеся на Кавказе, переживали значительные трудности. Они страдали от непривычного климата и, особенно, от распространенной на побережье малярии. Много сил потребовало строительство домов и хозяйственных построек, раскорчевка леса и возделывание целины, устройство пашен, огородов, садов и виноградников, обзаведение скотом и т.д. В памяти колонистов первые годы сохранились как время, наполненное трудностями и лишениями [7, с. 59].

Однако со временем, благодаря своему трудолюбию и упорству, они смогли прочно освоиться на новом месте, наладить эффективное хозяйство и достичь неплохого материального уровня. О трудолюбии и успехах чехов говорит тот факт, что доля разработанных и введенных в сельскохозяйственный оборот земель в чешских колониях была в два раза выше, чем в остальных селениях Черноморской губернии. В начале XX века, в связи с ростом населения и нехваткой собственных земель, чешские колонисты стали арендовать земли частных владельцев, расположенные на побережье и ранее пустовавшие [8, л. 57].

Чешские колонисты принесли на черноморское побережье Кавказа передовые земледельческие технологии и интенсивные методы хозяйствования, которые заимствовались затем местным населением. В чешских колониях, в отличие от российской деревни, была слабее выражена имущественная дифференциация. Уровень жизни чешских колонистов был, в среднем, выше, чем в соседних селах. В глазах местного населения чехи приобрели репутацию «крепких», зажиточных хозяев, в этом отношении их сравнивали с немецкими колонистами. Чешский этнограф Ян Ауэрган, объехавший накануне Первой мировой войны районы чешской колонизации в России, отмечал, что чешские села на Кавказе находились в лучшем состоянии, чем соседние русские и греческие селения, превосходя их в экономическом и культурном отношении. Но в то же время, чешским селениям на Волыни по уровню развития и благоустройства они уступали [9, s. 56].

Успешная адаптация колонистов к новым условиям жизни и хозяйственный прогресс, достигнутый ими, привели к значительному росту населения чешских колоний. Если в первое время численность чехов росла за счет новых переселенцев, то по мере адаптации все более заметным становится естественный прирост. В 1897 г., по данным Первой всеобщей переписи населения, в Черноморской губернии проживало 1290 чехов (678 мужчин и 612 женщин), а в Кубанской области – 1213 чехов (673 мужчины и 540 женщин). Сельские жители среди черноморских чехов составляли 85 %, среди кубанских чехов – 86 %. В Черноморской губернии доля чехов была самой высокой среди всех областей Российской империи – 2 % от всего населения [5, с. 61; 6, с. 30].

Таким образом, за 30 лет, прошедших после основания чешских колоний, их население возросло примерно в 2,5 раза. Это свидетельствует об успешной адаптации чешских колонистов на Кавказе и об успешном социально-экономическом развитии чешских колоний. Также ярким свидетельством успешной адаптации чешских колонистов на Кавказе стало массовое принятие ими российского подданства. К 1897 г. иностранное подданство сохраняли в Черноморской губернии всего 17 %, в Кубанской области – 37 % чехов [5, с. 239; 6, с. 105].

Большинство чехов-переселенцев сохраняло верность католической церкви, но часть их приняла православие, что также можно рассматривать как один из показателей степени адаптации и интеграции. По данным переписи 1897 г., в Черноморской губернии католики составляли среди чехов 90 %, а православные – 10 %. Среди чехов Кубанской области католики составляли 64 %,

а православные – 36 % [5, с. 64–65; 6, с. 32–33]. При этом в своих компактных поселениях чехи гораздо лучше сохраняли свою религиозную идентичность, чем и объясняется высокая доля католиков в Черноморской губернии.

Таким образом, чешские поселенцы Северного Кавказа дают пример успешной адаптации в регионе. Чехи внесли свой вклад в социально-экономическое развитие Северного Кавказа в дореволюционный период.

Источники и литература

1. Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. – М.: Тип-я А. И. Мамонтова и К°, 1874. – 204 с.
2. Гейдук Ф. О значении для России развития сельскохозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря // Русский вестник. – 1871. – № 3. – С. 5–41.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 353.
4. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80-е гг. XIX в. – М.: Наука, 1975. – 576 с.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. LXV. Кубанская область. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1905. – 284 с.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. LXX. Черноморская губерния. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1901. Тетрадь 3. – 133 с.
7. Пукиш В.С. Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868-2010. – Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2010. – 368 с.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 4. Д. 522.
9. Auerhan J. Ceske osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze. – Praha: A. Hajn, 1920. – 66 s.

В. Н. Садченко
(г. Ставрополь)

СТРАТЕГИЯ БАЛАНСИРОВАНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА В ОТНОШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ АКТОРОВ

У малых и средних государств, с позиций реализма и неореализма, выбор в своих возможностях влияния на международной арене ограничивается стратегиями примыкания, балансирования (лавирования), хеджирования. При этом последние две стратегии характерны для более сильных государств, не имеющих острых военно-политических угроз национальной безопасности.

Теоретики неореализма К. Уолтц и С. Уолт на рубеже 1970–1980-х гг. вкладывали в понимание стратегии примыкания выстраивание союзнических отношений таким образом, чтобы избежать нападения со стороны агрессивного и более мощного государства, приняв положение подчинения в отношении более сильного союзника. С 1990-х гг. понимание этой стратегии видоизменяется и, по мнению Р. Швеллера, целью примыкания является получение максимальной выгоды от сотрудничества с более сильным актором, а не предотвращение нападения со стороны великой державы [4, p. 106]. Дж. Леви и М. Барнетт, исходя из появления на международной арене новых суверенных государств и усиления стран развивающегося мира, отмечают, что «лидеры стран третьего мира формируют альянсы, чтобы «быстро обеспечить себя необходимыми экономическими и военными ресурсами для продвижения внутренних целей, реагирования на внешние и внутренние угрозы безопасности, закрепить свои внутриполитические позиции» [2, p. 35]. Отражение данной точки зрения наблюдается в действиях правящей элиты Грузии и Армении, где внешняя политика зачастую является средством удержания власти в стране. А современный ученый Сандья Нишанти Гунасекара выдвигает тезис, что примыкание позволяет малым странам реализовывать свои интересы за счет великих держав. Малые государства более уязвимы для иностранного вмешательства потому, что внешние силы могут воспользоваться внутренними конфликтами для продвижения своих экономических и идеологических интересов.

Обращаясь к Азербайджану, следует учесть, что страна избежала острых внутренних проблем подобно «параду суверенитетов», подрывающему территориальную целостность Грузии, или «изолированности» Армении, угрожающей национальной безопасности. Карабахская проблема является актуальной для элиты Азербайджана, но не краеугольной, как для РА. В этой связи политический истеблишмент Грузии и Армении в первое и последующие десятилетия был вынужден внешнюю политику использовать зачастую как средство для разрешения внутриполитических проблем и удержания власти в руках.

С выбором Г. Алиева на пост президента в 1993 г., все ресурсы страны были актуализированы на строительство независимой национальной экономики. Для реконструкции нефтехимической отрасли и выхода мировой уровень была взята на вооружение концепция «политика балансов» как в отношении мировых акторов, так и региональных [5, с. 288].

В сентябре 1994 г. Государственная Нефтяная Компания Азербайджанской Республики (ГНКАР) заключила «сделку века» с консорциумом мировых нефтяных фирм на разработку шельфовых нефтяных месторождений в Каспийском море [7, с. 48–49]. Контракт содействовал реконструкции нефтяной, нефтехимической и прочих отраслей, что и легло в основу т.н. «нефтяной стратегии». Стабилизация политической элиты при президентах Г. Алиеве (1993–2003) и И. Алиеве (2003 – н.в.) способствовала успешному завершению переговоров по поводу строительства нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД) и газопровода Баку-Тбилиси-Эрзурум (БТЭ), призванных диверсифицировать поставки энергоресурсов на мировые рынки через Грузию и Турцию. В 2006 г. был пущен нефтепровод БТД, а в 2007 г. по подобному маршруту заработал газопровод БТЭ, что стало возможно благодаря успеху «политики балансов», позволившей привлечь капиталы различных иностранных фирм.

Азербайджан в рамках «нефтяной стратегии» стал частью «нового» или «мягкого» регионализма ЕС «Южный газовый коридор» (ЮГК). Это разветвленная сеть газопроводов, призванная повысить энергетическую безопасность ЕС путем диверсификации маршрутов и источников энергопоставок в обход России. 29 мая 2018 г. Азербайджан запустил ЮГК, по которому газ с месторождения Шах-Дениз через Турцию транспортируется в страны южной Европы – Грецию, Италию и пр. [3] «Конвенция о правовом статусе Каспийского моря» от 12 августа 2018 г. [6] еще более расширила возможности для Азербайджана. Как видим, внешнеполитические ориентиры Азербайджана вызваны не столько военно-политическими задачами, как в Армении, или задачей сохранения целостности страны, как в Грузии, а экономическими интересами державы.

Успешная реализация «нефтяной стратегии» вызвала к жизни ряд логистических проектов, основным партнером в которых выступила Турция, ставшая с 1991 г. постоянным партнёром Азербайджана. В 2006 г. Стамбул предложил план железнодорожной линии Баку-Тбилиси-Карс (БТК), позволяющей соединить Турцию с Кавказской железнодорожной магистралью. Она была пущена 30 октября 2017 г. и имеет свой целью наладить регулярные перевозки грузов из Турции и Европы в страны Центральной Азии и Китай, а также в южном направлении – в Иран, страны Персидского залива, Пакистан, Индию. В ноябре 2017 г. министр дорог и городского развития Ирана Аббас Ахунди выступил с инициативой продлить железную дорогу БТК до Тебриза. Учитывая важность проекта БТК, большинство стран Центральной Азии (Казахстан, Афганистан, Узбекистан и Туркменистан) выразили заинтересованность в присоединении к БТК.

Удачное развитие транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия вызвало появление идеи транспортного коридора «Север-Юг», предложенной группой стран в лице Индии, Пакистана, Омана, Ирана и России. Деятельность этого коридора предусматривает доставку судами, поступающих из Индии, грузов через Суэцкий канал в иранский порт Бендар-Аббас, а оттуда – их перевозку по железнодорожным путям Азербайджана и Россию в другие страны [8].

Другой особенностью реализации внешней политики Азербайджана, следует считать ориентацию на глобальную политику с момента обретения им независимости в 1991 г. Многовекторность политики Баку выразилась в установлении контактов с ЕС, НАТО. В 2001 г. Азербайджан стал членом Совета Европы и других организаций, что позволяет проводить эффективную внешнюю политику в рамках европейского направления политики. Азербайджан активно участвует в региональных организациях и интеграционных объединениях (ГУАМ, ОЧЭС и др.).

Еще одной чертой можно считать стремление Баку урегулировать отношения с ведущими странами Запада и Востока, в основе которых легли принципы взаимовыгодного сотрудничества

и партнерства. При этом, декларирование в качестве приоритетов внешней политики АР интеграции в структуры Европейской и Трансатлантической безопасности и сотрудничества, не исключает тесного военно-политического союза с Турцией. Документы в области военного сотрудничества оказали воздействие на то, чтобы военные связи между двумя странами имели более содержательный и практический характер, чтобы повысился потенциал азербайджанской армии. Воинский контингент армии Азербайджана участвовал в миротворческой миссии в Косово в составе военных подразделений Турции.

Прагматичность правящей элиты Азербайджана проявляется в том, что стране удается поддерживать связи как с Турцией, так и с Ираном, ЕС, Россией, США, Китаем, весьма успешно лавируя между их интересами и национальными. Это четко прослеживается в вопросе непризнания Косово, Абхазии, Южной Осетии, Крыма и пр., так как последовательная позиция Азербайджана состоит в сохранении целостности территорий государств вне зависимости от того, это европейские державы или нет. М. Исмаилов из Кембриджского университета полагает, что азербайджанская элита, движима своими интересами, балансирует между альянсом стран Запада и Израиля, с одной стороны, и альянсом из России, Турции и Ирана, с другой. По его мнению, это приведет к самому сложному выбору за всю свою историю независимого Азербайджана [1].

Таким образом, после распада биполярной модели международных отношений, малые и средние государства получили возможность самостоятельно определять внешнеполитические стратегии, являющиеся адаптивными и поливариантными. Вектор и интенсивность применения стратегии балансирования Азербайджаном определялись во многом поведением политической элиты, стремящейся укрепиться у власти, а также степенью заинтересованности в них крупных региональных и внерегиональных игроков, соотношением приоритетных задач, стоявшими перед странами, и совокупностью внешнеполитических ресурсов, располагаемыми политическим истеблишментом. Азербайджану удается эффективно реализовывать политику лавирования между глобальными и региональными акторами. Государства Южного Кавказа сосредоточились на моделях, которые бы позволили им, с одной стороны, сохранить собственный суверенитет, а с другой – улучшить свое внутреннее положение. В этой связи действенным инструментом в стратегиях примыкания и лавирования для Азербайджана и Грузии стала экономическая дипломатия, а Армения, в силу ограниченности ресурсов и специфики геополитического положения, сконцентрировалась на вопросах собственной безопасности. При этом каждое из государств видит своей задачей выход на орбиту глобальной политики в качестве самостоятельных акторов.

Источники и литература

1. Ismayilov M. Azerbaijan and Russia: Towards a Renewed Alliance, for a New Era Electronic resource] // Caucasus Analytical Digest. – 2019. – №. 109. Access mode: https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CAD109.pdf (date accessed: 15.06.2019).

2. Levy Jack S., Barnett Michael M. Alliance Formation, Domestic Political Economy, and Third World Security // The Jerusalem Journal of International Relations. – 1992. – № 4. P. 19-40.

3. Pirani S. Let's not exaggerate: Southern Gas Corridor prospects to 2030 [Electronic resource]. – Oxford: Oxford Institute for Energy Studies, 2018. Access mode: https://www.academia.edu/37367680/Lets_not_exaggerate_Southern_Gas_Corridor_prospects_to_2030 (date accessed: 13.06.2019).

4. Schweller R. L. Bandwagoning for profit: Bringing the revisionist state back in // International Security. – 1994. – №1. P. 72-107.

5. Гасанов А. Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана [Электронный ресурс]. (Второе издание, дополненное). – Баку, "Zərdabi LTD" MMC, 2013. – 1008 с. Режим доступа: http://elibrary.bsu.az/books_aysel/N_237.pdf (дата обращения: 10.06.2019).

6. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, 12 августа 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрация Президента России. 12.08.2018. Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/5328 (дата обращения: 12.06.2019).

7. Мехдиев Э. Т. Энергетический фактор во внешней политике Азербайджана // Проблемы постсоветского пространства. – 2016. – №1 (7). С. 47–54.

8. Минасян Г. Китай заходит на Южный Кавказ [Электронный ресурс] // Новостной портал ARD (Asia Russia Deily). 21.11.2017. Режим доступа: http://asiarussia.ru/articles/18340/ (дата обращения: 11.06.2019).

Е. П. Тельменко
(г. Ставрополь)

АПОЛОГИЯ САВОНАРОЛЫ В «ПОСЛАНИИ НЕКОЕМУ ДРУГУ» (1495 г.)

Осенью 1495 г. среди жителей Флоренции распространилось «Послание некоему другу», автором которого был доминиканец Джироламо Савонарола. Письмо появилось в то время, когда этот пророк-реформатор был вынужден прекратить выступления перед паствой: 21 июля, 8 сентября и 16 октября 1495 г. Папа направил в город бреве, предписывающие монаху появиться в Рим и оставить проповеди [5, с. 94–99, 103–105; 4, т. 1, с. 296]. «Послание» стало не только апологией брата, обращенной к Понтифику и городским оппонентам, но и должно было поддержать сторонников и сомневающихся, укрепить их решимость продолжить преобразования, к которым республика приступила менее года назад (после изгнания Пьеро Медичи в ноябре 1494 г.).

Сочинение публичных писем – практика, ко времени Савонаролы, уже довольно распространенная среди ренессансных интеллектуалов. Но, возможно, прав итальянский исследователь Ф. Кордеро, заметивший относительно этой и других эпистол доминиканца: «Никакой влиятельный человек не использовал прессу, как стратегическое оружие; мы можем приписать первенство ему; он – волшебник пропагандистской техники» [2, p. 513]. Кроме того, важно отметить, что, во-первых, «Послание» положило начало полемике в печати, касающейся монаха, его высказываний и действий, а, во-вторых, ряд существенных вопросов, на которые доминиканцу пришлось дать здесь разъяснения, остались предметом дискуссий, как при его жизни, так и после смерти.

В начале письма Савонарола, указывая на причину замешательства своих сторонников, состоящую в том, что о нем «ежедневно говорится много дурного», выражает готовность «защитить истину и продемонстрировать, насколько безосновательной является клевета наших недругов» [1, p. 91–92].

В первой части эпистолы брат Джироламо обращается к вопросам, которые должны прояснить его взаимоотношения с Папой и Римской курией. Тем, кто называет его еретиком, монах указывает, что он, во-первых, «публично и неоднократно заявлял, и писал» о своем подчинении замечаниям «Святой Римской Церкви», «требованиям Верховного Понтифика и всей Римской курии», а во-вторых, что в его «тщательно исследованных речах и текстах» не было обнаружено «ничего противоречащего ни Священному Писанию, ни учению Святой Римской Церкви». Затем он выказывает свое мнение о тех, кто распространяет подобное суждение – это, по словам брата, «либо злобные люди, либо невежественные», которые, если их спросить, «не смогут сказать тебе, что такое ересь»; кроме того, ими движет гордыня и зависть, а также «лукавство, поскольку всякому человеку известно, или можно легко узнать … что я публично сказал и написал» [1, p. 92–93].

Следующее обвинение в схизме и неподчинении Церкви Савонарола опровергает, заявляя (речь идет о его письмах Папе в ответ на упомянутые выше бреве): «… если бы это было так, то не осталось бы безнаказанным; но Его Святейшество принял мои доводы как разумные и остался полностью удовлетворен ими». В том, что касается происков клеветников, пытающихся убедить Понтифика, что брат дурно отзывается о нем и кардиналах, доминиканец указывает, что тем самым злопыхатели «противостоят истине, очевидной для огромного количества людей», ибо он не проповедует скрытно, но «в церквях, куда может собраться весь народ» [1, p. 94].

Далее монах затрагивает тему отношения к его пророчествам. Он призывает «друга» «не удивляться» тому, что реакцией на предсказания грядущих вещей являются насмешки и критика, ибо то же самое испытывали и древние пророки. Мудрый человек, – по мысли брата, сославшегося на ап. Павла (1 Фесс. 5:20–21), – не станет «разражаться упреками или осмеивать то, что он не может никакими доводами опровергнуть, то есть вероятные вещи будущего», он будет «выжидать время, полагаясь во всем на Бога»; к тому же он знает, и здесь Савонарола опирается на авторитет Фомы Аквинского, что «Бог во всякое время, по нужде своей церкви, посылал пророков». Помимо этого, монах задает вопрос, явно адресованный своим оппонентам: «Но скажи мне, что означает, что … многие … излагали видения и предрекали некие вещи, а случилось все противоположным образом, но, тем не менее, они не имели и не имеют такого противодействия, какому подвергался и подвергаюсь я, никогда не произносивший какой-либо неправды, и когда видно, что все предсказанное мною сбывается?». При этом доминиканец интерпретирует означенную ситуацию в свою пользу:

он не подвергался бы преследованиям со стороны дьявола и его приспешников – «скверных людей, которые от христиан имеют только имя», если бы не проповедовал истины [1, p. 94–95].

Затем Савонарола переходит к политическим вопросам. Первый касается характера режима, установленного во Флоренции после изгнания Медичи. «Управление, введенное мной», заявляет монах, не является правлением «безумцев», и, продолжая, указывает на то, что он «неоднократно» дискутировал «приватным образом со сведущими людьми об этой материи», и «в итоге они приходили к заключению, что управления лучше невозможно предоставить для Флоренции». Утверждение, что это «правление плебса», также является ложью, напротив, в нем, согласно монаху, преобладают «знатные лица» и их «могло бы быть намного больше, если бы богатые горожане демонстрировали любовь к общественному благу». Также, «если какой-либо нобиль притеснялся, то не для того, чтобы нанести ему оскорбление, и не из мести, но только на основании подозрения в народе, или поскольку он не следует общему благу, или оттого, что хотел бы стать тираном» [1, p. 95–96].

Проповедник, характеризуя ситуацию после «ухода Пьеро Медичи», отмечает, что граждане, претерпевшие с 1434 г. по 1494 г. множество «обид» от прежнего режима, стремились к мести и возвышению; «от этого начали появляться новые фракции в городе», что «неизбежно привело бы к большому кровопролитию, ссылкам и гибели горожан»; кроме того, из-за раздоров «город не только мог быть разрушен ими самими (гражданами – *E.T.*), но и другими, и утратил бы собственную свободу». Не произошло этого благодаря тому, что Бог содействовал утверждению соответствующего управления, а также тому, что был установлен всеобщий мир. Отсюда, заключает Савонарола, «те, кто жалуется на это правление, проявляют неблагодарность в отношении Бога и его орудия, посредством которого он действовал (то есть, собственно, самого монаха – *E.T.*)» [1, p. 96–97].

По мнению фра Джироламо, только «либо амбициозные, либо подлые, либо нерассудительные» люди являются теми, кто «дурно отзывается об этом управлении». Такие граждане, – и согласно Савонароле, это всем ясно видно, – «желали бы стать тиранами, либо слуги тиранов» [1, p. 95–96]. Обвинение в стремлении к тирании – аргумент, который использовали обе стороны в полемике друг с другом. Утверждения противников, что он «узурпировал власть подобно тирану», монах опровергает, указывая на то, что Большой совет, – становлению которого он содействовал, и был обеспокоен укреплением позиций этого органа в настоящее время, – является средством против тирании, ибо «не могут две вещи существовать вместе, то есть – тиран и Большой совет» [1, p. 98].

Затем, рассуждения брата о текущем положении дел во Флоренции снова переплетаются с темой его пророчеств. По мысли Савонаролы, если ситуация в городе ухудшается, то это свидетельствует не о ложности его предсказаний, а о «недостатке веры и правосудия» [1, p. 98–99]. От этого заявления автор открытого письма переходит к проблемам реформирования республики, используя характерное для пророков условное наклонение (sub conditione): «Если бы жители Флоренции тщательно усвоили мои слова и поверили бы в них, они бы поняли, что тем больше или меньше испытаний обретут, чем больше или меньше будут вершить правосудие» [1, p. 99]. По словам Савонаролы, «город полон мошенниками», преисполненными «множеством пороков» и «злословящими по поводу доброй жизни и нынешнего правительства, установленного Богом»; кроме того, «прекрасно известны те, кто стремится разрушить Совет и для этого составляют заговор», причем последнее монах определяет и как crimen lesae maiestratis (государственная измена – *E.T.*), и как преступление «против того, что было сделано Богом». Брат желает открыть читателям письма «секрет» – если Флоренция обратится к правосудию и «очистится от дурных людей», испытания могут не наступить, в ином случае они возобновятся и «будут страдать не только скверные, но и добрые» люди, поскольку «не осмеливаются наказывать того, кто заслуживает наказания» [1, p. 99–100].

Говоря в эпистоле о реформировании Флоренции, Савонарола постоянно повторяет, что это «дело Бога». Чтобы акцентировать внимание читателя на этой мысли, брат дает ей более пространное толкование, посредством которого также демонстрирует свое смирение и готовность пожертвовать жизнью ради высокой цели: во-первых, по словам доминиканца, необходимо знать, что Бог «больше с нами, чем с противниками»; во-вторых, даже если он умрет, «у Бога не будет недостатка в инструментах для продолжения начатого» [1, p. 100–101].

Судя по содержанию «Послания», как сторонников, так и противников Савонаролы, волновал вопрос его видений. По словам монаха, «многие глумятся» над ними, между тем как подобными практиками «полны Св. Писание и почти все церковные книги», более того – «многие проповедники и в наши дни» занимаются тем же. И здесь доминиканский брат переходит от обороны

к наступлению: по его словам, те, кто «насмехаются над этим», либо сами «проповедовали ложь и вводили в заблуждение народ», либо полагают себя монополистами в этой области, думая, «что никто не может обрести видения, кроме них» [1, p. 101]. Далее, продолжая тему видений, монах отвечает тем, кому «представляется заблуждением то, что я сказал, то есть, что Рим должен быть осужден, а Иерусалим избран и поставлен во главе». Возможно, подобное мнение возникло на основе изложения Савонаролой, – сначала в проповеди 13 января 1495 г., а затем в «Компендиуме откровений» [3, p. 12–14], – видения Креста и Меча. Доминиканец поясняет своим читателям, что речь идет не о том, что «Римская Церковь должна изменить форму», она «не исчезнет», по-прежнему будет Папа и «его резиденцией и диоцезом будет Рим», но «дурные люди в Риме будут преданы порицанию и исчезнут, и цвет христиан будет в Иерусалиме» – подобное заявление, несомненно, подразумевает духовное преображение христиан; далее автор эпистолы предвещает, что «все части света, где будут христиане, подчинятся Римской Церкви, поскольку все станут пребывать в римской вере под руководством одного Папы» [1, p. 101–102].

В завершении письма Савонарола выражает желание «ответить на все и сразу», предоставив «знак того, что учение, которое я тебе проповедовал, от Бога». Опыт, согласно монаху, показывает, что всякий человек, «насколько больше верит и приближается» к вере, «настолько больше успокаивается и наслаждается в ней и ищет доброй жизни, довольствуясь малым и радуясь в испытаниях»; а тот, кто отдаляется от веры, «теряет отраду и покой в своем сердце и превращается в озлобленного». К таким людям, по словам автора письма, относятся: во-первых, равнодушные; затем «порочные, подлые и безрассудные»; и, наконец, «отчаявшиеся из-за того, что впали в бедность и не имеют возможности поправить свои дела при помощи Коммуны». И, тем не менее, как утверждает этот пророк-реформатор, многие из них, «посредством увещеваний добрых людей или иной причине», «обращаются к этой истине, тотчас изменяясь и становясь спокойными, мягкими, каются в прошлых грехах, начинают жить по-христиански и превращаются в защитников этого учения»; причем, это заметно «не только среди простых, но и ученых людей, как светских, так и духовных». Означенные изменения замечают и противники, которые обзывают обратившихся «меланхоликами и безумцами», а сами «*как море взволнованное, которое не может успокоиться и воды которого выбрасывают ил и грязь*» (Ис. 57: 20–21). Все это позволяет брату сделать следующее заключение: «Если те, кто, следуя моему учению, снискали мир, как подтверждает практика, то это знак того, что … я не проповедую иного, нежели евангельский закон и учение, источником которого является Бог; и если противники его (учения – *Е.Т.*) постоянно волнуются, то это значит, что они следуют за заблуждениями нечестивых и учением равнодушных, скотским и дьявольским». За этим выводом следует завершающий «Послание» призыв всем вставшим на путь истины, «не оставлять его из-за противодействия», не уподобиться тем «о которых наш Спаситель говорит: "*временем веруют, а во время искушения отпадают*" (Пс. 118: 165)», ибо «кто станет упорствовать до конца, в итоге будет спасен» [1, p. 102–103].

Итак, содержание «Послания» свидетельствует о том, что ведущими вопросами дискуссий относительно доминиканского брата были его влияние на политические дела Республики (соответственно, подозрения в претензиях на тиранию), а также статус пророка и истинность его предсказаний. То, что последней теме посвящена, прямо или косвенно, значительная часть эпистолы (несмотря на недавно появившийся «Компендиум откровений»), скорее всего, можно объяснить тем, что Савонарола, во-первых, таким образом пытался придать дополнительный стимул к преобразованиям во Флоренции, а, во-вторых, обосновать непротиворечивость своей пророческой миссии авторитету Римской курии.

Источники и литература

1. A un amico (Firenze, 1495) // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 91–103.
2. Cordero F. Savonarola. Vol. 2: Profeta delle meraviglie 1494–1495. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. – 560 p.
3. Savonarola G. Compendio di rivelazioni: testo volgare e latino; e Dialogus de veritate prophetica / a cura di Angela Crucitti. Roma: A. Belardetti, 1974. – 476 p.
4. Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. В 2 т. в 1 кн. М.: Ладомир, 1995. – 929 с.
5. Ченти Т.С. Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы. – М., 1998. – 272 с.

А. А. Тонян
(г. Ставрополь)

БУДДИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ИНДИИ

Индия никогда не упускает возможность напомнить, что одна из трех мировых религий зародилась благодаря Сиддхартхе Гаутаме в VI веке до н.э. поскольку география распространения буддизма и широкое число последователей (по разным данным от 488 [8] до 535 [4, p. 5] миллионов) делают его действенным инструментом «мягкой силы». А в связи с устоявшимся мнением об исключительно миролюбивом характере буддизма многие азиатские страны, стремясь продемонстрировать имидж мирной нации, осуждающей всевозможные методы и формы насилия, заявляют о своей приверженности буддизму. Из множества религий считается, что буддизм наиболее всего подходит для реализации политики мягкой силы, которая ставит целью создание привлекательного образа нации ненасильственным путем. Но как мягкая сила не будет до конца эффективна без развития жесткой силы (Hard Power), так и буддизм не стал бы мировой религией без применения силы. Жестокость присуща всем религиозным системам и буддизм отнюдь не является исключением. С древности буддийские монахи неоднократно санкционировали насилие, и несмотря на это стремление к обладанию данным ресурсом в современном мире нередко выливается в активную конкуренцию между государствами.

Индия, несмотря на относительно небольшое число последователей данной религии в стране, заявляет о легитимности проведения ею так называемой «буддийской дипломатии» (Buddhist diplomacy), основываясь на следующих фактах. В стране расположены наиболее важные места паломничества для буддистов, такие как Бодх-Гая – город в штате Бихар, где Будда достиг Просветления; Сарнатх – пригород Варанаси в штате Уттар-Прадеш, где Будда осуществил «поворот Дхармачакры», прочитав первую проповедь пяти первым последователям о «четырех благородных истинах»; Кушинагар – город в штате Уттар-прадеш, где Будда умер и совершил паринирвану (окончательную нирвану, обрывающую цепь перерождений), а также Наланда – буддийский университет и монастырский комплекс V–XII вв., с падением которого, в результате вторжения тюрков во главе с Б. Халджи, связан упадок буддизма в Индии.

В свете растущей конкуренции в проведении буддийской дипломатии индийское правительство выгодно для себя использует противоречия между Тибетом и Китаем. В силу того, что в городе Дхарамшала (штат Химачал-Прадеш) располагается так называемое Тибетское правительство в изгнании, или Центральная тибетская администрация во главе с Далай-ламой XIV Индия создает имидж пристанища для угнетаемых.

Буддизм является объединяющим стержнем со многими соседними государствами Индии: Шри-Ланкой, Непалом, Бутаном, Мьянмой, Таиландом и др. Несомненно, это отражается и во внешнеполитических программах страны. Например, стратегия «Neighbourhood First» (Сначала соседство) предполагает укрепление отношений в первую очередь с соседними государствами [3, p. 7].

Какие же конкретно шаги предпринимает индийское правительство в рамках буддийской дипломатии?

1) Организация различных форумов, создающих платформу для диалога среди буддистов со всего мира. К примеру, в 2011 г. Глобальный буддистский конгресс (Global Buddhist Congregation), отмечающий 2600 лет со дня Просветления Будды проходит в Дели; несколько раз (в 2013, 2014, 2016, 2018 гг.) в Индии проводится Международный буддистский конклав (International Buddhist Conclave) и т.п.

2) Свою эффективность продемонстрировала так называемая «дипломатия реликвий». Так, в 2012 году Индия на две недели отправила четыре фрагмента костей Будды (реликвии Капилавасту) в Шри-Ланку [5].

3) Огромный потенциал имеет крупный межнациональный проект возрождения университета Наланды в Индии. Однако чрезмерная медлительность Индии в его реализации привела к тому, что Китаю раньше удалось создать свою Наланду, а именно Нанхайский буддистский колледж общей площадью 250,5 тыс. га (в то время как индийский проект предусматривал 184 тыс. га). Об открытии колледжа стало известно с зачислением в 2017 году первых 220 студентов, в то время как Наланду в 2014 году начали всего с 14 учеников и 11 учителей [2].

Не удивительно, что это вызвало огромную волну негодования в Индии, поскольку Китай также был частью глобальной команды реконструкции университета Наланда в древнем индийском городе в 2006 году. В индийских СМИ писали о победе Китая в дипломатии мягкой силы. Монах Инь Шунь был назначен деканом колледжа, который, как ни странно, является настоятелем буддийского храма Чжун Хуа в Лумбини, где кроется вторая опасность поражения индийской буддийской дипломатии [7].

Еще в 2011 г. Китай инициировал проект восстановления и развития непальского поселения Лумбини – места, где родился Будда – расположенного в 20 км от границы с Индией. Влияние Китая через Непал стало очевидным уже сразу в 2012 году, когда министр информации и коммуникации Непала Минендра Риджал заявил, что Далай-лама сможет посетить Лумбини после того, как «руководство Китая найдет способы поддерживать отношения с Его Святейшеством Далай-ламой, который будет уважителен к китайскому народу» [6, p. 4].

4) Наконец, это религиозный туризм, в рамках которого в марте 2015 года Министерство туризма Индии объявило о Буддистской туристической схеме (Buddhist tourist circuit) [9]. Она представляет собой три варианта религиозных туров в зависимости от количества посещаемых мест и продолжительности тура соответственно. Считается, что на создание такой схемы повлиял индуистский фестиваль Кумбха Мела (праздник кувшина), считающийся самым крупным собранием людей в мире. В 2013 г. фестиваль паломничества собрал 100 миллионов людей в столице штата Гуджарат – Аллахабаде.

Взаимоотношения буддизма и индуизма представляют особый интерес. Еще до Кумбха Мелы, социальное неравенство, проповедуемое индуизмом, привело к появлению новых течений в буддизме и массовому обращению в буддизм в среде индуистского населения. В 1956 г. Б. Р. Амбедкар – автор индийской конституции – разворачивает социально-политическое Буддийское движение далитов (известное как необуддийское движение). Оно радикально переосмыслило буддизм и создало новую школу буддизма под названием Наваяна, отрицающую традиции тхеравады, махаяны и ваджраяны, а также учения о «Четырех Благородных Истинах», нирване, карме и др. [1, p.524–531] Будучи далитом, Б.Р. Амбедкар бросил вызов кастовой системе, заявив полмиллиону далитов, что буддизм спасет их от статуса неприкасаемых.

Безусловно, буддизм является уникальным инструментом мягкой силы отчего и присутствует в дипломатическом арсенале ряда стран. С одной стороны, это основа для установления межгосударственных контактов в южноазиатском регионе, с другой же это становится почвой для соперничества. Стремясь обладать данным инструментом в полной мере, нарастает напряженность между странами. Если на использование Болливуда, или японского аниме не претендуют другие страны, то потребность использования буддизма имеется сразу у нескольких стран, каждая из которых имеет на это свой список причин.

Подводя итоги по буддийской дипломатии Индии следует отметить, что несмотря на усилия, прилагаемые индийской стороной, правительству необходимо предпринимать более серьезные шаги по укреплению имиджа. Тем более что для этого у Индии есть все необходимые ресурсы. На сегодняшний день основные успехи в этом направлении – скорее заслуга Далай-ламы и тибетской администрации, нежели правительства страны. Индии нужно делать ставку не только на тибетский буддизм, но включить в свое поле зрения и другие буддистские школы и течения. К позитивным сдвигам привело бы создание масштабных программ по изучению санскрита и пали (пракрита одного из среднеиндийских языков), на которых составлены многочисленные буддийские тексты. Необходимо продолжать развивать буддистский туризм, выделяя больше средств на рекламу с целью донести о такой услуге широкой мировой общественности. В качестве примера высокой эффективности от рекламы и качественной организации продвижения подобных мероприятий служит упомянутый ранее фестиваль Кумбха Мела. И, конечно же, требуются более действенные и оперативные меры по развитию университета Наланда.

Источники и литература

1. A Companion to Buddhist Philosophy / Edited by Steven M. Emmanuel. John Wiley & Sons, 2015. 608 p.
2. China secretly builds its own Nalanda University // India Today. June, 2017. URL: https://www.indiatoday.in/fyi/story/china-secretly-built-nalanda-university-bihar-india-981658-2017-06-08 (Дата обращения: 01.10.2019).
3. Haokip Th. India`s Look east Policy // Third Concept. An International Journal of Ideas. 2011. Vol. 24, № 291. P. 7–11.

4. Harvey P. An Introduction to Buddhism: Teachings, History and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 521 p.

5. Kapilavastu relics to journey to Sri Lanka // The Hindu. May, 2012. URL: https://www.thehindu.com/news/international/kapilavastu-relics-to-journey-to-sri-lanka/article3432211.ece (Дата обращения: 30.09.2019).

6. Ranade J. Buddhism: A New Frontier in the China-India Rivalry // Carnegie Endowment for International Peace. 2017. P. 1–6. URL: https://carnegieendowment.org/files/3172017_Ranade_Buddhism.pdf (Дата обращения: 01.10.2019).

7. Soft power: China gets its own Nalanda university, shames India // The New Indian Express. June, 2017. URL: http://www.newindianexpress.com/nation/2017/jun/05/soft-power-china-gets-its-own-nalanda-university-shames-india-1612915.html (Дата обращения: 01.10.2019).

8. The Global Religious Landscape // Pew Research Center, December, 2012. URL: https://www.pewforum.org/2012/12/18/global-religious-landscape-buddhist/ (Дата обращения: 20.09.2019).

9. 3 Buddhist Circuits identified by the Ministry of Tourism // Press Informatio Bureau Government of India Ministry of Culture. March, 2015. URL: https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=116398 (Дата обращения: 30.09.2019).

О. В. Уклеин
(г. Ставрополь)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КАЗАХСТАНА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

В Концепции внешней политики Республики Казахстан, которая была разработана на основе послания Президента Республики Казахстан - Лидера Нации народу «Стратегия Казахстан-2050»: Республика Казахстан продолжит традиционное и взаимовыгодное сотрудничество с Республикой Беларусь, Украиной и Республикой Молдова, а также с государствами Южного Кавказа – Азербайджанской Республикой, Республикой Армения и Грузией, занимающими важное место в системе политических, экономических и транзитно-транспортных интересов нашей страны [1].

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Грузией были установлены 23 июля 1992 г., а 27 августа того же года установлены дипломатические отношения с Азербайджанской Республикой и Республикой Армения. Южно-Кавказский регион рассматривается Казахстаном, прежде всего, как коридор транспортировки углеводородов в Европу. В последнее десятилетие Республика Казахстан активно участвует в создании инфраструктуры для экспорта углеводородов на мировые рынки.

Большой интерес в сотрудничестве Казахстана со странами Южного Кавказа обусловлен богатыми запасами нефти и газа, которыми располагает Казахстан, отсюда вытекает стремление к большей независимости. Нефтегазовые ресурсы вызывают интерес важных мировых игроков, помогают привлечь инвестиции, создают основу экономического роста и позволяют устанавливать новые партнерства путём диверсификации экспортных потоков.

В первые годы независимости Казахстана «нефтяным» партнёром республики была Россия. Однако желание включиться в мировой углеводородный рынок Казахстан определил три направления сбыта нефти. Первым направлением по-прежнему остаётся российское направление транспортировки, вторая часть идет в Китай через новый трубопровод Атасу-Алашанькоу и через Каспий в Азербайджан и в иранский порт Нека. Казахстан начал осуществлять перевозку небольших объемов нефти через Каспийское море из своего порта Актау в конце 1990-х. В 1998 г. была создана национальная судовая компания «Казмортрансфлот», которая с тех пор успешно развивается. Новые возможности появились в связи со строительством трубопровода БТД, способного доставлять азербайджанскую и казахстанскую нефть в турецкий порт Джейхан. Церемония открытия состоялась в июле 2006 года, а перед этим президенты Казахстана и Азербайджана подписали рамочное соглашение о доставке казахстанской нефти через БТД, начиная с 7 миллионов тонн в год и с последующим увеличением объёма до 20 миллионов тонн. В январе 2007 г. национальная нефтегазовая компания «КазМунайГаз» (КМГ)и участники международного

консорциума «Аджип ККО» (Agip KCO), занимающегося разработкой месторождения Кашаган, и «Тенгизшевройл» договорились о создании Казахстанской каспийской транспортной системы (ККТС) для доставки углеводородов на мировые рынки В рамках ККТС планируется построить трубопровод, соединяющий береговой терминал кашаганского месторождения Ескене с портом Курык (76 км к югу от Актау), а также оборудовать в Курыке нефтяной терминал, способный принимать крупнотоннажные танкеры.

Наиболее тесными являются отношения между Азербайджаном и Казахстаном. Прежде всего это объясняется территориальной близостью государств и их контактами по вопросу использования ресурсов Каспийского моря, а также «тюркскими корнями». Особенный интерес представляют совместные экономические проекты нефтяных компаний республик АО НК «КазМунайГаз» и Азербайджанской государственной нефтегазовой компании SOCAR, реализующие совместные проекты по транспортировки углеводородов в Европу. [2]. О тесных экономических связях государств свидетельствует тот факт, что в Казахстане зарегистрировано более 700 действующих компаний с участием азербайджанского капитала, а в Азербайджане зарегистрировано около 60 фирм с казахстанским участием. За январь-ноябрь 2018 г. взаимный товарооборот составил 193,7 млн долл. США, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. на 60 %. В том числе: экспорт Казахстана составил 150,73 млн долл. США, импорт в РК – 42,97 млн долл. США (экспорт увеличился на 61,7 %, импорт – на 40,65 %) [5]. Расширяются логистические сети, особенно по линии Шихэзцы – Достык – Актау – Алят, что является продолжением проекта «Один пояс – один путь», предложенный Китаем, включающий Казахстан и Азербайджан в систему мировой торговли. О тесных контактах Азербайджана и Казахстана в сфере экономики свидетельствуют действующая на постоянной основе Межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству. «Тюркское единство» появляется в культурно-гуманитарной и научно-технической сфере, что проявилось в открытии центра казахского языка в Бакинском государственном университете и азербайджанского языка в Евразийском национальном университете имени Л. Н. Гумилева.

Коррективы в развитие тесных экономических связей с Грузией внесла война 2008 г. Во время визита в Тбилиси осенью 2005 г. Нурсултан Назарбаев откровенно продекларировал цели Казахстана: «Мы хотим выйти на Черное море со своей нефтью, различными товарами, грузами, чтобы развивать торговлю. Мы хотим принять участие в процессе приватизации объектов в Грузии, в строительстве и приобретении здесь промышленных объектов». За 2005–2008 гг. Казахстан стал первым инвестором в Грузии, заняв мощные позиции как в банковской сфере, так и в рекреационном бизнесе Черноморского побережья Аджарии. Активно инвестируя в экономику Грузии до 2008 г. в 2006 году Казахстан вложил в экономику Грузии 185,7 миллионов долларов США. Официальные статистические данные за более поздний период отсутствуют, но сообщалось, что к 2008 году инвестиции Казахстана в экономику Грузии достигли 2 миллиардов долларов США. Инвестиции направлялись в основном в сектор энергетики, строительство, банки и телекоммуникации. В настоящее время Казахстан является третьим по величине зарубежным инвестором в Грузии [8]. Заняв «дипломатическую» позицию в вопросе определения статуса Южной Осетии и Абхазии, Казахстан подчеркнул стратегическую значимость политики в отношении России, но не признал суверенитет этих территорий. При этом правительство Казахстана продолжило политические, экономические и культурные контакты с Грузинской республикой. За 2018 г. товарооборот между двумя странами увеличился на 34,6 % и составил около 100 млн долларов. И это не предельная цифра – в скором времени Грузия и Казахстан хотят более усиленно развивать торгово-экономические отношения и повысить бюджет до 300 млн долларов, объемы перевозок грузов автотранспортом между Казахстаном и Грузией за 2018 г. составили порядка 10,3 тыс. тонн. Следует учесть, что в Казахстане успешно функционируют более 120 совместных предприятий с участием грузинского капитала [4].

Менее интенсивно контакты идут между Казахстаном и Арменией, что объясняется сложной географической позицией этого государства и конфликтом между Азербайджаном и Арменией. Позиции официального Казахстана в оценках Нагорно-Карабахского конфликта неизменно нейтральная. Руководство страны призывает стороны решать проблему, руководствуясь международным правом и прибегая к содействию международных организаций. Несмотря на сложность ситуации Казахстан заинтересован в разностороннем сотрудничестве с Арменией. Объем взаимной торговли между Казахстаном и Арменией за 2015 год составил 4,6 млн. долл. При этом объем

казахстанского экспорта в Армению составил 716,4 тыс. долл., а импорт из Армении составил 3,9 млн долл. Товарооборот между Казахстаном и Арменией по итогам 10 месяцев 2018 года составил 10,4 млн долларов, увеличившись на 19,5 %. [6].

Таким образом, Казахстан заявляет о себе в регионе Южного Кавказа как об одном из активных игроков. Его позиции определяются как прагматические, определяемые конкретными экономическими интересами, политическими целями и стратегическими задачами. Определяя себя как союзника России, Нур-Султан позиционирует себя как «нейтральное» государство в сложных конфликтных вопросах в регионе, не поддерживая ни одну сторону в кавказских конфликтах. Заинтересованный в транспортных коридорах Кавказа, Казахстан является проводником не только собственной экономической политики, но и способствует продвижению китайского проекта Великого шёлкового пути, что является привлекательным и для кавказских государств. Для российской дипломатии такая активизация Казахстана на Кавказе должна быть сигналом для адекватных оценок, чтобы избежать конкурентных столкновений и недопонимания, связанных с реализацией собственных интересов.

Источники и литература

1. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 гг.
/ [Электронный ресурс] / Режим обращения: http://mfa.gov.kz/ru/content-view/kontseptsiya-vneshnoj-politiki-rk-na-2014-2020-gg (Дата обращения 16.09.2019).

2. Международная электронная библиотека «Наследие Гейдара Алиева»/ [Электронный ресурс] / Режим обращения: http://lib.aliyev-heritage.org/ru/549420.html (Дата обращения 16.09.2019)

3. Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Казахастан. Сотрудничество Республики Казахстан и Грузии. / [Электронный ресурс] / Режим обращения: http://mfa.gov.kz/ru/content-view/sotrudnichestvo-respubliki-kazakhstan-s-respublikoj-gruzii(Дата обращения 12.09.2019).

4. Сейфуллина А. Многовекторное партнерство Казахстана и Грузии/ [Электронный ресурс] / Режим обращения:https://tranzit.news/5479-mnogovektornoe-partnerstvo-kazakhstana-i-gruzii (Дата обращения 16.09.2019).

5. Сотрудничество Республики Казахстан с Азербайджанской Республикой/ [Электронный ресурс] / Режим обращения: http://mfa.gov.kz/ru/content-view/sotrudnichestvo-respubliki-kazakhstan-s-azerbajdzhanskoj-respublikoj (Дата обращения 16.09.2019).

6. Сотрудничество Республики Казахстан с Республикой Армения / [Электронный ресурс] / Режим обращения:http://mfa.gov.kz/ru/content-view/sotrudnichestvo-respubliki-kazakhstan-s-respublikoj-armeniya (Дата обращения 11.09.2019).

7. Ustina Markus, Kazakhstan: Investor Status, 20 October 2008, / [Электронный ресурс] / Режим обращения: http://isn.ethz.ch/isn/Current-Affairs/Security-Watch/Detail/?Ing=en&id=92917. (Дата обращения 16.09.2019).

А. И. Черкасов
(г. Ставрополь)

РАННЯЯ РИМСКАЯ КОННИЦА В СИСТЕМЕ КУРИАТНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

Римская конница, по легенде, возникла при первом царе Рима Ромуле, в результате разделения всего населения города на 30 курий и 3 трибы, на основе последних формировались 3 конные центурии [3, с. 22]. Кроме того, Ромул сформировал отряд телохранителей – целеров, численностью также 300 воинов [2, с. 95]. Формирование конницы остаётся достаточно сложным вопросом. Ливий пишет, что 3 центурии всадников организовывались на базе триб [3, с. 22], но, если курии, по сведениям Дионисия, были составной частью трибы [2, с. 91], то почему набор всадников не производился от курий? Проблема напрямую связана со временем появления триб и курий. Курии не были единовременно созданы Ромулом, а формировались постепенно. По мнению Р. Палмера, они существовали ещё в период до основания Рима в среде латин как этнические объединения, в то время как трибы появились уже в период правления Ромула как военные объединения [9, p. 3]. Таким образом, трибы были специально созданы Ромулом для набора конницы, а курии существовали издавна как основа для формирования пехоты ещё до времени основания Рима.

Тем не менее, принцип организации конницы является не единственным дискуссионным вопросом, главная проблема, прежде всего, состоит в определении соотношения всадников и целеров. Малое количество сведений в источниках о целерах и в целом легендарность истории архаического Рима породили в рядах исследователей версию, что всадники и целеры были одним отрядом, который являлся всей ранней римской конницей. Данной точки зрения придерживается, в частности И. В. Нетушил, который считает, что появление целеров происходило путём эволюционирования изначального иррегулярного отряда всадников в регулярный отряд телохранителей – целеров [5, с. 29]. В арсенале аргументов сторонников данной версии, можно выделить такие факты как наименование командира конных центурий «трибун целеров» [5, с. 29]. Также отсутствие численного учёта целеров в источниках и само значение слова целеры (быстрые) могло свидетельствовать о тождественности целеров и всадников.

Но эта точка зрения не имеет под собой прочных оснований, поскольку всю аргументацию сторонников этой версии можно трактовать абсолютно иначе. Наименование целеров как быстрых может показывать наоборот особенность этого отряда, в контексте их смешанного тактического применения (конницей и пехотой) [2, с. 95]. В то же время существование титула «трибуна целеров», вероятно, являлось названием командира отряда телохранителей. Кроме того, приписывание этого титула командиру всадников могло являться поздним искажением античных авторов, к примеру, Дионисий, и вовсе ничего не пишет о «трибуне целеров, а лишь передаёт, что во главе всадников стоял «командир славнейший» [2, с. 95]. Также отсутствие численного учёта скорее свидетельствовало об особенности целеров как отряда, находящегося вне куриатного ополчения. Можно также дополнить тем фактом, что целеры являлись регулярным отрядом в отличие от всадников, о чём свидетельствует роспуск первых Нумой Помпилием [6, с. 83]. И наконец, сторонники версии о самостоятельности отряда целеров, довершают аргументацию тем фактом, что после упразднения царской власти в Риме исчезли титул трибун целеров и само наименование целеры [4, с. 118; 7, p. 189]. Прочная аргументационная база последней версии в противовес шаткой первой, безусловно склоняет к тому факту, что целеры действительно были самостоятельным отрядом.

Последним важным моментом является тактическое применение конницы в бою. Противоречивости не избежал и этот вопрос, мнения исследователей кардинально разняться, начиная от полного отрицания существования конницы до реформы Сервия Туллия [8, p. 162]. Вплоть до признания реальности полноценных конных отрядов в раннем Риме [1, с. 192]. В череде этих крайностей выделяется точка зрения Х. Хилла о всадниках как конных пехотинцах [7, p. 288]. Тем не менее, все исследователи отдельно не выделяют всадников и целеров и дают общую характеристику конных отрядов раннего Рима. Обращая внимание на этот момент, стоит сказать, что точка зрения Г. Дельбрюка верна в отношении всадников, в то время как позиция Х. Хилла больше относиться к целерам.

Таким образом, ранняя римская конница была создана на основе искусственно образованных триб, что отличало это военное формирование от пехоты по организационному принципу. Также представления о тождественности всадников и целеров, стоит считать неверными, мы показали на основе широкой аргументации, что целеры являлись особым самостоятельным отрядом. Вместе с тем было выявлено различие в тактическом применении всадников и целеров.

Источники и литература

1. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. – СПб.: Наука, 1999. – 416 с.

2. Дионисий Галикарнасский. Римские древности. Т. 1 / пер. с др.-греч. И. Л. Маяк. – М.: Рубежи XXI, 2005. – 272 с.

3. Ливий Т. История Рима от основания города. Т. 1 / под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе. – М.: Наука, 1989. – 575 с.

4. Маяк И. Л. Рим первых царей (Генезис римского полиса). – М.: Моск. ун-т, 1983. – 272 с.

5. Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Т.1. – Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2014. – 704 с.

6. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1 / пер. с др.-греч. С. П. Маркиша. – М.: Академия наук СССР, 1961. – 505 с.

7. Hill H. Equites and Celeres // Classical Philology. 1938. Vol. 33, № 3. – 353 p.

8. McCartney E.S. The Military Indebtedness of Early Rome to Etruria // Memoirs of the American Academy in Rome. 1915. Vol. 1. – 172 p.

9. Palmer R.E.A. The archaic community of the Romans. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. – 328 p.

Секция 3

Вопросы археологии, этнографии и истории межконфессионального диалога на Кавказе

В. А. Бабенко
(г. Ставрополь)

СВЕДЕНИЯ О ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ПАМЯТНИКАХ СРЕДНЕГО ПРИКУМЬЯ В ТРУДАХ С. Г. ГМЕЛИНА, И.-А. ГИЛЬДЕНШТЕДТА, П. С. ПАЛЛАСА И Ю. КЛАПРОТА (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX вв.).

На территории Среднего Прикумья в эпоху Золотой Орды возникли город Маджар и ряд поселений, входивших в его округу. Спустя длительное время после их запустения здесь еще сохранялись постройки культового и мемориального назначения, которые привлекали внимание российских военных и ученых с начала XVIII в.

Наибольший интерес данные памятники вызвали после проведения экспедиций, организованных Петербургской Академией наук на Северный Кавказ во второй половине XVIII в. Экспедиции носили комплексный характер, их материалы легли в основу многих капитальных трудов [3, с. 6]. Так как маршруты большинства из этих экспедиций пролегали через Среднее Прикумье, их участники оставили в своих работах ценные свидетельства о золотоордынских памятниках данной местности.

Изучение академическими экспедициями территории Среднего Прикумья началось в 1772 г. с поездки академика С. Г. Гмелина (1744–1774) из Царицына в Моздок. В ее ходе он впервые выделил в Среднем Прикумье три группы развалин: Верхние, Средние и Нижние Маджары. «В 18 верстах ниже Маджара, в трех несколько отдаленных одна от другой местностях, на реке видны остатки строений, которые носят названия первого Маджара [5, с. 8]. Описание этих объектов в его работе дано обобщенное, расстояние между двумя группами развалин составило 200 саженей [5, с. 11]. Вероятно, это место локализуется между современными п. Кумская Долина и с. Бургун-Маджары Левокумского района Ставропольского края.

Городище Маджары он обнаружил на левом берегу р. Кумы, между «двумя довольно значительными озерами Барвала, Бибала тоже, и Тамуслова… Место, занимаемое городом, возвышенный четырехугольник, имеет 5 верст в поперечнике и весь занят развалинами» [5, с. 8]. Под «возвышенным четырехугольником» на территории городища Маджары следует понимать возвышение водораздела Кумы и ее левого притока р. Мокрая Буйвола. На правом берегу Кумы он обнаружил «менее заметные развалины древних зданий и домов» [5, с. 12].

Сведения автора о расположении городища Маджары на пространстве от устья р. Томузловки до устья р. Мокрая Буйвола противоречат современным представлениям о границах этого памятника. Вероятно, в устье р. Томузловки он видел остатки отдельного золотоордынского поселения. Также известно золотоордынское поселение и в окрестностях с. Орловка Буденновского района. Далее он описывает развалины верхнего Маджара в 30 верстах выше по течению Кумы от среднего Маджара [5, с. 12].

Академик И.-А. Гильденштедт (1745–1781) направлялся в 1773 г. в Прикумье со стороны Пятигорья. Он проехал по правому берегу Кумы устье р. Золка, по броду Чанак перебрался на левый берег, пересек р. Карамык, проехал брод Эйдемир на Куме (место разделения дорог с Терека на Дон и Нижнюю Волгу), местности Уч-Гилга и Дерсовата (Кара-Катун). В местности Дерсовата он видел изваяние женщины (Кара-Катун) и «старое строение», которое описал весьма лаконично. Переправившись через устье р. Томузловки, он прибыл в Маджар [1, с. 290].

В ходе осмотра городища им был составлен его план. Здесь ученый насчитал около «50 различных строений из кирпичей», которые определил как мавзолеи. Он оспорил принадлежность Маджара венграм, обоснованную И. Г. Гербером в начале XVIII в. и впервые обосновал золотоордынскую принадлежность памятника [1, с. 291].

В 1793 г. в Среднем Прикумье побывал академик П. С. Паллас (1741–1811). Он проехал сюда из Астрахани через низовья Кумы. В районе деревни Терны (совр. с. Урожайное Левокумского района – *В.Б.*) он отметил начало возвышенности (отроги Прикумской возвышенности – *В.Б.*), где он видел «множество древних сводчатых могильников». По его данным, ниже этой деревни раньше стоял «древний татарский храм прямоугольной формы, построенный из кирпича». Это место у П. С. Палласа названо Нижними Маджарами. Под названием Малые Маджары он упоминает деревню Кавказский Усвят (совр. с. Бургун-Маджары), но не упоминает сооружения, ранее зафиксированные здесь С. Г. Гмелиным [4, с. 249]. Вероятно, за время, прошедшее после поездки С. Г. Гмелина, они были разрушены.

Следующий памятник, упоминаемый ученым – Большие или Верхние Маджары. Он отмечает, что в 1780 г. здесь сохранялось 32 постройки, в 1793 г. – всего шесть сооружений подобных «башням» [4, с. 251]. Он верно определил их погребальную принадлежность. Он обратил внимание на расположение сооружений по обоим берегам Кумы, но особенно – на правом берегу, на возвышении водораздела Кумы и Мокрой Буйволы [4, с. 252]. Он также обратил внимание на «надмогильные курганы» на правом берегу Кумы недалеко от немецкой колонии [4, с. 253].

Во время работы экспедиции П. С. Палласа был составлен план городища Маджары и прилегающей к нему территории. Это наиболее подробный план городища и его возвышенной левобережной части. Участником экспедиции К. Гейслером были выполнены гравюры с видами последних маджарских мавзолеев, являющиеся ценным дополнением к материалам П. С. Палласа и плану городища. Данные материалы позволяют уточнить планировку городского некрополя Маджара.

Верхние Маджары, выявленные С. Г. Гмелиным, он не упомянул. Но в окрестностях с. Маслов Кут (совр. с. Стародубское Буденновского района – В.Б.) он видел следы «татарской» церкви с кладбищем [4, с. 253]. Не исключено, что он повторно открыл Верхние Маджары после С. Г. Гмелина.

Несоответствия в названиях и локализации открытых С.Г. Гмелиным и П.С. Палласом памятников можно объяснить тем, что у них были разные точки отсчета, связанные с маршрутами их поездок. П. С. Паллас начинал путешествие по Прикумью примерно от совр. с. Урожайное. С. Г. Гмелин зафиксировал ситуацию выше по течению р. Кумы, примерно от совр. с. Владимировка Левокумского района и имел возможность наблюдать еще не разрушенные памятники в окрестностях совр. п. Кумская Долина и с. Бургун-Маджары. Следы Нижних Маджар по терминологии С. Г. Гмелина П. С. Паллас уже не обнаружил.

В 1807–1808 гг. по Северному Кавказу и Грузии путешествовал академик Ю. Клапрот (1783–1835). Приехав сюда впервые зимой 1807 г., он не смог осмотреть городище и повторил попытку в сентябре 1808 г. В районе совр. с. Новозаведенное Георгиевского городского округа он переправился на правый берег Кумы. В районе деревни Федоровка (западная часть совр. г. Зеленокумск Советского района – В.Б.) он переправился на левый берег реки. Далее он описывает село Маслов Кут, находящееся в 15 верстах от Федоровки и в 4 верстах от Ейдемир-брода. Ниже по течению Кумы, на ее левом берегу он упоминает местность Уч-Джилга («Три долины»), ранее описанную И. А. Гильденштедтом под названием Уч-Гилга. Вероятно, под этим названием упомянуты впадающие в Куму на участке от с. Нины Советского района до с. Стародубское балки Лог, Пашенная и безымянная балка между ними.

Прибыв на городище Маджары, он зафиксировал картину его полного разрушения. Не застав ни одного целого мавзолея, он оставил подробное описание разборки местными жителями уже разрушенного мавзолея [2, с. 89]. В своей работе е он особое внимании уделил происхождению названия города и доказательству его золотоордынской принадлежности. Он опубликовал надписи с найденных на городище 2 каменных надгробий и определения собранных на городище монет (2, с. 91–97). Он впервые обратил внимание на предания балкарцев, живших в верховьях рек Чегем и

Черек, в которых утверждается, что их предки пришли из Маджара [2, с. 91, 160]. В его работе также проводится обзор письменных источников, освещающих историю Маджара [2, с. 97–99].

Ю. Клапрот дополнил отрывочные сведения И.-А. Гильденштедта о памятниках, расположенных выше городища Маджары по течению Кумы. В районе д. Федоровка он пытался найти развалины еще одного золотоордынского памятника, расположенного близ устья левого притока Кумы р. Мокрый Карамык. Местные жители принесли ему несколько медных и серебряных монет и фрагменты «мозаики». Он также попытался найти статую Кара-Катун, но она была разрушена местными жителями [2, с. 87–88]. Поездка Ю. Клапрота завершила этап первоначального изучения золотоордынских памятников Среднего Прикумья.

Материалы С. Г. Гмелина, И. А. Гильденштедта, П. С. Палласа и Ю. Клапрота являются основой для изучения золотоордынских памятников Среднего Прикумья. Они позволяют уточнить топографию городища Маджары и наметить локализацию крупных поселений золотоордынской эпохи на территории Среднего Прикумья с утвердившимися в науке названиями – Нижних Маджар и Верхних Маджар.

Источники и литература

1. Гильденштедт И.-А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. Пер. Т.К. Шафрановской, ред. Ю. Ю. Карпов. – СПб.: Петербургское Востоковедение. – 2002. – 512 с.

2. Клапрот Ю., Описание поездки по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Пер. с англ. К. А. Мальбахов. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа». – 2008. – 318 с.

3. Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. Отв. ред. В. К. Гарданов. – М.: «Наука». – 1976. – 303 с.

4. Паллас П. С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793–1794 годах. Пер. с англ. В. М. Аталикова // Европейские дневники XIII–XVIII веков. Сост. В. М. Аталиков. Проект Марии и Виктора Котляровых Кавказ. Вып. III. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых. – 2010. – 304 с.

5. Шестаков П. Д. Напоминание о древнем городе Маджаре (читано на заседании 31 июля. См. проток. Стр. XXXII) // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Том 1. Председатель редакционного комитета Н. Булич. – Казань: Типография императорского университета, 1884. – 16 с.

Г. Д. Базиева
(г. Нальчик)

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ИННОВАЦИИ В ИСКУССТВЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Этнические традиции аккумулируют в себе социокультурную и художественную информацию, накопленную народом на протяжении многих веков, и являются одним из способов регулирования поведения и деятельности людей (посредством передачи социокультурной информации в устной форме, в виде обычаев, обрядов, праздников), а также преемственности художественного опыта.

Художественное творчество можно представить как духовный поиск «родной» картины мира, формирующей этнокультурную идентичность. В структуре этнокультурной идентичности выделяют два взаимосвязанных аспекта: статический, включающий в себя рациональный, чувственный, ментальный и поведенческий компоненты (самосознание, чувства, культурная память и деятельность, направленная на репрезентацию и манифестацию этнокультурного единства), и динамический, который представляет собой напластование исторических форм этнокультурной идентичности: родоплеменной, этнической и национальной. Различные формы этнокультурной идентичности отражают особые способы существования и различные механизмы воплощения этнического начала в различных типах культур. Так, М. Каган выделяет три типа культур:

этапу племенной общности соответствует традиционный тип, фазе развития народности – канонический, а в период развития национальных общностей возникает динамическая, личностно окрашенная культура [3, с. 39–48]. В традиционном типе культуры искусство выступает как язык, транслирующий и сохраняющий художественный опыт, в каноническом уже расширяются контакты как в пространственном, так и во временном диапазоне, но в целом художественная культура народности еще ориентирована на сохранение и повторение приемов творчества, обеспечивающих достаточно высокую этническую однородность культуры. Немаловажную роль в развитии искусства на этом этапе приобретает религия. Религиозные мотивы в народной культуре кабардинцев и балкарцев сочетались с деталями традиционного уклада быта и как бы растворялись в общей картине жизни горцев. Нередко религиозные мотивы истолковывались в сказочном легендарно- поэтическом духе и выражали определенные черты народного сознания, связанные с религиозными мифами, близкими к народным легендам [2, с. 10].

В динамическом типе культуры уже наблюдаются две противоположные тенденции – стремление к становлению национальной культуры и к сближению разных культур. Традиционное искусство народов Северного Кавказа формировалось в условиях тесного социально-экономического и духовно-нравственного взаимодействия. На развитие искусства народов Кабардино-Балкарии оказывали влияние как внешние факторы (культура других народов Северного Кавказа), так и внутренние (кабардинское и балкарское искусство, несмотря на различные этапы этнического культурогенеза, кроме особенных, имеет и общие черты).

Изменения, происходящие в современной культуре под влиянием процессов глобализации, продиктованы как внутренними, так и внешними причинами. Исследователи отмечают процессы насыщения пространства национальных культур новым ценностно-смысловым содержанием, формирования нового типа транснациональной культуры с унифицированными, мобильными и коммерциализированными чертами, расширения информационно-коммуникативного пространства национальной культуры (создание медиапространств, виртуализация культурной среды) и т.д. [2, с. 11]. Эти изменения касаются всех сфер деятельности общества: социальной, экономической, культурной. Но глобальная культура формируется не только под влиянием западных категорий и стандартов, каждая этническая культура также влияет на формирование глобальной модели. Из двух терминов «глобализация» и «локализация» возник новый термин «глокализация», так как глобализационные процессы стимулируют интерес к этническому, в том числе и в искусстве.

Безусловно, наибольшее влияние этнические традиции оказывают на развитие народного творчества и декоративно-прикладного искусства (что проявляется и на формальном, и на содержательном уровнях). Но в основе современных предметов традиционного искусства лежит уже не мифологическая, а психологическая составляющая, что проявляется в повторении излюбленных образцов, декоративности и определенности форм и т.д.. Однако, социокультурный контекст современного традиционного искусства претерпел значительные изменения: предметы декоративно-прикладного искусства стали разнообразнее, технологически сложнее, но в то же время более эклектичными, отвечая задачам современной культуры,

Ныне возникают и активно развиваются такие направления современного народного прикладного и ремесленного творчества как «этно-дизайн», «фолк-дизайн», «интуитивный дизайн», «мифологический дизайн» и др. В экспозициях народного искусства можно увидеть богато орнаментированные чехлы для сотовых телефонов, косметические сумочки, футляры для очков, пояса, брелоки для ключей в национальном стиле, войлочные картины-панно, изделия из шерсти, дерева и серебра, отвечающие современным модным трендам и т.д.

К примеру, в технике балкарского войлочного производства (ала-кийизы, жыйгыч кийзы, бичген кийизы), работают не только балкарские, но и кабардинские мастерицы («Сказка о воине» (Д. Шокарова, Л. Бекулова), «Мифическое существо» (Л. Тхакумачева), «Бичген-кийиз», «Ручей» (Д. Мокаева-Текуева), серии «Солнце», «Женщина» (Д. Шокарова), «Дерево» (Л. Бекулова), «Девушка» (М. Елеева).

Большинство работ напоминает скорее картины, чем кийизы в их прямом назначении, творческие поиски касаются как формы, так и цветовой гаммы. В серии «Солнце» черно-белое цветовое соотношение (белое изображение на черном фоне, и черное на белом) связано с техникой бичген кийизов, когда изготовлялись два одинаковых войлока, затем вырезался рисунок и разные части сшивались (так и получался двухцветный ковер (черное на белом, и белое на черном). Ра-

бота «Сказка о воине» с нашитыми мелко-вырезанными белыми знаками и символами по черному полю может использоваться и как ковер, и как покрывало и выполнена в технике аппликативных жыйчыч-кийизов. Серии «Девушка», «Дерево», «Женщина» похожи на астрактно-концептуальные полотна и отличаются формообразующими поисками. Особый интерес представляют работы Д. Мокаевой-Текуевой (руководительницы студии по производству войлоков в г. Тырныауз), создавшей свой стиль, в котором сочетаются национальный колорит и современный дизайн. Если «Бичген-кийз» выполнен в традиционной манере, но с добавлением белой тесьмы по краю аппликативного бордового рисунка на насыщенно сером фоне, что придает работе особую изысканность, то «Ручей» напоминает пейзаж (струящиеся белые нити шерсти, выведенные из общей композиции рисунка олицетворяют живое движение материи).

Разнообразное по образной концепции и стилевым приемам, декоративно-прикладное искусство Кабардино-Балкарии, в целом, демонстрирует многосторонность творческих исканий. Чувство современности – неотъемлемая часть народного искусства, так как свободный выбор тех или иных традиций определяет большую изменчивость и подвижность. Более того, новое нередко становится традицией, обретая устойчивые формы и каноны. Однако, такая трансформация может происходить только через проверку коллективным опытом, «поскольку народное искусство есть традиция, есть сама преемственность, несущая родовой опыт» [5, с. 29].

Изменение социокультурного и социально-бытового контекста традиционного искусства в современных условиях продиктовано следующими причинами:

1. Появление рынка, в связи с чем возрастает роль проектов по развитию традиционной культуры и искусства – просветительского, экономического и рекламного типа при поддержке различных фондов;

2. Демократизация художественной деятельности (изготовление продукции на заказ, для выставок, организация концертов, фестивалей, конкурсов и т.д.);

3. Народное художественное творчество становится областью специализированной профессионализируемой культуры, а не традиционной в ее классическом понимании.

По М. Кастельсу, в современный период «люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются» [4, с. 14].

Несмотря на инновационное применение различных техник в народном искусстве, экспериментирование не приводит к содержательным изменениям в искусстве КБР, так как художественные традиции национального искусства являются символами этнической идентификации, отражая как уникальные, так и общерегиональные особенности культуры народов Северного Кавказа.

Источники и литература

1. Астафьева О. Н. Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий // Человек, культура и общество в контексте глобализации. Мат-лы межд. научн. конф. М., 2007.

2. Базиева Г. Д. Восточный культурный канал в художественном пространстве Кабардино-Балкарии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. №1(143). С. 6–10.

3. Каган М. С. Принципы построения историко-культурной типологии // Изв. Сев.-Кавк. центра высш. школы. Общественные науки. 1976. №3. С. 39–48.

4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.

5. Некрасова М. А. Народное искусство как проблема коллективного и индивидуального, традиции и новизны // Проблемы народного искусства. – М., 1982.

Н. Е. Васильева
(г. Ставрополь)

ТРАДИЦИИ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX в.

Эпоха XIX века для России, как и для Северного Кавказа, это период частых войн и расширения своих территорий. На Кавказе в этом веке шла самая продолжительная и кровопролитная Кавказская война (1817–1864 годы), которая длилась почти полвека. Но кроме вражды российская политика на Кавказе часто объективно способствовала защите местных феодалов и народов от турецкой и иранской угрозы. Политика лавирования, которой придерживались дагестанские и другие северо-восточные кавказские феодалы, имела результатом то, что данный, рассматриваемый регион, продолжал оставаться фактически независимым и сохранял свое местное традиционное управление. Это способствовало развитию экономических и культурных связей, как между местными народами, так и между коренным население и русскими переселенцами, в частности казаками.

В условиях сохранявшегося на Северном Кавказе полунатурального хозяйства крестьянская семья стремилась иметь больше детей. Бездетность грозила женщине разводом; напротив, появление ребенка заметно укрепляло ее положение в семье. Сразу же после замужества, горянка обращалась к молитвам, амулетам и другим магическим средствам, которые, по поверьям, должны были обеспечить ей материнство. Известие о беременности встречалось с радостной тревогой: будущую мать старались избавить от тяжелых работ, заставляли соблюдать пищевые запреты и т. д. Однако роды, за неимением в сельских местностях специальных учреждений, обычно происходили в неблагоприятной антисанитарной обстановке. Горянка рожала дома (у некоторых народов, как, например, балкарцев и чеченцев, часто в доме своих родителей), в одном из жилых или хозяйственных помещений, у осетин нередко в хлеву [1, с. 35]. Мужчины и свекровь на время родов уходили из дома. Принимала пожилая соседка или бабка-повитуха, совершавшая различные магические обряды и применявшая традиционные, подчас поистине варварские средства родовспоможения. Так, у адыгейцев, при затянувшихся родах, женщину иногда подвешивали к потолку, чтобы затем, перерезав веревку, дать ей упасть на солому.

Рождение мальчика и девочки встречали по-разному. В случае рождения сына, в особенности, если это был первенец, отец щедро одаривал того, кто первым сообщил ему радостную весть, родственники и односельчане приносили поздравления и получали угощение. Иногда устаивалось особое празднество, у карачаевцев, например, длившееся целую ночь. У осетин существовал ежегодный праздник сыновей-первенцев. Иначе, сравнительно равнодушно, встречалось появление дочери, в особенности, если и до нее в семье рождались одни девочки. Нередко уже дня через три роженица вставала с постели. По этому поводу иногда устаивали угощение для родственниц и соседок. Еще через несколько дней совершался обряд укладывания новорожденного в люльку. В этот день происходил главный женский праздник, связанный с рождением ребенка. Родственницы и соседки приносили подарки, свекровь впервые знакомилась с ребенком и просила невестку показываться с ним в ее присутствии. Родня молодой матери также присылала подарки, в том числе очень часто люльку. У некоторых народов, как, например, адыгейцев и балкарцев, в этот же день происходило наречение имени новорожденному. У других, например, осетин и ингушей, для этого устаивался особый праздник. Имя чаще всего давал кто-нибудь из родственников или один из родителей, выбиравший одно из имен, предложенных собравшимися. Бывало, что помимо «официального» мусульманского или христианского ребенок получал «неофициальное» национальное имя. Кроме того, особые имена-прозвища давали ему мать, ее родственники и т. д. Как правило, и укладывание в люльку, и наречение имени сопровождались различными религиозно-мистическими действиями, которые должны были обеспечить здоровье и благополучие ребенка.

Около года младенца держали в люльке. У всех народов Северного Кавказа она была приблизительно однотипна – деревянная качалка с отверстием для стока мочи. Однотипным было и пеленание – тугое и неподвижное, для чего младенца притягивали лямками к люльке. Вынимали его только на ночь, когда он спал вместе с матерью, а днем не чаще трех – четырех раз. Грудью кормили до года – полутора, но бывало и до двух – трех лет. Месяцев с шести – восьми начинали

прикармливать молоком и кашей, а после года – общей пищей. Никакого режима в кормлении младенца, как правило, не было [3, с. 56].

Обряд инициации – это посвящение юношей в мужчины. В период инициаций юношей обучали навыкам охоты и войны, приучали переносить физическую боль, внушали строгое соблюдение обычаев и законов. Это рубеж, который реально отделяет юношу от детства, от женщин, под опекой которых он находился. Тот, кто прошел посвящение, объявлялся полноправным членом коллектива, взрослым мужчиной, а не прошедший – считался неполноценным до конца жизни.

В возрасте около года над ребенком совершался ряд религиозно-мистических обрядов. Таков был, прежде всего, обряд «становления на ноги», или «развязывания ног». Для этого у адыгейских народов и карачаевцев ребенка ставили на порог, а затем разрезали пирог на части и раздавали соседям, у балкарцев – проносили между ногами лепешки и отдавали их собакам. Со «становлением на ноги» часто совпадал обряд выяснения будущих склонностей ребенка: для этого перед ним в зависимости от пола раскладывали различные предметы (кнут, оружие, коран, нитки и т. п.) и смотрели, к какому из них он потянется [2, с. 50]. При первой стрижке волос и ногтей их обычно прятали или сжигали, при прорезывании первых зубов чаще всего варили зерно и раздавали его соседям. В состоятельных семьях по случаю таких обрядов нередко приглашали гостей, обменивались подарками.

У мусульман заключительным обрядом первых лет жизни мальчика был обряд обрезания. Обрезание полагалось делать в возрасте четырех лет, но так как во многих районах этим занимались не местные жители, а приезжие дагестанцы, его совершали и в более раннем и в более позднем возрасте, приурочивая ко времени появления специалиста [4, с. 44]. В Чечено-Ингушетии обрезание делалось значительно позже – лет в восемь – десять. Повсюду эта операция проводилась в антисанитарных условиях и нередко приводила к нагноениям и даже к заражению крови.

Обычай «обрезания» у мальчиков имеет и ныне распространение не только у последователей ислама, иудаизма, но и у некоторых народов Африки, Океании, у аборигенов Австралии и Америки. Существуют различные мнения по этому поводу. Одни считают этот обряд гигиеническим, другие полагают, что обрезание способствует более раннему половому созреванию мужчин, что имело немаловажное значение для размножения рода.

В воспитании детей у большинства народов Северного Кавказа имелось два возрастных рубежа, соответствовавших шести – восьми и десяти – двенадцати годам и заметно выявлявших различия в положении мальчиков и девочек. Лет до шести – восьми дети независимо от пола свободно бегали и играли друг с другом. Запрещалось сравнительно немногое: например, чтобы мальчики и девочки вместе купались в реке [6, с. 70]. Затем девочек начинали постепенно обособлять от мальчиков, удерживать дома и, как правило, раньше мальчиков втягивать в трудовую жизнь. Ей приходилось ухаживать за младшими детьми и прислуживать старшим, ее уже учили убирать дом и приготовлять пищу, она присматривалась к многочисленным женским рукоделиям и ремеслам. В десять – двенадцать лет подростков, до этого спавших в одной комнате с родителями, разделяли: мальчики переходили спать в гостевое помещение (кунацкую), девочки, если только к этому была возможность, в отдельную комнату. Часто, в эти же годы дети получали новый более полный комплект одежды. Девочке уже не разрешалось удаляться одной из дома, покидать его с наступлением темноты, оставаться наедине, а то и попросту долго разговаривать с посторонним мальчиком. Воспитание мальчиков, до этого в основном находившееся в руках женщин, теперь переходило в руки мужчин, начинавшим приобщать их к мужским работам. Подростки работали пастухами и погонщиками тягловых животных, помогали ухаживать за скотом и заготовлять топливо, копнили и возили сено, участвовали в уборке урожая и учились мужским ремеслам. Вместе с тем, в соответствии с традициями патриархально-феодального быта народов Северного Кавказа, подростков учили верховой езде и обращению с оружием, воспитывали в них не только трудолюбие и дисциплинированность, но и выносливость и храбрость [6, с. 77]. Для этого пользовались любым предлогом: например, у чеченцев мужчины, наблюдая драки подростков, хвалили победителей и дразнили побежденных. Подростков-девочек иногда также учили верховой езде, но больше танцам и игре на музыкальных инструментах. У мальчиков и у девочек с раннего детства тщательно воспитывались чувство уважения к старшим, вежливость, знание многочисленных правил кавказского этикета.

Лет в пятнадцать – шестнадцать юноша уже выполнял все мужские работы, носил оружие, участвовал в конных состязаниях и признавался адатом совершеннолетним. «У чеченцев подросток, когда ему исполнялось пятнадцать лет, шел с подарками к своему дяде по матери и тот должен

был одарить его конем, после чего он считался взрослым и получал право сидеть в присутствии дяди. У осетин, в этом же возрасте, юноша, совершивший свой первый выход на сенокос, получал целый чурек и новую справу одежды, по поводу чего устраивалось специальное празднество» [5, с. 81]. Для девушки совершеннолетие наступало еще раньше – лет в четырнадцать – пятнадцать. В этом возрасте она уже не только выполняла все женские работы, но и у большинства народов Северного Кавказа могла вступить в брак.

Таким образом можно сделать вывод, что различалось воспитание девочек и мальчиков, как и во всех культурах, но большинство традиций и обычаев воспитания детей у народов Кавказа схожи и различаются небольшими тонкостями в обрядах. Это объясняется тем фактом, что между местными народами сложились тесные связи на протяжении предыдущих веков. Кавказские народы контактировали друг с другом не только в мирном русле, но и в военном, взаимные набеги, передача в заложники детей местных феодалов способствовала перениманию определенных обычаев, эта традиция относится и к отношениям с местным казачьим населением. Вторая половина XIX века для Кавказа была благодатным периодом, умиротворение региона после долгой войны, позволило развить наиболее тесные связи между коренным население, что также способствовало взаимопроникновению различных традиций в повседневную жизнь соседних народов.

Источники и литература

1. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX–XX веках. – М., 2013.
2. Магомедов А. А. Семья на Северном Кавказе. – Ставрополь, 1999.
3. Руднев В. А. Древо жизни. Об истоках народных и религиозных обрядов. – Лениздат, 2009.
4. Семья и семейный быт. Культура и быт народов Северного Кавказа / Под ред. В. К. Гарданова. – М., 1978.
5. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. – М., 2017.
6. Ханаху Р. А. Традиционная культура народов Северного Кавказа: вызовы времени. – Майкоп, 1999.

А. В. Газданова
(г. Санкт-Петербург)

ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО КОСТЮМА Е. Н. СТУДЕНЕЦКОЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОДЕЖДЫ ОСЕТИН XX–XXI вв.

С начала XXI в. и особенно в последнее десятилетие у населения Северной Осетии наблюдается востребованность народного костюма или его отдельных элементов как в традиционном стиле, предназначенном для исполнения ритуалов (например, женское свадебное платье), так и в стилизованном (например, мужские рубахи ирон хаедон, футболки с принтами и т.д.), предлагаемые дизайнерами и модельерами, предназначенные преимущественно для праздничного/выходного, а также повседневного ношения.

Эти процессы, на наш взгляд, вновь поднимают проблему изучения одежды осетин не только в прикладном аспекте (с точки зрения ее производства, использования новых технологий, влияния моды), но и в области представлений населения республики о «народном», «традиционном», «национальном» костюме.

Целью данного сообщения является рассмотрение комплексного метода Е. Н. Студенецкой, а также определение перспектив дальнейшего изучения современной одежды – свадебных платьев *разгаемттае*, одежды в этностиле.

Евгения Николаевна Студенецкая одной из первых обратилась к изучению одежды народов Северного Кавказа. Почему назрела необходимость изучения традиционного костюма народов региона? Поскольку одежда связана со всеми сторонами жизни народа: географической средой, его занятиями, структурой общества, религиозными верованиями, искусством и характером, то одежда может стать «ценнейшим источником для изучения прошлого народа, его исторических и культурных связей с другими народами. Особенно велико значение этого исторического источника для таких народов, которые долгое время не имели своей письменности [2, с. 197–198].

При изучении народов региона Евгения Николаевна ставила перед собой две задачи: 1) изучение традиционного костюма классического этнографического времени и 2) изучение одежды народов Северного Кавказа советского периода (для демонстрации результатов, достигнутых советской властью в модернизации быта народов региона).

Источниками изучения одежды, по мнению Е. Н. Студенецкой, в первую очередь должны служить вещественные памятники, т.е. сама одежда (сохраняющаяся в быту или входящая в коллекции музейных собраний). На втором месте письменные источники, далее – иллюстративный материал, архивные документы, фольклор и археологические памятники [3, с. 17].

Если для решения второй задачи эта схема работала, то при изучении одежды XIX–XX вв. возникали определенные трудности. Во-первых, в наиболее полном виде костюм (особенно женский) к этому времени уже перестал бытовать. Исследовательница писала: «Встречаются единичные полные комплекты и отдельные части одежды, многократно видоизмененные и перешитые» [2, с. 198]. Во-вторых, в музейных собраниях одежда народов Северного Кавказа была представлена недостаточно полно. Выходом из этой ситуации служила экспедиционная полевая работа. Она включала в себя не только комплексное изучение костюма в среде его бытования, но и сбор коллекций для пополнения музейного собрания.

Итогом изучения одежды народов Северного Кавказа стала монография с одноименным названием. Е. Н. Студенецкой на «основании признаков кроя отдельных компонентов костюма и сочетаемости деталей костюма» были выделены комплексы одежды, которые локализуются в этническом и социальном пространствах [1, с. 19]. Особый интерес для нас представляет осетинский костюм и его развитие в XX в.

К сожалению, одежда осетин советского периода, еще не стала предметом специального исследования. Советские этнографы, впрочем, как и современные, сосредотачивали свое внимание, прежде всего на костюмных комплексах XIX – начала XX в., поскольку считалось, что он отражает особенности культуры народа. В своей фундаментальной работе Е. Н. Студенецкая основное внимание уделяет костюмным комплексам этого периода и лишь частично затрагивает одежду 1920–30-х гг. Однако, изменения, которые претерпел костюм на протяжении XX в., требуют специального исследования. Не только с точки зрения восполнения лакун об одежде осетин в XX в., но также и для понимания современных процессов.

Изменения, которые произошли в материальной культуре народов Советского союза, не могли не затронуть одежду. Осетинский костюм, перестав отвечать требованиям повседневности, перестал бытовать, однако на протяжении всего XX в. продолжали использоваться отдельные его элементы. Например, в мужском костюме длительное время сохранялись головные уборы.

Кроме того, в этот период происходит «творческое развитие принципов и отдельных деталей традиционного осетинского костюма», т.е. о своеобразное его конструирование. Для представления народной культуры на сцене фольклорно-танцевальными ансамблями, создавались «народные» костюмы, отражающие этническую специфику. Несомненно, «адаптируясь» под новые условия посредством профессиональной культуры, костюм претерпел существенные изменения, не только технологические (в материалах, крое), но и смысловые (нетрадиционное использование некоторых его элементов). Однако эти изменения, по мнению В. С. Уарзиати, послужили его обогащению и развитию [4]. Так, сначала костюм «возродился» в качестве фольклорного (и мужской, и женский), а позже и ритуального (преимущественно женский).

Кульминацией этого процесса стало открытие в середине 1990-х гг. первых салонов по пошиву осетинских свадебных платьев, а позже – дизайнерских бутиков (ателье), изготавливающих одежду в этностиле. Так, платья, изготовленные в специализированных свадебных салонах, воспринимаются невестами в качестве традиционных. Действительно, они сохраняют не только силуэт, напоминающий платья XIX–XX вв., но и состав входящих в костюм элементов (распашное платье, металлические нагрудные украшения, пояс, шапочка в виде усеченного конуса), декор в виде растительного орнамента. Что касается мужского костюма, то широкое распространение в качестве праздничной одежды среди мальчиков и мужчин средней и старшей возрастных групп получили стилизованные рубахи *ирон хæдон*, пошитые в дизайнерских ателье.

Подводя итог, отметим, что современные свадебные платья, пошитые в специализированных свадебных салонах, и элементы мужского костюма изготавливаются по эскизам дизайнеров профессиональными швеями. Несмотря на то, что эти предметы создаются без опоры на народные знания о технологиях их изготовления, тем не менее, они воспринимаются в качестве традици-

онных. Все они в настоящее время, с одной стороны, являются объектами коммерции, с другой – национальными символами, маркерами национальной принадлежности.

Таким образом, изменения в использование народного костюма привели к интересным последствиям: сконструированный в советское время национальный костюм, по прошествии времени превратился в этнический символ, являющийся маркером идентичности. Ввиду этого, должен измениться и подход в изучении современной одежды. Фольклорные костюмы XX в., а также современные свадебные платья уже нельзя «прочесть» как исторический источник. Поэтому, особое внимание при изучении современной одежды должно уделяться не столько составу костюмного комплекса, крою отдельных его элементов, способам ношения (что, несомненно, следует фиксировать), сколько бытующим представлениям о «народном», «традиционном», «национальном» костюме. Нужно изучать мотивы предпочтений одежды имеющей национальные черты, одежде в которой они отсутствуют; учитывать влияние моды, конкурентной обстановки, сложившейся между свадебными салонными по пошиву осетинских платьев и т.д.

Источники и литература

1. Дмитриев В.А. Принципы изучения народного костюма в работах Е. Н. Студенецкой. К 100-летию со дня рождения // Лавровский сборник: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений, 2008–2009 гг.: К столетию со дня рождения Леонида Павловича Лаврова: Этнология, история, археология, культурология / Отв. ред. Ю. Ю. Карпов. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – С. 17–22.

2. Студенецкая Е. Н. К вопросу о национальной кабардинской одежде // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик, 1949. Т. I.

3. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Кавказа. Конец XVIII – начало XX вв. – М., 1989.

4. Уарзиати В. С. Элементы традиционного костюма в современном быту осетин // Вопросы осетинской археологии и этнографии. – Орджоникидзе, 1981. Вып. 1. Т. XXXVI. – 172 с.

М. Б. Гимбатова
(г. Махачкала)

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ НИЖНЕТЕРСКИХ КАЗАКОВ (XIX – НАЧАЛО XX в.)

Нижнетерские казаки издавна исповедуют христианство, но несмотря на это в XIX – начале XX в. у них продолжали сохраняться отголоски и более древних, дохристианских религиозных верований. Значительная часть этих верований, потеряв свой первоначальный, непосредственный вид, существовала под внешним покровом новой монотеистической религии или в ее обличии.

Дохристианские верования нижнетерцев, несомненно, были связаны с почитанием и олицетворением окружающей среды, которую древние славяне наделили не только человеческими качествами, но и гендерными признаками, что «напрямую связано с фундаментальным делением человечества (мужчина и женщина)» [3, с. 11].

Люди были твердо убеждены, что все небесное, являясь зеркальным отражением земного, имеет такое же деление мужское и женское. Как правило, все мужское было наделено неограниченными возможностями и властью, а все женское – олицетворяло плодородие и непрерывность жизни.

Наиболее древними богами, входившими в пантеон языческих божеств нижнетерских казаков, являлись небесные светила – солнце и луна, они, как и все земное, были наделены гендерными и признаками. Кроме того, что они различались по степени родства и свойства. Так, например, в соответствии с мифологическими представлениями солнце и луна – две сестры. По поверью, «обе они – создания Божьи и предназначены Богом для освещения и согревания земли; солнце, как огненный шар, предназначено Богом для блага человека днем, а месяц ночью» [1, с. 4].

Казаки представляли луну красивой молодой девушкой, прогуливающейся по ясной лазури неба в известные промежутки времени [1, с. 2]. Существовали и различные загадки о небесных светилах, где солнце и луна представлены в женском образе или в виде животных и птиц женского

рода. Вот лишь одна из них: «*Стоит дуб-вертодуб, на том дубе-вертодубе сидит птица-перепелица; никто ее не достанет: ни царь, ни царица*» (Солнце).

Небесным светилам приписывались всевозможные магические свойства и божественная сила. Об этом свидетельствуют многочисленные клятвы, благопожелания, проклятия, сравнения и антропонимы, в которых присутствуют солнце и луна. В начале XX в. исследователи поверий, примет и суеверных обычаев наурцев отмечали, что от них (наурцев – *М.Г.*) часто можно было слышать клятвы луной, солнцем, звездами и землей [1, с. 41].

Существовали и различные приметы, связанные с небесными светилами. Так, казачки, завидев новую луну в первый раз после ее ущерба, останавливались, крестились и произносили молитву: «Богородице Дево, радуйся».

Новую луну казаки встречали восторженно, и всякий, увидевший ее первым, сообщал о том другим, причем указывали в сторону луны глазами, пальцем указывать на луну было грешно. Полагали, что если показать на луну пальцем, может испортиться погода [1, с. 4].

В космогонических представлениях нижнетерских казаков атмосферные явления были наделены гендерными признаками. Среди персонифицируемых атмосферных явлений видное место занимал ветер, представлявшийся в мужском образе. Так, например, «ветров всего насчитывалось 24, все они сидели на цепях: 12 из них привязаны цепями к небу, на западе, а другие 12 на востоке. По воле Бога они совершают свои прогулки по земле от одного конца земли до другого. Некоторые ветры из них, как дикие звери, срываются с цепей, несутся по земле, все разрушая, уничтожая и унося с собой». В народе ветры разделяли на сильные, слабые, полезные для человека и вредные, бурные и ласкающие. Считалось, что ветер можно вызвать свистом. Если ветры горячие, то это дыхание самого дьявола, они иссушают все хлебные злаки и травы. «Круженные ветры» или вихри не что иное, как сумасшедший танец злой нечистой силы. Присутствие нечистой силы в вихре несомненно. Чтобы убедиться в этом, следует только бросить в вихрь нож и ложку. Черти, танцуя и не замечая ножа, порежутся им, и в ложке от ран их накопляется кровь. Кровь эту и самую ложку и нож нужно сжечь, чтобы не сопровождали тебя в жизни дьявольские наваждения» [1, с. 11].

Гребенцы считали, что и болезни возникали от холодных «злых» ветров, дующих с гор. Они полагали, например, что если человек нечаянно попадал в середину вихря-вертуна, несущегося пыльной дороге, и не успел сотворить молитву, обязательно будет кружение и болезнь головы. если пройти с ребенком по дороге, по которой только что пронесся вертун, ребенок непременно занедужит [2, с. 1–2].

У нижнетерских казаков к женским мифологическим персонажам относится образ Матери земли, который занимает одно из видных мест. *Мать землю* представляли в виде высокой, дородной женщины, с большими руками и ногами, загорелым лицом, некрасивой и грубоватой.

К земле относились с почитанием и любовью. На землю нельзя было плевать, ударять, бить ее. У казаков на этот счет существовало поверье, что *«ударить палкой по земле – это все равно, что ударить свою мать, которая родила тебя в муках»* [1, с. 36].

Землю называли матушкой-кормилицей. У нижнетерских казаков существовал обычай, отправляясь на войну или военную службу, насыпать в обувь горсть родной земли или брать ее с собой, завернув в платок. В народе говорили: *«Мать кормит детей, как земля людей», «Родная земля – матушка, чужая сторона – мачеха».*

Гендерными признаками были наделены и мифологические персонажи такие как леший, водяной, русалка, лобаста, кикимора, домовой, банник. Враждебно настроенные к человеку были духи, представлявшиеся в женской ипостаси – это кикимора, лобаста, русалка. Персонажи, представлявшиеся в мужском образе, были, в основном, нейтральны к человеку, а свою враждебность проявляли лишь в том случае, если человек нарушал их запреты.

Особую группу составляли духи, объединяемые собирательными названиями черти, которые представлялись как в женском, так и в мужском облике. Черти якобы могут посещать дома людей по ночам, питаться остатками пищи, пить воду из ведер и сосудов, поэтому на столе никогда не оставляли ничего съестного, а ведра и сосуды закрывали крышками или накрывали полотенцем.

Согласно народным представлениям, черт мог показаться людям в облике человека, чаще всего знакомого. Существуют много рассказов о том, как черт и чертовка соблазняли людей. Для этого они принимали вид знакомых людей. К колдуньям и ведьмам черт приходит открыто, а не тайком, представившись любимым мужем. Прилетал черт якобы в полночь огненным змеем, ис-

крами рассыпал над трубой, проникал внутрь жилища и принимал тот вид, какой захочет. Черт подстрекает ведьму на совершение злобных дел против людей.

Любили черти и жить у колдунов и колдуний, которым верно служили и выполняли указания, направленные против людей.

Итак, анализ собранного нами материала показал, что в рассматриваемое время дохристианские верования и представления нижнетерских казаков органично сочетались с господствовавшей религией – христианством. Наиболее отчетливо дохристианские верования сохранились в тех жизнеобеспечивающих сферах, где человек был бессилен перед силами природы. Вера в духов, сглаз, вредоносное колдовство были вызваны духовной потребностью и зависимостью людей от природных явлений и окружающей среды.

В религиозных верованиях был воспроизведен существующий миропорядок, с его делением на мужское и женское, в котором мужское являлось главенствующим, доминирующим, а женское – второстепенным, подчиненным, особенно отчетливо это прослеживалось в пандемониуме мифилогических персонажей с их бинарной оппозицией (мужской – женский), отражавший существовавшие в обществе гендерные отношения.

Таким образом, религиозные верования стали важнейшим ресурсом для обоснования идей об устройстве мира, о человеке, его предназначении и нормах поведения, гендерных различий, ролей, связей, отношений, являвшихся органической частью социального порядка.

Источники и литература

1. Востриков П. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Вып. 37. Отд. 2. Тифлис, 1907. – С. 2–93.

2. Малявкин Г. Казачьи верования и суеверия // Терские ведомости, 1891. № 50. – С. 1–28.

3. Рыбаков С. Е. Этничность и этнос // ЭО. 2003. № 3. С. 3–24.

Д. И. Джумаев
(г. Ставрополь)

ТРАДИЦИОННЫЕ НОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ БЫТУ РУТУЛЬЦЕВ

Рутульцы строго соблюдали законы гостеприимства. Гость пользовался всеобщим уважением. Отказ в гостеприимстве строго осуждался. Чтобы не навлечь на свой дом несчастья, хозяин должен был накормить гостя, проявить радушие. В случае необходимости он защищал гостя даже ценой своей жизни.

Правом гостеприимства могли воспользоваться даже кровники, если приходили в дом искать защиты и покровительства. Спрашивать гостя о цели визита считалось неприличным. Гость, в свою очередь, должен был вести себя скромно, не доставлять беспокойства хозяевам.

Почти в любом доме, даже бедном, обустраивалась особая гостевая комната, в которой обставляли лучшую мебелью и украшали коврами, стены и полы. Гость мог пользоваться гостеприимством три дня, затем он считался практически частью семьи и должен был помогать в хозяйстве. Зачастую, представители сильного пола, относившиеся различным семействам, делались кунаками. Кунаки были связаны близкими дружественными взаимоотношениями отношениями. Они должны были оказывать друг другу всяческую поддержку и помощь. У человека могло быть несколько кунаков, но главным считался тот, с кем первым были заключены взаимоотношения куначества, либо кунак отца [1, с. 280].

Отказ принять кунака рассматривался как позор не только для семьи, но и для всего рода. Кунаки обменивались подарками, называли детей именами друг друга. Дружественные отношения между кунаками переходили из поколения в поколение и соблюдались как святой долг перед памятью предков. На протяжении долгого времени сохранялись и обычаи кровной мести.

Вступление в брак считалось у рутульцев обязательным. Основными критериями при этом было материальное и общественное положение будущих жениха и невесты. Родители при участии

близких родственников определяли брачный выбор. Как правило, это происходило на заседании совета родственников, состоявшего из глав семей рода. Мнение детей практически никогда не учитывалось [5.2].

Оптимальным брачным возрастом считалось 15–16 лет для девушек и 17–18 лет для юношей. Если невесту выбирали не из родственного клана, то непременно из уважаемой семьи. После обсуждения достоинств невесты решался вопрос о направлении сватов к родителям избранницы.

В сватовстве принимали участие два наиболее почитаемых и близких человека, способные вести разговор. Первый визит не обеспечивал положительного решения со стороны невесты. Сваты приносили лакомства и имели возможность несколько раз вплоть до получения согласия на брачный союз. Отец девушки не принимал участия в переговорах со сватами.

В назначенный день родственники жениха с подарками приходили в дом невесты для решения вопроса о предстоящей свадьбе. Они приносили обручальное кольцо, украшения, одежду, еду и сладости. Сторона невесты готовила приданое. В него входили наборы домашних вещей, одежды, мебели. Период между сватовством и свадьбой мог достигать трех лет. Родственники жениха заботились о невесте, преподносили ей подарки по праздникам. Жених и невеста избегали не только общения между собой, но и встреч с родителями и родственниками каждой из сторон [3, с. 15].

Родители жениха готовили к свадьбе продукты и отправляли их в дом невесты. Свадьба продолжалась от трех до семи дней в зависимости от состоятельности семьи жениха. Торжества в ознаменование заключенного религиозного брака с участием священнослужителя – муллы проходили в доме жениха. При заключении брака вносилась определенная сумма в качестве потенциальной компенсации в пользу женщины на случай смерти мужа или развода. Тогда же подносили подарки родителям жениха и невесты.

Главными событиями праздника были появление жениха и переход невесты в его дом. Жених и его шаферы, один из которых был другом, а другой – родственником, за два дня до свадьбы и после нее находились в доме соседа под охраной специальных людей (чтобы не допустить похищения жениха). В случае похищения его возвращали только за выкуп.

Невеста, перед выходом из дома родителей одевалась в красный платок и свадебное одеяние, платок закрывал ее лицо. Согласно суевериям рутульцев, красный цвет защищал невесту от порчи злыми духами-джиннами. В сопровождении наставниц, музыкантов, молодежи невеста направлялась к дому жениха. Мужчины устраивали по пути конные состязания и танцы. Весь процесс встречали ружейными залпами, невесту осыпали рисом, орехами, сладостями, мелкими монетами и желали ей благополучия. Согласно представлениям рутульцев, это делало брачную жизнь благополучной [2, с. 195].

У входа в дом невесту приветствовали родители жениха. Перед ее ногами клали металлический предмет, на который она должны была наступить, так как, по рутульским поверьям, «первый шаг невесты должен быть прочным, как железо». В течение нескольких дней свадебного торжества невеста пребывала с закрытым лицом. На четвертый день ее лицо открывали в присутствии родственниц. В этот день невесту одаривали платками, тканью, деньгами. Спустя несколько недель совершался обряд первого выхода новобрачной за водой. Процессия во главе со старшей родственницей мужа под песни и музыку направлялась к источнику. Встречных одаривали сладостями [5.2].

Примерно через два месяца молодожены по приглашению родителей невесты посещали их вместе с родными мужа. Затем муж и жена могли свободно бывать в этом доме. Во время первого посещения дочери дарили скот [1, с. 288].

Жена не должна была садиться за один стол с мужем при людях, а также называть его по имени. Она вела домашнее хозяйство, занималась полевыми работами, обработкой шерсти. В то же время у рутулок не было обычая затворничества, они не носили чадры – покрывала, закрывающего лицо. Многодетные женщины пользовались большим уважением в обществе.

Особенно почиталось появление мальчика как наследника семейства. Появление девочки воспринималось сдержанно. Детей называли именем через несколько дней после рождения. Зачастую ему давали имя умершего авторитетного родственника. Воспитанием и развитием детей в раннем возрасте осуществляли мать и бабушка. После семи лет воспитание детей начинали мужчины. Ознакомление детей к адатам (нормам обычного права) происходило через их участие совместно со взрослыми в обрядах, традиционных праздниках, посещениях мечети, молениях.

С целью предохранения новорожденного от болезней и сглаза под его подушку клали ножницы или какой-нибудь металлический предмет.

Взаимоотношения внутри семьи основывались на повиновении старшим. При входе старших присутствующие вставали, уступали им место. Посторонние люди, как и близкие родственники, почтительно называли стариков «отец», «мать».

Похоронный церемониал осуществлялся по исламским нормам. О смерти человека гонцы сообщали родственникам, знакомым и жителям отдаленных селений. Люди, получившие скорбную весть, навещали семью умершего, оказывали ей материальную помощь. Женщины плакали, выражая тем самым горечь утраты [5.4].

Поминки отмечали в течение нескольких траурных дней в присутствии родственников и близких. Они сопровождались молениями и совместной траурной трапезой. Мужчины на протяжении всего траура не брили бороду, не развлекались. Женщины, в частности близкие родственницы, носили траурную одежду, не посещали праздников, свадеб, иных торжеств. Специфика похоронного обряда заключалась в том, что на могилу часто клали камень, принесенный родственниками со священного места – «пира» [5.3].

Праздник весны сопровождался прыжками через костры и бросанием в воздух глиняных шариков с воткнутыми в них горящими палочками. Одним из элементов праздника был ритуальный выход с плугом на поле для проведения символической борозды. В действительности пахоту начинали позже в зависимости от наступления тепла и состояния почвы.

Так же торжественно отмечали возвращение чабанов с зимних пастбищ и спуск женщин с крупным рогатым скотом – с летних.

Окончание сбора урожая и стрижка овец тоже отмечались торжественно. Устраивался общий праздник, на котором жители каждого рутульского «квартала» поочередно собирали в складчину продукты и веселились.

В праздниках и обрядах отражались традиционные древнейшие верования, сопряженные с культами природы, плодородия. Рутульцы поклонялись священным рощам и источникам, горам, местам, связанным с жизнью святых. Над могилами святых сооружались «пиры» – небольшие купольные помещения. В засушливый период года у пира проводились совместные моления, уже после чего жители обливали друг друга водой

Существовали также особо почитаемые приметы. Так, клятва, данная на наковальне, считалась самой крепкой. При затмениях солнца или луны стучали в металлические предметы и стреляли в воздух [4, с. 179].

Поклонялись и «зиярату» в селении Мишлеш – месту погребения шейха Султана – эмира, скончавшегося в 1650 г. К нему приходили многочисленные паломники. «Зиярат» представляет собой одноэтажное строение с тремя отдельными, прилегающими друг к другу помещениями. Одно из них – жилая комната, убранная роскошными коврами. В другом помещении, по преданию, погребен шейх. В третьем находятся три погребения и хранятся мусульманские книги. «Зиярату» приносили щедрые дары пищей и вещами.

У рутульцев издавна получила развитие ашугская поэзия, имеющая продолжение и в наши дни. Ашугами называли певцов-импровизаторов, которые сами исполняли свои сочинения. «Ашуг» – означает влюбленный. Это название объясняется любовной тематикой песен. Но ашуги сочиняли стихи и на другие темы, призывали в них к честности и трудолюбию.

Рутульский фольклор включает многочисленные легенды и предания. Воплощенный в них героический эпос, повествует о борьбе рутульцев с персидскими полчищами в XVIII в.

Традиционными музыкальными инструментами являются чунгур и тар (струнно-щипковые) и бубен.

Источники и литература

1. Булатова А. Г. Рутульцы в XIX – начале XX веков (Историко-этнографическое исследование). – М., 2003. – 280 с.

2. Лавров Л. И. Рутульцы // Народы Дагестана: сборник статей. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. – 195 с.

3. Махмудова С. Рутулы в Дагестане. Сборник статей. – М., 2015. – 15 с.

4. Народы Дагестана: Сборник статей / отв. ред. М. О. Косвен, Х. -М.О. Хашаев. – М., 1995. – 179 с.

5. Полевой материал студента Джумаева Д. И. // Информатор Магомедова П. Д. 1946 г. рождения, аул Ихрек, 2017.

5.1. Полевой материал студента Джумаева Д. И. // Информатор Джалилова З. К. 1947 г. рождения, аул Ихрек, 2017.

5.2. Полевой материал студента Джумаева Д. И. //Информатор Халилов Х. К. 1949 г. рождения, аул Ихрек, 2017.

5.3. Полевой материал студента Джумаева Д. И. // Информатор Исламова Ф. Г. 1956 г. рождения, аул Ихрек, 2018.

С. Л. Дударев, В. А. Бережная, С. П. Колкова
(гг. Армавир, Лабинск, ст-ца Вознесенская)

НОВЫЕ НАХОДКИ МЕЧЕЙ МЕОТСКОГО И САРМАТСКОГО ТИПА В ЗАКУБАНЬЕ

Целью настоящей статьи является публикация новых находок мечей античной эпохи на Северном Кавказе (Российская Федерация), конкретно, на территории Краснодарского края. Часть издаваемых образцов найдена в окрестностях станиц Родниковской Курганинского района, либо приобретена за её пределами местными жителями, которые затем передали их в дар в музейный уголок местного культурно-досугового центра. Другая часть мечей была обнаружена в округе станицы Вознесенской, Лабинского района местными жителями и краеведами и передана на хранение в местную библиотеку-музей. Именно в этих двух указанных учреждениях культуры авторам удалось ознакомиться с экземплярами, публикуемыми в настоящей статье.

Большинство из мечей принадлежит к образцам, которые еще в конце 1950-х гг. были названы выдающимся советским ученым-сарматологом профессором К. Ф. Смирновым, мечами синдо-меотского типа [8, с. 304–305]. В конце 1970-х гг., уже после смерти этого ученого, была опубликована его статья, где специалистом были представлены генезис, хронология и география мечей этого типа. В ней автором было учтено около 50 мечей, найденных на Северном Кавказе, а также в сарматском ареале. В их числе ученым были включены и те экземпляры этого вида оружия, которые К. Ф. Смирнов считал прототипами и дериватами синдо-меотских [9, с. 38–45]. В 1991 г. известный российский археолог В. Р. Эрлих выступил со статьей, в которой, опираясь на значительно возросший материал (число мечей к этому времени увеличилось в 6 раз), предложил новую классификацию этих находок. При этом, опираясь на тот факт, что основной ареал их распространению приходится на Закубанье (левый берег р. Кубань), он предложил отказаться от термина «синдо-меотские мечи» и назвать их только меотскими, поскольку именно из Закубанья этот вид оружия и попал в Синдику [12, с. 77–99].

Опишем представляемые предметы. Обратимся вначале к мечам, хранящимся в культурно-досуговом центре станицы Родниковской.

1. Меч относительно хорошей сохранности, тем не менее, подвергшийся сильной коррозии, особенно в области рукояти, общей длиной 77.5 см имеет лезвие вытянутой потдреугольной формы, резко заостренное внизу, толщиной 0.5 см. В месте перехода лезвия в рукоять имеются неровные плечики-уступы, располагающиеся под углом, близким к прямому. В этом месте ширина меча составляет 5.2 см и является наибольшей. Сечение лезвия линзовидное. Рукоять длиной 10.5 см представляет плоскую подпрямоугольную в сечении пластину, шириной в средней части 2.7 см. Навершие рукояти длиной 3.6 см имеет вид короткого слегка изогнутого бруска, один край которого слегка выгнут вверх (рис. 1, 1).

Рис. 1. Железные мечи меотского и сарматского типов из культурно-досугового центра станицы Родниковской

2. Экземпляр еще лучшей, в целом, сохранности, чем первый, с точки зрения состояния металла, который не так сильно коррозиро-

ван. Тем не менее, его лезвие не дошло до нас полностью, самый конец меча обломан, на лезвии имеются сильные зазубрины, что, по-видимому, является следствием того, что нашедшие его лица пробовали древнее изделие «на прочность». Общая длина меча – 59 см. Его лезвие толщиной 3 мм линзовидного сечения имеет вытянуто линзовидную форму шириной 4.5 см в средней части. На нем имеется дол, протянувшийся на три четверти длины клинка. В месте перехода в рукоять имеются покатые плечики: толщина меча в этом месте – 4.2 см. Рукоять имеет вид подпрямоугольной пластины длиной 10,7 см, шириной 2.2 см и оканчивается коротким брусковидным навершием длиной 3.5 см. В 3 см ниже рукояти, в том самом месте, где начинается дол, на лезвии едва заметен сделанный древним мастером, изогнутый выступ полуовальной формы, выпуклой частью обращенный к долу. Он может имитировать составную рукоять, которые известны у целого ряда древних кавказских кинжалов эпохи поздней бронзы и раннего железа. На противоположной стороне меча этот выступ не прослеживается, возможно, из-за того, что лица (или лицо) нашедшие меч, подвергли его поверхность грубому механическому воздействию, с целью удалить коррозию и придать изделию первоначальный металлический блеск (последнее им в какой-то степени удалось) (рис.1, 2). Изделие попало в культурно-досуговый центр станицы Родниковской в результате дара местного жителя, к которому предмет был привезен из неустановленного района.

3. Образец с изогнутыми плечиками-уступами (ширина лезвия в этом месте составляет 5.2 см), обломанной рукоятью с общей длиной сохранившейся части 47 см. Ширина рукояти 1,8 см. Толщина лезвия 3 мм. Меч согнут в верхней части. Возможно, что с механическим воздействием связана и утрата рукояти. Тем не менее, таковая отнюдь не сделала меч менее интересным для изучения. Данный экземпляр является весьма редким среди коллекции мечей меотского типа в связи с тем, что на обеих сторонах полотна лезвия имеется по три группы нервюр, нанесенных мастером в процессе изготовления этого вида оружия. Впрочем, сам этот факт не является редким для меотских мечей [12, с. 89, 94]. Интересно другое. На одной из сторон клинка нервюры объединены рамкой в виде валика. Ниже их слева, между первыми двумя рядами нервюр нанесен елочный орнамент, направленный острыми углами вниз. Между двумя крайними рядами также нанесен аналогичный орнамент, но гораздо хуже сохранившийся (рис. 2, 3). При этом все три ряда нервюр сходятся под острым углом примерно посередине лезвия клинка. С противоположной стороны лезвийного полотна также прослеживается елочный орнамент, помещенный между рядами нервюр (рис. 2, 4). При этом нервюры здесь также сходятся под острым углом, но несколько выше, чем на противоположной стороне.

4. Большой интерес представляет собой экземпляр № 4 (рис. 1, 4). Это короткий меч длиной 51,7 см, с рукоятью длиной 8.7 см (ее ширина в средней части 2.0 см). На клинке имеется слегка выступающее срединное ребро. Сечение лезвия удлиненно-ромбическое. Ниже рукояти выполнено перекрестие (его размах – 4.7 см). В нем и заключается вся, как говорится, «изюминка». Перекрестие имеет бабочковидную форму, что дает основание, как будто, аттестовать образец как т.н. акинак. Однако весьма любопытно, как именно выполнено данное перекрестие. Его средняя часть, вогнутая внутрь, выбита прямо на лезвии, а края (один из них утрачен?) выкованы мастером, как продолжение клинка. Особенно это хорошо видно на примере левой лопасти (рис. 2, 1). С противоположной же стороны меча на нем самом нет практически никаких следов перекрестия (рис. 2, 2), а острый выступ справа выглядит как выступы-перекрестия на ряде меотских мечей, которые не относятся к «акинакам». Хорошо известно, что перекрестия скифских мечей в профиле весьма рельефны, и это не случайно. Украинские ученые Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фомин почти полвека назад убедительно показали с помощью серии технологических исследований, что заготовка перекрестия скифского «акинака» сгибалась, надевалась на кинжал (меч) и затем сваривалась кузнечным способом [10, с. 146]. В нашем случае ничего этого не наблюдается. Иными словами, данный образец является, на наш взгляд, своеобразным подражанием, репликой, имитацией мечей-акинаков. На лезвии образца в верхней части местами слабо прослеживаются три группы полосок-нервюр.

5. Один из публикуемых образов, образец № 5, с прямым и длинным лезвием и рукоятью в виде штыря, происходит из района Майкопа, откуда он был привезен жителем станицы Родниковской и подарен в музейный уголок местного культурно-досугового центра. Сохранность экземпляра оставляет желать лучшего, края его лезвия сильно повреждены. Вдоль всего лезвия, ширина которого у основания составляет 3.8 см, проходит срединная грань, сечение его уплощенно-ром-

бическое. Длина меча – 86.5 см, длина штыря рукояти, к которому некогда крепилась накладка из какого-то материала (об этом говорит заклепка почти у самого окончания штыря) – 12.3 см. Толщина штыря – 1.2 см (рис. 1, 5)[1].

Перейдем теперь к мечам, которые находятся в библиотеке-музее станицы Вознесенской Лабинского района Краснодарского края. Общая нумерация мечей в статье при этом сохраняется.

6. Второй по размерам меч из публикуемых, длиной 76.5 см, с рукоятью длиной 8,8 см, шириной 2,7 см, толщиной 0.5 см, плавно переходящей в сильно поврежденное коррозией лезвие, имеет грибовидно расширяющееся навершие с закраинами (толщина навершия 1.2 см, ширина 3.5 см). На лезвии меча, имеющего близкое ромбическому сечение есть срединное ребро. Образец несколько изогнут в верхней части (рис. 3, 1).

7. Меч с брусковидным навершием, длиной 56,5 см (рис. 3, 2), рукоятью, имеющей следы обмотки кожаным ремешком (?) (рис. 3, 3). Место перехода в лезвие имеет вид плечиков, расположенных под тупым углом. Сечение лезвия, имеющего вид вытянутого треугольника и сильно поврежденного с одной стороны у основания, линзовидное. На лезвии слабо прослеживается срединная грань. Предмет согнут ниже рукоятки. Длина рукояти – 9 см, ширина – 2,3 см.

8. Крупный фрагмент нижней части лезвия меча длиной 33.8 см с линзовидным сечением, округло расширяющейся в самом верху с двух сторон (рис. 3, 4).

9. Лезвийная часть меча длиной 32.8 см с линзовидным сечением, сильно расширяющаяся кверху (рис. 3, 5). Конец лезвия, так же как и рукоять и верхняя часть полотна лезвия утрачен.

10. Фрагмент рукояти меча (кинжала?) с грибовидным навершием длиной 7,2 см, шириной 2.0 см.

Описанные выше образцы клинкового оружия в своей массе находят себе хорошие аналогии среди мечей меотского типа. Определяя классификационные параметры образцов, мы воспользуемся типологией В. Р. Эрлиха, которую считаем хорошо работающей на данном материале.

Из помещенных выше мечей к отделу I, подотделу I, типу 1 относятся экземпляры из станицы Родниковской (рис. 1, 2), и из станицы Вознесенской (рис. 3, 1). По В.Р. Эрлиху (1991), время появления мечей такого типа – вторая половина 5 до н. э., период наибольшего распространения – 4 в. до н.э. [12, с. 80]. Эта датировка подтверждалась тогда материалами, найденными еще в 1980-х гг. [11, с. 85, рис. 35]. Однако недавние полевые исследования, например, находка в погребении 12, кургана 7 (могильник Уляп I), где найден чернофигурный килик 470 г. до н.э., позволяют, на наш взгляд, сдвинуть датировку таких мечей, особенно, аналогичных изображенному на рис.3, 1, в первую половину 5 в. до н.э. [2, с. 116, рис. 50, 2].

Рис. 2. Детали железного меча-«акинака» из станицы Родниковской

Меч из станицы Родниковской, изображенный на рис. 1, 1, принадлежит к отделу I, подотделу I, типу II по В. Р. Эрлиху (возможно, что также можно классифицировать и экземпляр с обломанным навершием с рис. 1, 3). Подобные ему этот автор относил к 4–3 векам до н.э. [12, с. 80, 101, рис. 2, 2]. В настоящее время данный исследователь обозначает хронологические рамки 1 и 2 типов своего первого подотдела концом 5 – началом 3 в. до н.э. [13, с. 51, 171, рис. 92, 4].

Меч из станицы Родниковской (рис. 1, 4), как мы предположили выше, может быть подражанием «акинакам». В этом предположении нет ничего необычного. В. Р. Эрлих еще в 1991 г. полагал, что ряд меотских мечей (его тип I, I подотдела, I отдела) можно рассматривать как переходный вариант от меча скифского облика [12, с. 80]. Иными словами, тесная генетическая связь между определенными типами меотских и скифских мечей является фактом, давно установленным. Остается определиться со временем бытования этой находки. На наш взгляд, она наиболее близка мечу из погребения 28, кургана 7 могильника Уляп I, который имеет сходное с родниковским перекрестие, являющееся отражением дальнейшей линии развития меотских мечей, все дальше ухо-

[1] Еще один подобный меч хранится в музейном уголке станицы Чамлыкской Лабинского района Краснодарского края.

Рис. 3. Железные мечи меотского типа, их детали и фрагменты из школы-музея станицы Вознесенской

дящих от своих скифских прототипов. Курган 7, как полагают исследователи памятника, относится ко второму хронологическому периоду могильника Уляп - концу 5 – третьей четверти 4 в. до н.э. Эта дата находится в соответствии с характеристикой предметов конской сбруи из названного погребения 28 (железные S-видные псалии, с железными петельчатыми удилами с крестовидными насадками, загнутыми под прямым углом в виде «шипов»). При этом ученые отмечают, что в погребениях этой хронологической группы нет «акинаков», которые есть в предыдущей, первой хронологической группе могильника Уляп (середина 6 – конец 5 в. до н.э.), их сменили меотские мечи [2, с. 26, 76, 122, рис. 62, 1–2]. В то же время, некоторые «акинаки» первой хронологической группы по форме бабочковидного перекрестия сильно напоминают анализируемый родниковский меч [2, с. 139, рис. 100, 1; с. 148 рис. 126, 2]. Это важное замечание, позволяющее приблизительно отнести последний к концу 5 в. до н.э.

Следует вспомнить, что на лезвиях двух из рассмотренных выше мечей (рис. 1, 3 и рис.1, 4) были прослежены группы нервюр, идущих вдоль лезвия. Эта особенность ранее была известна среди собрания меотских мечей[1]. Новой чертой является наличие на лезвии меча с нервюрами елочного орнамента (рис. 3, 1). Как и сами нервюры, как элемент украшения лезвия, этот орнамент, по нашему мнению, имеет истоки в оформлении мечей Восточной Грузии позднего бронзового века [15, табл. 37, 458–466; 41, 536; 44, 577; 47, 631]. К. Ф. Смирнов полагал, что нервюры, острое ребро, а также дол на лезвии встречались только у самых ранних, или же наоборот, наиболее поздних экземпляров мечей, названных им синдо-меотскими. Наши материалы не подтверждают это наблюдение.

Меч из станицы Вознесенской (рис. 3, 2) можно отнести к отделу I, подотделу 2 типу 1 по В. Эрлиху [12, с. 102, рис. 3, 2]. Ученый ранее относил мечи этого типа к 4 – началу 3 в. до н.э. [12, с. 81]. Такие мечи встречены, например, в Уляпском некрополе I (курган 4, погребение 28, 29). Комплексы с ними отнесены ныне к концу 5 – третьей четверти 4 в. до н.э. Подобный меч обнаружен и в святилище кургана 5, датированного первой половиной 4 в. до н.э. Уляпского некрополя [3, с. 47, 56, 134, рис. 32, 2]. Данная хронология опирается на находки тарной керамики типа Менде, Солоха I в погребениях участков с такими мечами [2, с. 76, 101, рис. 21, 4]. Отметим также в отношении следов ремешка на рукояти рассматриваемого меча (рис. 3, 3), что подобный прием, имеющий целью лучшее удержание оружия в руке воина, прослежен на северокавказских материалах еще в предскифское время (могильник Клин-яр III у г. Кисловодска) [14, s. 189, abb. 7, 2].

Фрагмент лезвия меча из станицы Вознесенской (рис. 3, 4) может быть условно отнесено к образцу, похожему на мечи отдела I, подотдела II, типа 2 [12, с. 104, рис. 5, 1]. Лезвие другого меча (рис.3, 5), имеющее заметное расширение к рукояти, могло принадлежать мечу, сходному с экземпляром I отдела, II подотдела, I типа из Уляпского могильника I, который был найден в погребении 17 кургана 4, входящего в упоминавшуюся выше хронологическую группу конца 5 – третьей четверти 4 в. до н.э. [2, с. 93, рис. 10, 1].

Наконец, образец с рукоятью-штырем (рис.1, 5) принадлежит к мечам сарматского типа. По А. В. Симоненко (Украина), они распространяются на Северном Кавказе в 1 в. н.э. [7, с. 145]. Некоторые российские исследователи датируют данный тип мечей неодинаково 1–2 в. н. э. (И. И. Марченко) [4, с. 58] или 2 в. н.э. (А. В. Иванов) [5, с. 67]. Эта дата частично подтверждается погребениями с такими мечами, исследованными на Кубани в конце 1980 – начале 1990-х гг. (вторая половина 2 в. н.э.) [6, с. 127], но иногда и вступает в противоречие с новыми находками (2 – 1-я половина 3 в. н.э.) [5, с. 68].

Подводя итоги нашей статьи, отметим, что представленные нами материалы расширяют географию находок, прежде всего, меотских мечей в Закубанье. Они также проливают, в определенной степени, новый свет на генезис их форм, уходящий в скифо-кавказскую среду. Выявляются и

[1] В. Б. Виноградов, ссылаясь на Е. И. Крупнова, отмечал связь подобного орнамента на лезвиях «акинаков» из Предкавказья с бронзовыми клинками кобанской культуры и мечами Центрального Кавказа [1, с. 119].

уточняются особенности оформления и декорировки лезвий этих мечей (наличие нервюр, дола, имитации составной рукояти, елочного орнамента и т.п.), которые имеют корни в культурах Кавказа более раннего периода (поздняя бронза – раннее железо).

Источники и литература

1. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. – 389 с., ил.

2. Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н.э. Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. – М.: ГМИНВ, 2005. – 192 с.

3. Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья IV–III вв. до н.э.: некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. – М.: ГМВ, 2013. – 184 с.

4. Марченко И. И. Сираки Кубани. – Краснодар: Куб. ГУ, 1996. – 336 с.

5. Нечипорук А. А. Грунтовый могильник первых веков на селище Мухортова Поляна-2 в долине реки Аше // Историко-археологический альманах. Вып. 14. – Армавир–Краснодар–М., 2018. – С. 67–81.

6. Сазонов А. А., Спасовский Ю. Н., Сахтарьек З. Н., Тов А. А. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского //Археология Адыгеи. – Майкоп: Меоты, 1995. – С. 113–137.

7. Симоненко А. В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 129–147.

8. Смирнов К. Ф., Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА, 64, 1958. – 313 с.

9. Смирнов К. Ф. О мечах синдо-меотского типа // КСИА. – Вып. 162. – 1980. – С. 38–45.

10. Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А. Новые исследования техники обработки железа в Скифии // СА. – № 4. – 1971. – С. 140–153.

11. Сокровища курганов Адыгеи: каталог выставки. – М., 1985. – 151 с.

12. Эрлих В. Р. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. – М., 1991. – С. 77–99.

13. Эрлих В. Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н.э. – М.: ГМИНВ, 2011. – 212 с.

14. Berezin Ya. B., Dudarev S. L. Neue präskythische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nordkaukasien // EA. Zeitschrift für Archäologie Eurasien. Berlin. Band 5, 1999. – S. 179–216.

15. Picchelauri K. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien// AE. 4. – Berlin, 1997.

Список сокращений

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
СА – Советская археология.
AE – Archaologie in Eurasien.
EA – Eurasia Antiqua.

С. С. Казаров
(г. Ростов-на-Дону)

РАЗВИТИЕ САЛОТОПНОГО ПРОМЫСЛА У ДОНСКИХ АРМЯН В НАЧАЛЕ XX в.*

Одним из традиционных занятий армян во время их пребывания в Крыму был т.н. салотопный промысел. После переселения их на Дон они этот промысел сохранили. Суть его заключалась в том, что ежегодно в заранее отведенных местах забивали тысячи овец, после чего в огромных котлах отдельно растапливались курдючное и спинное баранье сало, которое шло для употребления в пищу, а из внутренностей и других частей бараньих туш сало, считавшееся техническим, шло на изготовление свечей и мыла. Бараний жир, просоленное в бочках мясо (солонина), шкуры и шерсть в больших количествах вывозились в Константинополь и многие города Европы. После разделки овечьих туш обезжиренное мясо в больших количествах скупалось горожанами и сельчанами для изготовления без тепловой обработки различных мясопродуктов. Следует отметить, что даже из кишок забитых овец изготовляли струны для музыкальных инструментов.

Для забоя овец в Нахичевани-на-Дону на его восточной окраине, от самого Дона и вдоль Кизитириновской балки существовало до двадцати скотобоен с салотопным и бондарным производством. По-армянски они назывались «салханы» («сальники»). Их устройство было примитивным настолько, что заводами их можно было назвать весьма условно. Сохранилось описание одного из таких заводов: «Салотопный завод Иммануила Гавриловича Попова, при нём дом, три сушильни, крытый черепицею дом, а остальные постройки – тёсом и камышом» [1, л. 2]. Таким же образом даётся описание оценочной стоимости салотопных заводов, принадлежащих Михаилу и Сергею Чёрчоповым, Сергею Сариеву, Мануку Попову, Мартыну Когбетлиеву, Михаилу Чернову. Сезон салханов открывался 1 октября торжественным обрядом с музыкой даул-зурны и выполнением традиционных ритуалов. Салханное производство, а также приготовление мясопродуктов без тепловой обработки нахичеванские купцы позднее распространили на Ставрополье, Кубань и другие края. Уникальное салотопное производство нахичеванцев позднее переняли австралийцы, новозеландцы и другие народы, занимающиеся овцеводством в широких масштабах [3]. Ежегодно из Нахичевани вывозилось за границу около 50 тыс. пудов сала общей стоимостью в 400 тыс. руб., что составляло основную часть российского экспорта этого товара через южные порты [2, с. 27].

Салотопный промысел регулировался особыми правилами, разработанными Городской Думой и обязательными для населения г.Нахичевани-на-Дону. Владельцы боен, салотопных заведений были обязаны соблюдать чистоту, как в заведениях, так и близ них. Все нечистоты и отбросы предписывалось зарывать в ямы, и, обсыпав и облив дезинфекционными средствами, засыпать свежей землей. Дезинфекционными средствами для этих целей служили негашеная известь и раствор железного купороса. Строго воспрещалось кровь, животные вещества или другие нечистоты забитого скота оставлять на поверхности земли или спускать в прилегающие к заводам балки, откуда потоками воды они могли бы уноситься в реку и портить воду. Владельцам обозначенных здесь заведений вменялось в обязанности предупреждать всякое зловоние, могущее произойти от разложения на открытом воздухе разных органических веществ. В сентябре владельцам салотопных заводов предписывалось подготавливать и приспосабливать ямы для спуска в них крови и других нечистот и отгораживать их. По окончании работ, облив и обсыпав дезинфекционными средствами, засыпать ямы, толщиной не меньше двух аршин. Строго воспрещалось вскрывать подобные ямы. Владельцы салотопных заводов обязаны каждый раз по окончании убоя скота пол, стены и прочие деревянные части промывать раствором железного купороса и обмазывать раствором негашеной извести. Убой скота на мясо должен был быть производим в устроенных для сего за городом бойнях [5, с. 42–44].

Многие годы нахичеванские салганы пользовались широкой известностью на всем Юге России, ибо сюда сгоняли для забоя громадные партии овец с юго-восточной России и всего Северного Кавказа. Ежедневно на салганах забивалось свыше одного миллиона штук овец. Однако с начала XX в. салотопный промысле начал приходится в упадок. Так, в 1911 г. было убито всего лишь около 200 тыс. овец. При таком незначительном убое некоторые салотопные заводы начали закрываться. Владельцы ещё функционирующих заводов обратились в Городскую управу с просьбой уменьшить арендную плату на участки, арендованные для нужд салганов. Это ходатайство это внесено в думу [4, 1912, 30 января].

Упадок салганного промысла четко обозначился к началу первой мировой войны. К этому моменту в городе осталось всего лишь 4 завода. Владельцы последних снова подали в управу заявление, в котором, указывая на бездоходность предприятий, снова просили понизить арендную плату за земли под заводы до 10 коп. за кв. сажень [4, 1915, 11 декабря].

Несмотря на общий упадок салотопного промысла, мы наблюдаем попытки местных властей в лице Градоначальства в начале XX в. установить над ним жесткий контроль. Так, в январе 1913 г. Градоначальник предписал приставу 7-го полицейского участка опросить владельцев существующих в Нахичевани салганов, кем разрешаются к ежегодному действию эти салганы, взыскиваются ли с владельцев салганов какие-либо налоги в пользу города [4, 1913, 21 января]. В июле 1913 г. в город с проверкой прибыла особая комиссия, которая нашла, что салганы в Нахичевани устроены во всем согласно требованиям временных правил о ветеринарно-полицейском надзоре за гуртовым и другим скотом. Единственное замечание, отмеченное комиссией, заключалось в ненадлежащим состоянии полов и оград вокруг ям для спуска крови и нечистот, которое было предписано устранить [4, 1913, 6 июля]. Уже в годы первой мировой войны в августе 1916 г. в Нахичевань

прибыл помощник уполномоченного особого совещания по продовольственному делу Дувакин, который с заступающим место Городского Головы И. М. Келле-Шагигновым, ветеринарным врачем Соцевичем и хозяевами салотопных заводов М. М. Поповым и Е. Х. Алахановым произвел обследование салганного производства в городе. Обследование было вызвано необходимостью согласовать условия салганной торговли с требованиями закона о т.н. мясопустных днях. Из опроса сведущих лиц выяснилось, что салганная промышленность существует в Нахичевани более ста лет и в настоящее время не представляется возможности её изменить. Убой овец в салганах производится беспрерывно с 20 сентября по 10 ноября. За этот промежуток времени убивается 200 000 штук овец. По словам промышленников, убой овец на салганах ввиду исключительной особенности этой промышленности не может быть прерываем. В случае установления убойных дней на общем основании салганному производству будет нанесен чувствительный удар и владельцы салганов вынуждены будут ликвидировать дело, закрыв свои заводы. Г-н Дувакин обещал оказать содействие в том, чтобы салганное производство не прерывалось, и чтобы торговля бараниной была разрешена в течение всего периода салганного убоя овец [4, 1916, 10 августа]. Сразу же после отъезда комиссии, член Городской управы И. Я. Алексанов внес в особое совещание по продовольственному вопросу доклад об убое на салганах овец во время мясопустных дней. По его мнению, вопрос этот будет решен в смысле удовлетворения ходатайства владельцев салганов: убой и продажа баранины будет производится во время салганного производства без всяких переговоров [4, 1916, 1 сентября]. Надо отдать должное местным властям, которые в условиях наступающего продовольственного кризиса, вызванного первой мировой войной, старались учитывать пожелания местных предпринимателей. Так, Градоначальник сообщил городскому голове, что ходатайство города о ежедневном убое овец на салганах по цене 27 коп фунт без зачета полученного овечьего мяса в нормы установленного убоя скота, он считает противоречащим закону 30 июля о сокращении потребления мяса. Принимая, однако, во внимание, что большая часть убойного овечьего мяса будет поступать для нужд армии, а остальная – для местного населения, убой овец может производиться в порядке 5 ст. приведенного закона, причем убой может производиться и в мясопустные дни с учетом зачета полученного при резке мяса в нормы убоя в разрешенные дни. Наблюдение за убоем овец возложено на ветеринарного инспектора. Владельцев салганов обязали представить ему списки владельцев атар и количество закупленных овец, а общий надзор за санитарным состоянием салганов был возложен на городских ветеринаров [4, 1916, 16 сентября].

Однако в годы гражданской войны наметился дальнейший упадок салотопного промысла. Из отчета ветеринарных врачей следовало, что во время салганов забито 99425 овец, что составило почти 1/3 от прошлогоднего убоя [4, 1919, 18 января]. В этих условиях диссонансом прозвучало предложение заведующего городскими скотобойнями об открытии в Нахичевани-на-Дону кооперативного салотопного завода [4, 1919, 4 января].

После установления Советской власти на Дону в 1920 г. салотопный промысел, к сожалению, был утрачен навсегда.

Источники и литература

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 175.
2. Казаров С.С. Нахичеванское купечество. Конец XVIII – начало XX веков. – Ростов-на-Дону: «Ковчег», 2012. – 144 с.
3. Малхасян А. Г. Салханы. Из прошлого города Нахичевани-на-Дону // Нор дар. 2001. №1.
4. Приазовский край, 1912–1919.
5. Сборник обязательных для жителей г. Нахичевани-на-Дону постановлений Нахичеванской-на-Дону Городской думы с приложением некоторых правил. Изд-е 3-е. Нахичевань-на-Дону: тип. С. Я. Авакова, 1905. – 90 с.

* Статья выполнена в рамках проекта РФФИ №18-59-05004 «Армянская община Дона в новейший период: история, институты, идентичность».

М. М. Краковская
(г. Ставрополь)

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

Изучение различных точек зрения на проблему этногенеза осетин позволит выявить наиболее значимую концепцию, связанную с происхождением народа от аланского этноса. Несмотря на то, что в трудах ученых приведены результаты исследований, посвященных влиянию военного искусства алан, а также роли Грузии и Византии на процесс формирования осетинского народа, говорить об «исчерпанности» данной темы еще совсем рано.

В дореволюционный период проблему рассматривали такие видные ученые как А. М. Шегрен, П. К. Услар, Ю. Клапрот и В. Ф. Миллер. Теория скифо-аланского этногенеза, которой они придерживались, возникла на рубеже XVIII–XIX вв. Согласно ей, осетины, проживающие на территории Центрального Кавказа, являлись потомками древних скифов. Это были племена, осевшие на Кавказе в период переднеазиатских походов VIII–VII вв. до н.э., известные как «аланы» и «асы» («ясы», «овсы»).

Немецкий ученый-ориенталист Клапрот Г-Ю. писал, что осетины, принадлежавшие к ветви индоевропейских народов, называли себя «Иратта», а свою страну «Ирыстон». Именно от грузинских названий «Оси» и «Осети» возникло слово «осеты» [5, с. 235].

Андрей Михайлович Шегрен исследовал особенности культурного развития осетин, рассматривал эволюцию традиций и особенности их влияния на мировоззрение народа. Он писал о религиозном синкретизме, многоженстве, смешении церковных, свадебных и языческих похоронных обрядов. Ученый пришел к выводу, что этногенез осетинского народа следует изучать на основе письменных и археологических источников аланов, в свою очередь имевших следы иранско-грузинско-греческой культуры [15, с. 28].

П. К. Услар, изучая истоки христианства на Кавказе, подробно рассматривал историю возникновения и развития монотеизма у алан. Автор утверждал, что на этногенез осетинского народа повлияли именно религиозные предпосылки, т.е. распространение грузинскими миссионерами вероучения в среде аланов, проживавших на территории Северного Кавказа [12, с. 137].

Особую роль в становлении концепции о скифо-аланском происхождении осетин сыграл труд В. Ф. Миллера «Осетинские этюды», который положил начало сравнительному изучению нартского эпоса и осетинской этнографии. Автор утверждал, что предок современного осетинского языка «существовал задолго до нашей эры», так как предки современных осетин «поселились в приазовских областях до Рождества Христова» [7, с. 31].

Советская историография представлена трудами профессора Б. В. Скитского, Л. П. Семенова, В. И. Абаева и др. В. И. Абаев при изучении этногенеза осетинского народа отводил решающую роль аланам, но утверждал, что не стоит игнорировать и этническую среду, предшествующую аланскому времени. [1, с. 12].

Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский в своем труде «История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России» [4, с. 48] подробно описал результат влияния ряда факторов на этногенез осетинского народа. Во-первых, деятельность грузинских и греческих миссионеров в среде аланов на Северном Кавказе, способствовала заимствованию многих монотеистических обычаев и обрядов, тесно вплетенных в культуру народа. Во-вторых, аланские правители сыграли значительную роль в формировании лингвистических особенностей, традиций, образа жизни, религиозных обычаев и обрядов, повлиявших на культурогенез алан.

Наиболее значимым для рассмотрения проблемы этногенеза осетин считался труд Б. В. Скитского «Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года» [9, с. 96], в котором раскрываются причины поверхностного характера христианизации аланов, а также уделяется внимание формированию религиозного синкретизма, повлиявшего на установление культурных связей.

Л. П. Семенов писал о соперничестве Грузии и Византии, во многом определившем стремления этих двух держав включить народы Северного Кавказа в свое культурное пространство [8, с. 71]. В процессе проведения научной работы автор исследовал взаимоотношения грузинских царей и аланских правителей. Особое внимание исследователь уделил влиянию культурных связей с соседними государствами и народами на процесс формирования осетинского народа.

Известный кавказовед Н. Я. Марр отмечал, что осетины «независимо от иранского языка, принадлежат к лингвистической группе «смешанного типа». Автор полагал, что они являются чистыми индоевропейцами иранской ветви, усвоившими культуру и традиции соседних народов [6, с. 21]. Г. Ф. Турчанинов в труде «Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка» описывал результат исследования древней эпиграфики – чтения и интерпретации памятников осетинского письма и языка. Автор утверждает о наличии древнейшей оригинальной письменности у осетин, позднее утраченной [11, с. 147].

В современной отечественной историографии проблемой изучения этногенеза осетинского народа занимались такие ученые и исследователи как А. А. Туаллагов, Л. А. Чибиров, А. А. Цуциев и Р. Х. Гаглоев.

А. А. Туаллагов в труде «К проблеме начального этапа этногенеза осетин по данным археологии» отметил «двойной фактор» в формировании народа. Во-первых, это язык, близкий к иранскому, привнесенный на территорию Северного Кавказа извне. Во-вторых, это тесное переплетение и смешение местных традиций и обычаев, связанное с ассимиляцией скифов с местным населением [10, с. 22]. Л. А. Чибиров в статье «Ареальные связи Нартиады и их исторические истоки» выделил фактор фольклорной традиции в формировании осетинского народа. Автор назвал нартовский эпос «художественной автобиографией» и «бесценным достоянием» осетин [14, с. 35].

А. А. Цуциев в работе «Сасанидские монеты в археологических памятниках севера и юга Осетии» говорил об этногенезе осетинского народа в условиях установления экономической и политической связи с Ираном [13, с. 57]. Р. Х. Гаглоев подробно раскрыл значение древних резных рисунков в исследовании этнического происхождение осетин. Автор утверждал, что рисунки имели схожее изображение с иранскими узорами, что свидетельствовало о существовании древней культурной преемственности [4, с. 63].

В зарубежной историографии исследованиями религиозных верований народов Северного Кавказа занимался Ф. Дюбуа де Монперэ, описавший особенности религиозного синкретизма христианских и языческих культов в традиции осетин. Автор описал, как формировался аланский этнос в условиях смешения разных элементов культуры, сохранившихся в среде осетинского народа [2, с. 83].

Подводя итог, следует отметить, что ученые и исследователи в разные исторические периоды выделяли ряд общих факторов этногенеза осетинского народа: первый – происхождение от аланов, второй – экономические и политические связи с Сасанидским Ираном, Византией и Грузией, третий – религиозный синкретизм (смешение традиционных верований с христианскими обычаями), и, наконец, четвертый – культурный обмен с соседними народами.

Источники и литература

1. Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Ордж., 1966. – С. 9–21.

2. Дюбуа (де) Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми: АбГИЗ, 1937. – 500 с.

3. Гаглоев Р. Х. О некоторых предметах глиптики из позднеантичных могильников Южной Осетии. Материалы международной научной конференции «Этногенез и этническая история осетин»: Сборник статей, Цхинвал: типография ЮОГУ, 2014. – С. 60–71.

4. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М., Пятигорск: 1992. – 192 с.

5. Клапрот Ю. Доклад, в котором доказывается идентичность осетин, народности Кавказа, и средневековых алан (выявление текста, перевод и комментарии Т. Т. Камболова) // Аланы и Кавказ. – Владикавказ, Цхинвал, 1992. – С. 233–238.

6. Марр Н. Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. – П., 1922. – 39 с.

7. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. – М., 1962. – 683 с.

8. Семенов Л. П. К вопросу о культурных связях грузин и народов Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: «Наука», 1951. № 23. – 246 с.

9. Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. – Владикавказ. Изв. СОНИИ. 1947. – 330 с.

10. Туаллагов А. А. К проблеме начального этапа этногенеза осетин по данным археологии. – С. 19–29.

11. Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. – Владикавказ, 1990. – 571 с.

12. Услар П. Начало христианства в Закавказье и на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис. 1869. Вып. II. – С. 127–250.

13. Цуциев А.А. Сасанидские монеты в археологических памятниках севера и юга Осетии. Материалы международной научной конференции «Этногенез и этническая история осетин»: Сборник статей. – Цхинвал: типография ЮОГУ, 2014. – С. 56–59.

14. Чибиров Л. А. Ареальные связи Нартиады и их исторические истоки. Материалы международной научной конференции «Этногенез и этническая история осетин»: Сборник статей. – Цхинвал: типография ЮОГУ, 2014. – С. 32–52.

15. Шегрен А. М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1846. № 27–30.

А. А. Кудрявцев
(г. Ставрополь)

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ ФОРТИФИКАЦИИ В ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО КАВКАЗА

С древнейших времен Кавказ, подобно огромному природному мосту, соединял территории степной полосы Евразии с благодатными областями Малой Азии и Ближнего Востока, где уже с эпохи неолита складывались высокоразвитые земледельческие культуры, послужившие основой возникновения древнейших городов и цивилизаций.

На протяжении многих веков и тысячелетий воинственные племена кочевых обитателей степей Евразии, используя известные прикаспийские трассы Северного и Восточного Кавказа, проникали на территорию высокоразвитых областей закавказско-ближневосточного земледельческого мира, придавая их процветающие города и поселения разрушениям и пожарам, «сея вокруг погибель и хаос».

Особенно эти процессы усилились в средневековую эпоху, когда в 70-е годы IV в. н.э. мощные объединения евразийских кочевников, военно-политическое и этническое ядро которых составляли гунны, подобно «гигантским волнам цунами» вторглись на территорию Европы и Ближнего Востока, открыв период «Великого переселения народов», радикально изменившего этно-политическую и социо-культурную карту всего Европейского региона.

Ни аланские и готские племенные объединения Юго-Восточной Европы, ни переживавшая глубокий кризис Римская империя, ни государства Переднего Востока и Закавказья, не смогли дать достойный отпор многочисленным кочевым ордам обитателей степей Евразии, «которые сея повсюду страх и разрушения, на быстрых конях, все наполнили резней и ужасом» [1, с. 71].

Разгромив в Северном Причерноморье и Предкавказье крупные племенные объединения алан и готов, гунны в 395 г. н.э. вторглись на Ближний Восток и Кавказ, разграбив и разорив богатые провинции Сасанидского Ирана, и, пройдя по Кавказским трассам через Дербентские ворота, «узнали кратчайшую дорогу на Восток», доступную в любое время года.

Часть гуннов и племенных объединений (булгары, савиры, авары), входивших в гуннский союз, осела на Северном Кавказе и оказала значительное влияние на исторические судьбы средневекового населения не только Северо-Кавказского региона, но и на народы Восточного и Южного Кавказа.

Раннесредневековые армянские, византийские и сирийские авторы сообщают о гуннах, обосновавшихся в Прикаспийском Дагестане, к северу от «Ворот Дербента», и основавших здесь объединение кочевников, известное в письменных источниках этого периода под названием «царство гуннов», столицей которого выступал «город гуннов Вараджан (Варачан)» [1, с. 72].

С этого периода, на смену эпизодическим набегам кочевников на Закавказье и Ближний Восток, являвшихся, как правило, отражением важных военно-политических событий и процессов в жизни степняков Юго-Восточной Европы (киммерийцев, скифов, сармат, алан и др.), пришли регулярные вторжения мощных кочевых объединений гуннов, для которых, на данной стадии их политического и социально-экономического развития, военные походы и грабежи «становятся постоянным промыслом» [1, с. 72].

Надо отметить, что именно борьба с гуннами, а точнее, с «хунну», входивших в III – I в. до н.э. в крупное кочевое объединение тюркоязычных племен Центральной Азии, заставила первого китайского императора династии Цинь-Цинь Шихуанди (259–210 гг. до н.э.), объединившего в 221 г. до н.э. весь Китай, начать строительство Великой Китайской стены [2, с.50]. Позднее этот грандиозный памятник фортификации, защищавший северную границу Китая от набегов кочевников, продолжали на протяжении многих веков возводить императоры других китайских династий.

Еще одной мировой державой, вынужденной защищать свои северные границы от систематических набегов кочевников, стал Сасанидский Иран, разгромивший в 224 г. н.э. главного соперника Рима на Востоке – могущественное Парфянское царство и унаследовавший в первой четверти III в. н.э. его основные территории на Ближнем и Среднем Востоке и Закавказье.

Несмотря на крушение державы Аршакидов и гибели в 224 г. ее последнего царя Артабана V, убитого по преданию первым правителем из династии Сасанидов – Арташиром I (226–242 гг.), борьба в отдельных областях огромной Парфянской державы продолжалась еще некоторое время. Особенно она обострилась на Кавказе, в Армении и в районе Дербентского прохода, где у власти находились представители династии Аршакидов, оказавшие яростное сопротивление Сасанидам.

Известные раннесредневековые армянские историки V в. Моисей Хоренский и Агафангел, в связи с этими событиями сообщали, что кавказские правители открыли «проходы Аланский и Дербентский или Джора» и пропустили против персов воинственные кочевые племена Северного Кавказа и Прикаспия, которые совершили несколько удачных походов в Персию, где предали огню и мечу города и села, нанеся большой ущерб Сасанидам, и разгромили все до самого Тисбона (Ктезифона – одна из столиц Сасанидского Ирана – *А.К.*).

Наученный горьким уроком, продемонстрированным кочевниками, призванными правителями Кавказа, уже второй правитель Сасанидской династии «могущественный царь царей» Шапур I (242–272 гг.) совершил поход на Северо-Восточный Кавказ к Воротам Дербента, «где Шапур, царь царей, с конями и людьми, сам… разрушения и пожарища учинил» [4, с. 87–88].

Совершив своего рода карательную акцию и разрушив «укрепления Ворот» и сам город, Шапур не смог укрепиться в Дербенте, а последующие события и неудачи персов в Пальмире и Закавказье значительно ослабили их позиции на Восточном и Северо-Восточном Кавказе, не позволив начать здесь широкое фортификационное строительство.

Только после ряда успешных военных действий Сасанидского Ирана против Римской империи на Кавказе, в результате которых влияние персов на Восточном Кавказе сильно возросло, и результатом военных и дипломатических усилий известного сасанидского царя Шапура II явился договор Ирана с Римом в 387 г. н.э. о разделе Армении, открывший Сасанидам новые возможности в Закавказье и усиливший их влияние на Восточном и Северо-Восточном Кавказе.

Военно-политическая обстановка, сложившаяся в конце IV – первой половине V вв. н.э. на Кавказе, и сильно возросшая активность кочевников, широко использовавших в своих набегах территории Северо-Западного Прикаспия и известные стратегические Ворота Дербента, заставили Сасанидов усилить свое влияние здесь. Сасанидский Иран, в сферу влияния которого вошли богатые провинции Восточного и Северо-Восточного Кавказа, вынужден был искать пути защиты этих важных, не только с экономической точки зрения, но и очень значимых в военно-политическом плане областей Прикаспия. Используя хорошо известный еще с эпохи бронзы международный торговый и стратегический Прикаспийский путь, мощные объединения раннесредневековых кочевников проникали по нему через Дербентские ворота из степей Северного Причерноморья, Предкавказья, Северного Кавказа к благодатным земледельческим центрам Закавказья, Малой Азии, Ближнего Востока.

Многочисленные армянские, албанские (имеется в виду государство Кавказская Албания), грузинские источники сообщают о грандиозных фортификационных работах, проводимых в Северо-Западном Прикаспии целым рядом знаменитых сасанидских правителей V–VI вв. н.э., пытавшихся перекрыть наиболее узкие места в приморской полосе Восточного и Северо-Восточного Кавказа – известные проходы между Каспийским морем и горами Кавказа, из которых всемирную славу и широкую популярность получил Дербентский оборонительный комплекс.

Дербентские оборонительные сооружения, прославенные многочисленными арабскими, персидскими, кавказскими, сирийскими, среднеазиатскими, западноевропейскими и многими другими средневековыми авторами, как одно из «чудес света», включают в себя три основные части: две параллельные городские стены (северная – 3650 м, южная – 3500 м, полностью пере-

крывавшие здесь узкий, шириной 3,4 км Дербентский проход – «знаменитые Ворота»; практически неприступная цитадель Дербента площадью 4,5 га, расположенная на вершине отрога Джалганского хребта, прекрасно защищенного с трех сторон очень крутыми скалами; Горная стена (Даг-бары) – мощная сплошная стена с системой башен, фортов и крепостей, протянувшаяся от юго-западного угла цитадели Дербента, именуемой сейчас Нарын-калой, почти на 50 км в горы до неприступных вершин главного Кавказского хребта, перекрывая все обходные горные дороги и тропинки, позволявшие обойти Дербент [3, с. 121–125].

Возведение этого выдающегося памятника мировой фортификации, включенного ЮНЕСКО в список памятников Всемирного культурного наследия, практически все многочисленные средневековые арабские авторы IX–XIII вв. приписывают самому могущественному и известному сасанидскому царю Хосрову I Ануширвану (531–579 гг.), хотя некоторые из них упоминают и его отца Кавада I (488–531 гг.), при котором могло начаться строительство северной стены города.

Однако, широкие археологические раскопки, проводившиеся впервые в истории Дербента под руководством автора в 1970–1995 гг., установили, что первая оборонительная стена, целиком перекрывшая узкий Дербентский проход от цитадели города на вершине холма и до моря, была возведена еще во второй четверти V в., известным сасанидским царем Ездигердом II (439–457 гг.).

В отличие от мощного оборонительного комплекса, возведенного в правление Хосрова I Ануширвана из тщательно обработанных плит из местного камня – ракушечника с внутренней забутовкой на известковом растворе очень высокого качества, что определило их уникальную сохранность возрастом в 1500 лет, от начала VI в. до XXI в., северная стена и цитадель города, построенные при Ездигерде II, возводились из крупного сырцового кирпича размером 42–44*42–44*12 см. Толщина стен, как показали раскопки, достигала 8 м, высота – около 16 м [3, с.115–116]. В противовес фортификации Дербента из сырцового кирпича, возведенной в характерных для Средней Азии и Ирана строительных традициях глиняной архитектуры, оборонительный комплекс Дербента, построенный при Хосрове Ануширване, возводился из местного камня – ракушечника в высококачественных средиземноморско-малоазийских традициях и напоминал конструктивно оборонительные стены Константинополя и Рима, но с максимальным приспособлением их к рельефу местности. Толщина дербентских каменных стен доходила до 3,8 м, при высоте до 21–24 м [3, с. 124–128].

Следует отметить, что Дербентский оборонительный комплекс, вошедший в число выдающихся памятников мировой фортификации, не был единственным укреплением подобного типа, перекрывавшим приморскую полосу Северо-Западного Прикаспия в наиболее узких местах. Оборонительные сооружения подобного типа, получивших в исторической литературе наименования «длинных стен», известны и в других районах Восточного и Северо-Восточного Кавказа [3, с. 113–115]. Но все они значительно уступают фортификации Дербента по оборонительной мощи, монументальности, размерам, грандиозности архитектурно-планировочных и конструктивных решений, а главное – в военно-стратегическом значении. Эти крупнейшие «Ворота» Кавказа, многие века и тысячелетия связывали степи Евразии с Закавказьем, Ближним Востоком, Средиземноморьем, т.е. мир скотоводческо-кочевых культур с миром древнеземледельческих и последующих средневековых цивилизаций.

Особая роль Дербента в истории народов средневекового Кавказа нашла отражение не только в огромном количестве сообщений об этом всемирно известном городе в трудах знаменитых восточных и европейских историков географов, философов, путешественников, но и в произведениях великих поэтов, писателей, хронистов средневековой эпохи.

О нем слагали легенды и предания, которые рассказывали о хане Казане и патриархе Коркуде, и о возведении его монументальных стен Александру Македонскому (Искандер Зулькарнейн), построенных им против мифического народа, известного в библейских преданиях как Гог и Магог, по-арабски Яджудж и Маджудж, его воспевали в своих бессмертных творениях великие поэты средневекового Востока: перс Фирдоуси, азербайджанец Низами Гянджеви, узбек Алишер Новои и многие другие.

Но этот древнейший город России, овеянный множеством мифов, легенд и преданий, многие века в ожесточенных сражениях, штурмах и пожарах, подобно многим другим памятникам мировой фортификации: Великой Китайской стене, Римскому лимесу на Рейне и Дунае, Киммерийской стене – отстаивал главные «Ворота» Кавказа, защищая его обитателей от набегов и разрушений.

Источники и литература

1. Кудрявцев А. А. Древний Дербент. – М.: Изд-во «Наука», 1982. – 173 с.
2. Кудрявцев А. А. Великая Китайская стена и Дербентский оборонительный комплекс в истории мировых торговых путей // историко-культурное наследие Великого Шелкового пути и продвижение туристических дестинаций на Северном Кавказе / под ред. В. С. Белозерова, И. В. Крючкова. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. – 288 с.
3. Кудрявцев А. А. Дербент – древнейший город России. – Махачкала: ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2018. – 344 с.
4. Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. – М.: Изд-во «Наука», 1969. – 242 с.

А. И. Ломонов
(г. Ставрополь)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Формирование и развитие на Северном Кавказе христианства является наиболее актуальной темой для понимания истории и дальнейших шагов в развитии религии, так как регион занимает в России третье место по численности населения и является не только сложным в этническом плане взаимодействия, но и крайне неоднородный в религиозном отношении образование.

Отмечая высокую степень этнорелигиозного многообразия, на Северном Кавказе можно уверенно выделить две основные религии – православное христианство и ислам. Современный анализ показывает, что наиболее распространенной религией в современное время на Северном Кавказе является ислам, но учитывая вехи истории, можно сказать, что до XV века весь регион находился под влиянием христианства [7]. Несмотря на утрату своих позиций, христианство оставило глубокий след в религиозных воззрениях народов Северного Кавказа.

Северный Кавказ является одной из древнейших колыбелей христианства в России. В первом веке, благодаря апостольской деятельности святых Андрея Первозванного и Симона Кананита в причерноморских греческих колониях Кавказа появились первые последователи. Отсюда христианство проникло и в среду заселявших Северный Кавказ адыгов (черкесов) [5]. Таким образом, Андрея Первозванного можно причислить к первым проповедникам, кто возвестил Слово Божие в горах Кавказа.

Миссионерская работа на Северном Кавказе продолжалась и позже. С IV века заметную роль в христианизации региона сыграла Грузия. Но можно констатировать факт наибольшего успеха в этом добилась Византия. К началу VI века на территории Черкесии (Зихии), Тамани и Абхазии насчитывалось двадцать четыре города-колонии с церквами, где проповеди и молитвы читались как на греческом, так и на местных языках [1]. На тот момент в Черкесии насчитывалось четыре епархии, епископы которых назначались из Константинополя и принимали участие в византийских церковных соборах.

При правлении императора Юстиниана (527–565 гг.) греческие монахи селились среди алан и строили каменные церкви, что способствовало укреплению позиций христианства. Данная политика привела к тому, что христианство явилось официальной религией в Аланском царстве (X–XII века), где была создана своя епархия, преобразованная затем в митрополию в составе Константинопольской патриархии.

Необходимо отметить, что значительный вклад в христианизацию Северного Кавказа внесло Тмутараканское княжество, ставшее с начала X века крупным культурным центром и первой русской епархией в регионе.

Построенные там монастыри и церкви с их внутренним убранством и фресками говорят, кроме всего прочего, о тяготении местных этносов к духовному единству.

Нашествие монголов в 20-х годах XIII века и последующее их господство во многом изменили политическую и этническую карту Северного Кавказа. Как любые завоеватели, они не терпели

сопротивления и подавляли его беспощадно, тем самым «обращая» жителей данной местности в свою религию.

В XIV веке распространенную среди местных жителей греческую веру попытались вытеснить католические (генуэзские) миссионеры, пробиравшиеся в верховья Кубани, в район нынешнего Кисловодска и даже в Дагестан. Но «насильственная» вера не стало основной, в связи с тем, что в конце столетия Черкесия была населена «христианами, исповедующими греческую веру» и отправляющими богослужебные ритуалы на ясском (осетинском) и черкесском языках [3].

Нашествие исламизированного войска Тимура (Тамерлана) в конце XIV века нанесло православию на Северном Кавказе гораздо более чувствительный урон. Признаки «священной войны за веру» со всеми ее кровавыми последствиями были налицо.

Процесс упадка христианства усугубился османским завоеванием Константинополя, а затем Крыма и Черноморского побережья Кавказа (вторая половина XV века). Северокавказские этносы лишились культурных и физических контактов с центрами греко-православной веры. В таких условиях христианства трудно укоренялось на Северном Кавказе. В условиях полиэтнических групп произошло смешение религий, что привело к разобщенности и разрозненности верующих.

Данный период можно охарактеризовать, как «бурление» сложнейших процессов этно-, культуро-, политогенеза, развивающегося в условиях сменяющих друг друга завоеваний и миграционных волн.

В результате данных процессов не одна религия не могла претендовать на Северном Кавказе на свое «превосходство», что привело к появлению – развитию язычества. При этом языческая религия смогла трансформироваться и «вобрать» в себя новую обрядовую практику и элементы, заимствованные из других религий (христианство, ислам, иудаизм, буддизм) [4].

Упадок христианства и преобразование христианских церквей в языческие святилища не смогли искоренить христианские идеи, которые сохранились в духовной культуре северокавказских народов. Известно, в частности, что среди тотемических символов большим почтением пользовались каменные и деревянные кресты [6]. Именно они становились центральным атрибутом в молитвенных ритуалах.

Развитие христианства на Северном Кавказе в условиях полиэтнических групп происходило и происходит в сложных условиях взаимодействия, с учетом территориальных и конфессиональных факторов, но главное место всегда отводится и занимает «всемогущий творец», ассоциирующийся с Иисусом Христом. Это прослеживается в широком распространен культ христианских пророков и святых – Ильи, Св. Георгия, Михаила Архангела, Св. Матфея, Св. Марии Богоматери. Не вдаваясь в подробности происхождением данных обычаев, горцы праздновали Пасху, Рождество, Сретение, Вознесение Господне.

Проводя анализ, можно с уверенность сказать, что ислам возник на Северном Кавказе со времен арабских завоеваний в VII–VIII веках. Но процесс укоренения данной религии проходил столетиями и формировался медленно и не однородно. Поначалу сферой его распространения был Юго-Восточный и Центральный Дагестан, затем Северный Дагестан, Кабарда и, наконец, Северо-Западный Кавказ. Его принимали в основном господствующие сословия в своих социальных и идеологических интересах. Постепенно новая религия превращалась в культурный феномен, воплотившийся в выдающихся памятниках архитектуры и письменности, которые мы можем наблюдать, и посей день.

Вместе с тем остается открытый вопрос, насколько глубоко укоренился ислам даже среди элит северокавказских обществ. Как свидетельствуют источники, традиционная народная культура многое из ислама решительно отторгала, а то, что впускала в себя, перекраивала на собственный лад, иногда до неузнаваемости. Повседневная и праздничная обрядовая практика представляла собой причудливый симбиоз языческих и исламских ритуалов.

Подводя итог можно сделать вывод о «жесткой» борьбе религий на Северном Кавказе. Религиозная идея обладания божественной истиной, идея знания божественной воли непременно приводит к религиозной нетерпимости.

Современная религиозная ситуация на Северном Кавказе приводит к захвату религиозного пространства более организованными, более замкнутыми в себе вероисповеданиями и к вытеснению менее организованных и открытых для всех верующих людей религиозных общностей этого пространства [2]. Несомненно, религия является закономерным результатом развития культуры, ее необходимой составной частью на всех этапах человечества.

Разумное понимание ситуации – это понимание того, что мирное сосуществование религий на Северном Кавказе лежит в первую очередь в рамках светского государства. Таким образом, учитывая специфику современного религиозного пространства Северного Кавказа, сегодня можно выявит три основных проблемы связанные с проблемой сохранения целостного религиозного пространства Северного Кавказа, формирования мирного сосуществования различных религиозных конфессий и воспитанию толерантности, как основы межрелигиозного общения и согласия, духовного единения и духовной общности в рамках единого религиозного пространства.

Источники и литература

1. Горожанин М. Ю. Изучение истории Православной Церкви на Северном Кавказе: основные этапы и их специфика // Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа. Материалы IV Свято-Игнатьевских чтений. г. Ставрополь, 11–12 мая 2011 г. Ставрополь: Издательский центр СтПДС, 2012.

2. Дегоев В. В. Северный Кавказ. С древнейших времен до воцарения Екатерины II: курс лекций. Т. 1. – М.: МГИМО-Университет, 2014.

3. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность: [Ст., очерки, эссе] / Владимир Дегоев; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД Рос. Федерации. – 2. изд., расш. и доп. – М.: Рус. панорама, 2003.

4. История Грузинской иерархии с присовокуплением обращения в христианство Осетии и других горских народов, по 1-е января 1825 года. – М., 1826. – С. 71–96.

5. Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX столетия. Сочинение Генерального Штаба полковника Ракинта. 1862. СПб. / Публ., коммент. В. А. Захарова // Сборник РИО. – М.: Русская панорама, 2000. Т. 2 (150).

6. Мусаев М. А. Попытки христианизации дагестанцев, как один из методов уменьшения влияния норм ислама и упрочения позиций Российской империи на Кавказе в середине XIX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск, 2006.

7. Савенко Е. А. История восстановления христианства в центральных районах Северного Кавказа в 1742–1917 гг. (идеи, практика, результаты): автореф. дис. …канд. ист. наук. – Краснодар, 2013.

В. А. Матвеев
(г. Ростов-на-Дону)

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МУСУЛЬМАН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Когда именно сложился феномен «русского мусульманства» [6, с. 257–259], установить невозможно. Состоявшие из исповедовавших ислам воинов отряды принимали так или иначе участие в собирании русских земель в единое государство, находились в московских ратях, противостоявших в 1471 г. на реке Шелоне попыткам новгородцев сохранить удельную обособленность. Признававшие Россию своим отечеством мусульмане поддержали участием в 1552 г. акцию по освобождению 100 тысяч православных невольников, захваченных в плен вследствие набегов из Казанского ханства и находившихся в его пределах [7, с. 17].

В самый же критический для государства момент, когда его будущее из-за агрессии Польши и Швеции было крайне неопределенным, на патриотический призыв К. Минина и Д. Пожарского в 1612 г., побуждавший к решительному действию для спасения родины, откликнулись и представители населения, исповедовавшего ислам. В грамоте об избрании на престол Михаила Федоровича Романова оставили подписи семь татарских мурз, выразивших тем самым на Земском соборе настрой соотечественников мусульман того периода на восстановление государственной целостности России и предотвращения для нее опасности новых иноземных завоеваний [7, с. 17]. В 1812 г. российские воины также мотивировались защищать отечество от нашествия «непобедимой» европейской армии Наполеона I не только молитвами православного, но и мусульманского духовенства. Призывы стоять за Россию «во имя Аллаха» раздавались неоднократно в XIX в. и перед другими битвами.

Совмещение отечественных конфессий происходило не без противоречий. Возобновлялась при возникновении тех или иных неблагоприятных для России обстоятельств и религиозная напряженность на Кавказе, порождавшая нередко межэтнические конфликты. Осложнения выражались в том числе в нарастании фанатичности масс. В 1841 г. существовала, например, угроза восстаний из-за событий в Египте, где произошло массовое выступление против Турции, охватившее многие ее азиатские провинции. В среде населения восточных окраин, исповедовавшего ислам, распространялись слухи о близости того момента, когда произойдет победа «полумесяца над крестом» [5, с. 166–167]. Это находило отклик тогда у какой-то части мусульманского духовенства.

Некоторые его представители во время богослужений, в частности, заявляли: «Мы объединимся и вместе завоюем земли Дагестана, возьмем Астрахань, Дербент и Анапу, мы изгоним неверных с земель Ислама» [5, с. 166–167]. Подобные настроения на сходах формировали и некоторые старейшины [5, с. 166–167]. Однако в дальнейшем вследствие принимавшихся представителями русской администрации в крае мер зависимость от зарубежного мусульманского Востока ослабевала. Российское измерение обретала цивилизационная специфика и на Северном Кавказе. Тем самым одно из существенных препятствий для отечественного евразийского интеграционного процесса устранялось.

На происходившие изменения указывало, в частности, то, что влияние зарубежного исламского мира на окраинах отечественного Востока постепенно ослабевало. Исмаил-бей Гаспринский не без основания утверждал, что в России «ветви тюрко-татарского племени делаются ее нераздельной, составной частью», нераздельной частью «обширного отечества». Учитывая складывавшуюся в связи с этим ситуацию, он предсказывал, что России «в будущем суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств», с сохранением вместе с тем на международной арене позиций «великой христианской державы» [6, с. 258]. Эта реальность, несомненно, была одним из достижений проводившейся политики. На рубеже XIX–XX вв. цивилизационное тяготение к мусульманскому зарубежному Востоку обретало и на Северном Кавказе признаки остаточного характера.

На возраставшую его устойчивость указывает, в частности, получавшее все более широкое распространение восприятие российскими мусульманами необходимости исполнять воинский долг перед родиной, даже несмотря на то, что они освобождались от службы в армии. Проявлялось же оно отнюдь не только в периоды возникновения внешних угроз. Отображением данной реальности служит принятие и внесение 23 февраля 1864 г. в законы Российской империи специальной формы «клятвенного обещания для мусульман, поступающих в военную службу» [9, с. 164]. Она была объявлена в приказе военного министра 11 марта и соответственно обрела юридическую силу. Обозначение данный закон получил в качестве «именного», то есть одобренного императором. В приказе военного министра 11 марта 1864 г. также отображалось наименование «О форме клятвенного обещания для мусульман, поступающих в военную службу» в Российской империи [9, с. 164].

Подобные присяги при вступлении в армию представителей иных исповеданий давались и раньше. Но намерения мусульман служить России во второй половине XIX в. становились судя по всему более массовыми, что и вызвало необходимость в принятии соответствующего закона. Из мусульман в составе русской армии создавались отдельные вооруженные формирования. При поступлении на службу для них предусматривалась присяга на Коране с соблюдением всех канонических требований ислама. Для мусульман в соответствии с ними существовали в Российской империи и особые награды [11, с. 41], если установленные для православных воинов имели какие-либо расхождения с религиозными представлениями. Служба в армии являлась так или иначе показателем устойчивой связи с государством и восприятия его в качестве отечества [14, с. 91].

Об усилении российской ориентации свидетельствовал и возросший интерес в среде мусульманского населения к получению образования в учебных заведениях, подчинявшихся имперским управленческим структурам. Причем муллы, видевшие в этом опасность для сохранения своей влиятельности, оказывались не в состоянии, как признавали представители русской администрации в крае, «задержать в значительной степени развитие школьного дела» [3, л. 78]. Особой популярностью пользовались варианты преподавания с участием самих горцев, получавшие все более широкое распространение [3, л. 78].

Так, в служебной записке от 11 октября 1893 г., предназначенной для информирования руководителей более высокого уровня, начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска извещал вышестоящие инстанции: «В последнее время среди горского населения вверенной мне области замечается большое стремление к образованию. Потребность эта настолько велика, что имеющиеся горские вакансии в Ставропольской гимназии и Майкопской горской школе далеко не удовлетворяют всех желающих учиться» [4, л. 14]. Подтверждалось это в донесениях атаманов отделов, начальников округов и другими административными инстанциями по всему краю. Позиции же мусульманского духовенства и в этом случае имели существенные различия. Разобщенность его являлась своего рода отражением сохранявшегося цивилизационного и этнополитического разлома, предопределявшего когда-то неодинаковые позиции «туземных обществ» при установлении единства с Россией и не преодоленного за полвека нахождения в ее составе.

В среде мусульманского населения на Северном Кавказе тем не менее не получили отклика попытки распространения идей панисламизма, единства всего мусульманского мира, и пантюркизма, общности всех тюрок, предпринимавшиеся систематически с конца XIX в. [12, л. 1]. Последователи этой доктрины не ограничивались в пропагандистской деятельности пределами Турции и предпринимали усилия к ее организации на российских окраинах [12, л. 1]. Такая деятельность в начале XX в. развернулась в том числе в Дагестане, а оттуда распространялась на Терек [10, с. 98]. Ее результативность была далека от предполагаемых ожиданий, подтверждением чему служит отсутствие в указанный промежуток времени «религиозных движений» в этих областях. Но она, как фиксировалось в донесениях начальников округов, способствовала в какой-то мере возбуждению в среде отдельных «туземных обществ… ненависти к русским» [2].

Хотя в тот промежуток времени мусульманское население на российском Кавказе оставалось ко всем событиям, происходившим в странах зарубежного Востока, как сообщал в Петербург наместник его императорского величества И. И. Воронцов-Дашков, «совершенно равнодушным». Не имели никакого успеха в его среде и «отдельные попытки проповеди панисламизма и пантюркизма» [1, с. 9–10]. Возможности дестабилизирующего воздействия с использованием фактора «единства веры» проповедников из сопредельных зарубежных ареалов на ситуацию в регионе не были еще полностью преодолены. Однако влияние зарубежного мусульманского Востока, обретая пережиточные свойства, проявлялось уже значительно слабее.

Общегражданский характер носили и поступавшие в начале XX в. в органы власти Российской империи пожелания расширить доступ на государственную службу, унифицировать, что весьма показательно, структуру управления и ввести земские учреждения, получившие к тому времени распространение в центральных губерниях, снизить в ряде случаев налоговые повинности и т.д. [8, с. 238]. В одном из обращений к центральной власти видных северокавказских деятелей ислама в 1906 г. содержалось такое заверение: «Мы, российские мусульмане… будем служить нашему… царю и его трону так же верно, как служили ему наши отцы и деды» [13, с. 31]. В нем так или иначе обращалось внимание верующих на традиционную связь с «общей родиной» и ее верховной монархической властью, игравшей на том этапе объединительную роль для государства. Российская идентичность мусульман Северного Кавказа выдерживала испытание на устойчивость в экстремальных ситуациях войн и революционных кризисов начала XX в.

Источники и литература

1. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. – СПб.: Государственная типография, 1913. – 36 с.

2. Жизнь национальностей. 1920. 1 янв.

3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 1229.

4. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 778.

5. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.: КРОН-ПРЕСС,1998. – 512 с.

6. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. – М.: Наука,1994. – С. 297–259. (332 с).

7. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика). Составитель Д. Ю. Арапов. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. – 367 с.

8. История Дагестана. Т. 2. – М.: Наука, 1968. – 368 с.

9. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание 2. Том XXXIX (39). Отделение 1-е. 1864 г. (№ 40457–41318). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. – 975 с.

10. Ратгаузер Я. А. К истории гражданской войны на Тереке. – Баку: Азгиз, 1928. – 143 с.

11. Хоперская Л. Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъектности. – Ростов н/Д: Издательство СКАГС, 1997. – 144 с.

12. Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133.

13. Шафранов В. П. К вопросу о формировании адыгейской социалистической народности // Из истории партийной организации Адыгеи. Сб. статей. – Ростов н/Д: РГПИ, 1976. – С. 19–57.

14. Шпрингер Р. Национальная проблема. (Борьба национальностей в Австрии). Пер. с нем. М. Брагинского и А. Браумберга. Под ред. и с предисловием М. Ратнера. – СПб.: Издание т-ва «Общественная польза», 1909. – 294 с.

М. Ю. Махота, Г. Н. Рыкун
(г. Ставрополь)

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Изучение архитектурного наследия Северного Кавказа необходимо для анализа социально-экономического развития в определенный промежуток времени через призму архитектурного облика городов и поселений. Вместе с этим домостроительное творчество является самобытным выражением объемно-пространственных и архитектурно-художественных представлений населения, отражающих составляющую их менталитета.

Актуальность исследования определяется еще и тем обстоятельством, что, несмотря на современное определение архитектуры как специфического вида искусства, выражающего в формально-пространственных образах идеалы эпохи, в отечественном профессиональном мышлении по-прежнему преобладают функционально-утилитарные подходы в понимании генезиса форм традиционной (народной) архитектуры, и тем самым затрудняется подлинное выявление и развитие культурно-этнического своеобразия региональных традиций.

Современный Северный Кавказ занимает обширную территорию (355,1 тыс. км^2) на юге европейской части Российской Федерации и включает в свой состав: Ростовскую область, Краснодарский край, Ставропольский край, Кабардино-Балкарскую республику, Карачаево-Черкесскую республику, Чеченскую республику, республику Адыгею, республику Дагестан, республику Ингушетию и республику Северную-Осетию (Аланию). Территория Северного Кавказа располагается на пересечении транспортных путей из Центральной России в Закавказье, Турцию и Иран, из Донбасса в Урало-Поволжье, из восточных районов – к портам Чёрного моря. Также близость к топливным и ресурсным базам Украины, к развитым индустриальным районам Центра Российской Федерации, Поволжья и Закавказья, что благотворно сказывается на экономическом развитии региона Северного Кавказа.

Архитектурное наследие народов Северного Кавказа разнообразно и интересно, за счет многонационального, многоконфессионального населения и последовательного (ступенчатого) развития территории. Кавказ является богатейшим историческим и культурным источником знаний.

Условно архитектуру Северного Кавказа можно разделить на две группы: европейская архитектура и башенная архитектура.

Деление архитектуры обусловлено несколькими факторами:

– территориальное расположение – так называемая европейская архитектура располагается в основном на равнинной и малонизменной территории Ставропольского края, ранее Ставропольской губернии; тогда как башенная архитектура является неотъемлемой частью пейзажа высокогорных районов Северного Кавказа. В современный период она сохранилась в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Северной-Осетии (Алании), Ингушетии, Чечне и Дагестане;

– приверженность населения к разным мировым идеологиям, находящимся на стыке двух цивилизаций – христианской (европейская архитектура) и мусульманской (башенная архитектура), которая декларирует различные духовные ценности и миропорядок.

Города Ставропольской губернии, возникнув как опорные укрепленные пункты оборонительной линии, долгое время выполняли в основном функции военно-административных цен-

тров [5]. Они по внешнему облику, уровню и темпам развития, формам городской жизни уступали городам Центральной части России. В то же время городские поселения имели специфические особенности, обусловленные особым положением губернии как пограничной территории, недавно вошедшей в состав Российской империи. Города были специфичны и в этническом отношении: все они были многонациональными и являлись зонами экономических, культурных, религиозных, социальных контактов представителей различных народностей и вероисповеданий.

Таким образом, Ставропольский край получил огромнейший пласт историко-культурного и архитектурного наследия с объектами федерального культурного значения. В крае на государственной охране числится свыше двух тысяч памятников истории, архитектуры и культуры, из этого числа 71 присвоен статус федеральных, пять городов носят статус исторических: Ставрополь, Пятигорск, Буденновск, Железноводск, Кисловодск. В этих городах прекрасным образом сберегли ценные комплексы архитектуры [6], построенные по проектам и под руководством выдающихся деятелей архитектуры того периода: Бернардацци, Шарлеманом, Шретером, Уптоном, Воскресенским, Кусковым.

Города КМВ славятся своими постройками, являющимися исключительными и необыкновенными памятниками истории и архитектуры своего времени, отражающими стиль русского зодчества в XIX – начале XX вв. от позднего классицизма, эклектики, модерна до неоклассицизма: Лермонтовские ванны (братья Бернардацци), тепломерное ванны 1861 год, Ермоловские ванны 1880 год, Пушкинские ванны 1889–1901 года [3].

Важное место в архитектурном наследии Северного Кавказа, относящейся к группе европейская архитектура, занимают усадебные комплексы и дачи [4], характеризующиеся большой площадью основного строения и имеющие отличия от усадеб Центральной части России. Зонирование усадеб складывалось следующим образом: людская половина, где жила домовая прислуга и няньки; технические помещения; господская половина дома, в свою очередь состоящая из: каминного зала или библиотеки, гостиной, детской части дома, личных помещения владельцев, спальных комнат, будуара, личного кабинета хозяина. Зачастую усадебные дома имели флигель и гульбище, место, где господа могли испить чаю на открытом воздухе в хорошую погоду.

Отдельное место в изучении архитектурного наследия Северного Кавказа отводится изучению традиционной (башенной) архитектуры горских народов Северного Кавказа во всем диапазоне культурно-исторических значений и проявлений, поскольку без изучения глубинных основ генезиса народного зодчества невозможно понять существо традиций региональной архитектуры и тем самым иметь серьезную методологическую основу преемственного развития многонациональной российской архитектуры на новом этапе ее истории [1].

Традиционная архитектура высокогорных районов Северного Кавказа имеет свою типологию башенных сооружений, к которым относится:

– башенное жилище;
– родовые (боевые) башни;
– башни-склепы;
– башни монументы;
– сигнальные и сторожевые башни;
– купольные храмы и базилики.

Башни Северного Кавказа, являясь своеобразным архитектурно-художественными вершинами народного домостроительного творчества, стали знаковым явлением всей горской культуры, символическим выражением ее неповторимости и гармонической целостности.

Во все времена одним из самых устойчивых и универсальных объемно-пространственных архетипов культуры служит башня, являясь постоянной формой пространства, имеющая способность трансформации и видоизменения, возможность приобретения нового значения и смысла, в следствии чего достигая уровня общенациональных символов. В разных исторических эпохах башня является обязательной формой объемно-пространственных и архитектурно-образных решений. Во всей мировой культуре и цивилизации понятие «башня» имеет огромную смысловую нагрузку и выступает в роли общепринятого и общепонятного символа. На подсознательном уровне воспринимавшихся с таким же подтекстом, как Вавилонская башня, Эйфелева башня, проект башни-памятника Интернационалу, Биг-Бен, Спасская башни, и д.р. Прежде чем стать всемирным символом (как это случилось на Северном Кавказе), башни возводились исключи-

тельно для жизнедеятельности человека, а также в средневековье (XIV–XVIII вв.) они возводились и как оборонительные сооружения, защищавшие в период завоеваний от нападений противников. Испокон веков знаменитые башни Северного Кавказа формировались как своеобразнейшие проявления домостроительного творчества горцев. Боевые башни строились с соблюдением зеркальной симметрии и пропорциональности всех частей постройки, в удивительной гармонии с окружающим ландшафтом. Башни народов Северного Кавказа включает в своё назначение региональный и общечеловеческий, общекультурный феномен народной культуры.

Архитектурные отличия формируются в зависимости от причастности к определенному роду (тейпу), а также географического и территориального расположения [2]. Исходя из этого башни структурируют по поэтажному зонированию: на первом этаже размещали пленников, второй этаж предназначался для стражи и охраны, на третьем и четвертом этажах размещались семья и защитники, женщинам и детям отводился отдельный этаж, на котором частично складировалось оружие.

Строительство башен в горных регионах Кавказа было настоящим обычаем. Причем, как свидетельствуют легенды, башня должна была быть возведена в жестко регламентированный срок – не более года. Если строительство у конкретного рода (тейпа) не получалось в этот срок, он покрывал себя позором, а недостроенная башня могла стоять десятилетиями. Существует множество преданий и подробных описаний видов башенной архитектуры, исследования которой помогли сделать интересные выводы о культуре горцев, например, об определенном единстве материальной культуры нахов и осетин, которое существовала вплоть до XIV–XV веков, что доказывается этими древними архитектурными формами.

Архитектурное наследие – это один из важнейших ресурсов, определяющих социально-экономическое и социокультурное развитие России. Памятники традиционной архитектуры Северного Кавказа могут быть поставлены в один ряд с памятниками культуры мирового значения без всяких скидок на народное допрофессиональное происхождение.

Источники и литература

1. Ахмадов Ш. Б. Культура чеченцев в XVIII веке// Культура Чечни. История и современные проблемы. – М.: Наука, 2006. – С. 79–109.

2. Давидян Б. А. Башенный тип архитектуры народов Северного Кавказа / Б. А. Давидян, В. И. Гнидко, А. С. Торосян // Научное и образовательное пространство: перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 нояб. 2015 г.). – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С. 51–54.

3. Карташева О. А. Историческое развитие поселений и городов Кавказских Минеральных Вод (конец XVIII – начало XX вв.): социокультурные факторы: Дис. канд. ист. наук / О. А. Карташева. – Ставрополь: СГУ, 2008. – 227 с.

4. Махота М. Ю., Рыкун Г. Н. Архитектурно-пространственная организация усадебных комплексов Ставропольской губернии / М. Ю. Махота, Г. Н. Рыкун // Современная наука и инновации. – Ставрополь – Пятигорск, 2017. №4(20). (№1687 Перечня журналов ВАК).

5. Махота М. Ю. Развитие и застройка ставропольской губернии второй половины XIX – начала XX веков / М. Ю. Махота // Университетская наука – региону: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (3–21 апреля) / под. ред. Т. А. Шебзуховой, А. А. Вартумяна, Н. Н. Новоселовой – Пятигорск: Издательство ПФ СКФУ, 2017.– Т 2.– С. 164–167. – 220 с.

6. Об утверждении списков выявленных объектов культурного наследия ставропольского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/444813991 – 20.09.2019 г.

П. Г. Немашкалов
(г. Ставрополь)

ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ИОАННО-МАРИИНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ)

История женских монастырей в нашей стране берет свое начало еще с Древней Руси, но до XVII века эти сведения имеют обрывочный характер. Они содержатся в летописных хрониках, актовых и законодательных материалах, а также в жизнеописании некоторых святых преподобных. Практически отсутствуют книги, написанные самими монахинями, поэтому до сих пор остается актуальным вопрос о возникновении женских монастырей в Киевской Руси. Очевидно, что женские монастыри существовали в Киеве уже в XI веке. В житии Феодосия Печерского упоминается, что его мать была пострижена в монахини в монастыре при церкви Св. Николая.

До XVII века развитие женских монастырей имело характер стабильного увеличения их числа. Однако их общее количество, на всем протяжении монастырской истории, всегда уступало мужским. Так, например, в XVI веке из 494 монастырей 68 были женскими, а в XVII веке на 651 монастырь приходилось 139 женских. По сравнению с мужскими, женские монастыри были очень бедными, во многих из них не было даже ограды. В то же время женские монастыри были более многонаселенными по сравнению с мужскими, редко обладали земельной собственностью и, как следствие, полностью в своей судьбе зависели от государственного пособия. Положение монахинь в них часто также зависело от «знатности» монастыря [15, с. 470–471]. Основную массу женских обителей составляли малоизвестные небольшие монастыри и пустыни, скиты, об истории которых мало что известно.

Изменение статуса и назначения монастырей, в контексте государственных задач, началось при Петре I и активно продолжалось в течение всего XVIII века. Кардинально меняется положение после «монастырских реформ» Екатерины II. В 1764 году был издан указ о духовных штатах, по которому практически все имущество монастырей изымалось в пользу государства. Количество монастырей в России резко сократилось: монастыри либо закрывались, либо соединялись с другими. Определенное число было «вынесено за штат», то есть они могли продолжать свою деятельность, но уже без поддержки государства. В результате данной реформы в России действовало 226 штатных и 161 заштатный монастырь, всего 387 [14, с.199].

Великий русский поэт и писатель А. С. Пушкин давал отрицательную оценку государственной политики в данной области. В частности он писал, что Екатерина II проводя такие реформы, нанесла большой удар народному просвещению. В результате данных «преобразований» многие семинарии пришли в упадок, в деревнях не хватало образованных священников, из-за чего в народе появилось презрение к попам и равнодушие к религии. Монашество, по его мнению, имело большую роль в истории нашей страны и в просвещении народа [17, с. 130]. Фактически каждая уничтоженная обитель хранила в своих стенах исторические памятники, чудотворные иконы, предания и народные легенды, и являлась неотъемлемой частью истории отдельной территории огромной страны.

Согласно законодательству российской империи, женские общины стали признаваться государственной властью еще в период правления Екатерины II. Только термин «община» в указах об ее утверждении не употребляется, а используется термин «женское общежитие». Первое женское общежитие было оформлено именным указом Екатерины II, разрешившей жить в упраздненном монастыре вдовам и престарелым женщинам, «посвятившим себя уединенной жизни» «на общежительном уставе, под смотрением начальницы» [9, с. 100–106]. Настоящий подъем «женские общежития» получили в первой четверти XIX в., когда они организовывались на средства женщинами из аристократических дворянских семей. Широкую практику получило явление, когда сами основательницы возглавляли данные церковные учреждения. По мере того как разворачивалась деятельность общины, она могла быть преобразована в женский монастырь. По подсчетам В. В. Зверинского на основании 62 % женских общин в Российской империи возникли женские монастыри [11, с. 9–14]. Женские монастыри и общины, основанные в Синодальный период, становились центрами духовной жизни и зачастую пользовались большей известностью, чем те, которые имели более древнюю историю.

На Северном Кавказе по такому пути был образован женский Иоанно-Мариинский монастырь, основанный в кафедральной столице Кавказской епархии городе Ставрополе. Изначально Иоанно-Мариинская обитель задумывалась как приют для беспомощных вдов и сирот духовного сословия после всплеска холеры в конце 1840-х годов, когда только в 1847 году 23 семьи священнослужителей потеряли своих кормильцев [8, л. 3–6]. В дальнейшем потребность в воспитании детей и уход за престарелыми людьми сделала её всесословной. Возникновение приюта связано с именем Марфы Андреевны Фетисьевой, которая, ведомая чувством глубокой веры, лично обратилась к епископу Иеремии с просьбой основания женской обители и внесла первое пожертвование в 150 руб. ассигнациями [13, с. 6]. Наиболее удобным местом для монастыря Иеремия посчитал располагавшийся в предместии Ставрополя хутор Якова Скоморохова, который, узнав о планах учреждения на нем обители, 24 февраля 1848 года передал безвозмездно «дом с землей, доставшиеся ему по духовному завещанию» [1, л. 1].

Темпы строительства были высокими. В конце года был воздвигнут храм, келья для настоятельницы и каменный корпус для престарелых вдов [13, с. 10]. Первое пожертвование на устройство будущего монастыря внес преосвященный Иеремия, который передал в кафедральную ризницу две свои панагии ценой в 500 руб. серебром, а причитающиеся за них деньги были взысканы из свечной кафедральной суммы в пользу «вдовьего и сиротского похолерного общежития» [7, л. 1–1об.].

Возведение основных зданий вскоре было закончено, что позволило 17 июля 1849 года архимандритом Герасимом произвести торжественное освящение храма в честь святого Иоанна Предтечи. Поскольку сооруженный храм являлся приходским для прилегающих территорий, то в нем был учрежден отдельный самостоятельный причт, первым священником в который был назначен Ф. Флегинский [3, л. 2–3]. Уже после своего перевода на Полтавскую кафедру епископ Иеремия в октябре 1850 года передал на содержание священника от процентов два банковских билета на 200 руб. серебром [4, л. 1].

Кавказское попечительство оказывало материальную помощь вдовам и сиротам Кавказской епархии из имеющихся средств. Созданная община позволяла их экономить посредством принятия призреваемых в общину и уменьшения выплат, которые направляло на их содержание [5, л. 1–3]. Община принимала больных детей духовенства для постоянного пребывания. Так, например, дочь священника М. Терновского Агафья, которая от рождения страдала слабоумием и желудочными отравлениями. После принятия в обитель он завещал 5 тыс. руб. на её содержание по непрерывным процентным билетам, после смерти которой большая их часть отошла в пользу монастыря и его священникам на помин души [6, л. 1–6].

Сестры монастыря принимали участие в жизни государства и оказывали посильную помощь в сложные периоды его существования. Так, Военный министр выразил свою благодарность за изготовление в 1856 году для нужд армии 125 солдатских палаток. На что им был получен ответ от сестер монастыря о «готовности служить православным воинам по мере сил и возможностей» [2, л. 1]. Как покажет в дальнейшем история женских монастырей Северного Кавказа, монахини внесут неоценимый вклад не только в развитие религиозной жизни, становление женского образования, но и в качестве сестер милосердия будут участвовать практически во всех войнах, которые ложились тяжким бременем на наше Отечество.

В отчетных докладах архиереев указывалось, что большая часть монастырей находится довольно в бедном положении и не имеет возможности и средств к образованию благотворительных и воспитательных учреждений. Историки отмечают, что в монастырях и без организации школ жили сироты и послушники. Помимо обычных послушаний, монахини занимались обучением грамоте и рукоделию детей, уходом за престарелыми и больными [12, с. 115–117].

Чтобы облегчить образовательную задачу монастыря, начали создаваться епархиальные учебные заведения – училища. При епархиальных училищах было решено обучать девиц духовного звания. Представители других сословий также принимались в училища, но за плату. Молодые девушки в епархиальных учебных заведениях изучали общеобразовательные предметы, учились рукоделию и основам ведения домашнего хозяйства [16, с. 26–28].

Существенную роль в направлении деятельности женских монастырей, которые помогали в решении определенных социальных проблем, определяло государство. Так, одни монастыри заботились о сиротах, другие о больных, монахинь могли даже отправлять работать в госпитали,

а также исследователи отмечают, что монахини часто занимались обучением грамоте маленьких девочек и мальчиков.

Особая глава в истории женского монашества – это монахини-старицы, обладавшие даром провидения, пророчества, за духовным советом к которым стекались паломники. Своим даром пророчества была широко известна схимонахиня Платонида, которая родилась в 1802 г. на Северном Кавказе в казачьей семье. После перенесенной оспы в 4 года она ослепла. В 30 лет она основала общину, которая в 1852 г. полностью была принята в Иоанно-Мариинский монастырь. Ставропольский епископ Феофилакт благословил ее после пострижения в схиму давать советы приходящим к ней. Молитвенное правило состояло из выстаивания всех церковных служб, утренних и вечерних молитв, Иисусовой молитвы; в полночь – помянник о живых и усопших. Она молилась о государях, в царствование которых она жила, о всех женах, рожающих в эту ночь, и о всех младенцах, рожденных ими, о сиротах, больных, бедняках, неповинно преданных суду, а также о каторжных и преступниках, чтобы они покаялись [10, с. 53–54].

На основании вышеизложенного нужно отметить, что история мужского и женского монашества составляют единую историю русского православного монашества. Вместе с тем история женского монастыря имела свои особенности. В начальный период своего существования женские монастыри не стали центрами книжности и образования в той степени, в какой были мужские монастыри, хотя отдельные единичные сведения об этом имеются в источниках. Но уже с середины XIX в. в женских монастырях стали появляться первые школы, а к началу XX в. практически каждый монастырь имел школу или училище. Отличительной особенностью женских монастырей стала их широкая благотворительная деятельность. Во многих монастырях, при активном содействии со стороны первых лиц государства, организовывались больницы, медицинские курсы, различного рода учебные заведения, предназначенные для подготовки учительниц или медицинских работников. Огромный вклад внесли женские монастыри в развитие культуры, прежде всего, в развитие прикладного искусства, иконописания.

Источники и литература

1. Государственный архив Ставропольского края (Далее – ГАСК). Ф. 1253. Оп. 1. Д. 1856.
2. ГАСК. Ф. 135. Оп. 14. Д. 13.
3. ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 95.
4. ГАСК. Ф. 135. Оп. 9. Д. 955.
5. ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 200.
6. ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 25.
7. ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 32.
8. ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 83.
9. Завьялов А. А. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. – СПб., 1900.
10. Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века. – М., 1990.
11. Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. – Т. 1. – СПб., 1890.
12. Из всеподданнейшего отчета Обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого, по ведомству православного исповедания за 1868 г. // Воронежский епархиальный вестник. – 1870. – №7. – С. 115–117.
13. Молитвенницы Кавказа: История Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря. Православные святыни Кавказа: Книга 2. – Ставрополь, 2005.
14. Монашество и монастыри в России. XI–XX вв. Исторические очерки / Отв. ред. Н. В. Синицына. – М., 2002.
15. Об обучении прядильному мастерству девиц и вдов, живущих в монастырях и готовящихся к пострижению в монашество // ПСПиР. – СПб., – 1872. – Т. 2: [1722]. – № 779. – С. 470–471.
16. Об открытии при Пензенском Троицком женском монастыре училища для сирот девочек // Пензенские епархиальные ведомости. – 1872. – № 1. – С. 26–28.
17. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. – Т.8. – М., 1958.

Ю. А. Прокопенко
(г. Ставрополь)

О НАХОДКАХ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ ФИБУЛ РИМСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В последние десятилетия в историографии, посвященной истории культуры населения сарматского времени Северо-восточного Причерноморья, наблюдается устойчивая тенденция роста интереса к особенностям костюмной моды данного периода. Особенно это касается публикаций об одном из видов украшений, характерных как для мужского так и женского костюма – фибулах.

Среди различных категорий археологического материала фибулы традиционно привлекают пристальное внимание. Итоги их подробного изучения давно стали опорой для различных построений, начиная от исследования конкретных археологических слоев, где фибулы, зачастую оказываются единственной основой для дробных датировок, заканчивая реконструкциями этнических, культурных, социальных и прочих аспектов истории.

Металлические застежки-фибулы – категория вещей, чаще других привлекающая к себе внимание исследователей. Такое отношение к ним не случайно. Чутко реагируя на малейшие колебания моды, постоянно изменяясь по форме и стилю и одновременно будучи одним из наиболее распространенных видов украшений, они являются надежными и, пожалуй, наиболее узкими индикаторами, играющими большую роль в вопросах датировки как отдельных памятников, так и целых культур. Углубленное изучение этих изделий лежит в составе хронологии гальштатской, латенской и многих других культурно-исторических общностей.

Римские фибулы в европейской историографии являются предметом исследования с конца XIX в. (Haverfield F., 1903; Almgren O., 1913; 1923; Patek E., 1942; Exner K., 1941; Erice R., 1955; Schőnberger H., 1956; Kenner X., Vetters X., 1961; Kossak G., 1962; Böme A., 1972; Peškař I., 1972; Ettlinger E., 1973; Duval A., 1974; Jobst W., 1975; Lerat L., 1979; Riha E., 1979; 1994; Bojovic D., 1983; Plöskinger E., 1985; Berecz K., 1991; Schleiermacher M., 1993; Luik M., 1997; Rustoiu A., 1997; Demetz St., 1999; Sedlmayer H., 2009; Petrović S., 2010; Todorova S., 2013; Кулаков В.И., 2014; Hellstrőm, 2018 и др.). Длительное изучение многочисленных находок застежек в памятниках на территории провинций Римской империи привело к появлению различных типологий таких украшений (Almgren O., 1923; Patek E., 1942; Erice R., 1955; Böme A., 1972; Peškař I., 1972; Ettlinger E., 1973; Duval A., 1974; Jobst W., 1975; Riha E., 1979; 1994; Rustoiu A., 1997; Sedlmayer H., 2009 и др.).

Основная часть современных отечественных публикаций о фибулах касается в основном территории Крыма и Северного Причерноморья (Амброз А. К., 1966; Скрипкин А. С., 1977; Михлин Б. Ю. 1980; Косяненко В. М., 1987; Щукин М. Б., 1989; Шаров О. В., 1999; Новиченкова Н. Г., 2000; Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2003; Симоненко А. В., 2004; Пачкова С. П., 2006; Кропотов В. В., 2010; Масякин В. В., 2011; Костромичёв Д. А., 2012; Hellstrőm K., 2018 и др.) или территорий прилегающих к Нижнему Подонью с востока и северо-востока (Скрипкин А. С., 1990; 1997; Сергацков И. В., 1999; 2002; 2007; 2009; Мошкова М. Г., 2000; Глухов А. А. 2005 и др.).

Аналогичные же изделия из памятников Северного Кавказа сарматского времени (I в до н.э. – IV в. н.э.) до сих пор не были удостоены столь пристального внимания. Обобщающая работа А. К. Амброза, включившего в свой каталог и фибулы из памятников Предкавказья, была подготовлена более 50 лет назад и ныне серьезно устарела [4]. В отдельных публикациях были проанализированы только застежки, найденные в процессе раскопок некоторых памятников на Таманском полуострове: Горгиппии [15, с. 155–166] и поселения «Волна 1» [5, с. 51–54]. В ряде публикаций представлены сводки находок только из локально ограниченных регионов Предкавказья: Прикубанья, Дагестана и отдельных памятников Северной Осетии [1; 8, с. 221; 14, с. 379, рис. 36; 18].

В ряде статей рассматривались только отдельные типы предкавказских фибул [11; 13; 16; 17;]. В обобщающих работах М. П. Абрамовой отмечены далеко не все застежки из памятников Центрального Предкавказья [2, с. 166–167; 3]. В добротной монографии и последующей статье В. В. Кропотова также учтены далеко не все фибулы из памятников Предкавказья, в том числе не привлекалась их основная часть из коллекции графа Е. Зичи и др. [6; 7, с. 56–86]. В числе последних публикаций следует отметить статью В. Ю. Малашева, посвященную хронологии разновидностей центральнокавказских фибул. В публикации были обозначены некоторые основания для

корректировки хронологии застежек отдельных типов I – первой половины III в. из памятников, исследованных на территории Северной Осетии, Пятигорья и верховьев Кубани [9, с. 225–237]. Однако, и в данном случае речь идет только о части известных находок фибул.

Вместе с тем за последние годы количество известных фибульных находок значительно возросло. Накопился новый хорошо документированный археологический материал, в котором фибулы имеют первостепенное значение для синхронизации древностей всего Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Большая часть изделий имеет крымское происхождение (лучковые подвязные, сильно профилированные и др.). Однако, обращает на себя внимание обстоятельство находок в регионе экземпляров римского провинциального производства. В их числе следует отметить застежки типа «Авцисса», фибулы-броши и отдельные экземпляры редких для Северо-восточного Причерноморья воинских типов. Например, в памятниках на территории Кабардино-Балкарии обнаружены: сильнопрофилированная (Kräftig profilierte Fibeln) одночленная фибула с гребнем на дужке и с опорной пластиной над пружиной (долина Чегема и Баксана – коллекция Е. Зичи), застежки типа «Алезия» (Scharnierbogenfibel Alesia) различных вариантов из погребения 10/2 могильника в урочище Агач-Ара в Чегемском ущелье (исследования П. Г. Акритаса 1960 г.) и долины Чегема и Баксана (коллекция Е. Зичи) [20] и др.

Анализ данных типов застежек указывает в основном на их римско-провинциальное происхождение в I–II вв. н.э. [12, с. 173–198] Видимо, это связано с их массовым поступлением на юг Восточной Европы, в том числе в города Боспора, начиная со второй половины I в. н.э. Затем, из этих центров они завозились по северокавказскому пути (вдоль Кубани) в Центральное Предкавказье [10, с. 80]. Следует предположить и другой вариант их транспортировки в район рек Чегема и Баксана – они были привезены группой сарматов, участвовавших в северо-причерноморских событиях второй половины I в. до н.э., I в. н.э. и европейских событиях конца II – начала III в. (движение германцев и сарматов вдоль границ Дакии – могильники на р. Тиса) [19, s. 108].

Источники и литература

1. Абакаров А. И., Давудов О. М. Археологическая карта Дагестана. – М.: Наука, 1993. – 323 с.

2. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). – М.: ИА РАН, 1993. – 238 с.

3. Абрамова М. П. Римские провинциальные фибулы на Северном Кавказе // Историко-Археологический альманах. – Армавир–М., 1995. Вып. 1. – С. 140–147.

4. Амброз А. К. Фибулы Юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в н.э. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1966. – 113 с.

5. Булах Е. Н., Данилин А. И. Бронзовые фибулы римского времени из раскопок поселения «Волна 1» в 2017 году // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Амавир–Краснодар: НАО «Наследие Кубани», 2019. Вып. 17. – С. 51–54.

6. Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. – Киев: АДЕФ-Украина, 2010. – 384 с.

7. Кропотов В. В. Фибулы юга Восточной Европы сарматского времени (II в. до н.э. – II в. н.э.) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2014. Вып. 14. – С. 56–87.

8. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2004. – С. 221–241.

9. Малашев В. Ю. Хронология некоторых разновидностей центральнокавказских фибул римского времени // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград. Вып. 10. – С. 225–337.

10. Прокопенко Ю. А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – IV в. н.э. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – 315 с.

11. Прокопенко Ю. А. Фибулы среднелатенской схемы из памятников Центрального Предкавказья. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2005. Вып. 1. – С. 106–109.

12. Прокопенко Ю. А. Фибулы I–IV вв. н.э. из памятников Предкавказья (коллекция графа Е. Зичи) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 11. Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. – Армавир – Ставрополь: Печатный двор, 2019. – С. 177–193.

13. Прокопенко Ю. А., Кравцова С. Л. Фибула-брошь с привесками из собрания государственного музея-заповедника (предварительная публикация) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. – Ставрополь: Печатный двор, 2018. Вып. 10. – С. 44–56.

14. Туаллагов А. А. Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). – Владикавказ: СОИГСИ, 2007. – 399 с.

15. Трейстер М. Ю. Фибулы из Горгиппии // Горгиппия. II Материалы Анапской археологической экспедиции. – Краснодар, 1982.

16. Трейстер М. Ю. Колхидские ювелирные изделия V–IV вв. до н.э. за пределами Колхиды // Древности Боспора. – М., 2008. Т. 12, ч. II.

17. Эрлих В. Р. Фибула-брошь из святилища археологического комплекса Псенафа (предварительная публикация) // Древности Западного Кавказа. – Краснодар: ООО РАН «Гранат», 2013.

18. Grabschätze vom Kaukasus. Neue Ausgrabungen sowjetischer Arhäologen in der Adygee und Nőrdlichen Ossetien. Rim, 1991.

19. Istvánovits E. A Felső-Tisza-vidék legkorábbi szarmata leletei – 2–3 századi sírok Tiszavas váriból // A Nyiregyházi Jósa András Múzeum. Évkőnyve XXVII–XXIX (1984–1986). Nyíregyháza, 1990.

20. Zichy J. Kaukazusies kozepziai Vtazasai comte eu gene die Zichy Vogages au Caucaceet en Asie Centrale. Budapest, 1897. T II.

Н. Д. Пчелинцева, Л. Т. Соловьева
(г. Москва)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР И ОБРЯДНОСТЬ ДЕТСКОГО ЦИКЛА У МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ КАВКАЗА *

Комплекс обычаев и обрядов, связанных с рождением и воспитанием детей, занимает важное место в традиционной обрядности любого этноса, ритуализованно оформляя один из ключевых моментов человеческого бытия. Значительная часть обычаев и обрядов детского цикла уходит своими корнями в глубокую древность, что обусловлено консервативностью этой обрядовой системы, связанной с самыми интимными сторонами семейного быта. Вместе с тем детская обрядность, сопровождая общественно значимые явления, непосредственно соприкасается и с общественной сферой. Поэтому изменения в социально-экономической и религиозной сферах непременно затрагивают эту сторону народного быта.

Следует отметить, что детскую обрядность многочисленных народов Кавказа, несмотря на их различную этноязыковую и конфессиональную принадлежность, отличает наличие множества общих черт. Как для христианских, так и для мусульманских народов характерна значительная архаичность этой обрядности, сосуществование и сочетание в ней языческих представлений с элементами мировых религий.

Приобщение к исламу народов Кавказа было длительным процессом. Исламизация народов Азербайджана и Дагестана завершилась значительно ранее того времени, когда эта религия прочно утвердилась на Северном Кавказе. Соответственно различна и степень проникновения ислама в традиционную культуру отдельных этносов.

Семья всегда являлась одной из основных ценностей в жизни кавказских народов. Но семья немыслима без детей. Поэтому если через год-два после свадьбы у молодых супругов не было детей, то женщина начинала принимать определенные меры, ибо в отсутствии детей всегда обвиняли жену. В этом случае муж мог развестись с ней или взять вторую жену. Бесплодие женщины часто объясняли сглазом, порчей, происками нечистой силы. В подобной ситуации женщина обращалась за помощь как к магическим средствам и знахарям, так и к мусульманским священнослужителям и святыням. В Дагестане бесплодную женщину знахари водили на кладбище, где совершали намаз и читали заклинание, по возвращении домой ее сажали на решетчатый табурет, под которым курились «чудодейственные» травы.

В Азербайджане на кладбище Ельбаба (Шекинский р-н) женщина проносила сверток, имитирующий запеленутого ребенка, под корнями священного дерева и давала обет в случае рождения ребенка принести жертву на этом же кладбище. У азербайджанцев Шемахи бесплодная женщина пила воду, в которой растворяли землю, привезенную богомольцами с могилы пророка Магомеда, а у кубанских адыгов – настой растений, привезенных из Мекки, именно с того места, где ступала нога пророка. В Хасавьюрте (Дагестан) бездетная женщина трижды перешагивала через мертвую собаку, читая при этом молитвы, принятые при намазе. Имели распространение и ритуальные омовения. В частности, азербайджанцы для этих целей пользовались священной чашей «джам» или «гырхачар» (сорок ключей), привезенной из Мекки и часто хранившейся в мечети. У многих

народов было принято давать обет, если родится ребенок, каждый год во время Курбан-байрама приносить в жертву барана. Повсеместно были распространены амулеты – молитвы, записанные на бумаге и зашитые в ткань или кожу, которые носили на себе бездетные и беременные женщины [6, с. 39–40; 9, с. 28–39; 10, с. 280].

Роды у большинства народов, о которых мы говорим, происходили в доме мужа, но у карачаевцев и некоторых народах Дагестана (лакцы, тиндалы, отдельные группы аварцев, андийцы) женщина рожала первого ребенка у своих родителей [4, с. 256; 3]. Если в семье умирали новорожденные дети, то иногда роженица на время очередных родов уходила в дом своих родственников или соседей. Для того, чтобы обеспечить благополучные роды и не допустить в комнату роженицы нечистую силу, на пороге клали в качестве оберегов различные металлические предметы – шашку, топор, лемех, в комнате оставляли золотые или серебряные предметы, а также ртуть, которым приписывали охранительные свойства. У народов Дагестана при тяжелых родах роженицу заставляли дуть в сосуд с узким горлом, клали на войлок и раскачивали, давали пить воду из панциря черепахи или воду, скопившуюся в углублении священного камня (пира), одеждой женщины, родившей двойняшек, или священным «посохом шейха», хранившемся в мечети, проводили по животу роженицы. У абазин, аварцев и других народов открывали замки, раскрывали ножницы, стреляли во дворе, у ногайцев муж трижды перешагивал через роженицу, а у ворот поднимали страшный шум; в Дагестане в мечети раскачивали деревянную кафедру, с которой читали молитвы. У всех народов обращались к мулле, который изготавливал талисман: писал отрывок из Корана на бумаге, которую потом обмывали в воде, а воду давали выпить роженице [5, с. 170; 1, с. 174].

У большинства народов Кавказа существовал обычай укладывания младенца в колыбель, в котором, как правило, принимали участие только женщины. Нередко спрашивали муллу, какой именно день выбрать для этого ритуала. У чеченцев перед этим собирались старики и молились о здоровье и благополучии ребенка. Чтобы защитить ребенка от сглаза, порчи, нечистой силы, в колыбель клали Коран или записанные на бумаге молитвы, вешали на нее разнообразные амулеты.

Нередко обряд первого укладывания в колыбель совпадал с имянаречением. Значительную часть именника этих народов составляли имена, связанные с мусульманской религией. Особой популярностью пользовались такие имена, как Магомед и Фатима (Патимат). Так, у даргинцев и аварцев именем Магомед нередко называли двух сыновей (их звали Магомед Большой и Магомед Маленький). Случалось, что ребенку в возрасте до 2–3 лет меняли имя, если он часто болел. В этом случае обращались за помощью к мулле: тот зажигал 3 свечи, каждую нарекал именем и наблюдал, которая дольше горела; или же писал на бумаге разные имена и смотрел, на какое из них укажет ребенок. Такие имена, как Магомед и Фатима, менять не полагалось.

Особыми ритуалами сопровождались такие события, как первая стрижка волос, первое обрезание ногтей, первый шаг и появление первого зуба. Обычно это сопровождалось приготовлением особых ритуальных блюд и раздачей их соседям в виде садака. Нередко в семье в эти дни совершали жертвоприношение (курманлык), сопровождавшееся молением. Первые срезанные волосы могли хранить в Коране (чтобы ребенок рос умным). У абазин, если ребенок болел, то часть этих волос несли к мулле, который после соответствующих молитв делал амулет, который вешали на колыбель или на шею ребенка [1, с.175–176; 4, с. 258; 5, с. 171–172].

У всех народов, исповедующих ислам, обязательным являлось обрезание – суннет. У некоторых бытовала традиция женского обрезания (чеченцы, андо-цезские народы, некоторые группы аварцев). Имея общую религиозную основу, сопровождавшая суннет обрядность отличалась региональной спецификой. У отдельных народов обрезание сопровождалось многолюдным празднеством, поэтому у азербайджанцев этот день называли суннет-той или кичик-той (маленькая свадьба), у грузин Аджарии – суннет-дугуни (свадьба). У большинства народов Северного Кавказа это событие носило узкосемейный характер [7, с. 100; 8, с. 72; 9, с. 35].

Большую роль играли обычаи и обряды, направленные на охрану жизни и здоровья матери и новорожденного. Если в семье один за другим умирали дети, азербайджанцы Дагестана и терекеменцы перед началом траурных дней Ашура надевали на ребенка черный халатик. Если мать или ребенок заболевали в период сорокадневья, в Дагестане собирали ключи от 40 домов, клали их в миску и наливали туда 40 ложек воды, прочитав над каждой ложкой суру Корана; этой водой окропляли заболевшего каждую среду в течение трех недель. Азербайджанцы в этом случае приговаривали: «Рука моя, а воля Аллаха» [6, с. 39; 2, с. 283–284].

Как свидетельствуют представленные материалы, обрядность детского цикла у мусульманских народов Кавказа испытала существенное влияние традиций и норм ислама: древние ритуалы

сопровождались исламскими молитвами; в различных обрядах участвовали священнослужители; в качестве оберегов использовались мусульманские реликвии и т.д. Однако ни в одной области детской обрядности проникновение мусульманских традиций не привело к полному вытеснению древних верований. Так, наряду с Кораном в качестве оберега использовали и другие амулеты растительного и животного происхождения. Мусульманские священнослужители, как правило, использовали в своей деятельности и элементы местных традиционных верований. Поэтому даже такие мусульманские обряды, как суннет, в результате длительного взаимодействия с местными верованиями вбирали в себя их элементы и обретали определенную локальную специфику.

Источники и литература

1. Абазины: Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1989. – 240 с.

2. Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы (XIX – начало XX в.). – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. – 216 с.

3. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1985. – 358 с.

4. Карачаевцы: Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1978. – 336 с.

5. Ногайцы: Историко-этнографический очерк. – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1988. – 232 с.

6. Пчелинцева Н. Д. Народные обряды и поверья, связанные с охраной здоровья ребенка у азербайджанцев // Полевые исследования Института этнографии. 1983. – М.: Наука, 1987. – С. 38–44.

7. Пчелинцева Н. Д., Соловьева Л. Т. Этнокультурные традиции и семейно-родственные взаимоотношения в полиэтничных регионах Грузии // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация. Научный сборник, посвященный памяти Г. А. Сергеевой. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 91–111.

8. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая половина XIX – XX в. – М.: Наука, 1983. – 264 с.

9. Соловьева Л. Т. Материалы по обрядности детского цикла у грузин Аджарии // Полевые исследования Института этнографии. 1983. – М.: Наука, 1987. – С. 29–38.

10. Хасбулатова З. И. Семья и семейная обрядность чеченцев в XIX – начале XX века: Историко-этнографическое исследование. – М.: ИИУ МГОУ, 2018. – 432 с.

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии.

И. Х. Тхамокова
(г. Нальчик)

МУСУЛЬМАНЕ В СОСТАВЕ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

О терских казаках написано множество научных работ, однако о службе мусульман в Терском казачьем войске известно немногое, о них вскользь упоминали некоторые авторы, и в их работах нередко встречаются ошибки. Задача поэтому заключается в том, чтобы проверить и дополнить имеющиеся сведения о терских казаках-мусульманах, постараться найти ответы на вопросы о том, когда и как они появились, в каких станицах жили, сколько их было в разные периоды истории.

Точных сведений о том, когда появились в терских и гребенских городках казаки-мусульмане, не сохранилось. Известно, что в XVII в. к казакам уходили жители Кабарды, Дагестана, другие мусульмане. Однако вопрос о том, удавалось ли им сохранить свою религию, живя среди казаков-христиан, остается открытым. Точно известно, что некоторые из мусульман, попав к казакам, принимали христианство. В XVIII в. казаки писали о том, что к ним «выходят из гор и с прочих мест из плену разных вер люди и принимают веру греческого исповедания…» [Цит. по: 6, с. 11].

При городе Терки жили мусульмане – «окочане», кабардинцы и др., однако, вопреки мнению многих авторов, они не были казаками, ни один документ XVII – начала XVIII в. их так не называет. Они составляли особую группу населения города и служили под началом кабардинских князей [18, с. 121]. В XVIII в. некоторые из их потомков действительно стали казаками. Командовал

ими кабардинский князь Эльмурза Черкасский (Бекович). Он был братом Александра Бековича, погибшего во время похода в Хиву. Однако, в отличие от своего брата, Эльмурза постарался уклониться от принятия христианства, хотя этого добивался от него Петр I. После смерти царя планы обращения Эльмурзы в православие были отложены на неопределенное время [8, с. 250–251], а затем о них, видимо, забыли. Он остался мусульманином до конца жизни. С 1727 г. Эльмурза командовал «нерегулярными аульными и переведенными с Терка окочанями, козаками и протчими» [3, с. 42]. В его подчинении оказались не только мусульмане, жившие у крепости Святого креста, а затем при Кизляре, но также и казаки-христиане.

В. Н. Татищев, знаменитый историк и астраханский губернатор, полагал, что «християном под властию оных магометан быть неприлично» [11, л. 28 об.], однако Эльмурзе удалось не только сохранить свою должность, но и сделать блестящую карьеру, дослужиться до чина генерал-майора. Тем не менее, при всех своих успехах полным доверием властей он все же не пользовался. В 60 гг. XVIII в. «в помощь» Эльмурзе был назначен офицер регулярной армии – секунд-майор Аникеев [5, с. 464]. По мнению кизлярского коменданта Потапова, это было необходимо «к примечанию за генерал-майором яко чужестранцем» [5, с. 472].

После смерти Эльмурзы терско-кизлярским войском командовал его сын Темирбулат, тоже мусульманин, но впоследствии на эту должность назначались уже только христиане. Среди них был и Александр, другой сын Эльмурзы, принявший христианство еще при жизни своего отца [13, л.158, 167; 14, л. 176; 15, л. 474; 16, л. 181–188].

Мусульман, служивших под началом Эльмурзы, было очень немного – всего 25 человек в 1744 г. [11, л. 22 об.]. Власти поощряли переход казаков-мусульман в православие. В 1758 г. «нерегулярного войска кизлярские казаки Илья Батырев да Яков Нажин за службы их и за восприятие веры греческого исповедания награждены по тому войску хорунженскими чинами»[12, л. 15]. По той же причине и казак Федоров получил чин хорунжего [12, л. 21].

В начале XIX в. численность мусульман в составе казачества увеличилась. В 1808 г. жившие в Кизляре казанские татары подали прошение о зачислении их в терско-кизлярское казачье войско. Их предки были «толмачами» в русской армии во время персидского похода. Император «повелеть соизволил означенных татар 38 человек к терскому кизлярскому казачьему войску причислить…» [17, л. 1–1 об., 3].

В декабре 1823 г. Александр I утвердил документ, согласно которому Терско-кизлярское войско (которым когда-то командовал Эльмурза Черкасский) было выселено из Кизляра в отдельную станицу, и к нему присоединялись «окоченские татары» «в числе 351 души, кои прежде принадлежали к Терскому войску, но впоследствии…остались непричисленными ни в какой класс людей, платящих подати» [7, с. 1302]. Утверждение, что эти «окочане» когда-то служили в Терском войске, не подтверждается никакими документами. Но после 1823 г. они действительно превратились в казаков. Мусульмане стали составлять значительную часть населения станицы Кизлярской. У них были в этой станице 4 мечети [23, л. 3 об.].

В соответствии с тем же самым документом 1823 г., в станицу был преобразован также и Бабуков аул, а его «жители Абазинцы и Кабардинцы, живя с 1783 г. на земле георгиевских казаков и не отправляя доныне никакой службы и повинности, должны поступить в состав сего полка по примеру собратий их 85 человек, в казаки уже записавшихся» [7, с. 1302]. Это также увеличило численность казаков-мусульман.

Рядом со станицей Георгиевской проживала небольшая группа переселенцев, состоявшая из абазин, адыгов и представителей других народов. В конце XVIII в. их предки, «избегая рабства и отыскивая свободу от своих владельцев, поселились на основании Всемилостивейше обнародованной прокламации в 1780 году, которою разрешалось принимать только тех из них, кои примут христианскую религию, на основании чего многие из них разселены на Кавказе и зачислены в казачье сословие, в том числе и Абазинцы станицы Георгиевской зачислены в казаки в 1799 году» [20, л. 93–94].

В начале XIX в. они жили в Чурековских хуторах недалеко от станицы Георгиевской. Но кроме христиан среди них появились и мусульмане. По материалам И. Дебу, «Абазинцов, принявших Христианский закон и оставшихся в Магометанском законе» было всего 108 человек» [2, с. 67, 80–81]. Со временем все они стали мусульманами: «живя отдельно особым поселком от Русских, и имея под рукой Бабуковский аул, а в нем и все обряды магометанства, Абазины, не укоренив за собою Православия, легко и скоро оставили эту веру» [20, л. 93–94].

Мусульмане появились и в старых терских станицах, куда переселили казанских татар, служивших в русской армии на Кавказе, а затем оказавшихся у Шамиля, а также пленных «тавлинцев», т.е. дагестанских горцев. Еще в 1819 г. к станице Бороздинской «были приписаны выведенные генералом Ермоловым из гор беглые солдаты, из казанских татар; в 1837 году сделано тоже с плененными тавлинцами генералом Фрезе…» [1, с. 4].

В 1861 г. в гребенские станицы переселили еще одну группу казанских татар, которые служили когда-то в русской армии, а затем попали к Шамилю: в станице Шадринской разместили 18 семей, в Новогладковской – 28 [22, л. 7]. В станице Новогладковской в 70-е гг. XIX в. татары составляли 9% населения, они входили в состав казачества, и у них была там своя мечеть [19, с. 241, 242, 250].

В последние годы Кавказской войны и после ее окончания началось сокращение численности казаков-мусульман в Терском казачьем войске. В октябре 1860 г. был принят указ «О упразднении Бабуковской станицы Кавказскаго линейнаго казачьяго войска с предоставлением жителям оной из горских выходцев водвориться в Большой Кабарде»[9, с. 164]. Бабуковцы неоднократно подавали прошения об отчислении их из казачьего войска. Кавказская администрация, в свою очередь, считала их «неблагонадежными». К середине 1861 г. все жители станицы Бабуковской покинули ее [21, л. 41]. В 1867 г. из состава казачества исключили также и абазин, живших при станице Георгиевской, они тоже переселились в Кабарду [20, л. 77–114].

После неоднократных прошений казаков станицы Кизлярской, в 1870 г. был принят указ о ее упразднении. Ее жители-мусульмане вошли в состав Кизлярского городского общества [10, с. 1].

Численность казаков-мусульман в результате этого значительно сократилась. Но все же казаки-мусульмане жили еще в станице Новогладковской и в некоторых других станицах. В 1888 г. среди казаков Терского казачьего войска было 625 мусульман (0,4 %) [4, с. 283].

Численность казаков-мусульман в составе терского казачества достигла максимума в 20–50 гг. XIX в., т.е. в период наиболее ожесточенных военных действий на Кавказе. Командование русской армии стремилось тогда всеми возможными способами увеличивать численность казачества. После окончания Кавказской войны численность казаков-мусульман снова сократилась. Многие из них не хотели быть казаками, а командование больше не видело необходимости в их службе.

Источники и литература

1. Бутова Е. Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее – СМОМПК). В. 7. – Тифлис: Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. Гражд. Частью, 1889. – С. 3–156.

2. Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. – СПб.: тип. К. Крайя, 1829. – 464 с.

3. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. – М.: Изд. Акад. Наук, 1957. Т. 2. – 424 с.

4. Краткое географическо-статистическое описание Терского казачьего войска // Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске / Сост. А. Ржевуский. – Владикавказ: Тип. Терского обл. Правления, 1888. – С. 279–287.

5. Материалы Екатерининской законодательной комиссии. Т. X // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 115. – М.: Тип. М. Меркушева, 1903. – 546 с.

6. Михайловский Г. Исторические сведения о расколе среди терских (гребенских) казаков в XVIII столетии. – Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1877. – 27 с.

7. Полное собрание законов Российской империи (Далее – ПСЗРИ). Собрание 1. Т. 38. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Вел-ва Канц, 1833. – 1354 с.

8. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726-1730 гг. / под ред. Н. Ф. Дубровина. Т.1. Февраль-июль 1726 г. // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 55. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходов, 1886. – 503 с.

9. ПСЗРИ. Собрание 2. Т.35. Ч.2. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Вел-ва Канц, 1862. – 634 с.

10. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 45. Ч.2. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Вел-ва Канц, 1974. – 639 с.

11. Российский государственный военно-исторический архив (Далее – РГВИА). Ф. 13. Оп. 1/107. Св.71. Д. 1.

12. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 108. Д. 42.

13. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 124. Д. 27.

14. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 124. Д. 28.

15. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 143. Д. 58.
16. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/110. Св. 176. Д. 8.
17. РГВИА. Ф. 13. Оп. 3/111. Св. 183. Д. 30.
18. Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. док. / Выявление, сост., введ., коммент. Е. Н. Кушевой. – М.: Изд. Вост. лит., 1997. – 415 с.
19. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. – Владикавказ: Тип. Терского обл. Правления, 1881. – 470 с.
20. Центральный государственный архив КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 50.
21. Центральный государственный архив РСО-А (Далее ЦГА РСО-А). Ф. 13. Оп.1. Д. 12.
22. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп.1. Д. 57.
23. ЦГА РСО-А.Ф. 13. Оп. 1. Д. 1541.

Т. М. Шавлаева
(г. Грозный)

ДУХОВЕНСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ ЧЕЧНИ ЧЕБЕРЛОЙ: ЖАБРАИЛ НАХЧКЕЛОЕВСКИЙ

В последнее время возрастает интерес к отдельным личностям, которые сыграли определённую роль в духовной жизни общества. Жизнь таких людей, как правило, наполнена и радостными, и горестными событиями, но, в любом случае, они оставались людьми высокой нравственности, поэтому могут служить ярким примером в воспитании подрастающего поколения. К таким личностям относится известный богослов и философ Гудихаджиев Жабраил (по кличке Бабба), который родился примерно в 80-ые годы 19 века в чеченском селе Нахч-кела нижнего Чеберлоя, семье коренного жителя – ГIуди-хаджи.

Мы попытались разобраться, какие особенности чеченского общества того времени, какие обстоятельства способствовали тому, что в далёком горном селе сформировалась такая незаурядная личность, каким был Джабраил-мулла.

Семья будущего богослова имела хорошую репутацию и принадлежала к уважаемому местному роду, ответвлению «ХIинус гар». Мать Жабраила была родом из соседнего общества ДIай.

Экономическое положение семьи было удовлетворительное, так как все трудились в домашнем хозяйстве. Село Нахч-кела находилось в сравнительно благоприятных географических условиях, но жизнь в горах требовала большого трудолюбия. Жители села занимались скотоводством, земледелием, промыслами. Во всей округе славились местные пчеловоды.

Духовная жизнь села также заметно отличалась. В Нахч-кела были одна мечеть и пять молельных комнат. До революции 1917 года 14 нахчкелоевцев совершили хадж в святую Мекку. Одним из них был отец Жабраила, совершивший пеший хадж и заслуживший большое почтение. ГIуди-хаджи отличался трудолюбием, а пасека его пользовалась доброй славой, потому что хозяин пасеки был очень щедрым: в доме оставлял столько кувшинов мёда, сколько нужно было для семьи до следующего медового сбора, а остальные отдавал на «сагIа». Вот в такой трудолюбивой семье с глубокими духовными традициями родился и вырос Жабраил.

Во время хаджа в Мекку отец Жабраила подружился с паломником из Бухары. Будучи в гостях у ГIуди-хаджи, приятель оказал благотворное влияние на Жабраила, что вскоре отец решил отправить его учиться в Бухару, где он проучился 7 лет. Вскоре Жабраил, говорят, разочаровался в своих знаниях, когда не смог ответить на вопрос мутаалима из Дагестана, и дал себе слово не возвращаться домой до тех пор, пока не овладеет знаниями так глубоко, что сможет ответить на вопрос любой сложности. Недолго думая, он отправился учиться в Турцию. Учился Жабраил с перерывами, но учился всю жизнь, у разных богословов: Бухары, Турции, Дагестана, Египта. Изучению исламской религии, в общей сложности, посвятил 43 года, из них 18 лет обучался в Турции, несколько лет – в Египте. Владел 13 языками, особенно хорошо знал арабский, тюркский, таджикский русский и аварский языки.

В жизни и деятельности Жабраил придерживался строгих принципов. К примеру, жил и учился на те средства, что зарабатывал лично сам честным трудом. Позволял себе питаться только пищей, добытой собственным потом. Ему часто приходилось наниматься работником, чтобы продолжить проживание и обучение в другой стране.

У своего Устаза, учителя, обучался до тех пор, пока тот не говорил: «Всё, я передал тебе все знания, которыми владею».

Не считал, что овладел знаниями до тех пор, пока ими не овладевали ученики. Таким образом он подготовил около 40 мутаалимов. Ученикам часто напоминал: «Делайте то, что я говорю, а не то, что я делаю», намекая на то, что он тоже не святой. Часто любил повторять известное с времён Конфуция Золотое правило. Как-то один из жителей села обвинил Жабраил-муллу в том, что он мало читает проповеди, указывающие им верный путь. Ответ богослова был лаконичным: «Не делай другим того, чего не желаешь себе. Вот тебе самый праведный путь».

Отношение старших к Жабраилу было уважительное. Однажды его отец послушал своего сына и понял, что сын усвоил глубокие знания, и остался очень довольным. В следующий раз, когда находился в мечети, старец встал, когда зашёл его сын. Удивлённые односельчане не знали, что и подумать, а один из его ровесников спросил: «ГIуди-хаджи, ты что себе позволяешь, ты где видел, чтобы у чеченцев вставал отец, приветствуя сына?». Тогда ГIуди-хаджи гордо ответил: «Я встал не с почтением своего сына, а с почтением тех знаний, которые он носит в себе!»

Говорят, в то время, когда Жабраил постигал вершину науки, в Чечню приехали представители религиозной элиты из Аравии. По этому поводу в Шатое прошло большое собрание богословов, на котором выступил и молодой Жабраила. Когда Жабраил закончил свою краткую, содержательную речь, слово попросил один старейший богослов родом из Дагестана и сказал: «Чеченцы, вы этого никогда и не скажете, но я скажу. Послушав Жабраила, мне показалось, что из двадцати восьми букв, которыми написаны строки Священного Корана, я знаю только три буквы». Эти слова почтенного человека поняли по-разному, одни услышали в них упрёк в том, что чеченцы не знают и не ценят своих талантливых людей, а другие посчитали, что старец отметил характерную чеченцам черту – не возносить никого и не унижать никого, независимо от того, каким он является, – гениальным или слабоумным.

Известные теологи Дагестана, Бухары, Турции переписывались с Жабраилом, обсуждая актуальные вопросы религии.

Обращает на себя внимание одна важная деталь: старшие, уважая младших, хвалили их. Младшие почитали старших, стараясь быть похожими на них. Между этими социальными группами не было конфликта и конкуренции, что, в общем-то, характерно для восточной культуры. Сейчас в нашем социуме и религиозной общине наблюдается несколько другая картина.

Жабраил был человеком мужественным. О его бесстрашии перед смертью свидетельствует то, что во время эпидемии в хуторе Чубахкенорой он не избегал контактов с больными, в частности, читал над ними молитвы, совершал омовение покойников.

Он всегда занимал правильную гражданскую позицию. В хуторе Чубахкинарой в своё время был шариатский суд, председателем которого был избран Гудихаджиев Джабраил, заслуживший уважение за свойственную ему справедливость. В одно время работал в правительстве небезызвестного Узун-хаджи. Сохранилась фотография, на которой находятся Узун-хаджи с младшей женой, старшими сыновьями и другими товарищами, среди которых и Жабраил.

Будучи человеком таким неординарным, вместе с тем, он был простым земным человеком со своими слабостями, которых он даже не скрывал. Как свидетельствует полевой материал, Жабраил курил табак, отдавая предпочтение некрепкому сорту, привезённому из Турции. Отсюда становится ясным, что тяга к табаку у него появилась во время учёбы в Турции. Жабраил не советовал другим увлечение табачными изделиями, но, факт, сам он курил и по этому поводу никогда не оправдывался.

Как известно, в Священном Коране запрещается всё вредное здоровью человека и окружающим его людям, а также отвратительное на запах со стороны (Коран, 7:157). Современники Джабраила отмечали, что его табак был особого аромата, никто из присутствующих не испытывал отвращение к этому запаху. Такой табак также не приносил вред здоровью. Мой информатор защищает богослова и считает: «От мужчины, если даже он мулла, должен идти мужской запах, отличающийся от бабского!».

Известный богослов Суип-мулла Гайсумов из села Шали, на вопрос односельчанина, можно ли следовать примеру Жабраила-муллы, ответил так: «Жабраил знает, что делает. Его знания, молитвы и деяния таковы, что во стократ покроют некоторые погрешности, если они даже имеются. Курить, потому что курит Жабраил, я тебе не советую».

Задолго до смерти, ещё дома в Нахч-кела, Жабраил курить бросил, а произошло это весьма драматично. Вечером неожиданно выяснилось, что закончился табак, как ни странно, не оказалось его и в запасном мешочке. Озадаченный таким поворотом дела Жабраил некоторое время провёл в раздумье, а в итоге принял решение больше никогда не прикасаться к табаку, если в эту ночь не подвернётся сигарета. Ушло время за полночь, вдруг кто-то постучал в окно его комнаты. Жабраил быстро вышел во двор, встревоженный поздним беспокойством, и увидел перед собой путника из Дагестана, которому надо было переночевать. Жабраил любезно пригласил его в дом, но гость сказал, что он не один. «Тогда заводи своего товарища тоже», – сказал хозяин дома. «Это не товарищ, а полная телега с табаком, который я везу на базар, надо телегу загнать во двор», – ответил гость. Жабраил улыбнулся и сказал про себя: «Ну, шайтан, как же ты ко мне пристал..., этой ночью последний раз, но дальше у тебя ничего не выйдет», и добавил: «Желающий покурить так сильно, как я этой ночью, пусть не останется без табака!» И со следующего дня бросил курить навсегда.

У Жабраил было 2 жены, от которых имел много детей - 6 сыновей и 6 дочерей. Вторую жену взял после того, как родилась третья дочь, озабоченный рождением одних девочек.

В 1940 году любимого первенца, Нурмагомеда, призвали служить в Советскую Армию, вскоре он оказался на войне, а семья Жабраила – на чужбине, испытывая все невзгоды спецпереселенцев. Однажды в кругу своих соплеменников он сказал, что из всех членов его большой семьи в живых не останется никто, кроме одного Нурмагомеда, который сейчас на войне, а все остальные останутся лежать здесь, в чужом краю. «Он вернётся, и придёт он во-о-н с той стороны. Только одна к вам большая просьба, когда будете уезжать домой на Родину, не оставляйте его здесь, он будет сопротивляться», – и указал пальцем на одну из дорог, ведущей к селу. «Бабба, и ты не останешься в живых? – растерянно спросил один из присутствующих. «И я не останусь», – был ответ. Предсказание сбылось с удивительной точностью. Последний ребёнок в семье Джабраила, младший сын, умер в возрасте 9 лет. А старшего, уже единственного, сына Нурмагомеда Жабраил так и не увидел. После демобилизации Нурмагомед долго не мог найти родных, а когда нашёл, отца уже не было, как и не было в живых ни одного члена из их большой семьи.

Когда чеченцам разрешили вернуться на историческую родину, Нурмагомед заявил родне о своём твёрдом решении не ехать на Кавказ: «Зачем мне туда, куда домой? Все мои близкие – родители, братья и сёстры – похоронены здесь, и я останусь здесь». «Мы не удивились твоему решению, ведь мы о твоём решении знали намного раньше тебя, нам Бабба сказал.., но он очень просил нас не оставлять тебя здесь одного, очень просил...», – с волнением сообщил соплеменник Амирханов Нани, похоронивший в своё время Жабраила. Нурмагомеду пришлось изменить своё решение. Так сбылось второе предсказание Жабраила.

Будучи в ссылке, Жабраил с семьёй проживал в Восточно-Казахстанской области, которая отличалась резко континентальным климатом: жаркое лето сменялось суровой зимой, а для переселенцев с Кавказа такой климат был непривычным. Тёплой одежды и обуви не было, изнурительный голод, инфекционные болезни безжалостно косили несчастных.

Жабраил умер в Казахстане 1946 году, похоронен на казахском кладбище в селении Изатулла Бородулихинского района той же области. На могиле богослова стоит скромный памятник из камня – чурт. Жабраил не был сторонником роскоши и пышных церемоний, он приветствовал во всём соблюдение меры, допускаемой в исламе.

Три года назад могилу своего славного деда посетил внук Хасан Нурмагомедович Жабраилов.

Спустя несколько лет после возвращения, совершенно случайно Нурмагомед узнал о том, что семьёй Жабраила-муллы интересовался один пожилой дагестанец. Оказывается, он приезжал в Грозный и спрашивал, знают ли они, где остановилась семья муллы из Нохч-киела. Он заявлял, что хочет вернуть его наследникам религиозную литературу своего учителя, которую, спасая, вывез в Дагестан. На вопрос, много ли там экземпляров, ответил, что они занимают одну комнату небольшого размера. К сожалению, в эти годы все были заняты обустройством своего быта, забот было предостаточно, не догадались взять у него подробную информацию. Дальнейшие поиски этого человека результатов не дали.

Нурмагомед работал на различных должностях в хозяйственной сфере. Умер в 2005 году в возрасте 85 лет. За несколько дней до своей смерти Нурмагомед поделился с сыном Хасаном одной тайной, которую долго хранил в сердце: «ВаллахIи, мой отец Бабба был эвлия! – повторил он три раза, – в 1944 году, когда я воевал на границе Румынии, мой отец был рядом со мной, я всё время чувствовал его присутствие. Сколько было случаев, когда я реально должен был погибнуть, но всегда чудом оставался живым».

У Нурмагомеда было 9 детей, из них 4 сына, а это значит, что у Жабраила-муллы есть много прямых наследников. Наследники Жабраила-муллы, многочисленные родственники и соплеменники гордятся богословом и свято чтят его память.

В 2016 году в родовом селе Гудихаджиева Жабраила – Нохч-киела, хуторе ЦIиндо, куда позднее переехала его семья из хутора Инкот, в рамках Программы увековечивания памяти выдающихся духовных лидеров установлен памятный камень с надписью: «На этом месте находился дом, где проживал с 1885 года по 1944 года видный мыслитель и теолог Ислама Джабраил-мулла (Бабба) Нохчикелоевский».

Источники и литература

Полевые материалы автора (информации старожилов, фотоматериалы, видеоматериалы), 2018 г.

О. И. Шафранова
(г. Ставрополь)
Л. А. Головашева
(г. Ставрополь)

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ КАВКАЗА В ТРУДАХ АБХАЗСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ *

Фольклорная традиция автохтонных этносов Кавказа отличается значительной жанровой дифференциацией и длительным историческим бытованием отдельных форм, претерпевших значительную структурную и содержательную эволюцию. Кавказский фольклор является значимым историческим источником, позволяющим реконструировать как архетипические черты повседневной жизнедеятельности генетических носителей, так и оригинальные характеристики реальных социально-экономических, политических и культурных явлений. Системное исследование легендарного прошлого региональных этнических групп позволяет также выявить базовые маркеры, определяющие современные идентификационные характеристики, складывавшиеся в предшествующий период. В контексте гендерного ракурса исследовательской практики значительный интерес представляют женские образы, занимающее особое место в устном народном творчестве.

Современное научное знание опирается на интегрированный опыт предшествующего изучения конкретных проблем, обращаясь к анализу не только спорных и нерешенных вопросов, но и доминирующих трендов интеллектуального творчества в пространственном и временном измерении. Применительно к избранной проблематике интересным объектом для системного изучения представляется абхазская историографическая традиция, связанная с комплексным анализом общекавказских и местных фольклорных памятников.

Научное исследование абхазского фольклора в региональном пространстве берет начало в фундаментальных трудах Д. И. Гулиа, являвшегося не только блестящим писателем, но и настоящим ученым энциклопедистом, достигшим весомых результатов в различных областях гуманитарного знания [5]. Исследовательские принципы, заложенные блестящим знатоком этнической культуры, получили развитие в известных работах Ш. Х. Салакая, Ш. Д. Инал-ипа, Л. Н. Акаба, З. В. Анчабадзе, Х. С. Бгажба, К. С. Шакрыл, А. А. Аншба, осветивших различные аспекты длительного генезиса, внутренней структуры и содержательного наполнения отдельных фольклорных памятников [13]. В советский период региональная фольклористика развивалась на основе постоянного вовлечения в научный оборот многообразных материалов полевых исследований,

осуществлявшихся профессиональными специалистами Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что соответствующая исследовательская практика традиционно имела междисциплинарный характер, интегрируя интеллектуальный потенциал и эмпирический материал профессиональных историков, филологов, этнографов и лингвистов. Огромное значение для специальных исследований имели академические публикации абхазского фольклора, включавшие не только общеизвестные нартские сказания, но и народные сказки, песни, пословицы [2]. В целом, необходимо признать, что в рассматриваемый период был заложен мощный фундамент для системного изучения региональной фольклорной традиции, отличающейся значительной сюжетной широтой и жанровым разнообразием.

В постсоветскую эпоху, неразрывно связанную с последовательным становлением независимого абхазского государства, местная фольклористика продолжила качественное развитие, органично используя современные методологические подходы к комплексной интерпретации привлекаемого эмпирического материала. Указанный тренд наиболее ярко проявился в фундаментальных исследованиях З. Д. Джапуа, сформировавшего органичную концепцию системной эволюции региональной версии нартского эпоса, учитывающую языковые и культурные особенности архаических сказаний и принципиальные возможности интеллектуальной интерпретации генетически сложных текстов [6].

По справедливому мнению большинства местных ученых, абхазо-адыгские версии нартского эпоса характеризуют наиболее архаические черты общественного устройства (отсутствие социального и имущественного неравенства, богоборческие мотивы, ведущая роль женщины-матери – мать 100 братьев и одной сестры Сатаней Гуаша), а также ведущую хозяйственную роль индивидуальной охоты и традиционного скотоводства. Эпические нарты совершают бесконечные длительные походы и ведут ожесточенную борьбу с мифическими существами, но контекстуально указанные явления опосредованно характеризуют определенные стадии системного развития потестарных социумов. В частности, Ш. Х. Салакая и А. А. Аншба относят хронологические границы начального этапа системного генезиса нартского эпоса не только за традиционные пределы аланской военной демократии (конец 1 тыс. до н.э.), но и за рубежные датировки кобанской культуры (конец II – начало I тыс. до н.э.) [12].

В историографической традиции сложилось устойчивое представление о том, что абхазская версия рассматриваемых героических сказаний отразила три крупнейшие эпохи, причем дифференцированные сюжеты возникли на различных этапах исторического развития первобытного общества [11, с. 91]. В нартском эпосе женские персонажи наделены традиционными добродетелями, обладая полным набором положительных общечеловеческих качеств – мудростью, смелостью, силой духа. В рассматриваемом контексте обычная женщина является одновременно заботливой и любящей матерью, воспитывающей достойных сыновей родной земли, и верным другом окружающих мужчин, помогающим разгадывать природные тайны и предотвращать коварные происки врагов. В абхазских нартских сказаниях центральное место занимает признанная родоначальница Сатанэй-Гуаша, мудрая, вечно молодая красавица, играющая первостепенную роль в повседневной жизни большой матриархальной общины [14].

Важные вопросы, относящие к практической жизнедеятельности рассматриваемого общества, решаются на общем собрании – нихасе. Формально местных женщин не допускают к традиционному мужскому занятию, однако, настоящим лидером парадоксальным образом является Сатанэй-Гуаша, выступающая в функциональной роли «эпического «князя»[8]. С личным авторитетом «нартской матери» не может сравниться ни один окружающий мужчина, включая собственного мужа в менее архаичных адыгских и осетинских версиях общекавказских героических сказаний. В абхазском варианте Сатаней-Гуаша производит на свет всех известных нартов, имеющих единственную сестру Гунду. Одновременно она является важнейшим участником хозяйственной деятельности традиционной общины, предполагающей постоянный созидательный труд. Ярким и образным выражением указанной функциональной роли можно признать трудовую песню Сатанэй-Гуаши, в которой она, проводив в очередной поход взрослых сыновей, сделала мощную прялку из громадного дерева и изготовила шерстяную одежду для большой семьи:

«Когда утром встала Сатаней-Гуаша,
Акуном принесенные круги шерсти тысячи овец, Сатаней-Гуаша,
Обвела вокруг левой руки, Сатаней-Гуаша.

Пятою своей толкнув, Сатаней-Гуаша,
Подняла, повертела и в прялку превратила, Сатаней-Гуаша ...» [1].

Традиционным элементом историографической традиции является компаративистский анализ, демонстрирующий реальную корреляцию географически и хронологически дифференцированных сюжетов и образов. В частности, в абхазской версии восхитительный вид прекрасного тела Сатанэй-Гуаши заставляет неосторожных лодочников разбиваться о коварные мели (как и аналогичное пение немецкой Лорелеи), а невнимательных пастухов – терять драгоценные стада [10]. Более того, во всех национальных вариантах нартских сказаний потрясенный пастух оплодотворяет массивный камень на противоположном речном берегу, из которого рождается сказочный богатырь Сосруко (Сосрыко, Созырко, Сослан, Сасрыква). Аналогичным образом в хетто-хурритском эпосе бог Кумарби порождает каменного богатыря Улликумми, а в иранских мифах рождаются Митра и его сын. В данном контексте следует согласиться со справедливым замечанием З. Д. Джапуа о том, что в известных сказаниях о необычном рождении Сосруко, Улликумми и Митры можно допустить общую основу [7].

Важным объектом исследовательской практики абхазских ученых является и специфический образ «фольклорной сестры», играющей весомую роль в семейном коллективе. В нартском эпосе наряду с легендарной матерью Сатаней-Гуашей присутствует Гунда Прекрасная, обладающая близким набором женских, личных и социальных достоинств [1]. Профильный сюжет повествует о том, что озлобленные жены эпических богатырей хотели погубить ненавистную соперницу, но небезосновательно опасались мужского гнева из за любого вреда, причиненного любимой сестре. В итоге разочарованные нарты создают новые семейные союзы, изгнав прежних подруг, стремившихся разрушить братскую любовь. В исторической песне о легендарном нарте Сосруко также встречаются одновременно яркие образы почитаемой матери и любимой сестры, которые поочередно предостерегают великого героя от опасного похода за призрачной славой [9]. Профессиональные исследователи отмечают и то существенное обстоятельство, что принципиальная идея неизменного уважения к местной женщине прослеживается во всех стадиальных сегментах нартского эпоса, переплетаясь с традиционными представлениями матриархального общества [4].

В целом следует признать, что в абхазской историографической традиции, посвященной этническому фольклору, значительное внимание уделялось гендерной сюжетно-образной дифференциации. В рамках предшествующей исследовательской практики были подробно проанализированы женские образы, неразрывно связанные не только с повседневной жизнедеятельностью, но и реальными социальными процессами, развивавшимися в синхронно функционирующей общественной среде. Подобный подход позволил не только реконструировать характерные особенности индивидуального и группового поведения абхазских женщин, но и определить значимые аспекты ролевого и статусного характера, определяющие реальное положение выделенной гендерной группы в общей эволюции рассматриваемого социума. В избранном контексте местный фольклор следует признать важным историческим источником, имеющим не только иллюстративное значение, но и самостоятельный эпистемологический потенциал.

Источники и литература

1. Абхазские народные сказки. – М.: «Абгосиздат», 1957 – 135 с.

2. Абхазские народные сказки. – Сухум: «АбНИИК'а», 1939. – 156 с.; Абхазские народные сказки. – М.: «Абгосиздат», 1957. – 135 с.; Абхазские песни. – М., 1957; Абхазские сказания. Сухуми, 1961; Абхазские сказки и легенды. – М., 1994; Абхазские сказки и пословицы. – Сухум, 2002.

3. Абхазские сказания. – Сухуми, 1961. – С. 87.

4. Бгажба Х. С. Об абхазском героическом эпосе // Труды АбНИИЯЛИ. Вып. 26. Сухуми, 1955. – С. 62.

5. Гулиа Д. И. Абхазские пословицы, загадки и скороговорки. – Тифлис, 1907. (на русском и абхазском языках); его же. Божество охоты и охотничий язык у абхазов. Сухум, «Абгиз», 1926. – 85 с; его же Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов и омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров. – Сухуми: «Абгиз», 1939. – 164 с.

6. Джапуа З. Д. Абхазский нартский эпос. Система сюжетов. Поэтика. Стиль. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 1989 – 19 с.; Его же Нартский эпос абхазов: сюжетно-тематическая и поэтико-стилевая система. – Сухум: «Алашара», 1995. – 184: его же: Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле (Систематика и интерпретация текстов. Тексты, переводы, комментарии). – Сухум: «Алашара», 2003 – 376 с.; его же Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле (Систематика и интерпретация текстов в сопоставлении с кавказским эпическим творчеством). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 2004. – 49 с.

7. Джапуа З. Д. Нартский эпос о чудесном рождении героя на границе миров // Известия СОИГСИ. Литературоведение и фольклористика. 2014. № 11. – С. 86.
8. Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. – Сухуми: Изд-во: «Алашара», 1977. – 200 с.
9. Когония В. А. Этюды по абхазскому фольклору и литературе. – Сухум: Изд-во: «АбИГИ», 2014. – 404 с.
10. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. – М., 2004. – С. 192.
11. Салакая Ш.Х. Абхазский народный героический эпос. – Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1966. – 91 с.
12. Салакая Ш. Х. Абхазский нартский эпос. – Тбилиси: «Мецниереба», 1976; его же. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, «Мецниереба», 1966. – 91 с.; Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. – Сухуми: Изд-во: «Алашара», 1977. – 200 с.; его же. Абхазский героический эпос // Литературная Абхазия. 1958. №2; Акаба Л. Н. Из мифологии абхазов. – М., 1972; Анчабадзе З. В. История и культура Древней Абхазии. – М., 1964; Бгажба Х. С. Об абхазском героическом эпосе // Труды АбНИИЯЛИ. Вып. 26. – Сухуми, 1955; Шакрыл К. С. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. История и этнография. Т. 4. Майкоп, 1965; его же Труды. Статьи и очерки по вопросам абхазского языка и фольклора. – Сухуми: «Алашара», 1985; Аншба А. А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса. – Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1970; его же. Абхазский фольклор и действительность. Тбилиси: «Мецниереба», 1982 – 182 с.
13. Салакая Ш. Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси. Изд-во «Мецниереба», 1976; его же. Абхазский народный героический эпос. – Тбилиси: Изд-во «Мецниереба»,1966; Аншба А. А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса. – Тбилиси «Мецниереба», 1970; его же. Абхазский фольклор и действительность. – Тбилиси: «Мецниереба», 1982.
14. Шакрыл К. С. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. История и этнография. Т. 4. – Майкоп, 1965.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНА в рамках научного проекта № 19-59-40001.

В. Ю. Щербаков
(г. Ростов-на-Дону)

ПОТОМКИ ВЫХОДЦЕВ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ: ДЖЕМ ОЖДЕМИР

Федеративная республика Германия является мультукультурным, многонациональным государством, на территории которого проживают десятки этнических групп самого разного происхождения. Одним из таких этносов являются черкесы. Следует отметить, что само наименование «черкесы», стало скорее собирательным и относится практически ко всем выходцам из Турции северокавказского происхождения. Турецкие власти объединяют под понятием «черкесы» всех представителей черкесской группы языков – черкесов, абхазов, адыгов, а также зачастую и представителей нечеркесских кавказских народов [12]. В современной Турции проживает более 2 000 000 человек, чьи предки переселились туда во второй половине XIX в. после окончания Кавказской войны. Наиболее крупными общинами являются абазинская и абхазская, кроме того, имеются значительные этнические группы чеченцев, осетин, карачаевце, балкарцев, лезгин, кумыков и т.д. Начиная с 1960-х гг. миллионы турецких гастарбайтеров и членов их семей приезжали в ФРГ и оставались там навсегда. Среди них были и черкесы, которые живут преимущественно в турецких кварталах крупных немецких городов на западе Германии. Начиная со второй половины 1960-х гг. черкесы начинают создавать этнические объединения с целью «сохранить на чужбине свои традиции, обычаи и культуру» [3]. Точное количество черкесов в Германии неизвестно. Представители черкесских землячеств называют цифру в 10 000 человек, живущих, впрочем, не только в ФРГ, но и в Австрии, Голландии, Бельгии, Швейцарии и Люксембурге [2]. По другим данным, на территории ЕС проживают до 40 000 черкесов, 10 000 из них – в Германии [9, с. 10]. Наиболее известным черкесом – потомком выходцев из Турции является Джем Ождемир, который представляет собой

своеобразный символ успешной интеграции эмигрантов в немецком обществе и образец для подражания. Сын гастарбайтера Ождемир родился 21 декабря 1965 г. в городке Бад Урах и в 1983 г. стал гражданином Германии. В 16 лет он вступил в партию «зелёных», где сделал головокружительную карьеру, отстаивая интересы мигрантов. В 1994 г. Ождемир был избран в немецкий парламент и занимал там должность секретаря фракции Союз 90/ «Зелёные» по внутриполитическим вопросам. Он стал первым депутатом турецкого происхождения подобного уровня. Одновременно он стал первым депутатом бундестага, идентифицирующим себя в качестве черкеса. В 1998 г. Ождемир снова прошёл в немецкий парламент. Однако, во время избирательной кампании 2002 г. этот «перспективный политик» оказался замешан сразу в двух финансовых скандалах. Вначале выяснилось, что в ещё в 1999 г., остро нуждаясь в деньгах, «анатолийский шваб», как называют в немецкой прессе Ождемира, взял частный кредит в размере 80 000 марок у скандально известного лоббиста и политического pr-менеджера Морица Хунциргера. Когда это стало достоянием общественности, министру пришлось уйти в отставку. На фоне этого скандала ситуация с Ождемиром накануне выборов в Бундестаг выглядела особенно неприглядно. Кредит был выдан под 5,5 % годовых, в то время как «нормальные» выплаты по кредиту в 1999 г. составляли 9–10 %» [8, с. 3]. Ождемир признал свою ошибку, пожертвовал 5200 евро жертвам пыток и заявил об уходе со своих постов в партии. Обычно на редкость принципиальные в критике политических противников, «зелёные» были растеряны и пытались защищать своего товарища, а один из лидеров партии Фриц Кун отметил, что «Ождемир многое сделал для «зеленой» политики» [7, с. 3]. Однако уже в августе 2002 г. германский политический Олимп потряс очередной коррупционный скандал, в котором оказались замешаны представители практически всех ведущих партий, в том числе и «анатолийский шваб». Известная авиакомпания «Люфтганза» продавала Ождемиру билеты на свои рейсы со значительной скидкой. Дело в том, что величина этих скидок зависит от количества и дальности полётов. Ождемир летал много, и скидки были приличные. Всё бы ничего, но бонусы накапливались во время служебных полётов, а использовались им уже в личных целях. Немецкая политическая культура весьма щепетильна в финансовых вопросах и не прощает подобных «ошибок». Однако Джем Ождемир не повторил судьбу многих оскандалившихся немецких политиков, в том числе и «зелёных», которым в результате этого и подобных скандалов пришлось покинуть политическую сцену. Уже в 2003 г. на деньги «Немецкого фонда Маршалла» он отправляется в Вашингтон на стажировку, после чего, как ни в чём ни бывало, возвращается в Германию и в 2004 г. становится депутатом Европарламента от партии «зелёных». В 2008 г. Ождемир совместно с Клаудией Рот избирается сопредседателем партии Союз 90/«Зелёные». С трибуны Бундестага Ождемир выступает в качестве проводника интересов Турции и турецкой общины ФРГ. В частности, Ождемир не раз выходил с инициативой придания турецкому языку статуса второго государственного в Федеративной республике, призывает за вхождение Турции в ЕС. Впрочем, с другой стороны «анатолийский шваб» время от времени допускает выпады против политики официального Стамбула, поддерживая турецкую оппозиции.

По отношению к России ведущий политик «эко-партии» занимает достаточно жёсткую позицию, что, скорее, вызвано черкесским происхождением его предков. События Кавказской войны и 1864 г. он называет исключительно «геноцидом черкесского народа» [11]. Ождемир поддерживает организации и инициативы черкесского меньшинства в Европе, в частности он принимал участие в обсуждении проблемы «воссоздания Черкесского государства на Северном Кавказе» [4]. В 2011 г. Джем Ождемир резко выступил против присуждения В. В. Путину немецкой премии «Квадрига», заявив, что в его понимании, эта премия должна присуждаться людям, сделавшим что-то особенное для демократии и её продвижения, а «Владимира Путина он не видит в этой роли» [6].

Во время подготовки к проведению зимней олимпиады в Сочи, лидер партии «зелёных» неоднократно высказывался против, заявляя о исторической несправедливости по отношению к черкесскому народу, на местах древнего проживания которого и кровавых трагедий прошлого будут проводится спортивные мероприятия. На выставке в Гамбурге, посвящённой судьбе черкесов, «зелёный» политик заявил, что «Москва должна воспользоваться возможностью, чтобы критически переосмыслить собственной прошлое»[5]. Ождемир поддержал другого представителя черкесской диаспоры в Германии Гюлай Гюн (Gülay Gün), заявившую: «То, что игры будут проводится в Сочи, для нас явилось жестоким ударом в лицо» [10]. На съезде партии зелёных в Дрездене, проходившем во время открытия зимней Олимпиады в Сочи, Джем Ождемир вновь выразил сожаление о том, что главное спортивное мероприятие 2014 г. проводится в Сочи и в России.

В июне 2016 г. германский Бундестаг принял резолюцию о признании геноцида армян в Османской империи. Одним из тех, кто проголосовал за это решение был Оздемир: «То, что в прошлом мы стали соучастниками этого ужасного преступления, не может означать, что сегодня мы становимся соучастниками отрицателей.(...) Мы никого не хотим клеймить. Мы хотим воодушевить тех, кто задает вопросы» [1]. Эта позиция, которая сделала его противником официального Стамбула, несомненно напрямую связана с проводимой им идеей признания геноцида черкесов в России.

Оздемир является автором книг «Карривурст и дёнер – интеграция в Германии», «Я – гражданин» и «Турция, политика, религия, культура». Он соучредитель и активный деятель ряда организаций, таких как «Фонд Теодора Хойса», «Европейский совет по международным отношениям», «Немецко-турецкого форума Штуттгарта» и т.д. В течении десяти лет избирался одним из соруководителей партии «зелёных». В 2017 г. Оздемир вновь был избран депутатом Бундестага от «эко-партии». В начале сентября 2019 г. «анатолийский шваб» начал борьбу за пост лидера фракции Союза 90/ «Зелёных» в Бундестаге.

Разумеется, большинству проживающих в Германии турок или черкесов никогда не достичь положения и влияния Джема Оздемира, хотя всё больше выходцев из Малой Азии занимают значимые позиции в бизнесе и политике ФРГ. Однако, добившись власти и влияния, они прежде всего выступают в качестве представителей интересов турецкой общины в Германии и в конечном счёте – Турции. Это относится и к Оздемиру. Зачастую он вспоминает о своём черкесском происхождении только в качестве обоснования неприязни к России.

Источники и литература

1. Cem Özdemir: Heute nicht zu Komplizen der Leugner werden Электронный ресурс].URL: https://www.tagesspiegel.de/politik/(дата обращения:18.09.2019).

2. Diaspora. Tscherkessischer Kulturverein e.V. Köln [Электронный ресурс].URL: http://www.tscherkessen-koeln.de/verein/historie.htm(дата обращения:10.09.2019).

3. Historie. Tscherkessischer Kulturverein e.V. Köln [Электронный ресурс].URL: http://www.tscherkessen-koeln.de/verein/historie.htm(дата обращения:10.09.2019).

4. Hoppe H.-J. Die Tscherkessen- ein unbekanntes Volk erwacht/[Электронный ресурс].URL: http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/Die-Tscherkessen-ein-unbekanntes-Volk-erwacht/20111009/(дата обращения: 11.06.2013)

5. Meisner M. Grünen-Chef Özdemir setzt sich für die Tscherkessen ein[Электронный ресурс].URL: http://www.tagesspiegel.de/politik/vor-olympia-in-sotschi-gruenen-chef-oezdemir-setzt-sich-fuer-die-tscherkessen-ein/9337792.html(дата обращения: 11.06.2013)

6. Özdemir verlässt Quadriga-Kuratorium [Электронный ресурс].URL: http://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2011-07/quadriga-preis-putin/(дата обращения: 11.06.2013)

7. Schwarz P. Zu wenig Kraft// Tageszeitung. 27/28 Juli, 2002.

8. Seldmayr S. Ein Freund für alle Fälle//Tageszeitung. 23 Juli, 2002.

9. TSCHERKESSEN: Kriegsflüchtlinge aus Syrien. Rückkehr in den Nordkaukasus. Proteste gegen die Winterolympiade in Sotchi 2014 [Электронный ресурс].URL: https://www.gfbv.de/fileadmin/redaktion/Reporte_Memoranden/2012/Tscherkessen-Memorandum__November_2012.pdf(дата обращения:14.09.2019).

10. Tscherkessen wurden durch den russischen Zar vertrieben [Электронный ресурс].URL: http://www.gruene.de/themen/buergerrechte-demokratie/sotschi-tscherkessen-fordern-aufarbeitung-ihrer-eigenen-vertreibung.html(дата обращения: 11.06.2013)

11. Völkermord an Tscherkessen: Cem Özdemirs halbherzige Vergangenheitsbewältigung[Электронный ресурс].URL: https://nex24.news/2016/06/die-die-tscherkessen-cem-oezdemirs-halbherzige-vergangenheitsbewaeltigung/ (дата обращения:18.09.2019).

12. Черкесский вопрос в Турции [Электронный ресурс].URL: https://kurdistan.ru/2011/03/23/articles-9611_CHerkesskiy_vopros_v_Turcii.html(дата обращения:18.09.2019).

Секция 4

Интеграция Северного Кавказа в российскую политическую, экономическую и социокультурную систему в XVIII–XIX в.

М. Ш. Абаева
(г. Пятигорск)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЗАВИСИМЫХ СОСЛОВИЙ В БАЛКАРИИ И КАРАЧАЕ

Карачаевцы и балкарцы являются близкородственными народами схожими по языку и культуре, однако различие мест проживания, влияние соседей, сформировало особые этносы, которые сегодня живут в различных субъектах РФ. Сложившиеся в веках отличия имеют свою историю, но реальные черты они обрели в эпоху либеральных реформ, когда по воле кавказской администрации братские народы оказались в различных административно-территориальных регионах: Балкария в Терской, а Карачай в Кубанской области.

Проблема освобождения крестьян в России была решена в 1861 году, но она не затронула народы Северного Кавказа, поскольку Кавказская война еще полыхала на Северо-Западном Кавказе, и затрагивать болезненный для горских владельцев вопрос было опасно.

В решающую фазу работа по подготовке освобождения горцев вошла в 1866 году, когда в Тифлисе был создан специальный Комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа, под председательством генерал-адьютанта А. П. Карцова

Основой для освобождения зависимых сословий как в Кабарде, так и в горских обществах Балкарии явилась докладная записка кабардинских и балкарских князей от 8 августа 1866 года [1, с. 662–665]. В ней предлагалось провести социальное освобождение в соответствии с нормами адата, которые предусматривали определенные, достаточно высокие размеры вознаграждения при продаже зависимых и рабов. В Кубанской области, где весной 1867 года также началось обсуждение условий освобождения крепостных крестьян представители владельческого и крестьянского сословий также сошлись на том, что в соответствии с нормами тау адета свобода должна была быть выкуплена за определенный выкуп, уплачиваемый деньгами или отрабатываемый.

По данным Н. Ф. Грабовского, основания, на которых в итоге было решено приступить к освобождению крестьян в горских обществах Балкарии заключались в следующем: движимое имущество было разделено на 3 части: (земля, сакли и прочие постройки пополам) из которых две поступали в пользу владельца, и в таком случае холоп освобождался без денежного выкупа, или из имущества, включающего и землю, выделялась владельцу часть, соответствующая, по оценке, выкупной плате за семейство, и потом остальное имущество делилось на 2 части: одна поступала владельцу, а другая холопу. Людям же, совершенно не имущим назначалась выкупная плата, по оценке не превышающая 200 рублей на душу. Эту плату холопы обязаны были отработать владельцу в течение 6 лет, причем годовой труд был оценен от 10 до 50 рублей, в соответствии с возрастом и здоровьем освобождавшихся [2, с. 3].

В итоге зависимые сословия горских обществ окончили свое освобождение обоюдным соглашением на следующих условиях: «В обществе Урусбий чагары получили 1/3 земли и половину имущества; в Чегеме 1/3 земли и половину имущества и уменьшенную выкупную плату; в Хуламе и Безенги 1/3 земли и имущество без выкупной платы; в Балкарии половину земли, 1/3 имущества без выкупной платы. Почти все малолетние и старики были освобождены бесплатно» [3, л. 72 об.]. Единственным послаблением, сделанным для чагар было то, что раздел земли не допускался, если у чагара было ее только по одному пахотному и покосному участкам, которые наравне с домашней утварью и домом оставались непременно в его владении [3, л. 70].

Об этом свидетельствуют и архивные материалы. К примеру, Чагар владельца из Балкарского общества Касбулата Абаева вдовец 100 лет Даут Уянов с семьей из 7 душ при освобождении из имущества в 9 штук крупного рогатого скота, 60 баранов, 9 пахотных загонов, 10 покосных загонов, 3 казаков, 2 саклей, 1 гумна отдал владельцу 4 штуки крупного рогатого скота; 60 баранов, 3 казаков, 4 загона пахотной земли, 4 покосных загона и саклю [4, л. 14–14 об.]. Чагар владельца из Безенгиевсого общества Давлетгирея Суншева Геурги Кулакова 40 лет с семейством из 7 душ при освобождении из имущества в 3 штуки рогатого скота, 1 ишака, 61 барана, 4 пахотных загонов, 6 покосных загонов, 1 дома, 2 конюшен, 1 ружья отдал владельцу 2 коров, 41 барана, 1 ишака, 3 пахотных загона, 4 покосных загона и 2 конюшни. Сверх этого был наложены выкупы на Геурги в 150 рублей, жену его в 20 рублей, которые они обязывались уплатить в 2 года, а также на старшую дочь в 20 рублей, который должны были уплатить при ее выходе замуж из калыма [4, л. 15–15 об.].

В Карачае же крестьяне отдавали своим владельцам половину своего имущества и земли, в тех случаях, когда они ее имели [5, с. 28].

Мужчины и женщины низшего сословия карачаевского общества – башсызкулов – домашних рабов, должны были заплатить за свое освобождение 200 рублей. Юльгюлюкулы – лично зависимые крестьяне, с 18 до 35 лет платили по 200 рублей за свое освобождение, с 36 лет цена за каждый год снижалась на 15 рублей [5, с. 28].

Если юльгюлюкулы были вправе выбрать способ уплаты выкупной суммы, то башсызкулы обязаны были лишь отработать ее. Они обязаны были работать на владельцев 6 дней в неделю, а во время покоса или уборки и более.

Но, на наш взгляд, крестьяне горских обществ, в сравнении с карачаевскими крестьянами, находились в более тяжелом положении, так как отдавали своим владельцам во всех обществах кроме Балкарского при освобождении 2/3 своей земли, а не половину как в Карачае.

По данным Е. Г. Муратовой, в результате реформы от 1 июня 1867 года по Горскому участку куда входили все балкарские общества было освобождено 4207 зависимых [6, с. 326].

В Карачае по одним данным было освобождено 2462 человека, по другим 2806 человек. Расхождение в цифрах объясняется тем, что часть крестьян и владельцев, заключивших добровольные сделки, позже расторгли их, и заключила новые при помощи мирового посредника, так как старые условия не устраивали одну из сторон [5, с. 30].

Коснемся данных о численности, а также процентном соотношении сословий карачаевцев и балкарцев в период освобождения зависимых. По данным В. П. Невской в 1865 г. карачаевцев насчитывалось 13461 человек [7, с. 17]. По данным Ислама Тамбиева, в 1863 году из 16010 душ карачаевцев 160 душ составляли бии (около 1 %), 12930 душ уздени (80,7 %) и 2930 душ зависимые сословия (18,3 %) [8, с. 90–91].

Что же касается Балкарии то по данным Е. Г. Муратовой из 9108 жителей Горского участка, куда входили все балкарские общества – 363 являлись таубиями (около 4 %), 4722 – каракишами (51,8 %), 4023 – холопами (44,2%) [9, с. 405].

Из этого мы можем сделать вывод что, несмотря на численное превосходство населения Карачая в сравнении с населением горских обществ численность зависимых сословий в Балкарии была выше. Узденьское же сословие было более многочисленно в Карачае. В Карачае оно составляло большинство населения и в 4 раза превышало численность зависимых. В горских обществах же численность зависимых сословий практически совпадала с численностью узденей. Их численность была лишь немногим выше численности зависимых.

После освобождения зависимых сословий в пяти горских обществах из освобожденных чагар и казаков и других образовалось 408 безземельных дворов. Для наделения их землей в урочищах Кашкатау и Генделен в 1877 году было решено выделить 4000 тыс. десятин земли. В Кашкатау – 800 десятин и в Генделене – 3200 десятин [10, л. 5–6].

В Карачае же для наделения землей безземельных крестьян администрация Кубанской области в 1868 году выделила 40 тыс. десятин по рекам Кубань, Мара, Теберда и Джегута. 26 тысяч десятин было выделено между реками Кубанью и Кумой, а 14 тысяч по реке Теберде, где издавна стояли карачаевские коши.

Из этого следует, что в Карачае для освобожденных от зависимости было выделено земли в 10 раз больше, чем в Балкарии, хотя их численность в горских обществах превышала численность зависимых в Карачае.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что условия освобождения зависимых сословий в горских обществах Балкарии были более тяжелыми, чем в Карачае. Несмотря на то, что выкупные суммы практически не отличались, крестьяне горских обществ находились в более тяжелом положении, так как отдавали по условиям выкупа своим владельцам во всех обществах кроме Балкарского, при освобождении 2/3 своей земли, а не половину как в Карачае. Кроме того, в Карачае для освобожденных от зависимости было выделено земли в 10 раз больше чем в Балкарии, хотя численность их в Балкарии была выше чем в Карачае. Узденьское же сословие было более многочисленно в Карачае. В Карачае оно составляло большинство населения и в 4 раза превышало численность зависимых. В горских же обществах численность зависимых сословий практически совпадала с численностью узденей. Их численность была лишь немногим выше численности зависимых.

Источники и литература

1. Докладная записка выборных Большой и Малой Кабарды и горских обществ от 8 августа 1866 г. начальнику Терской области об освобождении зависимых сословий в Кабарде за выкуп на основании взаимных между феодалами и зависимыми крестьянами соглашений // История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева. Сборник статей и документов. / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г. Х. Мамбетова. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – С. 662–665.

2. Грабовский Н. Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // ССКГ. – Вып. 3. – Тифлис, – 1879. – Отд. IV. – С. 1–28.

3. Центральный Государственный Архив Республики Северная Осетия-Алания (далее ЦГА РСО-А). Ф. 12, Оп. 6, Д. 1279.

4. ЦДНИ КБР Ф. 25. Оп. 1. Д. 3.

5. Невская В. П. Карачай в пореформенный период / под ред. д-ра ист. наук А. В. Фадеева; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1964. – 224 с.

6. Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 420 с.

7. Невская В. П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период). – Черкесск: Кар.-Черк. кн. изд-во, 1960. – 160 с.

8. Тамбиев И. Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае // Революция и горец. – 1932. – № 4. – С. 85–103.

9. Муратова Е. Г. Балкарские общества в контексте Российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX века): Дисс. … д-ра. ист. наук: 07.00.02; [Место защиты: Каб-Балк гос. ун-т им. Х. М. Бербекова]. – Нальчик, 2006. – 564 с.

10. ЦГА КБР Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 95.

Т. В. Беликова
(г. Ставрополь)

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПОДАТНОГО ИНСПЕКТОРА НА СТАВРОПОЛЬЕ

30 апреля 1885 г. в Российской империи был принят закон об учреждении должности податных инспекторов. В стране возникла система податных присутствий с 15 января 1885 г., в которых председательствовал податной инспектор. В Ставропольской губернии назначение податных инспекторов состоялось 16 июля 1888 г., 1 октября того же года в Кубанской и Терских областях, находившихся в введении Ставропольской казенной палаты, которой подчинялась податная инспекция [4, лл. 67, 112–113].

В функции податного инспектора входили: надзор за доходностью подлежащих обложению торгов и имуществ, за размерами доходов, раскрытие укрывательства и умаления доходов, наблюдение за поступлением сборов, участие в раскладке поземельных сборов, налогов с городских имуществ. Причем функциональные обязанности податных инспекторов с течением времени расширялись. Они дополнялись ответственностью за сборы и других видов налогов. Учреждение новой должности в системе налоговых органов проходило по инициативе министра финансов Н. Х. Бунге и связано было с модернизацией всей системы налогообложения: переходом от подушной системы прямого налогообложения к подоходному принципу с прогрессивной шкалой, а также и модернизацией промыслово-торговых сборов с целью не только увеличить поступления в казну, но и создать систему налогообложения, которая носила бы более справедливый характер, учитывая реальные доходы населения. Необходимость реорганизации налоговой системы остро ощущалась уже давно. Эта реорганизация шла на протяжении и предшествующего времени, что дало определенную базу, возможность учесть предшествующий опыт как положительный, так и существовавшие недочеты. Коллегиальная форма налоговой администрации была подлинно эффективна, объединяла интересы фиска с экспертизой общественных деятелей и депутатов-налогоплательщиков [6].

С 15.01.1885 г. вводились новые «Правила об обложении торговых и промышленных предприятий», по которым предусматривалось взимать помимо основного налога по уплате гильдейских свидетельств дополнительный сбор: процентный и раскладочный. Реорганизация уплаты промыслового налога предполагала более справедливое налогообложение, учитывавшее доходы предприятий. Согласно правил, общая сумма раскладочного сбора определялась «законодательным порядком» на три года и ее распределяли между губерниями и областями соразмерно с уровнем развития в них промышленности и торговли, а затем разверстывалась внутри губернии между торгово-промышленными предприятиями. Кроме того, взимался и процентный сбор в размере 3% с «чистой прибыли» предприятий, обязанных представлять отчетность, включающую данные о годовом обороте и прибыли, и публиковать ее [7, с. 10].

Следует отметить, что в состав податных присутствий предусматривалось включать как членов общего присутствия Казенной палаты, так и налогоплательщиков. Подобный состав должен был учитывать интересы не только казны, но и населения, платящего налоги, благодаря чему стремились добиться более справедливого взимания налогов с населения [7, с. 11]. Все отчеты должны были тщательно проверяться и податное присутствие имело право «по незначительности оборотов и другим» причинам освободить от уплаты раскладочного сбора, однако сумма раскладочного сбора распределялась между «прочими налогоплательщиками». Четко были установлены сроки подачи и рассмотрения возражений, прописана процедура рассмотрения возражений и фиксации принятых решений [7, с. 12].

6 июля 1885 г. на основании новых правил от 15.01.1885 г. об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным раскладочным сбором Ставропольское Губернское Податное присутствие осуществило раскладку по Ставрополю и Ставропольскому уезду. Сбор был установлен в размере 42000 руб. и распределен им между уездами «сообразно развития в них торговли и промышленности» [2, л. 4]. Промысловый налог состоял из основного (выбор свидетельств) и дополнительного: налог с капиталов по 15 коп. со 100 руб. Если прибыль составляла не больше 3 %, то налог с прибыли не уплачивается. Уплате промыслового налога подлежали все предприятия: торговые, промышленные, подряды, поставки, посреднические сделки [1, с. 181].

Ставропольский материал позволяет выявить существовавшие проблемы, одной из которых являлась несвоевременная подача журналов о поверке торговли. Так, Ставропольская Казенная палата сообщала, что из числа «волостных правлений» в 1864 г. лишь от одного был получен журнал, некоторые правления не составляли подобного журнала по той причине, что торговля, как они считали, «производилась правильно». Казенная палата требовала произвести поверку до конца года через избранных лиц и определяла взыскания в отношении лиц, нарушавших правила [5, лл. 13–13 об.].

Журнал генеральной поверки включал сведения о наличии свидетельств на торговлю и промышленность (билеты), акцизные свидетельства, годовой оборот и прибыль, наличие торгово-промышленных заведений, откуда поступает товар, принадлежность купцов и мещан к определенному городу [3]. Казенной Палатой в 1884 г. была проведена генеральная поверка торговли и промыслов. Сведения были поданы 14 мая 1884 г. в Ставропольское уездное податное присутствие. Согласно этим сведениям 201 человек уплатил гильдейские пошлины. Оборот предприятий составлял 11 685 602 руб., а прибыль равнялась 731 466 руб. Уездное податное присутствие пришло к выводу, что «годовые обороты и прибыль по некоторым торговым заведениям не соответствует действительности». Речь шла об их заниженности. Были раскрыты и причины подобного явления. Ряд лиц, выбирая по одному гильдейскому свидетельству, содержали несколько торговых заведений, за каждое из них уплачивая лишь билетный сбор [2, лл. 4об.–5].

Вместе с тем податное присутствие освободило по незначительности торговых оборотов от платежа дополнительного сбора 33 человека, прибыль которых равнялась менее 1000 руб. Это составило всего 12 328 руб. Из-за отсутствия предприятий, прекращения торговли, неверно указанной прибыли (завышенной) было освобождено от уплаты 8 человек [2, лл. 8 об., 9 об.].

К раскладке дополнительного сбора имели отношение и органы местного самоуправления. В частности, Ставропольская Городская Дума, которая объявляла список лиц и сумму раскладки. Эти сведения публиковались в Губернских ведомостях. Со времени публикации в течение месяца можно было подавать возражения согласно ст.18. Правил об обложении торговых и промышленных предприятий. В случае отсутствия возражений Ставропольское губернское присутствие утверждало список лиц и сумму раскладки дополнительного сбора. Если были поданы возражения, все заявления несогласных рассматривались на особом заседании податного присутствия. Так, 25 мая 1885 г. состоялась публикация списков лиц и сумма раскладки в Ставропольских губернских ведомостях. Из 166 человек данного списка 57 подали возражения [2, лл. 10 об.–12 об.].

Интерес представляет анализ некоторых возражений и итоговое решение податного присутствия. Несогласие с раскладочным сбором подал член присутствия М. Попов на том основании, что прибыль от содержания Банкирской конторы и склада составила 35 250 руб. при обороте в 750 000 руб., согласно книги для записи ссуд из Ставропольской Городской Думы. Однако, как оказалось при проверке, ссуды давались под векселя и земли по закладным в расчете от 15 до 24 % прибыли. В результате сумма оборота у М. Попова в реальности значительно превышала суммы, представленные в записях и составляла около 2 млн. руб., что, впрочем, он и сам не отрицал, однако настаивал на том, что при таком обороте прибыль у него все же незначительна – 1/8 коп. на руб. Податное присутствие усомнилось в подобных аргументах, полагая «что ни одно торговое и промышленное предприятие не может существовать при такой ограниченной прибыли» [2, лл. 12 об.–13]. Возражения другого члена присутствия было удовлетворено. У В. Конюхова учли часть умершего брата, неурожаи, которые повлияли на уровень прибыли [2, л. 13].

Вместе с тем обращает на себя внимание и существование прежней проблемы в системе налогообложения. Оценка доходов и прибыли зачастую была не совсем точная. Судить приходилось приблизительно, так как не было более достоверных сведений, кроме числа заведений, рода товара, места нахождения предприятия. Эти основные показатели по аналогии с другими подобными сведениям служили основанием для проверки данных о доходности. При этом присутствие не принимало во внимание ссылки заявителей на имеющиеся у них счета и заметки, так как они могли быть недостоверными, кроме того не было никаких указов, обязывающих податное присутствие принимать эти счета и заметки предпринимателей во внимание. Рассмотрение подобных записок являлось трудоемким делом и бесполезным, по мнению членов присутствия, да и не все плательщики готовы предоставить подобные записки, поэтому и пользовались сравнением торговых оборотов и прибыли с другими лицами, имеющими подобного рода торговые заведения,

поэтому во многом раскладка зависела от «добросовестности плательщика» [2, лл. 14 об.–15 об.]. В соответствии с этими подходами члены присутствия не приняли возражение опекуна сирот Макаровых о том, что нет у него никакого производства. Журнал о поверке торговли в селении Новогригорьевском показал, что у него кроме склада, были 2 питейных заведений и ссыпка, годовой же оборот составлял 26 500 руб., а не 400 руб. как значилось в списке Казенной Палаты [2, лл. 16–16 об.].

В итоге, накануне 26 июня 1885 г. от уездного податного присутствия было подано отдельное мнение М. Попова, Алафузова, В. Конюхова и еще 57 возражений плательщиков, недовольных раскладкой. Весь дополнительный сбор был равен 18 421 руб. Лишь некоторые возражения были удовлетворены, следовательно, сбор с них был либо снижен, либо отменен, и разложен на остальных, поэтому составили новую раскладку, исходя из размера 2 % с каждого рубля прибыли, но из этой суммы не были исключены расходы по торговле, которые составляли 2/3 от всей суммы. Так прибыль от всех торгово-промышленных предприятия составляла не более 300 000 руб. в год, поэтому при распределении на эту сумму 18 421 руб. на каждый рубль приходилось более 6 % налога, поэтому податное присутствие приходит к выводу, что налог является «обременительным по незначительности торговых оборотов». В качестве причины незначительности торговых оборотов указывается и последствия «повсеместного неурожая». В итоге лиц, обложенных налогом, было 155 человек.

Таким образом, ставропольский материал позволяет дополнить картину, раскрывающую необходимость введения новой системы налогообложения и органов, осуществляющих контроль за ее исполнением, позволяет выявить существовавшие проблемы при введении и функционировании института податных инспекторов. Институт податных инспекторов, несмотря на существовавшие трудности в осуществлении своей деятельности, в определенной степени мог учитывать интересы и возможности податного населения.

Источники и литература

1. Адрес-календарь. Торгово-промышленная справочная книга «Ставропольская губерния». – Ставрополь: Типография В. В. Беркъ-Северный Кавказ, 1901.

2. Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК). ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 1452.

3. ГАСК. Ф. 459. Оп. 1. Д. 2111.

4. ГАСК. Ф. 459. Оп. 1. Д. 2425.

5. ГАСК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 904.

6. Кравцова Е. С. Модернизация налоговой системы России: 1885–1917 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Курск, 2010.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 5: 1885: От № 2643-3435 и Дополнения. СПб., 1887.

Д. С. Васькина
(г. Ставрополь)

КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В конце XVIII в. большинство казаков-калмыков было переселено на линию Кизляр-Моздок для защиты южных границ России. По распоряжению Г. А. Потемкина терские калмыки были приписаны к Моздокскому казачьему полку, образованному из переселенных сюда волжских калмыков Яндыковского улуса [2, с. 229].

В первой половине XIX в. перед царским правительством встает вопрос о переселении калмыков, проживающих на Тереке. В мае 1839 г. доклад Департамента военных поселений, составленный на основании просьбы самих калмыков, получил одобрение царя, который наложил на нем резолюцию «утверждаю». По официальным данным, к этому времени, в Моздокском полку было зарегистрировано 952 человека обоего пола, не считая кумских.

19 апреля 1850 г. по предписанию Военного министерства к откочевавшим калмыкам был назначен пристав из полковых офицеров с годовым жалованием 123 руб. серебром. Первая часть группы содержала караул при Можарской и Гадукской соляных заставах, вторая вносила деньги за скот в полковую сумму. Из этих средств производилась оплата приставу. Ежемесячно терские калмыки посылали в караул двух соляных застав по 21 и 10 человек [3, с. 329].

По данным 1853 г. численность калмыков Моздокского полка составляла всего 2916 человек, из которых 1253 человека (680 мужчин), кочующих на астраханских землях, а на войсковых – 1663 человека из них 810 мужчин. Хуторские калмыки занимались рыболовством, ежегодной добычей соли на маджарских и гайдукских соляных озерах, а также торговлей овцами на ярмарке в станице Наурская.

Во второй половине XIX в. казачье руководство не удовлетворяла разобщенность войсковых калмыков, существовали различные мнения по поводу дальнейшего их устройства. Так, наказной атаман Круковский являлся сторонником сохранения общности калмыков, принадлежащих к Моздокскому полку, но, с другой стороны, хотел оставить их на прежнем положении и правах до времени введения гражданского устройства среди кочевых инородцев Ставропольской губернии. В связи этим, штаб Кавказского военного округа вновь поднял вопрос о переселении хуторских калмыков в Ставропольскую губернию при условии, если они согласятся на оседлую жизнь. В случае положительного ответа, калмыкам предлагались земли бывших ногайских кочевий в районе балки Курбун-Джалга, а также около озера Маныч по соседству с Большедербетовским улусом, который в 1860 году вошел в состав Ставропольской губернии. Однако моздокские калмыки отказались от переселения. Так атаман генерал-майор Экельн объяснил причину отказа переселения тем, что зажиточные слои калмыков не желали терять скот и овец, а бедное население напротив склонилось к идее переселения и переходу к оседлости. Однако вплоть до Октябрьской революции обсуждалась административно-территориальное обустройство терских калмыков, но конкретных мер по данному вопросу не принималось [1, с. 29].

В 1871 г. была реорганизована военно-административная структура Кавказского линейного казачьего войска: полки как структурные части упразднили, а вместо них учредили окружное деление с полицейскими управлениями. Начальник Грозненского округа стал заведовать терскими калмыками, а с 1874 г. среди калмыков ввели новую форму управления. Так, с 12 февраля и 28 марта 1874 г. были утверждены аймачные общественные управления и суд. Аймачным общественным управлением заведовал аймачный старшина, имевший право поселкового атамана. Аймак в свою очередь делился на хотоны, во главе которого стоял староста. В 1888 г. терские калмыки были переданы в управление Кизлярского отдела, однако введенная форма управления сохранилась и просуществовала вплоть 90-х годов XIX в.

До начала XX в. терские калмыки разделялись на Верхний улус, в котором проживало 239 кибиток с населением 1778 душ обоего пола, и Нижний улус с населением 1058 терских калмыков и всего 203 кибитки.

В XIX и начале XX вв. хуторские калмыки кочевали вблизи станиц и хуторов Моздокского полка. В 1897 г. по материалам первой Всеобщей переписи населения Российской империи калмыков числилось 3 595 [1, с. 29].

Не смотря на политику христианизации со стороны правительства, калмыки не приобщились к христианской вере, а остались исповедовать традиционную религию – тибетский буддизм. В литературе и официальных правительственных документах терские калмыки утвердились как крещенные. К.И. Костенко писал: «В 1860 году я имел случай быть в кочевьях этих калмык, между р. Кумою и притоком ее Гайдука, из расспросов многих я узнал, что все они ламаисты и даже не запомнят кого-либо из предков или из своих крещенных родственников» [4, с. 177].

В конце XIX в. терские калмыки содержали 2 хурула – Большой и Малый с 117 духовными служителями, из которых служили 30 гелюнга, 14 гецюля, 16 манжика [3, с. 332]. Терское калмыцкое духовенство не поддерживало связи с хурульными организациями волжских калмыков, поэтому назначение главного багши не санкционировалось всекалмыцким верховным ламой.

Постепенно хурулы превратились в населенный пункты. Так, в 1899 году для Большого хурула построили глинобитный дом с деревянными потолками и полами, а также 7 глиняных домиков, хурулы стали крупными собственниками скота с применением наемного труда простолюдинов, все это свидетельствовало о приобщении калмыков к оседлому образу жизни.

За период пребывания в Моздокском полку у калмыков сложилась своя система жизнеустройства, адаптированная к социально-экономическому состоянию окружающего общества. Несмотря на статусную неопределенность в Моздокском полке, калмыки несли вооруженный караул для охраны соляных озер, конвоировали почтовый и пассажирский транспорт, занимались заготовкой сена для лошадей из артиллерийских частей, делали взносы в полковые суммы от общего количества скота и другие нужды [1, с. 29].

Тем самым, калмыки адаптировались и приобщились к взаимодействию с окружающими народами, сохранили этнокультурную самобытность и самосознание, тем самым войдя в структуру Терской области в качестве самостоятельного общества. Появились новые, нетрадиционные виды хозяйственной деятельности для кочевников, следовательно, калмыки постепенно адаптировались под новую экономическую среду. Также происходили перемены и в материальной культуре терских калмыков: наряду с кибитками строились землянки (наземные саманные дома), также использовались телеги, фабричные ткани для изготовления одежды, новые виды посуды и т.д. [1, с. 29].

В конце 20-х годов XX в. терские калмыки вернулись на историческую родину, но из-за голода многие возвратились на Куму и Терек.

Источники и литература

1. Канукова З. В., Гацалова Л. Б., Хубулова Э. В. Этническая группа моздокских «Крещеных калмыков». // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – Элиста: КИГИ РАН, 2010. № 2. – С. 26–30.

2. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. // АН СССР. Ин-т истории. Калм. науч.-исслед. ин-т яз., литературы, истории; [Гл. ред. Н. В. Устюгов и др.]. – М.: Наука, 1967. – 477 с.

3. Ремилева Е. С. Ойрат-монголы. Обзор истории европейских калмыков. – Мюнхен: Weiler: Бертуган. – 2010. – 690 с.

4. Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества. // Калмыцкий институт Общественных Наук РАН. – Элиста, 1992. –320 с.

А. В. Дрей
(г. Ставрополь)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЕКАТЕРИНЫ II В МЕМУАРАХ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ ИМПЕРАТРИЦЫ

В исторических исследованиях понятие «образ» чаще всего трактуется как некое представление об объекте, сформированное в сознании человека, которое лишь отчасти соответствует реальности. Это объясняется тем, что восприятие действительности человеком происходит через несколько каналов связи субъекта с миром. Тенденция изучения личности императрицы, ее взглядов, отношения современников к ее правлению в настоящее время прямо противоположна историографии советского периода, когда, если создавались работы, посвященные правлению Екатерины II, то касались они в основном социально-экономических преобразований. В меньшей степени труды освещали внешнеполитическую деятельность и были трактованы в основном с классовых позиций, а именно критики подвергалась политика правящих верхов дореволюционной России.

В современной историографии одним из популярных направлений в исследованиях екатерининской эпохи является определение сложившегося образа императрицы в мемуарах и художественных произведениях, а также в письмах ее современников. Данная группа источников является крайне субъективной и отражающей предвзятую точку зрения автора на те или иные исторические события, она же раскрывает перед нами непосредственно личность Екатерины II, отражая дух той эпохи. Для данной работы среди мемуарных источников особый интерес представляют собой «Записки» [3], которые оставляла императрица на протяжении всей своей жизни. В данном источнике ярко отображены ее взаимоотношения с приближенными, личные переживания и размышления на всевозможные темы – от личных, интимных, до государственных и философских. Все это позволяет исследователю составить как можно более полное представление о Екатерине II как о личности. Однако мемуары являются специфичным историческим источником в силу своего субъективизма, поэтому анализ такого источника требует от исследователя критического подхода.

Свои «Записки» Екатерина Алексеевна начала писать не по приезде в Россию, будучи еще Софией Августой Фредерикой Ангальт-Цербстской, а уже будучи российской императрицей, преследовав цель оправдать и аргументировать причины и обстоятельства своего восхождения на престол. Как и все мемуары, «Записки» не всегда объективны, а относительно некоторых личностей и событий пристрастны и тенденциозны, например, в отношении своего супруга, императора Петра III.

Но, даже учитывая перечисленные недостатки, нельзя занижать ценность данного источника, т.к. он наиболее ярко отражает картину эпохи и, что главное для нас, позволяют представить взгляды самой императрицы и раскрыть ее личное влияние на формирование представлений российской общественности, в частности на правление своего супруга Петра III, а, следовательно, раскрыть способы оправдания нелегитимных методов захвата власти ссылками на благо развития России.

«Записки» по своей сути воплотили в себе не только просветительские идеи Екатерины II, но и содержат сведения, позволяющие представить особенности ее философских размышлений о проблеме взаимоотношений государыни с подданными, ее представления о модели поведения просвещенного русского двора.

Екатерина II в своих «Записках» смогла отразить непосредственно поведенческую норму монарха, с целью достижения понимания нормы государственного управления. Для этого императрица старалась максимально отойти от привычного для мемуаров изложения собственного образа, воспользовавшись несколькими приемами. Например, прошлые события Екатерина II излагает на французском языке, тем самым создавая «дистанцию как между собой и своим немецким происхождением, так и между собой и своей новой родиной, которую ей стоило такого труда завоевать» [1, с. 201]. Размышляя и анализируя собственные поступки, Екатерина Алексеевна приходит к критическому анализу и даже недовольству абсолютистским правлением Елизаветы Петровны, что также способствовало ее отстраненной позиции.

Екатерина II на протяжении всей своей жизни извлекала из анализа собственных поступков политическую мудрость, создавая образ правильного, тонкого, здравомыслящего и любезного поведения при дворе. Цель такой глубокой рефлексии состоит в понимании собственного становления себя как мудрой правительницы. Так, Екатерина Алексеевна признается в «Записках, начатых 21 апреля 1771 года» в непонимании происходящего вокруг нее при императорском дворе, и даже в неспособности понять и проанализировать собственные чувства: «не могу сказать, он мне нравился или не нравился; я умела только повиноваться» [3, с. 44].

Таким образом, мы можем говорить о том, что «Автобиографические записки» послужили для Екатерины Алексеевны вспомогательным инструментом в рефлексии, в понимании себя как императрицы, человека, женщины.

Даже свою личную переписку Екатерина II использовала в целях осуществления авторской идеи по формированию определенного образа мышления и образа действий адресата, выраженных в дружеских советах-поучениях. Желаемый образ должен был сочетаться с просветительским стилем эпистолярного жанра императрицы и соответствовать государственным задачам в политике [5, с. 252].

Таким примером реализации программы воспитания и образования в просветительском русле литературными средствами является переписка императрицы с Г. А. Потемкиным, начавшаяся в конце 1773 г. с письма Екатерины II с намеком о желании видеть Григория Александровича своим фаворитом: «Я всегда к Вам весьма доброжелательна» [4, с. 7].

Благодаря тщательной и терпеливой работе Екатерины II по улучшению и смягчению нравов своих подданных, спустя несколько лет изменения в образе мышления и поведения Г. А. Потемкина были заметны всему окружению. Г. Р. Державин отмечает в нем совершенного подданного императрицы, способного «без битв, без браней» [2, с. 73] побеждать, завоевывая сердца всех, кто его окружает.

В текстах писем ярко отражены авторские приемы Екатерины II по созданию образа Г. А. Потемкина. Перечислим некоторые из них.

Прежде всего, в переписке императрица мастерски объединяет частную и государственную сферы жизни. Наряду с личными переживаниями в письмах императрица может излагать просьбы, касающиеся государственных дел, тем самым давая понять, что для нее нет подобного разделения, и показывая степень своего доверия адресату.

Раздавая поручения, императрица выбирает не приказной тон, а старается показать и разъяснить, почему их важно исполнить.

Что касается их личных взаимоотношений, то в самом начале их переписки Г. А. Потемкин намного эмоциональнее в выражении своих чувств к императрице, по сравнению с Екатериной Алексеевной. Государыня призывает «друга сердца» быть сдержаннее, не терять рассудок и больше рассуждать. Однако призывы эти не прямолинейны, императрица несет эту мысль через рассуждения о собственных чувствах: «Ну, сам рассуди, ты человек разумный, можно ли в столько строк более безумства заключить. Река слов вздорных из главы моей изтекохся. Право пора и великая пора за ум приняться. Стыдно, дурно, грех, Ек[атерине] Вт[орой] давать властвовать над собою безумной страсти. Ему самому ты опротиви[шь]ся подобной безрассудностью» [4, с. 17–18].

Таким образом, создавая условия для легкого, шутливого и комфортного общения, Екатерина II в дружественной форме намекает своему фавориту о желании видеть его галантным и учтивым, сглаживает его упреки нежными и мягкими советами.

Императрица также лично участвовала в деле политической пропаганды за границей, вводя новые приемы дипломатической работы. С этой же целью Екатерина II вела переписку с представителями европейского Просвещения – Гриммом, Вольтером, Дидро и другими.

Следила императрица и за европейскими публицистическими изданиями, которые как-то могли повлиять на престиж Российской империи и на образ монархини. Ярким примером воздействия на печатное слово Европы является изданный в Амстердаме «Антидот» – полемическое сочинение как ответ на вышедшую во Франции книгу аббата Шаппа Д'Отероша «Путешествие в Сибирь», в которой Российская империя отражалась только в описаниях Сибири. Вся политико-идеологическая суть книги сводилась к тому, что хоть Российская империя и вышла на европейскую арену, но вышла как средневековая, варварская страна без задатков к дальнейшему цивилизационному развитию. В «Антидоте» автор без сомнения утверждает, что книга Шаппа

Д'Отероша – политический заказ Франции по изоляции и уничижении престижа Российской империи. Однако в исторической науке до сих пор нет единого мнения об авторстве труда.

К числу новых дипломатических приемов, введенных Екатериной II, следует отнести и прямые переговоры с иностранными государями. Не ограничиваясь одной только перепиской, Екатерина Алексеевна устраивала и личные аудиенции: в 1780 г. состоялось свидание Иосифа II и Екатерины II в Могилеве. Подобные встречи были полезны своей «неформальной обстановкой», т.к. между обедами и развлечениями обсуждались и краеугольные вопросы международной политики.

Таким образом, мы можем говорить об активном участии Екатерины II в формировании образа мыслей как своих подданных, так и целых государств о Российской империи в целом и о самой государыни в частности. Всяческими приемами и методами отстаивала императрица свои позиции и интересы государства: используя личную переписку, издавая труды и используя личные встречи.

Источники и литература

1. Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 383 с.

2. Державин Г.Р. Сочинения: стихотворения. Записки. Письма. – Л.: Худож. лит., 1987. – 504 с.

3. Екатерина II. Записки. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 288 с.

4. Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791). – М.: Наука, 1997. – 990 с.

5. Эйдельман Н. Я. Твой восемнадцатый век. Грань веков. Твой девятнадцатый век. Полное издание в одном томе. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2015. – 795 с.

О. А. Запорожцева
(г. Ставрополь)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Ф. РЕБРОВА В РАЗВИТИИ ШЕЛКОВОДСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Прохождение «Великого шелкового пути» через территорию Северного Кавказа сыграло большую роль в его экономическом развитии, а также в распространении технологий изготовления шелка среди местного населения [9, с. 119]. В 1799 году были изданы первые правила по ведению шелководства на территории Крыма, Кавказа, Астрахани и других губерний [17, с. 130]. В 1800 году на Кавказе была учреждена инспекция по шелководству [9, с. 120].

С назначением в 1816 году на должность главноуправляющего в Астраханской, Кавказской губерниях и в Грузии генерал-лейтенанта А. П. Ермолова, на Северном Кавказе наступает новый этап экономического развития. Именно кадровая политика стала отправной точкой знакомства А. П. Ермолова и А. Ф. Реброва, который стал его незаменимым помощником [12, с. 101–102]. В 1817 году А. П. Ермолов предложил А. Ф. Реброву заняться развитием шелководства на территории Северного Кавказа. В своем имении Владимировка, которое было получено как приданное за женою (еще в 1804 году), А. Ф. Ребров занялся развитием шелководства. К концу 1817 года ему удалось получить около 25 грамм грены и размотать из коконов около 1 кг шелка-сырца [9, с. 121].

Поскольку в России своего гренопроизводства не существовало, то А. Ф. Реброву приходилось выписывать грену[1] из Китая, Италии, Франции, стран Аравийского полуострова [2, с. 122]. В связи с этим до 1826 года шелк, производимый в имении А. Ф. Реброва, практически не отличался от кизлярского (местного) шелка [9, с. 121].

Для проведения научных наблюдений за выкормкой червей шелкопряда, А. Ф. Ребров расположил одну из 7 шелководень рядом со своим кабинетом. В своем имении Владимировка А. Ф. Ребров фактически создал научную лабораторию. У него имелось несколько тутовых садов, в которых насчитывалось до 16 тысяч разных пород деревьев [18, с. 223].

[1] Яйца тутового шелкопряда.

В итоге А.Ф. Ребровым была разработана усовершенствованная система технологии производства шелка. После выводки коконы сортировались, затем поступали в размотку, которая осуществлялась в отдельном каменном строении. Там находились шелкомотальные снаряды, полученные в разное время из Франции и усовершенствованные местными умельцами под руководством А. Ф. Реброва [18, с. 223]. В 1832 году А. Ф. Ребровым была продемонстрирована размотка коконов Московскому обществу сельского хозяйства. [6, л. 2]. А. Ф. Ребров первым ввел в практику способ выкормки гусениц на «камышовых плетнях» в 4 яруса в специальных помещениях – червоводнях. До этого обычный способ выкормки червей был на земле [2, с. 122], [8, с. 362–363].

Единственным путем развития шелководства и шелкомотания А. Ф. Ребров видел в широком привлечении к этому делу крестьян. Поэтому им не только в имении Владимировке, но и на Российском уровне, были созданы школы шелководов в Ставрополе, Кизляре, Кисловодске, Москве и Санкт-Петербурге [8, с. 363].

Первой была организована бесплатная школа шелководов во Владимировке, в которой зимой ребят учили не только грамоте, арифметике и Закону Божьему, но и шелководческому делу, а летом обучали приемам выкормки гусениц тутового шелкопряда и размотки коконов. Для сохранения и передачи из поколения в поколение навыков и опыта ведения шелководства в имении Владимировке крестьянских детей с детства приучали к занятию шелководческим делом. А. Ф. Ребров стремился к тому, чтобы шелководство, наряду с земледелием, скотоводством и ремеслом, также стало неотъемлемой частью крестьянских занятий [15, с. 50].

Для успешного осуществления опытов в своем хозяйстве, А. Ф. Ребров систематически подготавливал из учеников высококвалифицированных мастеров шелководства и кокономотания. Лучшие мастера А. Ф. Реброва получали поощрения за успехи в шелкомотании и уходе за шелкопрядом. Так, Московским обществом сельского хозяйства были отмечены крестьяне имения Владимировки: управляющий заведением А. Ф. Реброва Ермакевич, был награжден серебряной медалью, а смотритель за шелководством М. Устинов подарком. В 1857 году Обществом было отмечено 25 лет успешной работы мастерицы А. Андреевой [9, с. 127].

В связи с тем, что большинство крестьян были неграмотные, А. Ф. Ребровым было предложено Комитету шелководства предоставить изображения шелкового червя во всех его периодических возрастах и видоизменениях до будущего оживления из яичка. Также к каждой такой картинке необходимо было присовокупить таблицу с указанием температуры оживления, содержания, количества корма и размещения по возрастам. А. Ф. Ребров в газете «Кавказ» писал: «…такое изображение в картинке и цифры были бы понятнее книг и писаний, коих не всякий может удержать в памяти, особенно из простолюдинов» [14, с. 86].

В земледельческую школу А. Ф. Реброва на период обучения шелководству с 1834 по 1837 год Московским обществом сельского хозяйства был послан воспитанник детского приюта А. Авксентьев. Под руководством А. Ф. Реброва им были проведены опыты по сравниванию коконов шелкопряда разных пород. А. Авксентьев отбирал лучшие по плотности и большие по величине коконы шелкопряда разных пород и определял их производственную и экономическую ценность. В выводах он подчеркивал необходимость разведения шелкопряда ценных пород, так как это способствовало бы экономической заинтересованности населения к занятию шелководством. За свое трудолюбие в земледельческой школе А. Ф. Реброва ученик Авксентьев был награжден похвальным листом [9, с. 122–123]. Позже им были присланы помещику Реброву несколько статей о шелководстве, которые были напечатаны в «Земледельческом журнале» [10, с. 251].

В развитии и распространении шелководства на Северном Кавказе было заинтересовано и государство. А. Ф. Ребров нашел покровительство в лицах министра финансов А. К. Мейендорфа и генерал-губернатора А. А. Вельяминова, при содействии которых была получена из Китая хорошая порода червей [4, л. 2]. Дело в том, что А. К. Мейендорф в 1829 году поступил на службу в Министерство финансов России. В этом же году он был определен агентом Министерства финансов во Франции по части мануфактурной промышленности и торговли. А. К. Мейендорф был заинтересован не только в развитии и распространении шелководства по всей России, но и в отечественном производстве шелка и его конкурентоспособности. В свою очередь, назначенный с 1831 по 1838 годы командующим войсками Кавказской линии и Черномории, начальником Кавказской области А. А. Вельяминов стремился всячески поддерживать развитие сельскохозяйственных отраслей на Северном Кавказе [1, с. 76].

В 1836 году, при содействии А. К. Мейендорфа, А. Ф. Реброву от управляющего Королевским садом К. Бове из Франции было отправлено небольшое количество грены. Об успехах разведения французской породы в имении Владимировке А. Ф. Ребров писал: «Она у меня размножена в Заведении и от нея заимствовалось уже за Кавказское общество шелководства, где должна скоро расшириться, судя по отзыву, полученному мною от управляющего там сею частью, Надворного Советника Орлавского, что со введением ея за Кавказом, само собою улучшится воспитание червей и самая размотка с них шелку в виде более правильном и преимущественном того, какой есть теперь» [4, л. 2об. – 3]. Барон Мейендорф продолжал поставлять через министерство финансов помещику новые породы червей из Франции и с Тибета, так как А. Ф. Ребров стремился «…сделать известными … все породы червей шелковых» не только на Кавказе, но и в России [4, л. 3об.].

За все время существования и развития шелководства в имении помещика Реброва было выведено 9 пород червей, которые отличались коротким или продолжительным периодом свивания коконов и белизной [13, с. 160].

На международных выставках в Лондоне и Париже шелк, производимый в имении А. Ф. Реброва, по качеству и белизне был удостоен золотых медалей и дипломов [5, л. 10об. – 12об.], [7, л. 21об. – 22].

18 октября 1837 года в городе Ставрополе была проведена первая сельскохозяйственная выставка на Северном Кавказе, которую посетил император Николай I. Ее директором был назначен А. Ф. Ребров, как знаток по истории, быту и обычаям народов Северного Кавказа, разбиравшийся в своеобразных тонкостях отраслей сельского хозяйства. Выставка была организована и укомплектована при личном участии А. Ф. Реброва, а все представленные экспонаты были им предварительно изучены [3, л. 8 – 8.об.], [11, с. 61], [16, с. 4].

Император и сопровождавшие его лица с интересом осмотрели раздел выставки, в котором были сосредоточенны экспонаты из имения А. Ф. Реброва. Подойдя к шелку, император отметил: «Это у нас важная статья». Николай I был истинным ценителем шелковой одежды и отлично разбирался в этом вопросе. Далее вниманию императора была представлена тростниковая решетка, наполненная сребровидными коконами, а также коконы китайской породы «сина». Рассматривая коконы, император расспрашивал о породах и их разнице, откуда они были привезены. Заинтересовали императора и машинки: первая разматывающая шелк с коконов и вторая – тростильная, которые отличались от обыкновенных одновременным выполнением нескольких операций: трощения и сучения, при этом значительно сокращая время работы. Наиболее ценным экспонатом было улучшенное мотовило для шелкомотания (тростильно-сучильное для шелка) [3, л. 9об.], [16, с. 4].

После осмотра выставки императором была дана высокая оценка шелководческому делу А. Ф. Реброва. Впоследствии он писал: «…Удостоенный за сию промышленность десяти различных наград, я горжусь главнейшею из них, полученною мною в изустной благодарности от Его Императорского Величества, изъявленной мне в присутствие особ его окружающих и всей публики в Ставрополе в достопамятный день 18 октября» [4, л. 1], [8, с. 364].

Об имении помещика Реброва стало известно и за рубежом. Приезжающие на Кавказ путешественники старались при удобном случае побывать в нем. В 1839 году семья ученых, путешественников Ксавье и Адель Оммер де Гелль посетили имение Владимировку. Еще в 1836 году Ксавье де Гелль был направлен в Россию для геологических, географических и этнографических исследований территории Кавказа, предгорий Каспийского моря. Результатом исследований стал 3-х томный труд «Les steppes de la mer Caspienne, Le Caucase, La Crimee et la Ruisse Meridionale» («Степи Каспийского моря, Кавказ, Крым и Южная Россия», Париж, 1843–1845 гг.). В сборе и обработке материала участвовала, путешествовавшая с ним, жена Адель. В 10-м номере «Журнала путешествий», издаваемого в Париже, Ксавье де Геллем была опубликована небольшая заметка, описывающая имение помещика Реброва: «Проезжая по Западным степям Каспия, я нашел одно из прекраснейших поместий на реке Куме, с. Владимировку г. Реброва. Тут видна широкая и разумная мысль во всем расположении этого замечательного имения… Солончаки, топкие и недоступные к возделыванию земли, превращены посредством канав в шелковичные плантации и виноградные сады» [19, с. 37–38].

Во 2-м томе «Les steppes de la mer Caspienne, Le Caucase, La Crimee et la Ruisse Meridionale» Ксавье де Геллем было уделено внимание личностным качествам помещика Реброва: «Как экономиста и управленца, мистера Реброва можно сравнить с людьми более выдающимися в Европе, тем более у него имеется заслуга заниматься этими промышленными вопросами, что он не обла-

дал, как другие, ресурсом специальной литературы». Об успешном развитии сельского хозяйства в имении Владимировке французский путешественник писал: «Каждый день мы посвящали два или три часа подробному осматриванию фабрик, мельниц, прядильному производству, многочисленным плантациям в его заведении, которые не переставали возбуждать наше удивление и наш интерес» [21, s. 163].

Жена Ксавье – Адель в своей книге «Путешествие по Прикаспийским степям и югу России», по достоинству оценивала, оказанный помещиком, прием: «Мистер Ребров, хозяин Владимировки, предупрежденный нашим офицером, встречал нас у подножия лестницы, и мы при благополучном прибытии выразили свою вежливость господину. Он старался нас разместить в восхитительных квартирах на нижнем (первом) этаже, окна которого выходили на огромный и прекрасный сад, и где мы нашли бильярд и несколько выпусков иностранных журналов, которые дошли до берегов Кумы». Далее А. де Гелль описывала А. Ф. Реброва как радушного хозяина: «Было как-то хорошо, особенно когда мы имели редкое счастье, прибавляя все эти развлечения, к встрече с гостеприимным семейством. Эти деликатные расточительные хлопоты, показывали привязанность, которая пришла в наши сердца, и которая сделала настолько хорошим путешествие вне своей страны» [20, s. 221].

Особое внимание путешественницы было обращено на развитое хозяйство помещика Реброва в имении Владимировке: «Мягкость климата позволила ему сделать многочисленные плантации шелковицы, которые вполне имели успех, и организовал шелковые фабрики, продукты которых могут конкурировать с самыми прекрасными шелками Прованса». Таким образом, иностранцами оценивалось высокое качество «ребровского» шелка, который продавался в 3–5 раз дороже, чем шелк других поставщиков [20, s. 223].

А. Ф. Ребров добился того, что в 1847 году при императорском московском обществе сельского хозяйства был организован комитет шелководства, первым председателем которого был избран С. М. Маслов [2, с. 124]. В этом же году членом данного общества и комитета был избран и А. Ф. Ребров. [18, с. 223].

А. Ф. Реброва по праву считают основоположником научного, культурного и отечественного шелководства в России. Благодаря его деятельности Россия в первой половине XIX века не уступала в производстве шелка-сырца по белизне и качеству шелкам европейских и восточных стран. Безвозмездная раздача и высадка саженцев тутовых деревьев, способствовала развитию и постепенному распространению шелководства во всех губерниях страны.

Источники и литература

1. Беликов Г. А. Ставропольские генерал-губернаторы. – Ставрополь: Ставропольское изд-во «Параграф», 2014. 176 с.

2. Богословский В. В., Лейнвебер Е. Ф. А. Ф. Ребров – родоначальник научного шелководства в России // Третьи Ребровские музейно-краеведческие чтения (17–18 февраля 2011 года). Часть I. Материалы для биографии А. Ф. Реброва. Выпуск 1. – Кисловодск: Изд-во МИЛ, 2012. С. 120–125.

3. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 79. О. 2. Д. 489.

4. ГАСК. Ф. 79. О. 2. Д. 878.

5. ГАСК. Ф. 79. О. 2. Д. 1632.

6. ГАСК. Ф. 444. О. 1. Д. 289.

7. ГАСК. Ф. 1305. О. 1. Д. 28.

8. Запорожцева О. А. Деятельность Алексея Федоровича Реброва по внедрению прогрессивных методов хозяйствования на Ставрополье // Культура и общество: история и современность: материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / под ред. д.ф.н., доцента О. Ю. Колосовой, к.ф.н., доцента Т. В. Вергун, к.п.н. Р. Ф. Гударенко. – Ставрополь: АРГУС СтГАУ, 2014. – С. 360–365.

9. Иофе Г. Л. Основоположник культурного шелководства в России А. Ф. Ребров // Сборник научных трудов Ташкентского текстильного института. Вып. 6. – Ташкент, 1958. – С. 119–128.

10. Иофе Г. Л. У истоков науки о шелководстве и шелкопереработке // Механическая технология волокнистых материалов. Научные труды. Выпуск 20. – Ташкент: Издательство «ФАН» Узбекской ССР, 1967. – С. 247–254.

11. Кемпинский Э. В. Высочайший ревизор в Ставрополе: материалы по краеведению. – Ставрополь: Кн. Изд-во, 2004. – 80 с.

12. Орудина Л. Г. У порога синих гор: исторические очерки / Л. Г. Орудина, лит. запись И. В. Кузнецова. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1983. – 287 с.

13. Ребров А. Ф. Замечания по предмету улучшения шелководства в Закавказских провинциях // Кавказ. 1854. № 40. – С. 160.

14. Ребров А. Ф. О ближайших способах к правильному развитию в России улучшенного шелководства // Кавказ. 1852. № 21. – С. 85–86.

15. Ребров А. Ф. О шелководстве в Кавказской области, с сравнительными выводами шелководства в других местах // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1842. № 1. – С. 37–59.

16. Ребров А. Ф. О шелководстве и о посещении императором Николаем I первой сельскохозяйственной выставки в г. Ставрополе 18 октября 1837 года // Ставропольские губернские ведомости. 1905. № 38. – С. 4. – Ч. неофиц. (Наша старина).

17. Ребров А. Ф. О шелководстве в России // Земледельческий журнал, 1831. № 1. – С. 130–140.

18. Шелководство на Кавказе и за Кавказом // Кавказ. № 54. 1851. – С. 222–223.

19. Юрьев Н. Материалы для биографии Алексея Федоровича Реброва (26 марта 1864 г., село Владимировка на Кавказе) // Кавказские Минеральные воды в описаниях, очерках, исследованиях за 200 лет. Том 3, конец 20 – начало 21 вв. / Под ред. проф. В. А. Шаповалова, проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – С. 36–42.

20. Adele Hommaire de Hell. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie Meridionale. – Paris: Librairie de L. Hachette et C., 1860. – 411 s.

21. Xavier Hommaire de Hell Les steppes de la mer Caspienne, Le Caucase, La Crimee et la Ruisse Meridionale. Voyage pittoresque, historigue et scientifique // Paris: CHEZ P. BERTRAND, ÉDITEUR, LIBRAIRE DE LA SOCIÉTÉ GÉOLOGIQUE DE FRANCE, 1845. Tome second. – 598 s.

А. М. Исмаилова
(г. Махачкала)

ИНТЕГРАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ В ОБЩЕРОССИЙСКИЙ РЫНОК НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

После присоединения народов Южного Кавказа к Российской империи происходило их постепенное включение в экономическую и политическую жизнь всей страны. Этим определялось тесное переплетение исторических судеб народов Южного Кавказа с судьбами России. Южный Кавказ также вовлекался в товарно-капиталистические отношения. Несомненно, по жизненному уровню, социально-культурному развитию, по уровню развития социально-экономических отношений на рубеже XIX–XX вв. народы Кавказа во многом отставали от населения Российской империи [4, с. 167].

В состав Закавказского края в исследуемый период входило пять губерний, одной из которых являлась Кутаисская губерния, входившая в Западную Грузию. Столица – город Кутаис была образована в 1846 г., площадь – 29 347 кв. км. [12, л. 4], занимала почти все западное Закавказье. К середине 80-х г. XIX в. в Кутаисской губернии насчитывалось 881 тыс. человек [9, с. 5], а по итогам Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г. в Кутаисской губернии проживало 1075861 обоего пола [3, с. 6].

Сельское хозяйство. Практически единственное занятие населения – земледелие. У дворян семи уездов числилось 9.240 владений, с 815.376 дес.; из них 6970 (более 75 %) заключали в себе не более 19 дес., 22 % – от 19 до 380 дес. и только около 3 % – свыше 380 дес.[1, с. 124]. Из владельческих земель около 3,24 % земли садовой, около 81,17 % полевой и до 15,59 % лесной и пастбищной. У крестьян в тех же уездах земли было 157.027 дес., из них садовых земель 14,86 %, полевых до 54,15 %, лесных и пастбищных – около 31 %. Средний размер крестьянского надела: у казенных крестьян 4,23 дес., у бывших помещичьих 4,4 дес., у крестьян-собственников 2,5 дес. [7, с. 132].

В Западной Грузии ярко выраженный торгово-промышленный характер приняло зерноводство. Впервые в значительном количестве вывоз кукурузы из Западной Грузии на мировой рынок начался еще в 60-х гг. XIX в. Засеяно было в 1895 г.: кукурузы 228 580 дес., пшеницы – 35205 дес., ячменя – 61047 дес., а всего 281288 дес., собрано – 2971186 четвертей [12, л. 22]. Так, в 1882 г. было вывезено 1.806.000 пудов, в 1883 г. – 1.651.000 пудов, а в 1884 г. – 5.113.000 пудов [6, с. 38].

В начале 90-х гг. XIX в. из Западной Грузии на мировой рынок ежегодно вывозилось в среднем 5–6 млн пуд. кукурузы [5, с. 3]. В 1893 г. под посевами находилось 282.272 дес. В этот период было засеяно: кукурузой 81,3 %, пшеницей озимой и яровой 12,5 %, фасолью и бобами 1,6 %, ячменем 1,5 %, гоми 1,4 %, рожью 0,2 %, просом 0,8 %, остальные 0,7 % приходятся на овес, полбу, картофель, горох, лен, коноплю, рис и табак.

В Кутаисской губернии в сельском хозяйстве весьма значительную роль играли табаководство, хлопководство и шелководство. Табак выделывали высших сортов. В 1892 г. число плантаций достигло 5926 дес., 1895г. – 5677 дес. Табак закупался фирмой «Багданов и К» [12, л. 12]. В 1893 г. под табаком было 1726 дес., с которых собрано до 99200 пуд. Табака. Грузинский табак находил сбыт не только в Закавказье и России, но и на европейском рынке (Германия, Австрия, Англия, Франция, Бельгия, Голландия).

Среди кавказских губерний по количеству получаемых коконов Кутаисская губерния занимала второе место [1, с. 56]. Из года в год, начиная с 90-х годов XIX в., увеличивали производство шелковичного сырья. Так, по имеющимся данным, вышеперечисленные уезды Кутаисской губернии изготовили: в 1896 г. 40000 пудов коконов, в 1903 г. 65000 пудов [11, с. 48], а в 1909 г. более 110000 пудов. В 1899 г. вывоз через Батумскую таможню сухих коконов (шелк-сырец) равнялся 110 тыс. пудов на сумму около 4,5 млн рублей [5, с. 4].

Одной из главных отраслей сельского хозяйства в Кутаисской губернии являлось виноградарство и виноделие. [1,с. 138]. Средний урожай вина в ведрах за 1895 г. – 7002600 [13, л. 23]. В течение 1901 г. в Кутаисской губернии было выкурено виноградного спирта 930.749 градусов и коньячного 23.532 градусов. По тем же данным у 71263 садовладельцев находилось под виноградниками 19888,89 десятин. Под виноградниками находилось 19888,89 десятин, было выжато в 1910 г. вина 4424924 ведра, на 1956384 ведра более чем в 1909 году. В Кутаисской губернии виноградарством и виноделием занималось 38 % населения. Вина выжато было в 1910 г. 4.424.924 ведра. Стоимость ведра вина – 1 р. 50 коп. [11, л. 30].

На рубеже XIX–XX веков в Батумском округе начали внедрять новую техническую культуру – чай. Уже к 1906 г. чайные плантации в Батумском округе занимали площадь 431 дес.

В 80–90-х гг. XIX в. села Кутаисской губернии ежегодно вывозили на рынок домашнюю птицу и яйца в среднем на 2 500 тыс. рублей, которые поступали на рынки Лондона, Гамбурга, Берлина и Париж.

Местный скот был малорослый и слабосильный. Всего в губернии в 1910 г. значилось: лошадей 25202, крупного рогатого скота 262299, буйволов 11.799, мулов 687, ослов 669, овец 70.127, коз 49.993 и свиней 179.056.

Заводы и фабричная промышленность. Изучение состояния обрабатывающей промышленности Западной Грузии на рубеже XIX–XX вв. показало, что она была многоотраслевой. Полезные ископаемые Кутаисской губернии были довольно разнообразны, в пределах ее встречаются: каменный уголь, марганец, серебро-свинцовые руды, медные и цинковые руды, нефть, золото, литографский камень, мрамор и др.

Серьезное значение имели для губернии лишь каменный уголь, марганец и медная руда. Мощные залежи каменного угля находились на склоне Накеральского хребта, близ сел. Тквибули, соединенного железной дорогой с Кутаисом. В 1886 г. в строй вступила Ткибульско-Кутаисская железнодорожная ветка.

Марганцевые руды, залегающие во многих местностях Шаропанского уезда, разрабатывались главным образом около местечка Чиатури, соединенного узкоколейной железной дорогой со ст. Шаропань Закавказской железной дороги. В 1892 г. в Кутаисской губернии было добыто 10.560 т., в 1894 г. – 11.193 т. пуд. руды. Согласно имеющимся данным, добыча руды в начале 80-х гг. превысила полмиллиона пудов.

Таким образом, к 1900 г., по сравнению с началом 90-х г. XIX в. добыча марганца возросла в 4 раза, вывоз более чем в 3 раз, а число промысловых рабочих увеличилось почти в 1,2 раза.

Стоимость руды в 1900 г. на месте достигала 3 млн руб. (из расчета 9 коп. за пуд), а в Поти составляла свыше 9 млн руб., из расчета 23 коп. за пуд. [4, с. 64]. В 90-х гг. удельный вес чиатурской руды в мировом экспорте марганца составлял 40–50 %. Чиатурский марганец вывозился, в основном, в Англию, Голландию, США, Бельгию, Германию, Францию и др. страны, а также в сравнительно незначительном количестве и в Россию.

По сведениям за 1893–1894 гг. в Западной Грузии состояло фабричных и заводских (годовое производство свыше 2 тыс. руб.) производств. Однако, фабрично-заводская промышленность в губернии к началу XX в. была совершенно не развита. Всех фабрик и заводов, было 1983.; общая сумма производительности их в 1911 г. выразилось в сумме около 1.160658. р., число рабочих 4434. Наибольшее число промышленных заведений падает на мельницы, но мельницы эти крайне примитивного устройства, редко о двух–трех поставах, расположены по течение горных речек и каждая обслуживаешь незначительный район [8, с. 28]. Продукция горнорудной и горнозаводской промышленности в конце 90-х г. XIX в. превышала 3,5 млн. рублей, а число рабочих в этой отрасли промышленности, включая занятых на переноске руды в Чиатурах рабочих (около 3 тыс. чел.), составляло 7–8 тыс. чел.Кроме указанных по всей губернии имелось много мелких предприятий. За 1910 год по губернии производилась добыча ископаемых: 1.В Кутаисском уезде – на сумму 7986 руб. 2. В Лечхумском уезде – на сумму 4496 руб. 3. В Шорапанском уезде – на сумму 10.220 руб. 4. В Сенакском уезде – на сумму 2.085 руб.

Транспорт и торговля. Строительство железной дороги Батуми – Самтредия началось в 1880 г. В 1883 г. строительство этой ветки железной дороги было закончено, между Баку и Батуми происходил усиленный грузооборот. Перевозилась в основном бакинская нефть. Крупным событием была постройка в 1897–1907 гг. нефтепровода Баку – Батуми.

Если в 1873 г. в некоторые губернии России было переправлено всего 40 тыс. пуд. нефти, то в 1901 г. эта цифра достигла 51,6 млн пуд.[10, л. 33].

Из путей сообщения наибольшее значение для края имела Закавказская железная дорога, с ветками от Кутаиса до Тквибул, от Шаропани до Чхатури, от Самтреди до Поти. Из черноморских портов Закавказского края первенствующая роль принадлежит Поти и Батуми. При общем вывозе иностранных товаров в Закавказский край в 1881г. на сумму около 8 млн. руб., а по весу около 3.633.000 пуд., через Поти прошло на 2.615.000 руб. а по весу 1.406.000 пуд [1, с. 78].

Торговля Кутаисской губернии характеризовалась значительно развитым заграничным вывозом. Главнейшие центры внешней торговли – Батум, Поти. Доходы Батумской таможни с 1881 по 1890 г. возросли с 56 тыс. р. до 1977 тыс. р., т е. увеличились в 37 раз. По сведениям Батумской таможни в 1882 г. прибыло с товаром в порт каботажным плаванием 286 паровых и 24 парусных судна, вместимостью всего около 69.1 тысяч ластов. Товару доставлено на 2.673.206 руб. 40 коп. Движение грузов из Батумского порта за границу в 1889 г. по сравнению с 1881 г. возросло больше чем в 766 раз, а в России почти в 54 раза. В 1892 г. из Батума было вывезено 53.403.000 пуд., на сумму 25.474.022 р., в том числе керосина, нефти, нефтяных остатков и вообще нефтяных продуктов 51.402.438 пуд. (в Англию, Австрию, Турцию, Индо-Китай, Китай, Японию, Яву и т. д.), солодкового корня 899.045 пуд., руды марганцевой 443.452 пуд., дерева орехового 109.928 пуд., хлеба 157.652 пуд. В 1892 г. в Батум пришло 1288 судов, в том числе 778 заграничного плавания; отошло 1277 судов, в том числе 776 заграничного плавания. В Поти пришло 431 судно, в том числе 92 заграничного плавания, ушло – 434, в том числе 100 заграничного плавания. Общий грузооборот Батумского порта в 1902 году – 106.11 млн пудов.

В 1912 г. вывоз из Батуми нефтяных продуктов через Батумский порт выразился в следующих цифрах – в Россию – 2.042.002; за границу – 33.817.605 [2, с. 258].

Следующее место по вывозу занимает Поти, через который вывозятся: кукуруза – 4.222.765 пуд. марганцевая руда – 7432340 пуд., дерево ореховое – 27.145 пуд.

Анализ формировавшихся на Южном Кавказе общественно-экономических отношений, и в частности, в Западной Грузии, свидетельствует о существовании здесь в конце XIX – начале XX вв. большинства противоречий, свойственных капиталистическому способу хозяйствования - сосредоточение основных средств производства в руках меньшинства населения (буржуазии городской и сельской), обнищание, обеднение большей части населения и рост рядов низших социальных групп общества. Несомненно, по жизненному уровню, социально-культурному развитию, по уровню развития социально-экономических отношений на рубеже XIX–XX веков Западная Грузия во многом отставала от населения Российской империи. Западная Грузия на рубеже XIX–XX вв. оставалась аграрным краем, в жизни которой все еще ощущались пережитки патриархально-крепостнических отношений. Однако развитие капитализма шло здесь довольно быстрыми темпами. Русский капитализм, хотя и с некоторым опозданием, основательно сумел втянуть Южный Кавказ и, в частности, Кутаисскую губернию в мировое товарное хозяйство, где шел процесс его ускоренного, в то же время трудного, перехода от феодализма к капитализму.

Источники и литература

1. Антелава И. Г., Орджоникидзе Э. А., Хоштария Э. В. К вопросу о развитии капитализма в с/х и промышленности Грузии. – Тбилиси 1967. – 128 с.
2. Бакрадзе П. К. Возникновение и развитие капиталистической промышленности Грузии в 19 веке. – Тбилиси, 1958. – 301 с.
3. Всеобщая перепись населения. Кутаисская губерния. – СПб. 1897. LXVI.
4. Джавахишвили И. А. История грузинского народа, Т. V. – Тбилиси 1953. – 322 с.
5. Известия кавказской шелководческой промышленности за 1900 год. – Тифлис.1900.
6. Кавказский календарь на 1881 год, изданный при Главном управлении Наместника Кавказа. – Тифлис, 1880 г. – 614 с.
7. Мочалов В. Д. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в. – М., 1958. – 492 с.
8. Обзор Кутаисской губернии за 1910 г. Кутаисская губерния. 1911 г.
9. Обзор Кутаисской губернии за 1886 г. 1887. – 41 с.
10. Российский государственный исторический архив Российской Федерации (РГИА РФ). Ф. 23. Оп. 17. Д. 738.
11. Центральный Государственный Архив Грузинской Республики (ЦГИА АР). Ф. 12. Оп. 1. Д. 1636.
12. Центральный Государственный Архив Грузинской Республики (ЦГИА АР). Ф. 11. Оп. 1. Д. 4162.
13. Центральный Государственный Архив Грузинской Республики(ЦГИА АР). Ф. 242. Оп. 1. Д. 16.

Ю. Ю. Клычников, С. С. Лазарян
(г. Пятигорск)

ПОЛЬСКИЕ ИНСУРГЕНТЫ СРЕДИ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

После подавления российскими войсками Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. большое количество его участников вынуждены были стать эмигрантами, расселившись по странам Европы. Поражение восстания не отняло у них желания добиваться восстановления независимости Польского государства, как и не означало прекращения борьбы за их идеалы. Многие эмигранты, разделившись на группы и партии, сосредоточили свои усилия на организации патриотического подполья в польских землях и подрывной деятельности в стане своих противников.

В России власти были весьма обеспокоены деятельностью польских эмигрантов и осуществляли негласный надзор за ними посредством своих посланников и агентов в европейских странах, пытаясь разгадать их замыслы и предупредить их вредное влияние, чтобы «…уничтожить всё, что могло клониться к нарушению спокойствия…» [14, с. 225].

Находившийся в Париже по поручению уполномоченных на то российских учреждений польский выходец Викентий Михайловский, наблюдал за эмигрантами и предоставил Петербургу описание польской эмиграции во Франции, её состав и цели [14, с. 226]. Из донесений от иных агентов стало известно, что предводители партий, среди которых главными действующими лицами были бывшие польские генералы Уминский (Ян Непомук) и Роман Солтык, «имели частые секретные совещания о том, какими средствами и в каком основании удобнее произвести общее восстание в Польше», а «образовавшееся в Риме католико-политическое тайное общество намеревалось отправить в Польшу эмиссаров из духовенства» [14, с. 226].

В России хорошо понимали значение духовных пастырей и заметно опасались пагубного влияния священничества римско-католического исповедания на поляков, находившихся на Кавказе. В этих священниках подозревали тайных подстрекателей к протесту и разносчиков польских патриотических настроений, враждебных российскому правительству.

Имперские власти делали попытки заменить ксёндзов из поляков, римско-католическими священниками, получившими духовное образование в России. В 1834 г. командующий Отдельным Кавказским корпусом барон Г. В. Розен предлагал за лучшее вообще не допускать в пределы Кавказа римско-католическое духовенство, без предварительного направления их в Петербург, где чиновники Министерства внутренних дел после исследования всех обстоятельств выносили

бы решение о возможности их допущения к исполнению своих обязанностей на Кавказе. Мера эта могла бы некоторым образом ослабить влияние их пропаганды [1, с. 333–334].

Особое беспокойство имперских властей вызывало состояние умов представителей польской молодежи, «заражённых ядовитым потоком революционной литературы, мечтавших с европейскою войною поднять знамя свободы» у себя на родине [14, с. 229]. Повсеместно принимались меры по предотвращению не только самих действий, но и самих намерений польских злоумышленников.

Так, были получены сведения от лондонского посольства, что польские выходцы Северин и Карл Чапские, которые «по уму и средствам своим имеют сильное влияние на своих соотечественников и питают самые вредные для нашего правительства замыслы» [14, с. 231], выехали из Лондона в Познань и далее. Полицейскому надзору в пограничных губерниях было приказано строго следить, чтобы Чапские при попытке проникнуть в российские пределы под чужими именами были бы немедленно задержаны.

В 1840 г. после получения сведений о том, что многие иные польские выходцы предполагали распространить свои действия на южные губернии России, в Одессе и Бессарабии, была учреждена постоянная тайная полиция, подчинявшаяся непосредственно Новороссийскому генерал-губернатору графу М. С. Воронцову, «для неусыпного наблюдения за поступками и сношениями людей разного звания, приезжающих туда из заграницы» [14, с. 231].

В среде антироссийски настроенной польской эмиграции Кавказ рассматривался площадкой для организации уже непосредственного участия польских патриотов, готовых сражаться с оружием в руках против ненавистных им властей Российской империи, а в кавказских горцах видели естественных союзников по этой борьбе. Это приводило к тому, что желающие с оружием в руках вступить в схватку с давним соперником в надежде создать единый антирусский фронт отправлялись воевать на Кавказ и здесь должны были устанавливать контакты с местными племенами.

В горы бежали и поляки, призванные в ряды царской армии и не желавшие гибнуть за чуждые им интересы. Таким образом, среди враждебных России сил оказались и выходцы из Польши, ставшие заложниками тех геополитических процессов, в которые был вовлечен Кавказ, постепенно интегрирующийся в состав империи. Поляки стали серьёзным раздражающим фактором, на который нередко болезненно реагировало российское кавказское командование. Оно связывало ряд собственных неудач с вмешательством этих инсургентов, приписывая им злокозненное влияние на «немирных» горцев [7]. Вот лишь несколько примеров такой оценки польского вмешательства.

Так, после взятия имамом Шамилём в 1843 г. русского укрепления в Унцукуле, в его руках оказались пленные солдаты и офицеры, судьба которых могла быть весьма печальной, учитывая то, как они долго и упорно отбивались от превосходящих сил неприятеля. Однако на этот раз лидер мюридов сумел сдержать свою ненависть. Более, того он вернул поручику Аносову его шашку и разрешил свободно перемещаться по своему лагерю. Солдатам была сохранена их одежда и выдан провиант. Такой поступок Шамиля царское командование связывало с находившимися в рядах горцев поляками, которые стремились поколебать верность присяге среди личного состава Отдельного Кавказского корпуса. Как писал один из современников, «это первый случай, в котором Шамиль, руководимый беглыми поляками, изменил свою тактику, что впоследствии было для нас отчасти даже вредно; ибо солдаты стали легче смотреть на плен» [5, с. 236]. Насколько такой поступок действительно можно было связать с польским влиянием, однозначно сказать нельзя. Но то, что поляки действительно хлопотали об освобождении пленных военнослужащих, особенно если речь шла об их земляках, нередко искавших укрытие среди «немирных» племён, подтверждается и из других источников, в том числе и из воспоминаний инсургентов, прибывших на Кавказ воевать с империей.

Несколькими годами ранее англичанин Джеймс Бэлл, который некоторое время жил среди «немирных» черкесов, в своих дневниках упоминал, что 13 мая 1837 г. он встретился с поляком: «Я был очень доволен видеть его на коне и вооружённым, как и другие, а ещё более – узнать, что он свободен и что его конь составлял его личную собственность, как и его оружие. По тому, что он мне сказал, поляку здесь очень легко обрести свободу и лишь по неведению другие её не заполучили. Он сказал мне, что имеет собственный дом и что щедро вознаграждается в качестве врача, получив некоторые медицинские знания в Варшаве» [2, с. 102–103]. Этот человек поведал, что раньше служил в русской армии, но затем якобы откупился от неё, сумев заручиться поддержкой некоего «генерала в Анапе». После этого поляк переселился к горцам и стал участвовать в сражениях против вчерашних сослуживцев.

В своё время внимание общественности привлекали кавказские перипетии революционера-кондотьера Т. Лапинского (Лапиньского), более известного под именем Теффик-бей [8]. Действия отряда Лапиньского вызывали массу пересудов и откровенных фантазий. Так, в газете «Русский инвалид» даже написали о том, что в его состав входит один из сыновей Шамиля. Когда пленному имаму предложили опровергнуть эту информацию, он не счёл для себя необходимым делать такой шаг и пояснил приставу П. Г. Пржецлавскому, что «министру и так известно, что сведения о нахождении сына имама в шайке Тефик-бея – ложно» [11]. Но само появление подобных «газетных уток» не случайно. Польские инсургенты были крайне заинтересованы в пропаганде своей деятельности и стремились придать ей большую значимость, чем было на самом деле. И здесь авторитет Шамиля пришёлся, кстати. Мифический сын имама, таким образом, позволял позиционировать дело Т. Лапиньского как продолжение деятельности его отца, а это придавало значимость фигуре польского предводителя. Но возможно, такой информационный вброс был инициативой самих журналистов «Русского инвалида», стремящихся увлечь падких на сенсации читателей. Они ссылались на некую депешу, авторство которой, к сожалению, узнать не представляется возможным.

Неприятным открытием для русских стало изменение в системе ведения войны со стороны черкесов. Военными было замечено, что «они сокращают потери, координируют движение кавалерии и атаки пехотинцев» [10, с. 186]. Стало ясно, что горцы усвоили новую технику боя, что было прямым доказательством присутствия в их среде иностранных военных специалистов, прежде всего польских инсургентов.

Их влияние прослеживалась и в событиях марта 1840 г., когда были одновременно атакованы и захвачены многие форты и крепости Черноморской береговой линии. То, как осуществлялись и были организованы атаки на крепости и форты Черноморской береговой линии, говорило о том, что планы были составлены с искусством, основанном на знании слабых и сильных сторон укрепления и способов его обороны. Это заставляло предполагать как участие посторонних руководителей, так и предательство перебежчиков польского происхождения [1, с. 462].

Важная роль в противостоянии отводилась слову. Стремясь пресекать враждебную пропаганду, российская кавказская администрация старалась не допустить распространения в регионе печатной продукции, содержащей, по мнению властей, нежелательные идеи и призывы. В этом отношении весьма красноречиво выглядит указание М. С. Воронцова от 6 июня 1848 г., в котором, в частности, говорилось: «Получив сперва от исправляющаго должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, а вслед за тем и от самого посланника нашего при Порте Оттоманской, секретные сведения, что находящимися в Константинополе Польскими эмиссарами заготовлено в одной из тамошних литографий несколько сот экземпляров возмутительных воззваний, из коих одно на русском и французском языках – к народу Донских казаков, а другое, на малороссийском наречии – к казацкому Черноморскому войску и всему казацкому черноморскому народу, в каковых воззваниях народ приглашается к восстанию противу законной власти, для соединения с Польшею, замышляющею отыскивать сею свободу, при пособии западных народов, я немедленно приказал принять все нужные меры осторожности к строжайшему наблюдению, в особенности по границе, чтобы подобные воззвания никак не могли тайным образом быть пересланы из заграницы на Кавказ и в Закавказския провинции, с целью распространения их в народе…» [12, л. 1 – 1 об.].

Российские власти следили за тем, чтобы выходцы из Польши, в лояльности которых у них были основания сомневаться, не могли проникнуть на Кавказ через территории империи. О таких мерах свидетельствует высочайшее повеление Николая I, которое было доведено до сведения наместника М.С. Воронцова осенью 1853 г. и содержало приказ «о невпуске в пределы Империи находящихся за границею Польских выходцев», а также включало список таких нежелательных лиц [13, л. 2].

На высшем уровне были также одобрены меры, предписанные по отношению изменников-поляков. Ярким примером такого рода действий со стороны имперских властей стала реакция на бегство из Петербурга титулярного советника князя Марцелия Любомирского [3, л. 1]. Всех военных губернаторов пограничных губерний поставили в известность о бегстве князя М. Любомирского, чтобы, в случае появления его во вверенных им управлениях, «он немедленно был задержан и представлен куда следует для поступления с ним на основании существующих о государственных преступниках постановлений, уведомив о том Наместника Кавказского» [3, л. 1 об].

Искали не только родовитых беглецов, но и состоявших под надзором полиции крестьян, убегавших с мест постоянного проживания в неизвестном направлении. Власти опасались их появления на Кавказе. В этой связи характерен инцидент с состоявшими под надзором полиции Яковом Парновским, Лаврентием Урбаньским, Вероникой и Иваном Рымбальскими, политическим ссыльным Иваном Лацкендорфом [4, л. 1–10].

По всем кавказским губерниям и городам были разосланы циркуляры в полицейские управления от Министерства внутренних дел с описанием примет беглецов и приказом о незамедлительном их поиске на всех кавказских территориях, подконтрольных российским властям.

Уже упоминалось, что поляки порой дезертировали из рядов российской армии и, найдя укрытие в горах, принимались воевать против неё вместе со своими новыми покровителями. Такие эпизоды не были редкостью в реалиях вооружённого противостояния на Кавказе. Но известно немало случаев, когда польские уроженцы, горевшие желанием посчитаться с русскими, оказывались нужны черкесам не в роли союзников, а лишь как невольники [6]. Подобное происшествие описал другой иностранный кондотьер, попавший в Черкесию уже накануне её военно-политического краха. Речь идёт о мемуарах А. Фонвилля, поведавшего о встрече с польским невольником по имени Фома, который решил примкнуть к отряду инсургентов. Тот говорил, что, будучи восемнадцатилетним юношей, был призван в армию и отправлен служить на Кавказ. Во время выполнения хозяйственных работ его захватили черкесы, и он «провёл несколько лет в самой грустной обстановке» [15, с. 20]. Но затем его забрал к себе наиб Шамиля, присланный в Черкесию для сплочения горцев под знаменем мюридизма. Скорее всего, речь шла о Мухаммеде-Амине, сумевшем добиться существенных успехов на этом поприще [9, с. 96–117]. Вместе с ним он объездил горы Северо-Западного Кавказа и подвергся религиозной аккультурации, причудливо восприняв ценности католичества и ислама. После бегства наиба Фома чуть было не сделался жертвой мести со стороны черкесов, которые немало претерпели от жестокостей «поборника истинной веры». Его спасло заступничество некого князя, которому он некогда оказал услугу. Поляка поселили в одном из аулов, где тот завёл свой дом, женился и занялся земледелием. Но покой длился недолго. Отряд абадзехов разграбил жилище Фомы и увёл в рабство его женщину. Лишь появление отряда кондотьеров позволило ему самому сохранить жизнь. После этого он, по словам А. Фонвилля, «сделался вполне нашим сообщником, и знание им местности было нам чрезвычайно полезно. Благодаря ему мы могли дать себе отчёт во множестве таких дел, которые мы бы никогда не поняли без его содействия. Он, между прочим, посвятил нас во все тайны и подробности общественного и политического устройства этой оригинальной и своеобразной страны» [15, с. 21–22]. Представляется, что лишь эта случайная встреча позволила относительно благополучно закончиться задуманной полковником Пшевольским авантюре. С огромным трудом кондотьеры выбирались обратно в Турцию. Для горцев они выглядели не благодетелями и соратниками в борьбе, а недругами, которые ссорят их с русскими и провоцируют гибельную войну. Автор воспоминаний признавал: «Положение наше становилось ещё более критическим, вследствие существования среди горцев одной партии, настаивавшей на заключении мирных договоров и подчинении русским. Мы не сомневались в том, что первое условие, которое будет предложено горцам, это – выдача нас, и мы боялись, что они не отвергнут этого предложения. Впрочем, я должен сказать, что до сих пор условие это каждый раз было энергически отвергаемо, и что мы никогда серьёзно не сомневались в честности наших союзников. Теперь же мысль о выдаче нас была более популярна, и нам не для чего уже было оставаться в земле черкесов, тем более что было очевидно, что продолжать борьбу не представлялось уже никакой возможности» [15, с. 36].

После капитуляции имама Шамиля и массового исхода черкесов с территории Северо-Западного Кавказа возможности продолжать борьбу у польских инсургентов больше не осталось. Их надежды на привлечение горцев к делу освобождения Польши оказались несбыточными.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. – Тифлис, 1881. Т.VIII. – 1009 с.

2. Бэлл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – Т. I. – 408 с.

3. Государственный архив Ставропольского края (в дальнейшем ГАСК). Ф. 68. Оп. 1. Д. 944.

4. ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7106.

5. Ильин П. Из событий на Кавказе // Русский вестник. – 1872. – №7 (100). – С. 216-314.

6. Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. «Набежавшими хищниками взят в плен…»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа / под ред. В. П. Ермакова. – Пятигорск: ПГУ, 2018. – 84 с.

7. Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев / под редакцией В. П. Ермакова. – Пятигорск: ПГУ, 2019. – 90 с.

8. Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев / Перевод В. К. Гарданова. – Нальчик: Изд-ий центр «Эль-Фа», 1995. – 464 с.

9. Матвеев О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. – Краснодар: Эдви, 2015. – 272 с.

10. Осли Э. Покорение Кавказа: Геополитическая эпопея и войны за влияние / Пер. с фр. Е. Д. Богатыренко. – М.: Плюс-Минус, 2008. – 624 с.

11. Пржецлавский П. Г. Шамиль и его семья в Калуге // Русская старина. – СПб., 1877. – Т. XX. – С. 471–506.

12. Российский государственный исторический архив (В дальнейшем РГИА). Ф. 1268. Оп. 2. Д. 983.

13. РГИА. Ф. 1268. Оп. 7. Д. 392.

14. «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869 гг. Сборник документов. Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. – М.: «Рос. фонд культуры»: «Российский Архив», 2006. – 706 с.

15. Фонвилль А. Последний год войны Черкессии за независимость 1863–1864 г. Из записок участника-иностранца. – Б.м.: Северо-Кавказский филиал традиционной культуры МЦТК «Возрождение», 1990. – 42 с.

Е. С. Книгина
(г. Ставрополь)

ТЕАТРАЛЬНАЯ КРИТИКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧ. XX в. НА СТРАНИЦАХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПЕЧАТИ

Одним из самых ярких воплощений литературно-художественной критики является театральная критика во второй половине XIX – начале XX в. Театральная критика в северокавказской провинции проявлялась в рецензиях на деятельность первого театра на Кавказе, располагавшегося в г. Ставрополе. Они печатались на страницах местной периодической печати.

В «неофициальной» части «Ставропольских губернских ведомостей» в середине 1850-х годов стали печататься сведения о репертуаре и составе трупп, рецензии на спектакли, отзывы о прошедших сезонах, исторические справки о театрах. Бывшие развлечения и время провождения горожан: карточные вечера, нечастые балы и танцевальные вечера, которые устраивали дворянские собрания и некоторые другие учреждения, стали высмеиваться в прессе, как забавы бескультурного общества. Театр же оказался популярнейшей темой провинциальной печати: новый репертуар давал возможность коснуться едва ли не любых актуальных проблем. Он был своеобразным клубом, где встречались горожане без различия сословий. В нем виделось средство просвещения, более действенное, чем библиотеки и лекции [3, с. 18].

На страницах газеты антрепренеры стали публиковать свой репертуар. Отсутствие достаточного числа квалифицированных специалистов, которые могли бы дать хороший критический анализ пройденным спектаклям, приводила к тому, что редакция зачастую вынуждена была печатать краткое содержание пьес, таким образом, ненавязчиво заставляя горожан следить за репертуаром театра. Формирование и развитие театральной критики на страницах Северокавказской периодической печати происходило на основе материалов, которые условно можно разделить на следующие группы: 1) объявления и хроникальные заметки об ожидаемых и исполненных спектаклях, отзывы о прошедших сезонах, о переменах в составе трупп, сведения о репертуаре и т.п., представляющие в совокупности краткую летопись театральной жизни; 2) историко-театральные статьи, исторические справки о театрах; 3) рецензии на спектакли; 4) публикации мемуаров и других документов по истории театра; 5) биографические материалы, юбилейные статьи, некрологи, словари и списки театральных деятелей; 6) зарисовки и фотографии актеров в ролях, сцен из спек-

таклей, декораций и т.п.; 7) тексты пьес театрального репертуара; 8) статьи актеров, режиссеров, зрителей по вопросам теории и практики театрального искусства.

Рецензии театральной критики, помещенные на страницах «Ставропольских губернских ведомостей» содержали в основном лишь краткие оценки спектаклей и актеров («хороши» они или «дурны»), рецензировались обычно постановки новых пьес, актерские дебюты и выступления гастролеров, кроме того, помещались театральные обзоры в связи с открытием и закрытием сезонов [8, с. 133]. Для статей XIX века характерна, так же, детальная фиксация отдельных элементов актерской игры – поз, жестов, интонаций, изложение содержания пьесы, зачастую еще неизвестной читателям, однако уже в самом этом изложении неизбежно отражалось восприятие спектакля рецензентом. Когда речь шла о дебюте нового актера, о гастролерах или о новой постановке известного произведения, основным содержанием рецензии становился анализ исполнения.

Изучение взаимно дополняющих друг друга публицистических материалов, в какой-то мере, позволяет воссоздать спектакли и роли, выявить интересы, вкусы, запросы и настроение населения города и губернии того времени. Каждый журналист рассматривает тему в определенном аспекте, в соответствии с ним подбирает и объясняет события театральной жизни города. Где-то он неизбежно субъективен, а иногда и сознательно тенденциозен. Достоверность, степень точности в передаче фактического материала, возможно, выяснить только при обращении ко многим и разнообразным источникам. В должной мере определить степень справедливости рецензентских оценок можно лишь в том случае, когда известна «платформа», с которой критикуются исполнители и пьеса. Но слишком часто похвалы и укоры голословны, объяснений, почему именно исполнение приходится считать хорошим или дурным, не дается; нередко рецензенту просто недоставало профессиональной квалификации. Отзыв об актере, основанный на одном лишь его выступлении в спектакле, не всегда справедлив независимо от позиций и квалификации критика. На игре актера могло отрицательно сказаться даже состояние здоровья, настроение. К тому же премьера часто была только «проектом», по выражению В. И. Немировича-Данченко. Окончательная отделка роли происходила на публике, при повторных спектаклях, когда он надолго оставался в репертуаре театра. Перекрестные источники открывают новые стороны явления, показывают степень полноты и объективности имеющихся рецензий.

В 1884 году появилась новая, первая частная, газета «Северный Кавказ», позиционировавшая себя как «общественно-литературная газета». На её страницах печатались более профессиональные критические статьи с «едкими» замечаниями по поводу работы антрепризы на ставропольской сцене. Поскольку газета издавалась два-три раза в неделю, это придавало изданию особую злободневность, критики больше обращали внимания на раскрытие образа, созданного актерами. Со временем газета стала своеобразным коммуникативным средством между театром и зрителем [2]. В 1908 г. на её страницах была опубликована статья русского ученого, краеведа Г. Н. Прозрителева, посвященная истории театра на Кавказе, положившая основу историописания Ставропольского театра.

Новый импульс развития театральная критика на Ставрополье получила в 80–90е гг. XIX века, когда поток информации о театральной жизни губернского города значительно расширился. В этот период на страницах губернских ведомостях можно было встретить статьи жесткого театрального критика писавшего статьи под псевдонимом «Икс» [1, с. 2]. Его статьи наиболее полно и структурировано раскрывали театральную деятельность антрепренеров, сценические постановки, и восприятие их зрителями.

Традиции театральной критики были продолжены в «Северокавказской газете» (1907–1911 гг.), «ежедневной прогрессивной общественно-политической, экономической и литературной газете» [5, с. 1], пришедшей на смену «Северному Кавказу» [4]. В отличие от других подобных изданий того периода, газета имела более длительную историю. В практически каждом номере основных газет Северокавказской провинции: «Северокавказский край» и «Северокавказское слово» помещались статьи о текущей деятельности театра, новых постановках, уровню актерской игры включая годы октябрьской революции 1917 г. и первой Мировой войны 1914–1918 гг. [6, с. 2]. Ставропольская критика всячески высмеивала театральную обстановку, пошлость репертуара, дурной вкус и плохую игру актеров: «В театре холод адский. Без шубы и галош сидеть нельзя. Пьеса прошла бы сравнительно гладко, если бы артисты немного лучше знали роли, а то вместо «Искупления» все время шли мимические гневные сцены с суфлером. Кроме того, одно указание

артисту Карскому. Этот артист очень оригинально передает сцены душевных страданий, обязательно хватаясь руками за живот. Право это смешно! Нельзя ли в следующем спектакле брать немного выше?» [8, л. 24]. Не смотря на то, что частота критических замечаний по поводу работы театральной труппы на ставропольской сцене значительно увеличилась в рецензиях, редакторы газет возвратились к детальному описанию новых постановок, актерских дебютов. Кроме этого, газеты публиковали театральные обзоры в связи с открытием и закрытием сезонов двух сцен в городе: летней и зимней площадке.

Таким образом, с появлением периодической печати на Северном Кавказе рождалась и развивалась театральная критика. Несмотря на то, что газеты носили официально-ведомственный характер, культурная составляющая была одной из важных разделов периодики. Основные газеты Северного Кавказа, в которых театральному вопросу уделялось внимание в каждом выпуске, за небольшим исключением, связанным с театральными сезонами, явились основными источниками развития театральной критики на Северном Кавказе. Исследуя сегодня эту область литературного творчества, можем заметить, что театральная критика, являясь с одной стороны конечным продуктом театральной постановки, с другой стороны, была мощным импульсом к развитию театрального дела в городе, стимулировала актеров, антрепренеров оттачивать свое мастерство, сохранять и развивать традиции русского репертуарного театра, стремиться к лучшим образцам театрального искусства. Театральная критика дореволюционного периода позволяет узнать, что хотели вложить в свое произведение авторы, как воспринял его зритель, тем самым, погрузиться в социокультурное пространство города той эпохи, приблизиться к воссозданию жизни провинциального города XIX–XX вв.

Источники и литература

1. Икс. Наша драматическая труппа // Ставропольские губернские ведомости. 1882. №37, С. 1; Он же. Еще о труппе г-жи Медведевой // Ставропольские губернские ведомости. 1882. №43. С. 2. Он же. Корне-вильские колокола // Ставропольские губернские ведомости. 1882. №50. С. 3.

2. Лепилкина О. И. История Ставропольской журналистики Часть I. XIX – начало XX вв. (дооктябрьский период). – Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. аграр. ун-та АГРУС, 2005. – 167 с.

3. Петровская И. Ф. Театр и зритель провинциальной России вторая половина XIX века. – Л.: Искусство. Ленингр. отд-ние, 1979. – 247 с

4. Северный Кавказ 1884, 20 декабря № 6, С.2; Там же, 1885, 7 января №10. С. 1; Там же, 1885, №11. С. 2; Там же, 1885, 26 ноября № 101. С.1. Там же. 1901. С. 2, 20 декабря № 25. С.2; Там же, 1907, 6 марта №23. С. 1.

5. Северокавказская газета. 1908. 24 сентября. №213. С 1. Там же 1911. 22 января №17

6. Северокавказский край. 1914, № 1046. – С. 1, 1915. №228. С. 3, 1916. №211, С. 1, Северокавказское слово 1917, 21 июля, С. 2, 17 сентября С. 1, 7 ноября, С. 2.

7. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (СГМЗ). Ф133. Оп. 4. Д. 50.

8. Статьи, помещенные в «Ставропольских губернских ведомостях» с начала их издания по 1869 г. // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 3. – Ставрополь: Типография губернского правления,1870. – С. 132–139.

Т. А. Колосовская
(г. Ставрополь)

ОБ УЧАСТНИКАХ ВОЕННО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПЕРИОДА КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ: ПОРУЧИК А. П. ЩЕРБАЧЕВ *

Неотъемлемой частью научного наследия отечественного кавказоведения являются труды, подготовленные военными специалистами в условиях вооруженного противостояния с горцами Северного Кавказа первой половины XIX в. Изучение феномена военного кавказоведения как научного и социокультурного явления предполагает обращение к отдельным личностям российских офицеров, оставивших свой след в изучении Кавказа. Наряду с учеными и местными общественными деятелями они постепенно включались в сложный процесс познания региона, а создаваемые ими труды помогали «открывать» новую окраину Российской империи.

Плеяда военных кавказоведов весьма многолика. В нее входят как широко известные исследователи (И. Ф. Бларамберг, Д. А. Милютин, П. К. Услар), так и те, которые остались в тени своих более успешных коллег. Обращение к исследовательским практикам последних, в силу слабой проработки вопроса, особенно актуально. Детальное изучение обобщающих трудов по географии, истории и этнографии Кавказа, подготовленных в ходе Кавказской войны показывает, что зачастую они опирались на данные, собранные отдельными российскими офицерами в рамках выполнения конкретных служебных заданий.

В РГВИА отложилось дело о составлении, по распоряжению Николая I на рубеже 1820–1830-х гг., систематического описания горских народов Кавказа. Одним из главных исполнителей данного проекта был штабс-капитан И. Ф. Бларамберг. Ему поручалось обобщить и систематизировать накопленный к тому времени материал и представить его в виде труда по истории, статистике, топографии и этнографии Кавказа. В этом деле находим опись рукописей, переданных И. Ф. Бларамбергу в 1832 г. из 3-го Отделения Канцелярии генерал-квартирмейстера. В ней, под номером 9, указана записка Генерального штаба поручика Щербачева [7, л. 51об.].

К творческому наследию этого офицера обращаются многие современные исследователи, занимающиеся вопросами социально-экономического, политического и культурного развития народов Северного Кавказа в досоветский период [1, 9]. При этом четкого представления о том, какие работы были им подготовлены, когда, где и с какой целью, нет. В рамках настоящей статьи попытаемся разобраться с поставленными вопросами.

Александр Петрович Щербачев родился в 1804 г. в дворянской семье. Как многие в то время отпрыски дворянских родов пошел по военной стезе и поступил в Московское учебное заведение для колоновожатых [2, с. 415]. Образовательная программа этого учреждения не была обширной и ограничивалась самыми необходимыми для будущих офицеров Генерального штаба предметами: география, история, математика, военные науки и черчение планов. Несмотря на это, как подчеркивал историк Н. П. Глиноецкий, «главный характер учения состоял в том, чтобы возбудить любовь к наукам и доставить средства заниматься ими в продолжении жизни» [2, с. 300].

В 1823 г., по окончанию курса обучения, Щербачев был произведен в офицеры свиты по квартирмейстерской части и отправлен на Кавказ, в действующую армию. Молодой офицер был прикомандирован к штабу командующего войсками, расположенными на Кавказской линии. В 1826 г. он состоял при начальнике 22-й пехотной дивизии и командующем войсками Кавказской линии князе П. Д. Горчакове, участвовал в военных действиях против горцев [4, с. 161]. Затем, судя по архивным документам, Щербачев служил в штабе командующего на линии Г. А. Емануеля и был тем самым офицером Генерального штаба, который участвовал в военно-научной экспедиции к Эльбрусу в 1829 г.

В архивном деле «О предложенной генералом Емануелем экспедиции для обозрения ближайших окрестностей г. Эльбруса, изобилующих свинцом» [6] отложились рапорты поручика Щербачева в Главный штаб, в которых он сообщал о маршруте движения отряда, трудностях ежедневных переходов и сделанных открытия. В одном из них находим описание исторического момента покорения главной вершины Кавказа: «…Сего же числа [9 июля] в 10-м часу утра отправились гг. академики к вершине Эльбруса и дошедши до снегу расположились близь оного ночлегом. 10-го [июля] дневка. Господа же академики выступили в 3 часа утра далее, поднявшись гораздо более половины горы (на высоту 12500) нашлись вынужденными по позднему уже времени, большой

усталости и рыхлости снега, обрушавшегося под ногами, возвратиться обратно в лагерь. Один только человек из числа вольных кабардинцев, взошел на самую вершину Эльбруса в 11-ть часов утра, употребив всего для ходьбы восемь часов времени. За такой подвиг получил сей кабардинец по имени Киляр Хаширов положенный приз 100 руб. серебром» [6, л. 44 – 44об.].

По ходу военно-научной экспедиции поручиком Щербачевым совместно с топографом Александровым был глазомерно снят маршрут ее следования от укрепления Каменного моста на р. Малке к г. Эльбрусу, а оттуда к Каменному мосту на р. Кубани и до укрепления Усть-Джегуты [6, л. 47]. После завершения экспедиции маршрут был отправлен в Петербург, в Военно-топографическое депо.

Исследование топографии местности, сбор статистических и этнографических сведений о местном населении входило в прямые обязанности офицеров Генерального штаба, проходящих службу при штабах действующих армий. В период Кавказской войны для Петербурга именно эта категория офицеров выступала в качестве главного и порой единственного источника достоверной и, что немаловажно, оперативной информации о положении дел в регионе.

По итогам русско-турецкой войны 1828 - 1829 гг. в пределы России было включено кавказское побережье Черного моря, а жители Северо-Западного Кавказа объявлялись подданными российского императора. Командование нуждалось в точной информации о новых приграничных территориях. 2 ноября 1829 г. генерал-квартирмейстер Главного штаба генерал-адъютант граф Сухтелен 2-й обратился к поручику Щербачеву с секретным предписанием следующего содержания: «Долговременное пребывание Ваше при начальнике войск на Кавказской линии расположенных, убеждает меня в том, что Ваше благородие могли приобрести самые основательные сведения о ближайших около сей линии обитающих кавказских племенах, нам преданных и неприязненных. Сведения сего рода, будучи необходимы для соображения Главного штаба, предлагаю Вам, с соизволения его Высокопревосходительства господина, начальствующего на линии, прислать ко мне безотлагательно для доклада господину управляющему Главным штабом…» [8, л. 19]. Офицеру предстояло подготовить «сколь можно верное поименование всех тех поколений черкесов и горцев, которые обитают в близи долин Кубани и Терека и с которыми имеются какие-либо дружественные или торговые сношения, или же противные встречи» [8, л. 19].

В предписании Щербачеву указывался четкий перечень тех предметов, по которым он должен был собрать данные: «1) настоящее определение мест и пространства, обитаемых разными племенами; 2) примерное определение народонаселения главнейших племен и сколько оные могут выставить вооруженных людей; 3) имена главнейших уздений и начальников, имеющих влияние на свои племена; 4) качество земель, коими владеют, в каких сношениях с нами и между собою, чем которые промышляют; 5) степень вероятной преданности, признавших верховенство нашего правительства; 6) поименование проходимых для войск дорог, ведущих до главнейших преступных мест и означение тех пространств, аулов, селений и проч., которые решительно почитаются неприступными; 7) воинственные … до сих пор племена и замечания всякого рода заслуживающие особенного внимания» [8, л. 19–19об.].

14 февраля 1830 г. поручик Щербачев отрапортовал о выполнении им секретного предписания и отправил в Главный штаб рукопись, подготовленного им сочинения под названием «Описание горских народов, живущих за Кубанью с означением приблизительно как велико народонаселение сих племен и сколько каждое из оных может собрать в разных местах вооруженных людей» [8, л. 100–108]. Рукопись включала в себя указания на территории, занимаемые отдельными закубанскими народами, статистические сведения о населении, а также данные о наиболее знатных горских родах и фамилиях. В заключении приводились краткие сведения о местных природно-климатических условиях и дорогах, религиозных верованиях, хозяйственной деятельности и управлении горцев, о их настроениях по отношению к российскому правительству и взаимоотношениях между собой.

Подготовленное Щербачевым сочинение включало в себя описание жителей только Западной части Кавказа, располагавшихся вблизи российских укрепленных линий. По поводу остальных офицер писал генерал-квартирмейстеру следующее: «Насчет же горцев, поселенных за рекой Тереком, я вовсе не имел еще случая ознакомиться с тем краем до сего времени, не нахожу в состоянии доставить Вашему сиятельству о них подробнейших сведений. Но по получении таковых я немедленно буду иметь честь Вашему сиятельству представить оные» [8, л. 99–99об.].

По данным М. О. Косвена, перу А. П. Щербачева принадлежит также «Описание земель Мехтулинского ханства, койсублинских владений и ханства Аварского», которое было обнаружено ученым в личном фонде Ф. К. Клюки фон Клюгенау [5] и опубликовано [3, с. 294–298].

Рукопись с пометой «Генерального штаба поручика Щербачева» не содержала даты и по предположению М. О. Косвена могла быть датирована не ранее 1830 г., поскольку в 1830 г. Щербачев вышел в отставку по семейным обстоятельствам. Подтверждение факта выхода Щербачева в отставку находим также у Н. П. Глиноецкого [2, с. 416]. После этого его следы теряются.

В списках полковников по старшинству за вторую половину 1850-х гг. находим Александра Петровича Щербачева 1-го, служившего в корпусе жандармов. Но тот ли это поручик Щербачев позволят ответить только дополнительные архивные разыскания.

Таким образом, исследовательская деятельность поручика А. П. Щербачева является ярким доказательством активного включения военных специалистов в изучение Кавказа и его населения, что называется «на месте», в условиях военных действий. Он не был профессиональным ученым. Тем не менее, собирая доступными ему способами статистические, географические, этнографические данные, систематизируя их в своих записках, он вносил свой вклад в формирование эмпирической базы отечественного кавказоведения.

Источники и литература

1. Алиев Б. Г. Офицер русской армии А. П. Щербачев о Койсублинском союзе // История, археология и этнография Кавказа. 2017. № 4 (52). С. 22–33.

2. Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. – СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1883. – Т. I. – 428 с.

3. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. – М.: Издательство восточной литературы. – 1958. – 371 с.

4. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. – М.: Наука, – 1958. – Вып. 2. – С. 139–274.

5. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 205. Оп. 1. Д. 140.

6. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014.

7. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1060. Ч. 1.

8. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6244.

9. Хотко С.Х. Открытие Черкесии. Картографические источники XIV–XIX вв. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. – 292 с.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00037 «Военные кавказоведы Российской империи: исторические портреты, исследовательские практики и научное наследие».

А. А. Колобова
(г. Ставрополь)

ДОСУГОВАЯ КУЛЬТУРА СТАВРОПОЛЬЧАН В НАЧАЛЕ XX в.

В настоящее время актуальным является изучение повседневной истории. Связь между историческим процессом и повседневностью не всегда очевидна. Однако эта связь существует, хотя и не всегда в открытой форме. Изучение повседневности на переломе эпох в историческом контексте дает возможность понять мотивацию народных масс в событиях национального масштаба, а также проследить исторические процессы до появления их в повседневной жизни. Это помогает выявить внутреннюю логику явлений, осмыслить закономерно или случайно произошли те или иные явления. Тем более, что поведение людей в мирное время более или менее предсказуемо, но в переломные моменты, к которым относится 1917 г. в истории не только Ставропольской губернии, но и России, резко возрастает значение не предвиденных обстоятельств. Одной из составляющих повседневной жизни является досуг. Досуговая культура на территории Ставропольской губернии в начале XX в. была достаточно разнообразной.

В конце XIX – начале XX вв. потребность населения города в чтении литературы Ставропольской губернской публичной библиотеки возросла. Чтобы обеспечить сохранность книг, которые выдавались на дом, руководство ввело пятирублевый залог. Но чтение газет в читальном зале оставалось бесплатным. Главными посетителями библиотеки были учащиеся (около 26 %), затем чиновники (около 23 %), далее учителя и учительницы (около 17 %), потом следовали военные (около 14,5 %), купцы (около 5,5 %), врачи (около 4,5 %), подписчики исключительно на детские книги (около 4 %), адвокаты, архитекторы, фотографы, фармацевты (около 4 %), духовенство (1,5 %). Популярностью среди читателей пользовалась беллетристика, классическая литература и сказки. Молодежь интересовалась творчеством А. Дюма, Дж. Лондона, Т. Майн-Рида. Люди более почтенного возраста предпочитали произведения Л. Н. Толстого и А. П. Чехова. Актуальна была литература развлекательного жанра: детективные и приключенческие романы, рассказы, сказки. В связи с аграрной направленностью региона спросом пользовалась специализированная сельскохозяйственная литература.

Снижение посещаемости библиотеки было связано с началом Первой Мировой войны, Великой Российской Революции и Гражданской войны. Рост посещаемости был связан с переходом Ставрополья к мирным условиям жизни в 1920 г. На данный момент эта библиотека носит название Ставропольской краевой универсальной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова.

Известный ставропольский нотариус Георгий Константинович Праве в 1896 г. открыл бесплатную народную библиотеку. «Общество для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе» в декабре 1898 г. получило разрешение основать библиотеку имени В. Г. Белинского. По инициативе передовой общественности в городе создавались новые библиотеки и читальни [7, с. 450].

Большую роль в просвещении народа, в развитии досуговой культуры играли музеи. Ставропольский краеведческий музей – один из крупнейших на Северном Кавказе. Музей открыт по решению городской Думы в 1904 г. Основателем его был Г. К. Праве, который передал в дар городу обширные и разнообразные коллекции по всем отраслям естествознания и богатую научную библиотеку для создания городского подвижного музея учебных пособий [7, с. 458].

Параллельно в 1905 г. губернским статистическим комитетом был учрежден музей Северного Кавказа краеведческого профиля. Инициатором создания этого музея стал известный общественный деятель, Григорий Николаевич Прозрителев, который передал созданный им музей в дар городу. Торжественное открытие музея состоялось в 1912 г. Нужно отметить, что фонды этих двух музеев постоянно пополнялись за счет дарения, перехода фондов из других музеев.

Музеи города превращались в островки культуры и науки. Простые люди тянулись сюда за знаниями. Здесь же собиралась прогрессивно настроенная интеллигенция города, учащаяся молодежь. В 1917 г. на заседании попечительства по заведыванию музеем имени М. В. и Г. К. Праве было решено открыть при музее политическую библиотеку [2, л. 12]. Необходимо отметить, что в 1927 г. городской музей учебных наглядных пособий слился с музеем «Северный Кавказ». На сегодняшний день музей носит название «Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве».

В начале XX в. продолжал свою работу музей Русского Бальнеологического общества. До 1905 г. функционировал в Пятигорске Музей древностей Кавказа под открытым небом. В 1912 г. Кавказское горное общество открыло в Пятигорске музей «Домик Лермонтова» [5, с. 394].

Театральное дело в провинциях России развивалось медленно. После нескольких неудачных попыток, в 1842 известный ставропольский купец 1-й гильдии Иван Ганиловский возвел на своем усадебном месте деревянный театр. За сезон 1843–1844 гг. здесь было сыграно более 30 драм и трагедий, 108 водевилей. Но театр вскоре сгорел. В 1845 г. на месте сгоревшего театрального заведения был возведен новый, камены [1, с. 276]. Ставрополь вскоре стал одним из театральных городов России. Широко были известны театральные салоны местных купцов и предпринимателей: Иванова, Меснянкиных, Леонидовых, Зарифьянцева и других.

В 1910 г. возвели новое здание театра, которое получило название «Пассаж». Его построили на средства промышленников и купцов – братьев Меснянкиных. В начале XX в. продолжали ставить такие популярные спектакли как: Л. Н. Толстой – «Власть тьмы», И. С. Тургеньев – «Отцы и дети». Н. В. Гоголь – «Ревизор», А. П. Чехов – «Дядя Ваня», А. Н. Островский – «Не было ни гроша, да вдруг алтын», А. К. Толстой – драматическая трилогия «Смерть Ивана Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис». Все это свидетельствовало о высоких вкусах ставропольских любителей театрального искусства.

Сообщения о театральных постановках регулярно печатались в местной периодике, которая давала резенции и печатала объявления о гастролях других групп. Например, в газете «Северокавказский край» было дано объявление о пятидневном туре полного ансамбля оперетты П. И. Аминаго в г. Тифлис [8, с. 3]. Набирает популярность в Ставрополе Электротеатр «Новая жизнь» [9, с. 3] (основные картины: «Минувшей юности забытые волненья», «Черные Вороны», «На вершине славы», «Я помню вечер», «За грехи отца», «Под звуки Марсельезы», «Грех», «Кокаинистка» и др.) и открывшийся 15 июля 1917 г. Электротеатр «Свобода» [10, с. 3] (основные картины: «На краю пропасти», «Семья Пучкова и собака», «Девятый вал», «Вор» и др). Также население можно прийти на выступление знаменитого баритона А. М. Брагина в театре «Пассаж» [9, с. 3].

В театре Пассаж был дан спектакль Армянского Дамского кружка, который перечислил свой гонорар в пользу амнистированных политических ссыльных [4, л. 9].

В Ставрополе находился уполномоченный совета Российского театрального общества, который предлагал открыть в Ставрополе театральный комитет [3, л. 13].

Еще одним любимым развлечение ставропольчан был цирк, наличие которого являлось престижным для губернского центра. Цирк был открыт только в 1903 г. В его открытие вложился купец и предприниматель И. Костанди. В 1905 г. Ставрополь принимал цирк А. Л. Дурова. В феврале 1905 г. начал свое выступление цирк М. Злобина, состоящий из 60 человек. Еще большую популярность цирку обеспечили электрические огни, вспыхнувшие над ареной цирка. Здесь выступали многие известные цирковые коллективы и известные артисты – наездники Федосеевский и Соболевский, братья Зариповы; борцы – И. Заикин, П. Крылов; клоун В. Лазаренко; гимнаст К. Руденко. С годами здание цирка пришло в ветхость, и вскоре его продали на дрова.

По инициативе В. С. Соболевского был построен деревянный цирк шапито. Соболевский цирк простоял несколько лет, порадовав горожан блестящими выступлениями многих выдающихся цирковых актеров России и мира [1, с. 328].

Формы проведения свободного времени крестьян были установлены обычаем и различались для разных половозрастных групп. Пожилые люди собирались на лавочках и вели беседы. Молодежь также проводила время на улице, шутили, играли в мяч, пели и плясали под гармошку, ходили гулять в центр села из окраин. Зимой девушки собирались у одной из подруг на посиделки. Мужчины предпочитали свободное время проводить в кабаке. В начале XX в. в селах появляются чайные, которые также становились разнообразными клубами для мужчин. В конце XIX – начале XX вв. наряду с традиционными формами проведения свободного времени, появляются новые, связанные с проникновением городской культуры, с повышением грамотности населения. В крупных селах стали открываться бесплатные библиотеки. Также показывали различные картины. По селам ездили бродячие музыканты, которые за плату давали на частных квартирах выступления. Вызывали интерес у крестьян и граммофоны, которые также давали послушать за плату [6, с. 154].

Таким образом, можно сделать вывод, что в начале XX в. досуговая культура Ставрополья отличалась значительным разнообразием. Общественность пользовалась услугами музеев, библиотек, театров, цирка.

Источники и литература

1. Беликов Г. А. Ставрополь – врата Кавказа. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1997. – 350 с.
2. Государственный архив Ставропольского края. (Далее – ГАСК) Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.
3. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.
4. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.
5. Край наш Ставрополье: Очерки истории / Научные редакторы проф. Д. В. Кочура и проф. В. П. Невская. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – 528 с.
6. Невская Т. А., Чекменев С. А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. – Пятигорск: ТОО «Кинт», 1994. – 164 с.
7. Очерки истории Ставропольского края / отв. ред. А. А. Коробейников. В 2тт. т.1. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1986. – 462 с.
8. Северокавказский край. 1917. 23 апреля (№86).
9. Северокавказский край. 1917. 9 июня (№124).
10. Северокавказский край. 1917. 15 июля (№154).

Е. Ю. Любушкина
(г. Ставрополь)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НА СТАВРОПОЛЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Реалии современной действительности выдвигают на повестку дня проблемы социальной помощи и поддержки наиболее нуждающихся в этом категорий населения. Сегодня воссоздаются благотворительные фонды, союзы, организации, ставящие целью возрождение и утверждение многовековых традиций отечественной благотворительной деятельности, прошедшей эволюцию от церковной благотворительности через государственную систему общественного призрения до самоорганизующейся общественной деятельности.

Во второй половине XIX в. в России, наряду с функционированием системы государственного общественного призрения, наблюдался активный рост числа общественных организаций, осуществлявших благотворительную деятельность. В 60-е гг. XIX в. в России вышел ряд указов, узаконивавших право на открытие благотворительных общественных организаций. Если до XVIII в. насчитывалось 8 благотворительных обществ и 62 заведения, с начала XVIII в. до 1860 г. – 92 общества и 249 заведений, в 1870 г. – 478 обществ и 580 заведений, а к 1899 г. число обществ увеличилось до 3504, а заведений до 2875 [1, с. 6].

На Ставрополье со второй половины XIX в. возникает сеть общественных организаций, в деятельности которых прослеживаются разнообразные виды помощи нуждающимся категориям населения. Прежде всего внимание организованной общественности было обращено к решению проблем социального характера, связанных с детской неустроенностью, обучением, бездомностью.

В г. Ставрополе в 1898 г. было создано Ставропольское общество содействия воспитанию и защиты детей. В 1899 г. Общество открыло швейную мастерскую, в которую принимали девочек в возрасте от 12 до 16 лет [10, с. 12]. Для проведения досуга устраивались спектакли в Народном доме, народные гулянья, проводились елки, организовывались прогулки. В 1901 г. в доме на Митрофановском переулке состоялось открытие Обществом приюта для беззащитных девочек, рассчитанного на 10 человек [10, с. 16]. Благодаря пожертвованиям частных лиц в 1906 г. Общество смогло построить собственное здание для приюта и учебной мастерской швейного дела, постройка которого обошлась в 20 292 руб. [11, с. 6], а число воспитанниц увеличилось до 100. Важно отметить направленность деятельности к социальной адаптации воспитанниц: их не просто содержали, но учили грамоте, прививали профессиональные навыки и способствовали устройству на работу, что говорит о последовательности проводимых мер по спасению девочек-подростков.

Социальная поддержка детей была не менее важной стороной деятельности религиозных братств. К примеру, Ставропольское Братство св. равноапостольного кн. Владимира в 1888 г. открыло Убежище для бесприютных детей (приют). Если на момент открытия приюта было принято

10 детей, то в 1889 г. было решено принимать до 100 воспитанников – мальчиков и девочек [6, с. 30]. В целях заботы о дальнейшей судьбе воспитанников, члены братства организовали для детей мастерские, в которых воспитанники приобретали определенные умения и навыки. При приюте была открыта рукодельная мастерская для девочек с целью «производить все работы по изготовлению для призреваемых в благотворительных учреждениях Братства одежду, белье, и обучать девочек шитью, вышивке, кройке, вязанью» [8, с. 54]. Для мальчиков в 1889 г. братство оборудовало сапожную мастерскую; с 1891 г. – столярную мастерскую; с 1893 г. – переплетную[8, с. 50–53].

Особую страницу в деятельности общественных организаций Ставрополья занимали вопросы, связанные с образованием и просвещением. В 1878 г. был утверждён устав Общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе. В год учреждения Общества в его ряды вступило 100 человек, в числе которых были видные общественные деятели, краеведы, учителя Ставрополя. В практике деятельности общества было открытие 3-х начальных народных училищ, 4-х воскресных школ (в последствии одна была закрыта), библиотек и библиотек-читален, организация вечерних народных чтений. С 1892 г. члены Общества проводили вечерние народные чтения. К 1900 г. насчитывалось 18 чтецов-педагогов, которыми проводились чтения в 12 пунктах г. Ставрополя. За 12 лет их посетило 112 557 чел. [5, с. 62]. В 1903 г. Обществом открыты общеобразовательные курсы для желающих получить среднее образование, на которых в том же году прочитано 114 лекций по разным дисциплинам для 4456 слушателей [5, с. 63].

В последствии в Ставропольской губернии были открыты Пушкинское просветительное общество в Медвеженском уезде (1899 г.), Просветительное общество в с. Белая Глина Ставропольской губернии (1906 г.), Эсто-хагинское общество народного образования (1910 г.), Александровское библиотечное общество (1910 г.), Большедербетовское общество образования (1911 г.).

Особую группу общественных организаций, осуществлявших благотворительную деятельность составляли общества вспомоществования нуждающимся учащимся. Общество вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольских женских гимназий Ольгинской и св. Александры (1880 г.) активно оказывало помощь ученицам оплачивая обучение, выдавая учебные пособия, пособия на одежду, продукты питания. Так, в 1895 г. была внесена плата за обучение 34 учениц Ольгинской гимназии и 30 учениц гимназии св. Александры [2, л. 8].

Количество детей, получавших благотворительную помощь от обществ вспомоществования росло с каждым годом, если, конечно, общество было финансово дееспособно. С первого года учреждения Общества вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольской 3-й женской (городской) гимназии (ноябрь 1905 г.), оно внесло за обучение в гимназии 12 учениц в течение 1905/1906 уч. г. 276 руб.; за 1906/07 уч. год. оплатило обучение 17 учениц в размере 602 руб., за 1908/09 уч. г. за 22 ученицы внесло 981 руб. [9, с. 3].

Примечательна деятельность Ставропольского на Кавказе общества помощи бедным (1897). В состав Общества входили Г. К. Праве, И. Н. Соколовский, Г. Н. Прозрителев, И. П. Кувшинский, Я. С. Минц, Г. И. Алафузов и др. Основной его задачей являлось «доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных г. Ставрополя без различия пола, возраста, званий, состояний и вероисповеданий» [12, с. 1].

Качественные показатели в деятельности Общества определила эффективная организация работы членов этого Общества. Город Ставрополь был разделен на 23 участка – попечительства, каждым из которых заведовал особый участковый попечитель или попечительница, избираемые ежегодно правлением из числа почетных или действительных членов Общества [7, с. 2–4]. Попечитель или попечительница осуществляли контроль над закрепленным за ними участком. Одной из форм работы Общества было открытие столовой в 1898 г. в период зимнего времени (4 месяца), рассчитанной на 100 человек [3, л. 17]. Распорядителем ее был назначен Г. Н. Прозрителев. Расходы по столовой, работу которой продлили до 5 месяцев составили 3880 руб., за этот период было выдано 117217 обедов, причем отпущено на дом 81839 порции [7, с. 11]. В последствии правлением Общества было решено практиковать такую форму работы и в дальнейшем.

Впавшим во временную нужду, нетрудоспособным выдавались денежные пособия. Помощь учащимся заключалась в оплате образовательных услуг: обучение и приобретение учебных пособий. Например, в 1898 г. 75 учащихся городских школ получили пособия от Общества. Общество договаривалось с врачами о бесплатном лечении бедных. Многие врачи для подопечных общества делали скидки на лекарства до 50–60 % [7, с. 19].

Благотворительная деятельность, осуществляемая общественными организациями, распространилась и на сельскую местность. Практику выдачи ссуд активно применяло Общество пособия бедным в Медвеженском уезде Ставропольской губернии (1892). Ежегодно в Правление организации поступало от 80 до 140 просьб о выдаче пособий и беспроцентных ссуд. В 1904 г. была открыта богадельня, отведены 2 комнаты под ночлежный приют. В 1909 г. Общество приобрело 15 десятин земли под организацию трудовых работ для престарелых, призревающихся в богадельне [4, л. 23].

Общество пособия бедным в Благодаринском уезде (1903) выдавало ежемесячные и единовременные пособия, предоставляло возможность в приобретении бесплатных лекарств, выделяло средства на операции, оплачивало проживание нуждающимся в лечении на Кавказских Минеральных Водах. Подопечными Общества являлись неимущие и инвалиды.

Таким образом, вторая половина XIX в. характеризуется большей активизацией общественной деятельности как в России в целом, так и в регионе, внедрением и совершенствованием различных форм их работы в сфере благотворительности, разносторонностью и последовательностью проводимых ими мероприятий. Общественные организации Ставрополья сыграли немаловажную роль в создании лучших условий в рамках социально-помогающей деятельности, выразившейся в многообразных формах работы, таких как учреждение благотворительных заведений для различных категорий нуждающихся в помощи, предоставление широкого спектра помощи для трудоспособного и нетрудоспособного нуждающегося населения.

Источники и литература

1. Благотворительные учреждения Российской империи. Санкт-Петербург: Типография СПБ акционерного общества печатного дела в России Е. Евдокимов, 1900. Т. 1. – 365 с.

2. Государственный архив Ставропольского края – ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2415.

3. Государственный архив Ставропольского края – ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Т. 2. Д. 2534.

4. Государственный архив Ставропольского края – ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Т. 2. Д. 3408.

5. Краснов М. Историческая справка к двадцатипятилетию Общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе. – Ставрополь: Типография губернского правления, 1913. – 69 с.

6. Обозрение деятельности Ставропольского братства св. кн. Владимира с 25 апреля 1888 г. по 1 января 1891 г. – Ставрополь: Т. Тимофеева, 1891. – 72 с.

7. Отчет о деятельности Правления Ставропольского общества помощи бедным за 1898 г. – Ставрополь: Типография Губернского правления, 1900. – 74 с.

8. Отчет о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимирского братства за 1900 г. – Ставрополь: Типография Т. Тимофеева, 1901. – 76 с.

9. Отчет Общества вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольской 3-й женской гимназии (городской) за 1905–1908 гг. – Ставрополь: Типолитография Т. Тимофеева, 1909. – 19 с.

10. Отчет Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей за 1901 г. – Ставрополь: Типография В. В. Берк, 1902. – 62 с.

11. Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей за 1914 г. – Ставрополь: Типолитография Т. М. Тимофеева, 1915. – 44 с.

12. Устав Ставропольского на Кавказе общества помощи бедным. – Ставрополь: Типография М. Т. Тимофеева, 1897. – 24 с.

А. Ю. Перетятько
(г. Ростов-на-Дону)

«ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО БУДУТ ПРОЦВЕТАТЬ»: Д. А. МИЛЮТИН О БУДУЩЕМ КАВКАЗА В 1840 гг. *

«Всякое правительство стремится к тому, чтобы развивать все средства, предоставляемые самой природой к увеличению благосостояния народа. В государстве, достигшем известной вехи зрелости – никакой источник достатка, обеспечивающего государственный доход, не пропадает, а приносит пользу, с каждым годом усиливающуюся. Напротив того, в государствах еще слабо населенных, не достает рук, чтобы извлечь все излишки, предоставляемые природой. Обширные и богатые продуктами области пребывают бесплодными. Но правительство, не упуская из виду этих источников, по мере нужды, по мере развития государственных сил, извлекает из них пользу. С такой точки зрения смотрю я на Кавказскую Область», – писал в 1840 г. будущий военный министр, а тогда молодой офицер-кавказец Д. А. Милютин [1, л. 25–26об.]. Нужно отметить, что в последние годы служебные записки и личные заметки героя нашей статьи, написанные в конце 1830-х – начале 1840 гг., начали привлекать внимание историков, и, например, А. Т. Урушадзе посвятил им отдельную статью [4]. Однако в центре внимания исследователей обычно оказываются военные работы Д. А. Милютина, а его тексты о социально-экономических проблемах Кавказа либо не упоминаются вообще, либо рассматриваются крайне обобщенно.

Между тем, как ясно из приведенной нами цитаты, уже в 1840 г. молодой офицер пытался смотреть на Кавказ с государственных позиций, думая не о сиюминутной выгоде Российской империи в регионе, но о стратегических последствиях правительственных решений. В этом отношении наиболее показательна его реакция на проект генерал-майора Г. М. Халанского, предлагавшего обратить все русское население Кавказа в казаков, исходя из того, что одно содержание гражданского управления краем обходится государству дороже всех собираемых с его территории налогов и сборов [1, л. 5]. Сперва изложив ряд доказательств ошибочности расчетов своего оппонента, Д. А. Милютин настоятельно рекомендовал своему начальнику, П. Х. Граббе, в первую очередь помнить о том, что долгосрочные выгоды важнее выгод временных и частных, и поэтому «говоря о всяком преобразовании в Кавказской Области, необходимо вопросить будущее и определить, что может правительство ожидать и требовать от этого края» [1, л. 25об.]. В будущем же, по мысли Д. А. Милютина, Кавказ должен был сыграть совершенно определенную роль в решении проблем Российской империи: «Кавказская Область могла бы разом принять сотни тысяч переселенцев. Ныне, кажется, настало уже время, когда внутри России лишней земли уже немного; в иных местах народ уже нуждается в ней, следовательно, и в отдаленных частях Империи, какова, например, Кавказская Область, в скором времени земли должны быть отданы поселенцам» [1, л. 26]. Молодой офицер не просто доказывал, что Кавказ готов принять сотни тысяч русских, но и готовил проект подобного переселения, и, разумеется, считал, что налоги и сборы с них принесут государству куда большую пользу, чем обращение местного малочисленного населения в казаки [1, л. 26].

Д. А. Милютин видел только две помехи своему плану, причем ими, как ни странно подобное сочетание, являлись казаки и горцы. Постоянные «прорывы хищников» с гор, с точки зрения молодого офицера, были опасны не только непосредственно наносимым ущербом, но и тем, что они «производят невыгодное моральное влияние, особенно на человека, который не свыкся с таким положением в крае, и отнимают всякое желание переселяться из внутренней России в Кавказскую Область» [1, л. 26об.]. Судя по контексту, Д. А. Милютин надеялся оттеснять горцев дальше и дальше на юг, решая таким образом и вторую проблему, проблему казаков. Дело в том, что будущего военного министра категорически не устраивало текущее положение дел, при котором пользователем огромнейших земельных угодий выступало Кавказское Линейное войско, поскольку он считал казаков плохими земледельцами [1, л. 26об.-27]. Соответственно, по мере отступления горцев на юг, казаки должны были переселяться вслед за ними, оставляя «большую часть земель» переселенцам [1, л. 27]. Мы не будем подробно останавливаться в этом докладе на тех картинах прекрасного будущего после реализации данного проекта, которые рисовал Д. А. Милютин в своей рукописи, поскольку они очень близки к риторике возглавляемого им в 1860 гг.

Военного Министерства, обещавшего тогда казакам процветание после допуска на их земли иногородних и внутренней колонизации территорий казачьих войск [3, л. 1–19].

К сожалению, самого проекта переселения русских на Кавказ в личном фонде в ОР РГБ Д. А. Милютина мы не обнаружили. Зато в нем, непосредственно после отзыва на проект Г. М. Халанского, хранятся выписки из французских журналов о колонизации Алжира. Учитывая специфику данного фонда, в котором материалы систематизированы тематически, а так же то, что часть «алжирских» выписок хранится в оригинальной папке, подписанной Д. А. Милютиным «Заметки, мнения и предложения о Кавказе, писаные по возвращению оттуда» [2, л. 1], можно с уверенностью говорить, что будущий военный министр планировал использовать при заселении Кавказа французский колониальный опыт. С точки зрения написанного выше, интереснее всего обширный отрывок о «системе колонизации», полностью выписанный Д.А. Милютиным из журнала «Moniteur Algrien» за 1842 г. Хотя комментариев к самому тексту выписки будущий военный министр не делал, в начале он не только указал, откуда им списана информация, но и отметил ее ценность, не уточнив, впрочем, в чем она заключается [2, л. 2]. Судя по всему, Д. А. Милютина заинтересовали технические детали процесса переселения: так, неуказанный им французский автор отмечал, что колонизация не может быть успешна, если для переселенцев не будут предварительно подготовлены помещения; что помещения эти следует строить в местах, обильных водой и удобными земельными участками; что в будущих административных центрах следует сразу возводить церковь, школу и казармы; наконец, что переселенцев следует тщательно отбирать, поскольку «Франция имеет право требовать возмещения за свои пожертвования, которые были бы убытком, если бы новые поселки образовывались бы из людей бесполезных, неспособных уплатить будущие подати» [2, л. 2–4]. Возможно, именно знакомство с французским опытом заставило Д. А. Милютина отказаться от смелых проектов по переселению «сотен тысяч» русских на Кавказ. В столь заинтересовавшей его статье сообщалось, что до принятия вышеописанной системы колонизации «несчастные переселенцы, не найдя ничего готового, <…> не могли обеспечить своего существования и гибли тысячами» [2, л. 2]. И даже в изменившихся условиях, с государственной поддержкой, «для прочного и основательного водворения самого малого поселения» было нужно «время и время» [2, л. 4об.].

Нам остается констатировать, что кавказские рукописи Д. А. Милютина не только содержат ценный материал по военной истории, но и демонстрируют становление экономических воззрений будущего военного министра. В отличие от своего старшего коллеги Г. М. Халанского, молодой кавказский офицер уже в 1840 гг. смотрел на войну не как на самоцель, но как на способ достижения поставленной цели, в случае с Кавказской войной – цели русской колонизации Кавказа. Соответственно, он отвергал меры, эффективные во время боевых действий, но затрудняющие дальнейшее гражданское и экономическое развитие края. В этом отношении особенно интересно то, что Д. А. Милютин рассматривал и горцев и казаков как элементы, мешающие колонизации богатейших земель, причем казаки казались ему даже опаснее. Набеги горцев, как считал будущий военный министр, к 1840 г. почти прекратились [1, л. 26об.]; между тем обращение всех жителей Кавказа в казаков в интерпретации Д. А. Милютина «было бы делом вековым» и едва ли поправимым [1, л. 25об.]. Следует отметить так же и внимание молодого офицера-кавказца к иностранному опыту, в данном случае французскому. В целом, воззрения Д. А. Милютина на будущее Кавказа в начале 1840 гг. показывают всю неординарность его личности и широту кругозора.

Источники и литература

1. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 169. Кар. 18. Ед. хр. 16.

2. ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 18. Ед. хр. 17.

3. ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 20.

4. Urushadze A.T. The Caucasian War in the Writings of D.A. Milyutin // Voennyi Sbornik, 2013, Vol.(2), № 2. Pp. 163-168.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00009.

А. А. Пятунина
(г. Ставрополь)

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ ГОРСКИХ ОБЩЕСТВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Завершающий этап завоевания Кавказа совпал с либеральными реформами 60–70-х годов XIX века в России. Вслед за реформами в Центральной России реформы проводятся и на Кавказе.

Включение Северо-Кавказского региона в общероссийскую систему государственного управления, а также осуществление крестьянской и земельной реформ привели к необходимости поиска приемлемых форм местного самоуправления. Центральное правительство указывает Кавказской администрации на возможность объединения местного и российского опыта [8, с. 99].

Реформы местного самоуправления на Северном Кавказе, проводились сдержано, чтобы не вызвать недовольства со стороны местного населения насильственной перестройкой их традиций и общественного уклада. Сегодня исследование этого опыта может быть полезно при развитии муниципальных образований на соответствующих территориях.

Общая концепция развития местного самоуправления народов Северного Кавказа, сводилась к устранению различий между административными общеимперскими и судебными нормами. Это означало проведение буржуазно-демократических реформ, ликвидацию «военно-народной» формы правления и постепенное создание с помощью правовых и экономических механизмов системы управления.

Для более удобного управления в середине 60-х годов XIX века, кавказская администрация произвела укрепление ряда селений, так из 116 аулов Большой и Малой Кабарды, были образованы 42 населенных пункта [4, с. 871].

В результате реформ сословно-представительные собрания в княжеских имениях были переданы под контроль царской администрации, а затем их деятельность была полностью запрещена. В то же время в селах была создана Общинная организация, сыгравшая важную роль в жизни горских народов.

Жизнь сельских обществ регулировалась «положением об аульных обществах в горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении». Положение определяло порядок формирования сельских обществ, их состав, права и обязанности [5, с. 126].

Аульные общества состояли из всех лиц свободного статуса, проживающие в одном большом ауле и нескольких небольших селах, которые для удобства были объединены в одно общество, что является попыткой свести аульную администрацию к общинному управлению, свойственному центральным областям империи [11, с. 102].

Власть в сельских обществах принадлежала старейшинам и их помощникам, которые избирались на сельских сходах и утверждались высшей властью на срок не менее трех лет. За службу им назначался оклад из аульных обществ, размер которого определялось высшим руководством, а в качестве льготных мер предусматривалось освобождение от натуральных повинностей.

Таким образом, можно говорить об оформление общественных аульных должностей в государственные, которые можно отнести к самому низшему звену административного аппарата [11, с. 103].

В ходе реформ претерпел изменения и традиционный институт общественного управления – сельский сход. В сходах не участвовали лица, совершившие преступления или находящиеся под следствием. Введении сельских сходов были внутриобщинные хозяйственные вопросы, решение аульных сходов признавались законными при соблюдении ряда условий: присутствие аульного старейшины и не менее 2/3-их всех членов схода [13, с. 142–144].

Аульные сходы были ограничены в принятии решений по многим важным вопросам, для этого требовалось разрешение вышестоящего начальства. Общинные сходы собирались преимущественно по инициативе органов местной власти, сельскими старшинами и решения принимались под бдительным надзором представителей российской администрации.

Совет старейшин играл важную роль в системе общественного управления горских обществ, но в ходе реформации не получил закрепления в законодательном порядке. Его функции были ограничены решением проблем бытового характера.

Таким образом, основы общинной организации общества были подорваны, а глава сельской администрации в лице сельского старшины превратился в чиновника, наделенного администра-

тивными, полицейскими функциями, который находился в зависимости от вышестоящих администраций [11, с. 103].

Деятельность мусульманского духовенства, в частности Эфенди (сельский мула) в составе аульного правления, была поставлена под строгий контроль российских властей. Эфенди избирался на аульном собрании, но обязательно утверждался кавказской администрацией, за ней же оставлялось право отстранить его. В компетенцию Эфенди входил процесс приведения к присяге всех должностных лиц, участие в аульном суде, скрепление подписью общественных договоров и др. Эфенди были освобождены от налогов, за службу им назначалось определенное содержание, а также имели ряд других важных привилегий [11, с. 104].

В начале 80-х годов XIX века в русле «политики контрреформ» Александра III произошло коренное изменение стратегии управления всем кавказским регионом, выразившееся в упразднении наместничества и установлении в качестве главы Кавказской администрации Верховного Главнокомандующего с ограниченной степенью самостоятельности, основные нити управления сосредоточились в руках центрального правительства и канцелярии генерал-губернатора.

Таким образом, в результате значительных изменений в системе общественного самоуправления северокавказских горцев, с одной стороны, сохранились некоторые ее традиционные институты, с другой – их деятельность попала под жесткое регулирование Кавказской администрации, которая все еще пыталась обходиться без радикальных мер.

Положительным моментом в реформировании структуры горских обществ стала успешная практика привлечения местного населения на низшие уровни управления.

Источники и литература

1. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. – СПб., 1907. – С. 155.

2. Дарчиева С. Реформы и контрреформы на Северном Кавказе: проблема выбора (конец XIX – начало XX вв.) / С. Дарчиева // Власть, 2013. – С. 156–159.

3. Думанов Х. М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Первая половина XIX века. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 262 с.

4. История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева. Сборник статей и документов. – Нальчик: ГП КБР "Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.". Эль-Фа, 2005. – 904 с.

5. Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX века). – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 126 с.

6. Кавказское краевое управление. Всеподданнейший отчет наместника Кавказского по гражданскому управлению Кавказским и Закавказским краем, 1863–1871. – [Тифлис : Б. и., 1871]. – 43 с.

7. Кузьминов П. А. Трансформация аульного управления в Кабарде и Балкарии в научном кавказоведении / Л. А. Тхабисимова, П. А. Кузьминов // Научная мысль Кавказа, №3, 2014. – С. 116–125.

8. Кушхов И. А. Местное самоуправление в нальчикском округе в пореформенный период. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 99–101.

9. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 году / Сост. Г. А. Кокиев. Нальчик, 1947. – 272 с.

10. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.: Славянский диалог, 1997. – С. 281.

11. Невская Т. А. Власть и реформы на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.): монография / Т. А. Невская, А. С. Кондрашева. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2011. – 392 с.

12. Новиков А. Записки о городском самоуправлении. – СПб., 1904. – 220 с.

13. Памятная книжка Кубанской области на 1874 год. – Екатеринодар, 1873. – 262 с.

Н. Д. Судавцов
(г. Ставрополь)

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ РОМАНОВ – НАМЕСТНИК НА КАВКАЗЕ

В 1862 г. в связи с оставлением князем А. И. Барятинским поста наместника на Кавказе встал вопрос: кого назначить вместо него. Император Александр 11 принял решение назначить на Кавказ своего младшего брата Михаила. В окружении императора было немало тех, кто хотел быть хозяином обширного региона и возражали, ссылаясь на то, что великий князь ещё молод и не имеет достаточного опыта государственной работы. Правда, некоторые из родственников царя одобряли это назначение. Одной из причин был неуживчивый характер его супруги баденской принцессы Ольги Фёдоровны. Сам Михаил Николаевич воспринял назначение как должное. Тем более что это был самостоятельный участок деятельности, где он являлся полноправным хозяином. На Северном Кавказе продолжалась война с горцами, и он её должен был завершить [13].

С первых дней пребывания на Кавказе, Михаил Николаевич всецело отдался делам. Прежде всего, он занялся реализацией требования императора Александра II о завершении Кавказской войны в три года. Прибыв в г. Ставрополь, наместник вместе с командующим войсками в Кубанской области генерал-лейтенантом Евдокимовым, о котором он имел хорошие отзывы от императора и А. Барятинского, начал своё знакомство с Кавказом. В итоге он всецело положился на Евдокимова, доверив решать военные вопросы [8].

Новый наместник стремился проводить взвешенную политику с учётом многонациональности Кавказа, обычаев населявших его народов. При этом упор делался на то, чтобы, решая военные, социально-экономические и политические вопросы, как можно быстрее замирить Кавказ и включить в общероссийский рынок [13].

Один из важных вопросов, которые решал наместник, было совершенствование управления наместничеством. Разобравшись с делами, он провел большую работу по кадровым перестановкам.

В Закавказском крае все оставалось по-старому; в местной администрации не замечалось улучшений. Переустройство князем Барятинским центрального управления гражданской частью Кавказского края не принесло заметных результатов, но зато разрослась бюрократия. Исходя из того, что ему нужны люди, знающие Кавказ, его особенности. Поэтому Михаил Николаевич некоторых чиновников, ранее работавших, в регионе возвратил на Кавказе [8].

Чтобы получить более достоверную информацию от населения Михаил Николаевич установил личный приём населения по вторникам и субботам. Он также завел порядок, при котором ему могли присылать прошения по почте, передавать через канцелярию. В то же время для наведения в этом деле порядка было установлено не принимать жалоб, которые должны разрешаться на местах, нигде и никем не рассматривавшиеся. Жалобы на постановления и решения судебных органов, а также без подписи и указания места жительства для рассмотрения не принимались. Жалобщики получали обоснованные ответы. Такой порядок выполнялся неукоснительно и получил одобрение окружающих [11].

В это время в России шли «великие реформы», в разработке которых непосредственное участие принимал и Михаил Николаевич. Будучи наместником, он принимал меры к тому, чтобы реформы быстрее были распространены на Кавказ.

Решение экономических проблем во многом зависело от состояния транспорта. За время его наместничества были построены железные дороги Баку-Поти и Ростов на Дону – Баку. Значительное развитие получили морское сообщение на Каспийском и Чёрном морях, судоходство по рекам Кура, Кубань, Рион.

Михаил Николаевич большое внимание уделял состоянию образования в наместничестве. В 1864 г. был восстановлен Кавказский учебный округ, упразднённый А. И. Барятинским в 1860 году. Главным инспектором учебных заведений Кавказа и Закавказья был назначен члена совета министра просвещения России Я. М. Неверов, который в 1867 году получил должность попечителя Кавказского учебного округа. Выбор этот был не случаен. Михаил Николаевич исходил из того, что Я. М. Неверов не только хорошо знал просвещение, но и, что особенно важно, Кавказ с его проблемами. Ранее в 50-годы он был директором Ставропольской мужской гимназии и возглавлял губернскую дирекцию училищ [11].

Бывая на местах, Михаил Николаевич всегда старался посещать учебные заведения разных типов, оказывать им всяческую помощь и поддержку. В этом не маловажную роль, на наш взгляд, имело то, что он был начальником управления военно-учебных заведений России. Так, будучи осенью 1864 г. с Ольгой Фёдоровной в г. Ставрополе, они посетили женские учебные заведения св. Александры и училище первого разряда, которыми остались довольны. Для укрепления материального положения женских училищ они пожертвовали из личных средств в пользу учебного заведения св. Александры 1000 рублей и училища первого разряда 500 рублей [3]. Он стремился по возможности открывать новые учебные заведения, побуждая к этому должностных лиц и состоятельных людей.

Результатом такого подхода было то, что в 1880 г. в Кавказском округа учебная сеть значительно разрослась и выглядела следующим образом: 10 гимназий и прогимназий, 3 реальных училища, 3 учительских института и семинарии, 125 низших женских училищ, 10 женских гимназий и прогимназий, 29 городских и уездных училищ, 2834 начальных сельских и городских училища, 65 частных учебных заведений. Всего заведений стало 3111 против 239 в 1865 г. В них было 921027учащихся против 15611 [12].

С самого начала наместник уделял большое внимание национальным и конфессиональным проблемам, как важному фактору стабильности на Кавказе. Уже 19 марта 1863 года он встретился с представителями и депутатами мусульманского населения Тифлисской губернии. В беседе с ними он подчеркнул: «Удостоверьте ваших соотечественников, что вера всех и каждого остается неприкосновенною. Правительство никогда не помышляло и не будет помышлять касаться религиозных убеждений, для каждого священных» [2].

Кавказская война была завершена в установленный императором срок. 21 мая 1864 г. наместник, командующий Кавказской армией М. Н. Романов дал Александру 11 депешу: «Имею счастие поздравить Ваше Величество с окончанием славной Кавказской войны. Отныне не остаётся больше ни одного непокорённого племени» [15].

Но при этом обращает на себя внимание то, что произошёл самый настоящий исход горцев западного Кавказа в Турцию, куда переселилось 418 тыс. человек [14]. На торжественном приёме, организованном в Тифлисе в честь победы русских войск на Западном Кавказе, наместник с удовлетворением сказал:

– Отныне кавказская война переходит в историю. Нам предстоят теперь заботы о гражданском устройстве и развитии умиротворенного края и я вполне надеюсь, господа, что и на этом поприще вы все будете так же помогать и содействовать мне, как содействовали и помогали до сих пор [4].

Когда ещё война шла к своему завершению, в окружении Михаила Николаевича вынашивалась идея увековечить прошлое, многолетнюю историю борьбы за Кавказ. Для выполнения этой работы была учреждена Кавказская археографическая комиссия, которая провела большую работу по изучению архивов. Результатом стало издание Кавказского сборника, «Акты Кавказской археографической комиссии» [1].

6 августа 1865 г. был учреждён Кавказский военный округ. Главное начальство в округе было возложено на командующего Кавказской армией наместника. Ему были предоставлены прав несколько обширнее, чем предусматривалось положением о военных округах 1864 г. С учётом особенностей края были учреждены органы, которых не существовало в европейских округах: особое Кавказское горское управление, военно-топографический отдел, Ставропольский и Петровский отделы окружного интендантского управления, должность походного атамана казачьих войск. [8] Местные войска в Кубанской, Терской и Дагестанской областях были подчинены областным начальникам, в Кутаисском губернаторстве и Закатальском округе начальникам местных войск. Михаил Николаевич, продолжая начатое его предшественниками, большое внимание уделял разведке полезных ископаемых на Кавказе. Были открыты большие залежи нефти в районе Баку и началась их интенсивная разработка. В 70-е годы протянулись от города Баку к Чёрному морю нефтепроводы, «нефтяные ветки», для перекачки нефти в Черноморские порты и отправки её на юг России и за рубеж.

Наместник особое внимание уделял развитию транспортной системе от чего напрямую зависело социально-экономическое развитие Кавказа Михаил Николаевич, продолжая начатое его предшественниками, большое внимание уделял разведке полезных ископаемых на Кавказе. Были

открыты большие залежи нефти в районе Баку и началась их интенсивная разработка. В 70-е годы протянулись от города Баку к Чёрному морю нефтепроводы, «нефтяные ветки», для перекачки нефти в Черноморские порты и отправки её на юг России и за рубеж.

Вслед за железными дорогами, а также в других местах потянулась связь лентами проволоки телеграфных столбов, связавшие Тифлис с Петербургом, а чрез него со всей планетой. Строились новые предприятия, реконструировались старые, развивалось садоводство, виноградарство, открывались новые учебные заведения. Прибывавшими на Кавказ переселенцами из Малороссии, Центральной России осваивались новые земли. Спрос на кубанский и ставропольский хлеб постоянно рос. Он отравлялся не только в губернии России, но и за рубеж, где очень высоко ценился.

Развитие транспортной системы дало мощный толчок для расширения торговли как внутри наместничества, так и за его пределами с центральными регионами, а также с зарубежными странами. Заметно увеличился экспорт товаров из наместничества. Ставропольское и кубанское зерно стало вывозиться во всё больших объёмах не только в Москву, Петербург, но и в западноевропейские страны через Ростов на Дону, а затем через Новороссийск.

Занимаясь проблемами развития Кавказского края, Михаил Николаевич большое внимание уделял развитию банковской системы, кредитованию на Кавказе, как важному средству развития экономики и решения многих вопросов социальной сферы. Были открыты отделения государственного банка в Тифлисе и Баку, городские и общественные банки в Ставрополе, Владикавказе, Пятигорске, Темрюке, Кизляре и Моздоке. Возникли общества взаимного кредита в Тифлисе, Баку и Екатеринодаре. Были открыты дворянские банки в Тифлисе и в Кутаиси.

После отмены крепостного права на территории наместничества интенсивно росла численность населения за счет переселенцев из центральных губерний России и Малороссии, особенно из тех мест, которые страдали малоземельем.

Наряду с военными делами Михаил Николаевич большое внимание уделял тому, как идут реформы на Кавказе. Пользуясь положением, он ускорил распространение положений по отмене крепостного права на закавказские губернии. Как один из тех, кто непосредственно участвовал в рассмотрении положений по отмене крепостного права в России, считал, что ускорение решения этого вопроса на крайне необходимо. Одной из важнейших задач, стоявших перед наместником было освобождение от крепостной зависимости. Положение сельского населения в большей части Закавказского края имело некоторое сходство с крепостным состоянием в России. В то же время оно во многом существенно отличалось и имело свои особенности. Наместник образовал в закавказских губерниях особые комиссии для разработки проекта специального Положения. К началу 1864 года такой проект был выработан для Тифлисской губернии. Было признано оказать правительством значительную финансовую поддержку землевладельцам, чтобы облегчить им переход к новым условиям хозяйствования. Намечалось выделить 2 млн рублей. Император подписал указ «Об освобождении из крепостной зависимости крестьян Тифлисской губернии» 13 октября 1864 г., в день рождения Михаила Николаевича. 8 ноября, в день его именин, он обнародован в Тифлисе и губернии. [8] Затем это было сделано в Кутаисской губернии, Мингрелии, Абхазии. Газета «Кавказ» писала: «Отныне на всем пространстве нашего обширного края нет более ни рабов, ни крепостных, ни личной зависимости». [6] Потом последовали работы для поземельного устройства крестьян и их отношений к частным владельцам, для чего создан институт мировых посредников и сельское общественное управление.

Михаил Николаевич придавал этому вопросу важное значение, так как считал, что от того, как местное руководство будет внимательно заниматься устройством сельского состояния, зависит успех дела и настроение в наместничестве. Поэтому он обращал на это самое пристальное внимание губернаторов.

Увидев на практике плачевное состояние судебной системы в наместничестве, наместник добился того, что уже в 1868 г. стали действовать окружные суды в Ставропольской губернии, Кубанской области. В Тифлисе был открыта судебная палата. Учреждение судов в Закавказье было определено распоряжением наместника. Были открыты окружные суды с прокурорским в них надзором, старшими нотариусами и межевыми членами. Ряд уездов получили мировые суды, были созданы городские мировые суды, три в Тифлисе и по одному в Кутаисе, Поти, Эриване. Там, где нотариусов не было, их функции были переданы мировым судам. [5]

В 1871 г. Кавказ посетил император Александр 11. Проезжая по Кавказу император остался крайне довольным благоустройством края и его войск. Он выразил ряд признательностей Ми-

хаилу Николаевичу: 14 сентября за примерный во всех отношениях порядок, благоустройство и отличное состояние дорог, а также регулярных и иррегулярных войск в Дагестанской области. 19 сентября за такой же порядок в Терской области. 20 сентября за отличное состояние войск, представленных ему в Тифлисе.

Свои впечатления, о трехнедельном объезде Кавказа и Закавказья, император Александр выразил в рескрипте великому князю Михаилу Николаевичу: «…Отъезжая ныне с Кавказа, я уношу в душе самое отрадное воспоминание о всем мною виденном. Мне истинно приятно выразить вашему императорскому высочеству мою душевную признательность за ваши долголетние труды и заботы о благоустройстве вверенного вам края и за отличное состояние вверенных вам войск. Искренно вас любящий и благодарный брат, и друг, Александр» [13].

Михаил Николаевич не отличался особой чопорностью и не требовал к себе излишнего внимания. Для него главным было, чтобы всё было чётко организовано, и он мог передвигаться максимально быстро. Это организовывал руководитель его канцелярии.

Конечно, Михаилу Николаевичу, как наместнику, было гораздо легче, решать многие вопросы, чем другим, поскольку он был братом императора и имел с ним непосредственное общение. Но внешние формальности взаимоотношений между ними соблюдались неукоснительно, имеется в виду титулование, рескрипты, высочайшие повеления, рапорты и т.д. Родственные отношения позволяли решать многие вопросы по-семейному. Да и ведомства подходили к проблемам, которые ставил наместник, с пониманием, более внимательно и предупредительно.

С началом в 1877 г. войны с Турцией наместник на Кавказе был назначен главнокомандующим русской армии на азиатском театре военных действий. Михаил Николаевич много внимания уделял подготовке войск к военным действиям. По его предложению был сформирован действующий корпус, в составе отрядов, действовавших на отдельных направлениях. Командование корпусом он вверил генералу Лотис-Меликову.

Как главнокомандующий Кавказской армией, Михаил Николаевич неоднократно выезжал в действующий корпус, где предметно рассматривал вопросы, связанные с ведением военных действий, не откладывая решал возникавшие проблемы. По итогам войны он был награждён орденом св. Георгия Победоносца 1-го класса и получил чин фельдмаршала.

Тифлис при Михаиле Николаевиче был не просто центром Кавказского наместничества, а своеобразной столицей Кавказа. Сюда хотели попасть многие: купцы, предприниматели, приезжавшие на юг России высокопоставленные лица, даже из-за рубежа. Это происходило в значительной мере не только от самого положения великого князя Михаила Николаевича, но в значительной мере от тех нововведений, которые происходили в крае по его инициативе.

Занимаясь делами на Кавказе, Михаилу Николаевичу не чужды были личные интересы. Располагая значительными средствами, он при первой возможности приобретал хорошую недвижимость. На Кавказе у него траты средств были значительно меньше, чем, если бы он находился в столице. В 1869 г. великий князь приобрел для Ольги Фёдоровны имение Ай-Тодор в Крыму площадью 70 десятин. Позже площадь имения была расширена до 200 десятин. Имение было обустроено. Большую часть занимали виноградники, которыми оно славилось. Было налажено производство вина. 20 сентября 1872 г. высочайшим указом Михаилу Николаевичу было пожаловано в вечное и потомственное владение Боржомское казённое имение.

Михаила Николаевича беспокоила судьба брата, за которого он очень переживал в связи с покушениями на него. Поэтому зимой он выехал в Петербург, чтобы быть рядом с ним. 1 марта 1881 г. он был рядом с Александром 11 на разводе, затем заехали к великой княгине Екатерине Павловне, к которой Александр 11 любил заезжать на кофе. Там Михаил Николаевич задержался на несколько минут. И в этот момент произошла трагедия. Император был смертельно ранен бомбой террористов. И Михаилу Николаевичу пришлось сопровождать умирающего брата во дворец.

После смерти Александра 11, императором стал его сын Александр 111, который среди родственников особенно выделял Михаила Николаевича, который ничего не просил. Михаил Николаевич был человеком не конфликтным. За это его уважали родственники, особенно племянники, которые могли рассчитывать на его поддержку. Наиболее доверительные отношения у него сложились с великим князем Александром Александровичем, цесаревичем наследником российского престола. Тот нередко обращался в трудные минуты за поддержкой к дяде Мише.

Поэтому Александр III назначил его 23 июля 1881 г. на высший пост председателя Государственного совета, считая своей главной опорой [9].

Покидая Кавказ, Михаил Николаевич издал циркуляр, в котором писал: «С грустью в сердце Я оставляю край, с которым сроднился продолжительным пребыванием и понесенным для него трудом, - край, где благодатная природа и щедрые задатки духовных сил разноплеменных населений одинаково внушают интерес и возбуждают симпатию. Обращаясь с прощальным приветом к Кавказу, Я не могу не помянуть благодарного сочувствия почтенной деятельности тех, и служащих и служивших здесь в период Моего управления лиц, которые, на высших ли или низших ступенях иерархии, по мере сил, честно и по совести несли свою долю труда на благо этой прекрасной части общего нашего отечества». С отъездом великого князя М. Н. Романова с Кавказа было упразднено Кавказское наместничество [10].

Источники и литература

1. Акты Кавказской археографической комиссии. - Т.1. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. – 827 с.

2. Газета Кавказ, 1863. – № 25.

3. Газета Кавказ, 1864. – №3.

4. Газета Кавказ. 1864. – № 46.

5. Газета Кавказ, 1868. – № 20.

6. Газета Кавказ, 1871 год. – № 28.

7. Кавказский сборник / Под редакцией полковника гвардейской артиллерии Чернявского. - Том I. – Тифлис: Типография окружного штаба Кавказского военного округа, 1876. – 369 с.

8. Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 511.

9. Ставропольские губернские ведомости. 1881. – 8 августа. – №32.

10. Ставропольские губернские ведомости. 1881. – 12 сентября. – №37.

11. Столетие военного министерства. 1802–1902. Императорская главная квартира. Исторический очерк развития военного управления в России. – СПб.: Издательство: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1902. – С. 515–516.

12. Струков Д. П. Августѣйшій генерал-фельдцейхмейстер великій князь Михаил Николаевич: очерк жизнеописанія Его Императорскаго Высочества. Т.2. – СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1906. – С. 354.

13. Татищев С. С. Император Александр второй его жизнь и царствование. Кн 2. – М.: Алгоритм, 1996. – С. 83–84.

14. Трёхбратов Б. А. История Кубани. – Краснодар: Куб. кн. изд-во, 2000. – С. 246.

15. Фадеев Р. А. Кавказская война. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – С. 194.

Д. С. Ткаченко
(г. Ставрополь)

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И АВАНТЮРИСТОВ О КАВКАЗЕ И КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В XIX в. *

XIX век стал временем активного строительства как Российской, так и Британской империй, чьи интересы на Ближнем Востоке и в Средней Азии все больше сталкивались, а политическое противостояние выливалось в сложный конгломерат международных отношений. С продвижением России за Кавказский горный хребет, регион превратился в стратегический плацдарм, овладев которым можно было вести активную политику как на Ближнем Востоке, так и на транспортных коммуникациях, ведущих в Британскую Индию. Это привлекало к нему взгляды не только российских, но и британских властей.

В отличие от Российской империи, имевшем на Кавказе свои органы гражданско-военной администрации, сбор сведений о регионе в Британии осуществляется многочисленными частными путешественниками, ехавшими в Индию через Кавказ и попутно делавшими разного рода путевые заметки. Некоторые из них были выполнены с большим талантом и получили признание на литературном поприще, другие, составленные спешившими домой или к месту службы, вскользь упоминали Кавказ, – однако, все они в общей совокупности давали довольно четкую картину региона.

Одним из первых англичан, посетивших Кавказ в первые десятилетия XIX в. был полковник Индийской армии Джон Джонсон, совершивший вместе со своим напарником – капитаном Сатлером, путешествие из Индийского Бомбея в Англию в 1817 г. [12]. Мы можем только гадать, была ли поездка англичанина его личной инициативой, или за ней скрывалась разведывательная миссия – об этом автор заметок, разумеется, умолчал. Офицер указал точные расстояния между населенными пунктами, описал основные ориентиры и достопримечательности местности; от внимания англичанина не ускользнуло состояние дорог, направление течений рек и ручьев; характер переправ через водные преграды и облик местных жителей. Сам характер педантичных записей позволяет читателю сделать вывод, что интерес к ведущим в Индию сухопутным путям у британского офицера был далеко не частным.

Примерно в это же время – с разницей всего в несколько месяцев – Кавказ посетил известный Британский художник Генри Кер Портер. Уже в пути он изменил свой маршрут «от волн Эвксина к горам Кавказа» [8, P. 2], чтобы посмотреть на те земли, которые Российская империя сделала доступными для европейцев. Записи художника содержат зарисовки красот Кавказского горного хребта, которые до сих пор определяют тональность его описания в англоязычной литературе [6, P. 5]. «Я не знаю никого, кто, взирая на Кавказ, не ощутил бы чувства его девственного, неописуемого великолепия, которое просто переполняет душу» [8, P. 45], – восторженно писал автор.

Портер так же пересказал то, что он слышал о Кавказе от российских военных. Он стал первым англичанином, попытавшемся передать знаменитый Ермоловский афоризм, сравнивавший войну на Кавказе с «осадой обширной и сильной крепости, где с успехом можно продвигаться вперед только шаг за шагом» [8, С. 1]. В английском переводе, Портер изменил слово «крепость» на «бастион», однако сохранил тот смысл, который в него вкладывали российские военные [8, P. 44].

Портер оставил довольно мрачные зарисовки жителей гор. «Здешние люди еще не дошли в своей сущности до такого состояния, когда закон силы уступает место закону целесообразности»[8, P. 78], – писал он во время пути по Военно-Грузинской дороге, размышляя как о красотах тех мест, по которым пролегал кратчайший путь на Ближний Восток, так и о характере действий России в регионе.

В целом, в записках англичанин первых десятилетий XIX в. прослеживается идея общности цивилизаторской цели, преследуемой обеими империями на Востоке, что выливалось во взгляд на Россию как на стратегического союзника. Такие писатели, как Джонсон даже пытались давать российской администрации рекомендации как усилить свои позиции на Кавказе [5, P. 248–250], во многом предвосхищая высказывания Ф. Д. Лугарда о том, для Британии соседство с колонией другой европейской страны лучше, чем соседство с любым туземным образованием [7, P. 10–11].

С 30-х гг. оценки британских авторов действий России в регионе стали меняться, и «русофилы» сменились «русофобами». «Россия с необозримыми владениями как в Европе, так и в Азии и резко возросшим населением – довольно опасный сосед. А ее амбициозный император, опьяненный обладанием неограниченной власти внутри страны, лелеет мечты о “вселенской империи”. И во что превратиться Россия, если ее наглому деспоту удастся поглотить еще одну территорию? Если он станет владыкой на Востоке, сможет ли свобода Запада и дальше мирно почивать?» [9 P. 1], писал один из них, считая, что после вероятного падения ослабленной Персии или Турции, Россия вернется к идее продвинуть свои границы через Ближний Восток к Британской Индии.

Сторонники агрессивных действий по отношению к России занимали консульские посты в сопредельных с Россией государствах, ярким представителем которых может быть сотрудник британского консульства в Константинополе Дэвид Ургарт. Последний не только лично побывал на Кавказском побережье среди черкесских племен, пытаясь сплотить их в единую антироссийскую конфедерацию, но и являлся организатором известного скандала, связанного с задержанием осенью 1836 г. российскими крейсерами у Кавказских берегов английской шхуны «Виксен». Надежды, которые на него возлагали «русофобы» связывались не с реальной помощью черкесам, а с поиском политического предлога для изменения официального курса Британского правительства по отношению к России.

Деятельность «русофобов» – Дж. Бэлла, Э. Спенсера и Дж. Лонгворта, хорошо исследована как российской, так и британской стороной. Результатом деятельности Бэлла стало издание двухтомного дневника его пребывания в Черкесии, в котором культивировался образ «благородного дикаря» - необразованного, но свободолюбивого горца, воюющего с имперским агрессором – Рос-

сией [10]. «В этом сочинении есть много любопытных сведений о горцах, а еще более клеветы и умышленной лжи, высказанной с остервенелою ненавистью к России» [13, с. 203], метко охарактеризовал работу англичанина его современник – генерал Г. И. Филипсон.

Боязнь усиления России высказывали многие английские путешественники. Так, только военную составляющую российского присутствия на Кавказе увидел полковник Артур Конолли, проезжавший через регион в 1828 г. Даже в Дарьяльском ущелье, привлекшем внимание Портера и Джонсона своей грозной красотой, он заметил только русских солдат: одних – разбивших палатки в снегу, других – помогающих лошадям тянуть пушки по узкой обледенелой дороге. Все размышления автора сводились к одному: смогут ли эти люди, если их заставят обстоятельства, добраться до Индии или нет [3, P.6]. Целью путешествия самого Конолли являлась разведка «ничейных» земель на Юго-Восточном побережье Каспия, лежащих на границе Персии.

Однобокий «русофобский» взгляд на действия России проводили многие английские авторы. «Тучами на Востоке» – образно назвал свои записки о поездке в Южный Прикаспий в середине 1870-х гг. английский путешественник Валентин Бэйкер [1].

Вместе с тем, в Британии находились и люди, считавшие антироссийскую риторику неубедительной. «Я приехал в Закавказье с предубеждением против России, ведь я выучил еще в школе смотреть на нее как на врага свободы…» [2, P. 413], – писал в середине 1870-х гг. английский путешественник Джеймс Брайс « Это – не процветающая страна, … но ей явно лучше сейчас, чем было под властью туземных принцев или при правлении Шаха и Султана. Жизнь и собственность защищены. … Национальный и религиозный антагонизм гораздо менее свиреп, чем в Турции и мусульманские народы здесь живут довольными при христианском правительстве. Европейские идеи и изобретения начинают здесь узнаваться и со временем обещают укорениться в … сознании местных» [2, P. 413]. Автор призывал отказаться от страхов столкновения из за колониальных ресурсов, подчеркивая, что границы Российской империи громадны, а добавление любой обширной территории в Европе или Азии к и без того непомерным владениям, будет означать взвалить на себя неадекватный груз ответственности, под которым может рухнуть вся система» [2, p. 419].

В целом, к началу XX века в среде британских авторов, затрагивающих тематику Кавказской политики России приходило понимание необходимости серьезного изучения как региона, так и его жителей вне контекста сиюминутных политических доктрин. Эту идею ярко сформулировал готовившийся занять пост вице-короля Индии лорд Керзон в монументальном эпиграфе к своим путевым заметкам по Российскому Кавказу и Средней Азии. Их он посвятил «Огромной армии русофобов, которые многих вводили в заблуждение и русофилов, в которых многие заблуждались сами…» [4].

Источники и литература

1. Baker V. Clouds in the East. Travels and Adventures on the Perso-Turcoman Frontier. – London, 1876. – 376 p.
2. Bryce J. Transcaucasia and Ararat. London, 1896. – 524 p.
3. Conolly A. Journey to the North of India overland through Russia, Persia and Afghanistan. Vol.1. – London, 1838. – 350 p.
4. Curzon G. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. – London, 1889. – 477 p.
5. Johnson J. A Journey from India to England, through Persia, Georgia, Russia, Poland, and Prussia, in the year 1817. – London, 1818. – 376 p.
6. King Ch. Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. – Oxford, 2008. – 291 p.
7. Lugard F.D. The Dual Mandate in British Tropical Africa. – London, 1922. – 643 p.
8. Porter R.K. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia during the years 1817,1818,1819 and 1820. Vol.1. – London, 1821. – 720 p.
9. Tyrell H. The History of the War with Russia. London: The London Printing and Publishing Company, Ltd., 1855. – Vol 1. – 387 p.
10. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкессии в течение 1837–1839 годов. В 2 Т. – Нальчик, 2007. – 327 с.
11. Духовский С. Даховский отряд на южном склоне Кавказского хребта в 1864 году. – СПб., 1864. – 133 с.
12. Ткаченко Д. С. Кавказ начала XIX в. в путевых заметках Джона Джонсона//Гуманитарные и юридические исследования. – Ставрополь. - №4, 2018. – С. 110–118.
13. Филипсон Г. И. Воспоминания. – М., 1885. – 140 с.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00037 «Военные кавказоведы Российской империи: исторические портреты, исследовательские практики и научное наследие».

А. В. Хаширов
(г. Нальчик)

ЭЛЬБРУССКАЯ НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1829 г.

В год столетнего юбилея выдающегося кавказоведа – Валентины Павловны Невской, отмечается еще одна «круглая дата» – 190-летие экспедиции Российской Императорской Академии наук в окрестности Эльбруса и покорения высочайшей вершины Европы Киларом Хашировым. Основными источниками по этой теме до сих пор остаются: отчеты и материалы научного руководителя этой экспедиции, академика Арнольда Яковлевича Купфера; непосредственного участника экспедиции, венгерского путешественника Жана-Шарля де Бесса (Беше); а также сообщение корреспондента А. Щ-ва в газете «Тифлисские ведомости», перепечатанное затем в «Санкт-Петербургских ведомостях» и во французском переводе в «Одесском вестнике».

Эльбрусская экспедиция генерала Емануеля 1829 г. не раз становилась предметом специального освещения и в новейшей историографии, в том числе и в наших работах [2], [3], [4]. Тем не менее неутихающие споры о первовосходителях на Эльбрус и, прежде всего, о национальности Килара Хаширова, а также различные оценки экспедиции заставляют вновь обратиться к этой теме. Цель данного сообщения заключается в том, чтобы на основе малоизвестных архивных источников рассмотреть военно-научную экспедицию на Эльбрус в 1829 г. и еще раз напомнить о первом научно зафиксированном покорении высочайшей вершины Европы кабардинцем Киларом Хашировым.

Георгий Арсеньевич Емануель с 1826 по 1831 гг. являлся командующим войсками на Кавказской линии, начальником Кавказской области. Его деятельность на этом посту была весьма разнообразной. За время нахождения в должности он успел осуществить ряд весьма значимых для Центрального Кавказа дел. Среди них – принятие российского подданства балкарскими и дигорским обществами в 1827 г. и военная экспедиция в Карачай в октябре 1828 г., итогом которой также стало принесение присяги старшин карачаевского народа во главе с валием Исламом Крымшамхаловым и прошение о принятии в подданство России [1, с. 241–245].

Однако обстановка на Центральном Кавказе оставалась напряженной. В условиях продолжавшейся войны с Турцией, чтобы войти в сопредельные с Кавказской линией земли, не взбудоражив горцев, провести разведку дорог и полезных ископаемых, Г. А. Емануель предложил организовать первую научную экспедицию на Эльбрус. В своем письме графу Дибичу от 29 декабря 1828 г. Емануель по этому поводу писал: «Предположив будущим летом обозреть самые ближайшие окрестности Эльбруса, как и Кинжал Гору на Малке, содержащую в сих большое количество свинца, и из которых горские народы извлекают оной большими кусками для военных потребностей; а как полагать можно, что в окрестности сего феномена - должны скрываться и другие сокровища, то я считаю небесполезным, если бы для открытия сих источников были к тому времени, как удобнейшему вовсе присланы чиновники по сей части сведущие, как то минерологи и тому подобные. Очень доведя до сведения вашего сиятельства, буду иметь честь ожидать разрешения» [5, л. 6].

И такое разрешение было получено. По указанию Николая I возглавил научную экспедицию Адольф Яковлевич Купфер – физик, академик Российской Академии наук по кафедре минералогии; также в экспедицию были определены: адъюнкт Академии Эмилио Ленц – специалист по физике, адъюнкт Дерптского университета Карл Мейер – специалист по ботанике и хранитель зоологического кабинета Академии Эдуард Менетрие – специалист по зоологии. Для геологической разведки по распоряжению Горного департамента был командирован чиновник 8 класса, инженер Луганского литейного завода Глеб Григорьевич Вансович. Общее руководство Эльбрусской экспедицией было возложено на генерала Емануеля.

Очевидно, что Г. А. Емануель, организуя экспедицию в окрестности Эльбруса, преследовал несколько целей. Кроме очевидного научного аспекта, имел место и геополитический аспект: покорение высочайшей горы Европы должно было продемонстрировать мировым державам, соперничавшим в Кавказском регионе, первенство и мощь России, а также убедить местные народы в том, что для русских войск не существует природных преград, а имперская власть окончательно утверждается в крае.

После необходимых подготовительных мероприятий 26 июня Емануель с академиками выдвинулся из Горячеводска в сопровождении 350 казаков, 650 пехотинцев и 2-х орудий к Эльбрусу [5, л. 42].

Через день, во время стоянки у форта «Каменный мост», к Емануелю прибыли три депутации: от кабардинцев, урусбиевцев и карачаевцев. Емануель успокоил их, сказав, что прибыл с научными целями. Представители всех трех народов сопровождали Емануеля до конца экспедиции: от карачаевцев – Магомед Дудов, от урусбиевцев – старшина Мырза-Кул, от кабардинцев – валий Большой Кабарды Кучук Жанхот с людьми. 2 июля к экспедиции присоединился Жан-Шарль де Бесс (Беше) – сотрудник журнала «Хроника иностранной литературы», приехавший в Кавказ в поисках следов пребывания предков венгров.

Из описаний участников экспедиции известно, что погода в эти дни была ненастной; частые дожди и туманы затрудняли продвижение экспедиции. Но тем не менее, работа по сбору сведений окрестностей не прекращалась. Генерал Емануель объявил, что тот, кто первый взойдет на вершину Эльбруса, получит 100 рублей серебром, второй – 50, а третий – 35.

10 июля 1829 г. начался штурм горы. Так, Емануель в своем рапорте № 174 Управляющему Главным Штабом генералу Чернышеву от 22 июля 1829 г. докладывал: «9-го числа июля, все академики и другие изъявившие желание охотники взойти на Эльборус, отправились к самому снежному хребту сей горы. 10-го числа в третьем часу по полуночи, пользуясь благоприятною погодою, выступили все к исполнению предположенной цели; но после самых величайших усилий, достигнув выше половины Эльборуса, обратились назад; один только кабардинец по прозванию Хиляр, успел достигнуть около 11-ти часов самую вершину сей горы, на которой водрузил палку с ним имевшуюся и обложив ее камнем, спустился обратно, показав первый возможность быть на высочайшей из гор в Европе, почитавшейся по ныне вовсе неприступной. Принесенные же сим Хиляром два камушка с самой вершины Эльборуса вашему сиятельству при сем честь имею представить» [5, л. 40 и об.].

Жан-Шарль де Бесс также наблюдал за восхождением из лагеря. В воспоминаниях об этом путешествии он записал: «Генерал все время ждал у телескопа, когда этот человек, единственный остававшийся на ногах на этом обледенелом склоне, достигнет вершины горы. Наконец, мы увидели, как этот человек, превозмогший множество трудностей, которые казались непреодолимыми, остановился на вершине. Генерал тотчас приказал троекратно отсалютовать из ружей завоеванию Эльбруса…. Нам стоило также полюбоваться скромностью этого простого человека, живущего в Вольном ауле на реке Нальчик в Большой Кабарде. Его зовут Килар. Этот человек, единственный из всех, кто пытался взойти на вершину Эльбруса, имел счастье ее достичь. Таким образом, память об этом человеке достойна того, чтобы передаваться последующими поколениями» [2, с. 42].

На следующий день Емануель приказал дать торжественный обед «туземным князьям» Кабарды, Карачая, Урусбия и Черкесии по случаю успешного восхождения на Эльбрус. По сведениям де Бесса, «выпили за здоровье императора Николая под троекратный залп из всех орудий. … По окончании обеда вызвали удальцов, которые сопровождали эту экспедицию, достаточно опасную, чтобы присудить торжественно должное вознаграждение смельчаку Килару, уже восстановившему свои силы после замечательного восхождения… » [2, с. 43–44].

Таким образом, в результате организованной военным ведомством Эльбрусской экспедиции 1829 г. имело место не только военно-политическое укрепление позиций России на Центральном Кавказе, но и всестороннее научное изучение этого региона. Официально зафиксированное покорение высочайшей вершины Европы в 1829 г. навсегда связано с именем кабардинского первовосходителя Килара Хаширова.

Для увековечивания памяти о покорении Эльбруса на скале, где располагался базовый лагерь научной экспедиции, была выбита надпись, а на Луганском заводе отлиты чугунные памятные плиты на русском и арабском языках. Копию одной из них можно видеть у здания Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований на ул. Пушкина в г. Нальчике.

Источники и литература

1. Голицын Н. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля / соч. кн. Н. Б. Голицыным; [вступ. ст. и коммент. Г. Г. Лисицыной и В. М. Файбисовича]. – М.: Собрание, 2004. – 459 с.

2. Гориславский Н. А., Зюзин С. А., Хаширов А. В. Первовосхождения на Эльбрус: Лето 1829 года, зима 1934 года. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – 170 с.

3. Килар Хаширов: исследования и материалы / Х. М. Думанов. – Пятигорск: Реклам.-информ. агентство на Кавминводах, 2009. – 327 с.

4. Колосовская Т. А. Из истории военно-разведывательного изучения Северного Кавказа (по материалам Эльбрусской экспедиции генерала Г.А. Емануеля 1829 г.) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – №1. – С.47-52.

5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). ВУА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014.

Л. И. Цвижба
(г. Москва)

ВОПРОСЫ КОММУНИКАЦИИ КАВКАЗА В XIX в. (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА)

Коммуникация – это важная составляющая для любого региона в плане развития экономики, решения военно-политических, стратегических вопросов, которые возникали в любом обществе во все времена. Не является исключением и Кавказ. В XIX веке, в начале процесса покорения (присоединения) Кавказа к Российской империи появляются описания отдельных регионов, местностей, обществ, составляются карты, например: «Карта части Российского края между берегами Черного и Каспийского морей» начала XIX века [3, д. 25924]; «Карта Кавказских гор по южную сторону главного хребта» также составленная в начале XIX века. На карте изображены горы от р. Хоста до р. Галидзга [4, д. 25252]. Есть регионы, которые нанесены на карты более информативно. Это те территории, куда доступ был безопасным и, тем самым, была возможность сбора топографической информации. Больше карт появляется, безусловно, с продвижением вглубь Кавказских гор и с приведением в покорность горцев. Это карты, составленные с конца 30-х годов XIX в., такие как: «Карта Кавказского края» 1838 года [5, д. 20606]; «Дорожная карта Кавказского края», составленная при Генеральном Штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1841 году [6, д. 25080; д. 25364; д. 25079]; «Маршрутная карта Кавказского края», составленная при Генеральном Штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1847 году [7, д. 25131]; «Карта Кавказского края с обозначением колесных, арбных и вьючных дорог», датированная [1869] годом [8, л. 27].

Зачастую, карты в своих названиях содержат информацию, о чем они. Многие карты имеют математическую основу, на них отмечены населенные пункты, реки, укрепления, посты, карантинные и таможенные заставы, расположения штаб-квартир и разработанные дороги – почтовые и постовые, как, например, «Маршрутная карта Кавказского края», датированная 1849 годом [9, д. 25311].

Процесс покорения народов Кавказа, происходивший в XIX веке, сопровождался активным изучением региона. Что касается народов Западного Кавказа, то их покорение (активное) начнется с 30-х годов XIX в. Для более успешных действий военных отрядов в землях народов Кавказа необходимо было изучение региона не только с береговой линии (от Анапы вверх в горные массивы и далее через горный хребет), но и горных перевалов, которыми пользовались горцы.

Командующий войсками на Кавказской линии и начальник Кавказской области генерал-лейтенант А. А. Вельяминов в мае 1833 г. писал командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу Г. В. Розену, что «главное и надежное средство к прочному овладению горами и покорению обитающих в оных народов», – это «занятие укреплениями важнейших в топографическом отношении мест». Кроме того, для ускорения процесса предлагалось отнимать у горцев «плоскости и заселить их казачьими станицами», «истреблять поля их в продолжение пяти лет сряду», что «даст возможность обезоружить их и тем облегчить все дальнейшие действия» [2, с. 29–30].

Однако для проникновения в земли народов Кавказа необходимо более подробное географическое, топографическое, статистическое изучение региона, что и будет осуществляться офицерами русской армии.

Дорогам, по Черноморской береговой линии и горным, через перевалы, соединявшим побережье с Северным Кавказом, придавалось стратегическое значение, и разработка их была важной

задачей, стоявшей перед кавказской администрацией. Одно дело пройти тропинки, известные с древних времен поколениям здесь проживавшим, другое – сделать эти тропы колесной дорогой, более удобной коммуникацией.

Например, подпоручик И. К. Аш, состоявший при Отдельном Кавказском корпусе, был командирован в Абхазию, где занимался сбором материалов и составлением военно-статистического описания Абхазии в 1830–1831 гг. Результатом его деятельности стал труд «Абхазия. Военно-статистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелиею, крепостью Анапой, Черным морем и Северо-западною частью Кавказского станового хребта». 1830–1831 гг. [10, л. 2–28, 29–34].

В 1835 г. поручик Генерального штаба Федор Федорович Торнау, собирая материалы по Кавказу, совершил две тайные экспедиции: от абхазского селения Анхуа (Анухва) до Пятигорска и переход от укрепления Прочный Окоп через Кавказский хребет к устью р. Соча, оттуда до Гагринского укрепления. Им составлены «Описание части Восточного берега Черного моря от реки Бзыба до реки Саше», «Подробное описание проезда через хребет Кавказских гор и по берегу Черного моря от р. Соче до р. Бзыба, в сентябре месяце 1835 года» [11, л. 1–10, 11–19 об.]. В том же 1835 г. составлена штабс-капитаном Ф. Торнау «Карта Восточного берега Черного моря» [12, д. 20600]. Эта территория от р. Соче (Саше) до укрепления Гагра. На карте Торнау обозначил дороги, селения, реки, которые также являются коммуникацией, растительность региона.

В 1836 г. Торнау предпринял попытку третьей экспедиции, в которой он должен был пройти от Гагры к Геленджику и собрать топографические и статистические сведения. Торнау успел осмотреть выбранный маршрут, проехав из Абхазии за снеговой хребет Кавказских гор и оттуда к мысу Адлеру и к Геленджику [13, л. 1–2 об.]. Но на этот раз он оказался в кабардинском плену, откуда был вызволен и доставлен в укрепление Прочный Окоп 12 ноября 1838 г. [14, л. 42].

В 1837 г. подполковник И. И. Норденстам, будущий Ставропольский губернатор (1844 г.) и топограф В. Л. Чуркин были посланы для сбора информации о возможном устройстве дорог от Сухум-кале через Кавказский хребет в Грузию. [15, л. 34]. О пользе устройства дорог через главный Кавказский хребет отмечал и генерал-лейтенант Ф. Ф. Шуберт в докладе, сделанном в Главном штабе в 1840 г. [16, л. 43–46].

Среди множества русских офицеров-исследователей, изучавших Кавказ, следует обратить внимание к Василию Леонтьевичу Чуркину (1803–1840) и Феликсу Яковлевичу Лисовскому (1806 (?), 1809 (?) – между 1844–1851 г.) [1, с. 3–20].

Оба служили в Западном Кавказе. Знания этих людей были востребованы. Они изучили маршруты перехода из Абхазии через Кавказский хребет в соседние кавказские общества (Карачай, Кабарда) и составили подробные описания пройденных путей с указанием их возможного дальнейшего использования в процессе присоединения народов Кавказа к Российской империи. Описания маршрутов, к которым присовокупили и инструментальную съемку, стали ценным источником не только в плане военно-стратегического и политического значения, но и природного и естественно-географического знания.

Чуркин на Кавказе впервые появился в сентябре 1826 г., когда был командирован в отряд топографов Отдельного Кавказского корпуса. С тех пор ему довелось работать во многих регионах края. В 1834 г. находился на топографической съемке Кубинской провинции, а следующую крупную работу осуществил уже на Северном Кавказе: в 1836 г. он произвел инструментальную съемку западной части Большой Кабарды и земель карачаевцев, которая «по непрочной покорности сей страны была сопряжена с большими затруднениями и опасностями».

С 19 по 27 сентября 1836 г. под командой генерал-майора Г. Х. Засса был в походе против абазинцев, а 8 октября отправился пешком, в сопровождении двух проводников, для открытия сообщения, пролегающего из Карачая через Кавказский хребет и Цебельду в Абхазию. Чуркин, «несмотря на все трудности и опасности, исполнил [поручение] с совершенным успехом» к 17 декабря, за что был награжден орденом Св. Станислава 4 ст. [17, л. 2–3, 12–36 об.]. В том же декабре 1836 г. В. Л. Чуркин пройдет еще раз путь из Карачая через Кавказский хребет в Цебельду (Абхазию) и составит в 1837 г. «Описание дороги, ведущей от крепости Сухум-кале чрез Цебельду, главный Кавказский хребет, землю карачаевцев и реку Кубань в укрепление Хумару» [18, л. 6–26] и карту сообщения из Карачая в Абхазию: «Подробная карта северной покатости Кавказского хребта между вершинами рек Лабы, Кубани и горою Эльбрусом и переход через снеговой хребет на южную сторону Кавказа по Цебельде и Абхазии, вниз по реке Кодора до крепости Сухум-кале,

составленная при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса из обозрений, произведенных тайным образом в 1836 году, армии прапорщиком В. Чуркиным и унтер-офицером Поздышевым» [19, д. 2780].

В биографии Ф. Лисовского много вопросов: даты жизни, где покоится его прах, на кого учился в Виленском университете до исключения из него за участие в тайном обществе «Приверженцы отечества» и отдан в солдаты с назначением в Отдельный Кавказский корпус в 1828 г. [20, д. 77. 1834 г. л. 1–1об., 3-5; д. 429. л. 45-60].

Лисовский в 1837–1841 гг. был приставом Цебельды. Изучая регион, он прошел через Кавказский хребет два раза: из Абхазии в Карачай через Дал и Цебельду и через Ачандару и Псху. По результатам этих переходов Лисовский составил несколько чрезвычайно ценных записок. В 1842 г. – «Записку о переходе Черноморского линейного № 9 батальона штабс-капитана Лисовского через становой хребет на Кавказскую линию». Она содержит подробное географическое и климатическое описание маршрута следования, сведения о Псху, о селениях, здесь расположенных, о жителях и их образе жизни [21, д. 444, л. 1-9; д.4 29. л. 29–38], также «Записку о рекогносцировке, произведенной в 1842 году Черноморского линейного № 9 батальона штабс-капитаном Лисовским через становой хребет Кавказа: из Цебельды в Карачай, а из Абхазии на Лабинскую линию» [22, л. 61–90] и «Описание дорог от крепости Сухум-кале через укрепление Марамбу (в Цебельде), перевалы Марух, Нахара и Клухоры в Пятигорск» [23, л. 2–12].

По пройденным маршрутам в 1842 г. составлены: – «Карта мест Абхазии, осмотренных Черноморского линейного № 9 батальона штабс-капитаном Ф. Лисовским» [24, л. 91 об.– 91а.], «Карта части Абхазии с обозначением пройденного маршрута Черноморского линейного № 9 батальона штабс-капитаном Ф. Лисовским из Сухум-кале в Клухорский перевал и предполагаемого из укрепления Бамбора через Псху на Кубань» [25, л.26] и «Карта верховьев рек Кубани и Лабы с обозначением двух путей через Кавказский хребет, пройденных Черноморского линейного № 9 батальона штабс-капитаном Ф. Лисовским с 1837 до 1842 года» [26, л. 38а–39].

Лисовский в своих записках сделал выводы, сравнивая два маршрута (181 верста один и 186 верст другой), что дорога от Хумары через Цебельду выходит прямо к Сухуму, лучшему порту в этом крае, а от Ахметогорска через Псху ведет к открытому и часто бурному Бамборскому взморью верстах в 50 от Сухума. Сам Лисовский отдал предпочтение дороге через Цебельду [27, л. 61–90].

Сведения о Ф. Лисовском обрываются и только в составленном «Кратком топографическом и этнографическом взгляде на Цебельду и описание пути, пройденного в 1851-м году начальником Черноморской береговой линии вице-адмиралом Серебряковым чрез этот край и Кавказский хребет на северную его покатость по Марухскому перевалу» [28, л. 111–137 об.] для определения необходимых средств для разработки дороги, по долине Кодора к Нахарскому перевалу, описанному Ф. Лисовским, сказано о нем как «умершем в отставке майором» [29, л. 111].

В этом абзаце есть и о Лисовском, и о том, что по его маршруту прошел Л.М. Серебряков и составил собственное описание для дальнейшей разработки дороги. Он также как и Лисовский, отправился из Сухума в Марамбу, при этом, отмечая состояние дороги [30, л. 117].

В 1862 г. капитаном Генерального штаба Бараховичем составлено описание дороги от Сухума до станицы Кубанского казачьего войска Сторожевой на р. Кефаре с целью прокладки дороги [31, л. 55–68]. 17 августа 1863 г. командующий Кавказской армией в донесении военному министру Милютину писал о начале строительства дороги на Северный Кавказ через Марухский перевал, осмотренный г.-л. Мирским с 12 по 17 июля [32, л. 1–6].

Изучение маршрутов, соединявших побережье Черного моря с регионами, расположенными через Кавказский хребет, продолжалось, велись разработки маршрутов, имевших военно-стратегическое значение. В 1864 г. была составлена «Отчетная карта Кутаисского генерал-губернаторства с показанием разработанных дорог войсками с 1860 по 1864 г.» [33, л. 8]. Эта карта ценна еще и тем, что имеет непосредственное отношению к периоду окончания Кавказской войны. На карте указаны вновь разработанные дороги: из укрепления Гагра вдоль р. Псоу и из Св. Духа по р. Мзымта до урочища Гбаада (1863-1864); из Сухума через укрепление Цебельдинское дорога к перевалу Марухскому (1860–1863); из укрепления Сухум через Келасур, Мокву и далее до Кутаис к другим населенным пунктам (1860–1863).

В покоренных обществах Западного Кавказа идет переселение, расселение, заселение, создание, пусть и простейшей, коммуникации между населенными пунктами, и заметно отношение

ко всей береговой полосе, которая являлась во многом исходной линией для прокладки дорог в регионы, в том числе и в горные, расположенные близ перевалов. Например, в 1886 г. проведена рекогносцировка путей, соединяющих Сухум с Клухором и Псху, составлено описание дороги из Сухума на Санчарский перевал, автором которого является штабс-ротмистр Трубецкой [34, л. 38–47]. Тогда же этим офицером составлено «Поверстное описание пути: от Хумаринского укрепления на Клухорский перевал и Сухум-кале [35, л. 48–56 об.]. В документе представлены подробные описания каждого селения или «ориентировочного пункта». Описания выглядят следующим образом: «Устои [опоры] старого моста на Зеленчуке. Хорошие биваки. Характер местности: долина уширяется, окраины гор менее круты, покрыты лесом. Груды камней указывают на существование там некогда городка на 171 вер[сте]. Отходит до поля вправо через горы в долину Маруха. Переправы и препятствия: сначала грязный подъем длиной ½ вер[сты] (пришлось спешиваться) по мягкому грунту, затем по лесу, масса валежнику. Местами. Но тут разработка будет заключаться в расчистке леса. Дорога вовсе не разработана, она конная и пешая. Необходимые исправления дороги: требуются порохостроительные работы, если дорогу проложить по этому берегу, если же мост перенести на 4 версты ниже и дорогу проложить по удобному левому берегу до моста, то останется всего 3 версты неудобных и скалистых. Материал для постройки нового моста под рукой» [36, л. 44 об.–45]. Другой пример: – «Мост через Теберду. Хорошие биваки по правому берегу Теберды. Отходит дорога по левому берегу Теберды. Дорога переходит на правый берег Теберды. Мост исправный, деревянный с высокими перилами, длина 60 шагов» [37, л. 48 об.–49].

Сведения о коммуникациях содержат и документы, связанные с устройством поселений. Например, «Устройство поселений на Черноморском побережье», здесь речь идет об образовании на пространстве от Геленджика до р. Туапсе 12 станиц и строительстве шоссе из Новороссийска в Сухум (1891–1892 г.) [38, л. 37–44].

Наконец-то, к концу XIX в. начались более масштабные работы по разработке и строительству дорог, на которых на протяжении всего столетия обращали внимание, изучали, картографировали, обсуждали возможности их использования. Безусловно, для выполнения таких строительных работ требовалась не только покорность горских обществ, но и политическая ситуация вокруг России, которой приходилось периодически отвлекаться на войны, навязанные извне. В имеющемся документе «Сведения о состоянии работ к 1-му сентября 1898 г. по устроительству стратегических дорог Кавказского округа путей сообщения, разработка которых была начата по ходатайству военного ведомства» расписаны участки с указанием видов работ, и что немаловажно, с их стоимостью. Например, из описания дороги от Сухума через Клухорский перевал в Кубанскую область следует, что на 225 000 рублей, ассигнованных по сметам Министерства путей сообщения в 1895, 1896 и 1897 годы, произведены: уширение полотна до 2,5 – 3 саж[еней] с шоссированием его по Маджарскому ущелью на 19 – 23 верстах; окончено устройство 16.25 верст с искусственными сооружениями от Барьяльского водопада до р. Амткел; взамен затоплявшейся и частью смытой тропы, пролегавшей по полянам, разработана тропа в косогорах шириной в 2 сажени на 30–33, 35–36 и 38 верстах по длине 5.58 верст [39, л. 24–24 об.]. Кстати, аналогичные работы велись между «важнейшими пунктами Эриванского и Карского стратегических районов», на Аваро-Кахетинской дороге, Батуме-Ахалцихской дороге и на других участках Кавказского округа. В деле под названием «О постройке на Кавказе шоссе и грунтовых дорог» собраны сведения о состоянии работ к 1 сентября 1899 г. по устройству стратегических дорог Кавказского округа Путей сообщения, из которых следует, что произведены работы в 1895–1898 г. на 425.000 рублей. Обстоятельный документ содержит информацию о проделанной работе на указанном отрезке: из Сухума через Клухорский перевал в Кубанскую область [40, л.12, 13–18]; кроме того следует, что на устройство колесной дороги от р. Амткел через Клухорский перевал до станицы Баталпашинской, с продолжением далее последней до станицы Невыномысской Ростово-Владикавказской железной дороги, и на постройку по линии этой дороги железных постов через реки: Амткел, Копчару, Зилу, Ургулия, Хингу, Ушкур, Хейцвару и Клыч, на основании произведенных изысканий составлены проекты, по которым исчислено: на устройство дороги – 5.993.635 рублей и на постройку 8-ми мостов – 401.784 руб. [41, л. 32, 33–37]. В документе отмечено, что оба эти проекта по окончании рассмотрения и поверки в Правлении округа будут представлены в Министерство путей сообщения на утверждение. Из Сметы расходов Управления водных и шоссейных сообщений и торговых портов на 1900 год следует, что на разработку вьючной тропы по линии дороги от

Сухума через Клухорский перевал в Кубанскую область протяжением 265,6 верст испрашивалось 200.000 руб., на устройство шоссейной дороги от Новороссийска-сухумского шоссе к Пицундскому скиту, длиной в 17 верст – 100.000 руб.; на устройство Черноморской береговой дороги от Новороссийска до Туапсе и от Сочи до Ново-Афонского монастыря, длиной в 339 верст – 550.000 руб.; на устройство дороги от м. Адлер по направлению течения р. Мзымта до селения Красной Поляны, протяжением 53 верст, и других дорог в Черноморской губернии на Кавказе – 250.000 руб. [42, л. 65–77 об.].

Читая описания, справки, сметы расходов, представляешь, как все идет по плану: выделяются определенные суммы, ведутся строительные работы в соответствии с местностью, но какова реальная картина? В рапорте начальника Штаба Кавказского военного округа г.-м. Н. Н. Белявского направленном в Главный штаб 10 октября 1902 г., сказано, что «ныне практикуемому Кавказским округом Путей сообщения способу работы по разработке той или иной дороги в большинстве случаев начинаются и ведутся одновременно небольшими участками, разбросанными в разных местах дороги по всему ее протяжению. Такая система работ неудобна по двум причинам: 1. повсюду начатой таким образом дорогой обыкновенно не представляется возможности пользоваться до полного ее окончания, которого на дорогах значительного протяжения, при настоящей медленности работ нельзя ожидать ранее нескольких лет. 2. Построенные же участки дороги, вследствие неассигнования потребных на их ремонт сумм, остаются без ремонта и с течением времени от атмосферных влияний, постепенно разрушаясь, приходят снова в негодность настолько, что впоследствии требуют уже не ремонта, а почти полной разработки вновь, и ранее затраченные на их постройку суммы оказываются, таким образом, израсходованными непроизводительно. В виду изложенного, казалось бы, целесообразнее разработку каждой новой дороги начинать с какого-нибудь одного конца и вести работы постепенно и непрерывно по ее направлении <…>, вполне разработанную часть строящейся дороги, по мере ее разработки, возможно было бы открывать для пользования, что в значительной степени повлияло бы на благосостояние придорожного населения и привело бы к оживлению прилегающих к дороге регионов…» [43, л. 28–38 об].

Этот последний абзац я оставляю без комментарий, отмечу лишь, что в архивных фондах России (центральных, региональных) есть масса интереснейших документов, имеющих непосредственное отношение к созданию коммуникационной сети в географически сложном Кавказе, которые ждут своего серьезного исследователя.

Источники и литература

1. Западный Кавказ в первой половине XIX века: по материалам Ф. Я. Лисовского и В/ Л. Чуркина. Сб-к арх-х док-ов. Составитель Л. И. Цвижба. – Ин-т востоковедения РАН. – М.: Наука – Вост. лит., 2019. – 190 с.; карты, ил.
2. Касумов А. Х., Касумов Х. А. Геноцид адыгов. – Нальчик, 1992.
3. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.846. Оп.16. Д.25924.
4. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 25252.
5. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20606.
6. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 25080; Д. 25364; Д. 25079.
7. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 25131.
8. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 204.
9. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 25311.
10. РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 301
11. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18510
12. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20600.
13. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6302.
14. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6302.
15. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 24792.
16. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 24792.
17. РГВИА. Ф. 395. 1840 г. Д. 596.
18. РГВИА. Ф. Ф.846. Оп. 16. Д. 24792.
19. РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2780.
20. РГВИА. Ф. 395. Оп. 140. 1834 г. Д. 77; Ф. 38. Оп. 4. Д. 429.
21. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 444; Ф. 38. Оп. 4. Д. 429.
22. РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 429.

23. РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 429.
24. РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 429.
25. РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 429.
26. РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 429.
27. РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 429.
28. РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 801.
29. РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 801.
30. РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 801.
31. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 410.
32. РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 433.
33. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4787.
34. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3895.
35. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3895.
36. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3895.
37. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3895.
38. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1196.
39. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3 Д. 1196.
40. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4902.
41. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4902.
42. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4902.
43. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4928.

Секция 5

Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Северокавказского региона в XX – начале XXI в.

Б. Б.-А. Абдулвахабова
(г. Грозный)

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ РАСПАДА СССР: ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Кризисные явления на Северном Кавказе в 90-е годы XX в. были неотрывны от общего социально-экономического кризиса в России.

В начале 1990-х годов на Северном Кавказе обострились этнотерриториальные и этностатусные противоречия, определившиеся в ряд «проблемных вопросов». Так, «Шапсутский вопрос», заключался в попытках общественного парламента *Адыге Хасэ*, восстановить Шапсугский национальный район, который существовал в 1924–1945 гг., некоторые ратовали за образование национальной республики с центром в пос. Лазаревском Краснодарского края.

Пределы «Шапсугии» должны были, по замыслу политиков, охватить территорию, на которых адыгское/шапсугское население составляет меньшинство. Эти территории находятся в курортной зоне федерального значения. Постепенно, к середине 90-х годов, этот проблемный вопрос сошел на нет.

В этот же период обострилась ситуация в Карачаево-Черкесии. В многонациональной республике ситуация обострилась из-за вопроса участия во властных структурах основных этнических групп автономии. Общественно-политическое движение карачаевцев потребовало восстановить Карачаевскую автономию, существовавшую до депортации 1943 года. С другой стороны, казачьи организации республики выдвинули требование о присоединении ряда районов, где компактно проживало русское население, к Краснодарскому или Ставропольскому краев.

Черкесско-адыгские общественные силы боролись за восстановление самостоятельной автономии и поднятия титульного статуса черкесов. Борьба общественных организаций абазин и ногайцев также была направлена на создание самостоятельных государственных объединений. Но проведенный референдум в 1992 году показал, что 76 % населения высказалось за сохранение единой Карачаево-Черкесской республики. Но «черкесский вопрос» перманентно возникал и в начале XXI века.

В Кабардино- Балкарии в 1990–1992 годы обостряется вопрос о разделении республики по этническому признаку. В этой обстановке, казачье население Прохладненского и, частично, Майского района выдвинули требования передать территории Ставропольскому краю.

Вновь поднимается «ингушский» вопрос. Общественно-политические силы, ведя борьбу за создание самостоятельной республики, потребовали вернуть Пригородный район из состава Северной Осетии (входивший до депортации 1944 года в состав ЧИАССР), а также Моздокского района, который входил в состав ИАО в 1924 г. Обострение данного вопроса вылилось летом 1992 года в открытое военное столкновение ингушей и осетин. Военный конфликт по этнотерриториальному спору, привел к большим жертвам с обеих сторон (600 погибших и более 40 тыс. беженцев – большинстве ингушей из Пригородного района Северной Осетии) [5].

В начале 90- х годов общественно-политические силы в Чечне были представлены Объединенным конгрессом чеченского народа. Данная организация выступала за суверенитет республики.

Этнизация общественно-политических отношений в Чечено-Ингушетии сопровождалась ограничением «правового, социального и экономического пространства представителей «нетитульных» национальностей [4, с. 82].

Немаловажную роль в политизации чеченского общества 1990-х сыграл исторический фактор, которым умело пользовались «архитекторы» революции.

В начале 1990-х гг. «Народный фронт», объединивший вокруг себя беднейшие слои населения, становится влиятельной оппозиционной силой в стабильной Чечено-Ингушетии.

Девятого – десятого сентября 1989 г. ингушские националисты из движения «Нийсхо» на II Съезде ингушского народа, выдвинули идею создания Республики Ингушетия. Был образован оргкомитет во главе с судьей Бексултаном Сейнароевым. Выступив с инициативой о разделе ЧИАССР и создании вместо нее двух самостоятельных республик чеченцев и ингушей. На съезде был поднять вопрос о статусе Пригородного района. Ингушская общественность потребовала перевести район под юрисдикцию Ингушетии. Также ингушские общественно-политические силы выступили за передачу правобережной части Владикавказа, в качестве будущей столицы самостоятельной Ингушетии. Новую республику планировали создать на территории Сунженского района ЧИАССР [6, с. 51].

Амбициозные устремления националистов обострили обстановку на границе с соседними республиками – Дагестаном, Северной Осетией и Ставропольским краем. Лидеры партии «Нийсхо» призывали ингушей «идти мирным походом на Владикавказ». Эта акция, названная проф. Дж. Гакаевым «провокационной» не состоялась, однако осетино-ингушские отношения еще больше обострились – «в Пригородном районе и Владикавказе было введено чрезвычайное положение» [1, с. 146].

Военно-политическая и гуманитарная катастрофа на территории Чеченской республики в 1991–2003 годах скрывает в своей драматичности ревизии границ этой республики. С одной стороны, требования казачества о восстановлении Сунженского казачьего округа [5]. С другой – попытки ногайских общественно-политических сил актуализировать вопрос о создании Ногайской автономии в начале 90-х.

Умеренный проект предусматривал создание национальной автономии на основе Ногайского района Дагестана и прилегающей к нему части Ставрополья (бывший Каясулинский район). И как более радикальная альтернатива – восстановление Кизлярского казачьего округа и включение его в состав Ставропольского края Ставрополья [5].

В конце 80-х гг. XX в. Дагестан, будучи самодостаточным сельскохозяйственным регионом, после распада Советского Союза, в результате непродуманной политики в решении общеэкономических, социальных и других вопросов стал одним из отстающих регионов Северного Кавказа. Обостряла эти проблемы и военная ситуация в соседней Чечне: нарушение транспортных, межрегиональных связей, обустройство большого количества беженцев в период первой «чеченской» войны и т.д.

Иными словами, Республика Дагестан после развала СССР едва сводила концы с концами и то, благодаря вливаниям из федерального бюджета.

Но в Дагестане сохранился высокий научно-технический потенциал и достаточно высококвалифицированные кадры в различных отраслях хозяйства. Регион обладает условиями для развития сельскохозяйственного производства – отгонное животноводство, виноградарство, садоводство, и другие подсобные отрасли аграрного сектора. Агропромышленный комплекс, структурированный на основе рыночных отношений с учетом трудоизбыточности региона, даст импульс для дальнейшего развития экономики и социальной сферы РД.

В начале 90-х годов XX века в Дагестане также обостряется этнотерриториальный вопрос. Это кумыкское национальное движение «Тенглик» ратующий за кумыкскую автономию на территории Дагестана; «Ауховский вопрос» – еще одна этнополитическая проблема Дагестана, обострившаяся 90-е годы XX в. В период выселения чеченцев – аккинцев в феврале 1944 года, район был ликвидирован и заселен лакцами.

Еще один проблемный вопрос Дагестана в этот период «лезгинский вопрос», который отразил этнополитическую проблему на Кавказе, выходящую за рамки отдельных государств.

Но самой острой и опасной на Северном Кавказе оставалась ситуация в Чеченской Республике, в которой уже целое десятилетие полыхало пламя войны [3].

Чечня долгие годы была в центре внимания мировой общественности и оставалась болевой точкой России, в которой были неоправданные человеческие жертвы, материальные и моральные потери. За несколько последних Чеченская Республика успешно восстанавливалась, ее население обрело покой, террористические акты почти прекратились [2, с. 740–830].

В начале XXI века политико-административная карта Северного Кавказа стабилизировалась. Восстановилось действие вертикали власти, наблюдается рост экономики и влияния нового российского национально-государственного проекта, приостановившего центробежные процессы.

На Северном Кавказе ликвидирована угроза сепаратизма, наработаны общефедеральные принципы контроля региональных элит, обеспечена их лояльность и «внутрисистемный» характер политической и культурной стратегии.

Таким образом, политические и экономические проблемы, накопившиеся во взаимоотношении федеративного центра и северокавказских республик, пробелы в законодательстве и правоприменительной практике в сочетании с национальными особенностями и традициями, историческими событиями и практиками, обусловили масштабы системного кризиса, а также его последствия в 90-годы XX столетия.

Источники и литература

1. Гакаев Дж. Дж. Очерки политической истории Чечни (в.). В 2-х ч. – М.: Изд-во ЧКЦ, 1997. – 437 с.

2. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т.II. История Чечни XX и начала XXI веков. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. – 832 с.

3. Осмаев А. Д. Чеченская Республика в 1996–2006 гг. Хроника. Документы. Исследования. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2008. – 635 с.

4. Радиев В. В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. 1993. № 8. – С. 78-88.

5. Северный Кавказ после развала СССР // https://ncau.ru/30/ (дата обращения 23 декабря 2018 г.)

6. Эльбуздукаева Т. У., Изрипова Е. А. Национально-государственное строительство в Чеченской Республике в конце XX – первом десятилетии XXI в. – М.: Парнас, 2018. – 208 с.

Т. А. Булыгина
(г. Ставрополь)

СОЮЗ ОБЪЕДИНЕННЫХ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА В СУДЬБАХ ЕГО УЧАСТНИКОВ *

В последнее десятилетие активизировалось изучение социокультурных и политических процессов на Северном Кавказе в контексте Российской революции 1917 года. Сюда можно отнести и создание, деятельность и последствия такого многомерного объединения как Союз горцев. Особенностью этой организации было то обстоятельство, что его инициаторы и участники оказались среди тех, кто первым открыл процесс политических изменений в регионе и впервые попытались зафиксировать свои представления о принципах государственного и социокультурного развития Северокавказского региона

Поскольку антропологический и интеллектуальный аспекты этой организации изучены меньше, попытаемся рассмотреть деятельность и личные судьбы некоторых участников Союза. Через исторические биографии конкретных строителей Союза объединенных горцев мы сможем лучше понять их намерения и ожидания, достоинства, иллюзии и просчеты, их поступки и эволюцию взглядов.

Прежде, чем обращаться к конкретным биографиям, напомним хронику создания, активности и свертывания работы Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Февральская революция стала сигналом к объединению горской интеллигенции Северного Кавказа. Уже 5–6 марта на квартире Басията Абаевича Шаханова в столице Терской области Владикавказе состоялось совещание о месте горцев в органах местного управления. В результате, несмотря на сопротивление местной городской Думы, был создан Терский областной Гражданский Исполнительный Комитет. На следующий день, 6 марта состоялись выборы во Временный Центральный Комитет объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, который возглавил Б. Шаханов. Члены комитета приняли решение организовать в мае 1917 года съезд горских народов, который состоялся 1 (14) мая в Ольгинской гимназии Владикавказа I учредительный съезд, в котором при-

няли участие от 300 до 350 представителей народов Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабарды, Балкарии, Карачая, Кубанской Черкесии, Осетии, ногайцев и туркмен Ставрополья. Съезд одобрил доклад князя Рашидхана Капланова о создании Союза объединённых горцев Северного Кавказа. 6 (19) мая 1917 года были приняты резолюции об отношении к Временному правительству, об отношении к войне, по земельному вопросу, о представительстве в Учредительном собрании. 7 (20) мая 1917 года съезд утвердил Конституцию, Политическую платформу и программу Союза. В этот же день состоялись выборы его Центрального комитета и Духовного совета.

Союз был провозглашен высшим исполнительным органом власти народов Северного Кавказа. В его ведении были Дагестанская область, горские округа Терской области, Ногайский участок Терской области, Кубанский Горский областной совет и комитет, а также исполкомы ногайцев и караногайцев Ставропольской губернии. В сентябре 1917 года, на II Горском съезде к Союзу присоединилась Абхазия, и Союз получил добавление к официальному названию. Председателем был избран Тапа (Абдул Меджид) Чермоев (Чечня), а его заместителями – Рашид-Хан Завитович Капланов, (Кумыкия), Пшемахо Коцев (Кабарда) Башир Далгат. Председателем созданного Духовного совета стал муфтий мусульман Северного Кавказа шейх Нажмутдин Гоцинский.

В октябре 1917 года Союз объединённых горцев вошёл в состав Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, который объединил Войско Донское, Кубанское казачье войско, Терское казачье войско, Астраханское казачье войско, Союз объединённых горцев Северного Кавказа, Дагестана и Абхазии и Калмыцкий народ.

В ноябре 1917 года ЦК Союза объявил о создании Горской автономии (Горской республики) на территории Дагестана и горских округов Терской области и о преобразовании ЦК в Горское правительство. Председателем правительства стал Тапа (Абдул Меджид) Чермоев, а с 1 декабря – князь Рашид-Хан Капланов. Министром иностранных дел был Гайдар Баммат (Дагестан). Министром финансов стал автор Декларации независимости и Конституции Горской республики Вассан-гирей Джабагиев(Ингушетия). Военным министром был объявлен Нух-Бек Тарковский (Дагестан)

В условиях обострения межнациональных конфликтов и начала гражданской войны на Северном Кавказе, провозглашения Терской советской республики, Терско-Дагестанское и Горское правительства фактически потеряли власть и распались. Их члены 5 марта 1918 года бежали из Владикавказа в Ингушетию, в Назрань.

Завершился отечественный период существования Союза и созданной им Горской республики, которая была скорее декларацией, а не действующим государством весной 1920 года, когда правительство Горской республики выехало в Тифлис, спасаясь от власти большевиков, которые установили в Дагестане и на Северном Кавказе свою власть. Находясь недалеко от родного края, участники Союза горцев еще надеялись при поддержке западных стран вернуться на Северный Кавказ и начать вновь строить здесь свою государственность. После падения Грузинского меньшевистского правительства в 1921 году значительная их часть выехала в эмиграцию в Турцию и в Европу. Так закончилась бурная, но короткая история этого объединения.

О каждом из лидеров Союза можно говорить отдельно. Остановимся на отдельных биографиях и начнем с хозяина квартиры, в которой зародился Союз. Балкарец Б.А. Шаханов родился в 1879 году в семье одного из первых врачей среди горцев Северного Кавказа. Закончив Константиновское артиллерийское училище и Михайловское артиллерийское училище, он служил в императорской армии офицером, а после окончания с отличием военно-юридической академии в чине капитана перевелся на Кавказ [4]. Шаханов значился православным, но в 1909 году принял ислам и возглавил мусульманскую делегацию на похоронах Коста Хетагурова. Выйдя в отставку подполковником, он занялся адвокатской практикой. Как известно, Б. Шаханов был председателем I съезда Союза горцев, но вскоре отошел от организации, т.к. не принял сотрудничество Союза с верхами терского казачества. Он стал участником II съезда народов Терека, провозгласившего Советскую власть в Терской области. В конце февраля 1919 года Б.А. Шаханов скончался от тифа в Екатеринодаре.

Гайдар Бамматов, который родился в 1989 году в семье царского подполковника, после окончания Ставропольской классической гимназии поступил в 1907 на юридический факультет Санкт-Петербургского университета [3]. Последние пять лет до революции он служил чиновником в Тифлисе при Кавказском наместнике и был председателем Тифлисского мусульманского благотворительного комитета. С марта 1918 года Г. Бамматов занимал должность министра ино-

странных дел «Союза горцев». Именно он подписал декларацию о независимости Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана. Он участвовал в Трапезундской и Батумской мирных конференциях, вел переговоры с руководством Турции, создавал контакты с журналистами и резидентами спецслужб Запада. Бамматов много выступал публично, чтобы рассказать о Горской республике. Как юрист, он опирался на правовые, а не силовые методы. Как и многие другие члены Союза, Бамматов после прихода на Северный Кавказ большевиков укрылся в Тифлис. Он участвовал в военных действиях в Дагестане и Грузии против Красной армии, а в 1921 году вместе с матерью эмигрировал в Париж. После Версальской конференции, на которой присутствовал, Г. Бамматов получил из рук короля Афганистана афганское гражданство и стал сотрудником афганского посольства в Швейцарии. В последние 17 лет он вел научную работу и был блестящим публицистом. Он умер в 1965 году и похоронен на мусульманском кладбище в Париже.

Председатель правительства Горской Республики в 1918-1919 годах Пшемахо Коцев родился в 1884 году в Кабарде в семье состоятельного конезаводчика. В Пятигорске он получил начальное образование и продолжил учёбу в Новороссийской гимназии, а затем окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета с вручением диплома первой степени со всеми правами выпускника университета. Он работал адвокатом на Кубани. Был активным противником и большевиков, и Деникина. В мае 1918 года П. Коцев стал министром внутренних дел Горской Республики. Он как раз и принадлежал к тем, кто был избран в состав правительства Юго-Восточного Союза и одним из 7 представителей черкесов в Кубанской Законодательной Раде. Он вместе с Чермоевым заключил Договор о вхождении казаков и крестьян Терского края в Союз горских народов Кавказа и об объединении военных своих военных сил для борьбы с большевиками, а командование должно было быть передано представителю Англии. В марте 1920 года П. Коцев выехал в Грузию, а 18 октября того же года сторонники Врангеля добились его ареста под предлогом контактов с Кемаль-пашою, но позже он был освобожден. В конце 1920 года П. Коцев эмигрировал в Турцию, где создал ряд трудов по истории революции на Кавказе, которые представляют большую историческую ценность [2]. Похоронен он в Стамбуле в 1962 году.

Один из министров Горской республики Рашид-Хан Забитович Капланов, кумыкский князь, родился в 1883 году получил образование в Сорбонне, а затем в Стамбульской высшей школе Весной 1919 после оккупации Дагестана войсками Деникина Капланов эмигрировал в Азербайджан и в 1919 году вошёл в состав кабинета министров Азербайджанской Демократической Республики. После окончания Гражданской войны он работал преподавателем восточных языков в Коммунистическом университете народов Востока(Москва). В эти годы им была подготовлена «История Османской империи». В 1937 году Капланова арестовали и приговорили к расстрелу по обвинению в активном участии в контрреволюционном движении и антисоветской националистической террористической организации. Он был реабилитирован в апреле 1991 года.

Анализ даже этих фрагментов биографий организаторов и участников Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Горской республики подтверждает тезис современного исследователя истории Союза горцев, который отмечает, что российская власть изначально стремилась создать из числа горцев именно пророссийскую элиту, чтобы оказывать на горское общество влияние в духе российского самодержавия. Хотя горская интеллигенция была представлена разнообразными течениями, однако она, безусловно, несла глубокий отпечаток российского влияния [1, с. 11].

Общий портрет участников военно-политических событий 1917 года на Северном Кавказе при всей разности их взглядов и судеб свидетельствует, что более трех четвертей из них – это, во-первых, зрелые, но достаточно молодые люди в возрасте от 30 до 40 лет. Следует заметить, что это было наиболее деятельное поколение в целом в России в ту эпоху. Достаточно вспомнить лидеров событий 1917 года и Гражданской войны В. Ленина, И. Сталина, Л. Троцкого, А. Керенского, П. Милюкова, А. Деникина, А. Колчака и др. Только двое, Кайтмаз Алиханов и Нажмудин Гоцинский представляли старшее поколение 60-летних: потомственный военный императорской России, и духовный деятель.

По профессиональной деятельности это были военные, юристы, получившие фундаментальное образование в столичных вузах России и за рубежом. По существу в Союзе был представлен весь спектр горских национальностей Северного Кавказа: аварцы, кумыки, кабардинцы, ингуши, чеченцы, осетины (как православные, так и мусульмане). В первый состав Союза входили также представители ногайцев и туркменов Ставрополья. Надо заметить еще одно обстоятельство. Все они еще до революции были активными общественными деятелями. Например, Б. Шаханов,

занимая место помощника присяжного поверенного, много внимания уделял земельному вопросу и местному управлению у горских народов. Кроме того, многие из них оставили замечательное литературно-публицистическое наследие, как, в частности, Г. Бамматов или Вассан-Гирей Джабагиев.

Можно говорить о том, что идеей Союза горцев Северного Кавказа вдохновлялся цвет горской интеллигенции, которая, получив блестящее образование и опыт работы на службе Империи, сформулировала основы независимости и государственного устройства родного региона вначале в единстве с новой революционной Россией, а позже как независимую Северокавказскую республику.

Источники и литература

1. Вачагаев М. М. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917–1920. – М.: Центрполиграф, 2018. – 351 с. С. 11.

2. Кармов А. Х. Пореволюционная эмигрантская публицистика П. Т. Коцева // Вестник кабардино-балкарского института гуманитарных исследований. 2017. Вып. 3 (34). – С. 19–32.

3. Мамулиа Г., Вачагаев М., Доного Х-М. Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». – Махачкала-Париж, 2010. – 468 с.

4. Тамара Биттирова. Басият Шаханов: жизнь, деятельность, творчество. Республиканская еженедельная общественно- политическая газета «Ёлдаш» (Спутник) (21 января 2014). Дата обращения 5 ноября 2019.

* Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444).

Е. Г. Гегия
(г. Сухум)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АБХАЗИИ В 1945–1953 гг. ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ АБХАЗИЯ»

В 50-е гг. XX в. абхазский этнос подвергался ассимиляции со стороны Грузинской ССР. Этот процесс не прекращался и в период Великой Отечественной войны, охватив все сферы жизни – от культуры до демографии. Так 13 марта 1945 г. бюро Абхазобкома КП(б) Грузии приняло Постановление «О мероприятиях по улучшению учебно-воспитательной работы в школах Абхазской АССР», которое предусматривало перевод обучения в абхазских школах с 1945–1946 учебного года на грузинский язык. В реорганизуемых абхазских школах абхазский язык и литература остались только как предмет [1, с. 484–485].

Однако в газете нет ни слова о таком важном мероприятии в области народного образования. В то время приоритетной задачей было освещение проблем табаководства, шелководства и т.д. За обозначенный период абхазы выступали в защиту своих национальных интересов. В 1947 и 1952 гг. представители интеллигенции обращались к руководству ЦК КПСС с письмами в которых были озвучены нарушения национальных прав абхазов, что привело к репрессиям в отношении их авторов. Но информация о данных событиях также не была отражена на страницах газет. Тем не менее, несмотря на свою тенденциозность и цензуру, газета «Советская Абхазия» являясь официальным печатным органом Абхазского областного и Сухумского городского комитетов компартии Грузии и Советов депутатов, трудящихся Абхазской АССР представляет собой важный источник изучения общественно-политических процессов в Абхазии. В ней публиковались официальные новости, среди которых есть факты, подтверждающие проведение политики грузинизации.

После завершения Великой Отечественной Войны был принят четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. В Абхазской АССР он предусматривал не только ликвидацию последствий войны, но и предполагал продолжение политики переселения грузин. Это подтверждает статья «Абхазская АССР в IV пятилетке» от 5 октября 1945 г. в которой Председатель Госплана Абхазской АССР В. Каландия отмечал: «В целях

максимального освоения сельских веками заброшенных плодородных земель под ценнейшие технические и субтропические культуры, в течение четвертого пятилетия в широких размерах будет продолжено строительство переселенческих колхозов» [3].

За период с 1945 по 1953 гг. дважды были проведены выборы в Верховный Совет Абхазской АССР в 1947 и 1951 гг. В эти годы кадровая политика проводилась таким образом, что при назначении на руководящие должности, особенно по партийной линии, предпочтение отдавалось представителям грузинской национальности. Так Председателем Совета Министров был грузин А. И Мирцхулава, Председателем Верховного Совета Абхазской АССР грузин Тускадзе И. Н., секретарем Абхазского обкома КП(б) Грузии грузин А. Мгеладзе, большинство министров также были грузины [5].

В 1949 г. из имевшихся двух горкомов из шести райкомов во все секретари были грузины: в Сухумского горкоме КП(б) Грузии – А. Кандария, в Гудаутском райкоме – Р. Бохуа, в Ткуарчалском горкоме – И. Зоделава, в Гагрском райкоме – Н. Чхотуа, в Очамчырском райкоме – Н. Гвилава, в Сухумском райкоме – А. Берия, в Гулрипшском райкоме – В. Джикия, в Галском райкоме – А. Чежия [6]. Такая ситуация возникла в конце 1930-х гг. и сохранялась вплоть до 1953 г.

Наука в обозначенный период была в зависимости от устоявшихся в грузинской научной среде теорий и взглядов. В 1950 году состоялась т.н. «лингвистическая дискуссия», в результате которой были разгромлены последователи Н. Марра. А. Чикобава и его ученики, поддержанные Сталиным, объявили единственно научным сравнительно – исторический метод исследования в языкознании. Все кавказские языки должны были изучаться в русле установления сходства и родства между собой и в конечном счете – с иберийским (древнегрузинским) [2]. Так в статье о выездной научной сессии отделения общественных наук АН Грузинской ССР, состоявшейся в Сухуме в январе 1953 г., рассматривались доклады в которых подверглись критике Н. Я. Марр как нанесший «большой вред вопросам толкования истории Абхазии и абхазского языка», и книга Д. И. Гулиа «История Абхазии», изданная в 1925 году, как «ошибочно осветившая вопрос об этногенезе абхазов». Прозвучал «тезис», о том, что «на протяжении всей своей многовековой истории Абхазия являлась неотъемлемой частью Грузии» [7].

Лишь после смерти Сталина в Абхазии начался процесс реабилитации абхазов, их культуры и истории. Однако эти преобразования часто носили демонстративный характер и не доводились до конца.

20 апреля 1953 г. состоялся пленум Абхазского областного комитета КП Грузии, который снял с должности первого секретаря Абхазского обкома КП Грузии Ш. Гетия и вывел из состава обкома А. И. Мгеладзе [8].

В этот период критике также подверглась газета «Советская Абхазия», как недостаточно освещающая происходящие в стране процессы.

Однако, несмотря на осуждение деятельности бывшего руководства, продолжается заселение Абхазии грузинами. Так «Абхазпроект» должен был дать в 1953 году техническую документацию на строительство 750 домов для колхозников переселенцев [9].

27 июня состоялся пленум Абхазского обкома КП Грузии. Он обсудил постановление бюро ЦК КП Грузии от 10 июня 1953 г. «О результатах проверки, поступивших в ЦК КПСС и ЦК КП Грузии заявлений о злоупотреблениях, допущенных некоторыми руководящими работниками Абхазской АССР».

С докладом по этому вопросу выступил секретарь Абхазского обкома партии Г. Карчава, который отметил, что «в результате порочного стиля работы бывших секретарей Абхазского обкома КП Грузии А. Мгеладзе и Ш. Гетия на протяжении последних лет в Абхазской АССР имели место грубые нарушения советской законности и антигосударственные действия, нанесшие большой ущерб колхозам, государственным предприятиям, учреждениям, и отдельным гражданам».

Г. Карчава сообщил участникам пленума, что за антипартийные и антигосударственные действия, беззаконие и произвол бывший секретарь обкома партии А. Мгеладзе привлечен к партийной ответственности, а Ш. Гетия исключен из рядов КПСС [10].

В 1953 г. были преобразованы ряд министерств. Министерство сельского хозяйства и Министерство технических культур Абхазской АССР объединено в Министерство сельского хозяйства и заготовок Абхазской АССР. Управление по делам искусств и Управление по делам культурно-просветительских учреждений в Министерство культуры Абхазской АССР [11].

Тогда же на высокие руководящие должности были назначены абхазы. А. Т. Отырба стал заведующим отделом пропаганды и агитации Абхазского обкома КП Грузии (19 июня 1953 г.), А. М. Лабахуа – Председателем Совета Министров (2 октября 1953 г.).

19 сентября 1953 г. А. Отырба выступил на пленуме ЦК КП Грузии, где открыто озвучил нарушения национальной политики, которые имели место в Абхазии на протяжении длительного времени [13]. Однако его выступление не было опубликовано в газете.

2 октября состоялся очередной Пленум Абхазского обкома КП Грузии, на котором обсуждался доклад секретаря ЦК КП Грузии В. М. Чхиквадзе об итогах сентябрьского Пленума ЦК КП Грузии. В результате работа бюро Абхазского обкома КП Грузии и Совета Министров Абхазской АССР была признана неудовлетворительной, в связи с чем Г.З. Карчава был освобожден от обязанностей первого секретаря Абхазского обкома. Вместо него назначили Г. А. Гегешидзе. Должность секретаря обкома грузинские власти абхазу не доверили [12].

За рассматриваемый период в газете «Советская Абхазия» не публиковались материалы, которые отражали бы действительную политику грузинских властей в Абхазии. Но в ней просматривается хронология событий указывающих на нарушение национальных прав абхазов во всех сферах жизни.

Источники и литература

1. Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. Сборник материалов. Сухум. 1992.
2. Авидзба А.Ф. Тамара Платоновна Шакрыл и проблемы абхазской государственности. // Газ. «Форум». 14 сентября 2006 г.
3. Газ. «Советская Абхазия». №194. 5 октября 1945 г.
4. Газ. «Советская Абхазия». № 162. 16 августа 1946 г.
5. Газ. Советская Абхазия». № 33. 12 февраля 1947 г.
6. Газ. Советская Абхазия. №93. 13 мая 1949 г.
7. Газ. «Советская Абхазия». №2. 3 января 1953 г.
8. Газ. «Советская Абхазия». №78. 21 апреля 1953 г.
9. Газ. «Советская Абхазия». № 110. 7 июня 1953 г.
10. Газ. «Советская Абхазия». № 126. 30 июня 1953 г.
11. Газ. «Советская Абхазия». №172. 2 сентября 1953 г.
12. Газ. «Советская Абхазия». №194. 3 октября 1953 г.
13. Отырба А. Т. По лезвию кинжала… Сухум – Москва. 2017.

Ж. В. Гречкина
(г. Ставрополь)

«ДИАЛОГ НАРОДОВ И КУЛЬТУР СЕВЕРНОГО КАВКАЗА»: СЕРИЯ МЕТОДИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ СТАВРОПОЛЬСКОЙ КРАЕВОЙ БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ СЛЕПЫХ И СЛАБОВИДЯЩИХ ИМ. В. МАЯКОВСКОГО ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОВЗ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Геополитическое положение Северного Кавказа и Ставропольского края, как форпоста России на ее южных рубежах, определило совершенно особую роль духовного и культурного фактора в социальной жизни региона. Живя на Северном Кавказе, населенном большим количеством народов и народностей, малых этнических групп, мы сталкиваемся с различиями в религиозных убеждениях, обычаях и образе жизни, привычках, культурных и эстетических ориентирах. Актуализация гуманистических идеалов, воспитание этнотолерантных чувств, установок на ненасильственное разрешение конфликтов в регионе – задачи, решая которые, мы влияем на нравственную культуру человека, его психологическую устойчивость. Неважно, на каком языке мы говорим, важно, чтобы мы понимали друг друга сердцем, и тогда ничто не помешает нам жить в мире и согласии. Ставрополье было и остается тем регионом, который всегда демонстрировал лучшие черты межнационального общения, человечности, порядочности, уважительного отношения к соседям.

Ставропольская краевая библиотека для слепых и слабовидящих им. В. Маяковского выпустила серию методических материалов «Диалог народов и культур», тематика которых разнообразна – это мир, дружба, этнотолерантность, уважение к культуре и обрядам народов, проживающих в ставропольском крае, религия, патриотизм, интернационализм.

Первый выпуск носит название «Нет границ между сердцами» и предназначен для проведения этноисторической панорамы [2]. Ставрополье – земля обетованная для многих племен и народов. Наш край уникален по национальному составу. В мире и согласии живут здесь представители различных народностей. Многовековая история носит в своей основе разнообразные временные штрихи, наполненные народным укладом жизни, овеянные динамизмом развития, особенностями социально-культурной среды, нитями взаимоотношений с соседствующими территориями.

На земле есть красивое место,
И названье ему – Кавказ.
Здесь живут все дружно, все вместе –
Это предков наших наказ.
Здесь живёт столько разных народов,
Как большая – большая семья.
Уважают друг друга и дружат,
В гости ездят друг к другу всегда.
Учат старшие жить без обиды,
Жить в согласии, в мире добра,
Чтоб над нашим дружным Кавказом
Солнце мирно светило всегда!

Рыбалкина Е.

Второй выпуск серии посвящен истории, культуре, обычаям, традициям ногайского народа [4]. Ногайцы – тюркский народ. Ногайский этнос образовался в результате слияния ряда тюркоязычных племён, постепенно ассимилированных тюрками. Этнически и лингвистически один из самых близких казахам и каракалпакам народов. Численность – 95 тысяч человек. Из них примерно 90,7 тысяч человек проживают в России. От названия народа происходит название Ногайская степь – район компактного расселения ногайцев на территории Дагестана, Ставропольского края и Чеченской республики.

Одной семьёй вперёд шагаем,
И в завтра путь у нас один.
Брат – русский, абазин, ногаец,
Черкес и Карачая сын…

Хубиев О. «В семье единой»

Третий выпуск серии посвящен одной из уникальных малочисленных этнических групп края – туркменам [5]. Её уникальность заключается в том, что, оторвавшись от своей исторической родины, более трёх столетий проживая вдали от родного Закаспия, туркмены сохранили свой язык, национальное сознание и особенности национальной культуры и быта. Организация этноэкскурсии будет способствовать формированию представлений о культуре и образе жизни туркменского народа. Кавказ - наш общий дом, в котором все народы тесно взаимосвязаны. Сохраняя своё культурное наследие, мы строим своё будущее. Самый драгоценный дар - мир, дружба и добрососедство. Мы должны продолжить эту традицию, ведь только в дружбе сохранится мир, а мир – это счастье каждого из нас.

На протяжении многих веков территория Ставрополья была своеобразным перекрёстком мировых цивилизаций и религий, мостом между Востоком и Западом. Здесь проходили важнейшие торговые пути, в том числе Великий шёлковый путь. Уникальная полиэтничность и поликонфессиональность Ставрополья нашли свое отражение в жизни населения его многочисленных городов и сёл, где общественные отношения и повседневный быт строятся на основе толерантности и взаимоуважения, понимания общих целей и задач, направленных на развитие края и всего Северо-Кавказского региона, на сохранение и умножение его духовных и материальных ценностей. Четвёртый выпуск серии посвящён ставропольским татарам - второму по численности этносу в России после русских и самому многочисленному народу мусульманской культуры [3].

Пятый выпуск серии посвящен литературным произведениям Дагестана [1]. Литература как неотъемлемая составляющая культуры расширит кругозор читателей и их представления об уни-

кальности и неповторимости национальной дагестанской культуры. С помощью художественных образов, создаваемых писателями и поэтами, читатели смогут постичь специфику мышления народа, особенности его психологического склада, понять, чем живёт, чем «дышит» народ Дагестана, а также узнать о природе, быте, обычаях и традициях. Все это создаёт у читателя важные нравственные установки, направленные на понимание того, что каждый народ имеет право на своё видение мира, а любой народ должен уважать культуру, традиции, обычаи другого народа и уметь жить с ним в мире в условиях полиэтнического государства. Произведения писателей и поэтов Дагестана отличаются друг от друга отпечатком того или иного времени, художественным своеобразием, все они проникнуты горячей любовью к человеку, к родной земле.

Северный Кавказ является одним из наиболее многонациональных регионов не только России, но и всего мира. Уникальный этнический состав юга России – его отличительная черта, поэтому возрождение традиций народов Северного Кавказа, знание и взаимное уважение национально-культурных ценностей помогут народам, населяющим его, добиться понимания, мира, согласия и дружбы. Культурные традиции любого народа носят исторический характер, так как опираются на уже достигнутые завоевания прошлого и возникли они как закономерное явление общественного развития. Каждое поколение получает в наследство от дедов и отцов то, что они сами унаследовали от предшественников, обогатили своим опытом, трудом, знаниями, культурой. И только на таком основательном фундаменте возможно построение крепкого дома, в котором безопасно будут жить все народы Северного Кавказа.

Известный черкесский поэт Ахмед Шоров написал такие строки:

У меня есть дом и сад у дома.
И мои ворота без замков.
– Заходите! – говорю знакомым.
Говорю и вам, с кем не знаком.
Назовете дом мой полной чашей,
Я ее тайком не пригублю.
Эта чаша и моя, и ваша –
Хлебом и вином не обделю.
Даже то, что мне всего дороже,
Гостю дорогому подарю.
Закон этот главный у черкесов!
Заходите! – людям говорю.

Сегодня у народов Северного Кавказа нет ни перспектив, ни надобности на раздельное существование. И не важно, на каком языке мы говорим, важно, чтобы понимали мы друг друга сердцем, творчески осмысливали наше общее наследие и строили свое будущее, помня о наших общих корнях и исходя из принципов добрососедства и сотрудничества.

Источники и литература

1. Литературный Дагестан: сценарий громких чтений / Ставроп. краев. б-ка для слепых и слабовидящих им. В. Маяковского; [сост. Т. А. Четвертакова]. – Ставрополь, 2018. – 16 с.– (Диалог народов и культур; вып. 5).

2. Нет границ между сердцами: этноисторическая панорама / Ставроп. краев. б-ка для слепых им. В. Маяковского; [сост. Е. Н. Великородная]. – Ставрополь, 2009. – 16 с. – (Диалог народов и культур; вып. 1).

3. Ставропольские татары: культурно–историческая палитра: этноисторический экскурс / Ставроп. краев. б–ка для слепых и слабовидящих им. В. Маяковского; [сост. Т. А. Четвертакова]. – Ставрополь, 2017. – 16 с. – (Диалог народов и культур; вып. 4).

4. Тепло традиций ногайского народа: час знакомства / Ставроп. краев. б–ка для слепых им. В. Маяковского; [сост. Н. А. Сивцова]. – Ставрополь, 2010. – 20 с.– (Диалог народов и культур; вып. 2).

5. Туркмены: самобытность уклада и традиций: методические рекомендации по проведению этноэкскурсии / Ставроп. краев. б-ка для слепых им. В. Маяковского; [сост. З. О. Звонок]. – Ставрополь, 2011. – 32 с. – (Диалог народов и культур; вып. 3).

Е. Н. Гуренко
(с. Левокумское)

ВКЛАД В. Р. ЯСИНОВА В ДЕЛО СОХРАНЕНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЕВ ЛЕВОКУМСКОГО РАЙОНА

Среди почётных граждан Левокумского района Василий Родионович Ясинов пользуется особой известностью, его вклад в изучение и сохранение истории Левокумского района невозможно переоценить.

Василий Родионович Ясинов родился 24 января 1926 года в селе Нагутском Минераловодского района Ставропольского края в бедной крестьянской семье. Чтобы окончить семилетку ему пришлось пробыть три года в колхозном интернате, т.к. семья жила на хуторе Майский в 8-ми километрах от с. Нагутского. В 1941 году Василий Родионович окончил 7 классов Нагутской средней школы с похвальной грамотой. Дальнейшей учёбе помешала война – отец ушёл добровольцем на фронт в первые дни войны, и Василий Родионович разделил с матерью бремя заботы о троих младших детях – в 15 лет он пошёл работать в колхоз «Оборона страны».

Пережив немецкую оккупацию, ушёл добровольцем на фронт. С августа 1944 года воевал в составе 1-го Белорусского фронта, принимал участие в Висло-Одерской операции, был ранен, вернулся в боевой строй в апреле 1945-го. Победу встретил в Берлине. Награждён боевыми медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией» и орденом Отечественной войны I степени (1985 г).

После войны закончил Сызранское танковое училище, служил в Забайкальском военном округе, был командиром танка «Т-34».

После демобилизации из рядов Вооружённых сил СССР с 1950 года работал в Архангельском районе (ответственный секретарь районной газеты «Трибуна», затем второй секретарь Архангельского райкома ВЛКСМ). Заочно получил среднее образование.

После того, как Архангельский район был расформирован, в 1953–1955-х г.г. работал первым секретарем Новоалександровского райкома ВЛКСМ и имел самое прямое отношение к созданию первой ученической бригады на Ставрополье (станица Григорополисская Новоалександровского района) [3].

В сентябре 1955 года поступил на учёбу в Ставропольскую трёхгодичную партийную школу. Одновременно заочно учился в Ставропольском педагогическом институте на историческом факультете. В 1958 году одновременно закончил партийную школу с уклоном журналистики и Ставропольский педагогический институт, после чего мандатная комиссия краевого комитета КПСС направила его на работу ответственным секретарем Левокумской районной газеты «За социалистическое животноводство».

В августе 1959 года решением Левокумского райкома КПСС был переведен на работу директором и учителем истории во Владимировскую среднюю школу. В августе 1967 года был назначен директором Левокумской средней школы №1, где проработал почти 18 лет, также преподавая историю. В январе 1986 года вышел на пенсию. После этого в течение пятнадцати лет выполнял обязанности ответственного секретаря Левокумского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Он первым описал все памятники Левокумского района, и они впервые были внесены в краевой реестр [3]. Его стараниями в 1999 году в с. Левокумском был открыт районный историко-краеведческий музей, где он проработал хранителем фондов до 2008 года. Также с 2002 по 2010 годы он являлся первым заместителем председателя районного совета ветеранов.

Почетный гражданин села Левокумского (2007 г.) и Левокумского района (2009 г.)

Автор книг по истории Левокумского района «Левокумье», «Повесть о Левокумье» и многочисленных публикаций по историческому краеведению. Участник многих краевых и Всероссийских конференций по пропаганде исторического и культурного наследия. Награждён медалью «За заслуги перед Ставропольским краем».

Воспитал двоих детей.

Умер 05.10.2010 года.

Все, кто знал Василия Родионовича, отмечают его интеллигентность и добросердечие, при этом он был волевым и целеустремлённым человеком. Материал для своей первой книги он со-

брал за время работы в селе Владимировке. Именно здесь пробудился его интерес к истории Левокумского района – в селе, имеющем богатую историю, первые жители которого обосновались здесь ещё в 1770 году.

Для сбора сведений о районе Василий Родионович в период отпусков и в каникулярное время работал в районном и краевых архивах, краевой библиотеке им. Лермонтова.

Большую помощь в сборе исторического материала ему оказали старожилы села. К опросу местных жителей активно привлекались школьники: в 1959–60 учебном году был создан экспедиционный отряд № 1272 из учеников 5–7 классов [1, с. 177]. Так, ими было установлено, что многие жители села в конце XVIII века (во времена владения поместьем генералом Савельевым), были обменены на собак и привезены из России на Кавказ (в частности, Калайтанов и Алексеенко). Школьники систематизировали собранный материал, изучали краеведческую литературу и выступали с докладами на школьных вечерах. Многие бывшие ученики Василия Родионовича говорят о том, что интерес к истории остался с ними на всю жизнь.

В беседах со старожилами В. Р. Ясиновым было услышано и записано предание о нападение на село в 1848 году большой группы горцев [6, с. 28]. (Село было обнесено оградой из колючего тёрна и земляным валом. В конце его, у ворот, с обеих сторон, стояло по две пушки и вышки для наблюдения. Имелся казачий сторожевой пост.) В завязавшейся схватке банда была разбита, но много погибших было и среди защитников села – местных жителей и казаков. В память о них у ворот был установлен поклонный крест, внутри которого горела неугасимая лампада. К нему был прикреплён ящик, куда прохожие и проезжие бросали монеты для оказания помощи потерпевшим. Памятник был разрушен в годы гражданской войны.

Местной жительницей Д. И. Калайтановой В. Р. Ясинову был подарен рог благородного оленя, который принадлежал её деду. (В XVIII и до середины XIX века жители Владимировки охотились на оленей в примыкающем к селу лесном массиве. Из их рогов крестьяне изготавливали ручки для ножей, серпов и других с/х орудий.) Этот рог в настоящее время хранится в Левокумском историко-краеведческом музее.

К сожалению, иная судьба постигла уникальный документ, найденный во время исторических изысканий В. Р. Ясинова с его учениками. Диплом «За умелое выращивание червей тутового шелкопряда», которым в 1864 году была награждена местная крестьянка Анна Матвеевна Гончарова, был передан в школьный музей с. Владимировки, в настоящее время местонахождение его неизвестно.

Организовав первый на Левокумье исторический музей на базе СОШ с. Владимировки, В. Р. Ясинов все эти годы думал о создании районного музея, сбором вещественных памятников для которого он занимался всю жизнь. Его дочь, Вера Васильевна Овсяник, рассматривая музейную выставку, посвящённую юбилею основателя музея и глядя на фотографию, где Василий Родионович проводит экскурсию, улыбнулась и сказала: «Я помню, как все эти молотилки, прялки и чугунки стояли у нас в доме, в сарае и под навесом, так что по веранде нам приходилось пробираться бочком…».

Самыми интересными экспонатами, найденными и сохранёнными В.Р. Ясиновым, являются массивное корыто полуметровой ширины, выдолбленное из цельного куска дерева и деревянная соха с железным лемехом, принадлежавшие первопоселенцам села Владимировки.

После выхода на пенсию Василий Родионович всю свою энергию и талант направил на создание районного историко-краеведческого музея. По ходатайству районного совета ветеранов войны и труда районная администрация выделила для музея помещение, служившее в последнее время складом хозгруппы отдела образования. Здание нуждалось в ремонте, и вот как описывает этот процесс Василий Родионович: «Ремонт вёлся организованно, на большом энтузиазме. В нём участвовали все строительные и дорожные предприятия, ГУП ЖКХ, ОАО «Левокумскрайгаз», районный узел связи и другие. Несмотря на то, что многие работы выполнялись бесплатно, рабочие трудились дружно. Музей стал стройкой века для всех нас. В короткий период было отремонтировано и реконструировано здание, подготовлен необходимый материал для оформления экспозиций первого зала музея «Левокумье в древности»» [7].

Среди бумаг В. Р. Ясинова был найден листок с записями, относящимися ко времени создания музея: «4 ноября 2004 года я уехал в Ульяновск. <…> В Ульяновске неплохо отдохнул, поправился. <…> Это впервые за долгие годы работы я побывал в отпуске – музей доделал. 3-й отдел – История района – был открыт 8 октября».

В 2012 году Левокумскому районному историко-краеведческому музею было присвоено имя Василия Родионовича Ясинова.

Источники и литература

1. Пионерия. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. – 1962.
2. МКУК ЛМР «ИКМ им. В.Р. Ясинова». Автобиография Ясинова В. Р. КП(6) №2510 ОФ(Д).
3. Смоляков В. А. Учитель, журналист, краевед. Газета «Левокумье». – 03.10.2012.
4. Ясинов В. Р. Левокумье. //Историко-экономический очерк Левокумского района // На правах рукописи. Левокумская типография. – 1967. – 77 с.
5. Ясинов В.Р. Повесть о Левокумье. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. – 1991. – 317 с.
6. Ясинов В. Р. Повесть о Левокумье. – М.: Воскресенье. – 2003. – 239 с.
7. Ясинов В. Р. Потомки будут нам благодарны. Газета «Левокумье». – 11.10.2000.

А. Г. Гурин
(г. Ставрополь)

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА, СЛУЖИВШЕГО НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ В ГОДЫ ГОНЕНИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕРИОД С 1918–1938 гг.

Издревле монастыри на Руси и в Российской империи являлись не только центром духовной жизни, но и центром просвещения, культуры. На Северном Кавказе появление и развитие монашества связано и с миссионерской деятельностью Церкви среди народов, населяющих Северный Кавказ. Однако, в истории монашества Северного Кавказа есть не только этапы духовного восхождения, но и исторические моменты, которые можно охарактеризовать как трагические. В данной статье рассказано о положении монашества Александро-Афонской Зеленчукской пустыни и Сентинского Спасо-Преображенского женского монастыря аула Нижняя Теберда в период гонений на Церковь с 1918–1938 гг.

История Александро-Афонской Зеленчукской пустыни восходит своими корнями к 1886 году, когда в ущелье Большого Зеленчука, где высились византийские храмы древней столицы Алании Мааса (Магаса), разрушенного в период татаро-монгольского нашествия, поселились трое иноков со святой горы Афон. Один из монахов – иеромонах Серафим (Титов) – решил восстановить древнейшие христианские храмы Кавказа и «способствовать распространению света евангельского среди окрестных некрещеных народов» [10]. По афонскому уставу монастырь был учреждён Указом Святейшего Синода от 18 октября 1889 г. с наименованием «Свято-Александро-Афонская Зеленчукская общежительная пустынь». Игумен Серафим стал первым настоятелем и строителем монастыря [10]. Последним настоятелем Александро-Афонской Зеленчукской пустыни стал игумен Феофил (Чередниченко) [3].

На долю отца Феофила выпало сложное и трагичное время – революция, Гражданская война, репрессии, разорение монастыря.

В 1918 году игумен Феофил (Чередниченко) пишет рапорт в Ставропольскую духовную консисторию: «Честь имею донести Духовной консистории, что 22 января сего года депутатами станицы Зеленчукской описано все движимое и недвижимое имущество в обители и на хуторе Латы: рогатый скот, лошади и пищевые продукты, окромя церквей, церковной утвари, также братских келий и корпусов, каковые и сдали нам на хранение впредь до решения Учредительного собрания» [2, с. 43].

Сохранившиеся воспоминания местных жителей свидетельствуют о том, как под праздник Богоявления красноармейцами были убиты трое иноков, причём после совершённого преступления власти запретили хоронить насельников. Священные книги, богослужебную утварь и многие другие святыни были выброшены красноармейцами в общую кучу, а затем уничтожены. То, что представляло материальную ценность, забирали себе. Многие иконы были спасены верующими [2, с. 44].

В 1928 году игумен Феофил (Чередниченко) был арестован и приговорен по статье 162 УК РСФСР к ссылке на 5 лет. Отбыв наказание, отец Феофил вернулся в Зеленчукскую и с 1934 года служил в Тихоновской церкви станицы псаломщиком по причине того, что место священника уже было занято. В октябре 1935 года был вновь арестован [4, л. 54]. Вместе с ним аресту подверглись и другие насельники монастыря: иеромонахи Дамаскин (Погорелов) и Викентий (Андриевский), иеродиакон Феофилакт, послушник Даниил Савенко. Игумен Феофил (Чередниченко) и иеромонах Дамаскин (Погорелов) были приговорены к 10 годам лагерей. Послушник Даниил Савенко – к четырехлетней ссылке с последующим лишением гражданских и политических прав на 3 года [4, л. 419, 420].

Среди насельников Александро-Афонской Зеленчукской пустыни, пострадавших за веру в годы гонений, был иеромонах Никодим (Антипов). В 1914–1921 гг. был настоятелем церкви Калино-Покровского скита Зеленчукской обители в Гулькевичском районе Кубанской области. 8 апреля 1921 года был арестован. Обвинялся в антисоветской агитации среди верующих Кубано-сахарного завода и расхищении народного достояния. 13 мая 1921 года иеромонах Никодим (Антипов) был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу [5, л. 16].

Есть среди насельников Александро-Афонской Зеленчукской пустыни и прославленный в лике святых. Это – преподобномученик Никандр (Прусак) (1865 – 1918). Он был расстрелян 13 июля (30 июня – по старому стилю) 1918 года большевиками и погребен в безвестной могиле [7, л. 489 об.]. Канонизирован Определением Священного Синода от 17 июля 2001 г.

Монастырь был закрыт в 1927 году.

Ещё один из монастырей был основан неподалёку от Зеленчукской пустыни – это Сентинский Спасо-Преображенский женский монастырь.

История монастыря начинает своё существование с открытия в ущелье реки Теберды, рядом с карачаевским аулом Сенты, женского скита во имя Покрова Пресвятой Богородицы. После на этом месте, где располагался храм X века, возникла иноческая обитель во главе с бывшей сестрой милосердия, потрудившейся в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – Евдокией Макаровой. В XX в. в монастыре проживало до 300 насельниц [1, с. 34].

В период Гражданской войны в монастыре начались грабежи и поджоги.

Так, в начале двадцатых, часть сестер, бежала в соседние села и станицы.

В монастыре осталось около трех десятков монахинь и послушниц, которые оказывали помощь нуждающимся в монастырской больнице. Однако в 1927 году лазарет был закрыт, а монастырское имущество передано местному колхозу. Насельниц лишили избирательных прав, некоторых подвергли репрессиям [8]. Духовник монастыря, игумен Иосиф (Федоринов), был вынужден перейти в другой храм – Никольский, села Казинского (ныне – с. Казинка Андроповского района Ставропольского края), где стал вторым священником прихода. Туда же бежали и многие монахини.

С началом коллективизации в стране, началась и новая волна репрессий. В селе Казинском число желающих вступить в партию или комсомол значительно стало сокращаться за пятилетку. Виновной в этом местные власти назначили церковную общину. Вместе с настоятелем Никольского храма были репрессированы и игумен Иосиф, прихожане храма, в числе которых были монахини и послушницы Ставропольского Иоанно-Мариинского и Сентинского Спасо-Преображенского монастырей. По статье 58-10/11 УК РСФСР игумен Иосиф получил 5 лет ссылки в Северный край, остальные – по три года лагерей [6, л. 2].

После ссылки игумен Иосиф вернулся в ст. Кардоникскую, где и продолжил служение. Туда же после ссылки отправляются и монахини.

Карачаевское облуправление НКВД заводит групповое дело в отношении 70 человек не вступивших в колхозы. Это и крестьяне, и ремесленники-кустари, и священнослужители, и бывшие насельники, насельницы закрытых монастырей. Никто из монахинь ни в первый, ни во второй арест свою вину не признал. Все проходившие по делу были осуждены, часть отправлены в ссылку, другие расстреляны [3, л. 748].

Но на этом крестный путь сентинских сестер не окончился. Одна из насельниц, монахиня Евдокия (Попова), отбывавшая срок в Томске, была арестована в третий раз. В 1937 году в спецпоселках Западной Сибири провели показательную операцию по «выявлению антисоветского элемента». По обвинению в участии в повстанческой организации «Союз спасения России» было арестовано свыше двух тысяч заключенных. В их числе оказалась монахиня далекого Сентинского монастыря. 3 января 1938 года матушку Евдокию расстреляли [9].

Те же из сестер, кто пережил ссылки, вынуждены были скитаться по селам и городам в поисках работы и жилья, но так и не отказались от своих религиозных убеждений.

Таким образом, положение монашества на территории современной Карачаево-Черкесии с 1918–1938 гг. оставалось очень сложным. Но, несмотря на репрессивные меры, насельники монастырей смогли сохранить главное – православную веру, показав пример стойкости будущему поколению.

Источники и литература

1. Алексей Воскресенский. Сентинский Спасо-Преображенский женский монастырь. – М., 1910 г. – 77 с.

2. Александро-Невский монастырь, XIX в. / Сост. В. Плотников, Л. Логвиненко. – Нижний Архыз, ИЦ CYGNUS, 1998 г. – 62 с.

3. Архив УФСБ России по КЧР. Архивно-следственное дело № 30042-пф.

4. Архив УФСБ России по КЧР. Архивно-следственное дело № 974-пф.

5. Архив УФСБ России по Краснодарскому краю. Архивно-следственное дело № 1/1/2-Г-7570.

6. Архив УФСБ России по Ставропольскому краю. Архивно-следственное дело № 25069-пф.

7. ГАРФ. Ф. Р-3431, оп.1, д. 563.

8. ГА КЧР. Документы о проведении выборов в сельсоветы Красный Карачай а. Нижняя Мара, Нижняя Теберда – Фонд № Р-307, опись 2, дело 17.

9. Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века. Екатерина (Попова Евдокия Васильевна). Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт. Братство во Имя Всемилостивого Спаса [электронный ресурс]. Режим доступа: http://kuz3.pstbi.ru/bin/nkws.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6Xbu3ee1WdS0cfO*U86yifuuWc003ceGieeXj668UsOWfv8KWfO*d**

10. Павел Самойленко, протоиерей. Магистерская работа. История Ставропольской епархии 1843–1918. – Московский Патриархат, Санкт-Петербургская духовная академия, Кафедра истории Русской Церкви. – Санкт-Петербург, 1999 [электронный ресурс]. Режим доступа: http://korolev.msk.ru/books/dc/bv_a_p_v_a_mb_ae897.txt

М. В. Ильичева
(г. Ставрополь)

ФРОНТОВАЯ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

Актуальность данной проблемы определяется особенностями фронтовой повседневности, которые отражались в региональной прессе того времени. Анализ ситуаций на фронтах Гражданской войны позволяет увидеть ожесточение сторон в результате противостояния и бескомпромиссного отношения к военным и классовым противникам. В годы Гражданской войны повседневная жизнедеятельность людей приобретает новые формы и смыслы, что и раскрывало свое отражение в местной, региональной прессе. Фронтовое и обыденное население были вынуждены жить в состоянии постоянного кризиса и считаться с обстоятельствами, которые не только меняли его повседневную жизнь, но и непосредственно угрожали его существованию.

Источниковая база представленной проблемы достаточно обширна. Множество газет описывали повседневность в годы Гражданской войны. В печати большевиков можно выделить газету «Правда» [12], которая защищала победу Октября в Гражданской войне. Газета описывала бои, победы и поражения, тяжкие лишения простого населения, подвиги. В первые годы Гражданской войны, большевики часто включали в свои газеты письма рядовых граждан, впоследствии образовавшими отряд «зелёных», которые выражали свое мнение о происходивших событиях. Население не устраивали постоянные грабежи имущества, скота, отсутствие элементарных условий для жизни, а также неопределенность по отношению к существовавшему противостоянию. Не менее известным были периодические издания белых. Так, газета «Заря свободы» [8], часто оспаривавшая клевету на большевиков, писала о том, что буржуазия стремится расстроить революционные отряды. Также, описывались отдельные моменты повседневности и фронтовой жизни. Пресса

белогвардейцев выражала контрреволюционные настроения, такие газеты как, «Ставропольские губернские ведомости» [13], «Вольная Кубань» [3] описывали зверства, которые происходили в регионе, вели агитацию против большевиков.

Важной особенностью повседневной жизни в период Гражданской войны на Северном Кавказе, фиксируемой на страницах местной прессы, стала трансформация у населения представлений о воинском долге, чести, патриотизме, служении Родине, присяге. Произошло это в связи с тем, что четкое определение индивидом было связано с опорными символами сознания, такими как наличие устойчивого государственного образования, единой национальной армией. Все это в тот период отсутствовало.

Одним из важнейших направлений в публикациях материалов было освещение событий, происходящих на фронтах Гражданской войны, их всесторонняя интерпретация и оценка различными изданиями. Попутно при этом решались и политические, пропагандистские задачи, а также вопросы, связанные с распространением собственной идеологии и укреплением власти политических сил. Главной целью деятельности периодической печати было обеспечение победы на фронтах Гражданской войны тех или иных военно-политических сил. Под этим углом зрения и освещались в местной прессе события на фронте. Например, «слово «красный» широко использовалось в целях идеологической нейтрализации ранее употреблявшихся понятий, в результате чего и возникали такие сочетания, как Красная Армия, Красная гвардия, красный боец, красный железнодорожник» [11, с. 113].

При этом все печатные издания «красных», «белых», и «зеленых» живописали коварство и беспощадность врага, его злодейскую сущность с одной стороны, а с другой, показывали несгибаемость и мужество собственных участников, поскольку каждый печатный орган принадлежал к определенному военно-политическому лагерю. Так, в статье «Спасители России» опубликованной в белой газете «Жизнь» 27 апреля 1919 г. отмечалось: «Муки одиночества среди общего непонимания, измена многих друзей, победа врагов, оплевывание и поношение, изгнание и лишение элементарных прав человека - свободы, безопасности, самого права жить: потеря всего, что любили и чем жили: нечеловеческие физические страдания, скитание по степям, голод и жажда, утоленные впервые через год после начала крестного пути. Каждый день – лицом к лицу со смертью, зрелище ее ежедневного торжества над лучшими близкими и родными» [9, с. 98].

Большевистская пресса на фронтах Гражданской войны декларировала лозунг: личность ничто - масса все, сама по себе отдельная личность стала иметь ценность как часть массы. В оценке ситуации на фронтах и положения дел там, «большую независимость и относительную свободу проявляли большевистские издания, хотя в других сферах это было совершенно для них нехарактерно»[11, с. 98]. Во многом это объяснялось политикой большевистского руководства, осознававшего всю шаткость своего положения здесь и пытающегося любыми способами удержаться у власти. Стоит отметить, что и большевики вели пропагандистскую деятельность, в частности, на Ставрополье в 1918 г.: «Шла жестокая борьба с контрреволюционными и мелкобуржуазными элементами за Советы» [10, с.13].

«Белая» печать отличалась большей свободой. Кроме оценок и аналитических материалов, региональные периодические издания публиковали ежедневные сводки с фронта и материалы пропагандистского характера. В частности, в белой печати указывалось на то, что «Армии Юга России, состоящая из Добровольцев, южно-российского крестьянства и рабочих, славных Кубанцев, Терцев, Донцов, Уральцев и Горцев Кавказа, день за днем освобождают от гнета комиссаров и самодержавия Троцкого все новые города и деревни Нашей Великой Страдалицы Родины России... Небольшие отряды отважных и верных Родине сынов выросли в большую и славную Русскую армию, окружившей Совдепию» [5, с. 102].

Отношение противостоявших к человеку привели к девальвации стоимости человеческой жизни и к распространению отношения к человеку как к подручному инструменту, необходимому для решения текущих политических задач. Индивид привыкал к тому, что жизнь окружающих и собственная может ничего не стоить. Важнейшей ценностью для человека стали политические идеалы и идеологические догмы, а насилие – законным средством их достижения [6, с. 53]. В результате человек стал представлять ценность не сам по себе как уникальная личность, а как представитель определенной партии.

Касаемо фронтовой повседневности во время Гражданской войны, стоит отметить, что в момент расцвета антибольшевистского движения в регионе, мифологический образ приобрел в

белой печати сакральные черты «Священного движения за освобождение Матери – Родины», [5, с. 105], отражавшие традиционные и православные устои его участников: «Идеи управляют миром и на нашу долю выпала священная обязанность быть проводником тех идей, которые мы исповедуем» [7, с. 34].

Первоначально белые успешно продвигались на Кавказе. И. Сургучев в своей брошюре так описывал установление белого режима: «Было такое ощущение, будто вы приехали в незнакомый город. Откуда-то, из каких-то неведомых тайников, из колодезей, из-под земли доставали зарытые и спрятанные вещи. В каждом доме беспрестанно разводили утюги, гладили, радовались, что можно вычистить ногти, не нужно носить заплатанных брюк» [4].

Из воспоминаний участников Гражданской войны можно проследить некоторые моменты быта и повседневности людей. Ветеран войны С. И. Звягинцев часто встречался с молодежью и рассказывал о своем жизненном пути в отряде П. М. Ипатова. Он говорил о том, что «после тяжелого дня, во время затишья, его отряд молотил хлеб, затем отправляли его в Царицын рабочим, взамен они присылали им оружие, пушки и патроны. Они часто занимались восстановлением разрушенных сельских хозяйств» [10].

Стоит выделить такую особенность как распад традиционных моральных представлений населения. Фиксировалась жестокость обеих сторон, рост насилия, зачастую жестокостям подвергались члены собственной семьи, убийство становилось обычным делом. Как государственная собственность, так и частная, подвергались конфискации, военнослужащими грабились целые эшелоны, предназначенные для фронта: «Если в прошлом кто-либо и занимался грабежами, то исключительно грабил только богатых» [5, с. 140], теперь же, широкие масштабы приобрел грабеж мирного населения. Возникали новые правовые законы, которые «оправдывали возможность совершения преступной деятельности» [7, с. 112].

Периодическая печать достаточно подробно останавливалась на характере изменений в сфере труда и быта. Люди продолжали жить и в таких условиях, работали, зачастую перевыполняя план: «Весна внесла серьезные изменения в рабочие планы земледельческих колхозов им. Буденного Предгорского района. Быстрыми темпами ведут закрытие влаги трактористы Н. Кладов, В. Иларионов. Каждый из них сменную норму выполняет на 120–130 процентов. За первые часы работы в поле они забороновали зябь на 330 гектаров» [1].

Большевистская и позже и антибольшевистская пресса в крае указывала на распространение эпидемий и инфекционных заболеваний. Это было связано с тем, что «ремонты в домах не проводились, в результате они становились непригодными для жизни» [14]. В домах царили сырость, холод и зловоние, на улицах подолгу не собирали мусор. Зарабатывая деньги, беднейшая часть населения почти всё тратила на продукты питания и не могла позволить себе средства гигиены. Продовольственная проблема была самой острой. Продукты не только не поступали в должном количестве, но еще были и низкого качества: «Долго тянется война, многие успели забыть про ее начало, не знают даже, из-за чего без устали льется человеческая кровь, зачем грабят сёла и города, почему уничтожается добро и обрекается народ на холод и голод» [9, с. 147].

Таким образом, можно сделать вывод, что периодическая печать белых и красных по-разному представляла реальность тех дней по-своему интерпретируя фронтовую и обыденную жизнь населения, однако, нельзя было не заметить, что повседневная жизнь представляла собой борьбу за выживание, условия жизни нельзя было назвать благополучным, необходимо было подстраиваться к социальной реальности, которая за относительно короткое время изменилась до неузнаваемости.

Источники и литература

1. Безопасненцы в отряде П. М. Ипатова (Из воспоминаний участников Гражданской войны) // «Нива» (за октябрь). – Ставрополь. – 1987. № 94. – С. 3–4.

2. События весны 1918 г. // Кавказская здравница» (от 26 марта). – Ставрополь. – 1986. – № 60. – С. 9.

3. «Вольная Кубань». – Екатеринодар, 1919.

4. Голдин В. И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). – Архангельск: Изд-во «БОРГЕС», 2000. – 280 с.

5. Гражданская война в Ставропольской губернии // «Ставропольская правда» (от 12 июля). – Ставрополь. – 2003. – № 152. – С. 12.

6. Деникин А. И. Очерки русской смуты. – Париж, 1921. – С. 212. – Т.3.

7. Дмитриева Е. Б. Рабочие Петрограда в 1918–1920 гг. (Динамика соц. структуры и общественной психологии). – СПб., 1994. – 210 с.

8. «Заря свободы». – Ставрополь, 1917–1918.

9. Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В. Военная история Гражданской войны в России 1918–1920 годов. – М., 2004. – 320 с.

10. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии 1920-х –1930-х годов. – СПб.: Журнал «Нева» – Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. – 320 с.

11. Поливина Марина Анатольевна. Повседневная жизнь населения Северного Кавказа в годы гражданской войны 1917–1920 гг. (по материалам региональной периодики): диссертация ... кандидата исторических наук. – М., 2008. – 194 с.

12. «Правда». – М., 1917.

13. «Ставропольские губернские ведомости». – Ставрополь, 1916.

14. Что писала «Правда» о событиях на Ставрополье в 1918 г.? // «Кавказская здравница» (от 26 марта). – Ставрополь. – 1986. – № 60. – С. 5.

А. В. Карташев
(г. Ставрополь)

СОВЕТСКАЯ АВИАЦИЯ В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ СТАВРОПОЛЬЯ В ЯНВАРЕ 1943 ГОДА

Тема наступления советских войск в ходе битвы за Кавказ в январе 1943 года с военно-исторической точки представляет определенный интерес в связи с тем, что это были первые крупномасштабные действия такого рода в период Великой Отечественной войны. Особая роль в решении стратегической задачи окружения немецкой группировки на Северном Кавказе должна была сыграть авиация. К сожалению, современные исследователи [3–7, 14] ничего не добавили к тому, что вскользь написал про действия авиации маршал А. А. Гречко [2, с. 223, 234–235].

Маршал авиации К. А. Вершинин в своих мемуарах, говоря о сложных метеорологических условиях, мешавших полетам, писал: «Погода в те дни стояла неблагоприятная: дожди сменялись снегопадами и туманами. Но когда наши войска вышли в район севернее Терека, метеорологическая обстановка несколько улучшилась» [1, с. 200]. Для того чтобы понять, как конкретно действовала советская авиация, обратимся к архивным источникам.

В «Отчете о боевой работе 4 ВА за второй год Отечественной войны», говорится следующее. Вследствие плохих метеоусловий действия авиации 4 ВА в январе 1943 года были ограничены. В течение месяца было всего 5 летных дней, ограниченно летных – 8. Это не только ограничивало боевую работу, но и задерживало перебазирование ряда частей на новые аэродромы [9, л. 140].

Данные, приведенные в «Отчете», свидетельствуют, что за январь 1943 года частями 4 ВА было совершено 1887 боевых вылетов днем и 204 ночью. Боевой налет армии в этот месяц был самым низким за все время битвы за Кавказ. По общему количеству самолетовылетов активность авиации в январе 1943 года была в 3,5 раза ниже, чем в августе, и в 4,7 раза ниже, чем в сентябре предыдущего года (расчеты автора). Даже по сравнению с декабрем 1942 года число боевых вылетов сократилось более чем на 330. То есть, командующий дал данные за полтора месяца, и эта цифра выглядит внушительней, чем показатель за один январь.

Разумеется, интенсивность работы авиации проявилось в результатах боевых действий 4 ВА. В январе 1943 года в воздушных боях было сбито всего 12 самолетов противника (в августе – 89), еще 3 самолета было уничтожено на аэродромах и 4 подбито. Невысокими по сравнению с предыдущим годом были успехи и в уничтожении наземного противника: 14 танков (в августе – 280, в декабре – 63), 920 грузовых автомашин (в августе – 3142, в декабре – 690), 7 бронемашин, 3 автобуса, 13 автоцистерн, 10 зенитных орудий и 10 орудий полевой артиллерии. Свои потери 4 ВА в январских воздушных боях составили 6 самолетов: 3 истребителя (2 ЛаГГ-3 и 1 И-16), 2 штурмовика Ил-2 и 1 бомбардировщик Бостон-3. Десять самолетов было потеряно от огня зенитной

артиллерии: 1 ЛаГГ-3 и 2 Як-1, 5 Ил-2 и 2 Бостон-3. Не вернулись с боевых заданий 5 экипажей: 1 ЛаГГ-3 и 1 И-16, 1 Ил-2, 1 Бостон-3 и 1 Пе-2. Ввиду плохой погоды январь был отмечен четырьмя катастрофами: 1 ЛаГГ-3 и 1 И-16, 1 Ил-2 и 1 Р-5. От огня противника погибло 3 летчика, 5 человек летного состава не вернулись с боевых заданий, 9 – погибли в авиакатастрофах [9, л. 296–298, 301–328]. Но эти не такие высокие потери в относительных показателях сопоставимы с потерями 4 ВА в другие месяцы войны.

Боевые документы позволяют детально восстановить действия авиационных частей, но здесь мы остановимся лишь на наиболее характерных моментах их работы.

218 ночная бомбардировочная авиационная дивизия первые боевые вылеты в новом году совершила в ночь с 7 на 8 января. Их целью была разведка войск противника в районе Георгиевска, Минеральных Вод и Буденновска. При этом боевая задача была поставлена только одному полку, вооруженному самолетами Р-5. Радиус действия самолетов У-2 двух других полков не позволял летчикам вернуться после вылета на свой аэродром. По этой причине в январе 1943 года они в боевых действиях не участвовали.

Разведчиками добывались весьма ценные данные. В частности, с 5 по 12 января воздушной разведкой был отмечен интенсивный отход противника, вскрыты основные пути его отхода. Летчики установили, что танки и автомашины грузились в эшелоны на станции Минеральные Воды. Закончив разведку, экипажи производили бомбометание по путям и эшелонам [10, л. 3-6об.].

230 штурмовая авиационная дивизия имела в своем составе 4 полка. 2 января с аэродрома Нестеровская (Ингушетия) 103 штурмовой авиаполк (ШАП) произвел 25 самолетовылетов на штурмовку войск противника, оборонявшихся в хуторах и селах севернее Моздока. Задачи были выполнены успешно. 3 января с аэродрома Нижний Наур (ныне – с. Надтеречное) 210 ШАП сделал 8 самолетовылетов на разведку с одновременной штурмовкой войск противника. Задачи были выполнены хорошо. Однако ввиду плохой погоды один из экипажей не выполнил задания – молодой летчик не видел, как ведущий сбросил бомбы, и не был уверен, что находится над территорией противника, и вернулся на аэродром с неизрасходованным боекомплектом. 4–7 января полки дивизии произвели лишь 11 самолетовылетов на разведку войск противника с одновременной штурмовкой. 6 января 7 гв. ШАП, 979 истребительный авиаполк (ИАП) вместе со штабом дивизии сосредоточились на аэродроме Галюгаевская [11, л. 1–1об.]. Перелет на новый аэродром был сопряжен с трудностями. Вначале там должны были поработать саперы и разминировать его. Летные поля грунтовых аэродромов раскисали от дождей и снега, что делало их непригодными для эксплуатации. Это также мешало боевой работе.

Находясь на аэродроме Галюгаевская, штурмовики выполняли задачи в районе Кавказских Минеральных Вод. 10 января в сложных метеоусловиях летчик майор Н.К. Галущенко блестяще выполнил боевую задачу, уничтожив железнодорожный мост у станции Нагутская [9, л. 131].

Одним из показательных эпизодов боевых действий в начале 1943 года стали вылеты на штурмовку аэродрома Минеральные Воды летчиков 217 истребительной авиационной дивизии 7–9 января. Они подбили немецкий Ю-52, заходивший на посадку, сбили 1 Ме-110 и 3 Ме-109, уничтожили на земле 4 бомбардировщика, автомашину, 3 конные повозки и 3 товарных вагона [12, л. 18об.–19]. В этих вылетах отличились многие летчики, в т.ч. капитан П.К. Козаченко, который был представлен к званию Героя Советского Союза [8, л. 30].

216 смешанная авиационная дивизия в составе трех истребительных и одного штурмового полков была придана конно-механизированной группе генерала Н. Я. Кириченко и продвигалась вслед за ней. Используя хорошую погоду, летчики вели разведку и штурмовку войск противника в интересах кавалерийских корпусов, нанося удары по ж.д. эшелонам до станции Благодарное [13, л. 26].

В ходе вылетов на задания случались боевые потери. Иногда причиной гибели летчиков становилась и погода. 21 января лейтенант В. М. Яценко 84 «а» ИАП возвращался с боевого задания. Аэродром закрыло туманом. Самолет потерпел катастрофу в районе Курсавки, летчик погиб. Гибли из-за нарушения техники пилотирования, мер безопасности. Летчики совершали вынужденные посадки в чистом поле из-за неисправности матчасти или ухудшения погодных условий, и по несколько дней их судьба выяснялась. Кто-то из них попадал в плен, кому-то удавалось выбраться к своим, кого-то находили вместе с самолетом и эвакуировали на свой аэродром.

В течение месяца авиационные части и соединения 4 воздушной армии, используя летную погоду, перелетали вслед за наземными войсками с аэродрома на аэродром. С двадцатых чисел января объекты ударов все чаще назначались за пределами Ставрополья – в районе Армавира, Гулькевичи, Кропоткина, Темижбекской и др. 25 января войска противника были полностью изгнаны с территории Ставрополья. Освобождением Новоалександровского района завершился период оккупации края. Однако до конца января боевые вылеты с аэродромов на территории Ставропольского края продолжались.

В заключении надо сказать, что летный состав в зимний период эксплуатации авиационной техники, совершая полеты в сложных метеоусловиях, проявил максимум мужества и мастерства, и те небоевые потери, которые он понес, можно объяснить тем, что летчики не успевали хорошо изучить новый район полетов, допускали ошибки в пилотировании и теряли ориентировку при плохой видимости. Вместе с тем, эффективность самих боевых вылетов была довольно высокой. Советская авиация в небе Ставрополья обретала силу и уверенность, которые стали залогом успеха в воздушных сражениях в небе Кубани в апреле – июне 1943 года.

Источники и литература

1. Вершинин К. А. Четвертая воздушная. – М.: Воениздат, 1975. – 144 с.
2. Гречко А. А. Битва за Кавказ. – М.: Воениздат, 1967. – 424 с.
3. Карташев А. В. Пятый гвардейский Донской кавалерийский корпус в боях за освобождение Ставрополья в конце ноября – декабре 1942 года // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 3. – С. 87–97.
4. Карташев А. В. Советская авиация в небе Ставрополья в августе 1942 года // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – № 1. – С. 89–98.
5. Карташев А. В. Оборонительные действия советских войск в битве за Кавказ: Ставропольское направление // Военно-исторический журнал. – 2019. - № 10. – С. 24–30.
6. Карташев А. В. Группа генерала Тимофеева в боях за Кавказские Минеральные воды // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 7. – С. 31–38.
7. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Коллективная монография / под ред. С. И. Линца, А. А. Аникеева, Г. И. Кольга. – М.: Надыршин, 2019. – 480 с.
8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 33. Оп. 793756. Д. 22.
9. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0053.
10. ЦАМО. Ф. 20208. Оп. 1. Д. 5.
11. ЦАМО. Ф. 20215. Оп. 1. Д. 18.
12. ЦАМО. Ф. 22373. Оп. 0226473с, Д. 0002.
13. ЦАМО. Ф. 3470. Оп. 0000001. Д. 0152.
14. Януш С.В. Войсковые операции советской армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2005. – 576 с.

И. В. Карташев
(г. Ставрополь)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СУДЬБЕ ПРОФЕССОРА П. М. КОВАЛЕВСКОГО

«День 3 августа, самый трагичный в истории города, зримо обнажил свои раны в больницах и госпиталях… К началу бомбардировки приемный покой больницы был уже переполнен ранеными. Их привозили из нижней части города, потом из других районов… Вскоре раненых стали доставлять сплошным потоком, их располагали прямо на траве двора, под деревьями, у стен строений», – так описывали очевидцы начало гитлеровской оккупации г. Ставрополя (в то время – Ворошиловска) и обстановку, сложившуюся 03.08.1942 г. в городской больнице [4, с. 39]. Крупнейшее лечебное учреждение Ставрополья, принявшее в этот день только тяжелоранеными 186 пациентов [6, л. 9], не прекращало свою работу ни на один день и функционировало в течение всего периода оккупации. Хирургическим отделением больницы заведовал профессор Петр Матвеевич Ковалевский.

Родился П. М. Ковалевский в 1891 г. в Воронежской губернии в семье зажиточного крестьянина. Родители смогли отправить мальчика на учебу в гимназию г. Острогожска, которую он окончил с серебряной медалью [5]. В 1910 г. юноша поступил в Императорскую Военно-медицинскую академию в г. Санкт-Петербурге, отличавшуюся лучшей в России хирургической научной школой. С 1912 по 1948 гг. кафедру оперативной хирургии и топографической анатомии возглавлял В. Н. Шевкуненко – будущий академик АМН СССР, генерал-лейтенант медицинской службы, ставший впоследствии научным консультантом П. М. Ковалевского при его работе над докторской диссертацией. Именно его Ковалевский считал своим учителем.

В связи с началом Первой мировой войны Петр Ковалевский, получивший диплом лекаря с отличием, в январе 1915 г. был мобилизован в действующую армию. Вплоть до октября 1917 г. он служил младшим врачом 48-го пехотного Одесского полка, действовавшего на Юго-Западном фронте и участвовавшего в знаменитом Брусиловском прорыве.

После окончания войны и расформирования полка в 1918 г. П. М. Ковалевский вернулся в Воронежскую губернию, где в течение 7 лет заведовал больницей при станции Лиски Юго-Восточной железной дороги. Именно в Лискинской народной больнице, где Петром Матвеевичем было произведено более 1000 самых разнообразных операций [9, с. 36–40], произошло его становление как практикующего хирурга. Талантливого специалиста заметили и пригласили на работу в Воронежский государственный университет, где в 1925 г. он стал ассистентом госпитальной хирургической клиники, а в 1932 г. – доцентом по военно-полевой хирургии [2, с. 24]. Здесь он проявил себя и как незаурядный ученый. Уже во второй половине 1920-х гг. в отечественных журналах был опубликован ряд его научных статей, две из которых были изданы в ведущих европейских журналах. В 1927 г. перспективный хирург и ученый был направлен в научную командировку в Германию и Австрию, где в течение 6 месяцев проходил стажировку в клиниках известных хирургов – М. Борхарда, А. Бира, Ф. Зауэрбруха, А. фон Эйселберга, Ю. фон Хоченегга, Х. Финстерера [10, с. 3–4]. В 1930 г. он продолжил работу в образованном на базе Воронежского университета самостоятельном медицинском институте, где с 1935 по 1941 гг. исполнял обязанности заведующего кафедрой военно-полевой хирургии и хирургической клиникой. В 1936 г. Ковалевскому была присуждена ученая степень кандидата наук и присвоено звание доцента, в 1940 г. он защитил докторскую диссертацию и был утвержден в ученой степени доктора медицинских наук.

Весной 1941 г. П. М. Ковалевский на конкурсной основе был избран на должность заведующего кафедрой общей хирургии Ставропольского медицинского института, приступив к исполнению обязанностей 23.06.1941 г., во второй день войны. Одновременно он был назначен заведующим хирургическим отделением Ставропольской городской больницы. Кроме того, горвоенкомат прикомандировал Ковалевского в качестве постоянного консультанта развернутых в городе эвакогоспиталей 1009 и 1626. В первые месяцы войны он участвовал в работе, прошедшей в медицинском вузе 1-й оборонной конференции, выступив с изложением основных принципов лечения отморожений, на заседании краевого общества хирургов делал доклад об основных принципах лечения огнестрельных переломов трубчатых костей [3, л. 60].

В связи со стремительным наступлением противника на южном крыле фронта летом 1942 г. эвакуация медицинского института и его сотрудников не состоялась. Профессор Ковалевский

и его семья наряду с семьями других сотрудников вуза остались в оккупированном городе. В течение всего периода оккупации П. М. Ковалевский продолжал в сложных условиях руководить работой хирургического отделения больницы. Не хватало лекарств, перевязочного материала, инструментов, инвентаря. Больница плохо снабжалась, практически не отапливалась, а пациентов в ее хирургическом отделении было довольно много. Так, только в августе 1942 г. хирургами больницы было произведено 324 операции, в том числе полосных – 43, неотложных – 150, вскрытий – 27, при этом хирургическое отделение в отличие от ряда других испытывало нехватку специалистов. Количество пациентов в отделении не уменьшалось и в последующие месяцы [7].

Сразу после освобождения Ставрополя от оккупантов, в январе 1943 г., профессор Ковалевский приступил к исполнению обязанностей заведующего кафедрой и клиникой общей хирургии Ставропольского мединститута. Базой клиники служило хирургическое отделение эвакогоспиталя, в котором находилось большое количество раненых. В октябре 1943 г. П. М. Ковалевский был утвержден в должности заведующего кафедрой госпитальной хирургии. Одновременно из-за отсутствия преподавательских кадров он по совместительству исполнял обязанности заведующего кафедрой оперативной хирургии и кафедрой факультетской хирургии. Студенты, переходя с курса на курс, вновь и вновь встречались на лекциях и в операционных с Петром Матвеевичем, который стал для них единственным и непререкаемым авторитетом, образцом хирурга и эталоном врачебной этики.

Факт работы в лечебном учреждении в период оккупации неизменно указывался П. М. Ковалевским в различных документах на протяжении многих лет. В отличие от некоторых других медицинских работников, возглавлявших лечебные учреждения в период оккупации, – например, главного врача Ставропольской горбольницы Ю. Г. Ивайкова и главного врача психиатрической больницы Д. С. Гамбарова, осужденных за сотрудничество с оккупантами, каким-либо наказаниям со стороны советских властей профессор Ковалевский не подвергался. Напротив, в 1946 г. за работу в эвакогоспиталях 1009 и 1626 подполковник медицинской службы П. М. Ковалевский был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [3, л. 92 об.].

В послевоенные годы профессор Ковалевский заведовал кафедрой госпитальной хирургии. С приходом в коллектив опытных специалистов – хирургов-фронтовиков Т. К. Нуднер, В. М. Путятина, И. К. Штилькинда, Н. А. Ващинского, талантливого ортопеда-травматолога М. С. Макарова – процесс подготовки медицинских кадров на кафедре перешел на качественно новый уровень [11, с. 51, 118, 128, 155, 208]. Под руководством П. М. Ковалевского было организовано проведение научных исследований, в результате которых сотрудники кафедры защитили кандидатские, а М. С. Макаров – докторскую диссертации, развернута подготовка первых ординаторов. Кроме того, профессор Ковалевский бессменно руководил краевым обществом хирургов, принимал участие в работе всесоюзных и республиканских съездов и конференций хирургов. В сентябре 1959 г. Петр Матвеевич наряду с другими известными советскими учеными был включен в состав делегации для поездки на Международный конгресс хирургов в г. Мюнхен, в котором участвовало около 2000 специалистов из 60 стран мира. Примечательно, что именно ему руководитель советской делегации академик Б. В. Петровский поручил подготовить итоговый доклад о работе конгресса, опубликованный в журнале «Советская медицина». Информацией об участии в мероприятии Петр Матвеевич делился и со своими коллегами и студентами на страницах институтской газеты «За медицинские кадры» [8, с. 2].

Более полувека посвятил профессор П. М. Ковалевский медицине. Не являясь уроженцем Ставрополья, именно здесь он встретил войну, возглавил хирургическое направление в крупнейшем образовательном медицинском и крупнейшем лечебном учреждениях края. Прекрасный специалист своего дела, лично проведший за свою жизнь более 10 тысяч операций, он стоял у истоков научной школы, воспитавшей первое поколение ученых-хирургов в крае. В память о Петре Матвеевиче Ковалевском сотрудниками центра изучения истории медицины Ставропольского медицинского университета был создан документальный фильм, неоднократно демонстрировавшийся в стенах вуза и на местном телевидении [1].

Источники и литература

1. Officium Medicus профессора Ковалевского: [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=gMAx75826Gg.

2. Архив Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко. Из истории кафедры госпитальной хирургии. ВГМА-787.
3. Архив Ставропольского государственного медицинского университета. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д.1680.
4. Беликов Г. А. Оккупация. – Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 1998. – 151 с.
5. Государственный архив Воронежской области. Ф. И 79. Оп. 1. Д. 178.
6. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1069.
7. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р 1053. Оп. 1. Д. 6.
8. Ковалевский П. М. 18 международный конгресс хирургов // За медицинские кадры. 1959. 14 ноября.
9. Ковалевский П. М. Краткий очерк хирургической деятельности Лискинской межуездной Советской больницы (при ст. Лиски Ю.-В. ж. д.) за 6 лет (1918–1923 г.) // Воронежское здравоохранение. 1924. №1.
10. Протоколы заседаний Научно-медицинского общества при Воронежском государственном университете. – Воронеж, 1928. – 36 с.
11. Ставропольский медицинский: дорогами войны. Биографический справочник / под ред. А. В. Карташева. – Ставрополь: СтГМУ, 2015. – 232 с.

А. И. Кругов
(г. Ставрополь)

ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ: ПРОФЕССОР ИОАНН БАУМГОЛЬЦ

В январе 1943 года, после освобождения Ставропольского края, заместитель главного инженера проектно-изыскательного управления Главпромстроя Александр Баумгольц, сын профессора писал из Уфы на имя заместителя наркома внутренних дел СССР, комиссара госбезопасности III ранга Василия Чернышева: «При захвате немцами Кисловодска оттуда не успел выбраться мой отец, работавший врачом в госпитале, профессор Баумгольц Иоанн Львович, 71 год, еврей. С ним – его сестра, Исштейн Августина Львовна. После освобождения Кисловодска мои телеграммы туда, по-видимому, не доходят, и я не имею возможности получить сведения живы ли они, и нуждаются ли в моей немедленной помощи. Убедительно прошу ваших указаний – запросить через органы НКВД просимые сведения. Адрес отца: Кисловодск, проспект Сталина, 14» [1, л. 1].

Его отец, Иоанн Львович Баумгольц был известным медиком, лечившим первых лиц молодого советского государства. О его детских и юношеских годах сведений почти не сохранилось. Известно, что Иона (Иоанн) родился в 1871 году в Киеве. У него был брат Аким и сестра Августина. Иоанн был выпускником знаменитого Юрьевского (Тартуского) университета. Свою трудовую деятельность Баумгольц начал в качестве ассистента императорского клинического института Великой Княгини Елены Павловны. Это был первый в России институт для усовершенствования врачей. Молодой врач работал ассистентом у известного профессора гематолога, микробиолога и терапевта Дмитрия Леонидовича Романовского. Здесь Иоанн Баумгольц прошел отличную школу и состоялся как практикующий медик и ученый. В 1896 году он защитил диссертацию на степень доктора медицины по внутренним болезням, работал в управлении главной врачебной инспекции Санкт-Петербурга, имел чин коллежского советника.

В годы Первой мировой войны Баумгольц числился вольнопрактикующим врачом [2, с. 29]. Он был автором научных трудов: «Кровяное давление и его показатели» «Постукивающий прибор и несколько слов о постукивании», (1897); «Ирис – стетоскоп» (1929), а также одной из первых в СССР работ о влиянии магнитного поля на человека (1936). Ему довелось лечить и своего учителя Дмитрия Леонидовича Романовского (1861–1921), известного российского врача-терапевта, гематолога и инфекциониста, а также профессора Михаила Владимировича Яновского (1854–1927). Оба они умерли в Кисловодске от грудной жабы (стенокардии) [3, с. 17].

В 1920-х годах Иоанн Львович переехал из Петрограда в Кисловодск, где более 20 лет пользовался славой первоклассного терапевта и курортолога. С июня 1925-го по сентябрь 1936 года Баумгольц, специалист высочайшего класса, состоял научным консультантом в аппарате Управле-

ния уполномоченного ЦИК Союза ССР по Минераловодской группе курортов Марка Иосифовича Ганштака. Иными словами, занимался лечением партийно-правительственной советской верхушки. Его кандидатуру в должности научного консультанта согласовывал лично нарком здравоохранения Николай Александрович Семашко. Понятно, что в основу назначения были положены высокий профессиональный уровень и безупречная репутация доктора.

Непродолжительное время в 1930 году И. Л. Баумгольц занимал должность заведующего санаторием специального типа ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых) при СНК СССР и помимо представителей партийной номенклатуры лечил пребывающих на курорте академиков. Пациентами доктора Баумгольца были многие известные деятели первых лет советской власти. Среди них, например, создатель Красной армии, нарком иностранных дел в первом советском правительстве, нарком военных и морских дел и председатель Реввоенсовета РСФСР а затем СССР, член Политбюро ВКП(б) Лев Давидович Троцкий (Лейба Давидович Бронштейн, 1879–1940). Другие подопечные Баумгольца – основатель и руководитель ВЧК (Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и сабботажем) Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926) и его преемник на этом посту Вячеслав Рудольфович Менжинский (1874–1834). Еще в 1922 году в сухумском санатории врачи предупреждали Дзержинского: «Только режим и лечение, или вас хватит не более чем на два-три года». А три года спустя у того случился первый приступ стенокардии или, как тогда говорили, «грудной жабы». Врачи настоятельно рекомендовали Дзержинскому ограничить трудовой день четырьмя часами, но высокопоставленный пациент советы категорически отверг. В 1925 году на отдыхе в Кисловодске излюбленным местом прогулок главного чекиста страны были Красные камни. Страдающий от тяжелой одышки и кашля, через каждые пятьдесят шагов Дзержинский делал минутную передышку. Приглашенные немецкие профессора подтвердили: назначенное доктором Баумгольцем лечение на организм и психику Дзержинского оказало самое благоприятное воздействие. Однако спасти своего пациента Баумгольцу и его коллегам, несмотря на все старания, не удалось. В июле 1926 года Ф. Э. Дзержинский скончался от сердечного приступа, не дожив до пятидесяти лет. Умер удивительно вовремя: уже в следующем, 1927 году, Сталин изгонит из партии всех наиболее опасных своих оппонентов.

О встречах со своими именитыми подопечными и их лечении Баумгольц, конечно, мемуаров не оставил. За контакты с одним только Троцким просто ставили к стенке или отправляли в лагерь, не разбираясь ни в чинах, ни в званиях. Избежав сталинских репрессий, Иоанн Баумгольц погиб в немецкой оккупации. Доктор отказался эвакуироваться в г. Куйбышев летом 1942 года, оставшись в оккупированном немцами Кисловодске.

Почему доктор остался?

Возможно, из-за болезни сестры Августины Львовны. Возможно, посчитал, что в свои семьдесят с лишним он никуда уже не поедет, что бы там ни случилось.

История сохранила письмо жителя Кисловодска Павла Аксакова племяннику Баумгольца (сыну его сестры) Леопольду Петровичу. Вот часть этого послания, в котором рассказано об участи самого доктора и его близких:

«…Ваш дядя доктор Баумгольц Иоанн Львович, ваша мама и медицинская сестра, обслуживавшая доктора Баумгольца, Мелания, вывезены из Кисловодска 9 сентября 1942 года вместе со всем еврейским населением города. Четвертого или пятого сентября 1942 года немецким ЕК12 [Айнзацкомманда 12 Айнзацгруппы Д] было опубликовано распоряжение, что все еврейское население города Кисловодска подлежит переселению из Кисловодска в места малонаселенные, но куда не было указано. Этим приказом предлагалось еврейскому населению, подлежащему переселению, взять с собой продовольствия на несколько дней, все ценные вещи и деньги, багаж должен быть не более 20 кг. На все имущество, остающееся в квартирах, должны быть составлены описи, квартира должна быть замкнута на замок. Ключ от замка предлагалось привязать к замку с запиской фамилии, имени, отчества владельца.

9 сентября к пяти часам утра предлагалось явиться на товарную станцию для погрузки в вагоны всему еврейскому населению города за исключением метисов или семей смешанных браков.

В начале сентября Августина Львовна была больна, причем серьезно… у нее были сердечные припадки, и она находилась на постельном режиме. Доктор Баумгольц И. Л. пригласил из городской поликлиники двух врачей, чтобы дать заключение, может ли больная Исштейн А. Л. выехать из города с отправляющимся эшелоном. Врачи нашли больную настолько слабой, что дали заклю-

чение, что в настоящее время она выехать не может впредь до выздоровления, что давало вашей маме право остаться в Кисловодске. Опасаясь, что потом Августине Львовне придется ехать одной, Баумгольц рекомендовал ей ехать всем вместе, на что она согласилась. И, таким образом, все они были вывезены 9 сентября, направлены в Минеральные Воды, а оттуда, как передают, всех направили на стекольный завод, который находится от станции в 6–7 километрах, здесь и прерывается нить дальнейшего следования вывезенного из Кисловодска еврейского населения.

Официальных сведений об участи вывезенных немцами еврейских семейств из городов Кисловодска, Ессентуки, Пятигорска и сельских местностей нет. Но упорные слухи передают, что все еврейское население, вывезенное немцами, погибло на стекольном заводе - здесь их всех немецкое гестапо убило. Если получу какие-либо дополнительные данные, незамедлительно сообщу.

Мелания, как преданная медсестра, изъявила желание следовать вместе с доктором Баумгольцом, несмотря на то что она имела право остаться в Кисловодске, так как по происхождению она не еврейской национальности» [4, с. 526–528].

Яркий представитель советской медицины, чудом избежавший сталинских репрессий, осенью 1942 года он среди нескольких тысяч евреев стал жертвой нацистов на оккупированной территории Ставрополья. 18 июня 2019 года в Минеральных Водах открылся новый мемориальный комплекс памяти евреев, расстрелянных нацистами в противотанковом рву рядом со стекольным заводом. На основе информации, содержащейся в документах российских архивов и института «Яд Вашем» (Израиль) удалось восстановить 1034 имени из более шести тысяч жертв Холокоста. Их имена высечены в граните на новом мемориале [5]. Среди них значится имя профессора медицины Ионы (Иоанна) Баумгольца.

Источники и литература

1. Письмо-запрос Александра Баумгольца на имя заместителя наркома внутренних дел СССР, комиссара госбезопасности III ранга В. В. Чернышева от 20 января 1943 года, г. Уфа // Архив НПЦ Холокост. Коллекция «Холокост на территории России». Д. 2.

2. Российский медицинский список, изданный по высочайшему его императорского величества повелению на 1914 год. Петроград: Управление Главного Врачебного Инспектора МВД, 1914.

3. Идельчик Х. И., Левит М. М. Приоритеты русских ученых в некоторых вопросах медицины // Советское здравоохранение. 1949. № 3; Шуленин С. Н., Обрезан А. Г. Михаил Владимирович Яновский: кардиология – связь времен // Артериальная гипертензия. 2005. Т. 11. № 2. https://web.archive.org/web/20081209070133/http://www.consilium-medicum.com/media/gyper/05_02/75.shtml (дата обращения 16 июля 2019 года).

4. Терушкин Л. А. Письма соседей и друзей – неизвестные свидетельства о смерти и спасении во время Холокоста. Исследования в семейных архивах, использование в музееведении и образовании // Materials of conferences, 2015-2016 / ed. Menahem Barkahan. Riga: Society «Shamir», 2016.

5. Центральная база данных имен жертв Холокоста, Зал имен архива Яд Вашем // https://yvng.yadvashem.org/index.html?language=ru (дата обращения 13 июля 2019 года).

Е. Ю. Оборский
(г. Ставрополь)

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Северный Кавказ не стал территорией, которая спровоцировала революционные действия. Наиболее часто употребляемые формулировки о событиях 1917 года в местной историографии – «революция докатилась», «охватила всю страну», «весть о свержении царизма быстро облетела всю страну», «весть о Февральской революции застала в области и губернии довольно сложную расстановку сил», «сведения о событиях в Петрограде и Москве разными путями становились известными жителям провинциальных городов» [11, с. 3; 8, с. 11; 9, с. 419; 12, с. 650].

Схема и набор терминов о начале революции были фактически заложены в конце 1930-х гг., закреплены после опубликования Краткого курса истории ВКП (б), и тиражировались все последующее время. Например, В. П. Хитров в своей диссертации говорит первых днях революции на Ставрополье фактически фразами из него: «26–27 февраля 1917 г. восставшие рабочие и солдаты Петрограда, руководимые большевиками, свергли царя и создали Советы рабочих и солдатских депутатов. В России совершилась буржуазно-демократическая революция. Весть о победе революционного народа дошла до Ставрополя в начале марта и всколыхнула революционные силы губернии» [21, с. 59]. В самом Кратком курсе эти фразы звучат так: «Когда весть о победе революции в Петрограде распространилась в других городах и на фронте, рабочие и солдаты всюду стали свергать царских чиновников. Февральская буржуазно-демократическая революция победила» [7, с. 169].

Чуть ранее, в 1920-е гг. историки и участники событий отмечали сопротивление царской власти на местах, которая задерживала информацию о восстании в Петрограде. Собственно, на этом сопротивление и заканчивалось, но акцент на то, что «царизм не сдался без боя» ставился постоянно. В. М. Краснов вспоминал, что ставропольский губернатор С. Д. Оболенский «направил все усилия к тому, чтобы полученные из Петербурга вести не вышли за пределы интимного круга его ближайших сотрудников и, лишь после получения акта отречения государя, созвал совещание в составе начальников официальных учреждений, городского головы и председателя земской управы» [10]. В трактовке Ф. М. Головенченко, революция на Ставрополье началась с борьбы губернатора с новостями из столицы и переписке с различными ведомствами по этому поводу [1, с. 13–15].

Как показывает переписка ставропольского губернатора князя Оболенского, сведения из столицы на места доставлялись довольно своевременно. Сначала министр внутренних дел князь Орлов сообщил о «серьезных беспорядках в Петрограде на политической почве» [19, Л. 7]. При этом он просил усилить агентурный и наружный надзор, но активных действий не предпринимать. 3 марта он же сообщил об отречении царя и образовании Временного Правительства [19, Л. 3]. Князь Оболенский ответил, что он «ознакамливает» население губернии с происшедшими событиями, а меры предосторожности приняты [3, Л. 73]. В обращении, которое опубликовал губернатор 4 марта, говорилось о крупных беспорядках в Петрограде, о просьбах членов Думы и рабочих депутатов к царю образовать новое правительство и к населению сохранять спокойствие [3, Л. 74]. И только 5 марта в газетах губернии сообщалось об отречении монарха и о других столичных событиях. До этого, как, например, в газете «Пятигорское Эхо», публиковали только заметки о беспорядках в Петрограде [17]. Единственное село, получившее новости практически наравне с губернатором – Белая Глина, в которую еще 3 марта пришли ростовские газеты с сообщениями о революции. Однако первая реакция белоглинцев проявилась только 6 марта на сельском сходе [18], что говорит о том, что информация сохранялась внутри села и не вышла за его пределы за то короткое время, пока остальная губерния ничего не знала.

На Черноморье губернатор также успел поставить под свой контроль этот процесс [22, Л. 13]. Губерния узнала о революции 4–5 марта, а 7 марта в Новороссийске был организован Совет депутатов.

В Дагестане губернатор также рассылал телеграммы с сообщениями о происшедших событиях. Один из начальников округов, получив такую телеграмму, не доверяя телеграфу, письменно запросил – верить ли этой телеграмме. Только спустя три недели, 22 марта 1917 года в Темир-Хан-Шуре в базарный день были организованы своеобразные «выборы» в Дагестанский Гражданский Исполнительный комитет. Тут же на базаре на организованном наспех митинге был

предложен список кандидатов в областной Гражданский Исполком, в котором значилось 30 представителей всех 9-ти округов Дагестана, принятый без голосования простым гулом голосов «рази къардаш» – все, мол, согласны. В его состав вошли Н. Гоцинский, крупный помещик; Н. Тарковский, помещик, офицер; М. Мавраев, владелец типографии и консервных заводов; М. Дибиров, ученый-арабист; некоторые социалисты [11, с. 13–14].

В Грозном по инициативе кадетов 4 марта было созвано собрание представителей городской думы, военно-промышленного комитета и Совета терских нефтепромышленников, на которое были приглашены меньшевики и эсеры. Был создан Грозненский гражданский исполнительный комитет во главе с кадетом Гудзенко. В воскресенье 5 марта 1917 года состоялся грандиозный митинг рабочих Грозного, который приветствовал победу рабочих Петрограда. В тот же день был избран Совет рабочих депутатов из 15 человек [11, с. 15]. На нефтепромыслах, расположенных недалеко от Грозного, также были образованы Советы рабочих депутатов.

На Тереке сообщение об отречении царя было опубликовано 4 марта 1917 г. На следующий было созвано организационное собрание социал-демократов Владикавказа. Тогда же, 5 марта был образован областной Гражданский исполнительный комитет во главе с эсером К. Мамуловым, в который вошли представители буржуазии, казачества, помещиков, духовенства, представители социалистических партий – эсеры и меньшевики. 8 марта образовался Владикавказский совет рабочих депутатов [13, с. 34–35]. Позже окружные гражданские комитеты появились во всех округах Терской области.

Любопытна трактовка событий на Кубани. Устоявшаяся канва событий выглядела так: весть о революции узнали 28 февраля телеграфисты и распространили ее на собрании в воскресной школе. Большевики сразу создали Временный революционный комитет, которым были разоружены полиция и жандармерия. На последовавшем митинге, созванном по инициативе РСДРП (б), решили создать новый орган по примеру столицы – Совет рабочих депутатов. 2 марта 1917 г. Совет, добавивший потом в названии «воинских депутатов» начал работу и принял первые решения [6, с. 169–170; 14, с. 21–22; 15, с. 495; 20, с. 214; 24, с. 37]. Порой изложение революционных событий было нелогичным, но авторы не обращали на это внимание: «28 февраля 1917 года в Екатеринодаре, а 4 марта и в Новороссийске узнали о победе революции в Петрограде. Уже на третий день после падения царизма начались выборы в Екатеринодарский Совет рабочих депутатов. 2 марта состоялось первое заседание этого органа» [2]. Между тем, «третий день после падения царизма» – это 5 марта 1917 г. Возникают вопросы в правильности трактовки такого, казалось бы, простого эпизода.

Основой всех этих описаний являются воспоминания екатеринодарского большевика П. В. Асаульченко: «Телеграмма о перевороте на телеграфе была получена 29 февраля 1917 года. Начальник почтово-телеграфной конторы хотел задержать ее, но я на почте имел большую сеть наших информаторов, которые 30-го доставили мне копию телеграммы» [4, Л. 25–26; 23, Л. 2]. Явные внутренние противоречия источника (29 и 30 февраля!!!), не помешали отнестись к этим воспоминаниям как важным и правильным, явно следуя тезисам С. Пионтковского о классовой природе мемуаров, доверии правильным мемуарам и «искажении исторического смысла» воспоминаний, авторство которых не принадлежит пролетариату [16]. Все, кто придерживался описанной трактовки, не принимали в расчет другие источники. В воспоминаниях другого участника революции И. Руденко можно найти следующую запись: «Вечером, 28 февраля, когда в воскресной школе шло собрание, часов в 10–11 вечера прибежал с телеграфа товарищ Асаульченко и сообщил, что в Петрограде совершился переворот, о чем сейчас передано по телеграфу из Москвы. Сам начальник области принимал телеграмму об отречении Николая II от престола» [4, Л. 23–24].

Совет рабочих и воинских депутатов Екатеринодара в первом номере своих «Известий» опубликовал протоколы и обращения Совета, принятые с момента его организации. Там четко указано, что первое собрание Совета было 4 марта, а 5–6 марта разоружили полицию и жандармерию [5, Л.1]. Очевидно, что большевики и рабочие Екатеринодара узнали о революции 2 марта. На следующий день, 3 марта прошли митинги и собрания, где выбирали депутатов в новый орган власти. А непосредственно заседания самого Совета рабочих и воинских депутатов города начались 4 марта.

Таким образом, на Северном Кавказе весной 1917 года известия о свержении самодержавия были встречены с воодушевлением, повсеместно были созданы новые органы власти, получившие мощный кредит доверия от населения.

Источники и литература

1. 1917 год в Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1927. – 104 с.

2. Авраменко А. М. Классовая борьба и революционное движение в Кубанской области и Черноморской губернии // По страницам истории Кубани. Краеведческие очерки. – Краснодар, 1993. – С. 165.

3. Государственный Архив Ставропольского Края. Ф. 1867. Оп. 1. Д. 1.

4. Государственный архива Краснодарского края (ГАКК). Ф. 411. Оп. 2. Д. 129.

5. ГАКК. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 153.

6. Занин В. А. Ленинское учение о революционно-демократической диктатуре и Советы. Большевики Северного Кавказа в борьбе за установление демократической власти и социалистического народовластия Советов. – Краснодар, 1975. – 270 с.

7. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М., 1938. – 352 с.

8. История Кубани. XX век. Очерки. / А. М. Авраменко, А. В. Баранов и др. Под общ. ред. В. Е. Щетнева. – Краснодар, 1998. – 224 с.

9. История народов Северного Кавказа. Т.2. – М., 1988. – 659 с.

10. Краснов В. Из воспоминаний о 1917–1920 гг. // Архив Русской Революции. – Берлин, 1923. Т. VIII. С. 114.

11. Магомедов Ш. Б. Октябрь на Тереке и Дагестане. – Махачкала, 1965. 223 с.

12. Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. – М., 1977. 784 с.

13. Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1973. – 300 с.

14. Осадчий И. П. Октябрь на Кубани. – Краснодар, 1977. – 208 с.

15. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В. Н. Ратушняка. – Краснодар, 1996. – 654 с.

16. Пионтковский С. К вопросу об изучении материалов по истории Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1926. № 2. С. 237 – 238.

17. Пятигорское Эхо. 1917 г. 3 марта.

18. Северокавказское слово. 1917 г. 26 марта.

19. Ставропольский Государственный Краеведческий Музей. Ф. 427. Оп. 1. Д. 2.

20. Судавцов Н. Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М. – Ставрополь, 2001. – 718 с.

21. Хитров В. П. Борьба за Советскую власть на Ставрополье в 1917 – 1920 гг. Дисс. канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 1949. – 155 с.

22. Центр Документации Новейшей Истории Краснодарского Края (ЦДНИКК). Ф. 1774. Оп. 2. Д. 228.

23. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 178.

24. Яргульян В. И. В борьбе за войско революции. Борьба большевиков Дона и Северного Кавказа за создание вооруженных сил революции. – Краснодар, 1980. – 191 с.

А. А. Панарин
(г. Армавир)

УЧАСТИЕ КООПЕРАЦИИ В ПОВЫШЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1925–1927-х гг.

Кооперация как общественно-хозяйственная организация играла и продолжает играть большую роль в социальном развитии, в том числе в сфере образования и культуры. В связи с этим, представляет интерес участие кооперации в повышении образовательного и культурного уровня сельского населения Северного Кавказа в условиях кульминации новой экономической политики, наступившей в 1925–1927 гг. Именно в это время кооперация в наибольшей степени раскрыла свой потенциал, используя присущие ей принципы самодеятельности и сотрудничества. Решению поставленных задач способствовало вовлечение в кооперацию широких слоев населения. Например, в составе сельскохозяйственной кооперации к октябрю 1925 г. в Черноморском округе было 47,3 % хозяйств, в Донецком – 38,7 %, в Таганрогском – 34,8 [9, с. 38]. В систему потребительской кооперации Северного Кавказа входило 31,3 % хозяйств [8, с. 73].

Положительную роль в активизации деятельности кооперации сыграла демократизация общественной жизни северокавказской деревни, начавшаяся с октября 1924 г. под воздействием курса «Лицом к деревне», дополненного в апреле 1925 г. мерами по улучшению положения казачества. В результате обновления состава органов управления кооперации в их состав вошли многие достойные представители крестьянства и казачества, отличающиеся образцовым ведением своего хозяйства и достаточно высоким уровнем образования. Так, в Кубанском округе после выборов лишь 2,3 % членов правлений сельских кооперативов были неграмотными, более 15 % окончили неполную среднюю школу [5, с. 210].

Отмеченные выше благоприятные факторы способствовали повышению роли кооперации в культурной жизни сельских районов Северного Кавказа. Одним из направлений этой деятельности стало осуществление мер по развитию образования. В стремлении стать передовым примером для окружающего крестьянства кооперация в первую очередь старалась обеспечить условия для получения образования своим членам. В этих целях была создана система профессионального образования кооперативных работников, развитие которой происходило за счет выделения средств первичными кооперативами. На таких принципах функционировал Северо-Кавказский краевой кооперативный техникум, находившийся в станице Пашковской Кубанского округа [11, л. 15], а также Владикавказский горский кооперативный техникум, учащимися которого стали представители коренных народов Северного Кавказа.

Повышению образовательного уровня кооперативных работников способствовала организация краткосрочных курсов, где обучающиеся проходили профессиональную переподготовку. Так, в 1926 г. в системе потребительской кооперации Северного Кавказа действовало 26 курсов, на которых в течении двух месяцев обучалось около 800 человек [6, с. 33]. В результате этих усилий удалось повысить уровень квалификации работников кооперации. Так, осенью 1925 г. в 24 союзах сельхозкооперации Северо-Кавказского края работало 146 инструкторов, большинство из которых имели среднее и высшее образование [9, с. 48].

Активное участие в повышении образовательного уровня членов кооперации приняли представители сельской интеллигенции и особенно учителя. Большинство из учителей совмещали свою основную работу с личным участием в деятельности местных кооперативов. В качестве примера можно привести учителя М. Г. Машурко, который вместе с женой-учительницей вступил в 1921 г. в сельхозкоммуну «Красное Знамя» села Благодатного Баталпашинского округа. Несмотря на отсутствие письменных принадлежностей и учебников, а также содержания учителей только за счет обеспечения питанием, последним удалось организовать процесс обучения. С 1924 г. школа стала получать от местных органов образования материальную помощь и ситуация улучшилась [1, с. 58–60]. Результатом этой работы стал заметный рост грамотности не только среди детей, но и взрослых членов коммуны: если в 1920 г. здесь было 56 % грамотных, то в 1925 г. – 87 % [1, с. 30].

Важную роль учительства в развитии кооперации продемонстрировал I Всесоюзный съезд учителей, состоявшийся в 1925 г. В составе его участников 35,8 % работали в кооперации на выборных должностях, а 54 % были заняты в сельхозпропаганде [13, с. 119]. Одним из решений

съезда стало осуществление мер по дальнейшему вовлечению учителей в кооперацию, развитию в сельских школах кружков по распространению сельскохозяйственных знаний и пропаганде кооперативных идей, как среди детей, так и взрослого населения [13, с. 121].

Со стороны руководства Северо-Кавказского края были приняты меры по созданию в сельских школах подобных кружков, с участием в их работе широких слоев казачества и крестьянства, а также проведению ознакомительных уроков по вопросам изучения детьми кооперативной структуры и задач кооперативного движения [4, л. 80]. Отдельное внимание уделялось развитию школьных кооперативов, в которых учащиеся постигали азы кооперативной теории и практики [2].

В процессе кооперативной пропаганды в середине 1920-х гг. возросло внимание к осуществлению культурно-просветительной работы, основными формами которой стало распространение среди населения наглядной агитации, газет и журналов, проведение лекций, а также различных зрелищных мероприятий, с привлечением художественной самодеятельности. В сельской местности центром этой работы являлись избы-читальни, в которых работники кооперации регулярно устраивали встречи с местными казаками и крестьянами. Например, в избе-читальне уже упоминавшийся коммуны «Красное Знамя» действовала библиотека с 383 наименований книг, здесь же проводились беседы и лекции на популярные темы: «О значении науки в жизни людей», «Значение ведения культурного хозяйства» и другим [1, с. 60–62].

Руководящие органы кооперации Северного Кавказа стремились придать культурно-просветительной работе целенаправленный и постоянный характер. Так, со стороны Кубанского отделения Крайсоюза в мае 1926 г. были даны рекомендации местным потребительским обществам, в которых предлагалось уделять внимание подготовке качественных агитационных материалов и усилению непосредственных контактов с крестьянами, особенно в дни праздников. Повышению кооперативных знаний сельских жителей способствовало распространение среди покупателей кооперативных газет и брошюр [3, л. 118].

В качестве положительного примера организации этой работы можно привести кооперативы Морозовского округа, работники которых регулярно выступали перед местным населением по вопросам кооперативной теории и практики, организовывали кооперативные кружки и кооперативные отделы при библиотеках, распространяли материалы периодической печати, проводили экскурсии в образцовые кооперативы [12, л. 1–2].

В середине 1920-х гг. в осуществлении культурно-просветительной работы кооперации все большее распространение получили средства кино и радио. Так, при освещении результатов конкурса колхозов был снят сюжет о вручении в мае 1927 г. победителю конкурса коммуне «Красная Звезда», действующей в селе Б. Крепкая Таганрогского округа трактора. Этот сюжет широко демонстрировался в Домах крестьянина, пропагандируя передовой пример деятельности колхозов [10]. Кооперативы были также причастны к распространению в сельской местности радиовещания. Например, потребительское общество станицы Васюринской Кубанского округа приобрело радиоприемник, передачи которого могли послушать все жители [7, с. 92].

Таким образом, кооперация играла важную роль в повышении образовательного и культурного уровня сельского населения Северного Кавказа. В условиях демократизации общественной жизни это благотворно отразилось в развитии экономики и социальной сферы региона.

Источники и литература

1. Бежкович А. С. Коллективизация сельского хозяйства на Юге России. – Ленинград: Прибой, 1927. – 161 с.

2. Власть Советов. 1925. 16 января.

3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-262. Оп.1. Д.444.

4. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 2.

5. Жиромская В.Б. Кадры решают все! Административно-управленческий аппарат в 20-30-е годы по данным общих и спецпереписей // Формирование административно-командной системы (20-30-е годы): Сборник статей / под ред. В. П. Дмитренко. – М.: Наука, 1992. – С. 203-221.

6. Краткий обзор работы Крайрабсекции и рабоче-городской сети Северо-Кавказского края за 1925–26 г., 1926–27 г. и первое полугодие 1927–28 г. – Ростов н/Д: Изд. Крайрабсекции, 1928. – 74 с.

7. Культурное строительство на Кубани (1918–1941 гг.): Сборник документов. – Краснодар: Книжное издательство, 1978. – 191 с.

8. Материалы к отчетному докладу Северокавказского комитета РКП(б) Северокавказской партийной конференции. – Ростов н/Д, 1925. – 54 с.

9. Семенов С., Гальперин М., Филиппов П. Итоги работы низовой сельхозкооперации за 1924-25 год и союзов ее // Северо-Кавказский край. 1925. №10. С. 28-41.
10. Советский Юг. 1927. 13 мая.
11. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 145.
12. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 118. Оп. 1. Д. 96.
13. Ямпольский М. Учительский съезд и кооперация // Северо-Кавказский край. 1925. №2. С. 117–124.

А. А. Пимичева
(г. Ставрополь)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ В ЭМИГРАЦИИ В 1920–1930-е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИКИ)

После победы Красной Армии в Гражданской войне часть казаков, воевавших на стороне Белого движения, была вынуждена эмигрировать за рубеж, оставшаяся часть подчинилась большевистской власти, что положило началу складывания новых, весьма сложных отношений между казачеством и советской властью [7, с. 206].

Процесс казачьей эмиграции был весьма сложным. Попав в чуждую для них среду, казаки стремились не просто выжить в экстремальных условиях, но и адаптироваться, сохранив свои культурные традиции. Предприимчивость, трудолюбие и азарт помогли ответить им на столь трудный жизненный вызов.

Последние суда отплыли из Крыма 17 ноября 1920 года [5, с. 20]. После двух недель томительного ожидания французское командование дало согласие на построение трех лагерей для эмигрантов близ Константинополя. Первый лагерь предполагалось устроить в Чаталджинском районе, неподалеку от города, куда должны были направиться донские казачьи части. Второй – на турецком полуострове Галлиполи, где должны были расположиться все регулярные части Русской армии, сведенные в 1-й армейский корпус. Лагерь для размещения кубанских и терских казаков устраивался на севере Эгейского моря, на острове Лемнос [6]. Из Турции и Греции казаки позже начали переселяться в Болгарию, Югославию, Чехословакию, Францию и другие страны.

Родина была потеряна, впереди ждала полная неизвестность. Армия грозила превратиться в неуправляемую толпу морально сломленных людей, но генералы Белого движения стремились сохранить военный дух в армии, отводя огромную роль дисциплине.

Казаки, заселившиеся на о. Лемнос, чувствовали себя словно в тюрьме. Условия проживания были весьма скудными. Большинство казаков первоначально были размещены в старых деревянных бараках или овчарнях, которые не были пригодны для нормального существования. Многие казаки переходили жить в вырытые ими землянки или проживали за пределами лагеря в турецких и греческих семьях [1]. Большой проблемой для обеспечения нормальной жизни было отсутствие воды и топлива в лагерях. Кроме того, необходимо было самим добывать себе продовольствие, поэтому казаки стали заниматься рыболовством, охотой и нанимались на подработки в соседние деревни. В целом же, ввиду традиционности приспособления к тяжелому физическому труду, казакам было легче адаптироваться в новых условиях, чем эмигрировавшим русским солдатам [8, с. 59]. На 14 человек выдавалась одна палатка. Женщинам и детям приходилось спать на голой земле. Донцы страшно завидовали кубанцам, которые прибыли на Лемнос раньше и успели получить кровати и одеяла. Ежедневный продовольственный рацион составлял – 200 граммов консервов, 400 граммов хлеба, 4 грамма чая и 30 граммов сахара [1]. Не доставало кипяченой воды, что привело к заболеваниям брюшным тифом. Постепенно в палатках устанавливали печи, но дров не хватало, приходилось собирать сухой бурьян. С наступлением осени полили дожди и лагерь затопило. Но главное, что мучило людей – тоска по Родине, боязнь за судьбу родных в России [5, с. 24].

Первым делом эмигрировавшие казаки строили на новом месте церковь. Нашлись умельцы, которые изготовили иконостас из ящиков из-под консервов, а церковную утварь из консервных банок. Впоследствии храм станет объединяющим началом для многих изгнанников, потерявших в жизни ориентиры [10, с. 10].

При церкви, как правило, появлялся казачий хор. Одним из известных является Донской казачий хор под руководством Сергея Жарова, образованный в Чилингире (Чаталджинский лагерь). Руководитель хора был казаком, эвакуирован в Турцию в составе 3-й Донской дивизии генерала Ф. Ф. Абрамова. Генерал поняла, что лучше всего дух отчаявшихся людей может поднять песня и, собрав лучших певцов, накануне праздника святителя Николая Чудотворца, поручил их Сергею Жарову. Рождением хора считают 19 декабря 1920 года. В марте 1921 года хор был переправлен на о. Лемнос. Здесь хор постоянно пел во время богослужений [5, с. 27]. Вскоре хор станет известен на весь мир.

Еще одним не менее знаменитым был хор Донских казаков имени атамана М. И. Платова, который возник в 1927 году в Праге. Руководителем и дирижёром был уроженец станицы Цымлянской Николай Федорович Кострюков. Еще в училище он стал записывать старинные казачьи песни. Но началась революция. Вместе с армией Кострюков оказался на о. Лемнос. Еще в Севастополе Кострюковым был дан благотворительный концерт, после которого беженцы и раненные воспряли духом. Это стало отправной точкой для будущей деятельности. С середины июля 1927 года начались потрясающиеся гастроли хора [11, с. 311].

В лагерях, несмотря на тяжелые условия быта, организовывались школы, где казаки обучались грамоте, курсы изучения иностранного языка, общеобразовательные курсы для офицеров. Для организации досуга были устроены библиотеки и читальни, а также открыты театры. Наибольшей популярностью пользовались пьесы, содержащие сюжеты лагерной жизни. Театр посещали как казаки, так и французы, а также турки из окрестных деревень [8, с. 60].

Пребывая за рубежом, казаки стремились сохранить традиционные казачьи организации – станицы и хутора, поскольку традиционно они привыкли жить не в одиночку, но самостоятельно [2, с. 5]. Сохранялись и привычная для казаков модель самоуправления: происходили выборы должностных лиц – атамана станицы, есаула, писаря, членов правления станичных касс взаимопомощи, ревизионной комиссии, которые отчитывались на годовых сборах перед станичниками [4, с. 10].

Одним из факторов успешной адаптации казаков стала ассимиляция с местным населением. Поскольку казаки-эмигранты мужского пола были представлены в большем количестве, чем женщины, то они осуществляли браки с девушками из славянских стран [9, с.216].

Важную роль в организации жизни эмигрантов, а также сохранении исторической памяти играла казачья периодическая печать. В 1920–1930-е годы наиболее популярными были следующие журналы: «Атаманский вестник», «Вестник казачьего союза», «Вольное казачество», «Кавказский казак», «Казакия», «Родной Терек», «Станица», «Терский казак», на издание которых проводился сбор денег среди казаков [7, с. 211]. Периодическая печать помогала казакам не терять связь со своими бывшими однополчанами и станичниками.

За рубежом казаки продолжали отмечать традиционные праздники, в том числе, Войсковые (17 октября – День образования Кубанского Войска). Во время празднования одного из войсковых праздников в Париже Русская церковь была переполнена казаками. Они молились о здравии атаманов и всех казаков. Помимо донцев и кубанцев на праздник собрались терцы, астраханцы, уральцы и оренбурцы. Молебен традиционно закончился обедом, а после песнями и танцами [3, с. 27–28].

В целом же, важную роль для казаков в эмиграции сыграла церковь. Она помогла сохранить национальное самосознание казачества. Духовная жизнь стала той нитью, которая связывала казаков с родиной, со своей традиционной культурой. Первым делом в поселениях, где жили эмигрировавшие казаки, строились церкви и храмы. При них, как правило, образовывались церковные казачьи хоры, приобщавшие все население к казачьей культуре. Наиболее известные из них – хор атамана М. Платова и С. Жарова, которые получили известность в странах Европы, Америке и Австралии. Характерным явлением казачьего зарубежья являлось празднование войсковых и традиционных православных праздников, создание станиц с определённой структурой самоуправления, работа с молодежью. Как ни странно, но именно вера стала тем фактором, который помог казакам выжить в столь тяжелых жизненных условиях.

Источники и литература

1. Бурда Э. Казаки эмигранты первой волны 20–40-е годы: жизнь на чужбине. [Электронный ресурс]. URL: http://www.apn.ru/index.php?newsid=25211.

2. Вестник Казачьего союза. – Париж: Le messager de I,union des cosaques, апрель-май 1926. – № 4. – 60 с.

3. Вестник Казачьего союза. – Париж: Le messager de I,union des cosaques, ноябрь 1926. – № 7–8. – 116 с.

4. Кавказский Казак (Вольная Кубань). – Белград: Изд-во Кубанской канцелярии, март 1931. – № 3. – 25 с.

5. Кокунько Г. В., Таболина Т. В. Казаки зарубежья. – М.: Вольное дело, 2008. – 288 с.

6. Лобицын А. Русская армия в Галлиполи. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dk1868.ru/gallipoli/gallipoli.htm.

7. Невская Т. А., Пимичева А. А. Культура казачества в эмиграции (по материалам периодики) // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей. – Ставрополь: Графа, 2018. – Вып. 10. – С. 206–212.

8. Ратушняк О. В. Казаки-эмигранты в Чаталджинских лагерях в 1920–1921 гг. // Известия Сочинского государственного университета. 2015. - № 1. – С. 58–63.

9. Ратушняк О. В. Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни (1920–1960 гг.) // Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. 07.00.02 – Отечественная история. – Краснодар, 2018. – 533 с.

10. Святыни Русского зарубежья в США / Отв. ред. и сост. Т. В. Таболина. – М.: Московская типография, 2006. – 256 с.

11. Солодухин Г. А. Жизнь и судьба одного казака // Джигитовка казаков по Белу Свету / Науч. ред. Н. П. Стрелянов (Калабухов). – М.: Центрополиграф, 2006. – 383 с.

М. А. Пискова
(г. Благоевград)

КИНО ЗАКАВКАЗЬЯ 1920–1930-х гг.: МЕЖДУ ЭКРАННЫМ ОТОБРАЖЕНИЕМ ВОСТОКА И СОВЕТСКИМИ КИНОМИФАМИ *

Из-за геополитического значения Южного Кавказа в нем пересекались интересы Персией, Османской и Российской империй. С конца 18 и начала 19 века Южный Кавказ стал частью Российской империей, а вошедшие в его состав княжества и царства Грузии, ханства на территории Азербайджана и Армении начали называться «Закавказьем», подчеркивается русская точка зрения к региону.

После октября 1917 г. и точнее после вторжения Красной армии в независимых республиках Азербайджан, Армения и Грузия последовало объединение трех республик в Закавказской социалистической федеративной советской республики (12 марта 1922 – 5 декабря 1936) [2, с. 102–113]. С тех пор кино Закавказья стало приоритетом советской пропаганды. В разноязычном «советском Востоке», где слова большевиков (прежде всего русские) потеряли свою силу для приказов и общения с местными народами, *кино приобрело особое значение*. [9, 645]. А по словам первого председателя Центрального исполнительного комитета СССР в Закавказской республики Нариман Нариманов: «*На Востоке, где люди привыкли мыслить больше образами, кино является единственно возможным средством пропаганды, не требующим предварительной, постепенной подготовки масс. Восточный крестьянин воспринимает все то, что видит на экране, как самую настоящую реальную действительность*» [3, с. 4–5].

В начале осуществлена полная национализация кинематографической деятельности в Закавказье, в результате чего кино превратилось в «искусство», контролируемое и цензурированное государством. Под управлением Кинокомитета при Совнаркоме СССР закавказские киностудии начали создавать общие и заказные кинопродукции. [10, л. 344] Появился и общий «отец Закавказского кино» – армянский актер Амо Бек-Назаров (1891–1965). Он был признан в качестве создателя закавказского кино во времена, когда единственными фильмами про Востока являлись немецкими и американскими фильмы, а сам Восток был осужден молчанию [6, с. 12].

«В первые десятилетия советской власти, государством больше всего поощрялось создание киномифов о советской действительности и историческом прошлом или так сказать экранные транскрипции и парафразы мифов, сочиняемых главным образом самым государством» [5, с. 11]. Под диктатом советского партийно-государственного аппарата развивались кинематографии республик СССР. В этих условиях фильмы Грузии, Армении и Азербайджана, также как и другие

советские фильмы 20-х – 30-х гг., стали примером «национального по форме и социалистического по содержанию кино». Это иллюстрируют следующие несколько примеров и мифов:

Миф первый: Советская власть брала сама на себя выполнение главной роли для развития Востока, в том числе и в области кино. Поэтому в фильмах в духе «национального реализма» показывали полуразрушенные мечети, пустые земли и степи Кавказа, которые подтверждали отсталость, невежества, суеверия, беспощадности мусульманских народов, фанатичные, похотливые, неверующие духовники, алчные, властолюбивые, деспотичные беки, страдающие женщины… *Таким образом «доказывалось», что восточные (в том числе и закавказские) народы сами никак не могут изменить свое положение. Им нужна внешняя помощь, которой является советская власть и конкретно – советское кино.*

Однако, на самом деле, по предписанию большевиков в фильмах создавалась та реальность, которая они определяли как должна выглядеть (а не та, которая на самом деле была). Таким образом закавказское кино превратилось в средство не столько для выдвигания народов до самоопределения, сколько для распространения большевистской власти и для пропаганды в азиатских частях империи.

Миф второй: *Советская историография критиковала «старый образ на Восток» и «экзотика Востока» в закавказских фильмах и утверждала, что эти фильмы не имели вклад в развитии советской кинематографии.* Но на самом деле умалчивала, что и в Закавказье и в Центральной Азии почти все ранние фильмы в 20-х гг., которые показывали «экзотику Востока», созданы не только с помощью, но и после согласования с Москвой (часто и сами режиссеры были из столицы). Более того, в середине 20-х гг. партийные идеологи начали легитимировать «ориентальская экзотика» в качестве эстетической компонентой в линии коммунистической партии для целей национальной политики [9, с. 647]. Восточные народы стали удобный «этнографический и фольклорный материал», который иллюстрировал «прогрессивность» советской власти с помощью которой осуществлялись перемены на Востоке.

Поэтому можно утверждать, что «экзотика Востока» в закавказских фильмах не является слабостью ранней закавказской кинематографии, а наоборот – стала правило в национальном фильме и присутствовала потому что использовалась в целях советской пропаганды, а также потому что нравилась русским и зарубежным зрителям.

Миф третий: Советские киноисторики утверждали, что *закавказские фильмы были призваны сделать акцент на роли советской власти в освобождении женщин Востока от зависимости и господства мужа, в обеспечении условия для образования и работы женщин.*

На самом деле образ восточных женщин в фильмах использован также как потенциал пропаганды и развлечения и в борьбе советской власти против исламской культуры. С этой целью в них историческую роль женщин «намеренно уменьшалась и обесценивалась». Метафорой зависимости женщин и главной темой в кино Закавказья и Востока стала чадра. Наряду с этим «проблема борьбы нового со старым часто решалась именно через изображение женской судьбы, потому что в ней был заложен особо острый драматизм» [4, с. 382].

«Первоначально образ женщины был органично вписанной в исламский уклад жизни. Потом наступил долгий период навязывания советских идеологических конструкций: свободная женщина Востока, снявшая чадру; женщина труженица, женщина-героиня, и, наконец, женщина-руководитель, строящая коммунистическое общество» [1 с. 51].

Миф четвертый: Советская историография подчеркивала, что *колонизаторская политика Российской империи на Кавказе и все конфликты являются имперскими делами*, а советская власть не касается колонизации.

В соответствии с советскими «Директивами по национальному вопросу», (которые относились и к кино) от закавказских фильмов ожидалось раскрыть «коварную колонизаторскую политику имперской власти». Вместе с этим с помощью советской власти закавказское кино должно было показать этнографические особенности закавказских народов. Яркими примерами являются фильмы про курдов „Заре“(1926 г.) и „Курды-йезиды“ (1932 г.) [5, с. 145]. В этих фильмах подчеркивалась роль советской власти и забота о преобразовании жизни и бита кочевников-курд, а также установление советской власти горных районах [7, с. 37].

Армяно-азербайджанские конфликты в 1905 и 1918 г. в закавказских советских фильмах присутствовали только как результат махинаций буржуазии и партий Дашнакцютюн и Мусават.

В определенной степени они приписывались политике Российской империи, но подчеркивалось, что советская власть не касалась этих конфликтов. И в фильмах, и в историографии умалчивалось, что «великорусские большевики на словах «клеймившие» самодержавный колониализм, а на деле с сатанинским рвением продолжали ту же имперско-колониальную «традицию», развязали красный террор…» [8, с. 27–28].

В заключении. В 1920-е – 1930-е годы закавказские кинематографии были призваны создать кинообраз советского Востока, разбивая миф об «экзотическом» Востоке, снять «чадру с голову Востока»…. Контроль над тематикой, содержанием, жанром фильмов и даже над авторским коллективом осуществлялся в Москве. Во второй половине 20-х гг. началось активное ограничение распространения западных фильмов и тем самым в рамках контроля попали и кинозрители.

Источники и литература

1. Абикеева Г. О. образ семьи в кинематографе центральной Азии в контексте формирования культурной идентичности в регионе. Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения. ВГИК. 2010. – 319 с.

2. Багирова И. Интеграционные процессы на Южном Кавказе и политика Великих держав в исторической ретроспективе XX века, В: Кавказ & глобализация, т. 1(2), 2007. – С. 102–113.

3. Гаджинская Н. Киноискусство страны огней. Полвека азербайджанского кино 1920–1970 гг. – М., 1971. – 86 с.

4. Гаджинская Н. Аббас Мирза Шариф-заде В: «20 режиссерских биографий». – М., 1978. – 408 с.

5. Калантар К. Очерки истории армянского кино. – Ереван, 2004. том I. – 215 с.

6. Матосян Р. Неповторимая кинодорога. – Ереван, 2012. – 214 с.

7. Чахирьян Гр. Большой экран Армении, Союз кинематографистов СССР, Бюро пропаганды советского киноискусства. – М., 1971. – 95 с.

8. Эльчин И. Личность и талант. Размышления о жизни и творчестве Джафара Джаббарлы. – Баку, 2002. – 48 с.

9. Michael G. Smith, Cinema for the «Soviet East»: National Fact and Revolutionary Fiction in Early Azerbaijani Film). Slavic Review Vol. 56, No. 4 (Winter, 1997), pp. 645–678.

10. Государственный архив Азербайджанской Республики, ф. 2926, оп. 1, а.е. 6, л. 178; а.е. 8, л.344.

* Настоящий текст разработан в рамках проекта: 'Knowledge Exchange and Academic Cultures in the Humanities: Europe and the Black Sea Region, Late 18th – 21st Centuries'(KEAC-BSR), funded by the European Commission, project number: MSCA-RISE 734645.

М. А. Пономарева
(г. Ростов-на-Дону)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В 1990-е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Значительную массу источников в исследовании национальных конфликтов на Северном Кавказе в 1990-е годы составили неопубликованные документы, отложившиеся в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ). Прежде всего, это документы государственных органов национальной и региональной политики Российской Федерации 1990-х – начала 2000-х годов (Ф. 10121). Данный фонд включает 575 5 дел. Данные материалы являются ценным источником по истории возникновения и развития национальных конфликтов на Северном Кавказе в 1990-е годы, а также роли и месте как государственных центральных и местных органов власти, так и представителей общественных сил разного уровня в происходивших процессах

Согласно данным по результатам цикла опросов общественного мнения, опубликованным в 1995 году в журнале «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», наиболее тревожным проявлением российской действительности 25,2 % опрошенных назвали обострение межнациональных отношений [6, с. 62]. В ноябре 1991 года эксперты министерства национальных отношений и регионального развития России получили данные о повышении конфликтности в развитии социально-политической ситуации на Юге России. Была отмечена консолидация этнической элиты на базе недоверия к руководству РСФСР, противостояние между казачеством и национальными движениями [3, л. 8]. По мнению аналитиков, призывы политического центра распустить вооруженные формирования, сдать оружие чаще всего вызывали на местах обратную реакцию, заключавшуюся в «… усилении нелегального ввоза оружия из других регионов… Грузии, Прибалтийских стран и исламских государств» [3, л. 8–9]. Вмешательство со стороны иностранных государств еще более дестабилизировало обстановку в южных регионах, и нивелировало возможность восстановления контроля политического центра над ними.

По мнению независимых экспертов, изучавших конфликты на Северном Кавказе в рассматриваемый период, лоббирование этнических лидеров от имени народов и в пользу своих интересов по части «национальной государственности» было очень сильным: ингуши требовали отдельную республику вместе с частью Пригородного района, российские немцы хотели восстановить упраздненную в 1941 г. республику поволжских немцев, балкарцам хотелось отделиться от кабардинцев, осетинам – воссоединиться с южными братьями, казакам был нужен особый государственный статус и т.д. Самой серьезной проблемой после подписания в марте 1992 г. Федеративного договора, по мнению авторов, был вооруженный сепаратизм в Чечне, где федеральная власть утратила свой контроль [9].

Требования организованных движений, групп наряду с ожиданиями регионального сообщества заставляли органы власти как регионального, так и центрального уровней лавировать в стремлении их выполнить. Осенью 1992 года в Назрани состоялся митинг ингушей Назрановского, Сунженского, Малгобекского районов, а также Пригородного района Северной Осетии. В его ходе было заявлено, что без включения части территорий Пригородного района, а также части Владикавказа, новая Ингушская республика неприемлема [4, л. 27]. Эксперты комитета по национальным отношениям отмечали в отчетах с мест, что, сделав неудачную попытку установить границу между Чечней и Ингушетией, натолкнувшись на жесткую позицию ингушей не отдавать ныне принадлежащие им земли, руководящие структуры Чеченской республики «… видимо почувствовали бесперспективность мирного решения этого вопроса…» и активизировали военную деятельность на границах [4, л. 27]. В разрешении межнациональных, межтерриториальных вопросов, в середине 1990-х годов центральные органы власти сделали ставку на силовой метод, не смотря на приглашение представителей различных общественно-политических сил южных регионов к диалогу.

О взаимодействии центральных органов власти с Чеченской Республикой написано множество исследований и публицистических работ центральных и региональных авторов [2, 7, 10]. Тем не менее, общую точку зрения, на наш взгляд, выразил С. Бабурин, который неоднократно посещал Чеченскую Республику в составе официальных групп, который отметил, что конфликт

на ее территории – политический и социально-экономический, в том числе внутричеченский. Ряд кланов (политических и мафиозных) и в Чечне, и в Российской Федерации в целом решают через этот кризис свои корыстные задачи [1]. Новое же руководство Чеченской республики позиционировало происходящие в регионе события как чеченскую демократическую революцию, а признание политическим центром неконституционными выборов президента Д. Дудаева, соответственно, как попытку борьбы с революционным народом [3, л. 8]. Противостояние центру было столь велико, что общество южных регионов поддерживало идею революции, а на территории Чеченской республики была объявила запись добровольцев для защиты Чеченской революции [3, л. 8]. После событий 19-21 августа 1991 года в Чечено-Ингушетии активизировали деятельность такие силы как Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), председатель исполкома которого являлся Д. Дудаев, Вайнахская демократическая партия во главе с З. Яндарбиевым, движение Исламский путь под председательством Б. Кантемирова, зеленое движение Чечено-Ингушетии, возглавляемым Р. Гойтемировым, а также общество «Кавказ». Эти движения, согласно отчету государственных экспертов, определяли основные направления региональной политики в Чеченской республике [3, л. 8]. Созданная конфедерация горских народов выразила свою солидарность с новым руководство Чеченской республики [3, л. 8].

Особенность складывавшихся центр-региональных отношений в 1992 году с Кабардино-Балкарией была связана с существовавшим в республике противоборством между двумя точками зрения на национально-государственное и административно-территориальное устройство в республике. Достаточно сильны были позиции у политических партий и общественных движений, предлагающих образовать две самостоятельные республики: Балкарскую и Кабардинскую. В связи с этим, по примеру решения ингушского вопроса, Верховный Совет РФ образовал согласительную комиссию для выработки предложений по установлению границ, разделу государственного имущества и возможной структуре будущих органов управления. Однако, сделать это однозначно не представлялось возможным [4, л. 29]. В этой ситуации постепенно усиливали свою позицию сторонники единой Кабардино-Балкарии, в частности, народные общественные движения «За единую Кабардино-Балкарию», и «Русскоязычный конгресс» [4, л. 29].

Не менее проблематичным для сохранения влияния политического центра был дагестанский регион. Наибольшие противоречия вызвало решение вопросов, связанных с территориальной реабилитацией. Так, с территории Новолакского района начинают переселяться лакцы, чтобы освободить чеченскую территорию. Между кумыками и политическим центром была достигнута договоренность о строительстве поселков для них. Тем не менее, согласно сведениям комитета национальных отношений, чеченцы – акинцы, несмотря на то, что быстрый темп переселения лакцев был невозможен в связи со сложностью экономической и политической ситуации в республике, «… фактически провоцируют инциденты с лакским населением, осуществляют захват земель и самовольное заселение сел Новолакского народа» [4, л. 29]. В свою очередь, лидеры кумыцкого народа, выдвигая такие аргументы, как опасность ассимиляции их народа и утраты земель, развернули движение за образование самостоятельной Кумыкской республики. Наиболее активные представители национального движения лезгинского народа усилили требования к руководству Российской Федерации и Азербайджана найти возможность объединить их народ, разделенный условной границей между Дагестаном и Азербайджаном [4, л. 29].

Дестабилизирующим фактором в отношениях между Краснодарским краем и Адыгеей являлся вопрос о создании Шапсугского района в Краснодарском крае. Против выступили казачьи движения, обосновывая свою позицию малочисленностью шапсугов (5 % от общего числа жителей предполагаемого национального района) [4, л. 30].

Жители Зеленчукского и Урупского районов Карачаево-Черкессии, преимущественно казаки, высказались против восстановления Карачаевской автономии, либо, в случае положительного решения относительно ее создания, присоединения районов своего проживания к Краснодарскому краю [4, л. 29]. Кроме того, общественно-национальные движения черкесского, ногайского и абазинского народов также высказали желание создать собственные национальные образования [4, л. 29]. Таким образом, вопрос о создании Карачаевской автономии втягивал в региональные конфликты Краснодарский край.

К середине 1995 года даже те представители политического центра и общественности, которые выступали за мирные способы взаимодействия с проблемными регионами, начали придерживаться мнения о необходимость перехода к силовым мерам. В частности, на одном из заседа-

ний Государственной думы С. Бабурин отметил, что «благими намерениями устлана дорога в ад», и, несмотря на то, что «в этом зале нет людей, которые хотели бы, чтобы наша армия воевала с гражданским населением... на сегодняшний день другого механизма для сохранения жизни и достоинства граждан России на юге России нет» [1].

После серии трагических событий на юге России – в г. Кизляре, с. Первомайском, г. Буденновске и т.д., наиболее остро встал вопрос о механизмах воздействия на ситуацию в кризисных регионах. Согласно доклада В. Михайлова – министра по делам национальностей России, персонифицировавшего в себе на тот период разработку абсолютно всех способов взаимоотношений в региональными общественными силами, политика Правительства в Чеченской Республике и в других аналогичных ситуациях состояла в следующем. Используя переговорный процесс, добиться разоружения незаконных вооруженных формирований мирными средствами, прекратить военные действия и провести разоружение [8]. Отметив, что проводимые меры имели положительные результаты, например, в заключении в июне 1996 года соглашения с Чеченским правительством, отходе от Дудаева «не менее 10 тысяч людей», изменению отношения массы населения к России – разрушению образа врага, и в конечном счете, недопущении распространения конфликта на весь юг России [8].

Таким образом, в рассматриваемый период кризисные регионы вопрос имались как «иная», «ничья» территория, они не ассоциировались с единым общероссийским пространством. Об этом достаточно точно сказал депутат Гуцериев М. С.: «Мне вообще непонятно, что такое нейтральная территория. Северная Осетия – это не Южная Осетия и не территория Грузии, это Российская Федерация. Ингушетия – это тоже Российская Федерация. И Москва – Российская Федерация» [5]. Все попытки мирного разрешения национально-территориальных вопросов со стороны как центральной власти, так и местных элит, оставались безрезультативными, что в конечном итоге привело к силовым сценариям выхода из сложившего кризиса взаимоотношений между центральными органами власти и местными общественно-политическими силами.

Источники и литература

1. Бабурин С. Н. Выступление. Стенограмма заседания ГД ФС РФ. 11 января 1995 // [Электр. ресурс]: http://www.duma.gov.ru/. Оф. Сайт ГД ФС РФ. Дата обращения: 25.09.2019.

2. Гакаев Д. Д. Чечня: от конфликта к стабильности: (Проблемы реконструкции). – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001.

3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 10121. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

4. ГАРФ. Ф.10121. Оп. 1. Д. 81. Л. 27

5. Гуцериев М. С. Стенограмма заседания ГД ФС РФ. 10 апреля 1996 // [Электр. ресурс]: http://www.duma.gov.ru/. Оф. сайт ГД ФС РФ. Дата обращения: 25.09.2019.

6. Информация. Результаты опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 5. – С. 47–91. С. 62.

7. Малашенко А. Постсоветские государства Юга и интересы России // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 3.

8. Михайлов В. А. Министр по делам национальностей РФ. Доклад. Стенограмма заседания ГД ФС РФ. 17 января 1996 // [Электр. ресурс]: http://www.duma.gov.ru/. Оф. сайт ГД ФС РФ. Дата обращения: 25.09.2019.

9. Пути мира на Северном Кавказе: независимый эксперт. докл. / Авт. коллектив: Тишков В. А. (рук.), Авдулов Н. С., Анчабадзе Ю. Д. и др.; Под ред. Тишкова В. А.; Центр по изуч. и урегулированию конфликтов Ин-та этнологии и антропологии РАН; При поддержке миротворч. миссии на Сев. Кавказе. – М., 1999. – 184 с.

10. Черноус В. В. Современное положение Чечни: социально-политический аспект. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001.

Н. В. Романова
(г. Ставрополь)

СТАВРОПОЛЬСКИЙ СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: НОВАЦИИ ЭПОХИ «ОТТЕПЕЛИ»

Национальная история не сводится к сумме местных историй, но отражает общие тенденции в конкретной локальной истории. Поэтому основой работы стали подходы новой локальной и культурно-интеллектуальной истории.

Цель статьи состоит в попытке проследить не только особенности культурной жизни Ставрополья на примере сообщества местных писателей, но и интеллектуальные усилия местной власти по созданию конфигурации художественной жизни в соответствии с новой политическим курсом.

В писательской организации Ставрополья реакция на решения XX съезда партии была совершенно прогнозируемой и соответствовала традициям сталинского времени. Менялись акценты, общие установки, но терминология осталась прежней: «задачи в свете решений партии», «изучение материалов пленума, съезда». В то же время появилась и новая лексика: «культ личности», «коллегиальность», «свобода критики».

После съезда основные направления работы регионального отделения Союза писателей (СП) остались прежними, но наполнялись новым содержанием. По-прежнему особое внимание уделялось молодым литераторам. Это было связано как с объективной преемственностью поколений творческой интеллигенции, так и с тревогой власти за идейную «выдержанность» творческой молодежи в условиях духовной оттепели. Как и раньше, регулярно проходили краевые семинары молодых литераторов.

Подобный семинар молодых критиков, поэтов и прозаиков прошел 13–15 мая 1958 г. в Ставрополе. Наряду с отчетом о работе Ставропольского краевой писательской организации, на его заседаниях были заслушаны доклады «О методе социалистического реализма», «О творчестве поэтов Ставрополья». Работа велась в двух секциях прозы и четырех секциях поэзии. Новым явлением стала организация секции критики. При всей официальной заданности семинара, который был созван по инициативе крайкома ВЛКСМ, надо отметить возможности широкого творческого общения молодых авторов из разных уголков края, так как в работе участвовали начинающие литераторы из самых отдаленных районов. Они встретились с маститыми писателями, такими как С. Бабаевский, А. Исаков, И. Чумак, М. Усов, В. Марьинский, В. Генеушев, И. Кашпуров, Н. Капиева, Б. Речин. По итогам проведения семинара в альманахе «Ставрополье» было опубликовано более 500 произведений молодых авторов.

В 60-е гг. в работе с молодыми литераторами стали сильнее звучать идеологические нотации. Это было связано с попыткой молодых интеллигентов более свободно заявлять о своих чувствах, настроениях, расширить возможности художественного метода. Хотя такая тенденция в основном наблюдалась в Центре, но профилактические меры принимались и на Ставрополье. Например, осенью 1963 г. был проведен семинар для молодых писателей под рубрикой «Идеологический пленум ЦК КПСС и творчество молодых писателей Ставрополья» [8. С. 7].

Тем не менее, профессиональная учеба молодых литераторов занимала определенное место в работе организации. Так в 1962 г. было проведено два семинара молодых литераторов, на которых давались устные и письменные консультации. За год было проконсультировано 86 произведений молодых литераторов [7. С. 3].

Эпоха «оттепели» принесла советской литературе вовсе не смену художественной парадигмы, а лишь попытку расширить возможности метода социалистического реализма. Главный предмет размышлений писателей стала «правда жизни», которая разными литераторами понималась по-разному. Для одних этот дискурс предполагал критическое изучение действительности. Для других он означал уже принятую властью истину («наша правда»), с которой сравниваются впечатления художника о действительности, и дается оценка повествования [2. С. 53]. Именно этот второй подход был характерен для официальной литературы региона. Например, в 1954 г. в станице Григорополисской родился новый почин – школьные ученические бригады, и вскоре на страницах литературного альманаха «Ставрополье» была опубликована повесть Б. Речина о школьных

ученических бригадах «Мечте навстречу», которая несколько под новым названием «Своей дорогой» вышла отдельной книгой. Этому же движению была посвящена повесть молодого автора И. Гаустова «У нас на Подкумке».

Узко понятый поворот к современной жизни приводил к тому, что тематика многих произведений ставропольских писателей сводилась к производственным сюжетам, связанным с сельским хозяйством. Так в статье С. Бабаевского, опубликованной 13 мая 1958 г. в «Ставропольской правде» в качестве главной заслуги писательской организации Ставропольского края отмечался наряду с активизацией молодых литераторов поворот к современной теме, «к теме о чабанах» [1. С. 2].

В традициях официального стиля работы писательских организаций каждый партийный съезд сопровождался декларациями о верности художественной интеллигенции партии и народу, благодарностями в адрес власти. В 1958 г., за несколько дней до открытия XXI съезда КПСС на своем собрании писатели Ставрополья приняли резолюцию, в которой прозвучали интонации времен 30-х гг.: «Мы глубоко понимаем свою великую миссию – помощников партии в деле коммунистического воспитания трудящихся, миссию инженеров человеческих душ. Мы не пожалеем сил для того, чтобы выполнить эту миссию. Порукой этому всегда была и будет забота коммунистической партии о нас писателях» [3. С. 23].

Тематика произведений зачастую определялась партийными решениями. Например, указания ЦК по подъему сельского хозяйства легли в основу создания новых художественных произведений ставропольских писателей. Б. Речин, Д. Рельский, И. Чумак работали над книгами о передовых людях сельского хозяйства. Один из документов Ставропольской писательской организации за 1961 г. утверждает, что непременной партийной обязанностью каждого писателя является непосредственное участие в претворении в жизнь решений Пленума ЦК путем создания рассказов, очерков, стихов о передовых людях сельскохозяйственного производства. Дело доходило до прямого планирования писательского труда. Например, было запланировано «в течение февраля, марта и последующие этапы борьбы за урожай создают очерки: М. Усов о людях совхоза «Советское руно», В. Туренская о выпускниках в колхозах, А. Исаков – поэтический репортаж о кукурузоводе П. Денисенко, И. Чумак «Сыновья лауреата», Н. Чудин «Коммунисты колхоза «Октябрь» Курсавского района» [6. С.3]. Вот так в приказной форме, не задумываясь о желании и творческом вдохновении, руководство направлял действия творческой интеллигенции Ставрополья.

После XXI съезда партии Ставропольский крайком КПСС возложил на писателей региона конкретную задачу пропаганды решений партийного форума. По плану краевого комитета партии писатели выехали в сельские районы с чтением лекций, проведением политических бесед среди тружеников села. Так И. Чумак вел такую работу на Черных землях в течение 13 дней. Более того, писатель подготовил информацию о недостатках в обслуживании чабанов, направленную в отдел пропаганды крайкома КПСС. До приезда Чумака чабаны ничего не знали о прошедшем съезде: «Местное руководство к чабанам не заглядывает. Они даже не слышали о том, что XXI съезд КПСС уже прошел» [4. С. 11].

Таким образом, творческая интеллигенция занималась обычной партийной пропагандой, не имеющей ничего общего с литературным трудом. Безусловно, писатели в этих поездках близко знакомились с советской реальностью, которая лишь в рамках дозволенного могла быть отражена в их произведениях.

Согласно традициям пропагандистских кампаний в районы, хозяйства и на предприятия писатели отправлялись специально сформированными группами. В составе такой группы в Петровский район, например, ездил М. Усов. По мнению Бюро Ставропольского отделения СП такие поездки литераторов помогали воплощать в жизнь призыв партии «за тесную связь литературы с жизнью». Подобные бригады писателей для проведения бесед о семилетке и попутно для творческих отчетов разъезжали по краю в течение всего 1959 г.

Идея связи творческой интеллигенции с жизнью понималась чиновниками от литературы буквально и сводилась к демонстрационным мероприятиям. К примеру, в конце 50-х гг. стало модным проводить краевые собрания писателей в передовых колхозах края [5. С. 3]. Любое политическое мероприятие не обходилось без их участия. Например, в 1961 г., когда была принята III Программа КПСС, членами Ставропольского отделения СП было организовано 200 встреч на предприятиях, в колхозах, в народных университетах, лекториях, учебных заведениях.

Центральное место в творчестве местных литераторов продолжала занимать современность, вопросы производства и человека на производстве, прежде всего, труженика села. Книги Д. Рель-

ского «Степные дали», Речина «Степной университет», Чумака «На черных землях», «Доваторцы», П. Мелибеева «Мастер золотого руна», А. Исакова «Ровесники Ленина» и ряд других произведений отображали действительность в рамках метода соцреализма, главной темой которых был советский человек, строящий светлое будущее – коммунизм.

Вместе с тем, в пределах разрешенных тем внимание привлекли книги о В. И. Ленине, вышедшие в изучаемый период. Следует подчеркнуть, что в творчестве ряда местных прозаиков и поэтов имела место общая для советского общественного сознания периода «оттепели» тенденция, получившая концентрированное выражение в тезисе «Назад к Ленину!» Ленинская тематика была не столько данью конъюнктуре, сколько искренним желанием вернуть советскую действительность к ленинским истокам, проникнутым революционным романтизмом первых лет Советской власти. Не случайно ленинская тематика привлекала даже таких «властителей дум» времен «оттепели», как поэт А. А. Вознесенский.

Эта тематика характерна для творчества ставропольского писателя С. Дроздова, который в 60-е – 70-е гг. создал дилогию о Ленине. К ленинской тематике в эти годы опять обратился старейший поэт Ставрополья А. Исаков, который в 1958 г. издал сборник стихов «Ровесник Ленина». Увидели свет повесть-быль Б. Речина «Гости Ильича», стихотворение Г. Орловского с символичным названием «Наш Ильич».

Таким образом, на Ставрополье в эпоху «оттепели» новые идеи и настроения коснулись литературного процесса гораздо меньше, чем в Центре. Приоритет той или иной тенденции художественной жизни страны в значительной степени зависел от регионального контекста. Поэтому дух «оттепели» в южной провинции ощущался слабее, чем в столице и некоторых других регионах.

Источники и литература

1. Бабаевский С. Год литературный. Ставропольская правда. 13 мая 1958.

2. Булыгина Т. А., Романова Н. В. Особенности советской местной системы управления (на примере руководства культурой в эпоху «оттепели») // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – IV. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18–20 ноября 2011 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012.

3. ГАСК. ФР. 3821. Оп. 1. Д. 17.

4. ГАСК. ФР. 3821. Оп. 1. Д. 23.

5. ГАСК. ФР. 3821. Оп. 1. Д. 26.

6. ГАСК. ФР. 3821. Оп. 1. Д. 34.

7. ГАСК. ФР. 3821. Оп. 1. Д. 36.

8. ГАСК. ФР. 3821. Оп. 1. Д. 45.

Д. И. Состин
(г. Ставрополь)

ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ГОРЦЕВ КАВКАЗА В ПЕРИОД КРИЗИСА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАЧАЛА XX в.

Крушение Российской империи вызвала взрыв национальных противоречий на Кавказе. Положение осложняли: затяжной социальный и экономический кризис, первая мировая война (Кавказский фронт), а также достаточно пестрая и многоголосая политическая оппозиция, особенно заметно укрепившая свои позиции на критике русского правительства еще задолго до рассматриваемых событий. Изначально большая часть горцев ориентировались на советскую власть. Большевики обещали горским народам больше политических прав, что позволяло последним надеяться на самоопределение в будущем. И далее: В то же время среди местной горской элиты было достаточно много представителей, полагавших, что в условиях развала империи им удастся создать суверенное кавказское государство, способное стать субъектом международной политики. В ходе сложного и противоречивого политического процесса народы Северного Кавказа и Закавказья ориентировались в основном на национально-демократические силы, которые в своих политических программах и на партийных съездах, обещали им государственную самостоятельность. В Грузии были сильны меньшевики, в Армении и Азербайджане – соответственно национальные партии дашнаков и мусаватистов. На Северном Кавказе действовали свои национальные партии и лидеры, а казачьи области становились базой организации Белого движения. Горские народы принялись изгонять терских и кубанских казаков с земель, которые считали своими исконными. Казаки не оставались в долгу. При этом горцы в основном ориентировались на большевиков, а казаки – на их противников. Это определило характер противостояния на Северном Кавказе и, во многом, его конечный исход.

Национальные выступления в России ускорила Февральская демократическая революция-1917года, Октябрьский переворот в Петрограде, а затем и гражданская война. Обратимся к фактам. В мае 1917 года состоялся конгресс малых народностей Поволжья (чуваши, удмурты, марийцы, калмыки и др.) [7, с. 39]. В мае 1917года в Москве впервые состоялся Первый Всероссийский конгресс мусульман России – признавший федералистские начала российского государства. Еще раньше, в марте 1917года, во Владикавказе было принято решение о созыве съезда горских народов для обсуждения вопроса о национально-государственном устройстве. О явном преобладании национального дискурса в этот период свидетельствовали и другие события. 1–10 мая 1917года в том же Владикавказе был созван первый Съезд горских народов Кавказа и Дагестана. На нем был провозглашен так называемый Союза объединенных горцев Кавказа. По своему политическому содержанию и идеологии он представлялся, как национально-политическое образование. Депутаты, представлявшие интересы горского населения Кавказа, приняли программу и Конституцию Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, на съезде был также сформирован Центральный исполнительный комитет, как руководящий орган объединенных горцев [5, с. 4–5, 134]. Структуры «Союза» в целом поддерживали Временное правительство и были по – сути законодательными и исполнительными органами государственной власти на территории Терской, Кубанской, Дагестанской областей. В сентябре 1917года в «Союз» вошла Абхазии [8, с. 174, 175]. Дальше - больше. В сентябре того же года на волне кризиса «центральной власти» (Временного правительства), в Киеве состоялся – конгресс народов России, в работе которого участвовало 93 делегации, которые были представлены всеми более-менее крупными этносами и национальными группами тогдашней России (кроме польского и финского), а также представители социалистических партий, проявившие единодушие в том, чтобы Россия была преобразована в демократическую федеративную республику. Таким образом, стремление народов Российской империи к самоопределению было очевидным.

В сентябре 1917 г. в Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана» вошла Абхазия. Что касается Абхазии, то следует после Февральской революции 1917 власть в Сухумском округе оказалась в руках грузинских социал-демократов (меньшевиков). 8 ноября 1917 г. на съезде абхазского народа в Сухуме был избран парламент, Абхазский народный совет (АНС) – и приняты важнейшие документы о самоопределении Абхазии: Декларация съезда абхазского народа и

Конституция АНС. Численность местных большевиков была невелика, а окружной комитет большевиков в Сухуме был сформирован только в мае 1917 года. Реальная власть, хотя и не прочная находилась в руках Закавказского комиссариата, который после Октябрьских событий в российской столице был упразднен, а 8 апреля 1918года с занятием красной гвардией Сухума, в Абхазии была провозглашена советская власть. В конце мая Сухумский округ вошел состав Грузинской Демократической Республики. Правительство РСФСР во главе с В. Лениным признало Сухумский округ частью Грузии по советско-грузинскому Московскому мирному договору от 7 мая 1920 г. В 1919 г. военное положение Советской России улучшилось, была ликвидирована добровольческая армия Деникина, уничтожен Юденич. Большевики вернулись к Закавказским проблемам. Грузинское политическое руководство надеялось на поддержку западных стран. Глава грузинского меньшевистского правительства Н. Жордания в одном из своих выступлений в 1920 г заявлял «…Пути Грузии и России разошлись. Наш путь ведет в Европу, путь России – в Азию... Предпочту империалистов Запада фанатикам Востока!» [4, с. 4–5, 134].

Не менее сложной в части политической самостоятельности и самоопределения была обстановка в казачьих районах Кавказа и в целом Юга России. Серьезные, даже опасные изменения в общественном сознании населения наблюдались на Дону. Уже к лету у донских казачьих вождей наступило разочарование – и в личности «светлого гражданина» (А. Ф. Керенского), и в той политике, которую на обломках российской империи проводило Временное правительство. Деструктивную деятельность на политической сцене вели леворадикальные силы, большевики и эсеры, численность которых к осени 1917 г. стремительно росла, а авторитет либералов (октябристов, конституционных демократов, трансформировавшихся в партию народной свободы), также стремительно падал. Левые партии, действовавшие в Северокавказском регионе, включая и Ставрополье, оказывали революционное влияние на иногороднее крестьянство, и горскую бедноту, призывая их к захвату и разделу частновладельческих, а также казачьих земель. Общественно- политическая обстановка на Тереке, Кубани и на Дону постепенно накалялась. Крестьянство, в первую очередь иногороднее требовало пересмотра арендных отношений с землевладельцами, скорейшего решения аграрного вопроса в свою пользу. Донское казачье войско выступало против радикального решения аграрного вопроса. Казакам хотелось сохранить свою самобытность, земельные права, а также, что немаловажно - свое сословное самоуправление. Идея сохранить войсковые земли, капиталы, промыслы прослеживалась на многих станичных сборах, в частности собрании казаков Ростова и Нахичевани, проходившем 8 апреля 1917 г. в Ростове. В одном из докладов, предложенных собранию и опубликованных в областной общественно – политической газете «Ростовская Речь» говорилось «… Казачество находится во власти исторических традиций. Оно имеет свои особенности, завещанные ему историей, и оно имеет право на общественно-правовую ячейку (автономию)…» [3]. Подобным содержанием отличалась резолюция Донского Войскового казачьего съезда, на котором присутствовали выборные от всех станиц Области, который проходил в конце апреля 1917 г. в Новочеркасске. В ней отмечалось: «Самобытность Донского казачества, уклад жизни его на основах исторических казачьих вольных традиций, требует сохранения за казаками неотъемлемого права собственности на юртовые, войсковые земли, составляющие неприкосновенное историческое достояние казачества…» [1].

В мае 1917 г. Большой Войсковой Круг создал Донское войсковое правительство во главе с генералами А. М. Калединым и М. П. Богаевским. Войсковое правительство обеспечивало интересы казаков на местах, поддерживало самоуправление казачьих станиц, выступало против захватов войсковых земель. Оно допускало участие в создаваемых советами крестьянских депутатов земельных комитетах представителей от казачьего населения, но не признавало компетенции этих комитетов в отношении юртовых, войсковых земель. Круг провозгласил о своем областном верховенстве, противопоставив себя ДИКу (Донскому исполнительному комитету) и Советам, которыми руководили представители социалистических партий. Круг заявил об исключительном праве донских казаков на войсковые земли. Все леса водные хранилища, рыбное хозяйство, недра земли объявлялись владением Войска. Таким образом, казачье самоуправление, (казачий круг), опиравшееся на Войсковое правительство и его вооруженные формирования (казачьи полки) являлось фактором стабильности и относительного спокойствия на Дону. С конца августа – начала сентября 1917 г. на Юго-Восток Европейской России по распоряжению военного ведомства были переброшены надежные части, полки «дикой дивизии», участвовавшие мятеже генерала Л. Кор-

нилова, оружие и боеприпасы. Одновременно по настоянию А. М. Каледина оттуда выводились революционные части и расквартировывались казачьи войска» Таким образом, одновременно с созданием горских автономий, шел процесс казачьей «самостийности». Кульминацией его было создание Конфедерации представителей казачьих войск и горских народов. На съезде конфедерации, проходившем в сентябре 1917 г. в Екатеринодаре было заявлено о создании «…сильной власти, самостоятельного казачьего государственного образования – Союза Юго – восточных автономных и федеральных областей…» [2]. Союз просуществовал непродолжительное время. В условиях социально экономического кризиса, неопределенности перспектив развития, организация общего всесословного областного управления на Дону и в казачьих районах Северного Кавказа не удалась. Обострялась борьба двух властных структур – Войскового правительства и Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Негативное дестабилизирующее влияние на казачество оказывали большевистски настроенные казаки, прибывавшие на родину с фронта.

Весной – летом 1918 года казачьи области Юга России становились базой формирования Белого движения. При этом горцы в первое время ориентировались в основном на большевиков, а казаки – выступали как независимая военно-политическая сила, выступавшая против советизации своих территорий. Горские народы вступали в конфликт с терскими и кубанскими казаками из-за земель, которые считали своими родовыми. Однако с усилением советской власти, провозглашения ею в январе 1918 г. «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» [6, с. 128], горская национальная элита, потеряла надежды укрепиться в рамках РСФСР, провозгласила курс на выход из Советской России и создание собственных национальных государств. Казачество, как независимая военно-политическая сила, выступало против советизации своих территорий. Впоследствии это определило характер противостояния на Северном Кавказе и, во многом, его конечный исход. Большевики же использовали местные национальные движения лишь с целью упразднения горской независимости. Так, Горская республика (с мая 1918 года – Республика горцев Северного Кавказа, РГСК), включившая значительную территорию от Абхазии до Дагестана, провозглашенная в ноябре 1917 года, уже в марте 1918 г. подверглась давлению со стороны Советов, а её правительство бежало из Владикавказа в Тифлис. В результате большевики и сочувствующее им население, провозгласили Терскую советскую республику на Кавказе. Впоследствии таким же образом большевики поступили с независимыми республиками Закавказья. Закавказские политики объявили о создании Закавказской Демократической Федеративной Республики.

Таким образом, события, происходившие в России в 1917 г. и те предпосылки социально-экономического и политического характера, которые складывались в стране накануне, вылились в острый общенациональный кризис, повлекший за собой революции и вооруженное противостояние, межнациональные конфликты. Тем не менее, национальные движения на Кавказе являлись феноменом и первым, хотя и неудачным в 1917–1920 гг. опытом национально-государственного строительства горцев Кавказа

Источники и литература

1. Вольный Дон. 1917. 26 апреля.

2. Вольная Кубань. 1917. 6 сентября.

3. Ростовская речь. 1917. 11апреля.

4. Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв. Центр славян. Исследований. Вып. 5. Издательство: Материк. –М., 2004. – 208 с.

5. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2013. – 290 с.

6. Сборник официальных документов по советскому государственному праву. – М.: Юрид. Лит., 1964. – 520 с.

7. Участие Турции в Международном признании Союза Объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана в 1918 г. // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Выпуск II: сборник научных статей. – Ставрополь: изд-во СКФУ, 2016. – 306 с.

8. Цимбаев Н. И. Россия и русские (национальный вопрос в Российской империи) // Русский народ: историческая судьба в XX веке. – М., 1993. – 339 с.

Е. Н. Стрекалова
(г. Ставрополь)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1920-е ГОДЫ

Двадцатые годы XX века для истории России стали одним из важнейших рубежных моментов, совершенно изменились политические, духовные, экономические, социокультурные условия жизни общества. На Северном Кавказе в феврале–марте 1920 г. завершаются важнейшие бои с деникинской армией, создаются ревкомы, что символизировало окончание Гражданской войны и переход к советской эпохе. Интеллигенция включилась в преобразования социокультурного пространства.

Яркое подтверждение – протокол Медвежинского уездного учительского съезда Ставропольской губернии уже от 30 апреля 1920 г. Съезд выразил надежду, что интеллигенция вообще, а учительство в частности, не будут в данный момент на стороне врагов народа, а станет его авангардом в борьбе с «невежеством и народной темнотой» [3, л. 1–2]. Последние слова это и есть главная причина сотрудничества с новой властью. Конечно усталость от войны мировой и гражданской, хаос, обнищание страны были также вескими факторами. Многими из представителей интеллигенции двигала не коммунистическая идеология, а желание преобразовать общество, свою страну и реальные шаги Совнаркома в деле создания трудовой советской школы, вовлечением в образование детей низов общества, ранее не имевших такой возможности.

Преподаватели включились в дело ликбеза. К апрелю 1920 г. в Ставрополе организовано четыре школы грамоты для взрослых и предполагалось организовать еще несколько школ. Губернский отдел народного образования распорядился немедленно приступить к организации школ для взрослых, использовать летний период для их активной организации, подборки учительского персонала, заготовке учебников. Программу предполагалось приблизить к программе «нормальной» трудовой школы второй ступени, но рассчитанной на более быстрое изучение в течение 2 лет и дающей знания, пригодные для поступающих в университеты [2, л. 49].

Испытания Гражданской войны заставило многих представителей интеллигенции из двух зол выбрать меньшее и многие шли на сотрудничество с советской властью. Так, в Ставропольский губернский отдел народного образования входили видные представители интеллигенции города, многие из которых десятки лет работал в школах и иных культурно-просветительных учреждениях Ставрополя. И. К. Савельев, А. Н. Смирнов, П. И. Ястребов много лет с 1912 г. преподавали в Ставропольском учительском институте и теперь работали учителями в советских школе 2-й и 3-й ступени. Последний много лет был и председателем учительского института. Б. К. Крамаренко заведовал школьным подотделом высшего губернского органа в области образования и был председателем школьного совета Александровской и Ольгинской гимназий, ставших школами 2-й ступени по советской образовательной реформе. В. А. Васильев совмещал руководство секцией изобразительного искусства в Губотнаробре и работу в оркестре 1-ого советского театра. Известный специалист музейного дела в регионе Г. К. Праве возглавлял музейную секцию губернского отдела народного образования и созданный им музей [3, л. 45–46].

Все четырнадцать сотрудников были совместителями, и председатель Губотдела народного образования Мария Вальяно обращалась с просьбой в отдел труда и соцобеспечения об утверждении их в должностях, в противном случае работа Губотнаробра, школ и органов культуры, где работали указанные лица, была бы парализована. Созидательная работа по реформированию системы образования, расширению сети школ и других учебных заведений, учреждений культуры заставляла власть ставить прошлое представителей интеллигенции, их социальное происхождение на второй план. Большевистская политика в отношении интеллигенции с начала революционных преобразований к 1920 г. эволюционировала от неприятия и враждебности в отношении интеллигенции к заинтересованной благожелательной терпимости, обусловленной прагматической потребностью государства в интеллектуальном труде в разных областях экономики и культуры.

Масштабы «народной темноты» и предстоящей тогда работы становятся более понятными из доклада заведующего школьным подотделом Туркменского уездного отдела 11 мая 1920 г. Он сообщал, что дело народного просвещения в Туркменском уезде поставлено особенно плохо. Причин к этому много, но главное из них то, что строительство народного образования в уезде приходиться

проводить заново. Оказывается, что в первое время революции население уезда – Туркмены почувствовали свободу, и «первой их реформой было изгнание учащих из уезда и второе – закрытие школ». В дальнейшем же, когда через уезд проходили войска, то школы, находящиеся без призора были совершенно разграблены, имущество расхищено, книжные учебные и ученические пособия уничтожены [4, л. 15].

В результате из 22 богатых, хорошо оборудованных школ функционировало только пять, здания которых так или иначе еще могли вмещать в себя учащихся. Занятия в оставшихся 17 школах не производились, и не могли производиться, впредь до их ремонта. Имеющиеся в уезде 18 школ «Медресе», в которых дети Туркмен учатся своему национальному языку – тоже не соответствуют своему назначению. В большинстве случаев «Медресе» помещаются в маленьких мазанках, почти лишенных света, но зато переполненных грязи. Обстановки никакой, учебников тоже. Обучаются детям национальному языку по Корану, учителя национального языка – духовные муллы. Работа уездного отдела образования в деле восстановления школ плодотворной быть не может, заключает заведующий отделом, вследствие отсутствия средств, необходимых материалов и самое главное – культурных работников [4, л. 16].

Интеллигенция в таких условиях, тем не менее, стремилась к качественной работе. В тяжелых условиях послевоенного времени многие мечтали о возможности продолжать свою работу на пользу своего народа в более менее «сносных условиях». В частности, глава школьного подотдела Б. К. Крамаренко просил выдать ему керосина для возможности разрабатывать по вечерам. Учитель В. Н. Россиков просил защитить от реквизиции «рабочее имущество»: письменный стол и шкаф с книгами по специальности [1, Л.10-31].

Надежды на то, что новая модернизация, в конечном счете, выведет страну на подлинно высокий уровень развития, внимание государства к передовым областям науки и техники, определили поворот на сотрудничество с советской властью. Уже в конце декабря 1917 г. возник Совет обследования и изучения Кубанского края [9, л. 7]. В числе его пяти учредителей было 3 инженера. Официальное признание, а затем превращение Совета в Научно – исследовательский институт (НИИ) было знаком высокой оценки творческой инициативы со стороны властей. В 1921 г. Научно-технические комитеты открылись в Новочеркасске, Ставрополе, Краснодаре, Владикавказе и Пятигорске [5, л. 1–3].

Горные богатства районов Северного Кавказа практически не исследовались до 1920 г. В Дагестане не знали о громадных возможностях и перспективах в развитии горного дела. Между тем Совет народного хозяйства республики надеялся, что ее благополучие будет зависеть от правильной постановки дела по разработке недр. Поскольку собственных резервов для проведения разведок в Дагестане не имелось, Дагэкономсовет пригласил геолога Д. Калицкого. В 1924 г. он обследовал Буйнакский и Махачкалинский округ в поисках нефти. Подобные работы в Берикейских нефтяных промыслах вел известный профессор Д. В. Голубятников [8, л. 741].

Для изучения геологических ресурсов Кавказского хребта в 1921–22 гг. ВСНХа организовал геологическую экспедицию в Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкесию, в которой участвовали специалисты из Москвы и Ростова. На эти цели только в Кабардино-Балкарии было выделено 27000 руб. золотом. Были выявлены запасы соли на горных озерах около Баталпашинска. Начатые в 1922 г. работы по их разработке, однако, остановились из–за прекращения финансирования и нехватки транспорта, продолжились только в 1930-е гг. [6, л. 33].

В 1920-е гг. благодаря интеллигенции была восстановлена система горных округов. Образованные Горский, Грозненский, Кубано-Черноморский и Пятигорский округа внесли значительный вклад в организацию производства. Специалисты Кубано-Черноморского горного округа способствовали восстановлению нефтяных промыслов Кубани, Майкопа и черноморских цементных заводов [10, Л. 223]. В Пятигорске инженеры горного округа в 1924 г. инициировали восстановление сейсмической станции, исследовали состав воды и грязей минераловодческих курортов [7, л. 7–46].

Итак, интеллигенция Северного Кавказа, как и провинциальная интеллигенция по всей России после окончания Гражданской войны, включилась в созидательную работу. Сотрудничество интеллигенции и власти строилось на взаимной заинтересованности. Со стороны власти оно определялось прагматической потребностью в специалистах, в интеллектуальном труде для реформирования системы образования, культуры, восстановлению промышленности. Интеллигенция, в свою очередь, между белым и красным режимом выбрав меньшее зло, надеялась на глубокие преобразования на пользу народа и постепенное смягчение политического режима.

Источники и литература
1. ГАСК.Ф.Р.-164. Оп. 1. Д. 6.
2. Там же. Д. 12.
3. Там же. Д. 16.
4. Там же. Д. 46.
5. ГАРО, Ф.Р. - 1019, Оп. 1, Д. 728.
6. Там же. Ф.Р. - 1681, Оп. 1, Д. 12.
7. Там же. Ф.Р. - 174, Оп. 1, Д. 36.
8. РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 85, Д. 190.
9. ЦДНИКК, Ф. 9, Оп. 1, Д. 463.
10. Там же, Ф. 5938, Оп. 1, Д. 34.

А. В. Танцевова, М. А. Власов
(г. Москва)

«ЖЕЛЕЗНЫЕ ЛЮДИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ»: МИИТОВЦЫ В БИТВЕ ЗА КАВКАЗ

Битва за Кавказ является не только одной из ключевых в ходе Великой Отечественной войны, но и одной из самых кровопролитных. Это была крупная оборонительно-наступательная операция советских войск на территории Кавказа и Закавказья, сыгравшая ключевую роль в достижении победы под Сталинградом. Кавказ представлял собой не просто важный сырьевой и продовольственный центр, но и являлся дорогой на Средний и Ближний Восток. Захват Кавказа был важен для противника, здесь находились большие запасы нефти и зерна, которые могли бы обеспечить армию и позволили вести дальнейшие военные действия на территории СССР. Немецкое командование рассчитывало выйти через Кавказ к морю и тем самым способствовать вступлению в войну на своей стороне Турции.

Большую роль в достижении победы советских войск в Битве за Кавказ и победы над фашистской Германией сыграл железнодорожный транспорт. Именно железные дороги стали главной транспортной артерией страны, обеспечивающей проход грузовых и санитарных поездов. С самого начала войны, Советское правительство было заинтересовано в пополнении высококвалифицированных кадров в сфере транспорта. Исключением не стал и железнодорожный транспорт. Работников в этой сфере готовил Московский институт инженеров транспорта НКПС СССР, ныне Российский университет транспорта (РУТ(МИИТ)). Он был основан еще в 1896 г., как Императорское Московское инженерное училище.

В годы войны Московский институт инженеров транспорта продолжал выпускать инженеров железнодорожного транспорта, оказывал практическую помощь фронту, ремонтировал вагоны, создавал бригады для обследования и ремонта железнодорожного полотна, тем самым содействовал скорейшему разгрому врага. С самого начала Великой Отечественной войны в здании МИИТа была сформирована 6-я дивизия народного ополчения Дзержинского района, в ряды которой вступили 300 миитовцев. Командиром взвода 6-ой дивизии народного ополчения был сотрудник МИИТа Б. В. Зылев, в последующем историк железнодорожного транспорта. В средине XX в. вышли его воспоминания «Народное ополчение Москвы» и «От Москвы до Берлина», являющиеся ценным историческим источником [1].

С самого начала войны студенты и работники института составили костяк спецформирований Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) – железнодорожных войск, обеспечивающих восстановление и бесперебойную работу железных дорог страны в годы войны. Предвоенный выпуск МИИТа проходил без защиты дипломных проектов, по укороченной программе. Выпускники сразу отправлялись на фронт. На плечи вчерашних студентов легла задача осуществлять быстрый ремонт и восстановление железнодорожного полотна в условиях военного времени и участие в боевых действиях.

Северо-Кавказская железная дорога была создана в начале 1920-х гг. с центрами в г. Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ) и в г. Ростове-на-Дону. В 1930-е гг. она была переименована в

Орджоникидзевскую железную дорогу, центром которой стал г. Орджоникидзе и в Ворошиловскую железную дорогу, с центром г. Ростове-на-Дону. Уже к концу первого года войны эти железные дороги стали прифронтовыми и на них была возложена сложнейшая задача – обеспечение Северной и Черноморской групп войск Закавказского фронта. Железнодорожники организовывали подвоз войск, вооружения, грузов снабжения, а также осуществляли эвакуацию раненых. Важной задачей была и дезорганизация железнодорожных перевозок противника. Важно было не допустить, чтобы враг воспользовался железнодорожными путями, поэтому при эвакуации разбирались и вывозились стрелочные переводы, автодрезины, станки, вагоны, подрывались мосты и сооружения.

Оборонительный этап Битвы за Кавказ стал серьезным испытанием для железнодорожников. Немцы продвигались по направлению к г. Орджоникидзе и г. Грозному, рвались к грозненской нефти. Уже к концу 1942 г. противник захватил значительную часть железной дороги до г. Орджоникидзе. В сложных условиях обороны, отступления и постоянных бомбежек железнодорожники продолжали снабжать фронт боеприпасами, военной техникой, продовольствием, оперативно вывозить раненных. Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 года и приказа НКПС СССР № 714 от 15 сентября 1943 года железная дорога имени К. Е. Ворошилова была переименована в Северо-Кавказскую железную дорогу [2, с. 195].

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом создал благоприятные условия для широких наступательных операций советских войск. С начала января 1943 г. советскими войсками было предпринято наступление на Кавказском театре военных действий. За один лишь месяц с боями было пройдено около 600 км от предгорий Кавказа до Краснодара, Ростова и Таманского полуострова. Одним из студентов МИИТа, служивших на Кавказе, был К. В. Матвеев. В 1939 г. он поступил в МИИТ на строительный (путейский) факультет. Сразу после призыва попал в город Монино в школу авиаспециалистов (ШМАС). В ней готовили специалистов по двигателям, приборам, вооружению и стрелков-радистов. Оттуда он и был призван на фронт. Воевал на Черноморском побережье в 347-ой истребительном полку [3, с. 134]. В 1942 г. его истребительный полк был направлен на Северо-Кавказский фронт.

Важнейшей частью Битвы за Кавказ были бои на Таманской земле. Для обеспечения военных действий и продвижения советских войск строилась железная дорога «Крымская – Тамань» (стройка № 99). Главным начальником стройки был А. А. Табилов, выпускник строительного факультета МИИТа 1925 года. Возведение данной железной дороги началось в 1942 г. В её строительстве участвовали 33 и 44 железнодорожные бригады. Протяженность дороги была 99 км. Железная дорога включала в себя 30 мостов, ряд разъездов, станций и являлась объектом для частых немецких бомбардировок [4, с. 123].

На Кавказе воевал и первый выпускник МИИТа, закончивший строительный факультет по специальности «инженер-мостовик», Б. В. Зылев. В августе 1942 г. он оказался на берегу Волги в составе 28-ой десантной армии Сталинградского фронта, в должности инженера-мостовика. Принимал участие в обороне участка железной дороги «Кизляр-Астрахань» в 110 км. Позже он вспоминал об одной из немецких бомбардировок: «Лежишь на земле и смотришь, как от самолёта отделяется чёрная точка, и кажется, что летит прямо на тебя. Но она ударяется в землю где-то рядом, пробивает верхний слой земли, и оттуда вертикально поднимается фонтан чёрной грязи» [5, с. 139]. Позже, в составе 36-й отдельной железнодорожной бригады Борис Зылев восстанавливал железнодорожные мосты на Крымском, Северо-Кавказском, Сталинградском и 2-м Украинском фронтах. Он спроектировал восстановление 50 железнодорожных мостов и как инженер осуществлял техническое руководство работами. Инженер Б. Зылев участвовал в восстановлении и постройке таких крупнейших сооружений, как мост через Волгу у Астрахани, мосты через Днепр у Кременчуга и у Черкасс, мост через Южный Буг [6]. Восстановление мостов проходило в кратчайшие сроки, что было необходимо для обеспечения снабжения быстро продвигавшейся Красной армии.

Внесли свой вклад миитовцы и в восстановительные работы железнодорожного полотна. Ведь именно по железным дорогам двигались грузовые и санитарные поезда, происходила перегруппировка войск. Действия 36 железнодорожной бригады является показателем высокого уровня подготовки выпускников МИИТа. Данная группа участвовала в восстановительных работах на железных дорогах и мостах на Северном Кавказе. Так же она, находясь в подчинении 28 десантной

армии Сталинградского фронта, участвовала в обороне 100 километров железной дороги «Кизляр – Астрахань». В ее составе были и студенты МИИТа И. И. Амплеев, В. Г. Пречистенский, Б. В. Зылев, В. Левринский, Е. Е. Овчинников, А. Менделеев [7, с. 456].

Уже с марта 1943 г. произошло увеличение перевозок на Кавказской железной дороге. По официальной статистике к 20 марта 1943 г. на Кавказский фронт по железнодорожным линиям прибыло более 5000 тонн топлива для военной техники, 148 вагонов с боевым запасом: припасы, оружие для солдат и другие материальные ресурсы [8]. В довольно короткие сроки в тяжелейших условиях была достроена Черноморская железнодорожная линия, позволившая открыть сквозное движение из Закавказья в Краснодарский край. Благодаря героическим действиям железнодорожных войск спецформирований НКПС и других работников дороги на участке Кавказская – Ставрополь в 1943 г. пошли первые поезда [9].

В обороне и освобождении Кавказа от немецко-фашистских захватчиков участвовало 28 миитовцев. В память о погибших в годы Великой Отечественной войны выпускниках и студентах МИИТа был сложен главным хранителем Музея МИИТа А. С. Володиным стих «Навечно в памяти»:

«Над памятью павших склоняем знамёна,
Вечная память вам, войны МИИТа,
И пусть имена их на плитах гранита,
Никто не забыт, ничто не забыто» [10, с. 637].

Самоотверженная работа железнодорожников имела огромное значение при обороне Кавказа, при его дальнейшем освобождении, так как позволила в кратчайшие сроки восстановить железнодорожное полотно и обеспечить необходимые перевозки для нужд фронта. Огромную роль в восстановлении искусственных сооружений и других железнодорожных объектов на направлениях наступления советских войск сыграли и выпускники и студенты МИИТа. Память об их подвиге сохраняет нынешнее поколение студентов Российского университета транспорта (МИИТ).

Источники и литература

1. Зылев Б. В. Воспоминания о народном ополчении третье издание (электронная версия). – М. 2016. Электронный ресурс [https://docplayer.ru/35577734-B-v-zylev-vospominaniya-o-narodnom opolchenii-trete-izdanie-elektronnaya-versiya-moskva-2016-g.html]. Дата обращения (10.09.2019).

2. «Память сильнее времени»: Воспоминания железнодорожников Северо-Кавказской магистрали о Великой Отечественной войне (1941-1945) / Под ред. начальника Северо-Кавказской железной дороги В. Н. Голоскокова. – М.: РЖД 2015. – 124 с.

3. Лёвин Б. А., Шульга В. Я. Миитовцы в Великой Отечественной войне. Сборник исторических очерков. – М.: МИИТ, 2005. – 160 с.

4. Лёвин Б. А., Шульга В.Я . Миитовцы в Великой Отечественной войне. Сборник исторических очерков. – М.: МИИТ, 2005. – 160 с.

5. Лёвин Б. А., Шульга В. Я. Миитовцы в Великой Отечественной войне. Сборник исторических очерков. – М.: МИИТ, 2005. – 160 с.

6. Помни и гордись // Транспорт России. 2015. 12 мая. Электронный ресурс http://www.miit.ru/portal/page/portal/miit/news?id_page=1818&id_pi_cpm=3&id_pi_mm=48&id_pi_mmc=64&id_pi_m2l=5&id_pi_rc=1819&id_pi_top=1265&cp_pa_rc=1&cp_p_rc=1&ct_mmc=2&curr_page_mmc=1&curr_page_rc=1&id_info_rc=140444&view_mode_rc=1.3&view_mode_top=1). Дата обращения (10.09.2019).

7. МИИТ на рубеже веков / МПС России. Моск. гос. ун-т путей сообщ. (МИИТ); [А. А. Артемов и др.]; Под общ. ред. Б. А. Левина. – М.: МИИТ, 2002. – 641 с.

8. Краткая хроника событий на Кубани в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Электронный ресурс [http://kulturakubani.ru/arhivi-kubani/vistavki/kratkaya-hronika-sobitij-na-kubani-v-godi-velikoj-otechestvennoj-vojni-1941-1945/1943-god]. Дата обращения (10.09.2019).

9. Краткая хроника событий на Кубани в годы Великой Отечественной войны 1941-1945.Электронный ресурс [http://kulturakubani.ru/arhivi-kubani/vistavki/kratkaya-hronika-sobitij-na-kubani-v-godi-velikoj-otechestvennoj-vojni-1941-1945/1943-god]. Дата обращения (10.10.2018).

10. МИИТ на рубеже веков / МПС России. Моск. гос. ун-т путей сообщ. (МИИТ); [А. А. Артемов и др.]; Под общ. ред. Б. А. Левина. – М.: МИИТ, 2002. – 641 с.

Сведения об авторах

Абаева Мадина Шамилевна, аспирант Северо-Кавказского института-филиала РАНХиГС.

Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна, доц., ст. науч. сотр., Лаборатория историко-этнологических исследований ЧР.

Айриян Радмила Сергеевна, канд. ист. наук, доц., зав. кафедрой зарубежной истории и международных отношений ИИМО, Южный федеральный университет.

Акобян Ашхен Атртаковна, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет.

Ангелова Милена Иванова, Юго-западного университет имени Неофита Рилского (Болгария).

Аникеев Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет.

Антошук Дарья Владимировна, соискатель, Северо-Кавказский федеральный университет.

Аргун Мальвина Родиковна, мл. науч. сотр., Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии Наук Абхазии (Республика Абхазия).

Ашигова Мария Федоровна, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет.

Ашуба Арда Енверович, канд. филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА (Республика Абхазия).

Бабенко Виталий Александрович, ведущий науч. сотр. ООО «Наследие».

Базиева Гульфия Джамаловна, ст. науч. сотр., Институт гуманитарных исследований- филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН.

Балаян Арам Валерьевич, соискатель, Северо-Кавказский федеральный университет.

Барабанова Анна Владимировна, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет.

Беликов Александр Павлович, д-р ист. наук, проф., Северо-Кавказский федеральный университет.

Беликова Татьяна Викторовна, канд. ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Бережная Виктория Александровна, директор Лабинского музея истории и краеведения имени Ф. И. Моисеенко.

Бобрышев Максим Сергеевич, студент магистратуры направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Бугай Николай Фёдорович, д-р ист. наук, проф., глав. науч. сотр. Института российской истории РАН.

Булыгина Тамара Александровна, д-р ист. наук, проф., Северо-Кавказский федеральный университет.

Васильева Нина Евгеньевна, студентка магистратуры направление подготовки Педагогическое образование, Северо-Кавказский федеральный университет.

Васькина Данара Сергеевна, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет.

Волковая Виктория Евгеньевна, студентка магистратуры направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Газданова Анастасия Викторовна, мл. науч. сотр., Российский этнографический музей.

Гегия Елана Геннадиевна, лаборант Отдела источниковедения, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА.

Гимбатова Мадина Багавутдиновна, д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.

Головашева Любовь Александровна, студентка магистратуры направления подготовки Педагогическое образование, Северо-Кавказский федеральный университет.

Гречкина Жанна Васильевна, канд. пед. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Гуренко Елена Николаевна, глав. науч. сотр., Историко-краеведческий музей имени Василия Родионовича Ясинова, с. Левокумское Ставропольского края.

Гурин Александр Георгиевич, студент магистратуры направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Дрей Ангелина Вячеславовна, студентка магистратуры направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Дударев Сергей Леонидович, д-р ист. наук, проф., Армавирский государственный педагогический университет.

Еремеева Анна Натановна, д-р ист. наук, проф., главный научной сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

Ермоленко Людмила Павловна, канд. ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Ерохин Алексей Михайлович, д-р социол. наук, проф., директор Гуманитарного института, зав. кафедрой философии, Северо-Кавказский федеральный университет.

Запорожцева Ольга Алексеевна, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет.

Захарченко Ольга Николаевна, ст. препод., Северо-Кавказский федеральный университет.

Зверева Людмила Алексеевна, канд. ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Зивенко Александр Александрович, студент магистратуры направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Зозуля Игорь Викторович, канд. ист. наук, канд. юрид. наук, доц., зам. директора по научной работе Гуманитарного института, Северо-Кавказский федеральный университет.

Игонина Екатерина Александровна, студентка магистратуры направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Ильичева Мария Владимировна, студентка магистратуры направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Исмаилова Алмаз Мусаевна, канд. ист. наук, доц., Дагестанский государственный университет.

Казаров Саркис Суренович, д-р ист. наук, проф., Южный федеральный университет.

Карташев Андрей Владимирович, д-р ист. наук, проф., начальник Центра изучения истории медицины, Ставропольский государственный медицинский университет.

Карташев Игорь Владимирович, науч. сотр. Центра изучения истории медицины, Ставропольский государственный медицинский университет.

Клычников Юрий Юрьевич, д-р ист. наук, проф., Лазарян Сергей Степанович, д-р ист. наук, проф., Пятигорский федеральный университет.

Книгина Елена Сергеевна, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет.

Колесникова Марина Евгеньевна, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Северо-Кавказского федерального университета.

Колкова Светлана Петровна, зав. Вознесенской детской библиотекой-музеем.

Колобова Ангелина Алексеевна, студентка магистратуры направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Колосовская Татьяна Александровна, д-р ист. наук, проф., Северо-Кавказский федеральный университет.

Кондрашева Алла Станиславовна, канд. ист. наук, доц., Пятигорский государственный университет.

Кононирова Наталья Анатольевна, сотрудник Научной библиотеки Северо-Кавказского федерального университета.

Коробкина Ирина Александровна, канд. ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Котлярова Варвара Тимофеевна, студентка магистратуры направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Краковская Мария Михайловна, студентка магистратуры направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Кривцов Александр Сергеевич, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет.

Кругов Алексей Иванович, канд. ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Крючков Игорь Владимирович, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет.

Кудрявцев Александр Абакарович, д-р ист. наук, проф., Северо-Кавказский федеральный университет.

Кузьминов Петр Абрамович, д-р ист. наук, проф. кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова.

Ломонов Алексей Иванович, студент магистратуры направления подготовки Педагогическое образование, Северо-Кавказский федеральный университет.

Лукин Всеволод Александрович, студент бакалавриата направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Любушкина Елена Юрьевна, д-р ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Маловичко Сергей Иванович, д-р ист. наук, проф., Государственный гуманитарно-технологический университет, Российский государственный гуманитарный университет.

Матвеев Владимир Александрович, д-р ист. наук, проф., Южный федеральный университет.

Матвеев Олег Владимирович, д-р ист. наук, проф. кафедры истории России Кубанского государственного университета.

Махота Марина Юрьевна, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет.

Медвенский Николай Игоревич, зам. директора, Государственный музей Боевой Славы им. В. Г. Ардзинба (Республика Абхазия).

Муратова Елена Георгиевна, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова.

Муха Елена Юрьевна, студентка магистратуры направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Назарова Ирина Михайловна, канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотр., Ставропольский государственный музей-заповедник.

Невская Татьяна Александровна, д-р ист. наук, проф., Северо-Кавказский федеральный университет.

Немашкалов Павел Григорьевич, канд. ист. наук, доц., Ставропольский государственный педагогический институт.

Ноздринов Владимир Викторович, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет.

Оборский Евгений Юрьевич, канд. ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Олейникова Екатерина Владимировна, студентка магистратуры направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Панарин Андрей Анатольевич, д-р ист. наук, проф., Армавирский государственный педагогический университет.

Пантюхина Татьяна Викторовна, канд. ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Перетятько Артем Юрьевич, канд. ист. наук, Южный федеральный университет.

Петрова Анна Петровна, студентка магистратуры направления подготовки Педагогическое образование, Северо-Кавказский федеральный университет.

Пимичева Анастасия Алексеевна, студентка магистратуры направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Пискова Марияна Ангелова, Юго-западный университет «Неофит Рилски», (Болгария).

Плохотнюк Татьяна Николаевна, д-р ист. наук, проф., Северо-Кавказский федеральный университет.

Покотилова Татьяна Евгеньевна, д-р ист. наук, проф., Северо-Кавказский федеральный университет.

Пономарева Мария Александровна, канд. ист. наук, зав. кафедрой Отечественной истории XX–XXI вв., Южный федеральный университет.

Прокопенко Юрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., Северо-Кавказский федеральный университет.

Птицын Андрей Николаевич, канд. ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Пчелинцева Наталья Дмитриевна, канд. ист. наук, науч. сотр. Отдел Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Пятунина Анастасия Александровна, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет.

Ристовска-Йосифовска Биляна, проф., Институт национальной истории (Македония).

Романова Нина Васильевна, канд. ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Рыкун Галина Николаевна, д-р ист. наук, проф., Северо-Кавказский федеральный университет.

Садченко Валентина Николаевна, канд. ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Салакая Сослан Шотаевич, канд. ист. наук, доц., Абхазский государственный университет (Республика Абхазия).

Скиданова Елена Андреевна, студентка бакалавриата направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Соловьева Любовь Тимофеевна, канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Отдел Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Состин Дмитрий Игоревич, канд. ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Стрекалова Елена Николаевна, канд. ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Судавцов Николай Дмитриевич, д-р ист. наук, проф., Северо-Кавказский федеральный университет.

Танцевова Анастасия Владимировна, канд. ист. наук, доц.; Власов Максим Андреевич, студент направления «Эксплуатация железных дорог», Российский университет транспорта.

Тахушева Инна Сарабиевна, аспирант, Северо-Кавказский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тельменко Елена Павловна, канд. ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Ткаченко Дмитрий Сергеевич, д-р ист. наук, проф., Северо-Кавказский федеральный университет.

Тонян Анаит Аслановна, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет.

Трапш Николай Алексеевич, канд. ист. наук, доц., директор Государственного архива Ростовской области

Тхамокова Ирина Хасановна, канд., ист. наук, ст. науч. сотр., Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН.

Уклеин Олег Васильевич, студент магистратуры направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Утина Яна Дмитриевна, студентка направления «История», Северо-Кавказский федеральный университет.

Хаширов Аскер Владиславович, студент магистратуры, Кабардино-Балкарский государственный университет.

Цвижба Лариса Исиновна, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН.

Черкасов Артем Игоревич, студент бакалавриата направления подготовки История, Северо-Кавказский федеральный университет.

Шавлаева Тамара Магомедовна, д-р ист. наук, глав. Науч. сотр., Отдел этнологии Института гуманитарных исследований АН ЧР.

Шафранова Ольга Ивановна, канд. ист. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет.

Щербаков Вячеслав Юрьевич, канд. ист. наук, доц., Южный федеральный университет.

Научное издание

К 100-летию со дня рождения
профессора В. П. Невской

История народов Кавказа: диалог культур, языков и религий

Материалы международной
научно-практической конференции

1–2 ноября 2019 г.

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Неговора

Подписано в печать 18.12.2019
Формат 60x84 1/16 Усл. п. л. 33,71 Уч.-изд. л. 33,15
Бумага офсетная Заказ 137 Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029 г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2